Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Центр экономической истории при Историческом факультете

Российская академия наук
Институт российской истории
Группа «Социально-экономическая история: экономика и общество»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕГОДНИК

2004

Москва
РОССПЭН
2004

ББК 63.3(2)5; 63.3(2)6—2; 65.9(2Рос); 65,9(43)
Э 40

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00307

Редакционная коллегия:
Л.И.Бородкин, Ю.А.Петров (ответственные редакторы),
Б.В.Ананьич, С.А.Афонцев, А.М.Маркевич, И.В.Поткина, А.К.Соколов, С.А.Саломатина (ответственный секретарь), *А.К.Сорокин*

Редактор научных переводов — *к.э.н. С.А.Афонцев*

Э 40 **Экономическая история: Ежегодник. 2004.** — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 599 с.

В шестом выпуске ежегодника представлены результаты новейших исследований по отечественной и мировой экономической истории. В сборнике опубликованы статьи, посвященные взаимоотношениям советского государства и ВПК в 1920-е гг., процессу становления советской кредитно-банковской системы в годы нэпа, принципам функционирования советской экономики на уровне отраслевых наркоматов и главков в 1930-е гг., взаимоотношениям американской компании Форда с советскими заказчиками в 1930-е гг. В ежегоднике опубликованы также результаты изучения благосостояния населения СССР в 1920-х — 1950-х гг. по антропометрическим данным.

Экономическая история дореволюционной России представлена статьями по истории дореформенного предпринимательства в Замосковном горном округе, коммерческого кредита во взаимоотношениях иностранных и российских купцов в XVIII в.; о деятельности российских предпринимателей в Финляндии; о политике государства в отношении частных железных дорог; о развитии банковской системы на примере филиальной сети дореволюционного Госбанка; о роли благотворительности в финансировании образования; по истории кооперативного движения. В ежегоднике затронут дискуссионный вопрос о «голодном» экспорте хлеба из дореволюционной России.

В сборнике также опубликованы статьи, посвященные анализу принципов формирования тарифной политики в России в 1990-е гг., неравенству доходов в Западной Европе в период раннего Нового времени.

Сборник рассчитан на историков и экономистов, а также всех, кто интересуется экономической историей.

© Коллектив авторов, 2004.
© «Российская политическая энциклопедия», 2004.

ISBN 5-8243-0576-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается шестой выпуск ежегодника «Экономическая история». Данная серия готовится к публикации Центром экономической истории (ЦЭИ) при историческом факультете МГУ и группой «Социально-экономическая история: экономика и общество» Института российской истории РАН.

Основная цель издания — публикация статей, характеризующих современный уровень развития исследований по экономической истории в нашей стране. В то же время редколлегия ежегодника стремится регулярно знакомить российских читателей с новейшими зарубежными исследованиями по экономической истории как России, так и остального мира.

Центральное место в данном выпуске ежегодника отведено стержневым проблемам экономической истории России, давшим названия и основным разделам: «Государство и экономика», «Аграрная история», «История предпринимательства», «История финансов и банков». В издании присутствуют также традиционные разделы, посвященные экономической истории современной России, зарубежных стран, а также дискуссионным проблемам современной науки.

Открывает сборник статья классика современной экономической истории, бельгийского ученого Германа Ван дер Вее «Способность к адаптации и рост: экономическая история в зеркале прошлого». Публикация представляет собой текст доклада, с которым почетный президент Международной ассоциации экономической истории выступил на открытии XIII Международного конгресса экономической истории в Буэнос-Айресе 22 июля 2002 г. Можно вполне согласиться с наблюдением ученого, что «никогда еще экономическая история не демонстрировала столь деятельного динамизма, как в наши дни, гораздо более тесно, чем ранее, взаимодействуя со множеством иных гуманитарных и социальных наук»*.

Однако эти междисциплинарные тенденции пока довольно слабо затронули отечественную экономическую историю, которая сохраняет приверженность традиционному историческому описанию прошлого. Вместе с тем в этом русле российские исследователи разрабатывают научные проблемы, которые в общемировой экономической истории однозначно признаются фундаментальными.

---

* См. С. 11.

Одно из таких исследовательских направлений связано с изучением влияния государства на экономическое развитие. Этой теме посвящен самый обширный раздел ежегодника, в котором данная проблема рассматривается на материале истории дореволюционной России, а также СССР периода нэпа и 1930-х гг. В частности, статья В.Л.Степанова посвящена широкомасштабному вторжению государства в сферу частного предпринимательства — установлению системы правительственного надзора в железнодорожном секторе дореволюционной России. Система надзора за доходами и расходами частных железнодорожных компаний способствовала утверждению в России «смешанной» (частной и казенной) системы железнодорожного хозяйства, которая оптимально отвечала условиям и потребностям страны.

В период новой экономической политики (нэп) государство было поставлено перед необходимостью решать совершенно другие задачи. В статье А.К.Соколова рассмотрена проблема взаимоотношений советского государства и военно-промышленного комплекса (ВПК) в 1920-е гг. Исследование нацелено на поиск ответа на главный вопрос: в какой степени интересы оборонного производства способствовали свертыванию нэпа, переходу к системе директивного планирования и становлению командной экономики сталинского типа? В итоге, по мнению автора, роль военных в отказе от новой экономической политики была если не решающей, то куда более значительной, чем считалось ранее.

Три другие статьи раздела «Государство и экономика» посвящены реалиям 1930-х гг., когда в СССР окончательно сложилась командная система управления экономикой, основанная на государственной собственности, «научном планировании» и централизованном ведении хозяйства. В последние годы не ослабевает интерес к изучению принципов функционирования этой системы, причем если раньше исследователи больше внимания уделяли работе высших советских и партийных органов власти, то в публикуемой в данном ежегоднике статье А.М.Маркевича положено начало изучению системы среднего уровня управления — отраслевых наркоматов и главков — на примере Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) и одного из подчиненных ему главков — Главного управления металлургической промышленности (ГУМП). Автор приходит к выводу, что деятельность руководителей среднего и нижнего звена управления чаще всего не соответствовала оптимальному решению поставленных центром задач и вела к чрезмерному расходованию ресурсов. Однако сложившаяся система управления промышленностью, несмотря на конфликт интересов руководителей разных уровней, все-таки обеспечивала в 1930-е гг. достаточно высокие темпы развития.

В статье М.Ю.Мухина, посвященной системе управления оборонной промышленностью СССР в предвоенное пятилетие, рассматривается поиск оптимальной системы организации ВПК, который завершился накануне Великой Отечественной войны формированием системы специализированных оборонных наркоматов.

Проблема столкновения интересов советского государства и иностранного бизнеса (в данном случае — американской компании Форда) затронута в статье Б.М.Шпотова, в которой прослежена история конфликта по поводу расчетов за оборудование для Нижегородского автозавода в 1931 г. Противоборствующими сторонами в нем оказались «Форд Мотор компани» и фирма «Амторг», подчиненная Наркомату внешней торговли СССР, через которую проводились расчеты по советским заказам в США. Несмотря на то что обе стороны остались недовольны друг другом, по мнению Б.М.Шпотова, операции компании Форда в Советском Союзе начала 1930-х гг. нельзя признать абсолютно неудачными. Компании удалось в период Великой депрессии загрузить свои производственные мощности и реализовать часть продукции. СССР же получил несравнимо большие выгоды от сотрудничества с Фордом, поделившимся с заказчиком передовыми технологиями автомобилестроения.

В разделе «Аграрная история» представлена статья о кооперативном движении на рубеже XIX—XX вв. (А.П.Корелин), а также затронут дискуссионный в отечественной историографии вопрос о «голодном экспорте» хлеба из России в тот же период (М.А.Давыдов). А.П.Корелин рассмотрел российскую кооперацию в переломное десятилетие ее истории — в 1895—1904 гг. В эти годы в кооперативном строительстве происходят заметные качественные сдвиги, обусловленные как постепенным углублением и расширением в стране товарно-денежных отношений, так и совершенствованием законодательной и нормативной базы, определяющей возникновение и деятельность кооперативов. Именно в этот период были заложены предпосылки для мощного подъема кооперативного движения в десятилетие перед Первой мировой войной, когда Россия по масштабам и темпам роста кооперативного строительства вышла на одно из первых мест в мире. Статья М.А.Давыдова посвящена опровержению давнего историографического постулата, согласно которому экспорт хлеба из России в пореформенный период осуществлялся в ущерб жизненному уровню российских крестьян. Тезис о «голодном экспорте» вышел из трудов народнических публицистов, не располагавших репрезентативной источниковой базой, а в советский период приобрел хрестоматийный характер. Между тем, по мнению автора, утверждение это не подтверждается данными российской дореволюционной статистики производства, экспорта и перевозок хлеба.

Традиционно одним из ведущих тематических блоков ежегодника является раздел по истории отечественного предпринимательства. Статьи этого раздела посвящены наименее исследованному периоду российской экономической истории — XVIII — первой половине XIX в. Н.М.Арсентьев рассмотрел дворянское дореформенное предпринимательство на примере металлургических предприятий Замосковного горного округа, где выделялись горнозаводские хозяйства Шепелевых, Баташевых, Мальцовых. По мнению автора, потенциал развития промышленности, заложенный

петровскими реформами, к концу XVIII в. иссяк. С началом эры машинной индустрии российская металлургическая промышленность перестала выдерживать конкуренцию с быстро развивавшейся металлургией западных стран. Главная причина застоя заключалась не столько в технической отсталости отрасли, сколько в феодально-крепостнических отношениях. Крепостной строй не мог обеспечить ни широкий рынок сбыта, без которого невозможна крупная машинная индустрия, ни соответствующие ей условия труда и уровень деловой культуры. Ситуация ставила горнозаводчиков и правительство перед необходимостью выбора: либо организация промышленности на европейский манер, для чего требовались кардинальные экономические реформы, либо сохранение петровской модели мануфактурного производства, что было чревато дальнейшим отставанием.

В статье В.Н.Захарова рассматривается terra incognita дореформенной экономической истории — коммерческий кредит во взаимоотношениях иностранных и российских купцов в XVIII в. При отсутствии частных коммерческих банков ссуды частным лицам под векселя стали основной формой кредитования в российской торговле XVIII в. В зависимости от состава заемщиков и условий сделок автор выделяет несколько типов кредитной деятельности иностранных купцов в России: кредитование русских купцов, являвшихся партнерами по торговому обороту; кредитование иностранных купцов, занимавшихся мелкой торговлей; выдача ссуд под вексель представителям дворянства, т.е. ростовщичество. Наконец, иноземцы специализировались на различных операциях с векселями, и их кредитная активность объективно служила предпосылкой становления частных коммерческих банков в России.

Новую тему в связи с историей отечественного предпринимательства поднимает статья Г.Н.Ульяновой, в которой рассмотрена роль благотворительности в финансировании системы образования в предреволюционной России. Благотворительные капиталы, по наблюдению автора, к началу XX в. стали составлять заметную долю в финансировании системы народного просвещения. По количеству полученных пожертвований среди всех российских учебных заведений лидировал Московский университет. Основными жертвователями благотворительных капиталов на образование были предпринимательские слои. Пожертвования предназначались на стипендии и пособия слушателями лекций и обеспечивали в начале XX в. возможность для обучения 10—15% студентов, главным образом выходцам из социальных низов.

Еще один новый сюжет, связанный с историей российского предпринимательства, представлен статьей известной финской исследовательницы Риитты Хьерппе, в настоящее время вице-президента Международной ассоциации экономической истории. На основе обработки новых финских источников и имеющейся литературы по экономической истории Финляндии автор проанализировала деятельность русских предпринимателей в Финляндии в 1800—1930-е гг. и пришла к заключению, что русское предприни-

мательство послужило важным стимулирующим фактором для многих отраслей финской экономики в XIX в. Его значение, тем не менее, серьезно снизилось уже во второй половине столетия, а после революции русские предприниматели в Финляндии были оттеснены на второстепенные роли.

Другой традиционный раздел ежегодника, посвященный истории финансов и банков, представлен статьями А.В.Бугрова и А.Л.Дмитриева. А.В.Бугров проанализировал развитие банковской системы в провинции на примере филиальной сети дореволюционного Государственного банка. К 1894 г. в провинции работало 96 постоянных учреждений банка, к 1913 г. их стало 134, однако намеченная программа «один город — одно учреждение Государственного банка» осталась нереализованной. Необходимо отметить, что провинциальное банковское дело дореволюционной России крайне слабо исследовано в отечественной историографии и публикация А.В.Бугрова, основанная на официальной статистике и архивных материалах Госбанка, вносит существенный вклад в изучение этой проблемы.

В статье А.Л.Дмитриева на примере истории кредитных учреждений Петрограда—Ленинграда проанализирована проблема становления советской кредитно-банковской системы в годы нэпа. Основным вопросом, стоявшим на повестке дня в начале 1920-х гг., по наблюдению автора, была дилемма: должен быть один банк или несколько? По мнению одних экспертов, следовало ориентироваться на единый Государственный банк. По оценке других, новому экономическому строю нужны были не столько банки, сколько «комитеты финансирования». Исходя из этого, считалось целесообразным наряду с центральным банком создать и другие кредитные учреждения, тесно связанные с органами управления основными отраслями народного хозяйства. Эта точка зрения позже взяла верх, что привело к возникновению в 1920-х гг. системы специальных банков, история которых детально прослежена в данной статье.

По сложившейся в последнее десятилетие традиции изучение постсоветской России находится в компетенции преимущественно экономистов и социологов. В шестом выпуске ежегодника публикуется статья экономиста С.А.Афонцева, посвященная анализу экономико-политических механизмов формирования тарифной политики в России в период 1992—1997 гг. Автор приходит к выводу, что в эти годы тарифная политика в первую очередь обусловливалась политическими факторами, связанными со стремлением руководства страны поддержать стагнирующие отрасли промышленности, важной ролью тарифных поступлений в финансировании бюджетных расходов, а также явным влиянием лоббистов на принятие решений правительства. Однако даже в таких условиях у правительства были возможности для применения экономических рычагов для частичного преодоления диспропорций, вносимых внешнеторговой политикой в экономическую систему.

В разделе «Экономическая история зарубежных стран» публикуется статья Яна ван Зандена, известного голландского историка-экономиста, генерального секретаря Международной ассоциации экономической истории, лауреата премии Спинозы («Spinoza-award») 2003 г., которая является «голландским аналогом» Нобелевской премии. Статья представляет результаты исследования взаимосвязей между экономическим развитием и неравенством доходов в Западной Европе в период раннего Нового времени. Используя данные по Голландии, Италии, Великобритании и германским землям, автор показал, что до 1800 г. экономический рост сопровождался значительным увеличением неравенства. В XIX в., а в некоторых странах лишь после 1900 г. эта тенденция сменилась на противоположную. В итоге за прошедшие сто лет в Западной Европе уровень неравенства в распределении доходов и богатства заметно снизился.

В разделе «Дискуссии» опубликовано исследование Б.Н.Миронова, использующее антропометрический подход к изучению экономической истории России. В данной статье по антропометрическим данным изучается благосостояние населения СССР в 1920-х — 1950-х гг. Автор приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу о росте этого показателя в течение всего исследуемого периода, несмотря на непрерывное давление государства на жизненный уровень населения. Автор полагает, что данный факт объясняется постепенным увеличением душевого дохода семьи за счет перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения, произошедшего в СССР в основных чертах в 1920—1961 гг., резким ростом числа работающих женщин, социальной политикой государства (более равномерным распределением материальных благ между разными слоями общества).

Редколлегия надеется, что новый выпуск ежегодника экономической истории привлечет внимание специалистов в этой области и послужит координации исследований отечественных и зарубежных ученых. Мы надеемся на расширение круга авторов издания, особенно в связи с предстоящим в 2006 г. XIV Международным конгрессом экономической истории, который пройдет в Хельсинки. На страницах будущих ежегодников редколлегия рассчитывает опубликовать наиболее интересные материалы конгресса по экономической истории как России, так и зарубежных стран.

Редколлегия выражает благодарность Д.Филду (Сиракьюзский университет, США) за помощь в работе над выпуском.

Общие проблемы экономической истории

*Г. Ван дер Вее**

Способность к адаптации и рост: экономическая история в зеркале прошлого

(Выступление на открытии XIII Международного конгресса экономической истории, Буэнос-Айрес, 22 июля 2002 г.)**

Перефразируя широко известное выражение «клиометрическая революция мертва», которое Александер Филд в 1987 г. привел в своей книге «Будущее экономической истории», я мог бы начать свое выступление с риторического вопроса: «Правда ли, что в 2002 г. экономическая история мертва (или умирает)?» При положительном ответе мое выступление оказалось бы коротким и ностальгическим. Однако, ознакомившись с программой XIII Международного конгресса экономической истории, а также глядя на оживленные и сияющие творческой энергией лица в аудитории, я склонен сделать противоположный вывод.

Никогда еще экономическая история не демонстрировала столь деятельного динамизма, как в наши дни, гораздо более тесно, чем ранее, взаимодействуя со множеством иных гуманитарных и социальных наук. При взгляде на превосходную и разнообразную программу конгресса и на многообразие научных дисциплин, представленных его участниками, остается только поражаться тому высокому уровню, который был достигнут в области экономической истории благодаря включению в анализ множества новых аспектов социально-экономической реальности, а также благодаря вопросам, зародившимся в сфере других гуманитарных и социальных наук.

Однако, прежде чем высказать свои соображения относительно настоящего и будущего экономической истории, я хотел бы подытожить ее прошлое, представив краткий обзор ее возникновения в XIX столетии, развития в межвоенный период и прорыва, произошедшего после Второй мировой войны. Заранее прошу извинить, если я буду слишком краток и в связи с этим мой подход окажется упрощенным и избирательным.

Как и многие отпрыски музы Клио, экономическая история обрела свои очертания еще до официального рождения. Выдающиеся авторы эпохи меркантилизма, например, строили свои доктрины на основе экономико-исторических данных, положив нача-

---

* Герман Ван дер Вее — профессор Лувенского университета (Бельгия), почетный президент Международной ассоциации экономической истории.

** Перевод с английского А.Ю.Петрова.

ло, как позже определил это направление Карло Чиполла, «протоэкономической истории». Адам Смит был первым современным ученым, который систематически применил экономическую историю в качестве аналитического инструмента. Для него критическое историческое изучение меркантилизма было родом лаборатории, в стенах которой он, пользуясь индуктивным методом, смог создать каркас теории свободной рыночной экономики, более эффективной, по его мнению, чем та, которая была основана на принципах меркантилизма. Последователи Смита позже развили идеи классической экономической теории, но лишили новую теорию исторического измерения. Они предпочли конструировать элегантные модели всеобщего равновесия, в которых отсутствовали какие бы то ни было ссылки на историческую реальность. Заметным исключением был Альфред Маршалл, хотя его обращение к экономической истории отличалось эклектизмом, будучи ориентировано на то, чтобы иллюстрировать или пояснять теоретический анализ.

В середине XIX в. немецкие экономисты отвергли дедуктивный подход английских экономистов-классиков, основав свою историческую школу. На взгляд сторонников этой школы, индуктивный метод, базирующийся на экономической истории, был единственным — а потому необходимым — инструментом для получения адекватных теоретических построений в экономической науке. Отдавая приоритет институциональному анализу, немцы сконцентрировали усилия на изучении исторических изменений экономических институтов и систем, разрабатывая концепции экономического развития (так называемые «теории стадий»). Вернер Зомбарт и Макс Вебер впоследствии расширили масштаб применения теории стадий, добавив к экономическим социальные и культурные аспекты. Наконец, Карл Маркс объединил индуктивный подход немцев с дедуктивным методом классической англо-саксонской школы. Научная репутация немецкой исторической школы на континенте была столь высока, что в конце XIX — начале XX в. многие молодые ученые отправлялись в Берлин, чтобы завершить свое образование на экономических семинарах, организованных по схеме, предложенной Леопольдом фон Ранке в 1833 г.

Изучая историко-экономическое развитие в таком систематическом аспекте, приверженцы и последователи немецкой исторической школы стали de facto отцами-основателями экономической истории. Но не будем забывать, что во второй половине XIX в. появилась и английская историческая школа, рождение которой стало реакцией на чересчур абстрактный и слишком дедуктивный подход экономистов-классиков. Влияние этой школы распространилось на США, где институциональные экономисты, такие как Торстен Веблен, начали активно осваивать область экономической истории и добились здесь широкого признания. Таким образом, англо-саксонская школа также внесла значительный вклад в становление экономической истории как самостоятельной научной дисциплины.

Конечно, ее возросшие с конца XIX в. успехи были также обусловлены и другими факторами. Марксизм, например, приобрел влияние среди интеллектуалов и в академических кругах, тем самым стимулируя интерес к проблеме экономического развития как важному направлению исторического анализа. Не менее значимым фактором стала индустриализация, которая происходила на широком пространстве Европейского континента и в США во второй половине XIX в. Экономический рост в странах, вступивших в индустриальную стадию, действительно создал благоприятный климат для изучения исторического контекста процесса индустриализации. Таким образом, уже до Первой мировой войны экономическая история превратилась в перспективную и респектабельную дисциплину гуманитарных и социальных наук, подтверждая свой статус все возрастающим числом студентов и ученых, созданием особых университетских кафедр, появлением множества специальных журналов, а также — уже после войны — организацией специализированных конгрессов.

В межвоенный период экономическая история продвинулась далеко вперед. Однако ученые сменили фокус своих исследований: сначала (в связи с разработкой количественной монетарной теории) в сторону экономических проблем, порожденных Первой мировой войной, таких как инфляция; позднее проявился интерес к сюжетам, вызванным мировым кризисом 1929—1932 гг., таким как проблемы деловых циклов и уровня заработной платы. В англосаксонском мире пионерами таких исследований выступили У.К.Митчелл и Йозеф Шумпетер; кроме того, необходимо упомянуть Франсуа Симиана и Эрнеста Лябрусса во Франции и Вальтера Хоффмана в Германии. Существовало убеждение, что историческая статистика может внести значительный вклад в углубление анализа. С этой целью Эдвином Геем и Уильямом Бевериджем в 1931 г. был образован Международный научный комитет по истории цен. Комитет сразу же приобрел влияние в научном мире, которое он сохранял и после 1930-х гг. Во второй половине XX в. умножилось количество публикаций рядов исторической статистики цен и заработной платы, а также иных квантитативных данных.

Две другие инициативы межвоенного периода оказали огромное воздействие на прогресс экономической истории в первые десятилетия после Второй мировой войны. Особого внимания в этом контексте заслуживает претенциозный проект создания Кембриджской экономической истории Европы, к работе над которым была привлечена международная команда исследователей, поставивших цель объединить экономическую теорию с историческим анализом. Первый том был опубликован в 1941 г., за ним в последующие десятилетия вышло множество других. Вторым важным начинанием стало основание в 1929 г. во Франции Марком Блоком и Люсьеном Февром журнала «Анналы экономической и социальной истории», в задачу которого входило представить новый тип социальной и экономической истории, возведя ее в ранг междисциплинарной науки и добившись ее более тесной интеграции

с проблематикой и методологией социальных исследований. Эта цель осталась актуальной и после Второй мировой войны.

К тому времени экономическая история стала одной из главных междисциплинарных областей экономической и исторической науки. Безусловно, реализация начинаний межвоенного периода была не единственным фактором, предопределившим успех экономической истории. Ряд инициатив *послевоенного времени* имел не меньшее значение. В этом отношении представители англосаксонского мира были бесспорными лидерами. Действительно, в первые десятилетия после войны они были главными новаторами как в экономической истории, так и в экономике. Общеизвестно, что «кейнсианство» стало законодателем мод в экономической науке того времени, а вскоре данную концепцию дополнили теории экономического роста и развития. Эти концептуальные перемены повысили интерес экономистов к долговременным процессам. Американцы первыми предложили историкам присоединиться к экономистам для проведения подобных исследований. Призыв был услышан. В ходе I Международного конгресса экономической истории в Стокгольме в 1960 г. проблемы индустриализации, человеческого капитала и технологических инноваций привлекли наибольшее внимание в работе секций по современной истории. Вскоре рамки исследований расширились, что поставило на повестку дня новые вопросы, например, такие: «Каковы преимущества и недостатки централизованной плановой экономики по сравнению со свободной рыночной экономикой применительно к проблеме ускорения экономического роста?»; «Как в исторических категориях можно объяснить долговременные региональные расхождения в темпах экономического роста на Западе?»; «Чем объясняется неравномерность экономического развития в мире?»; «Как можно определить связь между долговременным экономическим ростом и доходами?».

Последний вопрос был глубоко исследован Саймоном Кузнецом, который с этой целью начал использовать реконструированные национальные статистические данные. Проект Кузнеца, получивший крупный грант от Совета социальных наук, стимулировал масштабное движение в Европе и Америке по реконструкции национальных статистических баз данных с целью изучения долгосрочных тенденций экономического роста и его влияния на социальные и социо-институциональные процессы. Во Франции уже в 1961 г. Жан Марчевски с коллегами начал публикацию результатов своих исследований по реконструкции французских национальных счетов начиная с 1700 г. В 1962 г. в Англии Филлис Дин и У.А.Коул опубликовали всеобъемлющее исследование «Экономический рост Британии, 1688—1959», основанное на реконструированных данных национальных счетов.

Британский медиевист Муниа Постан разделял интерес ученых послевоенного периода к проблеме экономического роста и стал заметной фигурой в изучении долговременного экономического развития в период до 1789 г. Его неомальтузианский подход, на

протяжении долгого времени остававшийся моделью интерпретации экономического развития Европы в доиндустриальную эпоху, оказался в центре внимания и в конце концов привел к образованию Кембриджской группы по изучению истории населения и социальной структуры, которая вскоре приобрела известность своими публикациям по демографической истории Англии. Французские и немецкие медиевисты и историки раннего Нового времени, включая Жана Мевре, Пьера Губера и Вильгельма Абеля, присоединились к британцам, но сосредоточились преимущественно на изучении краткосрочных и среднесрочных демографических колебаний, рассмотрев также их влияние на социально-экономическую ситуацию. В то же время школа Анналов, возглавляемая Фернаном Броделем, распространила свое влияние не только на французских экономических историков, но и на историков всего континента и даже за его пределами. Сначала, вдохновляемые новаторской работой Броделя по истории средиземноморского региона, исследования (опирающиеся как на качественные, так и на количественные данные) сосредоточились на вопросах регионального экономического развития Европы в долговременной перспективе. Однако постепенно главенствующее положение в школе Анналов занял метод «глобальной истории», что стимулировало изучение так называемой «мировой системы, формировавшейся с XVI в.». Наиболее примечательными работами в этой области являются труды Эммануэля Валлерстайна.

С методологической точки зрения развитие экономической истории в межвоенный период и непосредственно после войны было отмечено значительными усилиями по использованию количественных методов и расширению сферы применения экономической теории. Однако использование статистических данных и экономической теории оставалось, по существу, описательным. Работы того времени по экономической истории можно разделить на три категории:

1) труды, в которых систематически публиковались количественные материалы из социально-экономических источников (такие, как публикации данных о ценах, заработной плате и денежном обращении; таможенной и демографической статистики, статистики производства и т.д.);

2) работы, в которых на основе вновь собранных или прежде опубликованных количественных данных и с помощью простейших статистических методов предпринимались попытки построить определенные интерпретации, хотя и чисто описательные;

3) исследования, которые сочетали экономическую теорию, статистические данные и качественные показатели с целью постановки четко сформулированной гипотезы, однако без систематической проверки полученных моделей.

В 1950-х гг. американские экономические историки инициировали четвертую категорию исследований в дополнение к трем перечисленным. В 1957 г. Альфред Конрад и Джон Мейер выступили с идеей «новой экономической истории», стремясь к строго-

му соединению экономической теории и исторических данных для того, чтобы выдвинуть четко сформулированную рабочую гипотезу, формализовать ее в виде математической модели и затем статистически проверить эту модель на основе существующего или вновь создаваемого массива количественных данных. Идея с энтузиазмом была воспринята группой молодых экономических историков, которые объявили о создании «клиометрики» как самостоятельной дисциплины экономической истории в США. Они институционализировали новое движение, создав «Клиометрическое общество», манифестом которого стала книга Роберта Фогеля «Железные дороги и экономический рост в США», опубликованная в 1964 г. Вскоре все важные проблемы американской истории стали полем деятельности клиометристов, полагающих, что новая методология приведет к полному пересмотру и реинтерпретации традиционных трактовок. Так называемая «клиометрическая революция» вовлекла в свою сферу Европу и другие страны по ту сторону океана, хотя на протяжении многих лет позиции клиометрического направления за пределами США оставались маргинальными. Однако с 1970-х гг. конгрессы Международной ассоциации экономической истории стали включать в программы секции по методологии, на которых преобладали американские клиометристы.

Ожидания, что клиометрика в скором времени станет главным течением в американской экономической истории, не оправдались. Множились критические отзывы по поводу «контрфактического» характера отдельных гипотез, их пренебрежения ролью социальных и культурных факторов в рыночных процессах, неуместности использования современной экономической теории для объяснения исторического развития, происходившего в условиях, сильно отличавшихся от тех, которые рассматриваются применяемой теорией. Однако «новая экономическая история» в США не ушла со сцены. Напротив, размежевавшись с основным направлением экономической истории, она сохранила своих приверженцев — небольшой круг специалистов в рамках экономических факультетов американских университетов. В Европе клиометрическое направление также не исчезло, хотя исторические факультеты университетов и многие факультеты социальной и экономической истории сохранили к нему недоверчивое отношение. В этих учебных подразделениях медиевисты и большинство историков Нового времени сочли пользу современной экономической теории весьма сомнительной, учитывая специфические особенности исторической ситуации в Европе. Тем не менее клиометрическая методология постепенно утвердилась в кругах экономических историков экономических факультетов европейских университетов. Показательным в этом отношении стало основание Европейской ассоциации экономической истории и периодического издания ассоциации в конце 1980-х гг. Более того, интерес американцев к экономической истории Европы подвигнул группу европейских экономических историков присоединиться к коллегам из США с целью ис-

пользования клиометрических методов в изучении истории Европы. Поэтому с середины 1980-х гг. клиометрическое направление получило развитие, в частности, во Франции, Англии, Италии, Испании и странах Скандинавии.

Новаторский характер американской «новой экономической истории» стимулировал поиск путей методологического реформирования остальных отраслей дисциплины, хотя в большинстве случаев новаторы воздерживались от использования методов формального моделирования и статистического тестирования, используемых сторонниками «новой экономической истории». Действительно, реформаторы, не принадлежавшие к клиометрическому направлению, предпочитали обновлять свой аналитический и теоретический инструментарий, опираясь скорее на исторический опыт, нежели на построение и верификацию своих гипотез. Экономические концепции и теории использовались в полном объеме, но в неформализованном виде и часто строились на основе индуктивного метода, будучи напрямую связаны с историческим опытом, приобретенным в процессе исследования. В своей работе новаторы систематически применяли некоторые концепции и теории других социальных наук, включая экономическую социологию и экономическую антропологию; многие из них, например, вдохновились идеями Макса Вебера и Талкотта Парсонса. Тремя областями экономической истории, в которых это особое новаторское движение проявилось в полной мере, стали «новая институциональная экономическая история», «новая история предпринимательства» и «новая городская история». Дуглас Норт, который изначально был клиометристом, перенес фокус исследования экономического роста на институциональные аспекты экономического прошлого, придя к выводу, что институты, защищающие права собственности и обеспечивающие снижение трансакционных издержек, являлись решающими факторами в истории экономического роста. Институциональный подход Норта к объяснению макроэкономических феноменов привлек внимание многих ученых. Альфред Чандлер-младший, со своей стороны, соединил кропотливое историческое исследование отдельных промышленных предприятий с глубоким анализом теории фирмы и транснациональной корпорации. Его основной тезис о том, что система менеджмента и организация бизнеса являлись определяющими факторами успеха и распространения западного капитализма, вскоре стал краеугольной идеей истории предпринимательства и вдохновил таких ученых, как Джеффри Джонс, и многих других на применение аналогичного метода для изучения международного банковского дела. Если предыдущие инновации были скорее американским, нежели европейским, феноменом, то «новая городская история», напротив, была в равной степени творением и европейцев, и американцев. В Европе такие ученые, как Х.Дж.Диос, настаивали на том, что городская история должна подняться с локального уровня до анализа ее типологии, активно используя сравнительно-исторический метод. Американские ученые под влиянием социо-

логов первоначально придерживались скорее междисциплинарного подхода; позднее они также сделали акцент на теоретическом анализе и количественных методах исследования.

Тем временем новые черты приобрела и экономическая история в целом. Во-первых, дисциплина преодолела традиционные границы Европы и Северной Америки и прочно укоренилась в Австралии и Новой Зеландии, а вслед за тем и во многих странах Латинской Америки и Азии. Во-вторых, впечатляющий прогресс смешанной экономики на Западе в 1950—1960-х гг. сопровождался озабоченностью по поводу негативных последствий экономического роста для состояния мировых запасов сырья и топливно-энергетических ресурсов. Возникла и угроза неблагоприятного экологического воздействия экономического роста на окружающую среду, возрос разрыв между промышленно развитыми странами и остальным миром. Оба фактора — географическое распространение экономической истории как научной дисциплины и растущее беспокойство относительно перспектив развития мировой экономики — оказали существенное воздействие на тематику исследований в экономической истории. В частности, увеличилась доля работ, посвященных истории стран за пределами Европы и Северной Америки (в частности, стран Латинской Америки и Азии). Наряду с расширением географического охвата наметился рост исследований по новой и новейшей истории за счет уменьшения доли работ по средневековой и ранней Новой истории, которые традиционно были сосредоточены на вопросах экономического развития Европы.

Третья новая фундаментальная тенденция была связана с обновлением тематики исследований. Беспокойство по поводу ряда аспектов современного мирового развития привело к включению в исследовательские программы новых вопросов, которые с середины 1970-х гг. заняли место в повестке Международных конгрессов экономической истории. Вот лишь некоторые наиболее характерные примеры новых тем: «Нефть в мировой экономике», «Типология колониального экономического развития», «Займы, долги и экономическое развитие в XIX и XX столетиях», «Экологическая история». Переориентация исследований с учетом вновь возникших направлений продолжилась в 1980-е и 1990-е гг., когда экономические историки начали рассматривать экономическое развитие как часть более комплексного целого, в котором ментальные, культурные и социо-институциональные факторы являются не менее важными для понимания и интерпретации реальности, чем собственно экономические факторы. Такие темы, как «Кинематограф: отрасль на перекрестии экономики, политики и искусства», «Гендерная и трудовая миграция», «Суды как экономический институт» или «Болезни, развитие и медицина в современной Азии», иллюстрируют расширение границ экономико-исторических исследований.

Дифференциация тематики исследований пошла далее, когда экономические историки обратились к систематическому изуче-

нию микроистории и истории уникального и особенного. Многие ученые заинтересовались экономическим опытом отдельной личности, уникальностью отдельных экономических событий и нарративной историей, например, биографиями и описанием небольших социальных групп или индивидуальных предприятий, принеся в жертву новому направлению макроисторию вместе с аналитическим и теоретическим подходом. Они предпочли структурной интерпретации скрупулезное изучение специфических, нетипичных, идиосинкразических случаев. Многие поэтому оставили занятия макроэкономической историей и сконцентрировались на изучении отдельных домашних хозяйств, карьеры конкретных менеджеров (мужчин и женщин), отношений между индивидуальной историей рабочих и структурами рынка рабочей силы, на микроисследованиях с акцентом на демографических изменениях, вызванных неблагоприятной экономической обстановкой, и т.д. В этом контексте особое внимание должно быть уделено увеличению в 1980—1990-х гг. числа монографий в области истории предпринимательства и банковского дела. Сам по себе переход от макро- к микроистории следует рассматривать параллельно с переносом акцентов с макро- на микроэкономику, произошедшим в 1980-х гг. в экономической науке под влиянием успеха неолиберальной теории и политики. Пришло время для возрождения экономической теории предложения, реабилитации «шумпетеровского предпринимателя» и «славного торговца» Джона Хикса. Подход с точки зрения национальной экономики, основанный на предпосылке интенсивного государственного вмешательства в экономическую жизнь, уступал место подходу с позиции глобальной мировой экономики, базирующемуся на идее творческой деятельности индивидуальных предпринимателей.

* * *

Этот поневоле краткий обзор современных тенденций в исследованиях экономических историков подводит меня к последней части моего выступления. Какие последствия будут иметь тематические и методологические перемены для будущего развития экономической истории?

Что касается изменений в тематике исследований, то развитие событий в Европе свидетельствует, что политика, основанная на принципах неолиберализма, в ближайшее время уступит место курсу, предусматривающему более интенсивное вмешательство со стороны государства в экономическую жизнь. Главную причину данного сдвига, как это ни парадоксально звучит, следует искать в самой неолиберальной политике. Сохранение этого политического курса в условиях нынешней все более усложняющейся глобальной мировой экономики, безусловно, приведет к возрастанию активности как национальных, так и международных государственных структур с целью, с одной стороны, поддержать предпринимательскую динамику, а с другой — избежать неприемлемых

злоупотреблений. Современный акцент на микроэкономике, таким образом, способен вновь пробудить интерес к макроэкономической теории. В связи с этим в экономической истории ожидается рост числа исследований по макроэкономической проблематике. Мое мнение, безусловно, является субъективным и базируется на собственном опыте изучения европейской истории, который привел меня к выводу, что экономическая политика, экономическая теория и экономическая история тесно взаимосвязаны и смена исследовательской тематики происходит в соответствии с изменениями общественной оценки экономической деятельности государства, приводя в итоге к переориентации партийных программ.

Что касается методологических новаций, то в ближайшем будущем не следует ожидать революции в этой области, которая превзошла бы «клиометрическую». Клиометристы будут продолжать двигаться по намеченному пути, равно как и прочие группы экономических историков, которые не желают следовать этому направлению в своей методологии анализа. Однако у меня есть предчувствие, что данные группы, даже те из них, которые сохранят интерес к микроистории, при конструировании гипотез и анализе эмпирических данных в дальнейшем будут более активно прибегать к использованию концепций и теорий из области социальных наук, в особенности к экономической социологии и антропологии. Они также расширят применение в своих исследованиях количественных данных и статистических методов с целью улучшения качественного и аналитического уровня своих работ, как это справедливо отметил Жан-Франсуа Эк в недавно вышедшем французском издании книги «Куда идет экономическая история?» (под редакцией Доминика Баржо). Революция, ознаменованная появлением персональных компьютеров и гигантским прогрессом последних лет в области создания баз данных, проявилась в том, что процесс получения статистических данных отдельным исследователем значительно упростился, и этот факт, конечно же, будет способствовать расширению и интенсификации квантитативного анализа.

Однако в своих будущих исследованиях экономические историки будут продолжать сталкиваться с двумя основными методологическими проблемами. Возникновение первой вполне закономерно при обращении к концепциям и теориям, заимствованным из других социальных наук, в частности из экономической науки. Неоклассическая теория, например, исследует распределение ресурсов в условиях полной информированности и отсутствия трансакционных издержек, сводя проблему экономической динамики к изменениям относительных цен. На мой взгляд, при формулировке и спецификации гипотез было бы некорректно обращаться к этой теории без какой-либо критической оценки экономической ситуации недавнего прошлого и экономики доиндустриальной эпохи. Тем не менее экономический анализ и даже современная экономическая теория представляют собой превосходный инструмент, способный помочь экономическому историку организовать

исследование и задать корректные вопросы относительно экономической жизни прошлого. Более того, как отметил Петер Кляйн, неоклассический анализ не запрещает экономисту или экономическому историку принимать во внимание исторические условия при осмыслении эмпирических данных. Действительно, экономическая история содействует определению степени обоснованности экономических обобщений и остается прекрасной базой для проверки экономической теории. Таким образом, когда экономический историк использует современную экономическую теорию для постановки новых вопросов и когда на основе эмпирического исследования он приближает свои предположения и окончательные теоретические заключения к исторической реальности, его рабочая гипотеза становится более обоснованной, а его анализ и интерпретация причинно-следственных связей — более убедительными. В этой связи я рад заметить, что в последние годы многие экономисты, в особенности сторонники институционального подхода, все чаще включают в свой анализ историческую перспективу, прилагая усилия для приближения своих теорий и концепций к реальности. Подобное наблюдение относится, по сути, и к использованию статистических данных при формулировке, анализе и проверке исторических гипотез. Это и есть вторая методологическая проблема, с которой сталкивается экономический историк. Статистические базы данных прошлого часто не обладают тем уровнем точности и репрезентативности, которым отличается современная статистика. Историческую статистику следует поэтому адаптировать с учетом дефицита имеющейся в распоряжении исследователя квантитативной информации. По этому поводу я также рад констатировать, что в последние годы статистическая наука добилась значительных успехов в этом отношении.

Сделанные мною замечания касаются методологического прогресса в области структурного анализа. Однако историческая реальность является гораздо более сложной, чем может отразить структурный анализ. Реальность есть сочетание «структуры» (необходимости), «шанса» (риска) и «созидательных действий отдельных лиц или групп людей» (человеческой свободы). Последний вопрос, на котором я хотел бы остановиться, заключается, таким образом, в том, до какой степени в ближайшем будущем экономическая история сможет помочь прояснить столь сложную глобальную реальность.

Прежде всего, прогресс в области аналитической методологии в том направлении, о котором я говорил выше, вне всякого сомнения, поможет объяснить реальность в той мере, в какой она носит структурно обусловленный характер. Во-вторых, то же самое можно сказать о воздействия «риска» на реальность. Прогресс в области теории вероятности и теории игр, а также усилия по применению этих теорий к специфическим условиям исторической ситуации сделают прошлое более понятным и повысят качество и адекватность исторических интерпретаций. Наконец, научный прогресс, достигнутый в области микроэкономики и микроисто-

рии за последние два десятилетия, значительно повысил уровень наших знаний о воздействии «человеческой свободы» на экономическое развитие и общество в целом. Заимствуя теоретические подходы из других социальных наук и наук о поведении, а также гуманитарных наук в целом, микроэкономика и микроистория стараниями отдельных ученых и научных коллективов содействуют более полному осознанию того творческого вклада, который вносят в экономико-историческую реальность отдельные личности и группы людей, реализуя принцип «человеческой свободы». Если эту прогрессивную тенденцию в микроэкономике и микроистории удастся объединить с прогрессом, который ожидается в области макроэкономики и макроистории, мы сможем осветить наиболее сложные моменты экономико-исторической реальности гораздо успешнее, чем прежде. В этих условиях экономические историки могли бы сыграть роль пионеров модернизации и повышения уровня научных исследований мировой социальной науки.

Государство и экономика

*В.Л.Степанов**

Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в.)[1]

История строительства и эксплуатации железных дорог в дореволюционной России неоднократно рассматривалась в научной литературе[2]. Особый интерес вызывают реформы 1880-х — начала 1890-х гг., которые привели к резкому расширению государственного вмешательства в развитие железнодорожного хозяйства. В официальном издании Комитета министров подчеркивалось, что «железнодорожная политика императора Александра III представляет строго выдержанную систему, широко задуманную и неуклонно проведенную на практике. В основание этой системы была положена идея *единовластия* (курсив источника. — *В.С.*) в заведовании железнодорожном делом во всем его объеме»[3].

Новый курс проводился в русле общего укрепления протекционистских тенденций в экономике, которые выразились также в ужесточении надзора за частным предпринимательством, усилении таможенной охраны, расширении казенного кредитования частных предприятий и банков, введении винной монополии и др. В 1885 г. был утвержден Общий устав российских железных дорог, выработанный возглавляемой членом Государственного совета Э.Т.Барановым межведомственной Комиссией для исследования железнодорожного дела в России (1876—1884 гг.)[4]. Этот акт установил единые юридические нормы эксплуатации железнодорожной сети, регламентировал деятельность и отчетность транспортной администрации, порядок перевозок людей и грузов. При Министерстве путей сообщения учреждался Совет по железнодорожным делам, в состав которого, кроме чиновников разных ведомств, входили представители торговли, промышленности и частных железных дорог.

В дальнейшем преобразование железнодорожного хозяйства осуществлялось по нескольким направлениям: 1) мероприятия по установлению контроля над доходами и расходами частных компаний; 2) реформа тарифов; 3) постепенный выкуп нерентабельных линий в казну; 4) возобновление казенного строительства дорог. По сравнению с другими направлениями, контрольно-финансовые мероприятия исследовались в наименьшей степени, что

* Степанов Валерий Леонидович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

отражает слабую изученность деятельности контрольного ведомства, его значения в общей системе государственного управления и экономической политике. Официальные издания Государственного контроля, Комитета министров и Министерства финансов конца XIX — начала XX в. содержат лишь сжатый и далеко не полный перечень фактов[5]. Дореволюционные экономисты коснулись контрольно-финансовых мероприятий весьма бегло[6]. На рубеже веков появилось лишь несколько специальных статей и брошюр, в которых рассматривались вопросы организации железнодорожных ревизий и счетоводства[7]. Не проявили интереса к теме и советские исследователи. А.И.Коняев в обзорной работе о Государственном контроле посвятил этим мероприятиям лишь несколько страниц[8]. А.М.Соловьева в монографии о развитии железнодорожного транспорта России во второй половине XIX в. осветила их довольно поверхностно[9].

Между тем контрольно-финансовые мероприятия были важным компонентом железнодорожной политики правительства последних десятилетий XIX в. Их изучение в рамках специальной работы имеет существенное значение для исследования путей и методов государственного регулирования экономики, способствует разработке более масштабной темы — роли Государственного контроля как орудия протекционистской политики правительства. Данная статья основана на исследовании делопроизводственных материалов Российского государственного исторического архива, хранящихся в фондах Государственного контроля, Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, Департамента железных дорог Министерства путей сообщения, Комитета министров, Государственного совета, Совета министров. Эти документы, не вводившиеся ранее в научный оборот, позволяют достаточно полно реконструировать процесс подготовки и проведения контрольно-финансовых мероприятий.

Реформирование железнодорожного хозяйства диктовалось серьезными просчетами, допущенными правительством в этой сфере экономической политики. После Крымской войны (1853—1856 гг.) была сделана ставка на сооружение дорог силами частных компаний при поддержке казны. Из-за нестабильности государственных финансов правительство не могло полностью сосредоточить в своих руках строительство дорог. Во второй половине 1860-х гг. была разработана система страхования частных железнодорожных капиталов, которая заключалась в гарантии казной предпринимателям чистого дохода в размере 5%.

Помимо выплаты гарантийных сумм, участие казны в сооружении новых линий заключалось также в реализации за счет компаний облигационных капиталов, выдаче им денежных и материальных ссуд, передаче обществам в аренду казенных дорог. Правительство брало на себя обязательства: 1) выплачивать проценты и погашение как по облигациям, оставленным Казначейством за собой и реализованным путем выпуска консолидированных займов, так и по гарантированным акциям; 2) приплачивать к чисто-

му доходу дорог суммы, недостающие для уплаты гарантированных процентов и погашения по остальным акциям и облигациям, реализованным самими компаниями; 3) выплачивать проценты и погашение по облигациям казенных линий, переданных в аренду обществам. Компании вносили в казну платежи из своих эксплуатационных доходов: 1) на возмещение расходов казны по уплате процентов и погашения по реализованным правительством консолидированным облигациям и гарантированным акциям; 2) на погашение долгов по гарантии капиталов; 3) по выданным ссудам; 4) за аренду казенных линий.

Несмотря на то что ежегодные расходы на железнодорожное дело составляли 12—20% бюджета, правительство придерживалось политики полного невмешательства в финансово-хозяйственную деятельность компаний. Единственной государственной инстанцией на частных линиях была введенная в 1857 г. инспекция Министерства путей сообщения, которая следила только за безопасностью движения. Кроме того, уставы некоторых компаний предусматривали право правительства вводить своих представителей (директоров) в состав правления. Директора наделялись правом опротестовывать решения правления и общего собрания акционеров, если они противоречили законам и уставу компании, а также свидетельствовать все суммы, поступающие из кредитных учреждений и других источников. Но подобная практика получила развитие только со второй половины 1880-х гг.

Исключительно выгодные условия получения концессий вызвали учреждение десятков акционерных обществ и грандиозный железнодорожный бум. За 1865—1875 гг. протяженность сети железных дорог увеличилась с 3,8 тыс. до 19 тыс. верст. Это десятилетие стало «золотым веком» для железнодорожного предпринимательства. На 1 января 1881 г. общая сумма облигационных и акционерных капиталов компаний составила 1651,5 млн руб. Строительство сопровождалось спекулятивным грюндерством, коррупцией и расхищением значительной части казенных сумм. В годы «концессионной горячки» были нажиты баснословные капиталы, вложенные впоследствии в другие отрасли народного хозяйства. К началу 1880-х гг. почти вся железнодорожная сеть принадлежала частным обществам.

Однако уже к середине 1870-х гг. железнодорожное хозяйство оказалось в состоянии кризиса. Сеть дорог была расчленена между десятками частных обществ и не представляла собой единого целого ни в экономическом, ни в техническом, ни в административном отношениях. Имея гарантированный государством доход, железнодорожные «короли» не заботились о качестве и рентабельности линий. Строительство обходилось непомерно дорого, велось поспешно и небрежно, пропускная способность дорог была крайне низкой. Компании по своему усмотрению устанавливали тарифы, классификацию и номенклатуру грузов. Между конкурентами развернулись настоящие «тарифные войны». Дезорганизация же-

лезнодорожного транспорта наносила огромный ущерб народному хозяйству.

Достаточно быстро выяснилось, что компании не могут вести дела без правительственной помощи. Из 37 существовавших на 1 января 1881 г. обществ лишь 5 давали акционерам прибыль сверх дохода, гарантированного казной, не требовали приплат в счет государственной гарантии и выполняли финансовые обязательства без недоимок. Остальным не хватало средств даже для покрытия расходов по эксплуатации. Правительство было вынуждено выделять на финансирование дорог значительные бюджетные средства. Бóльшая часть компаний стала существовать исключительно на казенные дотации. Только приплаты по гарантиям за десятилетие 1871—1881 гг. увеличились в четыре раза — с 13 млн до 52 млн руб. К 1 января 1881 г. на сооружение и эксплуатацию железных дорог казна затратила 1840,1 млн руб. Долг компаний государству достиг 1092,2 млн руб. Это было одной из основных причин бюджетных дефицитов и роста государственного долга России[10].

Пересмотр принципов железнодорожной политики начался после русско-турецкой кампании 1877—1878 гг., обнаружившей неспособность акционерных обществ обеспечить массовую переброску людей и грузов на театр военных действий. В преобразовании железнодорожного хозяйства (и, в частности, в установлении контроля над финансами компаний) принимали участие три ведомства — Министерство путей сообщения, Министерство финансов и Государственный контроль. Каждое из них имело свои представления о путях реорганизации железнодорожного транспорта. Руководство путейского ведомства в лице министров К.Н.Посьета (1874—1888 гг.) и А.Я.Гюббенета (1889—1892 гг.) выступало за максимальное подчинение частных обществ контролю со стороны государства и вообще считало целесообразным полное сосредоточение железных дорог в руках казны. Как образец для подражания рассматривалось государственное железнодорожное хозяйство Пруссии, которое отличалось высокой организованностью и эффективностью.

Сходную позицию занимал Государственный контроль. Это ведомство также настаивало на установлении системы жесткого надзора за деятельностью компаний, требовало предоставления контрольным органам права прямого вмешательства в их дела. Эта точка зрения получила отражение в политике государственных контролеров Д.М.Сольского (1878—1889 гг.), Т.И.Филиппова (1889—1899 гг.) и их преемников. Однако каждое из двух ведомств стремилось контрольные функции полностью взять на себя.

Министерство финансов ориентировалось на пример Франции и отстаивало «смешанную» систему железнодорожного хозяйства, при которой казенные линии сосуществовали с высокодоходными частными дорогами. Глава этого ведомства, Н.Х.Бунге (1881—1886 гг.), был против монополии государства на железнодорожном транспорте. Это мнение разделяли также И.А.Вышнеградский

(1887—1892 гг.) и С.Ю.Витте (1892—1903 гг.). Н.Х. Бунге, занимавший в 1887—1895 гг. пост председателя Комитета министров, поддерживал политику обоих министров. Противоречия между ведомствами накладывали неизбежный отпечаток на проведение контрольно-финансовых мероприятий.

1. Контроль над эксплуатацией частных дорог

Вопрос об установлении правительственного надзора за эксплуатацией частных железных дорог был поставлен еще до русско-турецкой войны. Правда, по уставам компаний правительство имело право на проверку эксплуатационных отчетов. Эти проверки проводились назначаемыми время от времени межведомственными комиссиями из представителей Государственного контроля, министерств финансов и путей сообщения. Ревизии подлежали не все дороги, а лишь те, которые сверх приплат по гарантии ходатайствовали о выделении ссуд на покрытие дефицитов по эксплуатации или пособий на реконструкцию линий. Проверки назначались не за один предшествующий год, а за 2—6 и даже 10 лет. Они проводились медленно, переписка между ведомствами по их результатам затягивалась на долгие годы. Из-за отсутствия достаточного финансирования в комиссии всякий раз назначались разные чиновники, оказавшиеся в данный момент «под рукой» и не имевшие единых взглядов на ревизионную работу[11]. В результате проверок комиссии лишь приводили многочисленные свидетельства о «беспорядочном состоянии» железнодорожного хозяйства и указывали на обилие неточностей в эксплуатационных отчетах[12].

Несовершенство этой системы контроля особо отметил государственный контролер С.А.Грейг (1874—1878 гг.) во всеподданнейшем отчете за 1873 г.: «Несмотря на то влияние, какое подобная ревизия (чрез посредство особых комиссий) может иметь на более своевременное поступление железнодорожных доходов, нельзя не заметить, что она все-таки остается до сих пор мерой частной, между тем как по важности дела представлялось бы совершенно необходимым своевременное учреждение комиссий для поверки отчетов всех вообще железнодорожных обществ». С.А.Грейг сообщил Александру II, что в контрольном ведомстве обсуждается вопрос об установлении надзора за эксплуатационными оборотами частных дорог и введении на них порядка отчетности, в большей степени обеспечивающей интересы казны. Резолюция императора гласила: «Нахожу меру эту необходимой»[13].

Вскоре при Государственном контроле была образована межведомственная комиссия под председательством управляющего Временной ревизионной комиссией Т.И.Филиппова с участием чиновников путейского и финансового ведомств, а также представителей частных компаний. Уже в отчете за 1875 г. С.А.Грейг проинформировал императора о скором завершении комиссией «порученного ей труда». Александр II отозвался: «Считаю его более необходимым, чем когда-либо».

Государственный контролер доложил также о том, что польза установления контроля осознается и управляющими некоторых железнодорожных обществ. Вопрос обсуждался на состоявшемся в декабре 1875 г. VII Общем очередном съезде представителей русских железных дорог, и было решено образовать специальную комиссию для его более подробного изучения. Председатель этой комиссии, крупный концессионер И.С.Блиох, обратился к С.А.Грейгу с просьбой установить контакт между обеими комиссиями. Государственный контролер охотно согласился и пригласил железнодорожного «короля» принять участие в работе правительственной комиссии. «Такое сочувствие, не совсем для меня ожиданное, но весьма утешительное, — писал С.А.Грейг, — может, надеюсь, привести к такому окончанию этого дела, которое не вызовет жалоб с той именно стороны, с которой более всего, кажется, можно бы их ожидать, и что случаи нерасчетливого и неправильного хозяйствования будут встречаться реже на наших железных дорогах, а случаи совершенных железнодорожными предпринимателями злоупотреблений и расхищений общественных капиталов, о которых я счел долгом довести до сведения Вашего императорского величества во всеподданнейшем моем отчете за 1874 год, вовсе не будут повторяться»[14].

Однако надежды С.А.Грейга на бесконфликтное сотрудничество с железнодорожными предпринимателями не оправдались. И.С.Блиох потребовал исключить из круга ведения контрольного учреждения надзор за «хозяйственными делами» компаний. По его словам, в противном случае это приведет «на практике к установлению начетов, что совершенно уничтожило бы самостоятельность железнодорожных обществ». VIII Общий очередной съезд представителей русских железных дорог, состоявшийся в январе 1877 г., признал готовящийся в комиссии проект стеснительным для развития частного предпринимательства. Сразу же возникли трения также между Государственным контролем и Министерством путей сообщения. Представитель путейского ведомства инженер И.П.Глушинский заявил, что его министерство не может отказаться от утверждения эксплуатационных смет частных линий и должно иметь в составе контрольного учреждения представителей, независимых от государственного контролера[15].

Работа комиссии затянулась. В отчете за 1877 г. государственный контролер сетовал на медлительность своих подчиненных, несмотря на все его старания ускорить подготовку проекта. Он объяснял это тем, что комиссии «труд представлялся действительно трудом нелегким по своей обширности» и осложнялся «новизною самого дела и необходимостью держаться в таких пределах, при коих поверка оборотов железных дорог принесла бы существенную пользу, не стесняя излишними формальностями и требованиями самодеятельности частных предприятий, какими, если не всегда по существу, то по внешности, представляются наши железные дороги».

Проект «Положения о правительственном надзоре за оборотами частных железнодорожных обществ» (позднее он стал называться «Правилами») был подготовлен только к апрелю 1878 г. Кроме того, комиссия разработала: 1) формы смет для железнодорожных обществ и правила по их составлению, утверждению, исполнению и заключению; 2) правила ведения счетоводства и отчетности компаний; 3) правила, определявшие различные виды проверки эксплуатационных оборотов и общий порядок ревизионного процесса. Составители проекта исходили из того, что финансовые обязательства компаний перед правительством определяются размером их чистого дохода, который является единственным источником для покрытия задолженности казне. Поэтому цель контроля должна была заключаться, прежде всего, в строгом надзоре за поступлением и распределением этого дохода[16].

Проект предусматривал учреждение Ревизионной комиссии Государственного контроля, образование в ее структуре Железнодорожного отдела и Особого присутствия в составе трех членов от контрольного ведомства, двух от Министерства путей сообщения и одного от Министерства финансов. На заседания Особого присутствия для участия в обсуждении различных вопросов с правом совещательного голоса могли приглашаться чиновники разных ведомств и частные лица. Надзору подлежали только дороги, имеющие задолженность перед казной и лишенные возможности выполнять свои финансовые обязательства. Государственный контроль получал право рассматривать и утверждать сметы и годовые отчеты обществ, проводить документальную и фактическую проверку их имущества и эксплуатационных оборотов[17]. Впоследствии в проект для обеспечения большей полноты надзора было добавлено положение об учреждении на частных дорогах органов местного контроля, который, правда, предполагалось применять осторожно и лишь к «избранным дорогам»[18].

15 мая 1878 г. проект поступил на отзыв к министрам финансов и путей сообщения. С.А.Грейг рассчитывал сразу же после получения отзывов внести его в Государственный совет к началу осенней сессии. Однако министр путей сообщения К.Н.Посьет подверг проект резкой критике. В отзыве от 22 октября он заявил о своем несогласии с сосредоточением надзора при Государственном контроле и устранением путейского ведомства от рассмотрения железнодорожных смет. К.Н.Посьет был отнюдь не против расширения контроля над частными дорогами. Однако он считал, что выполнение этих функций должно быть возложено на его министерство. К.Н.Посьет на сей раз даже выставил себя сторонником свободы предпринимательства и высказался против предложенной С.А.Грейгом системы надзора, как затрудняющей деятельность железнодорожных обществ. По его мнению, «беспорядки в хозяйстве железных дорог представляются вполне естественным последствием быстрого, без предварительной опытности и подготовки, развития у нас железнодорожной сети». Министр выражал уверенность, что «в недалеком будущем в этом важном деле и без

особых мероприятий правительства водворится должный порядок». Он выступил за сохранение прежней системы проверки эксплуатационных оборотов частных дорог межведомственными комиссиями[19].

С этими соображениями не согласился Д.М.Сольский, который в июле 1878 г. заменил С.А.Грейга, назначенного министром финансов. Во всеподданнейшем отчете за 1878 г. государственный контролер сообщил Александру II о ходе работы над проектом. «Зная, какое значение Ваше императорское величество изволите придавать устройству этого дела, — писал он, — я употреблю все усилия к тому, чтобы дать ему окончательное движение в сколь можно непродолжительное время». Император повелел запросить мнение Э.Т.Баранова[20]. Тот в отзыве на проект от 12 октября 1879 г. предложил пойти на компромисс и разделить функции надзора между двумя ведомствами: Государственному контролю поручить утверждение годовых отчетов компаний, наблюдение за счетоводством и ревизионные работы, Министерству путей сообщения — рассмотрение смет и надзор за состоянием дорог[21].

Затягивание решения назревшего вопроса вызывало недовольство в Комитете министров. В марте 1879 г. на одном из заседаний приглашенный для консультации бывший министр путей сообщения П.П.Мельников заявил, что «усиление контроля правительства за целесообразностью распоряжений частных железнодорожных управлений по эксплуатации представляется делом первостепенной государственной важности». Д.М.Сольский и С.А.Грейг поспешили заверить присутствующих в скором окончании работы над проектом. Комитет министров постановил «предоставить государственному контролеру принять зависящие меры к внесению проекта законоположения по сему предмету на рассмотрение Государственного совета в возможно непродолжительном времени»[22].

Весной 1880 г. Особое совещание, учрежденное для обсуждения программы деятельности Комиссии для исследования железнодорожного дела в России, пришло к выводу, что, ввиду заявления государственного контролера о скором завершении работы над проектом, «означенный вопрос должен быть изъят из программы предстоящих работ комиссии»[23]. Комитет министров на заседаниях 10 и 17 июня принял соответствующее постановление[24].

9 декабря 1880 г. в Комитете министров рассматривалось представление нового министра финансов А.А.Абазы (1880—1881 гг.) о выдаче Обществу Донецкой железной дороги пособия для покрытия дефицита по эксплуатации. Д.М.Сольский воспользовался удобным случаем и предложил обусловить выделение средств обязательством компании подчиниться тем временным контрольным правилам, которые правительство сочтет необходимым ввести на этой дороге вплоть до издания общего закона. Комитет предпочел решить вопрос в целом и поручил министру финансов «при предположениях об оказании вообще железнодорожным компаниям каких-либо со стороны казны воспособлений ставить дарование

таковых в зависимость от подчинения обществ подобному условию». 19 декабря император утвердил журнал заседания[25].

С целью перехватить инициативу у контрольного ведомства К.Н.Посьет распорядился подготовить контрпроект, суть которого сводилась к следующему: до утверждения выработанных «Правил» учредить при Департаменте железных дорог Министерства путей сообщения Временный ревизионный комитет в составе трех членов от путейского ведомства и по одному от Государственного контроля и Министерства финансов для ревизии непроверенных до 1881 г. включительно отчетов и смет частных компаний, а по завершении этой работы приступить к ревизии отчетов с 1881 г. уже на новых основаниях. В феврале 1881 г. проект был направлен на отзыв к министру финансов и государственному контролеру[26].

А.А.Абаза одобрил предложения К.Н.Посьета (отношения от 25 февраля и 1 мая 1881 г.). Однако Д.М.Сольский отрицательно отнесся к этой инициативе (отношение от 16 апреля 1881 г.)[27]. С воцарением Александра III ему удалось усилить позиции своего ведомства в «верхах». На всеподданнейших докладах 25 мая и 16 июня 1881 г. Д.М.Сольский добился от императора согласия на преобразование Государственного контроля и расширение сферы его компетенции. Полученное высочайшее указание гласило, что Государственный контроль должен быть «поставлен в возможность выполнять во всем объеме предназначение, указываемое его учреждением, блюсти, в обширном смысле слова, интересы казны и целость государственного достояния», и в этом смысле следует «направлять как ревизионные труды учреждений Государственного контроля, так и все предложения о дальнейшем усовершенствовании счетной и ревизионной системы». Это указание 18 июня 1881 г. было объявлено в особом циркулярном приложении всем учреждениям контрольного ведомства в качестве «непреложного руководящего начала»[28].

Д.М.Сольский получил возможность реформировать введенную в 1860-е гг. систему последующего, или документального, контроля, сущность которой заключалась в проведении ревизии по подлинным документам и составлении ревизионных отчетов. Речь шла о переходе к более эффективной системе сочетания предварительного контроля (проверка финансовых смет, договоров, ордеров, ассигновок, участие в торгах, заготовках, покупках и продажах) и фактического контроля (ревизия кассовой наличности, присутствие представителей контрольных органов при приеме и освидетельствовании имущества и материалов, осмотр места работ и т.п.).

Однако Д.М.Сольский считал, что следует соблюдать осторожность при введении новых форм контроля и применять их в тех отраслях государственного хозяйства, с которыми в наибольшей степени были связаны интересы казны. В последующие годы предварительный и фактический контроль устанавливался при сооружении портов, водных и шоссейных путей сообщения, казарм, оборонительных объектов на западной границе. Особенно широко

он стал использоваться при строительстве и эксплуатации железных дорог[29].

28 июня 1881 г. государственный контролер внес в Комитет министров представление и проект «Правил о правительственном надзоре за оборотами частных железнодорожных обществ»». Он настаивал на постепенности реформы, указав на сложность вопроса из-за разнообразия местных условий и специфики железнодорожного транспорта. Д.М.Сольский подчеркнул также, что введение системы надзора должно осуществляться в тесной связи с общим преобразованием железнодорожного хозяйства, которое планирует Комиссия Э.Т.Баранова: «Учреждение более бдительного финансового контроля над частными железными дорогами представляется в настоящее время лишь одной из мер, общей целью которых должно быть упорядочение железнодорожного дела и ограждение важных государственных интересов, с ним связанных. Очевидно, что устройство и дальнейшее развитие сего контроля должно идти в согласии с другими предположениями, подробности которых еще далеко не выяснились».

Д.М.Сольский раскритиковал проект путейского ведомства, отметив необходимость «возможно полного выделения ревизионного дела из состава учреждений, имеющих распорядительную власть по отношению к подлежащим проверке операциям». Между тем директор Департамента железных дорог, по замыслу К.Н.Посьета, будет одновременно и административным, и ревизующим лицом. Государственный контролер рекомендовал учредить Ревизионный комитет вне Департамента и назначить его руководителя по соглашению между тремя ведомствами.

В заключение Д.М.Сольский сформулировал свои предложения: 1) проект Государственного контроля предварительно обсудить в совещании с участием представителей трех ведомств и Комиссии Э.Т.Баранова, а затем внести в Комитет министров; 2) утвержденные «Правила» о контроле над оборотами частных компаний в виде опыта применить к одной или двум линиям по выбору государственного контролера из числа следующих дорог: Курско-Харьковско-Азовской, Балтийской, Донецкой, Лозово-Севастопольской, Ростово-Владикавказской, Московско-Брестской, Ряжско-Вяземской и Тамбово-Саратовской, «представляющих значительные удобства для изучения разнородных условий эксплуатации и известных правительству неудовлетворительностью результатов своего хозяйства»; предоставить государственному контролеру право ходатайствовать в будущем перед Комитетом министров о распространении этих правил на другие линии; 3) для ревизии отчетов компаний за прошлые годы до введения новых правил поручить государственному контролеру, министрам финансов и путей сообщения рассмотреть предложения К.Н.Посьета об учреждении при путейском ведомстве Ревизионного комитета, но с учетом замечаний Государственного контроля, и затем представить общие соображения в Комитет министров[30].

Ознакомившись с этим представлением, К.Н.Посьет 23 августа 1881 г. направил в Комитет свой отзыв с возражениями. «Выставляемое государственным контролером контрольное начало, — писал он, — может быть применимо лишь к казенным железным дорогам, и в этом отношении Министерство путей сообщения никогда не оспаривало полноправности Государственного контроля. По отношению же к частным железнодорожным обществам законным ревизионным учреждением признается ныне Министерство путей сообщения, которое по вопросам финансовым и счетным действует с участием Министерства финансов и Государственного контроля. Обязанности Государственного контроля, по духу сего учреждения, никогда не распространялись и не должны распространяться непосредственно на частные предприятия, какого бы рода ни были сии последние, особенно когда контроль устанавливается не только счетный, но также над действиями и распоряжениями частных акционерных обществ». В этом случае неизбежна возможность «ущерба интересам частных железнодорожных предприятий».

К.Н.Посьет подчеркнул, что для хозяйственно-технического надзора за функционированием железнодорожной сети необходимы специальные знания, которыми не обладают чиновники Государственного контроля. Поэтому, с целью соблюдения интересов казны и пользы для железнодорожного транспорта, необходимо сосредоточить контроль только в путейском ведомстве. К.Н.Посьет упрекнул Д.М.Сольского в «излишнем затягивании дела» и призвал Комитет министров утвердить прилагаемый к отзыву проект «Положения о Временном ревизионном комитете при Министерстве путей сообщения для поверки смет и отчетов по эксплуатации железных дорог»[31].

Но Комитет министров встал на сторону Д.М.Сольского. «Комитет принял во внимание, — говорилось в журнале заседания 15 сентября 1881 г., — что по коренному началу, положенному в основание учреждения Государственного контроля, на ведомство это возложен непосредственный надзор за правильностью как поступления всех государственных доходов, так и производства расходов. Железные дороги хотя и составляют частные предприятия, но построены главнейше на средства, предоставленные частной предприимчивости правительством». Поэтому «казне, принявшей на себя столь тяжелое бремя, принадлежит, без сомнения, неотъемлемое право ближайшего наблюдения за оборотами железнодорожных обществ, поддерживаемых ее средствами». Комитет решил возложить финансовый надзор на Государственный контроль, а общий и технический оставить за Министерством путей сообщения. Д.М.Сольскому поручалось продолжить обсуждение проекта совместно с представителями министерств финансов и путей сообщения. 25 сентября постановление Комитета утвердил Александр III[32].

В соответствии с этим решением при Государственном контроле в ноябре—декабре 1881 г. и в марте 1882 г. под председатель-

ством Д.М.Сольского заседала межведомственная комиссия, которая подготовила новую редакцию проекта. Она содержала некоторые уступки К.Н.Посьету. Но по ряду пунктов достичь соглашения так и не удалось[33]. В отчете за 1881 г. государственный контролер сообщил Александру III о намерении внести свои предложения на рассмотрение Комитета министров «в самом непродолжительном времени»[34].

В апреле 1882 г. проект был направлен на отзыв Э.Т.Баранову, министрам путей сообщения и финансов, а также правлениям тех дорог, на которых «Правила» предполагалось применить в первую очередь. Новый вариант получил всеобщее одобрение. Глава финансового ведомства Н.Х.Бунге в отзыве от 1 мая 1882 г. отметил, что «постоянное участие Министерства финансов в надзоре за оборотами железнодорожных обществ на правах, почти одинаковых с правами Министерства путей сообщения, едва ли представляется необходимым». Он предложил ограничить функции своего ведомства в этом деле «пределами крайней необходимости» и, напротив, расширить права Государственного контроля[35].

Лишь путейское ведомство выступило с критикой проекта. В своих отзывах от 4 июня и 21 сентября 1882 г. К.Н.Посьет потребовал исключить из «Правил» все спорные пункты. Он предложил отложить утверждение проекта и пообещал предоставить Государственному контролю дополнительные сведения по сделанным замечаниям. Но Д.М.Сольский отказался от дальнейших проволочек, рассудив, что все разногласия можно будет урегулировать в ходе предстоящего обсуждения. 8 октября 1882 г. он внес представление и проект в Комитет министров. Однако К.Н.Посьет также направил в Комитет записку с просьбой еще раз рассмотреть вопрос в Особом совещании при своем ведомстве под председательством товарища министра путей сообщения А.Я.Гюббенета с участием чиновников Государственного контроля. 2 ноября на личной встрече К.Н.Посьета с Д.М.Сольским и представителем Комитета министров было решено удовлетворить просьбу путейского ведомства.

Особое совещание на нескольких заседаниях в апреле 1883 г. признало целесообразным поручить контрольному ведомству ревизию эксплуатационных оборотов железнодорожных обществ и организацию местного надзора, учредив с этой целью в его структуре особый Железнодорожный отдел, но при этом создать в Министерстве путей сообщения вместо Ревизионного Хозяйственный комитет с участием представителей Государственного контроля для проверки смет и отчетов компаний, а также общего надзора за хозяйством частных линий. Для уточнения некоторых вопросов встречи членов совещания продолжались еще несколько месяцев[36].

В августе того же года во время всеподданнейшего доклада государственный контролер доложил Александру III о ходе обсуждения проекта. Император распорядился сообщить в Комитет мини-

стров свое повеление о том, чтобы «вопрос этот получил окончательное разрешение в продолжение остающихся месяцев текущего года, дабы с наступлением 1884 г., в случае утверждения нового порядка поверки, можно было приступить к его применению»[37]. 23 августа на заседании Комитета министров А.Я.Гюббенет заявил о «полном соглашении» между представителями обоих ведомств и о скором завершении работы над окончательной редакцией проекта[38].

Подготовленный совещанием проект подвергся правке в Министерстве путей сообщения и в начале сентября 1883 г. поступил на заключение государственного контролера. Однако тот расценил предложения путейского ведомства как противоречащие высочайшему повелению 25 сентября 1881 г. Д.М.Сольский вновь указал на недопустимость учреждения Хозяйственного комитета на правах одного из департаментов Министерства путей сообщения. Дальнейшие попытки обеих сторон достичь компромисса не увенчались успехом.

31 декабря 1883 г. К.Н.Посьет внес свой проект в Комитет министров с просьбой утвердить его вместо предложений Государственного контроля. В январе 1884 г. он отправил проект в финансовое и контрольное ведомства с просьбой адресовать все замечания непосредственно в Комитет. В отзыве от 23 марта Н.Х.Бунге высказался против рассредоточения надзора по двум ведомствам. Он подчеркнул, что «такая двойственность правительственного надзора может оказаться на практике весьма вредной для дела, ибо при этом правительственный надзор будет лишен необходимого ему, в особенности при первоначальном установлении этого надзора, единства действия, и успех этого дела не будет в достаточной мере обеспечиваться ответственностью одного какого-либо надзирающего учреждения». Однако министр финансов занял осторожную позицию и не стал уточнять, на какое именно ведомство должны быть возложены контрольные функции.

Д.М.Сольский в ответ на действия путейского ведомства 31 марта направил в Комитет министров свой проект. Тогда К.Н.Посьет обратился в Комитет с просьбой отложить слушание дела и 14 мая представил записку с очередным изложением своих взглядов. Он обвинил Д.М.Сольского в стремлении оттеснить Министерство путей сообщения от управления железными дорогами. «Активное участие контроля в хозяйстве, — подчеркивал К.Н.Посьет, — есть вообще аномалия, которую должно всячески устранять». Он вновь потребовал принять за основу свой проект[39].

23 мая председатель Комитета министров М.Х.Рейтерн ходатайствовал перед Александром III о рассмотрении этого «крайне усложнившегося дела» в совещании под своим председательством с участием государственного контролера, министров путей сообщения и финансов, а также Э.Т.Баранова, занимавшего в 1881—1884 гг. пост председателя Департамента государственной экономии Государственного совета[40]. После получения высочайшего разрешения совещание на заседаниях 31 мая и 6 июня признало

приоритет Государственного контроля в осуществлении надзора за частными линиями, но вместе с тем указало на обязательность участия в этом деле Министерства путей сообщения.

В итоге было принято следующее компромиссное постановление: 1) учредить в 1884 г. на два года в виде опыта надзор за эксплуатационными оборотами обществ Балтийской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской железных дорог на основании «Правил», разработанных в контрольном ведомстве; 2) предоставить государственному контролеру право для распространения надзора на другие частные линии входить в Комитет министров по соглашению с министрами финансов и путей сообщения; 3) при Министерстве путей сообщения учредить временную межведомственную комиссию с участием представителей контрольного и финансового ведомств для изучения принятого в частных компаниях порядка составления смет, счетоводства и отчетности и разработки единообразных правил для всех обществ; 4) взамен отдельных ревизионных комиссий образовать из чинов Государственного контроля, министерств финансов и путей сообщения одну межведомственную комиссию для проверки отчетов за прошлые годы; проверку поступающих отчетов до введения в действие новых правил проводить прежним образом, за исключением отчетов трех упомянутых дорог[41]. 12 июня решение совещания и проект «Правил» были утверждены Комитетом министров, а на следующий день — императором[42].

«Правила» возлагали на Государственный контроль надзор за эксплуатационными оборотами железнодорожных обществ и их хозяйственными операциями. Взамен Отделения железнодорожных дел Департамента гражданской отчетности учреждался Железнодорожный отдел, действующий на правах Ревизионного департамента; на каждой из трех дорог создавались контрольные части. Отдел и местные органы должны были проверять эксплуатационные сметы, отчеты и делопроизводство правления, администрации и различных служб дорог, ревизовать имущество и финансы, контролировать осуществление поставок и проведение работ, приостанавливать заключение договоров, проверять по документам и фактически товарные и пассажирские поезда, требовать от администрации дорог всевозможных сведений и объяснений, взыскивать убытки, которые казна несла в результате действий компаний. 11 декабря 1884 г. по представлению Д.М.Сольского Государственный совет утвердил штаты Железнодорожного отдела, а также местных контрольных частей в составе главного контролера, помощника главного контролера, старшего контролера и контролера. С учетом временного характера закона 13 июня 1884 г., отдел был подчинен генерал-контролеру Департамента гражданской отчетности[43].

Несмотря на краткость опытного срока, продленного впоследствии Государственным советом еще на год, к моменту его окончания успех «эксперимента» стал вполне очевиден. Контрольные органы выявили множество погрешностей, касающихся расчетов

частных обществ с казной: далеко не всегда правильно определялся чистый доход дороги; некоторые суммы дохода документально не фиксировались; суммы, подлежавшие взносу в казну, оставались в распоряжении компаний; государственная гарантия запрашивалась в преувеличенном размере; счета по выплате задолженности государству зачастую велись неверно и без начисления установленных процентов. Бóльшая часть этих недостатков была устранена к концу 1886 г., а по остальным начата ревизионная переписка.

Стараниями местных контрольных частей были сокращены расходные сметы компаний; ограничены штатные расходы правлений и администрации; поставлен вопрос об упорядочении эксплуатационной отчетности; приведены в порядок балансовые счета дорог. Правлениям была поручена разработка правил с целью устранения произвола в распоряжении кредитами; составлены и введены в действие расценочные ведомости, определявшие стоимость ремонтных работ и поставок для их проведения; снижены закупочные цены на приобретение оборудования и материалов; сокращен объем работ, проводившихся без предварительного составления и утверждения смет. Кроме того, была ограничена выдача посторонним лицам билетов на бесплатный проезд; установлены обязательные нормы расходов на содержание паровозной прислуги, отопление и смазку паровозов; увеличено число товарных поездов, улучшено водоснабжение, сооружены новые разъезды и др. При рассмотрении эксплуатационных смет на 1886 г. (впервые с участием чиновников Государственного контроля) многие статьи расходов были признаны чрезмерными и сокращены на общую сумму свыше 1 млн руб.[44]

Введение прямого контроля на дорогах в целом положительно сказалось на их рентабельности. Чистый доход Лозово-Севастопольской дороги увеличился с 255 тыс. руб. в 1884 г. до 338 тыс. руб. в 1885 г., 1315 тыс. руб. в 1886 г., 1891 тыс. руб. в 1887 г. и 2371 тыс. руб. в 1888 г. Если чистый доход Московско-Брестской дороги за 1881—1884 гг. в среднем составлял 1981 тыс. руб., то за 1885—1888 гг. — 3723 тыс. руб. Правда, результаты эксплуатации Балтийской дороги не были столь блестящими[45]. «Трехлетний опыт применения контрольного надзора к дорогам Балтийской, Лозово-Севастопольской и Московско-Брестской показал, — докладывал Д.М.Сольский в отчете за 1887 г. — что хотя за время существования сего надзора далеко не все возбужденные им вопросы и предположения по улучшению хозяйства сих дорог могли получить окончательное разрешение, но что, тем не менее, в эксплуатационное хозяйство трех подконтрольных линий внесен бóльший порядок и эксплуатационные издержки на этих линиях значительно сократились»[46].

14 ноября 1887 г., накануне окончания срока действия «Правил», государственный контролер вошел в Комитет министров с новым представлением, отметив положительное влияние контроля на хозяйство железных дорог (прежде всего, сокращение эксплуа-

тационных расходов и улучшение порядка составления смет). По его словам, эффективность системы надзора косвенным образом отразилась и на других частных линиях. Д.М.Сольский писал, что «эксплуатация многих дорог в последнее время ведется значительно экономнее, чем прежде», и что «лица, заведывающие делами железнодорожных обществ, в своих хозяйственных распоряжениях по собственному побуждению нередко сообразуются с требованиями, предъявляемыми дорогам подконтрольным».

Государственный контролер предложил придать надзору на трех линиях постоянный характер и распространить его на шесть других дорог, где эксплуатационные расходы были выше среднего по сравнению с остальными частными линиями и сумма долговых обязательств превышала размер чистого дохода. Это предложение не вызвало принципиальных возражений у Министерства путей сообщения, хотя в отзыве было высказано несогласие с выводами об улучшении состояния железных дорог в связи с введением надзора. Министр финансов И.А.Вышнеградский не только целиком поддержал инициативу Д.М.Сольского, но и рекомендовал ввести контроль не на шести, а на девяти линиях — Донецкой, Закавказской, Варшавско-Бромбергской, Орловско-Витебской, Привислинской, Ряжско-Вяземской, Моршанско-Сызранской, Варшавско-Тереспольской, Динабурго-Витебской[47].

Комитет министров на заседании 1 декабря 1887 г. констатировал, что «применение изданных в 1884 г. контрольных правил за оборотами частных железных дорог оказывается полезным и соответствующим цели». Предложения Д.М.Сольского и И.А.Вышнеградского были приняты и 11 декабря одобрены императором[48]. С целью сокращения расходов на систему местного надзора Государственный контроль воспользовался общностью географического положения и сходными условиями эксплуатации некоторых дорог: на двенадцати «подконтрольных» линиях 17 мая 1888 г. было образовано только семь частей. Для укрепления аппарата Железнодорожного отдела была учреждена должность помощника генерал-контролера[49].

В течение нескольких лет чистый доход большинства из девяти линий, поставленных дополнительно под контроль, ощутимо возрос. Исключение составили только Ряжско-Вяземская и Моршанско-Сызранская дороги. По-прежнему не было благоприятных перемен и на Балтийской дороге[50]. К 1891 г. под надзором остались восемь линий из двенадцати: в собственность государства перешли Закавказская, Моршанско-Сызранская и Ряжско-Вяземская дороги, а Варшавско-Бромбергская слилась с Варшавско-Венской дорогой и была освобождена от надзора.

Поэтому 4 февраля 1891 г. государственный контролер Т.И.Филиппов с согласия министров финансов и путей сообщения обратился в Комитет министров с новым ходатайством о введении надзора на других линиях. Он подчеркнул, что «общее направление нашего частного железнодорожного хозяйства (за некоторыми, конечно, исключениями) очень мало согласуется с жела-

ниями и видами казны и в значительной степени нарушает ее интересы». Т.И.Филиппов отметил неоправданно чрезмерные расходы компаний, неполноту и неточность содержащихся в отчетах сведений, неудовлетворительность ведения счетоводства, постоянную задержку выплат в счет погашения задолженности Казначейству.

Государственный контролер предложил ввести надзор еще на шести нерентабельных линиях: Грязе-Царицынской, Ивангород-Домбровской, Козлово-Воронежско-Ростовской, Оренбургской, Орловско-Грязской и Риго-Динабургской[51]. Комитет министров дал свою санкцию, и 22 февраля 1891 г. предложения государственного контролера обрели силу закона[52]. В связи с усложнением функций Железнодорожного отдела, 3 июня 1891 г. он был преобразован в Департамент железнодорожной отчетности с введением самостоятельной должности генерал-контролера[53].

Из шести дорог в ближайшие годы лишь на Ивангород-Домбровской более чем вдвое возрос чистый доход: в среднем с 253 тыс. руб. в 1887—1891 гг. до 690 тыс. руб. в 1891—1894 гг. На остальных линиях, напротив, положение еще более ухудшилось[54]. Это побудило правительство уже в 1892—1893 гг. приступить к выкупу некоторых малодоходных линий в казну, а эксплуатацию других организовать на новых началах.

При осуществлении прямого надзора постепенно наладилось сотрудничество между контрольным и путейским ведомствами. В отчете за 1889 г. Т.И.Филиппов писал, что «местные контрольные учреждения при исполнении возложенных на них обязанностей почти всегда встречали деятельную поддержку со стороны железнодорожных инспекций Министерства путей сообщения»[55]. Оба ведомства совместно решали проблему взаимодействия органов надзора с администрацией частных линий. В отчете за 1888 г. государственный контролер отметил прогресс в этой области. «При таких условиях, — полагал он, — можно с уверенность рассчитывать, что в недалеком будущем эксплуатация подконтрольных дорог получит организацию, соответствующую видам правительства, а действия, направленные к выгодам отдельных лиц и убыточные для предприятия, будут встречаться на этих дорогах гораздо реже»[56]. Но спустя год он охарактеризовал ситуацию уже менее оптимистично: «Предлагаемые правительственным контролем меры в большей части случаев принимаются администрацией дорог весьма неохотно, и только после продолжительных напоминаний контроля, а иногда и настойчивых требований Министерства путей сообщения удается достигнуть введения в хозяйстве железных дорог тех или других необходимых улучшений»[57].

Общий итог деятельности контрольных органов можно считать положительным. Данные статистики свидетельствуют об увеличении доходности десяти из восемнадцати «подконтрольных» дорог. Разумеется, нельзя видеть в функционировании системы надзора единственную причину этого явления. Рентабельность железнодорожного транспорта зависит от целого ряда экономических факто-

ров, в той или иной степени влияющих на повышение дохода. Тем не менее нельзя не признать, что влияние контроля сыграло определенную роль в повышении эффективности эксплуатации дорог.

Составной частью контрольно-финансовых мероприятий на частных дорогах стало упорядочение отчетности компаний. Для проведения в жизнь одного из пунктов утвержденного 13 июня 1884 г. постановления Комитета министров Особое совещание в составе директора Департамента гражданской отчетности (Государственный контроль), директора Департамента железных дорог (Министерство путей сообщения) и вице-директора Особенной канцелярии по кредитной части (Министерство финансов) приняло решение об учреждении при Государственном контроле Временной комиссии из представителей трех ведомств под председательством заведующего Железнодорожным отделом для проведения ревизии эксплуатационных отчетов. На этот орган возлагались следующие функции: 1) выработка заключений по еще не утвержденным докладам прежних ревизионных комиссий; 2) проверка отчетов за период до 1885 г.; 3) проверка за последующие годы отчетов тех дорог, на которых не будет осуществляться прямой надзор. Главная цель комиссии заключалась в ревизии расчетов компаний с казной. Особое внимание следовало обращать на проверку годовых балансов основных, оборотных и запасных капиталов обществ; производства расходов из сумм эксплуатационных доходов; распределения чистого дохода дорог и правомерности требований от правительства приплат по гарантии. До 1885 г. ревизионные работы должны были проводиться только по данным годовых отчетов, а с 1885 г. — на основе предварительной и фактической ревизии. Комиссии поручалось составить правила проверки отчетов и представить их на утверждение глав трех ведомств.

Согласившись с мнением Особого совещания, Д.М.Сольский в представлении, внесенном в Государственный совет 7 ноября 1885 г., подчеркнул, что «ближайшей и самой настоятельной задачей предполагаемой комиссии должна быть поверка нескольких сот отчетов железных дорог за прошедшее время и установление верного долгового счета железных дорог с правительством». По сведениям Государственного контроля, к тому времени число «необревизованных» отчетов достигло шестисот и ежегодно поступало до тридцати новых отчетов. Решение о создании Временной комиссии для их проверки было утверждено императором 10 февраля 1886 г.[58]

На первом этапе работы комиссии было проверено счетоводство, касающееся взносов обществ в казну в счет полученных ссуд, и распределение чистого дохода каждой компании, начиная с момента ее учреждения до 1 января 1884 г. Это позволило выяснить обоснованность требований обществ приплат по гарантиям и уточнить суммы, причитающиеся с них за казенные кредиты. Затем началось составление заключений по докладам прежних ревизионных комиссий, проверка отчетов за период до 1 января 1885 г., а

также поступивших в 1885—1888 гг. Результаты статистической обработки отчетов стали регулярно публиковаться под названием «Сведения Государственного контроля о железных дорогах». Правда, из-за нехватки средств подробная документальная проверка отчетов осуществлялась лишь как исключение на отдельных линиях.

Тем не менее в контрольном ведомстве положительно оценили первые результаты работы комиссии. Уже в отчете за 1886 г. Д.М.Сольский подчеркнул, что частное железнодорожное хозяйство «вступает на более правильный путь». При этом он обратил внимание императора на то, что «выразившееся в сих мерах твердое намерение правительства положить конец бесконтрольному на частных железных дорогах ведению дела не могло не поселить в представителях железных дорог тревожных опасений ответственности за последствия их деятельности и тем самым удержать в пределах более осторожного и рационального ведения внутреннего хозяйства вверенных им предприятий»[59].

По данным Государственного контроля, недовзнос компаний в казну в 1884 г. составил 62% задолженности, а в 1885 г. — 35%, в 1886 г. — 37%, в 1887 г. — 30%. В отчете за 1888 г. Д.М.Сольский констатировал, что правительственный надзор «оказал заметное влияние на более успешное и исправное выполнение железнодорожными обществами лежащих них обязательств по возмещению в казну сделанных за их счет затрат»[60].

С целью придать проверке отчетности постоянный характер, по ходатайству Д.М.Сольского Временная комиссия 23 мая 1889 г. была упразднена, а ее дела переданы Железнодорожному отделу. При нем под председательством заведующего отделом создавалась межведомственная комиссия для обсуждения ревизионных дел, требующих предварительного соглашения государственного контролера с министрами путей сообщения и финансов[61].

Спустя полтора года Т.И.Филиппов в представлении от 22 декабря 1890 г. доложил Государственному совету о ревизии годовых отчетов компаний за истекший период. Как показала проверка, если к началу 1889 г. общая сумма перерасхода государственных средств, полученных в качестве приплат по гарантии, и задолженности по выплатам в казну составила 32,5 млн руб., то к концу 1890 г. — 21,8 млн руб. Отметив большой объем проделанной ревизионной работы, государственный контролер вместе с тем указал, что она крайне затрудняется недостаточностью финансирования и ростом загруженности Железнодорожного отдела в связи с расширением системы правительственного надзора. Т.И.Филиппов рекомендовал вернуться к положению закона 10 февраля 1886 г. и поручить проверку железнодорожных отчетов межведомственной комиссии при контрольном ведомстве с участием чиновников министерств финансов и путей сообщения. В остальном, полагал он, можно придерживаться прежнего порядка, «так как пятилетняя практика указала, с одной стороны, на полную пригодность действующих правил поверки годовых отчетов частных дорог, а с другой — на пользу смешанного характера коллегии представителей

заинтересованных ведомств для обсуждения ревизионных по сим отчетам вопросов». Предложение Т.И.Филиппова не встретило возражений Государственного совета, и соответствующий закон был принят 18 марта 1891 г.[62]

Комиссии предстояла огромная работа по проверке почти 700 годовых отчетов за прошлые годы. Между тем ход ревизионных работ замедлился в связи с выкупом ряда железных дорог в казну. Комиссия приняла участие в выкупных операциях и посвятила почти все свое время проверке отчетов переходящих в собственность государства линий и определению суммы выкупа. Поэтому приходилось систематически привлекать к проведению ревизий других «сведущих лиц» на сверхурочные работы.

В представлении от 27 октября 1894 г. Т.И.Филиппов сообщил Государственному совету, что проверка прошлогодних отчетов близится к завершению и теперь надлежит лишь обсудить вопрос об организации ревизий в будущем. По словам государственного контролера, их масштаб возрастет и затронет те стороны строительства и эксплуатации железных дорог, которые до сих пор, по сути, находились вне сферы контроля. Если ранее подробная документальная проверка проводилась в исключительных случаях, то в перспективе изучение методов эксплуатации частных линий и счетоводства компаний станут нормой ревизионных работ.

Т.И.Филиппов высказался за сохранение при Государственном контроле комиссии с участием представителей от министерств финансов и путей сообщения. Как и в 1891 г., он подчеркивал, что «постоянный состав означенной комиссии будет в достаточной мере гарантировать единообразие в ее взглядах и выводах и, сверх того, даст полную возможность деятельно охранять при ревизии отчетов интересы правительства, вверенные каждому из упомянутых ведомств». Предложения государственного контролера были поддержаны министром финансов С.Ю.Витте и министром путей сообщения А.К.Кривошеиным (1892—1894 гг.), утверждены Государственным советом и 16 января 1895 г. стали законом[63].

Деятельность комиссии оказалась достаточно эффективной. Так, например, проверка отчетов Общества Орловско-Витебской железной дороги позволила выявить излишне полученные в качестве приплаты по гарантии 6,7 млн руб. (за 1889 г.). Ревизионные исправления в отчетах Общества Курско-Харьковско-Азовской железной дороги составили 3,6 млн руб. (за 1891 г.), Московско-Киево-Воронежской железной дороги — 1,4 млн руб. (за 1899 г.), Северо-Донецкой железной дороги — 1,9 млн руб. (за 1914 г.), в 17 отчетах за 1912 г. — 3,4 млн руб., в 16 отчетах за 1913 г. — 2,7 млн руб. По итогам ревизий казна получила из прибылей дополнительно к уже уплаченным суммам 300 тыс. руб. (за 1897—1899 гг.) и 669 тыс. руб. (за 1909—1910 гг.) от Общества Московско-Казанской железной дороги, 2,2 млн руб. от Общества Владикавказской железной дороги (за 1905—1910 гг.). Комиссия выявила суммы, затраченные без разрешения правительства обществами Рязанско-Уральской железной дороги (455 тыс. руб. за 1898—1902 гг.)

и Московско-Казанской железной дороги (770 тыс. руб. за 1901—1902 гг.); установила факт излишней выдачи дивидендов акционерам Общества Юго-Восточных железных дорог на сумму 2,8 млн руб. (за 1893—1898 гг.)[64].

Министерство путей сообщения всячески пыталось оттеснить Государственный контроль и сосредоточить часть функций надзора в своих руках. Тенденция к усилению государственного вмешательства в дела частных компаний, утверждение в 1885 г. Общего устава российских железных дорог способствовали укреплению позиций путейского ведомства и лично К.Н.Посьета. Это отчетливо проявилось в ходе контрольно-финансовых мероприятий.

17 февраля 1887 г. К.Н.Посьет обратился в Комитет министров с просьбой обязать все частные компании, имеющие обязательства перед казной, не позднее ноября текущего года представлять свои ежегодные эксплуатационные сметы на утверждение министра путей сообщения. Вопрос был возбужден в связи с отказом правления Общества Риго-Динабургской железной дороги выполнить соответствующее требование путейского ведомства. Это мотивировалось тем, что в уставе компании было предусмотрено лишь утверждение смет на общих собраниях акционеров. В целом ситуация на частных железных дорогах выглядела следующим образом: 13 обществ по уставу были обязаны представлять сметы на утверждение министра путей сообщения; 12 обществ — лишь в том случае, если за дорогой числились долги казне по выданным им авансам в счет уплаты гарантии; 5 обществ должны были представлять сметы в путейское ведомство, но без уточнения, что они подлежали утверждению министра; в уставах 14 обществ об этой обязанности вообще не упоминалось. Между тем многие из «неподотчетных» компаний имели значительную задолженность казне как по гарантии чистого дохода, так и по выданным ссудам.

Министр финансов Н.Х.Бунге полностью поддержал инициативу К.Н.Посьета. «Право правительства требовать представления на его утверждение эксплуатационых смет частных железных дорог, — писал он в своем отзыве от 21 декабря 1886 г. — возникает не из тех или иных постановлений уставов железнодорожных обществ, которые в этом отношении отличаются неполнотою, а из принятых на себя правительством обязательств по гарантии чистого дохода железных дорог, в силу коих правительством были отпущены и отпускаются до сего времени значительные приплаты по гарантии, подлежащие возмещению правительству из чистой прибыли от эксплуатации железных дорог».

Д.М.Сольский в записке, представленной в Комитет министров 31 мая 1887 г., признал эту меру «вполне полезной и необходимой», но вместе с тем попытался воспрепятствовать расширению контрольных функций Министерства путей сообщения. Он предложил обязать частные компании представлять сметы просто на утверждение правительства, «без указания какого-либо лица или органа»[65]. Однако на этот раз Комитет министров пошел навстречу путейскому ведомству и 16 июня 1887 г. принял предло-

жение К.Н.Посьета без изменений. 26 июня постановление получило высочайшее утверждение[66]. За Государственным контролем осталось право участвовать в рассмотрении смет только тех дорог, на которых был установлен прямой надзор. Министерство финансов оказалось полностью отстраненным от этой формы контроля.

В «верхах» был поднят также вопрос об упорядочении доходов и расходов частных компаний. В их уставах пункты о порядке распределения чистого дохода отличались крайней неопределенностью. Правления рассматривали чистый доход как оборотный капитал, который они вправе расходовать на нужды дорог; дивиденды на акции начислялись произвольно. Компании оправдывали свои действия отсутствием других источников для покрытия затрат на строительство и эксплуатацию линий. Эта практика, получившая широкое распространение с 1870-х гг., была одной из основных причин задолженности частных дорог государству, наносила серьезный ущерб казне и служила причиной постоянных юридических споров между обществами и правительством. Неверные сведения и ошибочные выводы эксплуатационных отчетов имели следствием излишние расходы казны по выдаче обществам приплат по гарантии их чистого дохода или недовзнос при уплате ими процентов по оставленным правительством за собой облигациям частных дорог и по выданным им ссудам.

Правительство пыталось изменить ситуацию. С.А.Грейг в отчете за 1874 г. обратил внимание Александра II на рост задолженности частных линий казне во многом из-за «небережливого расходования выручаемых этими дорогами доходов»[67]. На решении этого вопроса настаивал Д.М.Сольский. «Бóльшая часть сумм, поступающих от железнодорожных обществ в доход казны, — писал он в отчете за 1881 г., — вносится ими из чистого дохода по эксплуатации, так что размер этих взносов находится в прямой зависимости от доходности дорог. Отсюда ясно, как важно для правительства, чтобы эксплуатационные расходы производились с возможной бережливостью и чтобы в отчетах об оборотах эксплуатации размер чистого дохода железных дорог показывался вполне верно»[68].

На заседании 13 марта 1880 г. Департамент государственной экономии, рассматривая ходатайство министра финансов С.А.Грейга о выделении средств по уплате правительственной гарантии компаниям за предшествующий год, также обратил внимание на расширение практики заимствования правлениями сумм из доходов от эксплуатации на развитие провозоспособности линий. «При таком способе удовлетворения подобных расходов, — подчеркивалось в журнале заседания, — является неизбежным последствием оного смешение сумм разных категорий, которым ведутся отдельные счеты, а чрез это не только усложняется самое счетоводство, но вместе с тем делается весьма затруднительным даже приблизительное определение ежегодной сметной цифры расходов, потребной на выдачу пособий железнодорожным обществам для уплаты правительственной гарантии». Департамент в

постановлении, утвержденном 6 мая 1880 г., поручил министру финансов принять меры по запрещению авансовых выдач на текущие нужды дорог из сумм доходов от эксплуатации[69].

Но в последующие годы не последовало никаких принципиально важных шагов. Поэтому 13 декабря 1884 г. при утверждении сметы Временного управления казенных железных дорог на будущий год Департамент государственной экономии вновь вернулся к обсуждению этого вопроса. На этот раз уже Министерству путей сообщения было поручено разработать обязательную для всех частных линий классификацию расходов. «Правильное разграничение железнодорожных расходов на эксплуатационные и не относящиеся к эксплуатации, — отметили участники заседания, — приобретает, по мнению Государственного совета, особенное значение в настоящее время, когда в казенное заведование передано несколько железнодорожных линий, и дальнейшее направление нашей железнодорожной политики в значительной мере зависит от тех результатов, которые выяснятся из сравнения эксплуатации правительственных железных дорог с частным хозяйством». Вместе с тем Департамент признал, что решение вопроса возможно только при введении на частных дорогах общего порядка составления смет и единой системы счетоводства. Поэтому подготовка законопроекта была возложена на межведомственную комиссию под председательством И.П.Глушинского при Министерстве путей сообщения, учрежденную для разработки соответствующих «Правил» согласно закону 13 июня 1884 г.[70]

В работе комиссии, помимо чиновников Государственного контроля, министерств путей сообщения и финансов, участвовали также три члена, избранные Общим съездом представителей русских железных дорог. К январю 1886 г. был подготовлен проект «Правил о производстве при эксплуатации железных дорог расходов, не имеющих строго эксплуатационного характера»[71]. В октябре—декабре 1886 г. и феврале 1887 г. проект рассматривался в Совете по железнодорожным делам, а затем в Министерстве путей сообщения и подвергся серьезной переработке. Ряд соображений в своих отзывах высказали также государственный контролер, военный министр, министры внутренних дел, финансов и юстиции. Окончательный вариант был готов только к осени. В «Правилах» четко определялись категории эксплуатационных расходов: 1) общие; 2) на содержание личного состава правления и администрации дороги, внештатных рабочих и служащих; 3) на уплату за материалы и оборудование, необходимые для функционирования дороги; 4) на содержание, ремонт и восстановление путей, зданий, сооружений и подвижного состава. Кроме того, с разрешения министра путей сообщения к подобным расходам могло быть отнесено не более 1,5% среднего валового дохода дороги за три предшествующих года.

5 ноября 1887 г. К.Н.Посьет внес проект в Государственный совет. Департамент государственной экономии 10 и 24 марта 1888 г. рассмотрел проект и принял его без замечаний. «Департа-

мент экономии признал и со своей стороны, — говорилось в журнале заседания, — что проектированные правила представляют вполне целесообразное разрешение задачи точного определения порядка производства железнодорожных расходов. Установляя твердые рамки для направления этой части железнодорожного хозяйства в интересах государственной казны, составленные правила вместе с тем дают необходимый в таком сложном деле простор для распоряжений как самих железнодорожных обществ, так и тех правительственных органов, на попечении коих лежит надзор и за эксплуатацией железных дорог, и за финансовым их положением». 9 мая решение Департамента было утверждено Общим собранием Государственного совета, а 25 мая — императором[72].

Еще в отзыве от 22 октября 1878 г. на проект государственного контролера К.Н.Посьет настоятельно рекомендовал «для надзора за хозяйством» чаще вводить в правления правительственных директоров от путейского ведомства[73]. Он придавал этому институту большое значение. В начале 1880 г. при Министерстве путей сообщения было созвано совещание директоров, на котором предполагалось рассмотреть вопросы, касающиеся определения статей эксплуатационных расходов и унификации форм эксплуатационных смет. К.Н.Посьет предложил контрольному и финансовому ведомствам направить своих представителей для участия в совещании. Однако министр финансов С.А.Грейг в письме от 5 марта указал, что поставленные вопросы являются второстепенными по сравнению с задачей установления контроля над эксплуатационными оборотами частных дорог. Он посоветовал отложить их обсуждение до утверждения проекта Государственного контроля[74].

Во второй половине 1880-х гг. К.Н.Посьет вновь предложил расширить практику назначения правительственных директоров. Он предполагал, что эти должностные лица будут представлять только Министерство путей сообщения. Но И.А.Вышнеградский потребовал таких же полномочий и для своего ведомства. Разногласия возникли в 1887 г. при введении директора в правление Общества Привислинской железной дороги. К.Н.Посьет попытался сохранить «монополию» Министерства путей сообщения. В письме И.А.Вышнеградскому от 26 мая 1887 г. он выразил сомнение в необходимости назначения директора от финансового ведомства в связи с намерением Государственного контроля установить на дороге прямой надзор. И.А. Вышнеградский 5 июля ответил, что обязанности директоров и местных контрольных частей отнюдь не идентичны; в противном случае необходимо вообще отказаться от института директоров на «подконтрольных» линиях, с чем сам К.Н.Посьет едва ли согласится[75]. Назначение директоров в правление дороги от обоих министерств состоялось 14 декабря 1887 г.[76]

В дальнейшем представители некоторых ведомств входили в правления Грязе-Царицынской железной дороги, Главного общества российских железных дорог, Юго-Западных железных дорог (от Министерства финансов), Закавказской железной дороги (от Министерства путей сообщения), Первого общества подъездных

железных путей в России (от министерств финансов и путей сообщения), Ивангород-Домбровской железной дороги (от министерств финансов, путей сообщения и государственных имуществ), Владикавказской, Рязанско-Уральской, Юго-Восточных железных дорог (от министерств финансов и путей сообщения, Государственного контроля)[77]. Накануне Первой мировой войны директора от финансового ведомства входили в правления Бухарской, Владикавказской, Рязанско-Уральской, Юго-Восточных железных дорог и Первого общества подъездных железных путей в России. После октября 1917 г. директоров сменили комиссары от Народного комиссариата по финансам[78].

Параллельно с расширением контроля над частными дорогами шел процесс установления надзора за строительством и эксплуатацией казенных линий. Впервые его предполагали учредить при сооружении дороги Екатеринбург—Тюмень. 1 октября 1880 г. император одобрил постановление Комитета министров о поручении министру путей сообщения разработать правила контроля над строительством дороги. Эту задачу выполнило межведомственное совещание, образованное при путейском ведомстве под председательством А.Я.Гюббенета. На заседании 16 января 1881 г. было решено применить составленные правила на строительстве Криворожской и Баскунчакской дорог, которое должно было начаться в ближайшее время[79].

20 февраля 1881 г. было утверждено постановление Комитета министров об учреждении при Министерстве путей сообщения Временного управления по постройке Криворожской и Баскунчакской железных дорог в составе четырех членов от путейского ведомства и по одному от министерств финансов и внутренних дел. На Государственный контроль возлагалась организация местного надзора[80]. 28 марта 1883 г. Д.М.Сольский подписал составленные в его ведомстве правила, которые определяли структуру контрольных частей, устанавливали порядок проведения ревизий, формы счетоводства и отчетности[81].

На практике достаточно быстро выяснилась неполнота действующих правил. Уже в отчете за 1884 г. Д.М.Сольский указал на очевидные пробелы и предложил расширить полномочия своего ведомства: 1) привлечь органы местного контроля к участию в разработке технического и хозяйственного плана строительства дороги; 2) предоставить контрольным частям право предварительного рассмотрения подготовленных к заключению договоров и условий торгов; 3) ограничить право денежных выплат, опротестованных контролем[82]. Д.М.Сольский получил согласие императора, однако подготовленный в Государственном контроле дополненный вариант правил применялся в дальнейшем только при строительстве Сибирской магистрали.

15 октября 1882 г. в связи с переходом в казну Харьковско-Николаевской железной дороги было принято «Временное положение по заведованию эксплуатацией казенных железных дорог». Временное управление было переименовано во Временное управление

казенных железных дорог; в его состав вошли шесть членов от Министерства путей сообщения и по одному от министерств финансов и внутренних дел. В его обязанности входило проведение общих ревизий казенных линий (не менее двух раз в год) и составление правил счетоводства и отчетности, которые утверждались министром путей сообщения. Отчеты управления по эксплуатации дорог ежегодно представлялись министрам путей сообщения и финансов и государственному контролеру. Надзор за эксплуатацией линий находился в ведении государственного контролера[83]. 5 марта 1883 г. Д.М.Сольский утвердил правила, которые определяли организацию, сферу компетенции и отчетность местного контроля. Эти правила сохраняли свою силу в течение трех десятилетий[84].

8 августа 1892 г. Временное управление казенных железных дорог было переименовано в Управление казенных железных дорог[85]. 28 августа 1892 г. последовала инструкция управляющего Министерством путей сообщения С.Ю.Витте Управлению казенных железных дорог, содержавшая пункты о приглашении представителей контрольного ведомства для участия в заседаниях этого учреждения на равных правах с членами для утверждения правил и положений о нормах расходов, порядке и формах счетоводства, отчетности и ревизий. Они должны были приглашаться также в техническое совещание для рассмотрения смет на строительство новых линий и в комиссии по предварительному обсуждению годовых эксплуатационных смет[86]. 30 апреля 1893 г. министр путей сообщения А.К.Кривошеин подписал инструкцию начальникам казенных железных дорог о порядке их взаимодействия с местными контрольными органами. Их представители должны были участвовать в заседаниях общих присутствий при управлениях дорог и иметь право голоса при рассмотрении хозяйственно-эксплуатационных вопросов, входящих в компетенцию Государственного контроля[87].

3 мая 1899 г. на основании «Временного учреждения Министерства путей сообщения» Управление казенных железных дорог и Департамент железных дорог были объединены и преобразованы в Управление железных дорог. Непосредственные административные функции возлагались на местные управления дорог. При каждом из них учреждался совет под председательством начальника дороги в составе представителей местного контроля, путейского и финансового ведомств. Общее руководство осуществлял комитет управления, в котором участвовал один член от Государственного контроля. Одновременно в структуре министерства для руководства строительными работами было учреждено Управление по сооружению железных дорог, в комитет которого также входил представитель контрольного ведомства[88].

Тем самым Государственный контроль получил возможность непосредственно участвовать в решении хозяйственных и коммерческих дел казенных дорог, однако его полномочия не были определены в законодательном порядке. В 1891 г. по инициативе

Т.И.Филиппова при Государственном контроле была учреждена межведомственная комиссия для выработки правил и форм счетоводства, отчетности и ревизии эксплуатационных оборотов казенных линий.

Через некоторое время деятельность комиссии приостановилась в связи с образованием 25 февраля 1894 г. другой межведомственной комиссия для подготовки общего положения о надзоре за казенными дорогами под председательством бывшего министра финансов, члена Государственного совета И.А.Вышнеградского. Однако после его кончины в марте 1895 г. заседания прекратились. 27 октября того же года министр путей сообщения М.И.Хилков (1895—1905 гг.) во всеподданнейшем докладе запросил указания Николая II о дальнейшей судьбе комиссии. Император повелел ему связаться с финансовым и контрольным ведомствами. Т.И.Филиппов высказался за продолжение работы над проектом. Ответа от М.И.Хилкова так и не последовало. В начале 1896 г. возобновила свою деятельность комиссия при Государственном контроле, но представитель Министерства путей сообщения потребовал отложить обсуждение уже выработанных правил до их подробного изучения в его ведомстве.

В начале 1897 г. Т.И.Филиппов в одной из своих записок в Комитет министров подчеркнул необходимость принятия основополагающего закона о надзоре за казенным железнодорожным хозяйством. 5 мая 1897 г. последовало высочайшее соизволение на продолжении деятельности комиссии И.А.Вышнеградского. Но дело и на этот раз не сдвинулось с мертвой точки[89]. Дальнейшие попытки вернуться к обсуждению вопроса не дали практических результатов. Контроль над строительством и эксплуатацией казенных линий продолжал осуществляться на основании прежних правил и инструкций[90].

2. Надзор за строительством частных линий

Правительство признало также необходимость контроля над строительными работами частных компаний, которые проводились за счет дополнительных облигационных капиталов. Это означало вторжение в «святая святых» железнодорожных «королей». Именно при сооружении новых линий происходили хищения казенных средств и наживались огромные состояния[91]. С.А.Грейг в отчете за 1874 г. отметил, что неспособность железнодорожных обществ выполнять свои финансовые обязательства во многом является следствием «неправильного и не всегда добросовестного употребления строительных капиталов»[92].

В отчете за 1880 г. Д.М.Сольский, подчеркивая важность установления надзора за эксплуатацией частных дорог, писал: «Не меньшего внимания заслуживает, по моему убеждению, вопрос о том, чтобы действительное исполнение работ по усилению железных дорог и правильность расчета за эти работы подвергались строгому учету». Он доложил Александру II о разработке в своем

ведомстве «главных оснований» для организации такого контроля. Этот проект предусматривал учреждение на каждой сооружаемой линии органа прямого надзора, который, «оставляя техническую сторону дела на ответственности Министерства путей сообщения, мог бы следить за правильностью и хозяйственностью производства строительных работ и наблюдать за точностью расчетов казны с железнодорожными обществами»[93].

Государственный контролер в представлении в Комитет министров от 28 июня 1881 г. предложил одновременно рассмотреть проекты установления надзора как за эксплуатацией, так за строительными работами[94]. Для обсуждения проекта контроля над строительством при Государственном контроле специально была образована межведомственная комиссия под председательством Д.М.Сольского, заседавшая 10 апреля 1882 г. Окончательный вариант «Правил о правительственном контроле за выполнением на железных дорогах строительных работ, разрешаемых к производству хозяйственным распоряжением железнодорожных обществ» был направлен государственным контролером на отзыв К.Н.Посьету[95].

Однако из-за обострения противоречий между контрольным и путейским ведомствами общий закон о надзоре за строительными операциями тогда не был принят. Вопрос приходилось решать в каждом отдельном случае. Надзор за строительством впервые был установлен в 1883 г. при сооружении в Бресте центральной станции на линии Московско-Брестской дороги и второго пути на Варшавско-Терспольской дороге, затем в 1886 г. при строительстве пограничных ветвей Ивангородо-Домбровской дороги и в 1888 г. — Уманских ветвей Юго-Западных дорог. Контроль осуществлялся представителями Министерства путей сообщения и Государственного контроля. Чиновники контрольного ведомства следили за ведением счетоводства, проверяли законность ходатайств компаний о выделении сумм из строительного капитала, а также имели право наблюдать на местах за ходом строительных работ[96].

Вначале не обходилось без конфликтов между местными органами Государственного контроля и инспекцией Министерства путей сообщения. В отчете за 1883 г. Д.М.Сольский докладывал императору об «отсутствии единодушия» в действиях двух ведомств при строительстве станции в Бресте: «Таким образом, в деле надзора за операциями, производимыми частными железнодорожными обществами, Государственный контроль на первых же шагах встретил затруднения с той стороны, откуда не следовало бы ожидать». Напротив, во время работ на Варшавско-Терспольской дороге наблюдалось «полезное взаимодействие» правления, инспекции и местного контроля[97].

Инициативу в этом вопросе проявило и путейское ведомство. В представлении в Государственный совет от 15 мая 1889 г. о развитии провозоспособности железнодорожной сети А.Я.Гюббенет предложил включить в постановление пункты об установлении

контроля за строительными работами на нескольких дорогах: 1) учредить при Министерстве путей сообщения совещание из представителей трех ведомств для рассмотрения составленных правлениями расценочных ведомостей и определения общего размера кредита, подлежащего выдаче на запланированные некоторыми обществами строительные работы; 2) проверку расходования выданных сумм производить по действительной стоимости этих работ: на «подконтрольных» Донецкой, Лозово-Севастопольской и Привислинской дорогах ревизию поручить местным контрольным частям и инспекции Министерства путей сообщения; на свободных от непосредственного контроля Курско-Харьково-Азовской и Козлово-Воронежско-Ростовской — только инспекции.

И.А.Вышнеградский в отзыве от 19 мая поддержал предложение министра путей сообщения. Д.М.Сольский в отзыве от 27 мая рекомендовал Государственному совету распространить действие закона на все частные линии и утвердить второй пункт в следующей редакции: «Учет стоимости как предположенных настоящим представлением, так и вообще всех работ по усилению частных железных дорог, если в доходности этих дорог казна заинтересована, проводить по действительным на эти работы расходам, удостоверенным правительственной инспекцией, и в случаях, когда государственный контролер признает это необходимым, контрольным надзором с правами предварительной, фактической и последующей ревизии операций». Соединенное присутствие департаментов государственной экономии и законов на заседании 17 июня приняло формулировку Д.М.Сольского. 8 июля решение Государственного совета было санкционировано Александром III[98].

Руководствуясь этим постановлением, 22 декабря 1889 г. Д.М.Сольский подписал подготовленные в контрольном ведомстве и согласованные с министрами путей сообщения и финансов «Временные правила» о надзоре за строительными работами. Государственный контроль был обязан «наблюдать, чтобы железнодорожная администрация принимала все зависящие меры к выгодному и хозяйственному выполнению означенных работ и заготовлений и чтобы обществу дороги производились платежи только за работы и поставки, установленным порядком разрешенные и выполненные согласно расценочной ведомости и с соблюдением условий, установленных Министерством путей сообщения».

Одобренные межведомственным совещанием расценочные ведомости утверждались главой путейского ведомства. На их основании в ходе работ для получения сумм на текущие расходы правления составляли платежные свидетельства, которые сначала поступали на заключение в Государственный контроль, а затем — в Министерство путей сообщения, которое выносило окончательное решение о предоставлении кредита. Местные контрольные части наделялись правом ревизовать делопроизводство правлений и администрации дорог, проверять выполнение работ и поставок, давать рекомендации о возможностях «наивыгоднейшего, с хозяйственной точки зрения, исполнения тех или иных работ», требовать

от компаний всевозможных сведений и объяснений и др. 26 декабря 1892 г. была утверждена вторая редакция «Временных правил», которая действовала более чем полтора десятилетия[99].

В 1889—1891 гг. шел процесс распространения контроля на сооружаемые частные линии. В отчете за 1890 г. Т.И.Филиппов доложил о рассмотрении в межведомственном совещании при Министерстве путей сообщения расценочных ведомостей на общую сумму 88 млн руб. и о ее сокращении на 17 млн руб. за счет исключения некоторых работ и снижения цен по отдельным статьям расходов. При этом он отметил роль органов местного контроля, которые своевременно предоставили сведения о ценах на материалы и рабочую силу. По его мнению, это свидетельствовало о том, «какую пользу для казны может принести и действительно приносит существование на месте производства работ фактического контроля, который, следя постоянно за производящимися работами, получает возможность оказывать решающее влияние не только на сокращение расходов при производстве работ, но и при определении их стоимости по расценкам»[100].

В 1891 г. были введены надзор Государственного контроля за сооружением Петровской и Минераловодской ветвей (Общество Владикавказской железной дороги) и временная инспекция Министерства путей сообщения для ревизии строительных работ на Курско-Воронежской линии и прокладки второго пути от Курска до Киева (Общество Курско-Киевской железной дороги), а также на Рязанско-Казанской линии (Общество Московско-Казанской железной дороги)[101]. В отчетах за 1891 и 1892 гг. Т.И.Филиппов вновь отметил эффективность действий местного контроля и в качестве примера указал на снижение сумм расценочных ведомостей на сооружение Уманских и Новоселицких ветвей (Общество Юго-Западных железных дорог)[102].

Однако расширение надзора за строительными работами продолжалось недолго. В начале 1890-х гг. обострились отношения между Министерством путей сообщения и Министерством финансов, которое выступало за дифференцированный подход к частным линиям и развитие «смешанной» системы железнодорожного хозяйства. Если осторожный Н.Х.Бунге не претендовал на равноправное участие своего ведомства в контроле над частными линиями, то И.А.Вышнеградский, напротив, всячески пытался избавиться от «конкурентов». С его приходом в Министерство финансов между ним и К.Н.Посьетом развернулась борьба за влияние на железнодорожном транспорте. И.А.Вышнеградский стремился захватить в свои руки руководство тарифным делом, которое находилась в сфере компетенции Министерства путей сообщения. Катастрофа императорского поезда в Борках 17 октября 1888 г. нанесла тяжелый удар престижу путейского ведомства. К.Н.Посьет был вынужден уйти в отставку. Его сменил известный инженер-строитель Г.Е.Паукер (1888—1889 гг.), кандидатура которого была выдвинута И.А.Вышнеградским. Новый министр путей сообщения согласился на передачу тарифного дела в Министерство финансов. По закону

8 марта 1889 г. об унификации системы тарифов в финансовом ведомстве был учрежден Департамент железнодорожных дел во главе с С.Ю.Витте (1889—1892 гг.) для надзора за доходами и расходами компаний. Это сразу же усилило влияние финансового ведомства на железнодорожную политику.

Г.Е.Паукер скончался в марте 1889 г., пробыв на своем посту менее пяти месяцев. Его преемником стал А.Я.Гюббенет, в 1880—1885 гг. занимавший должность товарища министра путей сообщения. Он был единомышленником К.Н.Посьета и не смирился с установлением монополии Министерства финансов в тарифном деле. При нем между двумя ведомствами с еще большей силой разгорелись споры о путях дальнейшего развития железнодорожного транспорта[103]. Оба министра представили в Комитет министров записки с обоснованием своих позиций. А.Я.Гюббенет выступал против расширения деятельности акционерных обществ и указывал на преимущества казенного строительства дорог[104]. И.А.Вышнеградский защищал «смешанную» систему железнодорожного хозяйства[105].

Ведомственные разногласия достигли особой остроты при обсуждении вопроса о передаче в аренду Обществу Рязанско-Козловской железной дороги казенной Козлово-Саратовской линии и преобразовании его в Общество Рязанско-Уральской железной дороги. Если Министерство финансов поддержало этот проект, то Министерство путей сообщения выступило с резким протестом. Для урегулирования конфликта 6 марта 1891 г. было образовано совещание во главе с Н.Х.Бунге в составе министров финансов, путей сообщения, государственных имуществ, внутренних дел, военного министра, государственного контролера, председателя Департамента государственной экономии А.А.Абазы (1884—1892 гг.) и председателя Временного управления казенных железных дорог Н.П.Петрова.

На заседаниях 17, 19 и 26 марта 1891 г. большинство присутствовавших поддержали точку зрения И.А.Вышнеградского. Не прошло также предложение А.Я.Гюббенета о введении в состав правления компании директора от Министерства путей сообщения. Совещание постановило следующее: «Правительство, отдавая и на будущее время преимущество казенной постройке и эксплуатации железных дорог и посему считая необходимым продолжать сооружение новых железных дорог распоряжением правительства, по мере средств Государственного казначейства, признает, что удовлетворение насущных потребностей страны должно служить главным руководящим принципом в разрешении вопросов о постройке железных дорог. Посему правительство не встречает препятствий, чтобы были принимаемы к рассмотрению предложения частных предпринимателей и железнодорожных обществ о сооружении тех или других линий и чтобы из подобных предложений было даваемо предпочтение тем, кои, по отдельном рассмотрении каждого случая, признаны будут в государственном отношении выгодными и не будут вызывать ни прямого расходова-

ния сумм из Государственного казначейства во время постройки дороги, ни таких обязательств правительства по выдаче впоследствии обществу или предпринимателю субсидий, ссуд или приплат по гарантии, которые равнялись бы уплате процентов по займу, заключенному для постройки дороги самим правительством»[106]. Комитет министров 16 апреля 1891 г. одобрил решение совещания. 21 апреля журнал заседания был утвержден Александром III[107].

Предварительное обсуждение проекта устава нового Общества Рязанско-Уральской железной дороги проходило в межведомственном совещании под председательством члена Совета Государственного контроля А.П.Иващенкова при контрольном ведомстве в феврале—августе 1891 г. На заседаниях вновь разгорелись споры между представителями министерств финансов и путей сообщения. По требованию членов совещания от контрольного ведомства А.П.Иващенкова и М.В.Чистякова в проект устава был включен пункт о праве правительства учредить надзор за строительными работами. Это вызвало протест как председателя правления Общества И.Е.Ададурова, так и представителей Министерства финансов[108].

Достичь соглашения между ведомствами не удалось, и дальнейшее рассмотрение дела было поручено совещанию под председательством Н.Х.Бунге (заседания 20 и 27 октября, 3 и 24 ноября, 1 и 10 декабря 1891 г.). В ходе своих выступлений И.А.Вышнеградский утверждал, что при решении вопроса следует руководствоваться не общими взглядами на преимущества казенного или частного хозяйств, а практическими соображениями, учитывающими «пользы и нужды государства». По его мнению, следовало пойти по пути объединения отдельных линий в большие группы, принимая во внимание особенности отдельных регионов. Он сослался на доходность французских железных дорог, управление которыми находилось в руках нескольких крупных компаний.

Министр финансов указал на огромные расходы, которые несет казна при сооружении Сибирской магистрали и стратегических дорог в западных губерниях. Он подчеркнул, что неурожай прошлой осени поставил перед правительством задачу проведения новых рельсовых путей в районах бедствия с целью облегчить подвоз продовольствия и обеспечить сбыт местной продукции. Однако резкое снижение платежеспособности крестьянства и сокращение налоговых поступлений не позволяют в ближайшем будущем обременять казну расходами на строительство дорог. «Между тем, — продолжал И.А.Вышнеградский, — дальнейшее развитие нашей железнодорожной сети не может и не должно быть приостанавливаемо на неопределенное время. Мы достаточно отстали в этом отношении от других государств. С другой стороны, при настоящем тяжком положении всей страны возбуждение в ней частной предприимчивости является крайне полезным противовесом общему стеснению в делах». В заключение он рекомендовал удов-

летворить ходатайство об учреждении Общества Рязанско-Уральской железной дороги.

Министр путей сообщения заявил, что он не против строительства дорог частными компаниями, так как этот вопрос в принципе решен постановлением Комитета министров 16 апреля 1891 г., однако преимущество всякий раз должно предоставляться казенным строительству и эксплуатации линий. По его словам, объединять в группы надлежит только казенные дороги, выкупая примыкающие к ним частные линии. А.Я.Гюббенет высказался против передачи Козлово-Саратовской линии Обществу Рязанско-Козловской железной дороги, а в том случае, если такое решение все же будет принято, предложил подчинить эту компанию прямому надзору Государственного контроля и ввести в состав правления правительственного директора. С А.Я.Гюббенетом солидаризовался лишь Н.П.Петров. Остальные участники заседаний присоединились к мнению министра финансов. Т.И.Филиппов учел расстановку сил и не стал настаивать на введении контроля над строительными работами. Совещание решило, что наличие в уставе Общества пункта о праве правительства осуществлять наблюдение за его деятельностью избавляет от необходимости установления прямого надзора[109].

Журнал совещания поступил в Соединенное присутствие Комитета министров и Департамента государственной экономии[110], в котором также председательствовал Н.Х.Бунге. Вопрос рассматривался на заседаниях 17 и 23 декабря 1891 г., 2 января 1892 г. Министр финансов повторил свои прежние аргументы и отметил, что для развития железнодорожной сети следует обратиться к «вполне благонадежным частным обществам». В ответ А.Я.Гюббенет в очередной раз предложил установить на линиях Общества Рязанско-Уральской железной дороги прямой надзор контрольного ведомства и ввести в состав правления правительственного директора.

В защиту точки зрения И.А.Вышнеградского выступил А.А.Абаза. Он сказал, что правительство в свое время было вынуждено усилить вмешательство в деятельность частных компаний, так как многие из них допускали различные злоупотребления, не могли обеспечить рентабельность своих линий и тем самым наносили значительный ущерб государственному бюджету. Однако в эти же годы общества Московско-Ярославской, Московско-Казанской, Курско-Киевской и некоторых других дорог приобрели финансовую самостоятельность, полностью рассчитавшись с казной. «Надлежит обратить внимание, — подчеркнул А.А.Абаза, — на указываемое различие между результатом деятельности обществ, требующих крупных жертв со стороны правительства, и тех железнодорожных компаний, которые, подобно Рязано-Козловскому и другим перечисленным выше обществам, давно погасили свои обязательства по отношению к казне и должны быть признаны вполне солидными и благонадежными предприятиями». Т.И.Филиппов был вынужден признать, что введение

контроля на Рязанско-Козловской железной дороге не вызывается необходимостью, поскольку даже на некоторых линиях, имеющих долги казне, надзор к тому времени не был установлен.

Министр финансов признал целесообразным введение директоров от правительства в правления компаний только при их задолженности государству, когда они существуют за счет казенной гарантии и не заинтересованы в рациональном ведении дел. При финансовой независимости железнодорожных обществ директора лишь стеснят частную инициативу «неизбежными формальностями». И.А.Вышнеградский указал на свой личный опыт председателя правления Общества Юго-Западных железных дорог в 1880—1886 гг. «Вообще, — заявил он, — не теми или иными формальными постановлениями можно направить деятельность частной предприимчивости в смысле, наиболее благоприятном для интересов правительства; напротив того, эта цель скорее достигается такими общими в уставах частных компаний условиями, в силу которых за казной выговаривалось бы соответственное участие в прибылях предприятия». Министр финансов отметил, что по настоянию правительственных директоров в правлениях дорог не раз принимались ошибочные решения. А.Я.Гюббенет возразил, что нельзя ставить под сомнение эффективность этого института в целом. Отдельные случаи, о которых упомянул И.А.Вышнеградский, как раз свидетельствуют о сложности предотвращения «неправильных действий» компаний.

При голосовании мнения членов Соединенного присутствия разделились поровну. Решение об учреждении Общества Рязанско-Уральской железной дороги было принято только благодаря председательствующему Н.Х.Бунге, который встал на сторону министра финансов. Устав не содержал положения об осуществлении прямого надзора. В нем было лишь указано, что компания подчиняется всем постановлениям правительства о контроле и инспекции на частных линиях. 11 января 1892 г. постановление Соединенного присутствия было утверждено императором[111].

Это решение имело далеко идущие последствия. Через неделю А.Я.Гюббенет получил отставку и в середине февраля был заменен С.Ю.Витте, который разделял взгляды И.А.Вышнеградского на принципы строительства и эксплуатации дорог. В «верхах» окончательно возобладало мнение о целесообразности «смешанной» системы на железнодорожном транспорте. С 1892 г. началось постепенное устранение Государственного контроля от прямого надзора за строительством частных дорог. В правительственных кругах руководствовались двумя соображениями: 1) достаточно того, что сумма облигационного капитала, предназначенная для финансирования строительства, определяется по расценочным ведомостям в совещании при Министерстве путей сообщения с участием представителей Государственного контроля; 2) акционеры, заинтересованные в получении высоких дивидендов, сами будут проявлять заботу о сооружении новых линий по максимально низкой цене[112].

3. Политика Министерства финансов

Созданный 8 марта 1889 г. Департамент железнодорожных дел активно включился в осуществление контроля над доходами и расходами компаний[113]. И.А.Вышнеградский сразу же занялся вопросом о праве обществ, имеющих задолженность Казначейству, пользоваться кредитом частных коммерческих банков. Лишь в уставах обществ Владикавказской и Ивангородо-Домбровской дорог было зафиксировано, что получение кредитов возможно только с общего согласия министров путей сообщения и финансов. В уставах других компаний это положение отсутствовало. Правления дорог, даже без разрешения общих собраний акционеров, широко использовали частные кредиты для восполнения нехватки оборотных капиталов и кассовой наличности, покрытия дефицитов при эксплуатации линий и на другие нужды, нередко оказываясь в тяжелой долговой зависимости от банков. Подобная практика наносила ущерб как самим компаниям, так и казне, гарантировавшей их чистый доход.

По этому вопросу велась активная переписка между ведомствами. 13 июля 1888 г. Т.И.Филиппов посоветовал министру финансов открыть обществам кредит в Государственном банке в размере не свыше 600 тыс. руб. под невысокий процент. Он предполагал поручить местным органам контроля всякий раз удостоверять необходимость займа с учетом финансового положения компании, наблюдать за рациональным расходованием полученных сумм и за тем, чтобы погашение долга Государственному банку производилось из первых же свободных наличных средств общества[114].

Но И.А.Вышнеградский не собирался уступать эти функции Государственному контролю. В конце 1888 г. для обсуждения вопроса при Министерстве финансов было образовано межведомственное совещание. Его участники пришли к выводу, что финансовые проблемы компаний должны решаться не с помощью частного кредита, а путем увеличения оборотных или облигационных капиталов и получения казенных ссуд. К банкам целесообразно обращаться только в случае нехватки кассовой наличности на экстренные расходы. Заключение совещания сводилось к следующему: 1) допускать использование правлениями дорог частного кредита только с разрешения министров путей сообщения и финансов, причем от усмотрения министра финансов будет зависеть предоставление кредита в Государственном банке или в частных банках на одобренных им условиях; 2) министру финансов надлежало принять меры для покрытия частных долгов железнодорожных обществ за счет увеличения облигационных капиталов или выдачи казенных ссуд.

Это заключение было одобрено И.А.Вышнеградским, Д.М.Сольским и А.Я.Гюббенетом. Чтобы ввести новый порядок открытия кредита компаниям еще до принятия закона, глава путейского ведомства 25 августа 1889 г. подписал циркуляр об обя-

зательности выработанных совещанием положений для всех линий, на которых действовали местные контрольные органы. Следующий циркуляр от 1 октября распространил это требование на остальные компании, пользовавшиеся приплатами по гарантии. Рекомендации совещания легли в основу представления министра финансов в Государственный совет от 1 декабря 1889 г. Департамент государственной экономии 4 января 1890 г. одобрил предложения министра финансов в неизменном виде. 12 марта того же года постановление Департамента было утверждено императором[115].

Закон предоставил министру финансов широкие права для погашения долгов компаний путем выпуска новых облигационных займов. Это позволило И.А.Вышнеградскому и С.Ю.Витте ввести новую практику распределения многомиллионных строительных капиталов железнодорожных обществ. Ранее выручка от реализации облигационных займов передавалась в полное распоряжение правлений для проведения работ, предусмотренных расценочными ведомостями. Сведения об использовании этих средств включались в общие отчеты о ходе строительства, составление которых нередко затягивалось на долгий срок. В итоге Министерство финансов не имело полной и своевременной информации о назначении произведенных расходов и размере оставшихся сумм. Теперь уставы компаний были дополнены пунктом об обязательном внесении выручки от займов на их счета в частных коммерческих банках.

Отныне Департамент железнодорожных дел контролировал реализацию займов и все расходы компаний, получающих приплаты по гарантии. В дальнейшем этот порядок был распространен и на капиталы обществ, не пользовавшихся правительственной гарантией. Поскольку средства на сооружение железных дорог расходовались в течение нескольких лет, то банки получали огромные суммы денег при сравнительно низком проценте. Поэтому они стремились привлечь как можно больше вкладов. С согласия министра финансов наибольшие суммы получали банки, тесно связанные с железнодорожным строительством[116].

21 марта 1890 г. по представлению И.А.Вышнеградского был утвержден закон о переводе через Иностранное отделение Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов платежей железнодорожных обществ заграничным держателям ценных бумаг[117]. Ранее правления компаний пользовались услугами частных банков, которые взимали с них значительные комиссионные сборы, достигавшие 1% всей суммы. В результате этой операции расходовались средства, которые могли быть использованы обществами для выполнения своих финансовых обязательств перед правительством. Соответственно возрастали выдаваемые казной приплаты по гарантии. Через Иностранное отделение компании могли переводить деньги без комиссионных расходов. Эта позволяло казне и железнодорожным обществам не только сэконо-

мить значительные средства, но и устранить конкуренцию частных банков, скупавших заграничные векселя частных дорог.

В докладе от 13 июля 1890 г. министр финансов писал императору, что принятый закон, «кроме упорядочения хозяйства железнодорожных обществ и обеспечения интересов казны, имеет также и общее экономическое значение, служа к уменьшению случайных колебаний рубля, которые часто вызывались покупкой в значительных размерах заграничных тратт частными банками для платежей по железнодорожным обязательствам»[118]. Закон гарантировал также получение компаниями процентов с вносимых ими на текущий счет Особенной канцелярии в Государственном банке сумм для заграничных расчетов. Тем самым И.А.Вышнеградский постарался предотвратить возможное истолкование этой меры, как наносящей ущерб интересам железнодорожных обществ[119].

Следующим шагом министра финансов стала разработка нового закона о порядке распределения чистого дохода частных дорог, об обязательном взносе ими в казну денежных сумм в счет оплаты долга и о порядке выдачи дивиденда на акции. «Правила» 25 мая 1888 г. о производстве расходов при эксплуатации железных дорог лишь частично устранили произвол частных компаний, которые нередко обходили этот закон на практике. Осенью 1889 г. при Департаменте железнодорожных дел была образована межведомственная комиссия под председательством С.Ю.Витте из представителей Государственного контроля, министерств финансов и путей сообщения для проверки предположений компаний о распределении чистого дохода и размере дивиденда на акции.

Подготовленный комиссией проект новых «Правил» был дополнен в соответствии с рекомендациями государственного контролера (отзывы от 24 ноября и 4 декабря 1889 г.), а затем отправлен на заключение в Министерство путей сообщения. В отзыве от 8 февраля 1890 г. А.Я.Гюббенет высказал ряд замечаний, которые были учтены финансовым ведомством лишь частично. 7 апреля И.А.Вышнеградский внес отредактированный проект в Комитет министров. Однако министр путей сообщения 24 апреля направил в ту же инстанцию записку с заявлением, что имеет возражения по некоторым пунктам. После ведомственной переписки и согласования отдельных положений проекта окончательный вариант 26 мая поступил в Комитет министров[120].

В журнале заседаний Комитета 29 мая и 5 июня было отмечено, что эта мера «вызывается настоятельной необходимостью положить предел тем неблагоприятным для интересов Государственного казначейства последствиям существующего способа ведения хозяйства железнодорожными обществами, которые проистекают от отсутствия в большинстве уставов означенных обществ и в других утвержденных для сих обществ постановлениях и правилах ближайших указаний на порядок производства расчетов казны с железнодорожными обществами, имеющими какие-либо обязательные долговые отношения к правительству». Комитет утвердил «Правила» в виде опыта на срок до 1 января 1893 г. и поручил

министру финансов по соглашению с государственным контролером и министром путей сообщения разработать и представить соображения о мерах пресечения возможных попыток правлений компаний уклониться от выполнения закона. 10 июня это решение было скреплено подписью императора[121].

«Правила» точно определили само понятие «чистый доход»; установили для компаний порядок платежей из чистого дохода и сроки взноса в казну платежей по полученным ссудам. В случае просрочки выплат должны были начисляться дополнительные проценты. При Департаменте железнодорожных дел учреждалась постоянно действующая межведомственная комиссия, которая рассматривала предложения железнодорожных обществ о распределении чистого дохода и размере дивиденда на акции. В комиссии подводились финансовые итоги эксплуатации дорог за истекший год, подсчитывался чистый доход, а также принимались во внимание замечания Государственного контроля по отчетам за прошедший период. Установленный размер дивиденда уже не мог быть изменен руководством компании.

Кроме того, Департамент железнодорожных дел ужесточил сам порядок учреждения компаний и признания их состоятельными. После утверждения устава учредители были обязаны внести 50% акционерного капитала в указанные Министерством финансов кредитные учреждения. Реализация облигационного капитала допускалась лишь после того, как общество полностью оплачивало акции наличными деньгами[122]. При Департаменте была образована межведомственная комиссия под председательством вице-директора П.М.Романова для разработки мер против уклонения компаний от соблюдения закона[123].

28 декабря 1892 г., накануне истечения временного срока действия «Правил», С.Ю.Витте, занимавший в то время пост управляющего Министерством финансов, ходатайствовал перед Комитетом министров о его продлении до 1 января 1896 г. Основываясь на опыте минувших лет, он писал, что «все постановления этих правил оказались вполне рациональными и достигающими той цели — ограждение интересов Государственного казначейства, — ввиду которой они и были созданы». По заверению министра финансов, вследствие отсутствия случаев нарушения закона железнодорожными обществами, отпала необходимость в разработке специальных карательных санкций[124]. 12 января 1893 г. Комитет министров принял предложение С.Ю.Витте и дал ему указание через три года обратиться в Государственный совет для окончательного утверждения «Правил». 23 января журнал Комитета был подписан императором[125]. 26 февраля 1896 г. по представлению министра финансов «Правила» стали постоянно действующим законом[126].

По инициативе И.А.Вышнеградского был также пересмотрен закон 26 июня 1887 г., предоставлявший главе путейского ведомства единоличное право проверки и утверждения эксплуатационных смет. Министр финансов считал, что при таком порядке недостаточно учитываются интересы казны, из средств которой про-

изводятся выплаты в счет гарантии капиталов компаний. В письме к Т.И.Филиппову от 1 февраля 1891 г. он указал на важность участия в этом деле финансового и контрольного ведомств. Заручившись согласием государственного контролера, И.А.Вышнеградский 17 июня проинформировал А.Я.Гюббенета о своем намерении обсудить вопрос в Комитете министров[127].

Министр финансов попытался склонить на свою сторону Александра III. Во всеподданнейшей записке, возвращенной от императора 20 августа 1891 г., И.А.Вышнеградский указал на необходимость изменить порядок утверждения смет, поскольку он «изъемлет из ведения Департамента государственной экономии обсуждение таких обстоятельств и мероприятий, которые, отражаясь на сих сметах, влекут за собой огромные расходы Государственого казначейства отчасти вследствие недовзносов в казну со стороны частных железных дорог, а отчасти вследствие приплаты им по гарантии, что, с одной стороны, уменьшает доходы, а с другой, увеличивает расходы по смете Министерства финансов». И.А.Вышнеградский предложил ввести порядок, существующий для обсуждения смет казенных линий: предварительно рассматривать сметы частных дорог в межведомственном совещании при Министерстве путей сообщения, а затем вносить их на окончательное утверждение в Департамент государственной экономии[128].

Однако А.Я.Гюббенет не собирался уступать свои полномочия. В письме к И.А.Вышнеградскому от 23 августа он подчеркнул, что привлечение других ведомств к проверке и утверждению смет приведет только к «усложнению дела» — неизбежным разногласиям и обширной переписке. Но это не остановило министра финансов, который, в свою очередь, 2 января 1892 г. заявил А.Я.Гюббенету о неприемлемости его позиции.

17 января министр путей сообщения получил отставку. В тот же день И.А.Вышнеградский направил представление в Комитет министров. Он назвал дефицит бюджета за минувший год одним из главных симптомов кризиса, поразившего народное хозяйство в результате катастрофического неурожая. «Обстоятельство это, — писал И.А.Вышнеградский, — налагает на министра финансов обязанность принять все меры и употребить возможные усилия, между прочим, к тому, чтобы в расходах по всем вообще отраслям государственного хозяйства была соблюдена самая строгая бережливость и экономия». Он выражал сожаление, что финансовое ведомство не имеет возможности оказывать влияние на эксплуатационные расходы дорог, в то время как за последние пять лет существующий порядок утверждения смет себя не оправдал. В 1887—1891 гг. при некотором увеличении валового дохода 19 частных линий с 93940 тыс. до 102074 тыс. руб. эксплуатационные расходы возросли с 56870 тыс. до 71806 тыс. руб., что привело к сокращению чистого дохода с 37070 тыс. до 30267 тыс. руб. На этот раз И.А.Вышнеградский, с учетом предстоящей замены А.Я.Гюббенета С.Ю.Витте, предложил несколько иной вариант закона: для проверки и утверждения смет учредить при Министерстве путей

сообщения межведомственную комиссию, решение которой утверждалось бы министром; в том случае если бы члены комиссии не смогли прийти к единому мнению, то урегулирование спорного вопроса возлагалось бы на руководителей ведомств[129].

На заседании Комитета министров 3 марта 1892 г. С.Ю.Витте выступил с поддержкой проекта И.А.Вышнеградского. В итоге министру путей сообщения было поручено подготовить и внести в Государственный совет соответствующее представление. 13 марта Александр III утвердил это решение[130]. Во всеподданнейшем докладе, завизированном императором 21 марта 1892 г., И.А.Вышнеградский вновь отметил важность предлагаемой меры и ее значение для сокращения приплат казны по гарантии доходов частных линий[131].

В представлении С.Ю.Витте от 18 апреля 1892 г. отмечалось, что по его распоряжению с 5 марта представителям Министерства финансов и Государственного контроля дана возможность ознакомиться в путейском ведомстве с заключениями по сметам, к этому моменту уже рассмотренным, но еще не утвержденным. Предложения С.Ю.Витте конкретизировали проект И.А.Вышнеградского: 1) эксплуатационные сметы на будущий год составляются администрацией дороги и не позднее 1 июня поступают в правление компании; 2) правление вносит свои коррективы и не позднее 1 июля отправляет сметы в Министерство путей сообщения (копии — в Министерство финансов и Государственный контроль); 3) в Министерстве путей сообщения сметы рассматриваются в совещании из представителей трех ведомств и утверждаются министром, все разногласия улаживаются главами ведомств, при конфликте между ними в роли арбитра выступает Государственный совет; 4) правления обязаны не позднее 1 октября сообщать Министерству путей сообщения об изменениях сметных назначений; 5) ввести «Правила» в действие в виде опыта на два года и затем вновь войти с представлением в Государственный совет.

Эти пункты 16 мая 1892 г. получили одобрение Соединенного присутствия департаментов законов и государственной экономии с одной поправкой: «Правила» должны были действовать в течение трех лет. 18 июня постановление утвердил император[132]. 12 февраля 1896 г. по представлению министра путей сообщения М.И.Хилкова с согласия С.Ю.Витте и Т.И.Филиппова срок действия «Правил» был продлен еще на три года[133].

По распоряжению И.А.Вышнеградского было упорядочено счетоводство Департамента железнодорожных дел по расчетам казны с частными компаниями. До учреждения Департамента этими расчетами ведала Особенная канцелярия по кредитной части. В законодательстве отсутствовали какие-либо положения о подобном счетоводстве, и оно велось на основе отдельных указаний министра финансов. В апреле 1886 г. вопрос предварительно обсуждался в совещании, образованном из представителей финансового и контрольного ведомств[134].

Комиссия И.П.Глушинского при Министерстве путей сообщения в 1884—1888 гг. выработала формы эксплуатационных смет и отчетов, которые были направлены правлениям компаний для руководства. В постановлении Комитета министров от 28 сентября 1888 г. о закрытии комиссии министру путей сообщения поручалось ввести также в действие подготовленные правила счетоводства. Но это решение не было выполнено, так как на практике достаточно быстро обнаружился ряд недостатков новых форм смет и отчетов. Необходимость их пересмотра потребовала внести определенные изменения и в правила счетоводства[135].

Поэтому при Департаменте железнодорожных дел была учреждена новая межведомственная комиссия под председательством вице-директора П.М.Романова с участием представителей частных обществ. Ее заседания состоялись в октябре—ноябре 1891 г. и январе 1892 г. Разработанные комиссией «Правила о порядке зачета сумм, вносимых в казну железнодорожными обществами из чистого дохода, и сумм, отпущенных сим обществам из казны в ссуды» предусматривали, что причитающиеся с железнодорожных обществ суммы в счет уплаты процентов по облигациям и выданным в металлической валюте ссудам могли вноситься как золотом, так и кредитными рублями.

Также подготовленное комиссией «Положение о счетоводстве Департамента железных дорог по расчетам казны с железными дорогами» устанавливало строгий порядок учета и отчетности. В Департаменте фиксировались: 1) выдачи из казны приплат по гарантии доходов компаний, облигационных капиталов, авансов и ссуд; 2) поступления в казну платежей железнодорожных обществ по облигациям и ссудам, выплат долгов по гарантии дохода, сумм прибыли казны от участия в доходах частных линий, государственного сбора с пассажиров и грузов, переборов по взиманию тарифной платы, взносов земств и других местных учреждений, которые приняли на себя обязательства перед правительством по строительству и эксплуатации частных железных дорог.

Правления частных линий и казенных дорог, сданных в долгосрочную аренду, были обязаны предоставлять Департаменту сведения об акционерных капиталах и облигациях, реализованных самими компаниями; о запасных и оборотных вспомогательных капиталах; о распределении чистого дохода; о частных займах, сделанных с разрешения правительства; о стоимости строительных работ и поставок; о выдачах компаниям сумм из казны по сметам других ведомств (например, ссуды Министерства путей сообщения на реконструкцию дорог). В «Положении» определялись категории бухгалтерских книг: журнал, фиксирующий все поступления и выдачи; главные книги для занесения сведений по видам оборотов и специальные — по отдельным дорогам; справочные книги, содержащие данные об эксплуатационных оборотах, не подлежавших контролю, но сведения по которым были необходимы Департаменту.

16 марта 1892 г. И.А.Вышнеградский обратился в Государственный совет со следующими предложениями: 1) утвердить оба проекта; 2) обязать железнодорожные общества согласовать свое счетоводство по расчетам с казной в соответствии с новым «Положением»; 3) долги компаний в металлической валюте за период до 1892 г. перечислить в кредитные билеты способом, который будет определен по соглашению Департамента железнодорожных дел с правлениями. Эти предложения были приняты Государственным советом и 18 июня 1892 г. утверждены Александром III[136].

С.Ю.Витте пробыл на посту министра путей сообщения всего около полугода. Однако его преемники А.К.Кривошеин и М.И.Хилков продолжили курс на развитие «смешанной» системы железнодорожного хозяйства. Расстановка сил в «верхах» изменилась. Государственный контроль оказался лицом к лицу с «коалицией» финансового и путейского ведомств. В 1890-х гг. правительство по-прежнему осуществляло выкуп малодоходных линий в казну. Вместе с тем в этот период ряд рентабельных акционерных обществ был преобразован в восемь крупных транспортно-промышленных предприятий монополистического типа — общества Московско-Казанской, Рязанско-Уральской, Владикавказской, Московско-Киево-Воронежской, Московско-Виндаво-Рыбинской, Варшавско-Венской, Московско-Ярославско-Архангельской и Юго-Восточных железных дорог.

Эти компании создавались путем слияния нескольких частных дорог, получения долгосрочной аренды соседних казенных линий, а также за счет строительства новых дорог. Правительство закрепило за железнодорожными предприятиями монопольное право на сооружение и эксплуатацию дорог в определенных экономических районах России. В сфере действия новых компаний находилось почти 96% всей частной железнодорожной сети, их основной капитал в 1900 г. составлял более 1 млрд руб. При расширении обществ в их уставы вносились дополнительные статьи, в которых закреплялось право на получение казной части прибылей дорог (от 8 до 18%) после отчисления гарантированного дивиденда на акции. В нескольких компаниях казне принадлежал крупный пакет акций (до 30%), что позволяло правительству активно вмешиваться в деятельность этих предприятий[137].

4. Мероприятия начала XX в.

К концу XIX в. Государственный контроль утратил свои позиции на частных линиях. Все строительные работы проводились компаниями без участия этого ведомства[138]. В 1900 г. после выкупа Ивангород-Домбровской железной дороги в казну была закрыта последняя местная контрольная часть, и прямой надзор за эксплуатацией дорог окончательно прекратился. Отныне контрольные функции ограничивались проверкой эксплуатационных отчетов. Контрольное ведомство могло воздействовать на железнодорожную политику лишь в очень ограниченном масштабе через своих

представителей в Совете по железнодорожным делам (с 1886 г.) и Инженерном совете (с 1892 г.) при Министерстве путей сообщения, в Совете по тарифным делам (с 1889 г.), Тарифном комитете (с 1889 г.) и Комиссии о новых железных дорогах (с 1896 г.) при Министерстве финансов. Руководство Государственного контроля не смирилось с этой ситуацией. Т.И.Филиппов прилагал все усилия, чтобы вернуть своему ведомству влияние на частном железнодорожном транспорте. После него эту политику продолжили П.Л.Лобко (1899—1905 гг.), Д.А.Философов (1905—1906 гг.), П.Х.Шванебах (1906—1907 гг.) и П.А.Харитонов (1907—1916 гг.).

Т.И.Филиппов считал, что для расширения функций его ведомства имелись все основания. Преобразование железнодорожных обществ проводилось за счет гарантированных правительством облигационных займов. С 1892 по 1901 гг. на внешнем и внутреннем денежных рынках был выпущен 51 заем на общую сумму 1,3 млрд руб. Из этих средств 1,1 млрд руб. было израсходовано на создание железнодорожных монополий[139]. При этом правительство предоставляло компаниям широкие возможности распоряжаться строительными капиталами. Правления обществ произвольно составляли строительные сметы и вносили расценочные ведомости на утверждение межведомственной комиссии в Министерстве путей сообщения лишь после того, как значительная часть работ была уже выполнена. Поэтому сооружение новых линий, как и в период «концессионной горячки» 1870-х гг., сопровождалось многочисленными злоупотреблениями. Так, например, перерасходы при строительстве Харьково-Балашевской линии Юго-Восточных железных дорог достигли 35% общей суммы сметных назначений, при строительстве Тихорецко-Царицынской линии Владикавказской железной дороги — 50%. В конце 1890-х гг. бесконтрольное хозяйничанье железнодорожных «королей» привело к финансовому банкротству обществ Московско-Ярославско-Архангельской, Рязанско-Уральской и Юго-Восточных железных дорог[140].

В своих всеподданнейших отчетах Т.И.Филиппов неоднократно критиковал существующую систему контроля над строительными расходами. В отчете за 1895 г. он писал о слишком позднем поступлении расценочных ведомостей в совещание при Министерстве путей сообщения. Поэтому, несмотря на явно завышенные расценки на некоторые виды работ, Государственный контроль уже не в состоянии был что-либо изменить. В еще большей степени этой возможности были лишены держатели акций железнодорожных обществ. Т.И.Филиппов не согласился с мнением о том, что «акционеры должны считаться первыми и лучшими ревизорами действий строителей». Он указал на многочисленные примеры нарушения правлениями тех пунктов уставов компаний, которые регламентировали проведение строительных работ. По словам государственного контролера, «лица, распоряжающиеся строительными операциями железнодорожных обществ, ищут не доходности всего предприятия, а ближайших выгод от реализации капиталов

и от производства строительных работ и заинтересованы гораздо более в возможном расширении работ и увеличении их стоимости, нежели в будущих дивидендах акционеров». Напротив этого абзаца Николай II написал: «Конечно».

«Нет оснований предполагать, — говорилось далее в отчете, — чтобы и в будущем расценочные ведомости составлялись своевременнее и добросовестнее, так как строители вполне уверены, что определить действительную стоимость сооружения по окончании его будет совершенно невозможно и что правительству волей-неволей придется примириться с совершившимся фактом, во сколько бы ни определилась стоимость постройки по отчету». Т.И.Филиппов предложил установить прямой надзор за всеми строительными работами, которые ведутся компаниями при участии или содействии правительства.

Глава контрольного ведомства обратил особое внимание императора на убыточность частных дорог для казны в результате выдачи приплат по гарантии и перерасходов железнодорожных обществ на сооружение новых линий. Он отметил также, что широкое строительство частных дорог создаст в будущем опасную конкуренцию казенной сети. Компании построят дороги на выгодных направлениях и создадут кратчайшие пути между местностями, которые обслуживаются казенными линиями, будут перехватывать у них грузы и лишать государство значительного дохода. В заключение Т.И.Филиппов подчеркнул, что «сосредоточение железнодорожного строительства и эксплуатации в руках правительства наиболее соответствовало бы государственным интересам». Император наложил резолюцию: «Это тоже и мое мнение»[141].

Таким образом, Т.И.Филиппов поставил под сомнение целесообразность системы «смешанного» железнодорожного хозяйства. Одобрительные высочайшие резолюции на полях отчета заставили министров финансов и путей сообщения представить в Комитет министров свои объяснения по поводу критических замечаний государственного контролера. С.Ю.Витте в записке от 17 января 1897 г. признал заявление Т.И.Филиппова об убыточности частных дорог для казны справедливым только для периода царствования Александра III. С тех пор ситуация в железнодорожном хозяйстве кардинально изменилась: нерентабельные общества ликвидированы; деятельность существующих компаний строго регламентирована; в их уставах зафиксировано обязательство возмещать приплаты по гарантии отчислениями из чистого дохода, а в случае выкупа линий в казну — удержанием долга из суммы разницы между наивысшей выкупной суммой и наименьшей суммой гарантированного капитала; государство принимает значительное участие в прибылях компаний.

По словам министра финансов, в настоящее время сооружение частных дорог, за исключением Вологодско-Архангельской, ведется без всяких пособий от казны и сумма капитального долга по правительственной гарантии не возрастает. Министр финансов не отрицал, что эксплуатация новых частных линий отвлекает часть

грузов, перевозимых по казенным дорогам. Однако, по его мнению, этот ущерб с избытком компенсируется ростом движения по казенным линиям вследствие общего расширения железнодорожной сети. Он признал нежелательность начала строительных работ до утверждения расценочных ведомостей, но при этом указал на затруднительность подобного порядка для железнодорожных обществ.

С.Ю.Витте подчеркнул, что обширность территории империи, разнообразие ее местных условий и огромный объем капиталовложений, необходимых для сооружения сети дорог, не позволяют вести строительство только за счет казенных средств. «Кроме того, — продолжал он, — частное железнодорожное хозяйство, свободное от тех формальностей, которыми неизбежно обставляется хозяйство казны, легче приспособляется к особым условиям и требованиям прорезываемых дорогами регионов и по той уже причине, — побуждаемое выгодами акционеров, — более способно к инициативе, введению улучшений и производству всякого рода опытов и усовершенствований, которые впоследствии делаются достоянием всей сети. Поэтому существование наряду с казенным частного хозяйства служит одной из дополнительных гарантий в успешном ходе всего железнодорожного дела в стране»[142].

Министр путей сообщения М.И.Хилков в объяснительной записке от 27 января 1897 г. также признал нереальным требование государственного контролера об обязательном утверждении расценочных ведомостей накануне начала строительства. По его мнению, подобный порядок мог отрицательно отразиться на ходе сооружения дороги, так как стоимость работ зачастую выясняется только в их процессе. Относительно конкуренции частных дорог с казенными М.И.Хилков заметил, что вопрос о строительстве каждой линии всякий раз решается в путейском ведомстве при самом тщательном учете ее экономической целесообразности, а затем вопрос с этой же точки зрения рассматривается в Соединенном присутствии Департамента государственной экономии и Комитета министров[143].

Ознакомившись с обеими записками, государственный контролер составил на них отзывы. Он отверг доводы С.Ю.Витте и М.И.Хилкова в пользу представления расценочных ведомостей после начала строительных работ: «Своевременно и осмотрительно составленные и в установленном законом порядке утвержденные расценки служат для правительства единственным ручательством того, что гарантируемые им строительные займы будут заключены в размере, не слишком превышающем действительную потребность, что на полученные этими займами капиталы будут произведены действительно полезные стране сооружения и при этом не будет допущено излишней роскоши и переплат».

Т.И.Филиппов оспорил утверждение министра финансов о выполнении компаниями финансовых обязательств перед казной. Он писал, что и ранее положение о возмещении приплат по га-

рантии было зафиксировано в уставах обществ, но не предотвратило накопления огромных долгов казне. Доходы, получаемые государством в результате участия в прибылях частных линий, незначительны по сравнению с дивидендами акционеров. Государственный контролер повторил свое заявление о предпочтительности казенного строительства железных дорог[144].

Соображения Т.И.Филиппова обсуждались в Комитете министров 22 апреля 1897 г. Участники заседания пришли к выводу, что предварительное составление и утверждение расценок было бы идеальным вариантом, но настаивать на этом в каждом отдельном случае «значило бы в пользу буквенного соблюдения формальных требований жертвовать интересами живого дела». По общему мнению членов Комитета, цены на строительные работы могли определяться лишь предположительно и на практике неизбежно должны были корректироваться. М.И.Хилков заявил, что расценочные ведомости представлялись компаниями не только не поздно, но зачастую слишком рано, поэтому всякий раз отсутствовала уверенность в правильности сделанных расчетов.

С.Ю.Витте в своем выступлении подчеркнул, что именно за годы его пребывания на посту министра финансов казенное хозяйство стало преобладающим на железнодорожном транспорте и в настоящий момент охватывает 67% всей сети. Самая протяженная в мире Сибирская магистраль строится на средства казны. Однако финансовое ведомство всегда выступало за приоритет государства только в тех случаях, когда признавало это целесообразным. «Высказываясь поэтому в пользу системы смешанного железнодорожного строительства, — записано в журнале заседания, — он, статс-секретарь Витте, считает наиболее целесоответственным строить распоряжением казны или выкупать те линии, которые или не могут привлечь достаточно частных капиталов, или же имеют для правительства особенно важное значение. Напротив, частной инициативе должно быть предоставлено сооружение и эксплуатация во всех тех случаях, где возможно рассчитывать на успешное ее применение». Члены Комитета согласились с доводами министра финансов. 5 мая Николай II утвердил журнал заседания и наложил резолюцию: «Вполне разделяю этот взгляд»[145].

Соединенное присутствие Комитета министров и Департамента государственной экономии в мае 1897 г., апреле и мае 1898 г. по настоянию С.Ю.Витте отклонило предложения Государственного контроля об установлении надзора за строительством линий Москва—Виндава и Дно—Витебск (Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги), Павелец—Москва и Данков—Смоленск (Общество Рязанско-Уральской железной дороги), Киев—Полтава (Общество Московско-Киево-Воронежской железной дороги). На этих заседаниях вновь разгорелись споры об оптимальных сроках представления и утверждения расценочных ведомостей[146].

Поддержка точки зрения министра финансов в правительственных кругах во многом объяснялась эффективностью «смешан-

ной» системы. В 1890-е гг. заметно повысились доходы преобразованных железнодорожных обществ и дивиденды акционеров. Правления своевременно вносили платежи в счет участия казны в прибылях и по гарантированным правительством капиталам. С 1895 по 1899 гг. казна регулярно получала прибыль от эксплуатации частных и казенных дорог (максимальный годовой размер этой прибыли в 1896 г. составил 11,3 млн руб.). Дотации правительства на поддержку железнодорожного хозяйства, которые ранее имели тенденцию к возрастанию, с начала 1890-х гг. стали сокращаться и в 1894 г. составили всего 4,1 млн руб.

Однако в конце 1890-х гг. ситуация на частных линиях ухудшилась: чистый доход сократился, правления компаний в ряде случаев проявили «недостаточную хозяйственность» и столкнулись с серьезными финансовыми трудностями. С 1900 г. железнодорожный транспорт вновь стал приносить убытки (в 1902 г. — 45 млн руб.). Дефицитность сети была связана со строительством фактически бездоходных дорог стратегического назначения, нарушением принципов железнодорожной тарификации, а также зачастую нерациональным расходованием средств при сооружении и эксплуатации линий[147].

Это позволяло Государственному контролю настаивать на усилении надзора за сооружением новых дорог. Т.И.Филиппов и его преемник П.Л.Лобко продолжали в своих отчетах указывать на несовершенство порядка рассмотрения расценочных ведомостей[148]. «Такое положение дела частного железнодорожного строительства, — писал Т.И.Филиппов в отчете за 1898 г., — не может быть признано нормальным: ни в какой другой области нашего финансового хозяйства частным лицам не предоставлено бесконтрольно расходовать суммы, ответственным за которые, хотя бы под видом гарантии определенного на них дохода, является правительство». Он вновь призвал установить надзор за строительством частных дорог. Аргументы государственного контролера подействовали на Николая II. Он отозвался резолюцией: «Следует серьезно обсудить этот вопрос»[149].

Т.И.Филиппов в полной мере воспользовался высказанной волей самодержца. 30 сентября 1899 г. Комиссия о новых железных дорогах рассматривала вопрос о разрешении Обществу Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги приступить к сооружению участка Петербург—Дно. Представители Государственного контроля Н.П.Аксаков и И.В.Жарновский потребовали, учитывая получение компанией казенной субсидии, ввести прямой надзор как за строительством участка, так и за эксплуатацией всех принадлежащих Обществу линий. Это вызвало протест присутствовавших на заседании представителей правления. Члены комиссии пришли к мнению, что обсуждение подобного вопроса находится за пределами ее компетенции, и признали целесообразным передать его на рассмотрение в Соединенное присутствие Комитета министров и Департамента государственной экономии[150].

На заседании Соединенного присутствия 16 ноября 1899 г. С.Ю.Витте и М.И.Хилков не стали возражать против надзора за строительными работами на линии Петербург—Дно, тем более, что правление согласилось подчиниться этому решению. Но, как они отметили, установление контроля над эксплуатацией всех линий компании не вызывается необходимостью и должно быть отложено вплоть до принципиального решения вопроса о контроле над эксплуатационными оборотами частных линий.

Замещавший Т.И.Филиппова товарищ государственного контролера А.П.Иващенков заявил, что «существующая неполнота организации правительственного наблюдения за оборотами частных железных дорог уже обратила на себя внимание Государственного контроля, коим в настоящее время вырабатываются новые по сему предмету правила, дающие правительственному надзору более широкую сферу воздействия». Соединенное присутствие постановило ввести контроль над строительством участка Петербург—Дно, не касаясь общего вопроса о надзоре за эксплуатацией частных линий[151]. Тем не менее это была первая частичная победа контрольного ведомства в борьбе за восстановление своих прежних позиций.

Вскоре Соединенное присутствие приняло и другие решения. 31 марта 1900 г. с согласия министров финансов и путей сообщения был установлен надзор за строительством Варшавско-Калишской линии Общества Варшавско-Венской железной дороги, 14 июня того же года — за строительством ветви Лодзь—Колюшки Общества Лодзинской фабричной железной дороги[152]. П.Л.Лобко считал необходимым также установить контроль над эксплуатацией дорог. В отчете за 1899 г. он указал, что «за оборотами всех частных железнодорожных предприятий правительству необходимо иметь постоянное и внимательное наблюдение». Император согласился: «Совершенно справедливо»[153].

Одобрительная резолюция Николая II позволила государственному контролеру вновь заявить о правах своего ведомства. 27 февраля и 20 марта 1901 г. Соединенное присутствие рассматривало представление министра путей сообщения о разрешении Обществу Рязано-Уральской железной дороги осуществить выпуск гарантированных правительством облигаций для оплаты перерасхода при строительстве нескольких линий. П.Л.Лобко поддержал предложение М.И.Хилкова, но потребовал установления прямого надзора за эксплуатационными оборотами Общества. Он мотивировал это неудовлетворительным состоянием дел компании, которая с 1897 г. получала ежегодные приплаты по гарантии чистого дохода и допускала перерасход на строительство вопреки утвержденным расценочным ведомостям. П.Л.Лобко сослался на право государственного контролера по закону 13 июня 1884 г. ходатайствовать перед Комитетом министров о распространении прямого надзора на частные линии. Он напомнил также о неудавшейся попытке Т.И.Филиппова в конце 1891 г. — начале 1892 г. установить контроль над строительными работами Общества.

С.Ю.Витте не возражал против обсуждения вопроса о надзоре за эксплуатационными оборотами всех частных линий в том случае, если государственный контролер представит соответствующий проект. Но применять подобную меру только к Обществу Рязано-Уральской железной дороги он считал недопустимым. По словам министра финансов, высочайшую резолюцию на отчете государственного контролера за 1899 г. следовало трактовать применительно ко всем частным дорогам.

Председатель Департамента государственной экономии Д.М.Сольский (1893—1905 гг.) указал на необходимость различать два вида контроля на частных дорогах. Его поддержали другие члены Соединенного присутствия. По их мнению, надзор за строительными работами приносит несомненную пользу как казне, так и акционерам компании. Осуществление контроля над эксплуатацией представляет собой гораздо более сложный вопрос, который требует тщательной разработки с целью выяснения объема, форм и условий применения системы надзора. Соединенное присутствие разъяснило, что законы 13 июня 1884 г. и 8 июля 1889 г. регулировали отношения правительства к железнодорожным обществам по гарантиям и ссудам, но не имели в виду участие казны в прибылях. Современные компании ведут все дела на свои средства и могут быть поставлены под прямой надзор только с их согласия или при наличии в уставе соответствующего пункта. «Не отрицая значения контрольного наблюдения в смысле предупреждения и пресечения отдельно наблюдаемых нежелательных явлений, — подчеркивалось в журнале заседания, — Соединенное присутствие остается при мысли о необходимости соблюдения всемерной осторожности в его применении к деятельности самостоятельных железнодорожных обществ, дабы в стремлениях пользы не нанести, попутно, делу скрытого и потому непоправимого вреда, то есть остановить только что вновь начавшийся прилив к этого рода предприятиям частной, не требующей правительственного ручательства, инициативы, коей присуще работать в условиях наиболее простых и чуждых формализма».

Соединенное присутствие постановило учредить надзор за строительными работами Общества Рязано-Уральской железной дороги. Государственному контролеру было предоставлено право по соглашению с министрами финансов и путей сообщения ходатайствовать о распространении действия этого пункта на другие частные дороги при сооружении ими новых линий за счет гарантированных казной капиталов. Отныне в уставы железнодорожных компаний должен был включаться пункт о подчинении строительных работ правительственному контролю. Соединенное присутствие признало также необходимым разработать общее положение о надзоре за эксплуатацией частных линий. 8 апреля 1901 г. постановление утвердил император[154].

П.Л.Лобко поручил генерал-контролеру Департамента железнодорожной отчетности подготовить изменения и дополнения, которые следовало внести в закон 13 июня 1884 г. о контроле над экс-

плуатационными оборотами. Перед Департаментом была поставлена задача учесть финансовое состояние компаний и определить критерии для установления прямого надзора. В отчете за 1900 г. государственный контролер информировал императора о своем намерении отправить впоследствии проект на отзыв министрам финансов и путей сообщения, а затем представить его в Соединенное присутствие[155].

Государственный контролер постарался в максимальной степени распространить действие нового закона на сооружение частными обществами новых линий. В последующие годы почти все строительные работы оказались под надзором контрольного ведомства[156]. «Прежняя система бесконтрольного расходования железнодорожными обществами гарантированных правительством капиталов, против которой мой предместник и я вели неустанную борьбу, — писал П.Л.Лобко в отчете за 1902 г., — ныне отживает свой век, хотя с последствиями ее придется, по-видимому, считаться еще долго». Вместе с тем он продолжал критиковать порядок разрешения строительных работ. По его словам, закон 8 июля 1889 г. будет оставаться «мертвой буквой» до тех пор, пока Государственный контроль всякий раз не будет своевременно информирован о начале строительства[157]. В отчете за 1905 г. П.Л.Лобко писал, что «расценочные ведомости на постройку железных дорог составляются на основании предварительных изысканий и общих предположений без более подробной разработки проектов; в зависимости от этого и самое количество работ заносится в расценки приблизительно, и единичные цены на работы определяются гадательно»[158].

Мнение контрольного ведомства было поддержано Вторым департаментом Государственного совета, который с 1906 г. ведал делами частного железнодорожного строительства[159]. 22 ноября 1907 г. на его заседании рассматривался вопрос об увеличении облигационного капитала Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги в связи с перерасходом средств при сооружении линий Москва—Крейцбург, Туккум—Виндава и Дно—Новосокольники. В ходе обсуждения было указано на «нежелательность и ненормальность» перерасходов сумм, предусмотренных расценочными ведомостями, поскольку подобные случаи нарушают все расчеты, касающиеся доходности новых линий. Члены Департамента отметили недостаточность надзора контрольного ведомства за «хозяйственностью» строительных работ общества. «Ввиду этого, — подчеркивалось в журнале заседания, — Департамент считает нужным обратить внимание министра путей сообщения и государственного контролера на необходимость принять зависящие от них меры к устранению на будущее время постоянно возникающих при постройке железных дорог перерасходов против исчисленных по расценочным ведомостям на их сооружение кредитов, в случае же неизбежности таких перерасходов представлять одновременно с ходатайством подлежащего общества о разрешении дополнительного выпуска гарантированных правительством облигаций на по-

крытие этих перерасходов удостоверение контрольного учреждения в том, что все расходы по постройке, кои были произведены в преувеличенном против расценочной ведомости размере, подлежащим образом проверены и признаны правильными».

Товарищ государственного контролера А.И.Николаев уведомил председателя Второго департамента Н.П.Петрова о том, что как раз на линиях этого общества отсутствовал надзор за строительными работами. В журнал заседания были внесены необходимые изменения[160]. Тем не менее позиция Второго департамента по этому вопросу стала весомым аргументом для Государственного контроля в его стремлении расширить свое влияние на частных дорогах.

Надзор за строительством осуществлялся в соответствии с правилами, которые разрабатывались для каждой новой линии межведомственной комиссией при Департаменте железнодорожной отчетности на основе «Правил» 22 декабря 1889 г. и 26 декабря 1892 г. В мае 1909 г. государственный контролер П.А.Харитонов обратился к министру финансов В.Н.Коковцову (1906—1914 гг.) и министру путей сообщения С.В.Рухлову (1909—1915 гг.) с предложением выработать общие правила для всех линий, которые сооружаются за счет гарантированных казной капиталов. Он мотивировал это тождественностью пунктов уставов обществ об организации надзора. В качестве основы государственный контролер рекомендовал использовать недавно утвержденные правила надзора за строительством Северо-Донецкой железной дороги. Оба министра ответили согласием[161].

Новые «Правила» были утверждены 20 июля 1909 г. По справедливому замечанию П.А.Харитонова, они не содержали ничего нового по сравнению с «Правилами», действовавшими с 1889 г.[162] В первом пункте, как и ранее, содержалось принципиально важное положение об обязанности Департамента железнодорожной отчетности и местных контрольных частей наблюдать за тем, чтобы «железнодорожная администрация, местная и центральная, принимала все меры к выгодному и хозяйственному выполнению работ и заготовлений по постройке железной дороги»[163]. В том же году «Правила» были распространены на строительные работы обществ Ейской, Гербы-Келецкой, Армавир-Туапсинской железных дорог и линию Одесса—Бахмач Общества Московско-Киево-Воронежской железной дороги, которые ранее контролировались на основе «сепаратных» правил[164]. В следующем году пункт о надзоре был включен в уставы учрежденных обществ Троицкой, Подольской, Кахетинской и Коканд-Наманганской железных дорог, а также в дополнения к уставам обществ Волго-Бугульминской и Владикавказской железных дорог[165]. К 1912 г. «Правила» действовали на 16 сооружаемых линиях.

Единодушие между ведомствами продолжалось недолго. В 1910 г. финансовое и путейское ведомства согласились на распространение «Правил» на постройку линии Люберцы—Арзамас Общества Московско-Казанской железной дороги и моста через Волгу у г. Свияжска лишь при условии исключения из «Правил»

пункта о праве Государственного контроля наблюдать за хозяйственной стороной строительных работ[166]. В результате продолжительной ведомственной переписки дело решилось в пользу контрольного ведомства. Но, как подчеркивал П.А.Харитонов в отчете за 1910 г., «с принципиальной стороны вопрос этот остается открытым»[167].

Разногласия проявились и при обсуждении в «верхах» представления В.Н.Коковцова об изменении условий учреждения железнодорожных обществ. Министр финансов стремился дополнить принятый 10 июня 1905 г. закон о привлечении частных капиталов в строительство дорог и предоставлении компаниям новых льгот[168]. П.А.Харитонов в отзыве на проект от 26 ноября 1909 г. указал на расхождение «Правил» 20 июля 1909 г. с уставами железнодорожных обществ, статьи которых весьма неопределенно отражали круг прав и обязанностей Государственного контроля. Он заметил, что подобное несоответствие при применении «Правил» на практике вызывает всевозможные недоразумения. П.А.Харитонов предложил включить в законопроект положение, в соответствии с которым осуществлялся бы надзор за сооружением новых линий. Это положение текстуально почти совпадало с первым пунктом «Правил», определявшим полномочия контрольных органов.

Министр финансов в дополнительных соображениях, представленных в Совет министров, согласился с предложениями П.А.Харитонова в целом, но выступил против формулировки о праве Государственного контроля наблюдать за «хозяйственностью» строительных работ. По его словам, «с одной стороны, это послужило бы ограничением свободы действий железнодорожных предприятий в той области, в которой от частной предприимчивости возможно ждать особого проявления, а с другой — послужило бы к умалению ответственности строителей за могущие оказаться промахи, так как при проектируемом Государственном контроле порядке все действия строителей могут быть предпринимаемы лишь по одобрении их с точки зрения хозяйственности и выгодности Государственным контролем. Кроме того, подобное распространение функций Контроля не может не вызвать затруднений в деле привлечения частной предприимчивости, для каковой цели создается рассматриваемый закон». С точки зрения В.Н.Коковцова, задача контроля должна была сводиться только к наблюдению за тем, чтобы при сооружении дорог платежи за работы и поставки производились из строительного капитала в соответствии с утвержденными расценочными ведомостями.

Совет министров под председательством П.А.Столыпина 15 июня 1910 г. решил вопрос в пользу финансового ведомства. В журнале заседания было записано, что «Совет министров предпочел сохранить в будущем законе предусмотренное в высочайше утвержденных 8 апреля 1901 г. условиях постройки частных железных дорог общее по рассматриваемому вопросу указание на то, что правила контрольного надзора за железнодорожными постройками

устанавливаются по соглашению государственного контролера с министрами финансов и путей сообщения[169].

29 октября 1910 г. П.А.Харитонов направил П.А.Столыпину записку с протестом против этого решения. «Ограничение деятельности Государственного контроля лишь наблюдением за соответствием расходов частных железнодорожных обществ с расценочными ведомостями, — утверждал он, — исключает целесообразность самой операции контрольного надзора. При таких условиях отпадает надобность в самой организации контрольного надзора, ибо наблюдение за тем, чтобы платежи производились лишь за работы и поставки, предусмотренные подлежащей расценочной ведомостью, составляет одну из обязанностей строительно-технической инспекции; но это наблюдение вовсе не так сложно, чтобы организовать для него двойной надзор. Ввиду этого отрицать за Государственным контролем право наблюдения за хозяйственным выполнением строительных операций неправильно по самому существу дела».

П.А.Харитонов признал необоснованными опасения министра финансов о стеснении частной предприимчивости в железнодорожном строительстве. Он подчеркнул, что предложения Государственного контроля по рациональному ведению работ и организации поставок не являются обязательными для компаний, а лишь заставляют как правления, так и Министерство путей сообщения обратить внимание на отмеченные недостатки. Относительно «умаления» ответственности строителей за возможные промахи государственный контролер указал, что едва ли вообще можно говорить об ответственности компаний. «При нашей системе железнодорожного строительства (за счет гарантированных правительством займов), — писал он, — такая ответственность не имеет реального значения, ибо, в конце концов, за допускаемые частными железнодорожными обществами промахи обыкновенно приходится расплачиваться той же казне». П.А.Харитонов сослался на то, что его мнение разделяет Второй департамент Государственного совета, который в первой половине 1910 г. утвердил дополнения к уставам обществ Владикавказской и Волго-Бугульминской железных дорог о праве Государственного контроля наблюдать за «хозяйственностью» строительных работ[170].

Однако Совет министров не изменил свое решение. Особый журнал от 15 июня и 16 ноября был утвержден императором 9 декабря 1910 г.[171] Тем самым правительство отказалось санкционировать расширение сферы компетенции Государственного контроля и лишь подтвердило его прежние полномочия. Но контрольное ведомство получило сильную поддержку от Государственной думы, которая требовала коренной реформы Государственного контроля. Дума предлагала выделить это ведомство из состава Совета министров, организовать его деятельность на принципах независимости, самостоятельности и несменяемости чиновников, подчинить его юрисдикции все ведомства без исключения, установить его тесную связь с законодательными учреждениями при обсуждении

и утверждении бюджета. Большое значение придавалось надзору за частным железнодорожным строительством для охраны интересов казны[172].

20 и 23 ноября 1910 г. в Бюджетной комиссии Думы состоялось слушание доклада о смете расходов Государственного контроля на 1911 г. Комиссия признала необходимым, чтобы «ведомство вошло в обсуждение вопроса как об усилении контроля на строящихся за счет гарантированных облигационных капиталов частных железных дорог, так и о желательности введения в той или иной форме контроля при эксплуатации». П.А.Харитонову было указано на желательность введения правительственных директоров от Государственного контроля в правления всех частных обществ[173]. 17 марта 1911 г. решение Бюджетной комиссии было утверждено Государственной думой[174].

С этого момента в контрольном ведомстве началась разработка общего закона о контроле над деятельностью железнодорожных обществ. В отчете за 1910 г. П.А.Харитонов признал факт улучшения дел в частном железнодорожном хозяйстве и сокращения расходов казны по гарантии капиталов. «Тем не менее, — писал он, — ввиду приближения срока выкупа некоторых частных железных дорог, представляется в иных случаях вполне целесообразным образование контрольных частей для наблюдения за эксплуатационными оборотами частных железных дорог, так как от правильности показания сих оборотов зависит выкупное вознаграждение». Государственный контролер предполагал переработать «применительно к современным требованиям» все предшествующее законодательство (начиная с 1884 г.) и кодифицировать его в одном акте[175].

В конце ноября 1911 г. Департамент железнодорожной отчетности сделал запрос правлениям компаний по поводу применения на частных линиях «Правил» 20 июля 1909 г. Подавляющее большинство отзывов были отрицательными. Авторы указывали на неясность некоторых пунктов, чрезмерное ограничение прав обществ, зафиксированных в уставах, неопределенность взаимоотношений органов контроля и инспекции, излишнее вмешательство местного контроля в чисто технические вопросы и др. По утверждению представителей Общества Московско-Казанской железной дороги, «Правила» весьма далеки от совершенства, так как «частью недостаточно определенно устанавливают права и обязанности сторон, допуская возможность личного произвола, частью вторгаются в неподлежащую, казалось бы, Контролю область управления делом, ограничивая его необходимую для успеха дела самостоятельность». В отзыве Общества Московско-Киево-Воронежской железной дороги подчеркивалось, что «представитель Контроля, не будучи ответственным распорядителем дела и даже не обладая соответственным цензом, является фактически хозяином в постановке разных вопросов постройки». По мнению правления Общества Армавир-Туапсинской железной дороги, задача контроля должна заключаться в наблюдении за строительством без права вмеша-

тельства в ход работ. Если же «контролирующие учреждения» обладают правом отдавать хозяйственные распоряжения, то необходимо указать в «Правилах», что они должны нести долю ответственности за такие указания, следствием которых могут стать убытки и всевозможные упущения при сооружении дорог[176].

Однако эти замечания мало повлияли на позицию контрольного ведомства. Проект «Положения о надзоре Государственного контроля за оборотами железнодорожных обществ» был подготовлен к началу 1912 г. В нем ставилась задача ликвидировать разделение контрольных функций между Департаментом железнодорожной отчетности, который курировал строительные работы компаний и руководил местными контрольными частями, и Комиссией по проверке эксплуатационных отчетов. За Департаментом предполагалось оставить только контроль над казенным железнодорожным хозяйством, которое, по сравнению с частным, имело свою специфику.

Согласно проекту, Комиссия преобразовывалась в единый межведомственный ревизионный орган на частных линиях и наделялась правами департамента в составе Государственного контроля. Надзору подлежали все дороги компаний, в той или иной форме пользующихся финансовой поддержкой государства. Однако по соглашению между главами трех ведомств могли проверяться также эксплуатационные и строительные отчеты обществ, не имеющих обязательств перед казной. Комиссии подчинялись местные контрольные части, которые, как и ранее, учреждались для прямого надзора за эксплуатацией дорог и строительными работами. Проект содержал пункт о праве контрольных органов давать заключения о хозяйственных распоряжениях правлений и администрации дорог. Важное место в системе надзора отводилось директорам от Государственного контроля, которые включались в состав правлений всех компаний[177].

В марте—июне 1912 г. проект рассматривался межведомственной комиссией при контрольном ведомстве под председательством члена Совета Государственного контроля И.В.Жарновского. В ее работе приняли участие три председателя правлений железнодорожных обществ — А.А.Абрагамсон, Н.С.Островский и Ф.И.Шмидт. Комиссия обратила внимание на изменения в состоянии частных дорог. В 1880-е гг. почти вся сеть находилась в руках железнодорожных обществ, которые пользовались казенной гарантией чистого дохода и не были заинтересованы в рациональном ведении своих дел. Именно это и стало причиной введения правительственного надзора. Ко времени работы комиссии приплаты по гарантии получало лишь Общество Рязано-Уральской железной дороги, но и оно уже предполагало отказаться от помощи казны. Тем не менее решение Государственной думы о подготовке нового закона было признано вполне обоснованным. «Действительно, — отмечалось в журнале заседаний комиссии, — с ростом частного строительства возможен возврат к прежнему положению, когда обычные средства контрольного надзора явятся недостаточными и

потребуется применение чрезвычайной меры, на каковой случай желательно иметь готовые правила».

При обсуждении проекта представители компаний заявили о «стеснительности» надзора за строительством, которое зачастую представляет собой множество мелких работ, разбросанных по всей линии. Они предложили устанавливать контроль лишь в том случае, если для руководства этими работами специально учреждается строительное управление или если строительство сосредоточено на одном участке. Председатели правлений подчеркнули также, что в деятельности железнодорожных обществ приемлемы все виды последующей ревизии, но предварительная ревизия, одним из видов которой является контроль за эксплуатационными оборотами, ограничивает самостоятельность компаний.

Предпринимателей поддержали представители Министерства финансов. Они выступили против контроля над эксплуатацией, «так как установление непрерывного вмешательства в распорядительную деятельность администрации частной железной дороги уничтожило бы идею частного хозяйства, и самое существование частных железных дорог при таких условиях утратило бы всякий смысл». Подобная форма контроля шла вразрез с правительственной политикой по привлечению в железнодорожное строительство частных капиталов. По мнению представителей финансового ведомства, существующий порядок ревизии эксплуатационных отчетов вполне достаточно ограждал интересы казны.

Члены комиссии от Министерства путей сообщения не согласились с аргументами противников проекта и присоединились к точке зрения Государственного контроля. По словам представителей обоих ведомств, в тот момент, действительно, не было необходимости водить надзор за эксплуатацией на действующих частных линиях. «Тем не менее, — утверждали они, — следует иметь в виду, что такое сравнительно благополучное положение может измениться к худшему, особенно если принять во внимание, что за последнее время возникло и, несомненно, еще возникнет в будущем целый ряд новых железнодорожных обществ с гарантированным правительством капиталами». Представители контрольного и путейского ведомств подчеркнули, что только с помощью проверки отчетов невозможно обеспечить эффективный контроль над эксплуатацией. Вполне очевидно, что если правительство предоставляет частному капиталу льготы, то оно вправе установить надзор за эксплуатационными оборотами железнодорожных обществ. К этой точке зрения присоединились большинство членов комиссии. Правда, они отчасти разделяли опасения министра финансов о чрезмерном вмешательстве контрольных органов в дела компаний, но полагали, что эту угрозу можно предотвратить с помощью соответствующих статей закона и инструкций Государственного контроля, определяющих порядок проведения ревизий[178].

Инициатива контрольного ведомства взволновала весь «железнодорожный мир». 16 марта 1912 г. председатели правлений наиболее крупных обществ представили министру финансов коллек-

тивный отзыв о проекте «Положения». Они выдвинули принципиальные возражения по всем основным пунктам: 1) расширение ревизионных прав Комиссии по проверке отчетов и распространение их на хозяйственную деятельность администрации дороги противоречит «основаниям частного железнодорожного хозяйства»; 2) практика не подтвердила пользу участия правительственных директоров в правлениях, поэтому уставы вновь учреждаемых обществ уже не предусматривают существования этого института; 3) местный надзор за строительными работами ведется на основе «Правил» 20 июня 1909 г., которые являются «тормозом для успеха дела в тех частях, которые дают контролю право вмешиваться в хозяйственную и техническую сферу действий администрации»; 4) введение контроля над эксплуатацией, «противореча основаниям частного железнодорожного хозяйства», «парализует возможность его успеха и лишает тем самым частные дороги права на существование рядом с казенными, права, однако, признанного и признаваемого правительством».

Авторы отзыва ссылались на позицию министров финансов Н.Х.Бунге, И.А.Вышнеградского и С.Ю.Витте, которые отмечали ряд преимуществ частных дорог перед казенными. Между тем проект предполагал «ввести непосредственное соучастие и вмешательство неответственных чинов Контроля во все хозяйственные и административные предположения и распоряжения обществ». Это противоречило уставам компаний и нарушало их права как юридических лиц, поскольку подобный закон не мог быть введен в действие без согласия акционеров. Наконец, цель проекта препятствовала проведению в жизнь закона 10 июля 1905 г. о привлечении частных капиталов в железнодорожное строительство. Председатели правлений, не отрицая возможности последующего контроля, в очередной раз категорически высказались против применения предварительного контроля, который «неминуемо должен привести к полному расстройству хозяйства и даже к невозможности существования частных железных дорог»[179].

В апреле 1912 г. в «Известиях собрания инженеров путей сообщения» появилась статья Е.В.Корша под названием «Новые тиски», в которой автор резко осудил замыслы Государственного контроля. «Этот проект, — утверждал он, — является смелой попыткой подчинить частное железнодорожное строительство и эксплуатацию частных железных дорог тому именно контрольному надзору, в тисках которого уже два десятка лет буквально задыхаются казенные железные дороги». Е.В.Корш писал, что председатели правлений «примут все возможные и доступные им меры к ограждению руководимых ими обществ от угрожающей последним беды». Он полностью поддержал их критический отзыв, который, по его словам, «рисует такую яркую и убедительную картину неизбежных последствий осуществления контрольного проекта, что неприемлемость последнего вырисовывается с полной очевидностью»[180].

Под давлением министра финансов В.Н.Коковцова, который в 1911—1914 гг. занимал также пост председателя Совета министров, государственный контролер пошел на компромисс. В новом варианте проекта, подготовленном к осени 1913 г., были сделаны существенные уступки. Контроль над эксплуатационными оборотами признавался исключительной и временной мерой, которая должна применяться только в случае нарушения законов или уставов компаний, а также совершения действий, наносящих ущерб казне. Контрольные органы не имели права вмешиваться в хозяйственные распоряжения администрации и лишь следили за соблюдением финансовых интересов государства.

Прямой надзор за эксплуатацией устанавливался на срок не менее полутора лет по представлению государственного контролера, согласованному с министрами финансов и путей сообщения. Он осуществлялся не местной контрольной частью, а командируемой Государственным контролем подкомиссией, в состав которой могли входить также представители финансового и путейского ведомств. Подкомиссия обладала правом предварительной и фактической ревизии дел администрации дороги и подчиненных ей структур. Из проекта был исключен пункт о директорах от Государственного контроля в правлениях компаний. Остальные положения П.А.Харитонову удалось отстоять.

В ноябре 1913 г. проект поступил на отзыв в министерства финансов и путей сообщения. Вскоре были получены положительные отзывы В.Н.Коковцова и С.В.Рухлова. 4 июня 1914 г. государственный контролер внес проект в Совет министров. В своем представлении П.А.Харитонов отметил, что в настоящее время надзор за более чем сорока действующими железнодорожными компаниями основывается «на отдельных постановлениях, содержащихся в железнодорожных уставах, недостаточно согласованных между собой, и на отдельных узаконениях, не охватывающих всей области наблюдения Государственного контроля за частными железными дорогами». Поэтому «установление порядка и правил контрольного надзора над частными железными дорогами силой общего закона представляется существенно необходимым»[181]. Однако вскоре началась война, и обсуждение вопроса было отложено. События 1917 г. окончательно разрушили планы Государственного контроля.

* * *

Причиной проведения контрольно-финансовых мероприятий было состояние сети железных дорог, созданной акционерными обществами при финансовой поддержке государства. Отрицательные последствия «концессионной горячки» 1860-х — 1870-х гг. свидетельствовали об опасности попыток правительства в кратчайший срок преодолеть экономические трудности, сделав ставку на стимулирование фактически бесконтрольного частного предпринимательства. Принципиальный отказ правительства от вмеша-

тельства во внутренние дела компаний способствовал возникновению глубокого кризиса железнодорожного транспорта, который с особой силой проявился во второй половине 1870-х гг. Существование частного железнодорожного хозяйства, широко финансируемого казной и не контролируемого государством, было аномалией для традиций экономической политики России. Целью железнодорожных реформ, проведенных в царствование Александра III, было восстановление регулирующей функции государственной власти в одной из важнейших отраслей экономики.

Частью этих преобразований были контрольно-финансовые мероприятия. В их проведении участвовали три ведомства — Министерство путей сообщения, Министерство финансов и Государственный контроль. Каждое из этих трех учреждений, исходя из собственных соображений о путях реформирования железнодорожного хозяйства, стремилось максимально расширить свои контрольные функции на частных линиях. Контрольно-финансовые мероприятия проводились в обстановке острой межведомственной борьбы, поражение в которой потерпело Министерство путей сообщения, уступившее часть своих полномочий сначала Государственному контролю, а затем Министерству финансов. Путейское ведомство сохранило за собой в основном лишь технические функции. Государственный контроль осуществлял прямой надзор за эксплуатацией и строительством некоторых дорог, проверял отчеты компаний. Министерство финансов, занимаясь финансированием железнодорожных обществ, контролировало их доходы и расходы. Рассредоточение надзора по разным ведомствам имело свои положительные стороны. Каждое из них курировало ту область железнодорожного хозяйства, в которой оно было наиболее компетентно. Вместе с тем эти министерства в межведомственных комиссиях совместно рассматривали и утверждали ежегодные эксплуатационные сметы компаний и расценочные ведомости на строительные работы.

При осуществлении контрольно-финансовых мероприятий частные общества не раз выступали против усиления надзора. Но их точка зрения, как правило, не принималась во внимание в правительственных кругах. Отзывы правлений в большинстве случаев запрашивалось лишь формально. Только Министерство финансов в ходе дискуссий с путейским и контрольным ведомствами использовало мнение предпринимателей для доказательства преимуществ системы «смешанного» железнодорожного хозяйства.

Установление контроля над доходами и расходами железнодорожных обществ стало крупным событием в железнодорожной политике. Отношения казны с частными компаниями были поставлены на законодательную основу. Правительство ограничило разорительный для государства финансовый произвол железнодорожных обществ, который расцветал при старой концессионной системе. Контрольно-финансовые мероприятия, наряду с изданием в 1885 г. Общего устава российских железных дорог и реформой тарифов, облегчили постепенное огосударствление наименее доход-

ных линий и сыграли важную роль в расширении казенного железнодорожного хозяйства, которое к началу XX в. охватывало 70% всей сети. Большинство соглашений правительства с железнодорожными обществами о выкупе состоялось после 1887 г., когда учрежденная на частных дорогах система надзора уже доказала свою эффективность. К тому времени железнодорожные «короли» поняли, что эпоха «бесконтрольного счетоводства» канула в прошлое и им больше не удастся получать сверхдоходы при попустительстве правительственных органов. Поэтому правления компаний, имеющих особенно высокую задолженность казне, сами вступили в переговоры с Министерством финансов о переходе своих дорог в собственность государства.

Вместе с тем установление административного надзора позволило улучшить состояние дорог, оставшихся в частном владении, повысить их доходность и сократить непроизводительные расходы. Благодаря успеху контрольно-финансовых мероприятий, правительство пришло к выводу, что сохранение рентабельных частных линий способствует развитию железнодорожной сети и больше не угрожает финансовым интересам государства. Напротив, подобная практика создавала условия для увеличения доходов казны, которая получила возможность не только вернуть, но и приумножить суммы, затраченные на строительство и эксплуатацию этих дорог. Положительные результаты применения предварительного и фактического контроля по отношению к доходам и расходам железнодорожных обществ убедили контрольное ведомство в возможности распространения этих форм ревизии и на другие отрасли государственного хозяйства. Опыт рассмотренных контрольно-финансовых мероприятий свидетельствует о том, что в специфических условиях России развитие частной инициативы должно сочетаться с методами государственного регулирования, постоянное совершенствование которых является одной из основных задач экономической политики.

Мероприятия 1884—1892 гг. способствовали утверждению на огромных пространствах России «смешанной» системы железнодорожного хозяйства, которая соответствовала условиям и потребностям страны. Тем не менее контрольное ведомство в начале XX в. предприняло ряд попыток расширить сферу своей компетенции на частных дорогах. Этот курс встретил сопротивление Министерства финансов, которое проводило политику привлечения в железнодорожное строительство частных капиталов. Конфликт завершился частичной победой Государственного контроля, которому удалось провести компромиссный вариант общего закона о надзоре за эксплуатацией и строительством дорог через стадии предварительного обсуждения. Но война и революция положили конец многолетней ведомственной борьбе и открыли новую главу в истории железнодорожного транспорта России.

Примечания

[1] Поддержка данного проекта была осуществлена Программой «Межрегиональные исследования в общественных науках», Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерством образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Институтом «Открытое общество» (фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данной статье, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

[2] Чупров А.И. Железнодорожное хозяйство. Т. I—III. М., 1875—1878; Блиох И.С. Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т. I—IV. СПб., 1878; Головачев А.А. История железнодорожного дела в России. СПб., 1881; Георгиевский П.И. Исторический очерк развития путей сообщения XIX века. СПб., 1893; Верховский В.М. Краткий исторический очерк начала и распространения железных дорог в России по 1897 г. включительно. СПб., 1898; Виргинский В.С. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1949; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975; История железнодорожного транспорта России. Т. 1. 1836—1917. СПб., 1994; и др.

[3] Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. III. СПб., 1902. С. 322.

[4] Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (далее — ПСЗ III). Т. V. № 3055.

[5] Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III: 1881—1894. СПб., 1901. С. 23—37; Кислинский Н.А. Указ. соч. Т. III. С. 27—40; Т. IV. СПб., 1902. С. 4—30; Министерство финансов: 1802—1902. Ч. II. СПб., 1902. С. 274—277; Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III: (1881—1894). СПб., 1902. С. 576—579; Государственный контроль: 1811—1911. СПб., 1911. С. 232—255, 313—315; Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889—1913 гг. СПб., 1914. С. 118—125.

[6] Георгиевский П.И. Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и западно-европейских государствах. СПб., 1887. С. 310—312; Сакович В.А. Государственный контроль в России: Его история и современное устройство в связи с изложением сметной системы, кассового порядка и устройства государственной отчетности. Ч. I. СПб., 1898. С. 136—138; Мигулин П.П. Русский государственный кредит: (1769—1899): Опыт историко-критического обзора. Т. I. Харьков, 1899. С. 580; Т. II. Харьков, 1900. С. 266—272; Василевский И.Р. Государственный контроль как охранитель народных интересов за границей и в России: (Популярно-критический очерк). СПб., 1907. С. 40—44; Кремяновский М. Государственный контроль в России за сто лет // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 136—140, 151—152.

[7] Рихтер И.И. К истории железнодорожной ревизии в России. Киев, 1894; он же. Контрольный надзор над оборотами эксплуатации частных железных дорог и условия успешного его водворения. СПб., 1894; он же. Конец спора: Послесловие статьи «К истории железнодорожной ревизии в России». Киев, 1895; он же. Десять лет железнодорожной ревизии: Итоги. СПб., 1900; Тальберг В.Г. Государственный фактический и предварительный контроль в железнодорожном хозяйстве. Киев, 1896; Делла-Вос А. Контур фактического контроля в железнодорожном хозяйстве. Харьков, 1908.

[8] Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России: (Очерки истории). М., 1959. С. 84—86, 102—103.

[9] Соловьева А.М. Указ. соч. С. 159—163.

[10] Финансовое положение русских обществ железных дорог к 1 января 1880 года. Ч. II. Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования железнодорожного дела в России. С. 9, 49, 178; Бржеский Н. Государственные долги России. СПб., 1884. Приложение. С. 59; Погребинский А.П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60—90-е годы XIX в.) // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 154—170; Соловьева А.М. Указ. соч. С. 95—118; Елютин О.Н. Российское железнодорожное хозяйство под огнем критики (1870—1880-е годы) // Вестник Московского университета. 2001. Серия 8. История. № 6. С. 25—50.

[11] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4187. Приложения к журналам Комитета министров за сентябрь 1881 г. Л. 824об.—826; Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III. С. 23—24; Государственный контроль. С. 233—234.

[12] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1881 год. СПб., 1882. С.71.

[13] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1873 год. СПб., 1874. С. 31, 32.

[14] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1875 год. СПб., 1876. С. 57—58.

[15] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 42, 175об.

[16] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1877 год. СПб., 1878. С. 65—66.

[17] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 40, 40об.

[18] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1880 год. СПб., 1881. С. 85.

[19] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 42—43об.

[20] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1878 год. СПб., 1879. С. 64.

[21] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 43об.—44.

[22] Там же. Д. 4026. Журналы Комитета министров за март 1879 г. Л. 103—104, 108—108об.

[23] Там же. Д. 4104. Приложения к журналам Комитета министров за 1880 г. Л. 86.

[24] Там же. Д. 4102. Журналы Комитета министров за июнь 1880 г. Л. 212об.

[25] Там же. Д. 4119. Журналы Комитета министров за декабрь 1880 г. Л. 151—151об., 154—155; Полное собрание законов Российской империи. Собрание II (далее — ПСЗ II). Т. LV. № 61679.

[26] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4187. Приложения к журналам Комитета министров за сентябрь 1881 г. Л. 828об.— 831об.

[27] Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 1896. О мерах к скорейшему производству ревизии отчетности правлений железнодорожных обществ. Л. 13—13об., 16—26об., 27—28, 29—32.

[28] Государственный контроль. С. 222, 223.

[29] Там же. С. 229—232.

[30] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4187. Приложения к журналам Комитета министров за сентябрь 1881 г. Л. 816—855.

[31] Там же. Л. 856—901.

[32] Там же. Д. 4186. Журналы Комитета министров за сентябрь 1881 г. Л. 180—188об.

[33] Там же. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 25—35, 36—39.

[34] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1881 год. С. 76.

[35] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1543. О правительственном надзоре за оборотами железнодорожных обществ. Л. 98—101об.

[36] Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 3—21об., 222—227; Ф. 219. Оп. 1. Д. 1896. О мерах к скорейшему производству ревизии отчетности правлений железнодорожных обществ. Л. 158—164об., 218—228об.

[37] Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4324. Приложения к журналам Комитета министров за август 1883 г. Л. 662—662об.

[38] Там же. Д. 4322. Журналы Комитета министров за август 1883 г. Л. 233об., 234.

[39] Там же. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 142—158об., 159—162, 163—170об., 171—202об., 228—240; 254—268; см. также: Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1883 год. СПб., 1884. С. 108—109.

[40] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4387. Журналы Комитета министров за май 1884 г. Л. 93—96.

[41] Там же. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 269—276об.

[42] Там же. Д. 4387. Журналы Комитета министров за май 1884 г. Л. 97—165об.; ПСЗ III. Т. IV. № 2317.

[43] РГИА. Ф. 1152. Оп. X. 1884 г. Д. 397. О расходах на содержание контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог; ПСЗ III. Т. IV. № 2588.

[44] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1886 год. СПб., 1887. С. 122—128; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1887 год. СПб., 1888. С. 150—154; Общий обзор развития и деятельности Государственного контроля в царствование государя императора Александра III. С. 29—30; Государственный контроль. С. 247.

[45] Мигулин П.П. Указ. соч. Т. II. С. 269.

[46] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1887 год. С. 154.

[47] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4610. Приложения к журналам Комитета министров за декабрь 1887 г. Л. 94—129об.

[48] Там же. Д. 4609. Журналы Комитета министров за декабрь 1887 г. Л. 20, 53—57об.; ПСЗ III. Т. VII. № 4872.

[49] РГИА. Ф. 1152. Оп. X. 1888 г. Д. 143. О расходах на содержание контрольных учреждений по надзору за оборотами частных железных дорог; ПСЗ III. Т. VIII. № 5201.

[50] Мигулин П.П. Указ. соч. Т. II. С. 269—270.

[51] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4844. Приложения к журналам Комитета министров за февраль 1891 г. Л. 485—494об.

[52] Там же. Д. 4843. Журналы Комитета министров за февраль 1891 г. Л. 193; ПСЗ III. Т. XI. № 7485.

[53] РГИА. Ф. 1152. Оп. XI. 1891 г. Д. 206. Об устройстве контрольного надзора за оборотами Оренбургской, Ивангород-Домбровской, Риго-Динабургской, Орловско-Грязской, Козлово-Воронежско-Ростовской и Грязе-Царицынской железных дорог; ПСЗ III. Т. XI. № 7780.

[54] Мигулин П.П. Указ. соч. Т. II. С. 269—271.

[55] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1889 год. СПб., 1890. С. 142—143.

[56] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1888 год. СПб., 1889. С. 167.

[57] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1889 год. С. 137; см. об этом также: Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1890 год. СПб., 1892. С. 131.

[58] РГИА. Ф. 1152. Оп. X. 1885 г. Д. 656. О расходе на содержание Комиссии для поверки отчетов частных железных дорог; ПСЗ III. Т. VI. № 3509.

[59] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1886 год. С. 134.

[60] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1888 год. С. 169.

[61] РГИА. Ф. 1149. Оп. XI. 1889 г. Д. 27. О поверке контрольных отчетов по частным железным дорогам; ПСЗ III. Т. IX. № 6037.

[62] РГИА. Ф. 1152. Оп. XI. 1891 г. Д. 83. Об устройстве и расходах на содержание контрольной части для поверки годовых отчетов частных железных дорог, не подлежащих ближайшему контрольному надзору. Л. 2—14об., 15—16, 17; ПСЗ III. Т. XI. № 7557.

[63] РГИА. Ф 1152. Оп. XI. 1894 г. Д. 393. Об организации контрольной поверки отчетов частных железных дорог, не подчиненных ближайшему правительственному надзору. Л. 2—11, 12—12об., 14, 15—18; ПСЗ III. Т. XV. № 11266.

[64] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1889 год. С. 149; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1891 год. СПб., 1892. С. 135; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1900 год. СПб., 1901. С. 137—139; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 год. СПб., 1902. С. 124—125; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1904 год. СПб., 1905. С. 138; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 год. СПб., 1906. С 133; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1909 год. СПб., 1910. С. 283—284; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. СПб., 1911. С. 238—239; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1911 год. СПб., 1912. С 183—184; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1912 год. СПб., 1913. С. 264; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1914 год. СПб., 1915. С. 197; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1915 год. СПб., 1916. С. 205.

[65] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4593. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1887 г. Л. 818—837об.

[66] Там же. Д. 4592. Журналы Комитета министров за июнь 1887 г. Л. 301, 329об.—331об.; ПСЗ III. Т. VII. № 4620.

[67] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1874 год. СПб., 1875. С. 31.

[68] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1881 год. С. 70.

[69] РГИА. Ф. 1152. Оп. IX. 1880 г. Д. 186. Об ассигновании 5532109 р. 30 к. на расходы по уплате правительственной гарантии обществам железных дорог за 1879 г. Л. 9об., 10, 11.

[70] Там же. Оп. X. 1884 г. Д. 582. О финансовой смете Временного управления казенных железных дорог на 1885 год. Л. 18.

[71] Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1293. О разработке сметных правил для железнодорожных обществ. Л. 36—47, 48—51.

[72] Там же. Ф. 1152. Оп. X. 1888 г. Д. 151. По проекту правил о производстве расходов при эксплуатации железных дорог. Л. 2—6об., 7—17, 18—56, 67—72; ПСЗ III. Т. VIII. № 5246.

[73] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4389. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1884 г. Л. 43.

[74] Там же. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1543. О правительственном надзоре за оборотами железнодорожных обществ. Л. 6—15.

[75] Там же. Д. 1546. О назначении правительственных директоров в правления железнодорожных обществ. Л. 1—3об.

[76] Там же. Ф. 1152. Оп. X. 1887 г. Д. 403. О назначении в состав правления Общества Привислинской железной дороги директора от Министерства финансов; ПСЗ III. Т. VII. № 4881.

[77] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1546. О назначении правительственных директоров в правления железнодорожных обществ; Ф. 1152. Оп. XII. 1897 г. Д. 135. По вопросу о служебных правах правительственных директоров в правлениях железнодорожных обществ.

[78] Там же. Ф. 268. Оп. 6. Д. 64. О назначении правительственных директоров в правления железнодорожных обществ.

[79] Государственный контроль. С. 239—240.

[80] ПСЗ II. Т. LV. Отд. I. № 61885.

[81] Систематический сборник узаконений и общих распоряжений, относящихся до постройки и эксплуатации железных дорог казною и последовавших в период времени с начала 1881 г. по 31 мая 1898 г. включительно. СПб., 1900. С. 886—890.

[82] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1884 год. СПб., 1885. С. 118.

[83] ПСЗ III. Т. II. № 1122.

[84] Систематический сборник узаконений и общих распоряжений С. 883—886.

[85] ПСЗ III. Т. XII. № 8888.

[86] Систематический сборник узаконений и общих распоряжений С. 13—18.

[87] Там же. С. 36—47.

[88] ПСЗ III. Т. XIX. Отд. I. № 16822.

[89] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5267. Приложения к журналам Комитета министров за апрель 1897 г. Л. 497об.—498, 549—566об.; Государственный контроль. С. 245—246.

[90] Государственный контроль. С. 312—313.

[91] Соловьева А.М. Указ. соч. С. 162.

[92] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1874 год. С. 31.

[93] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1880 год. С. 84.

[94] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4187. Приложения к журналам Комитета министров за сентябрь 1881 г. Л. 821об., 822, 822 об., 832, 834, 855.

[95] Там же. Ф. 219. Оп. 1. Д. 1896. О мерах к скорейшему производству ревизии отчетности правлений железнодорожных обществ. Л. 229—230, 231—233, 234—235.

[96] ПСЗ III. Т. VIII. № 5251; Государственный контроль. С. 250.

[97] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1883 год. С. 107—108.

[98] РГИА. Ф. 1152. Оп. XI. 1889 г. Д. 277. Об увеличении провозоспособности нашей железнодорожной сети и о пополнении военного парка паровозов. Л. 31—31об., 34об.—35, 39об., 44—50.

[99] Там же. Ф. 576. Оп. 23. Д. 7. История организации контрольного надзора за работами по постройке и усилению государственных железных дорог за счет гарантированных правительством капиталов и о составлении правил сего надзора. Л. 11—22, 24—37.

[100] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1890 год. С. 118—120.

[101] ПСЗ III. Т. XI. № 7799, 7828, 7867.

[102] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1891 год. С. 104; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1892 год. СПб., 1893. С. 113—114.

[103] РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 778. Записки помощника управляющего Тарифным отделом Министерства путей сообщения Н.Н. Изнара. Л. 152, 158, 159; Кислинский Н.А. Указ. соч. Т.III. С. 252—254; Соловьева А.М. Указ. соч. С 236.

[104] Кислинский Н.А. Указ. соч. Т. III. С. 255—258.

[105] Там же. С. 258—263.

[106] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 287. О сооружении железной дороги от Рязани до Казани. Ч. III. Л. 15—33об.

[107] Там же. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4849. Журналы Комитета министров за апрель 1891 г. Л. 291—293об.

[108] Внесенные государственным контролером бумаги и материалы, бывшие в распоряжении Высочайше учрежденного 6 марта 1891 г. совещания: По предложению правления Общества Рязано-Козловской железной дороги о расширении его предприятия. [СПб., 1891]. С. 51—52.

[109] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4979в. Приложения к журналам Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 17 и 23 декабря 1891 г. и 1892 г. Л. 2—31, 32—50об., 51—65, 66—68.

[110] Соединенное присутствие Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета во главе с председателем Комитета министров было образовано 11 декабря 1891 г. для обсуждения дел о частных железных дорогах (ПСЗ III. Т. XI. № 8155).

[111] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4979б. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за декабрь 1891 г. и 1892 г. Л. 5—36об., 42—57, 58—77об.

[112] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1894 год. СПб., 1895. С. 100, 101; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1895 год. СПб., 1896. С. 118.

[113] См. всеподданнейший доклад И.А.Вышнеградского от 13 июля 1890 г. о деятельности Департамента железнодорожных дел с марта 1889 г. по 1 июля 1890 г.: РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 2. Всеподданнейшие докладные записки министра финансов за 1890 г. по тарифному отделу Департамента железнодорожных дел. Л. 37об.—39об.

[114] Там же. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1320. О праве железнодорожных обществ кредитоваться у частных лиц и учреждений. Ч. I. Л. 60—61об.

[115] Там же. Ф. 1152. Оп. XI. 1890 г. Д. 32. По вопросу о порядке открытия кредита железнодорожным обществам. Л. 2—12об., 13—14, 15; ПСЗ III. Т. X. № 6635.

[116] Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889—1913 гг. С. 120—121; Соловьева А.М. Указ. соч. С. 160—161.

[117] РГИА. Ф. 1152. Оп. XI. 1890 г. Д. 36. По вопросу о переводе через Иностранное отделение при Особенной канцелярии по кредитной части сумм, потребных на заграничные платежи по бумагам железнодорожных обществ; ПСЗ III. Т. X. Отд. I. № 6657.

[118] РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 2. Всеподданнейшие докладные записки министра финансов за 1890 г. по тарифному отделу Департамента железнодорожных дел. Л. 39.

[119] Ежегодник Министерства финансов. Т. XX. СПб., 1894. С. 50.

[120] РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4787. Приложения к журналам Комитета министров за июнь 1890 г. Л. 2—14об., 15—18, 19—22, 23—40, 42—63, 65—67об.; Ф. 268. Оп. 3. Д. 1394. По проекту правил о порядке распределения чистого дохода, о взносе в казну платежей из сего дохода и о выдаче дивиденда по акциям железнодорожных обществ. Л. 1—22об., 25—38, 45—57об.

[121] Там же. Д. 4786. Журналы Комитета министров за июнь 1890 г. Л. 27—32об.; ПСЗ III. Т. X. № 6921.

[122] Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889—1913 гг. С. 123.

[123] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1394. По проекту правил о порядке распределения чистого дохода, о взносе в казну платежей из сего дохода и о выдаче дивиденда по акциям железнодорожных обществ. Л. 110—111об.

[124] Там же. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4984. Приложения к журналам Комитета министров за январь 1893 г. Л. 112—115об.

[125] Там же. Д. 4983. Журналы Комитета министров за январь 1893 г. Л. 106об.—108об.; ПСЗ III. Т. XIII. № 9273.

[126] РГИА. Ф. 1152. Оп. XII. 1895 г. Д. 506. Об утверждении временных для железнодорожных обществ правил 10 июня 1890 г. в законодательном порядке. Л. 2—6, 48—56, 57; ПСЗ III. Т. XVI. № 12554.

[127] РГИА. Ф. 1152. Оп. XI. 1892 г. Д. 205. По вопросу о порядке представления и рассмотрения эксплуатационных смет частных железных дорог. Л. 47—49об.

[128] Там же. Ф. 560. Оп. 22. Д. 168. Докладные записки министра финансов И.А.Вышнеградского Александру III. Л. 45об.—46.

[129] Там же. Ф. 1152. Оп. XI. 1892 г. Д. 205. По вопросу о порядке представления и рассмотрения эксплуатационных смет частных железных дорог. Л. 36—66.

[130] Там же. Л. 67—70об.

[131] Там же. Ф. 560. Оп. 22. Д. 168. Докладные записки министра финансов И.А.Вышнеградского Александру III. Л. 71об.—72.

[132] Там же. Ф. 1152. Оп. XI. 1892 г. Д. 205. По вопросу о порядке представления и рассмотрения эксплуатационных смет частных железных дорог. Л. 2—35, 80—82об., 83; ПСЗ III. Т. XII. № 8761.

[133] РГИА. Ф. 1152. Оп. XII. 1895 г. Д. 513. О продлении на 3 года, считая с 1 января 1896 г., действия Высочайше утвержденных 18 июня 1892 г. правил о порядке представления и рассмотрения эксплуатационных смет частных железных дорог; ПСЗ III. Т. XVI. № 12534.

[134] РГИА. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1328. По разным предметам. Л. 61—108об.

[135] Там же. Ф. 1152. Оп. XI. 1892 г. Д. 205. По вопросу о порядке представления и рассмотрения эксплуатационных смет частных железных дорог. Л. 9об.—11.

[136] Там же. Д 172. По вопросу об основаниях счетоводства Департамента железных дорог по расчетам казны с железнодорожными обществами. Л. 2—16об., 18—23, 24—30, 32—35, 36; ПСЗ III. Т. XII. № 8733.

[137] Соловьева А.М. Указ. соч. С. 237—248.

[138] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 год. СПб., 1899. С. 133.

[139] Мигулин П.П. Указ. соч. Т. III. Харьков, 1904. С. 521.

[140] Соловьева А.М. Указ. соч. С. 249—250.

[141] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1895 год. С. 119, 120, 121, 125—126.

[142] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5267. Приложения к журналам Комитета министров за апрель 1897 г. Л. 477об.—498об.

[143] Там же. Л. 505—515.

[144] Там же. Л. 531—550об., 568—586.

[145] Там же. Д. 5265. Журналы Комитета министров за апрель 1897 г. Л. 94—104об.

[146] Там же. Д. 5290а. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1897 г. Л. 38—44; Д. 5347а. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1898 г. Л. 35—40об., 47—49об.

[147] Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России. М., 1997. С. 144, 169—171, 196.

[148] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1897 год. СПб., 1898. С. 101—102; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 год. С. 133—134; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1899 год. СПб, 1900. С. 113—114; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1900 год. С. 120—122.

[149] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 год. С. 135.

[150] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5437. Приложения к журналам Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1899 г. Л. 809об.—810об.

[151] Там же. Д. 5438а. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1899 г. Л. 82—87об.; ПСЗ III. Т. XIX. Отд. I. № 17803.

[152] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5464б. Приложения к журналам Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1900 г. Л. 399об., 635об., 670; Д. 5464а. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1900 г. Л. 40—40об., 47, 79—80об.; ПСЗ III. Т. XX. Отд. I. № 18382, 18434.

[153] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1899 год. С. 115, 119.

[154] РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5520. Журналы Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета за 1901 г. Л. 32—40об.; ПСЗ III. Т. XXI. № 19917.

[155] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1900 год. С. 139—140.

[156] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 год. СПб., 1903. С. 95—101; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1903 год. СПб., 1904. С. 88—94; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1904 год. С. 118—122; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 год. С. 113—118.

[157] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1902 год. С. 97—99.

[158] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1905 год. С. 118.

[159] ПСЗ III. Т. XXVI. Отд. I. № 27808.

[160] РГИА. Ф. 1157. Оп. 1. 1907 г. Д. 40. Об увеличении облигационного капитала Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги на покрытие перерасхода по отчуждению имуществ под постройку линий Москва—Крейцбург, Туккум—Виндава и Дно—Новосокольники с сортировочной станцией и соединительными ветвями в Москве. Л. 22—27об.

[161] Там же. Ф. 576. Оп. 23. Д. 7. История организации контрольного надзора Л. 96—97об., 105, 106.

[162] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. С. 203.

[163] РГИА. Ф. 576. Оп. 23. Д. 7. История организации контрольного надзора Л. 108—114.

[164] ПСЗ III. Т. XXVIII. № 30833, 30834, 30835, 30838.

[165] Там же. Т. XXX. Отд. I. № 33353, 33357, 33783, 33903, 33904, 33905.

[166] РГИА. Ф. 1157. Оп. 1. 1910 г. Д. 10. Об увеличении стоимости работ по постройке линии Люберцы—Арзамас Общества Московско-Казанской дороги, по сооружению моста через Волгу на этой дороге и по усилению ее участка Люберцы—Москва.

[167] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. С. 204, 206.

[168] ПСЗ III. Т. XXV. Отд. I. № 26385.

[169] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. 1910 г. Д. 252. Об изменении условий образования частных железнодорожных обществ. Л. 117—119, 138—138об., 244об.

[170] Там же. Ф. 576. Оп. 23. Д. 7. История организации контрольного надзора Л. 122об.—123.

[171] Там же. Ф. 1276. Оп. 6. 1910 г. Д. 252. Об изменении условий образования частных железнодорожных обществ. Л. 319.

[172] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1908 г. Сессия первая. Ч. II. СПб., 1908. Стлб. 619—658; там же. 1909 г.

Сессия вторая. Ч. II. СПб., 1909. Стлб. 1736—1774; там же. 1910. Сессия третья. Ч. III. СПб., 1910. Стлб. 1588—1611; там же. 1911. Сессия четвертая. Ч. III. СПб., 1911. Стлб. 1051—1066. См. также: Езерский Ф.В. Нужды Государственного контроля. СПб.; М., 1905; Василевский И.Р. Государственная дума и бюджетный контроль наших финансов. СПб., 1906; он же. Государственный контроль как охранитель народных интересов за границей и в России: (Популярно-критический очерк); Танский Ю. О преобразовании Государственного контроля. СПб., 1906; Яшунский И. Государственный контроль и Государственная дума // Право. 1913. № 11. 17 марта; Шингарев А.И. К вопросу о реорганизации Государственного контроля // Новый экономист. 1913. № 15; он же. Государственный контроль и частные железнодорожные общества // Новый экономист. 1914. № 8—9.

[173] Государственная дума: Доклады Бюджетной комиссии. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910—1911 гг. Т. I. № 15. С. 7.

[174] Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. 1911 г. Сессия четвертая. Ч. III. СПб., 1911. Стлб. 1066.

[175] Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. С. 207.

[176] РГИА. Ф. 576. Оп. 23. Д. 7. История организации контрольного надзора Л. 144—161об.

[177] Там же. Ф. 990. Оп. 1. Д. 195. Проект «Положения о надзоре Государственного контроля за оборотами железнодорожных обществ». Л. 1—8об.

[178] Там же. Ф. 1276. Оп. 11. 1915 г. Д. 592. По проекту «Положения о контрольном надзоре за оборотами частных железных дорог». Л. 6—12об., 16.

[179] Там же. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1490. Отзыв правлений частных железных дорог по проекту «Положения о надзоре Государственного контроля за оборотами железнодорожных обществ». Л. 1—11.

[180] Известия собрания инженеров путей сообщения. 1912. 21 апреля. № 15. С. 5—7.

[181] РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. 1915 г. Д. 592. По проекту «Положения о контрольном надзоре за оборотами частных железных дорог». Л. 13—15, 20об.—28.

*А.К. Соколов**

Нэп и военная промышленность Советской России

Долгое время одним из главных препятствий для основательных исследований в области военного производства была секретность всех данных, связанных с механизмами функционирования, взаимодействия различных его элементов, принятием основополагающих решений, ассигнованием производства тех или иных видов вооружений и т.п. Советская литература по данным вопросам имела преимущественно эпизодический и апологетический характер, не отвечающий целям объективного анализа, и преследовала цель внушить чувство безопасности рядовым советским гражданам, а у западных стран, которые в условиях «холодной войны» рассматривались в качестве вероятных противников, создать представление о советской военной мощи. Поэтому исследование того, что в реальности представлял собой советский военно-промышленный комплекс (ВПК), какие угрозы исходили от СССР в связи с ростом и расширением последнего, выпало на долю ученых Запада. С падением коммунистического режима завеса тайны вокруг советского ВПК стала слегка приоткрываться, и в России и на Западе стали появляться работы, основанные на новых источниках и подходах, дающие новые оценки[1]. Как представляется, дополнительные перспективы для дальнейших исследований открывает подготовка многотомной публикации документов по истории оборонно-промышленного комплекса России и СССР, которая сегодня осуществляется в России рядом научных и архивных учреждений.

Данная статья лежит в русле осмысления материалов первых двух томов публикации, вышедших в свет в 2003 г. Они в общем-то касаются предыстории советского ВПК, посвящены тем процессам, которые происходили в военной промышленности России в первой четверти XX в. Введение в научный оборот новых ранее засекреченных документов позволяет пролить свет на ряд, казалось бы, давно решенных проблем становления и развития советской экономики и военно-промышленного производства как составной его части. Статья, разумеется, не может охватить всех вопросов, которые всплывают в связи с изданием новых документов. Автор затрагивает лишь некоторые из них, которые кажутся

* Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

наиболее актуальными для истории советского ВПК, прямо или косвенно выходят на проблемы экономического развития современной России и других стран.

Первый вопрос, который затрагивается, — это проблема исторической преемственности, ее влияния на формирование советской военной доктрины и концепции военно-промышленного производства. Изучение данного вопроса невозможно без учета исторического контекста, т. е. воздействия больших политических событий, таких как Первая мировая война, установление большевистской диктатуры, Гражданская война, приведшие к изоляции Советской России на международной арене.

Второй вопрос касается взаимодействия плана и рынка в области производства вооружений в условиях провозглашенной большевиками новой экономической политики. Этот вопрос приобрел неожиданную актуальность для современной России, выстраивающей свою военно-промышленную политику на основе рыночных отношений, взаимодействия государства, государственных корпораций, частных фирм и предприятий.

Третий вопрос, недостаточно освещенный в литературе, относится к анализу реального состояния советской военной промышленности в момент установления сталинской диктатуры, выяснению того, в какой мере оно отвечало ее целям и задачам, к каким выводам приходили военные и политики, определяя перспективы развертывания различных видов вооружений.

И, наконец, главное, — это выяснение вопроса о том, в какой степени проблемы военного производства вели к свертыванию нэпа, переходу к директивному планированию и становлению командной экономики сталинского типа, переход от которой к современным рыночным отношениям составляет суть процессов, происходящих сегодня в России.

I

Россия до 1914 г. была страной, существенно отставшей от передовых стран в области производства современных вооружений. Более или менее налажен был выпуск ручного огнестрельного оружия (винтовки) и артиллерии. Сильно отставали такие отрасли, как производство боеприпасов, химическая и электротехническая. Перед лицом грядущей войны правительство не предпринимало особенных усилий, чтобы вывести вооруженные силы на уровень тогдашних требований. Только в 1912 г. было принята военно-морская программа, предусматривавшая *на пять лет вперед* строительство новых больших военных кораблей и развертывание подводного флота.

Слабости в вооружении русской армии выявились сразу же после начала Первой мировой войны, особенно при непосредственном столкновении с более технически оснащенными вооруженными силами кайзеровской Германии. Недостаток вооружений Россия возмещала союзническими поставками из стран Антанты,

но это лишь отчасти компенсировало недовооруженность русской армии, приводя к тяжелым поражениям и вызывая повышенные потери и жертвы среди личного состава. В результате правительство вынуждено было прибегнуть к экстраординарным и мобилизационным мерам для того, чтобы увеличить производство оружия и боеприпасов, наладить выпуск их более современных образцов. *Создание чрезвычайных органов* (особых совещаний) для организации производства в качестве реакции на трудности военного времени становилось своего рода традицией. В этом смысле особенно характерна деятельность созданного при правительстве Особого совещания по обороне государства. Война потребовала от России такой степени мобилизации экономики на военные нужды, такого напряжения сил, каких, наверное, не было ни в одной из воюющих стран.

Война послужила стимулом для бурного прогресса военной техники. На полях сражений возрастающую роль играли авиация, танки, автомобили, подводный флот, военная химия, средства связи и т.д. Нельзя сказать, что в России в годы войны не предпринималось никаких шагов в деле производства новых видов вооружений. Напротив, недавно открытые для научной общественности документы свидетельствуют, что в этой области делалось немало, но одновременно нельзя не заметить, что все это происходило с большим запозданием и в течение долгого времени, в количествах, далеких от требуемых. Только на развертывание обычных вооружений понадобилось два года, причем достигнуто это было путем дополнительных мобилизационных усилий и ужесточения принудительных мер в экономике. Анализ документов советского времени показывает, что *изучение и обобщение опыта Первой мировой войны* занимало большое место в выработке военно-промышленной политики советского руководства.

Особенностью военной промышленности в дореволюционной России был *высокий удельный вес казенных (государственных) предприятий*, работавших по заказам военных ведомств. Многие из них отличались отсталой техникой и организацией труда. Размещение заказов на частных и иностранных заводах вырастало в большую проблему ввиду недостатка средств при более высоких ценах на поставляемую продукцию в негосударственном секторе и у зарубежных производителей. В годы войны произошло довольно резкое столкновение между государством и предпринимателями, в результате которого многие предприятия, работавшие на оборону, подверглись секвестру (введению на них правительственного управления), что проложило путь к последующей *большевистской национализации заводов и фабрик*.

Большевики, пришедшие к власти в 1917 г., рассчитывая на заключение мира с Германией и ее союзниками, сделали ставку на ослабление военной напряженности и начали демобилизацию промышленности. Военные программы, разработанные в царской России, были свернуты. В период захвата власти среди большевиков не были редкостью утопические рассуждения о том, нужно им

или не нужно военное производство, если продвигать мировую революцию или защищаться в случае нападения. Однако разрастание Гражданской войны повернуло ход событий в другую сторону и привело к установлению в исключительно короткий срок системы *«военного коммунизма»* на российской территории, подвластной большевикам.

Созданная система зиждилась на полном огосударствлении экономики, подчиненной нуждам войны, на сверхцентрализации управления, построенного на основе главков (главных управлений), на мобилизациях и реквизициях под предлогом военной спешности, на подавлении рыночных механизмов, принудительном труде и терроре. В этой системе легко *прослеживались черты, присущие военной экономике дореволюционной России, а порядки, установленные на национализированных большевиками предприятиях, были близки тем, которые существовали на российских казенных заводах до 1917 г.*

«Военный коммунизм» довел до предела создание огромного числа *чрезвычайных органов и комиссий*, призванных обеспечивать Красную Армию, численность которой на конец Гражданской войны превысила 5 млн человек. Деятельность всех этих органов подчинялась Чрезвычайному уполномоченному Совета обороны (ЧУСО, Чусоснабарму) — своеобразному прообразу Государственного комитета обороны (ГКО), созданного в СССР в годы Второй мировой войны. Военные заводы в 1919 г. были подчинены Совету военной промышленности (СВП, Промвоенсовету) при ЧУСО, а также Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) — главному штабу национализированной большевиками промышленности. СВП представлял собой особый главк. Им руководил большевик П.А.Богданов, идеи которого, в сущности, легли в основу концепции советского ВПК.

Не касаясь вопроса о том, в какой мере большевикам удалось наладить военное производство, привести в действие потенциал, унаследованный от старой России, и обеспечить победу над своими противниками в годы Гражданской войны (данные показывают, что лишь в малой степени), следует указать на два важных аспекта, связанных с наследием «военного коммунизма» в советской экономике. Не будь этого, сам «военный коммунизм» в России оказался бы любопытным казусом мировой истории, показывающим, при каких условиях экономика существовать не может и является абсолютно неэффективной и бесперспективной.

Некоторые современные российские авторы справедливо называют «военный коммунизм» «экономической чумой», которая рассыпала свои «бациллы» в последующей советской истории[2]. Действительно, если обратиться к истории управления советской военной промышленностью в 1920-е гг., то в нем можно проследить немало элементов «военного коммунизма». При проведении нэповских реформ, предусматривавших частичную денационализацию и создание более или менее независимых трестов, действующих на началах коммерческого расчета, это мало коснулось воен-

ных заводов. Большинство их осталось в ведении Главного управления военной промышленности (ГУВП при ВСНХ), и лишь некоторые были переданы в подчинение трестам[3].

Вопросы выработки общей стратегии в деле обороны страны в силу устройства большевистского государства должны были решаться Политбюро ЦК РКП(б). Те же функции, с уклоном в область военную и политическую, возлагались на Революционный военный совет (РВС), а именно: утверждать численность вооруженных сил, их структуру, перспективы развития военной промышленности, размеры военных заказов, осуществлять назначение главных военных руководителей. Все практические вопросы оборонного строительства направлялись в СНК и его военный комиссариат (Наркомвоенмор) и Штаб РККА. Они должны были определять потребности в конкретных видах вооружений. Совет труда и обороны (СТО при СНК) выполнял функции специальной комиссии по решению практических вопросов, связанных с мирным и военным производством. Госплан при СТО, возникший в условиях «военного коммунизма» и положивший начало директивному планированию, отвечал за составление текущих и перспективных планов, в том числе в области вооружений. Фактическое же производство вооружений сосредотачивалось в ВСНХ, размещавшем военные заказы (Комитет военных заказов — КВЗ ВСНХ) по предприятиям, в том числе по военным заводам, подчиненным ГУВП. Все предприятия, связанные с вооружением и снабжением армии, включались в систему *Военпрома*, а военные ведомства, разрабатывавшие программы и планы их производства, — в систему *Военведа*. Среди органов, созданных большевиками после Гражданской войны, важно учесть Комитет по де- и мобилизации промышленности при ВСНХ. Если на первых порах он занимался в основном обследованием всех предприятий Советской России в связи с их переводом на мирные рельсы, то постепенно в его деятельности главное место стали занимать вопросы мобилизационной готовности и составления мобилизационных планов (мобпланов) гражданских отраслей.

Окончание Гражданской войны в России означало, что страна вступает в мирную полосу развития. В июне 1921 г. РВС объявил о сокращении военных заказов. Началась демобилизация Красной Армии. К концу 1921 г. ее численность сократилась до 1,6 млн человек, 1922 г. — до 800 тыс., 1923 г. — до 610 тыс. человек. С 1924 г. специальная комиссия РВС приступила к реализации военной реформы, приспособленной к условиям мирного времени. Некоторые авторы считают, что в основу реформы была положена своего рода концепция национально-оборонительной войны[4], а ее автором был М.В.Фрунзе, в 1925 г. сменивший на посту главного комиссара по военным делам Л.Д.Троцкого — решительного сторонника экспорта революции в другие страны. Однако это не совсем так. В те годы советское государство просто не могло позволить себе содержание большой кадровой армии, не говоря уже о производстве вооружений. В результате осуществления реформы

была введена территориально-милиционная система организации военной службы. Численность кадрового состава Красной Армии была ограничена 562 тыс. человек. Они-то и должны были служить базой для подготовки резервов (без отрыва или с частичным отрывом от производства). На эту численность армии и было рассчитано производство вооружений в стране.

В документах того времени, исходивших от военных, часто упоминается о пацифистских и демобилизационных настроениях в руководстве страны, с которыми приходилось бороться Военведу и Военпрому. Однако о пацифизме как идеологии среди большевиков вряд ли стоит говорить. Скорее, подобные настроения отражали крайнюю степень усталости страны от бесконечной череды военных испытаний начиная с 1914 г. Отсюда проистекало нежелание многих руководителей заниматься практическими делами обороны, несмотря на риторику о «грядущей империалистической войне против Советской республики». Решение неприятного вопроса о подготовке к возможному нападению в связи с напряженностью на границах заменялось энергичной борьбой за мир и признание Советского государства на мировой арене. Троцкий после Гражданской войны перестал вникать в конкретные вопросы военного строительства, занимаясь политической борьбой в высших эшелонах партийного руководства. Возглавляемая им комиссия ЦК РКП(б) по обороне (комиссия Троцкого) практически бездействовала, и в 1924 г. Троцкий был заменен А.И.Рыковым (комиссия Рыкова). В этой обстановке вся практическая работа, забота об армии и ее снабжении становились уделом самих военных. Их требования удовлетворялись не в первую очередь, от них подчас отмахивались, как от назойливой мухи.

Руководители военной промышленности продолжали настаивать на необходимости концентрации военного производства. Были попытки возложить эту задачу на Комитет военных заказов ВСНХ, отвечавший за размещение заказов между синдикатами, трестами, другими организациями и предприятиями. Глава ГУВП П.А.Богданов считал, что лучше было бы возложить эти задачи на Госплан и в соответствии с этим сформировать его структуру или же создать специальный вневедомственный орган при СНК или СТО, аналогичный ЧУСО. Большинство военных выступало сторонниками военной промышленности как «обособленной» организации. Богданов, в частности, указывал, что это диктуется причинами стратегического и производственно-технологического характера. Стратегическая причина лежала в том, что в условиях внешней изоляции производство всех предметов вооружения и снабжения должно было осуществляться внутри СССР и базироваться на отечественных ресурсах. Советский Союз, в отличие от царской России, в случае войны не мог бы рассчитывать на иностранную помощь[5]. Среди военных возникала и начала последовательно реализоваться идея о том, что стране необходимо не просто быть в состоянии постоянно разрабатывать и ставить у себя новые образ-

цы вооружений, но и приводить их стоимость и качество в соответствие с достижениями других государств.

Производство вооружений с точки зрения производственно-технологической по степени их родственности продукции гражданской промышленности должно делиться на три группы. Исходя из опыта мировой войны, к первой группе, размещаемой на специальных военных заводах, относилось производство ручного огнестрельного оружия, патронов, пороха, взрывчатых и отравляющих веществ, мин и других массовых изделий, сложных по конструкции, трудоемких и опасных, требующих высокой точности и длительного освоения. Ко второй группе относилось производство орудий для армии и флота, кораблестроение, авиастроение, танкостроение, военная оптика и радиосвязь. Эта группа изделий, считали в Военпроме, стоит ближе к продукции гражданской промышленности, но надо стремиться к тому, чтобы собрать более или менее замкнутый цикл военных производств, дающих готовое военное изделие. Поэтому такое производство тоже нужно размещать на специальных военных заводах. К третьей группе относились электротехника, средства подвоза и связи, инструменты, военно-интендантское имущество и пр. Эта группу военных производств, аналогичных мирным, без ущерба для интересов обороны можно оставлять в составе гражданских промышленных объединений[6].

В дальнейшем эти идеи получают подпитку, и оформляется концепция, согласно которой в мирное время заводы разделяются на *предприятия военно-промышленного кадра (кадровые, или номерные, заводы)* и *заводы резерва*. На первых лежит задача выполнения военных заказов, совершенствование техники, разработка новых моделей и типов вооружений, постановка массового военного производства, содействие мобилизационным мероприятиям и их развертывание в случае войны. В мирное время на заводах резерва военное производство находится в стадии консервации. Заводы должны составлять *мобилизационные планы (мобпланы)*, которые обеспечиваются *в плановом порядке* материалами и сырьем желательно отечественного, а не иностранного производства.

Опираясь на опыт Первой мировой войны, показавшей, что, в результате роста продолжительности военных действий, развития военной техники как в количественном, так и качественном отношении, руководство страны делало вывод, что основой обороны является не только армия, как считалось ранее, но и все ресурсы страны, к мобилизации которых на случай войны нужно тщательно готовиться. В связи с этим предусматривались не только мобилизация всех наличных ресурсов (промышленность, транспорт, сельское хозяйство), но и развитие тех элементов народного хозяйства, которые в военном деле имеют решающее значение, в том числе тех отраслей, которые обслуживают военную промышленность, — так намечался своеобразный *вектор будущей сталинской индустриализации*.

Мобилизационные планы должны были составляться подробно в соответствии с ролью и местом предприятия в военном развертывании промышленности, предусматривать порядок его перехода на военную работу. Коль скоро военные производства отличаются особой сложностью, требуют высокой точности и качества, они нуждаются в наиболее квалифицированной рабочей силе, план подготовки которой должен заблаговременно разрабатываться. Важнейшую роль при этом играет инженерно-технический персонал, но поскольку в случае развертывания военных сил его будет недостаточно, то необходимо предусмотреть военно-техническую подготовку гражданских инженеров и прохождение ими практики на военных заводах. Крупные предприятия должны быть тесно связаны с научно-исследовательскими работами, создавать конструкторские бюро (КБ), а научно-исследовательские институты (НИИ) — вести военно-технические разработки. Кадровые военные заводы должны насыщаться лабораторным, опытно-производственным, испытательным оборудованием и стендами; НИИ и КБ — заводить у себя опытные производства, устанавливать прямые контакты с предприятиями Военпрома. На предприятиях военной промышленности необходима более высокая дисциплина и организация труда, чем в других отраслях, *строжайшая секретность и строгий режим работы.*

В пропаганде упор делался на то, что мировая буржуазия ведет подготовку к войне против СССР, на внушение населению уверенности в мощи и непобедимости Красной Армии; по линии общественности проводились различные оборонные кампании; создавались добровольные общества содействия обороне (ОСО), организации «Добролет», «Доброхим», «Доброфлот», «Авиахим» и другие, способствующие *военизации населения.*

II

К началу нэпа военная промышленность Советской России оказалась в состоянии глубочайшего кризиса, более глубокого, чем другие отрасли экономики. Сказалось и гигантское военное напряжение предшествующих лет, и военно-коммунистическое хозяйствование. На очереди стояло огромное число задач, и в расставленных экономических приоритетах военное дело не включалось в число наиболее важных. Переход к новой экономической политике предусматривал внедрение в народное хозяйство экономических стимулов, что вытекало из практических нужд. Первая проблема, которую срочно надо было решать, — как выйти из разрухи, восстановить промышленность и ее нормальный рабочий ритм — «оздоровить заводы и фабрики», т. е. лечить больную экономику. Необходимо было заинтересовать работников в подъеме производительности, что является важнейшим условием расширения производства. Понадобилось введение рынка и товарно-денежных отношений с постепенным наращиванием их оборотов. В этом русле проводилась хозяйственная (трестовская) реформа

1921—1923 гг. в промышленности. В государственном секторе была выделена группа наиболее крупных и эффективных предприятий, более или менее обеспеченных ресурсами. Они подчинялись непосредственно ВСНХ. Остальные подлежали сдаче в аренду или в концессии. Предприятия, подчиненные ВСНХ, сводились в «кусты», объединялись в тресты, деятельность которых должна была строиться на коммерческих основах, самофинансировании и самоокупаемости. Убыточные и нерентабельные предприятия подлежали закрытию или консервации. Действующие предприятия доукомплектовывались квалифицированной рабочей силой за счет направления демобилизованных из армии и возвращения тех рабочих, которые разбежались по деревням в годы Гражданской войны.

Для упорядочения и оздоровления финансов в 1922—1924 гг. была проведена финансовая реформа. Денежное хозяйство должно было строиться на основе жесткого недопущения бюджетного дефицита, а баланс доходов и расходов в госбюджете — исходя из их равновесия. В результате реформы рубль как денежная единица укрепился и стал более или менее надежным средством в финансовых расчетах. Для предприятий, пришедших в упадок в предшествующие годы, как в случае с военными заводами, должны были выделяться из бюджета специальные кредиты и дотации, устанавливаться льготные (восстановительные) цены на производимую продукцию.

Показатели восстановления экономики Советской России отражены в показателях роста государственного бюджета, рассчитанных советскими экономистами по отношению к уровню 1913 г. Рост государственного бюджета в восстановительный период нэпа характеризуется следующими цифрами (по хозяйственным годам): 1922/23 — 1463 млн, 1923/24 — 2298 млн, 1924/25 — 2956 млн, 1925/26 — 3959 млн, 1926/27 — 5155 млн золотых рублей. Таким образом, размеры госбюджета были значительно ниже уровня 1913 г. (6836 млн руб. в сопоставимых ценах). Эти цифры важны для понимания тех возможностей и ресурсов, которыми располагала страна для развития военной промышленности в 1920-е гг. При подготовке финансовой реформы не раз вставал вопрос, как сохранить необходимый объем расходов на оборону, но по ее завершении для обеспечения устойчивости валюты пришлось урезать все кредиты и дотации, в том числе на развитие военной промышленности. С 1921 по 1926 гг. расходы на оборону страны непрерывно сокращались и были доведены до 12,7% расходной части госбюджета, что было меньше объема прямых расходов государственной казны на военные нужды в 1913 г. (296 млн руб.)[7].

Военпром обязан был обеспечивать Красную Армию военным снаряжением и одновременно приспосабливаться к новым экономическим условиям. Далеко не всегда и не во всем эти задачи совпадали, а в ряде случаев явно противоречили друг другу. В 1921 г. глава ГУВП П.А.Богданов писал В.И.Ленину, что военная промышленность страны находится на грани краха. Старые запасы,

которыми она питалась, полностью истощены. Резко обозначились регрессивные процессы. Обследования заводов, проводимые после Гражданской войны, показывали удручающее их состояние. Отмечалось, например, что для оружейных и орудийных заводов требуется 7 лет оздоровления. Оборудование и станки износились и устарели («больные станки»). Предприятия представляли собой сборище устаревшего и разнотипного оборудования, захламляющего цеха, создающего скученность и тесноту, нерациональную организацию производства. Ремонтная база развалилась. Сооружения пришли в ветхость, условия труда на заводах, и без того тяжелые, еще более ухудшились. Квалификация рабочих оставалась низкой, низкой была и трудовая дисциплина, велико количество прогулов. На заводах осталось мало специалистов. Резко снизилось качество военной продукции, много производилось брака. Снабжение военных заводов распалось, а в условиях расстройства денежного обращения экономические службы заводов практически не работали. Неоднократно подчеркивалось, что, в отличие от других отраслей, приведение в порядок военной промышленности требует длительного времени[8].

Перед Военпромом на мирное время в качестве главной задачи выдвигалось сокращение до минимума затрат на военную промышленность в общем экономическом балансе страны, обеспечение сохранности оборудования, наличия рабочих, производственных навыков, повышение производительности труда, снижение себестоимости военных изделий, переход на хозрасчет, уменьшение «холостого» хода предприятий за счет расширения невоенных заказов, которые должны были составить примерно четверть от общего объема производства[9].

С введением нэпа военные заводы стали финансироваться исходя не из действительных потребностей предприятия, а из производственных заданий, установленных на основании рыночных цен путем выдачи авансов и кредитов и расчетов с Венведом. Цены на военные изделия устанавливались по фактической их себестоимости, но без предъявления заказчику сметных калькуляций, т. е. ориентировочно. В случае острой необходимости допускались дотации из доходов бюджета, финансировалась работа по «оздоровлению» заводов. На бюджете должен был остаться центральный аппарат Военпрома. На 100% из бюджета финансировались предприятия, полностью работающие по военным заказам, и опытные заводы, остальным выделение государственных средств существенно уменьшалось. Так, если военные заказы составляли 75% выпускаемой продукции, то государственное финансирование уменьшалось наполовину, и т. д. Одновременно предусматривалось уплотнение рабочих мест, введение дополнительного вознаграждения рабочим за счет экономии производственных расходов.

Однако финансовые расчеты между заказчиком (Военведом) и поставщиком (Военпромом) фактически не сработали. В условиях нэпа военные заводы оказались в состоянии постоянного недофинансирования, а отпускаемые в виде авансов средства были недо-

статочными. Часть продукции военного назначения (моторы, лампы, радиостанции и пр.) шли мимо военной промышленности[10]. У правительства не хватало средств даже на мероприятия по консервации и «оздоровлению» заводов, не говоря уже о реконструкции производственных мощностей. Докладывая о выполнении программы «оздоровления» заводов в 1923 г., ГУВП сообщало, что «они не способны снабдить вооружением одну армию на Западном фронте в случае войны вследствие своей экономической и финансовой слабости.... Запасы военного снаряжения ничтожны»[11]. Военная промышленность в течение 1921—1923 гг. пережила все виды кризисов, какие только возможно: топливный, сырьевой, продовольственный, финансовый и т. п.[12]

К середине 1920-х гг. предприятия легкой промышленности, наиболее приспособленные к рынку, в основном восстановили довоенные объемы производства. С 1924 г. стало несколько «рассасываться» положение и в тяжелой промышленности, началась расконсервация крупных заводов. Однако восстановление здесь шло более медленными темпами, и в силу ряда причин в самом затруднительном положении была военная промышленность.

Тяжелое положение заводов, наличие большого количества неликвидных оборотных средств также не способствовали благоприятным условиям кредитования. Представители Военпрома настаивали на сохранении централизованного снабжения по основным видам военной и мирной продукции, их переброске в случае необходимости для нужд военной промышленности. Перевод предприятий на трестовский хозрасчет, что предусматривалось нэповскими реформами, был затруднителен в силу состояния заводов и их неприспособленности для обслуживания интересов рынка. ГУВП неоднократно обращалось в Политбюро ЦК РКП(б) и в СНК с просьбами внести изменения в порядок финансирования военной промышленности[13]. Выход из кризисного состояния военной промышленности становился особенно затяжным. Вставали задачи поставить ее хотя бы вровень с другими отраслями, но, как писал Богданов, «государственные органы глухи к нуждам военной промышленности», при том что сама военная промышленность не может выйти из кризиса[14].

Сокращение военных заказов, а вместе с ним — материального и технического снабжения вынуждало предприятия там, где это было возможно, срочно налаживать производство гражданской продукции, распродавать остатки сырьевых запасов и часть оборудования, чтобы обеспечить хотя бы минимальный оборотный капитал. По всем отраслям и предприятиям Военпрома образовывалась значительная задолженность. Только на зарплату уходило 88% отпускаемых сумм вместо положенных 33%. И все-таки задолженность по зарплате была огромная. Между тем повышение зарплаты было первым и непременным условием «оздоровления заводов» ввиду полного развала денежной оплаты труда в предшествующие годы. Поэтому продолжалась выдача ее суррогатами, пайками и денежными обязательствами — облигациями и бонами. Военная

промышленность, в отличие от других отраслей, не могла расплачиваться продуктами производства.

Руководство стремилось связать размеры оплаты труда с ростом производительности и повышением норм выработки, но выработка на одного рабочего и зарплата в военной промышленности в 1920-е гг. оставались низкими, ниже, чем в других отраслях промышленности. Повышение норм выработки и несвоевременная выдача зарплаты были главной причиной роста недовольства рабочих на военных заводах, как показывают сводки ВЧК/ОГПУ[15]. Столь острое положение вынуждало предприятия направлять малейшие доходы на оплату труда. Рост зарплаты, в свою очередь, вел к резкому увеличению себестоимости военных изделий, цены на которые возросли примерно втрое по сравнению с довоенными[16].

Военпром просил у правительства установить на военную продукцию цены ниже рыночных, оправдывая это обширностью ее номенклатуры и сложностью калькуляции, ввести льготы, исключить пошлины, акцизы и налоги, подчеркивая убыточность рыночных цен для военной промышленности[17], но под влиянием углубления нэповских реформ в середине 1920-х гг. оно неохотно шло навстречу этим просьбам. В конце 1924 г. СТО принял постановление о переходе от исключительного порядка установления цен на военные заказы к обычному порядку определения стоимости промышленной продукции, т.е. с включением пошлин, акцизов и 3%-ного налога на прибыль[18]. В январе 1925 г. было принято новое положение о трестах, в результате чего военная промышленность опять лишалась ряда льгот и преимуществ. Военпром снова и снова обращался с просьбами упорядочить взимание пошлин и налогов с производства военной продукции, по возможности освободить, списать образовавшуюся задолженность и упорядочить цены и финансирование[19].

В феврале 1926 г. подводились итоги очередного хозяйственного года в военной промышленности. Отмечалось, что выпуск товарной продукции достиг 126,7 млн золотых рублей, в том числе по военной — 83,2 млн, по мирной — 43,5 млн руб. (91,4% и 90,6% по отношению к плану). Количество работников (особенно служащих) за отчетный год повысилось, выработка снизилась, в то время как средняя зарплата поднялась почти на 3%. Однако она отставала от оплаты труда в других отраслях, а выработка на одного рабочего в стоимостном отношении была ниже. Снизилась также трудовая дисциплина. Поскольку программа на 1925/26 год была увеличена Военведом на 11 млн руб., то фактическое выполнение плана составило 81,3%, т.е. Военпром с дополнительными заданиями не справился, хотя по отношению к предыдущему году рост военного производства составил 29%. Отмечалось возрастание недодела по производственным программам: 19 млн руб. по сравнению с 6 млн в предыдущем году. Недодел был связан и с возрастанием недопоставок военных изделий на сумму 29 млн руб. Причинами недодела назывались недостатки планирования, позд-

нее поступление заказов, отсутствие технической документации. Твердые цены оказались ниже себестоимости. Убыток военной промышленности составил 9,3 млн руб.

Таким образом, военная промышленность развивалась совсем не так, как рассчитывало советское руководство. Но на следующий хозяйственный год задания еще более увеличивались и должны были составить 171,5 млн руб. (рост — 35%). В области капитальных работ давалась четкая установка на переход от ремонта к реконструкции. На это из 37 млн руб. отпускался 31 млн руб. и лишь 6 млн руб. — «на оздоровление» предприятий. Заметным было включение в план финансирования Военпрома новых разработок[20].

III

Сокращение выделения средств на оборону вызывало протесты у военных. В середине 1923 г., обращаясь к Ф.Э.Дзержинскому как члену комиссии ЦК РКП(б) по обороне, заместитель председателя ГУВП И.Н.Смирнов докладывал, что Красная Армия низведена до минимума. На зарубежную помощь в случае войны рассчитывать не следует. Более того, в случае рабочих восстаний за рубежом на нас, писал он, ложится задача помочь им оружием. 62 заводов, которыми располагает Военпром, явно недостаточно, так как, в отличие от других стран, Россия нуждается в развитом военном производстве, способном быстро развернуться, но до сих пор на предприятиях нет настоящих мобилизационных планов[21].

В связи с составлением мобпланов было проведено обследование 17 крупнейших заводов России, которое привело к неутешительным выводам относительно их мобилизационной готовности[22]. С «оздоровлением» военных заводов дело также обстояло крайне неблагополучно. Для этой цели, отмечало ГУВП, не хватало 18 млн руб.[23]

Госплан, рассматривая сокращение бюджетных ассигнований на военные нужды, констатировал, что в случае нападения останется возможность обеспечить армию винтовками, пулеметов не хватит, а патронами можно будет обеспечить армию всего на 2—3 месяца[24]. Бывший главком, а затем инспектор РККА С.С.Каменев писал о том, что военные расходы сокращать нельзя, и не только по причине военной опасности. Вопрос о войне и поддержке мировой революции, отмечал он, — это вопрос к правительству, но на нынешний день надо исходить из проблемы сохранения армии, кадров, специалистов[25].

Военные ведомства одними из первых приступили к составлению текущих, долговременных и перспективных планов в советской экономике. Уже в мае 1923 г. в РВС обсуждался пятилетний план по военному строительству. В области военной промышленности ставились весьма скромные задачи: хотя бы привести заводы к довоенному уровню. Для этого требовалось на пять лет 2900 млн товарных рублей с постепенным наращиванием вложений год от

года. В первый год ставилась задача обеспечить сносные условия жизни военнослужащим, улучшить оплату комсостава, снабдить его семейными пайками. На это требовалось 620 млн руб. В качестве второго приоритета намечалось развитие авиации. Отмечалось, что артиллерия снабжается более или менее — до 60% от потребного, кавалерия — на 75%. В связи с недостатком средств, от развития танковых сил было решено временно отказаться, а флоту отпускать средства только на денежное содержание. И, как говорилось в плане, только на то, чтобы привести армию в соответствие с армиями *соседних государств*, требовались десятки миллиардов рублей. При этом констатировалось, что внутренний рынок в стране очень слаб и не создает уверенности снабжения военной промышленности по договорам через государственные органы, поэтому поставки следует разделить на две группы: внутренний рынок и закупки за границей. Многие виды продукции, необходимые для военного производства, в стране практически отсутствовали (никель, олово, цинк, алюминий, свинец, азот, селитра, мышьяк, бром и т.п.)[26]. В общем же план нацеливал на необходимость не случайного, а последовательного и спокойного наращивания военной промышленности, устранения сбоев и перерывов в производстве. Кредитов на развитие военной промышленности только на первый год требовалось на сумму 401,8 млн руб., а с учетом товарного индекса — 614,8 млн руб.[27]

Производственные возможности заводов ГУВП на конец 1923 г. оценивались следующим образом: по орудиям они способны были произвести 65% нужного количества, по материальной части к ним — 55%, по самолетам — 47%. Как совершенно неудовлетворительное оценивалось состояние по огнестрельной части, осветительным приборам, по моторам (27%). Угрожающее положение складывалось в производстве пулеметов (16,5%), винтовок (15%), патронов (9,5%), автомобилей (1,5%). И в качестве первой меры в «оздоровлении» заводов указывалось на необходимость увеличения закупок за границей[28]. Однако Комиссия по валютным кредитам (председатель — Л.Б.Каменев) ЦК РКП(б) под предлогом улучшения международной обстановки сократила валютные кредиты на нужды военной промышленности[29].

В производстве обычного стрелкового оружия вставал вопрос о серьезном отставании последнего от современных образцов. На его преодоление в 1925 г. дополнительно выделялось 15 млн руб. Состояние артиллерии в целом характеризовалось как удовлетворительное, но слабой оставалась ее материальная часть[30]. Начштаба РККА обратился к наркому М.В.Фрунзе, где указывал на несоответствие огнестрельного оружия современным требованиям по дальности и скорострельности и на необходимость скорейшей модернизации орудийных и оружейных заводов. Военный инспектор РКИ сетовал на отсталость артиллерии и требовал четкой организации артиллерийского вооружения, создания батальонной, полковой, дивизионной, корпусной, зенитной артиллерии, говорил о необходимости использования механической тяги и связывал этот

вопрос с развитием тракторостроения в стране. Вопрос о развитии артиллерии, указывал он, должен увязываться с созданием научно-технических кадров, системы учебных заведений, готовящих эти кадры[31]. Штаб РККА докладывал о недостатках в производстве автоматического оружия и о том, что необходима разработка новых образцов автоматов, ручных легких и тяжелых пулеметов, поступающих на вооружение батальонов и полков[32].

Первая мировая война продемонстрировала возрастающее значение танковых сил. В их эффективности советские военные могли убедиться и в период Гражданской войны, поэтому РВС составил план их развертывания на 1923—1928 гг., исходя из опыта зарубежных армий. Как указывалось в плане, для производства 1,5 тыс. единиц бронетехники было необходимо 62785200 руб. золотом. Составлялись и более умеренные планы. Но ни один из них не был принят к осуществлению ввиду полной неприспособленности советских заводов для этого дела. Было создано особое Танкбюро при ГУВП, но заводы занимались в основном ремонтом старых трофейных машин[33].

Начальник воздушных сил Красной Армии П.И.Баранов, докладывая руководству о состоянии авиапромышленности в 1925 г., отмечал, что в 1921/22 хозяйственном году в стране было собрано всего 43 самолета и произведено 8 моторов, в 1922/23 г. — 143 и 50 соответственно, в 1923/24 г. — 173 и 70, в первой половине 1924/25 г. — 79 и 48, и лишь на вторую половину намечалось резкое увеличение выпуска — 348 самолетов и 228 моторов. (Для сравнения: в 1916 г. авиазаводы России произвели 1764 единицы авиатехники, из них 666 моторов.) Выпускаемые самолеты были устаревших конструкций, их производство зависело от поставок деталей из-за границы. Баранов со всей определенностью указывал на необходимость ускорения индустриализации страны для развития авиастроения[34].

По планам РВС, стране необходимо было 2,5 тыс. единиц авиатехники[35]. Член коллегии РВС А.П.Розенгольц, настаивая на развитии воздушного флота, указывал на необходимость налаживания собственного производства моторов, закупки лицензий, найма германских специалистов, организации специального авиационного треста, усиления в нем партийного руководства, привлечения профессуры с целью должного преподавания технических дисциплин. Нужно, писал он, составить трехлетний план развития авиационной промышленности и бронировать кредиты на нее, а центральным органам печати — «Правде» и «Известиям» — развернуть в прессе «воздушную кампанию»[36]. Идею поддержал Госплан, и в начале 1925 г. был создан государственный «Авиатрест» в составе Главного управления металлургической промышленности ВСНХ, и от этого времени ведет свой отсчет пропаганда авиации в советской прессе.

Между тем на 1920-е гг. пришлись революционные изменения в авиации. Для перелома в этой области намечалось строить в Москве новый большой авиамоторный завод (совместно с герман-

ской фирмой «Юнкерс») и реконструировать старые (около 10 небольших предприятий) с целью создания собственной авиационной промышленности и придания авиачастям современного вида. Взаимоотношения с фирмой «Юнкерс», пожалуй, наиболее активно обсуждались в то время на заседаниях Политбюро. «Юнкерс» положил начало созданию цельнометаллических самолетов, выпуск которых был основан на стандартизации производства. Советская авиапромышленность лишь в малой степени была приспособлена к удовлетворению соответствующих требований.

Общая потребность ассигнований на строительные работы по номерным авиационным заводам определялась в 1219 тыс. руб. золотом, на техническое перевооружение — в 1183 тыс. руб. Для закупок необходимого оборудования за границей требовалось еще 590 тыс. золотых рублей[37]. В марте 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло постановление о необходимости увеличения закупок за рубежом для развития авиации, несмотря на протесты наркома финансов Г.Я.Сокольникова.

Красная Армия остро нуждалась в автомобилизации, однако ее снабжение автомобилями находилось в самом плачевном состоянии. В распоряжении Военпрома находилось от 1,5 до 3 тыс. устаревших машин[38], в то время как на Западе на вооружении находились уже сотни тысяч автомобилей. Первым делом Военпром ставил вопрос о централизации автодела и скорейшей расконсервации автомобильного завода в Москве (АМО) — единственного, рассчитанного на производство 1,5—2 тыс. машин в год. Но этого было мало. К тому же РВС ставил перед Госпланом задачу обеспечить повышенные требования к военным автомобилям — надежность, проходимость[39]. Вопрос о создании собственного автомобилестроения в связи с военными планами постоянно ставился Автотрестом ВСНХ. С автомобильной промышленностью увязывалось наиболее близкое танкостроению производство тракторов как средства развития механической тяги. Госплан на ближайшие годы (1926—1929) намечал производство 200 тыс. тракторов, в том числе 20 тыс. — для военных нужд[40].

Болезненной проблемой Советской России было восстановление флота. В кораблестроении остался единственный серьезный завод — Балтийский, на котором сохранилось оборудование. Продолжалось сокращение корабельного состава, даже содержание наследства старой России было, как отмечал в 1924 г. один из руководителей ЦКК—РКИ С.И.Гусев, «дорого и не по карману». В определении дальнейших перспектив военно-морских сил Гусев ссылался на мнение зарубежных авторитетов Митчелла и Першинга, выступавших против создания на флоте крупных боевых единиц. Создание только Балтийского и Черноморского флотов, указывал Гусев, требует 3 млрд золотых рублей. Но и этой суммы недостаточно. Поэтому — никаких широких проектов. Главная задача в военной промышленности — создание мобзапасов и налаживание производства авиамоторов, развитие военной химии. На флоте же

главное — «запереть» Финский залив и создать береговую охрану на Черном море[41].

Военные заказы для флота до 1925 г. оценивались как более чем скромные. Как говорилось в одном из документов, в определении перспектив морской военной промышленности нужно исходить не из пятилетних планов, а из реальных заказов[42]. Но и эти умеренные заказы не выполнялись[43]. Тем не менее в 1924 г. был принят план достройки военных судов, намеченных к строительству в старой России. Если сократить ранее намеченные проекты, докладывал РВС в ВСНХ, это грозит безработицей и потерей подготовленных кадров. На достройку дополнительно было ассигновано 31 млн руб.[44] Флот стал оживать. Началась достройка 2 крейсеров и 6 эсминцев, было уделено внимание подводному флоту, который с 1915 г. практически не развивался. Морской штаб составил в связи с этим список иностранных заказов на сумму 9 млн руб. золотом, который был весьма примечательным (аккумуляторы, перископы, спецкраски, стальные тросы, линолеум, кабель, тонкая проволока, электроизмерительные приборы, прочее военно-техническое снаряжение, не производимое в Советской России)[45]. Но в целом РВС, рассматривая в июне 1924 г. план по морскому строительству «в свете охраны республики и задач мировой революции», обращал внимание только на наиболее неотложные нужды, не включающие производство крупных боевых единиц.

Однако и подобные планы встречали сопротивление. Советский Бонапарт, как его сегодня называют в России, М.Н.Тухачевский (в то время помначштаба РККА) призывал к сокращению морской программы, чтобы за счет этого усилить сухопутные силы и авиацию. Но нарком и председатель РВС М.В.Фрунзе в начале 1925 г. заявил о том, что нужно возобновить подводное судостроение. Был составлен план, рассчитанный на восьмилетний период. Комиссия Рыкова, однако, скорректировала представленный план в рамках более скромного трехлетнего периода достройки и капитального ремонта судов.

В марте 1925 г. появился новый пятилетний план усиления флота. План рассматривался в двух вариантах: ориентировочном и максимальном. Под влиянием сухопутного «лобби» была принята сокращенная (на 50%) программа нового судостроения и модернизации флота, в которую включалась задача обеспечить флот подводными лодками[46]. План ограничивался задачей иметь перевес в морских силах только над «лимитрофами», т.е. Польшей, Румынией, Литвой, Латвией, Эстонией, Финляндией, т.е. государствами, возникшими из территорий бывшей Российской империи. План был утвержден в ноябре 1926 г.[47]

Опыт мировой войны указывал на возрастание значения в современной войне военно-химического оружия, и в 1920-е гг. в ведущих странах мира этому уделялось пристальное внимание. В мае 1924 г. Госплан представил руководству справку о производстве на Западе химических веществ и указывал на необходимость организации химической обороны в стране, проведения подготовитель-

ных мероприятий среди населения[48]. С 1925 г. СССР приступил к производству отравляющих веществ[49].

Военпром неоднократно обращался к правительству с просьбой рассмотреть вопрос об унификации электроизделий для военных нужд, указывал на нехватку электрооборудования и отсутствие радиотелеграфной связи, на неудовлетворительное состояние радиопромышленности в связи с мобилизационной готовностью[50]. Еще в ноябре 1923 г. И.Н.Смирнов, докладывая в Комиссию по обороне ЦК о развитии средств связи в стране с учетом составления мобилизационных планов, указывал на необходимость прокладывания новых линий связи, производства радиостанций, налаживания почтовой и телефонной связи и для этой цели настаивал перед СТО на выделение дополнительно 2970674 золотых рублей[51].

Суммируя притязания военных ведомств в области производства вооружений, нельзя не прийти к выводу, что они намного превышали возможности нэповской экономики и ресурсы, которыми располагала Советская Россия. В рамках этих ограниченных ресурсов усиливалась борьба за приоритеты. Острее звучали вопросы об отставании не только собственно военной промышленности, но и всех производств, связанных с обороной страны. Вооруженные силы СССР и в количестве, и качестве уступали армиям упомянутых «лимитрофов», рассматривавшихся в качестве наиболее вероятных противников, причем, в случае возникновения военного конфликта, им отводилась роль лишь сил «первого эшелона», за которыми неизбежно встанут вооруженные силы более мощных в экономическом отношении стран.

IV

Возникал вопрос: кто виноват в плачевном состоянии военной промышленности? Первая и естественная реакция: те, кто за нее отвечает. Вал критики в адрес руководителей Военпрома год от года нарастал. Последние, не отрицая неудовлетворительного состояния военной промышленности и признавая, что военное производство не соответствует современным требованиям, упирали на неувязку военных и гражданских программ, нехватку средств для поддержания военной промышленности в нормальном состоянии, настаивали на создании единого органа, ответственного за ее развитие, и составлении твердых планов в этой области на 3—5 лет[52]. В 1925 г. в постановлении РВС по докладу о состоянии военной промышленности, представленному Богдановым, основной акцент делался на недостатки в работе Военпрома. Цели производства, говорилось в нем, в основном довоенные. Отмечались низкое качество и дороговизна военной продукции, постоянный недодел, недостаточные мощности военных заводов, отсутствие связи и координация между ними, плохая постановка плановой работы и недостаточное накопление мобзапасов[53]. В июне 1925 г. Богданов подает Председателю ВСНХ Ф.Э.Дзержинскому заявление об ухо-

де[54], подчеркивая тем самым, что не может справиться с задачами, которые предстоит решать Военпрому.

В официальной пропаганде 1920-х гг. говорилось, что в этот период Красная Армия получила новое оружие, улучшилась материальная часть артиллерии, значительные успехи сделала авиация, как количественно, так и качественно. Появились современные средства химической обороны, военно-санитарное оборудование. Утверждалось, что Красная Армия постепенно приближается к уровню первоклассных армий. Вопреки официальным утверждениям, это лишь в малой степени соответствовало действительности. Производственные возможности военной промышленности были ниже уровня не только 1916 г., когда военное производство России достигло максимальной отметки, но и 1913 г. Восстановление военной промышленности не было завершено и наполовину, а на фоне прогресса военной техники на Западе ее положение в СССР выглядело особенно удручающим. Поэтому особая секретность военной промышленности была связана не только с новыми разработками, как утверждалось, но и с нежеланием обнаружить перед населением и перед потенциальными противниками слабости в обороне.

Рассматривая вопрос о степени готовности страны к войне, сектор обороны Госплана в начале 1927 г. пришел к выводу, что ни Красная Армия, ни страна в целом к войне не готовы[55]. В докладе заместителя военного наркома Тухачевского правительству подчеркивалось то же самое и говорилось, что в случае войны «наших скудных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны»[56].

Как было обычно в советской практике, туда, где дело обстояло плохо, обращалось внимание политических и контрольных органов. Особый отдел ОГПУ в декабре 1924 г. докладывал следующее: аппарат ГУВП никуда не годен, и в результате этого для обороноспособности страны создалось угрожающее положение. Отмечалось, что особенно плохо обстоит дело с мобилизационной подготовкой гражданских отраслей. Из 4,2 тыс. заводов страны в мобилизационном плане были учтены только 75, а мобпланы имели только 42. Обследование военных заводов показывало убытки, брак, «некондицию» в производстве. Вина за это возлагалась на старых специалистов, которые, мол, держатся обособленно на заводах, заботятся только о своих выгодах, не участвуют в решении производственных задач. Подчеркивалось, что научные кадры на военных предприятиях засорены чуждыми коммунистам элементами. В связи с этим на первый план выдвигалась задача коммунизации аппарата[57]. Под нею тогда подразумевалось выдвижение на место специалистов большевиков, обладавших опытом руководства в годы Гражданской войны. Комиссия ЦКК—РКИ также рассматривала положение в Военпроме. Указывалось, что из мирной продукции, выпускаемой заводами на сумму 10 млн руб., реализуется на рынке всего на 500—900 тыс., причем продукция эта дорогая, низкого качества и в ее составе много брака. Убытки приходилось

покрывать за счет средств, отпускаемых на производство военной продукции. Отмечались нерациональная организация труда, огромное число служащих и вспомогательных рабочих на военных заводах, высокая себестоимость изделий. Главную причину недостатков инспекторы видели в том, что аппарат ГУВП сохранился без особых изменений со времен Гражданской войны, причем чрезвычайно дорогостоящий. Но особенно подчеркивалось «засилие спецов» и военных чинов старой армии[58]. Таким образом, явно прослеживалась тенденция к «спецеедству», стремлению свалить вину на старых специалистов, заменить их людьми, отвечающими не столько профессионально-техническим качествам, сколько политическим задачам советского руководства, и впереди уже маячили процессы против специалистов, среди которых оказалось немало работников Военпрома.

Но в первую очередь руководство пыталось решать возникшие проблемы организационными мерами. В ноябре 1925 г. в ВСНХ для общего руководства военной промышленностью на базе объединения всех структур Военпрома было образовано Главное военно-промышленное управление (ГВПУ), в дальнейшем — Производственное объединение военной промышленности (ВПУ ВСНХ, или просто Военпром). Таким образом, создание отраслевых объединений, характерных для периода индустриализации (будущих наркоматов и министерств), раньше всего обозначилось в военном производстве. Впрочем, аппарат ВПУ был почти сразу же распущен, как засоренный негодными специалистами, а на его месте остались 4 треста: оружейно-арсенальный, патронно-трубочный, военно-химический и ружейно-пулеметный. Понятие «тресты» было здесь весьма условным, так как они, в сущности, представляли главки, аналогичные тем, которые существовали в период «военного коммунизма». *Одновременно производство продукции Военпрома было включено в единый хозяйственный план*, который выразился в принятии контрольных цифр на следующий год. 5 октября 1926 г. СТО принял постановление, которое обязывало ВСНХ в отношении военной промышленности составлять единый план по военной и мирной продукции, согласованный с Наркомвоенмором, представлять его на экспертизу в Госплан, а затем — на утверждение СТО[59].

Член РВС И.С.Уншлихт обращался к новому военному наркому и председателю РВС К.Е.Ворошилову, ближайшему соратнику Сталина, с призывом установить иные принципы взаимоотношений Военведа с Военпромом. Договоры, заключенные с военной промышленностью, указывал он, должны гарантировать реальное выполнение заказов и ответственность, *как уголовную, так и материальную*, за все недочеты и недоделы. РВС должно быть предоставлено право контролировать и проверять ход заказов, научно-исследовательскую работу военно-промышленного управления, запасы сырья, калькуляцию, реальные производственные возможности *как в мирное, так и в военное время*. Переоборудование, консервирование, перенесение производства на другой завод, по-

стройка новых заводов должны производиться только с ведома и согласия РВС. РВС должен получить от Президиума ВСНХ точный учет всех заводов, работавших в свое время на нужды войны, но перешедших в ведение гражданской промышленности, и согласовывать с ВСНХ, какие из этих заводов должны сохранить ячейки военной промышленности. Уншлихт настаивал на *усилении административного, технического аппарата военными работниками;* на том, чтобы *назначение как на ответственные руководящие посты, так и в состав специального технического аппарата ВСНХ согласовывалось с РВС*[60].

Хотя предложение Уншлихта не прошло, оно обнаруживало тенденцию — усиления роли и влияния военных в развитии Советского государства. Обращает на себя внимание и то, что развитие военного производства становится объектом «плотного» внимания контрольных и карательных органов (ЦКК—РКИ, ОГПУ).

Если проанализировать, что в действительности происходило с советской военной промышленностью в 1920-е гг., то нельзя не прийти к следующему выводу: в принципе круг проблем, возникших в этом секторе экономики, вполне мог быть решен путем последовательного углубления рыночных реформ в рамках нэпа, но ни политическое руководство, ни военные, одержимые революционными идеями и воспитанные в духе «военного коммунизма», были к этому не готовы. Военпром настаивал на расширении ассигнований, разработке твердых планов, централизации управления, подчинении своим нуждам гражданских отраслей, концентрации производства на кадровых военных заводах, свертывании рыночных отношений. Плановые цифры, представляемые военными, далеко выходили за пределы возможностей советской экономики. Медленное и спокойное наращивание вооружений их не устраивало, они настаивали на форсировании индустриализации как фактора роста военной мощи. Давление военных, которое до поры до времени удерживалось в разумных рамках, усиливалось. Объективно это способствовало свертыванию нэпа, переходу к планово-директивной системе управления. Когда мы говорим о причинах отказа от новой экономической политики, мы должны принимать во внимание это обстоятельство. Как свидетельствуют новейшие исследования, роль военных в этом процессе была если не решающей, то куда более значительной, чем считалось ранее. Более того, в развертывании военного производства, установлении в нем приоритетов возникла потребность в арбитре, который волевым решением принял бы нужное военным решение, даже если средств и ресурсов было явно недостаточно. Установление сталинской диктатуры отвечало этим тенденциям. До поры до времени политическое руководство не особенно вникало в дело производства вооружений. Однако обострение международной обстановки в 1927—1928 гг., названное в СССР «военной тревогой», заставило Сталина и его окружение вплотную заняться вопросами военного производства, и после 1927 г. в нем начались большие перемены.

Примечания

[1] В их числе: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в 1920—1950-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996; Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс в годы «холодной войны». М., 2000; Самуэльсон Л. Красный колосс. М., 2002; The Soviet Defence-Industry Complex From Stalin to Khrushchev / Barber J. and Harrison M., ed. London and Basingstoke: Macmillan, 2000; Davies R.W. Soviet Military Expenditure and the Armaments Industry, 1929—33: a Reconsideration // Europe-Asia Studies, 1993. Vol. 45 (4). P. 577—608; Davies R.W. and Harrison M. The Soviet Military-Economic Effort Under the Second Five-Year Plan (1933—1937) // Europe-Asia Studies, 1997. Vol. 49 (3). P. 369—406; Gregory P.R. Soviet Defence Puzzles: Archives, Strategy and Underfulfillment // Europe-Asia Studies, 2003. Vol. 55 (6). P. 923—938; Harrison M. Accounting for War: Soviet Production, Employment, and the Defence Burden, 1940—1945. Cambridge University Press: Cambridge, 1996; Samuelson L. Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925—41. London and Basingstoke: Macmillan, 2000; Harrison M. Soviet Industry and the Red Army Under Stalin: A Military-Industrial Complex? // Les Cahiers du Monde Russe, 2003. Vol. 44 (2—3), forthcoming.

[2] Присяжный Н.С. Экономическая чума: военный коммунизм в России: Историко-экономический анализ. 1918—1921 гг. Ростов-на-Дону, 1994.

[3] При создании ГУВП в его ведении осталось 62 завода с общим числом рабочих около 100 тыс. человек. Они-то и составили ядро будущего советского ВПК.

[4] Симонов Н.С. Указ. соч. С. 59.

[5] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 1. Д. 64. Л. 8—24.

[6] Там же. Л. 8—24.

[7] См.: Объяснительные записки к бюджету 1925/26 и 1926/27 гг. М., 1927; Кузнецов С. Бюджет за 10 лет // Вестник финансов. 1927. № 11.

[8] Архив Президента Российской Федерации (далее АПРФ). Ф. 3. Оп. 46. Д. 330. Л. 7.

[9] РГАЭ. Ф. 2907. Оп. 5. Д. 181. Л. 12—13.

[10] Там же. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 2205. Л. 1—2.

[11] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 55. Д. 348. Л. 31.

[12] РГАЭ. Ф. 2907. Оп. 1. Д. 949.

[13] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 348. Л. 33.

[14] АПРФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 330. Л. 7.

[15] Здесь необходимо упомянуть изданные к настоящему времени тома публикации документов «"Совершенно секретно": Лубянка — Сталину о положении в стране. 1922—1934». В них имеется много сообщений о недовольстве рабочих военных заводов.

[16] ГАРФ. Ф. 374сч. Оп. 28с. Д. 301. Л. 95—98.

[17] Там же. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 549. Л. 3—9.

[18] Там же. Л. 69—69об.

[19] Там же. Ф. 5674. Оп. 5. Д. 969. Л. 2—3.

[20] Российский государственный архив социально-политических исследований (далее — РГАСПИ). Ф. 76. Оп. 2. Д. 17. Л. 55—64.

[21] Там же. Д. 17. Л. 98—131.

[22] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 144. Л. 46—81.

[23] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33987. Оп. 2. Д. 212. Л. 309.

[24] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 524. Л. 3—7.

[25] Там же. Л. 11—16.

[26] Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 17. Л. 78—85.

[27] Там же.

[28] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 262—264.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431. Л. 16—19.

[30] РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 46. Л. 2—11.

[31] Там же. Оп. 1. Д. 145. Л. 3—8.

[32] Там же. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 651. Л. 13—16.

[33] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 113. Л. 16—17.

[34] Там же. Д. 309. Л. 118—121.

[35] РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 802. Л. 2.

[36] Там же. Ф. 76. Оп. 2. Д. 392. Л. 5—10.

[37] Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 132—133.

[38] РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 5. Д. 515. Л. 13—17.

[39] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 45.

[40] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 201. Л. 48.

[41] Российский государственный архив военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф.р.-1483. Оп. 2. Д. 7. Л. 88—95.

[42] Там же. Л. 117—119.

[43] Там же. Ф.р.-5. Оп. 3. Д. 99. Л. 15.

[44] Там же. Ф.р.-1483. Оп. 2. Д. 7. Л. 133—135.

[45] Там же. Л. 33—37.

[46] Там же. Д. 17. Л. 131—131об.

[47] Там же. Оп. 1. Д. 30. Л. 1—2. См. также: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 25. Л. 1—2.

[48] РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 425. Л. 27—28.

[49] РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 210. Л. 64—69.

[50] См.: РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 606. Л. 3—9, 95, 222—224.

[51] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55. Д. 265. Л. 7—12.

[52] Там же. Д. 747. Л. 8—14.

[53] Там же. Л. 5—6.

[54] Там же. Л. 39—41.

[55] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 24. Л. 1—3.

[56] ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 16. Д. 3. Л. 335.

[57] РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Л. 44, 50, 51—54.

[58] АПРФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 330. Л. 79—82, 85—93.

[59] РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 318. Л. 1.

[60] Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 172. Л. 227—228.

*А.М.Маркевич**

Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг.**

В 30-е гг. XX в. в СССР окончательно сложилась командная система управления экономикой, просуществовавшая с некоторыми изменениями более пятидесяти лет. Она основывалась на государственной собственности, «научном планировании» и централизованном ведении хозяйства.

В советской историографии история управления социалистическим народным хозяйством, прежде всего промышленностью, до войны получила достаточно широкое освещение как в специальных разделах общих трудов по истории советской экономики[1], так и в отдельных монографиях[2]. Особо следует выделить фундаментальное двухтомное исследование А.В.Венедиктова, скрупулезно описавшего реформы системы органов управления государственной промышленностью, изменения правового режима их деятельности вплоть до 1934 г.[3] К сожалению, несмотря на достаточно высокий уровень этих работ, для большинства из них было характерно повышенное внимание к организационно-юридической стороне управления промышленностью: административным реформам, партийным и правительственным постановлениям, касающимся сферы управления, и т. д. Проблемы в работе органов управления экономикой, вопросы эффективности их деятельности рассматривались недостаточно.

В последние годы интерес к тому, как реально функционировала советская командная система, заметно возрос, а открытие архивов позволило поставить исследования на новую ступень. Были изучены вопросы принятия решений в советской системе, взаимоотношения и функционирования тех или иных государственных и партийных органов в 1930-е гг.[4] При этом больше внимания уделялось работе высших советских и партийных органов власти; изучение среднего уровня управления только начинается[5]. Между тем далеко не все решения, касающиеся управления экономикой, принимались в центре. Оперативное руководство отдельными отрас-

* Маркевич Андрей Михайлович — кандидат исторических наук (Открытый лицей «Всероссийская заочная многопредметная школа» (ОЛ ВЗМЖ) при МГУ им. М.В.Ломоносова).

** Автор благодарит Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета за поддержку данной работы.

лями народного хозяйства осуществлялось внутри наркоматов, на уровне их главков.

Настоящая статья лежит в русле новейших исследований советской командной системы, в ней рассматривается деятельность органов среднего уровня управления — отраслевых наркоматов и главков — в 1930-е гг. В центре внимания находятся вопросы соотношения официальных задач, которые ставило перед отраслевыми наркоматами и главками руководство страны, и их реальной деятельностью; конфликты, возникавшие между ними в силу несовпадения целей; способы отстаивания руководством наркоматов и главков своих интересов. Эти вопросы исследуются на примере крупнейшего промышленного наркомата страны — Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), образованного в 1932 г. на базе ВСНХ и просуществовавшего вплоть до 1939 г., и одного из подчиненных ему главков — Главного управления металлургической промышленности (ГУМП)[6].

Организация управления государственным сектором экономики

Задачи наркоматов и главков

После реформы ВСНХ 1932 г. в советской системе управления экономикой окончательно возобладал функционально-отраслевой принцип организации. Аппарат, руководивший государственным сектором экономики, был построен иерархически и включал несколько уровней управления: правительство, наркоматы, главки, тресты и предприятия[7]. На каждом уровне выше предприятия существовали отраслевые — хозяйственные наркоматы, их главки, отраслевые отделы главков — и функциональные — Госплан, Наркомат финансов (НКФ), функциональные сектора наркоматов и главков — подразделения. Взаимоотношения между функциональными и отраслевыми подразделениями воспроизводились на каждом новом иерархическом уровне. Отраслевые подразделения управления были призваны руководить отдельными отраслями, а на функциональные была возложена задача согласования работы отраслевых органов.

Отраслевые наркоматы руководили целыми секторами народного хозяйства[8]. Формально они подчинялись Совету народных комиссаров (СНК), а в силу особенностей советской политической системы — также Политбюро ЦК ВКП(б) и различным постоянным комитетам при СНК, важнейшим из которых до 1937 г. был Совет труда и обороны (СТО), а в 1937—1940 гг. — Экономический совет (ЭС). В совокупности эти органы составляли высшее руководство экономикой страны.

Высшее руководство определяло задачи, стоящие перед наркоматом, а потом следило и требовало их исполнения. Основная функция наркомата, с точки зрения центра, заключалась в выполнении задач, возложенных на него партией и правительством, в

эффективном руководстве подчиненными ему отраслями народного хозяйства. В частности, в «Положении о Народном комиссариате тяжелой промышленности СССР» от 10 ноября 1937 г.[9] отмечалось, что НКТП руководит исполнением утвержденных правительством производственных и финансовых планов, планов капитального строительства. В этих целях НТКП и другие наркоматы должны были через свой аппарат руководить работой подчиненных им предприятий, оказывать им техническую помощь, организовывать материальное снабжение и сбыт продукции, руководить подбором кадров и т. д.

Отраслевые наркоматы не только получали плановые задания, но и были активно вовлечены в процесс их составления. Общесоюзные планы, утверждаемые правительством, являлись результатом длительного процесса согласований между отраслевыми наркоматами и функциональными комитетами правительства (Госпланом, НКФ). Наркоматы должны были собирать у своих подчиненных и предоставлять в СТО, СНК, его функциональным комитетам для проверки и согласования предварительные проекты планов своего развития, различные первичные данные: информацию о ценах, технические нормы и коэффициенты.

При этом формально предполагалось, что в общем случае руководство наркомата честно проводит политику, определенную для него высшими органами. Цели, которые оно преследует, не отличаются принципиально от целей правительства, а между ними не может возникать серьезных конфликтов. Исходя из этого, также считалось, что наркомат предоставляет в центр объективные данные о состоянии подведомственной ему отрасли, не использует имеющуюся у него информацию в своих целях.

Каждый наркомат состоял из функциональных секторов и отраслевых главков, для которых наркомат играл ту же роль центра, что и руководство страны для самого наркомата. Отраслевые главные управления руководили соответствующими отдельными отраслями промышленности и отвечали за выполнение плановых заданий наркомата по своей отрасли (или по своим отраслям, если главк осуществлял руководство сразу несколькими отраслями), по отношению к которой они должны были выполнять те же задачи, что и наркомат для своего сектора экономики. В частности, в положении о ГУМП от 28 июня 1933 г. было записано, что он «является составной частью НКТП и сосредотачивает в себе выполнение функции последнего по планированию и техническому руководству в отраслях промышленности черной металлургии, железно-рудной, коксохимической и огнеупоров», «все относящиеся к перечисленным выше отраслям промышленности вопросы получают окончательное разрешение и оформление в ГУМП»[10].

Так же, как и наркоматы, главки участвовали в подготовке плановых заданий для своей отрасли. При этом главки должны были «строить свою работу под углом зрения достижения оптимальных качественных показателей работы предприятий и строительств»[11]. Как и в случае с наркоматами, формально предпола-

галось, что интересы руководства главков, наркоматов и высшего руководства страны совпадают.

Официальные задачи наркоматов и главков и реальная практика

Теоретически советская многоуровневая командная система управления экономикой должна была работать подобно часовому механизму, где все части согласованы с друг с другом, что обеспечивает точность работы всей системы. Однако на практике система давала серьезные сбои, вызванные как внешними, так и внутренними причинами: сроки разработки плановых заданий часто срывались; задания оказывались не согласованными между собой; многие экономические агенты работали без утвержденных планов; наконец, зачастую планы просто не выполнялись. То есть аппарат управления, и в частности хозяйственные наркоматы и главки, справлялся не до конца с поставленными перед ним задачами. Центр осознавал наличие проблемы, однако списывал неудачи в работе либо на внешние трудности (неурожаи, «вредительство» и т. д.), либо на плохую организационную структуру аппарата, его работу, но никогда на систему в целом. Считалось, что проблема может быть решена административными реорганизациями, созданием нового органа, комиссии для решения задачи. В связи с этим работа аппарата всех уровней в течение 1930-х гг. часто подвергалась критике, а постоянные реорганизации стали свойством системы. Однако работа аппарата все равно давала сбои, а его структура по-прежнему не устраивала руководство: «...структура нашего аппарата, сколько мы его ни реорганизовываем, сколько мы с ним ни возимся, а все-таки, когда его возьмешь и нарисуешь на бумажке и посмотришь, более безобразного урода нигде не увидишь...»[12] (Орджоникидзе). Отдельные подразделения на разных уровнях могли противодействовать центру, своему начальству и тормозить выполнение его решений. Даже такой влиятельный советский лидер, как нарком тяжелой промышленности член Политбюро Серго Орджоникидзе, был вынужден признать, что зачастую он не в силах заставить подчиненных выполнить принятое решение: «Я вижу, наблюдаю, ругаюсь, дерусь как зверь, но, чтобы протащить какой-либо вопрос, чтобы он был как следует проведен, для этого надо самому впасть в истерику на 3—4 часа и того загнать в истерику, кто это выполняет»[13]. В результате на всех уровнях управления много внимания уделялось выполнению подчиненными принятых решений, что, однако, далеко не всегда заканчивалось их реализацией.

Причина неавтоматического исполнения руководством подразделений различных уровней приказов и распоряжений своего начальства заключалась в том, что реальные интересы центра и руководства хозяйственных наркоматов и главков часто не совпадали. Наркоматы и главки, хотя и подчинялись правительству, не являлись простыми проводниками его политики в отдельных от-

раслях экономики, их руководители зачастую преследовали свои собственные цели, которые далеко не всегда совпадали с интересами начальства. Асимметрия информации о реальном положении дел позволяла руководству наркоматов и главков находить модели поведения, формально соблюдающие интересы центра, но в то же время обеспечивающие выполнение их собственных интересов.

Реальные интересы руководства наркоматов и главков

В рыночной экономике деятельность экономических агентов подчинена задаче максимизации прибыли. В советской плановой системе ситуация была иной: не размер прибыли являлся показателем успешной деятельности экономических агентов. Руководство наркоматов и главков не могло за счет увеличения прибыли, которую приносили подчиненные их наркомату или главку предприятия, повысить свое благосостояние, да и богатство само по себе мало что значило в СССР в 1930-е гг.

В советской системе для руководителей наркоматов и главков была важна успешная карьера, приносящая власть и благосостояние, а в 1930-е гг. прежде всего — эффективная защита от возможных репрессий со стороны центра, стремление укрепить свое положение и снизить степень неопределенности своего будущего. И то, и другое зависело от центра, поэтому для успешной реализации своих интересов руководству наркоматов и главков надо было ладить с высшим руководством страны, соблюдать «правила игры», установленные центром, доказывать ему эффективность своей работы.

Эффективность работы наркоматов и главков партия и правительство оценивали с точки зрения успешности выполнения ими поставленных задач, прежде всего достижений в выполнении плановых заданий (хотя бы и формальных). Поэтому перед руководством наркоматов и главков стояла задача добиться принятия оптимальных плановых заданий для своего ведомства и обеспечить наибольшую степень вероятности их выполнения.

Кроме того, реализовать свои интересы руководство наркоматов и главков могло с помощью усиления роли своего ведомства, достижения максимальной степени независимости от вышестоящей организации, что облегчало выполнение плановых заданий наркомату или главку, повышало степень влияния их руководителей. Поэтому целью руководителей наркоматов и главков было также увеличение влияния своего ведомства.

Для решения всех этих задач у руководства наркоматов и главков существовал целый арсенал средств, реализация большинства из которых приводила к поведению, противоречащему интересам их начальства, а следовательно, к конфликтам.

Ниже рассматриваются основные, наиболее типичные модели поведения руководства наркоматов и главков по реализации своих интересов.

Планирование

Отстаивание «выгодных» плановых заданий

Реализация руководством наркоматов и главков своих интересов начиналась еще на стадии составления планов. Наркоматы и главки были активно вовлечены в процесс планирования, поэтому их руководители могли существенно повлиять на размер тех или иных плановых заданий, обеспечить утверждение наиболее благоприятных для своего ведомства, легко выполнимых показателей. Когда начинался процесс составления очередного общесоюзного плана, Госплан спускал наркоматам, а те в свою очередь — главкам лишь общие предварительные показатели. На их основе наркоматы и главки должны были разработать свои предложения по будущему плану. В процессе разработки плановых заданий между наркоматами (представлявшими также и интересы своих главков) и Госпланом возникали столкновения и конфликты. Руководство наркоматов хотело добиться и лоббировало уменьшение плановых показателей как в целом для своего наркомата, так и для отдельных его главков. Госплан же, стоящий на страже интересов центра, обычно выступал за более высокие показатели. Хорошо известна история лоббирования Орджоникидзе более низких контрольных цифр для НКТП на вторую пятилетку в ходе их обсуждения, вылившегося в итоге в слегка завуалированную перепалку между В.М.Молотовым и Г.К.Орджоникидзе на XVII съезде партии в 1934 г.[14]

Лоббированием более низких плановых заданий руководители наркоматов и главков занимались не только на стадии разработки плановых заданий, но также и после их утверждения. Иногда им удавалось добиться разрешения правительства на уменьшение уже принятой ранее программы, сняв со своего ведомства часть заданий. Это давало наркоматам и главкам больше шансов выполнить программу, а их руководителям тем самым обеспечить хорошее представление о себе в глазах центра. Так, в частности, НКТП в 1935 г. удалось получить разрешение СНК на невыполнение одним из его главков, Главморпромом, части правительственных заданий, ранее уже утвержденных.

Программа морского судостроения Главморпрома на 1935 г. состояла из двух частей: гражданской и военной. В части заказов для Наркомата обороны (НКО) она утверждалась специальными постановлениями правительства, а в части остальных заказов для НКВода, Главсерморпути, НКПищпрома, Наркомата путей сообщения (НКПС) и других ведомств — в общем порядке, в порядке утверждения правительством очередного годового народно-хозяйственного плана. При составлении плановых заданий на 1935 г. Главморпром «забыл» включить в свою программу ряд заказов для гражданских ведомств, которые уже ранее были утверждены отдельными постановлениями СНК от 1933—1934 гг. После того как такая программа по судостроению была утверждена правительст-

вом с подачи НКТП, нарком тяжелой промышленности Г.К.Орджоникидзе обратился в СНК с письмом, в котором «в соответствии с практикой предыдущих лет» (!) докладывал правительству о тех заданиях, которые оказались невключенными, и просил «в интересах военного судостроения подтвердить» сокращение программы гражданского, предлагая все остальные обязательства заводов Главморпрома перенести на 1936 г.[15] Госплан и Комиссия советского контроля, призванные следить за выполнением решений наркоматами и выступившие экспертами правительства в этом вопросе, вынуждены были согласиться с доводами НКТП, «несмотря на то, что эти обязательства (которые НКТП просил отменить. — *А.М.*) были возложены на НКТП специальными постановлениями правительства»[16]. Они лишь попытались уменьшить объем снимаемых с Главморпрома НКТП обязательств.

Таким образом, наркомат мог преподнести центру информацию так, что в результате на свет появлялись противоречащие друг другу постановления правительства, после чего наркомат просил отменить невыгодные для него постановления.

В предыдущей истории нарком выступил проводником интересов своего главка в правительстве. Но для этого руководству главка надо было сначала убедить руководство наркомата в необходимости таких действий. Несогласованные же с наркоматом действия, в том числе по снижению производственной программы, вызывали резко негативную реакцию с его стороны. В частности, в 4-м квартале 1935 г. руководство ГВМУ (Главного военно-мобилизационного управления, которому подчинялись предприятия, работавшие на оборону) и патронно-гильзового треста без ведома НКТП утвердило заниженную программу по производству для заводов треста. Когда это стало известно в наркомате, был издан приказ по НКТП, налагавший на руководство главка и треста различные взыскания[17].

Как правило, руководство наркомата требовало от руководителей подчиненных ему главков безусловного выполнения плановых заданий, точно так же как и центр требовал выполнения заданий от него самого. Но в определенных ситуациях руководители наркомата, так как они несли ответственность за выполнение плановых заданий вместе с руководителями главков, поддерживали последних в стремлении снизить производственную программу. Взаимоотношения наркоматов и главков складывались из этих двух составляющих.

Подобные отношения воспроизводились и на уровне «главки — тресты и предприятия». Руководители трестов и предприятий так же, как и главков и наркоматов, хотели получить выполнимые планы. Иногда просьбы трестов и предприятий находили поддержку в главках, и последние начинали лоббировать для них более низкие плановые задания в наркомате. Так, 20 июля 1937 г. плановый сектор ГУМП обратился в плановый сектор НКТП с просьбой «в связи с изменением сроков ремонтов и сортамента чугуна на 3 квартал 1937» изменить план по чугуну по трем заводам

без изменения уже утвержденного общего итога выплавки чугуна[18]. Руководство главка, точно так же как и руководители наркомата, в некоторых случаях поддерживало просьбы своих подчиненных, когда видело невыполнимость первоначальных заданий, так как разделяло с подчиненными ответственность за их реализацию.

Но как правило реакция руководителей главков на подобные просьбы была отрицательной, они проявляли непреклонность в вопросе выполнения заданий, так как сами испытывали давление сверху. Так, например, Косогорский металлургический комбинат несколько раз просил ГУМП учесть необходимость остановки доменных печей и чистки газопровода, в связи с чем — уменьшить программу по чугуну. Но это не было принято во внимание ГУМП[19]. Особую твердость руководство главков проявляло в случае заданий, утвержденных центром. Например, в ответ на просьбу Днепропетровского завода им. Петровского уменьшить задания по производству начальник ГУМП 21 августа 1937 г. ответил следующее: «...план на 3 квартал утвержден правительством. Изменить его я не имею возможности. Учитывая напряженное положение с балансом чугуна, прошу... принять меры к безусловному выполнению плана на 3 квартал»[20].

Под давлением из центра руководство главка могло отменить уже разрешенные ранее ремонтные работы на заводе и за счет этого повысить задание по производству. Так, в случае с уже упомянутым заводом им. Петровского ГУМП в 3-м квартале 1937 г. отменило ремонт одного из прокатных станов и повысило программу производства, а на все просьбы завода по уменьшению программы отвечало отказом[21].

В дискуссиях и спорах по тем или иным цифрам плановых заданий в качестве аргументов для обоснования своих предложений работники главков использовали существующие в их отраслях разнообразные технические нормы и коэффициенты, лежащие в основе всех подсчетов будущих заданий (существовала целая градация норм и коэффициентов). Так как информация об этих нормах и коэффициентах поступала в наркоматы и Госплан от самих главков, то они могли представить ее в выгодном для себя свете. Например, с помощью чуть-чуть заниженного показателя средней производительности одной доменной печи руководство ГУМП могло обосновать и добиться существенного сокращения планового задания по чугуну, так как общая цифра выплавки чугуна получалась из умножения производительности одной доменной печи на количество печей. Однако действенность такой политики была ограничена, так как от нее мог пострадать и сам главк. После того как задания по производству были приняты и главк переходил к их распределению между подчиненными трестами и предприятиями, ситуация с нормами и коэффициентами повторялась, но уже на уровне взаимоотношений «главк — тресты и предприятия». В случае с ГУМП это был «вечный» спор между представителями предприятий и главка о необходимости постановке на ремонт тех или иных агрегатов, о нормах частоты их ремонта. Например, ди-

ректор Днепропетровского завода им. Коминтерна 15 февраля 1937 г. просил при составлении плана предприятия учесть необходимость остановки завода на ремонт[22], а директор завода им. Петровского 8 августа 1937 г. просил уменьшить программу производства по печи № 4, так как ее капремонт затягивался[23].

Для наркоматов и главков одним из способов получить от подчиненных более или менее достоверную информацию был созыв и проведение широких отраслевых совещаний, съездов и конференций. На подобных совещаниях в условиях большевистской критики и самокритики представители главков и наркоматов совместно с представителями подчиненных трестов и предприятий, а также потребителей выпускаемой продукции разрабатывали и устанавливали различные технические нормы и коэффициенты для расчетов заданий. В качестве примера можно привести состоявшийся в Харькове 24—29 октября 1933 г. Первый Всесоюзный съезд трубопрокатчиков. Он был созван «для разрешение стоящих перед трубным производством задач, разработки программы 1934 г. и мероприятий по ее обеспечению»[24]. В ходе работы съезда состоялись заседания отдельных комиссий по каждому из заводов — производителей труб. На этих заседаниях были установлены технические нормы и коэффициенты работы заводских агрегатов и плановые задания на будущий год[25].

Таким образом, руководство и наркоматов и главков, оказываясь в роле подчиненных, манипулировало имеющейся у него информацией для того, чтобы достичь принятия выгодных плановых заданий, а во взаимоотношениях с подчиненными боролось с практикой манипулирования информацией в своих целях.

Борьба за ресурсы

Выполнение плановых заданий, полученных наркоматами и главками, было невозможно без наличия определенных ресурсов: финансовых, материальных, людских. Доступ к большинству ресурсов в советской системе был централизован. Центр, с помощью Госплана и НКФ, на основании заявок, поступивших от экономических агентов, принимал решения, кому именно, чего и сколько дать для выполнения поставленных задач. Чем к большему количеству ресурсов наркоматы и главки имели доступ, тем легче им было выполнить возложенные на них задачи. Поэтому другим способом увеличить шанс выполнения плановых заданий для руководителей наркоматов и главков было добиться от центра максимизации получаемых ресурсов. Кроме того, обладание ресурсами повышало степень влияния руководства организации, в распоряжении которой они находились.

В силу этого в процессе планирования между представителями наркоматов и главков, с одной стороны, и правительства, Госплана и НКФ — с другой, так же как относительно вопроса о будущих заданиях по производству, происходили столкновения по поводу выделяемых ресурсов. В общесоюзных годовых и квартальных

планах количество выделяемых ресурсов определялось, прежде всего, величиной планируемых капвложений по наркоматам в целом, иногда с разбивкой по отдельным отраслям (т.е. фактически по главкам). Наркоматы, в силу описанных причин, были склонны завышать требующиеся им капвложения, а Госплан и НКФ обычно отстаивали более низкие цифры. Окончательное решение принималось высшим руководством страны. Итоговые цифры находились между предложениями экономических наркоматов и функциональных, близость их к тому или другому проекту зависела от экономической политики центра в тот или иной момент. Например, в 1934 г. и первой половине 1935 г. доминировала идея «освоения техники», построенной в течение первой пятилетки, руководство страны проводило умеренную экономическую политику, твердо отвергая все претензии хозяйственных наркоматов на дополнительное финансирование. Начиная с середины 1935 г. был взят курс на увеличение капвложений, и при составлении плана на 1936 г. центр пошел на частичное (не полное!) удовлетворение запросов хозяйственных ведомств[26].

Схожие взаимоотношения по вопросу доступа к ресурсам воспроизводились на уровне «наркомат — главк». Точно так же, как наркоматы просили у центра, главки просили у своего наркомата. Руководство главков стремилось получить побольше ресурсов, а наркомат старался не дать им «лишнего», отделив реальные нужды главков от их завышенных требований. Одним из наиболее действенных способов для руководителей главков добиться нужных инвестиций был личный контакт с руководством наркомата. Для выдвижения своих просьб руководство главков использовало любые встречи, в том числе внутриведомственные конференции, различные совещания, заседания коллегий и т.д. Стенограммы подобных мероприятий сохранили «перепалки» между представителями главков и руководством наркоматов по этим вопросам. Например, на заседании Совета тяжелой промышленности 11 мая 1935 г. один из представителей главков, Пучков, заявил: «Дополнительные работы требуют еще 5 млн руб.», на что Орджоникидзе, нарком НКТП, возразил, что эти деньги были выделены. Но Пучков продолжал настаивать: «Не дали, товарищ Орджоникидзе. Мне дали распоряжение и указали, что эти средства мне нужно выделить из моих 15 млн. Я прошу дополнительно дать, товарищ Серго»[27].

Однако позиция вообще урезать заявки просителей и ничего не давать отвергалась, так как ответственность за выполнение плановых заданий несли все. Вот как говорил Орджоникидзе об одном из сотрудников НКТП, разделявшем эту позицию: «В ГУМП был Дукаревич, абсолютно гнилой и разложившийся человек. Когда к нему приходили люди за снабжением, он только отвечал: ничего у нас нет, ничего дать не можем»[28]. Руководство наркоматов было готово помогать своим главкам дополнительными ресурсами, но при условии что те справятся с поставленными перед ними задачами.

Для наркоматов и главков важно было обеспечить доступ не только к финансовым, но и материальным ресурсам, так как обладание достаточным количеством денег в советской системе еще не означало обладание необходимыми ресурсами.

Руководство наркоматов лоббировало в правительстве выделение под те или иные задачи дополнительных ресурсов или стремилось максимально выгодно для себя их перераспределить. Реакция центра на такие ходатайства была неоднозначной: правительство могло выделить дополнительно ресурсы, а могло и урезать уже выделенный объем ресурсов. В общем случае действия правительства зависели от степени приоритетности для него задачи, под которую испрашивались дополнительные ресурсы.

На составление руководителями наркоматов и главков завышенных и дополнительных заявок на ресурсы, кроме желания повысить надежность выполнения заданий, влияло также понимание того, что первоначальная заявка все равно будет урезана, а реальное снабжение по выделенным фондам не составит 100%. Были случаи, когда, получая меньше половины запланированных ресурсов, главки не испытывали проблем с выполнением заданий по производству. Например, начальник Главмашпрома А.Д.Пудалов в порядке самокритики и борьбы с практикой завышения заявок на внутриведомственном совещании НКТП признал, что «по Главмашпрому программа за 8 месяцев [1934 г.] выполнена на 67,9%, а заводы как будто бы ничего не получали»[29].

Принятие решений об объеме выделяемых ресурсов, размере плановых заданий как для наркоматов, так и для главков и для подчиненных им трестов и предприятий проходило в несколько этапов, на каждом из которых путем длительной переписки между вышестоящей и подчиненной организациями осуществлялось согласование отдельных цифр. На всех уровнях для подчиненных средством защиты своих интересов, утверждения «выгодных» для себя цифр являлось затягивание сроков предоставления информации наверх. Таким образом, они стремились минимизировать издержки на составление плановых заданий и снизить неопределенность в оценке будущих задач и необходимых ресурсов. При этом аргументация экономических агентов разных уровней, которые откладывали предоставление информации, совпадала.

В мае 1932 г. замнаркома НКТП Г.Л.Пятаков писал в СНК: «...указанные сроки, особенно при сохранении существующего порядка прохождения контрольных цифр, приводят к спешке в плановой работе и понижают ее качество на самых важных стадиях». Кроме того, контрольные цифры Совнаркома «значительно подчас отличаются от первоначальных лимитов и директив», что приводит к необходимости повторной работы для предприятий, объединений и наркоматов[30]. О том же в августе 1932 г. руководство объединения «Востокококс» писало в плановый и коксохимический секторы ГУМП. Ссылаясь на опыт 1932 г., «Востокококс» указывал, что быстро контрольные цифры составлять нельзя, так как это не позволяет наладить должную связь с местами, чтобы полу-

чить нужную информацию, и это ведет потом к повторной работе по составлению уточненных заданий.

Неверные оценки означали для подчиненных в дальнейшем дополнительные просьбы, которые вышестоящие органы не всегда удовлетворяли. Поэтому первые склонны были повышать степень определенности своего будущего путем задержки составления плановых заданий до того момента, пока не становились ясными намерения вышестоящей организации.

Общей причиной занижения показателей по производству и завышения объема необходимых ресурсов было желание руководителей наркоматов и главков снизить неопределенность в отношении выполнения будущих плановых заданий своими ведомствами. Как признался в своей речи на одной внутриведомственной конференции НКТП начальник Главморпрома Р.А.Муклевич: «Неуверенность потому, что сам не знаешь, откуда вылезет что-то такое, что нарушит взятые темпы, сорвет тебе программу по отдельному заводу или отдельному объекту»[31].

Выполнение планов

Приоритеты

После того как плановые задания наркоматам и главкам были приняты, для последних наступала пора их выполнения. В силу существовавшей в советской экономике 1930-х гг. практики «напряженного», подстегивающего планирования, экономическим агентам крайне сложно было выполнить свои плановые задания по всем показателям. «Напряженность» задач заставляла руководство наркоматов и главков выбирать, на каких из них сосредоточить усилия в первую очередь. Такие решения они принимали исходя из существовавших приоритетов, с целью минимизировать возможное наказание за невыполнение плановых заданий. Для руководителей наркоматов и главков очень важно было правильно определить те задачи, которые являлись приоритетными в глазах вышестоящих организаций.

Из всех плановых показателей наиболее важными являлись задания по валу, исчисляемые в натуральном и денежном выражениях. Центр с подчиненных в первую очередь спрашивал выполнение задания по валу, по количественным показателям. «Выполнение плана — это выполнение программы», — обобщая существовавшие настроения, заявил один из чиновников системы НКТП на совещании хозяйственников и ИТР НКТП в 1934 г.[32] Выполнение заданий по валу достигалось обычно за счет их невыполнения по качественным показателям: ассортименту и качеству выпускаемой продукции, по себестоимости, по экономии ресурсов и т. д. Это, в порядке критики и самокритики, признавали и сами хозяйственники: они дрались «за выполнение количественных показателей и часто в этой борьбе» имели очень много потерь, которые отражались на качестве продукции[33]. Центр периодически

инициировал кампании по повышению качества и производительности, снижению себестоимости, достижению соответствия ассортимента производимой продукции спросу и т.д. Однако большинство из этих начинаний давали лишь временный эффект, так как вал все равно оставался основным параметром, на который в первую очередь ориентировался центр, а вслед за ним руководители наркоматов, главков и предприятий.

Помимо выполнения заданий по валу как общей приоритетной задачи, руководителям наркоматов и главков важно было обеспечить первоочередное выполнение программы в отраслях, считавшихся приоритетными, по наиболее важным заказам и видам продукции.

Указывая на приоритетность конкретных задач, наркоматы и главки издавали специальные директивы. Многие из них лишь дублировали уже ранее установленные и сообщенные исполнителям плановые задания. Повторные директивы были призваны сосредоточить внимание исполнителей на своевременности и безусловности исполнения поставленных в них задач. Например, в директивах, касающихся оборонной промышленности, подчеркивалось: «...все наряды и заказы для Наркомата оборонной промышленности на оборудование и материалы по выделенным для нее фондам выполнять точно в установленные сроки, не допуская просрочек»[34].

Наркоматы и главки для выполнения приоритетных задач не ограничивались простыми напоминаниями подчиненным о необходимости и ответственности за их исполнение. Нередко руководство наркоматов и главков, так как также было ответственно за их исполнение, шло навстречу своим трестам и предприятиям, перераспределяя имеющиеся ресурсы, сосредотачивая их на наиболее важных в данный момент участках «социалистического строительства». Орджоникидзе, нарком НКТП, однажды сказал представителям ГУМП: «Я готов отдать черной металлургии что угодно, берите все, но поставьте дело так, как следует»[35]. Руководство наркоматов и главков отдавало приказы экономическим агентам, находящимся в их подчинении, помочь исполнителю приоритетного задания дополнительными поставками своей продукции. Так, например, 22 февраля 1932 г. по НКТП был издан приказ № 96, направленный на пуск Луганского паровозостроительного завода в срок, установленный правительством. Другой пример: 3 сентября 1933 г. ГУМП издал приказ № 219, согласно которому «в целях обеспечения бесперебойной работы заводов объединений "Востокосталь"» другие предприятия и тресты, подчиненные ГУМП, были обязаны поставить заводам «Востокостали» дополнительно свою продукцию, а отделы снабжения и оборудования ГУМП должны были выделить дополнительные материальные ресурсы[36] и т.д. Иногда к приоритетным отраслям прикреплялись целые заводы — изготовители необходимых материалов, оборудования и комплектующих.

Помимо выделения дополнительных ресурсов экономическим агентам, выполняющим приоритетные задания, наркоматы и главки создавали для них благоприятные условия доступа к уже выделенным. Так, приказ по НКТП от 8 марта 1932 г. № 51с выделял заводы «Баррикады», «Новое Сормово», завод № 8 и завод им. Молотова, входившие в Орудийное объединение, «в отношении снабжения как стройматериалами, так и оборудованием в особую группу» в силу особых заданий, возложенных на них правительственным постановлением от 1 июля 1931 г. Секторам и главным управлениям НКТП вменялось в обязанность «удовлетворить в необходимых размерах, как стройматериалами, так и оборудованием, потребность этих заводов вне всякой очереди»[37].

Однако, организуя дополнительное и приоритетное снабжение наиболее важных отраслей промышленности, руководство наркоматов и главков в то же время стремилось не допустить, во-первых, нецелевого использования выделенных ресурсов, специально оговаривая в своих приказах запрет на это, а во-вторых, бесконтрольного и завышенного потребления. С этой целью создавались специальные комиссии, задачей которых было ограничить чрезмерные требования представителей отрасли. Например, одна из таких комиссий была создана 5 марта 1932 г. из представителей ГВМУ и ГУМП (главка-производителя) для проверки обоснованности заявок на огнеупоры по военным объединениям и заводам[38].

Изменения в плановых заданиях были связаны не только с первоочередным решением приоритетных задач, но и с интервенциями центра, появлением у него самого новых задач и приоритетов. Значительное число изменений, устанавливавших новые плановые задания, появлялось вследствие решений высшего руководства страны. Наркоматы и главки, которых касались изменения, как подчиненные, должны были заняться их осуществлением.

Реализация интервенций ложилась в основном на главки и подчиненные им тресты и предприятия. Формально главки должны были неукоснительно исполнять и спускать своим трестам и предприятиям изменения в плановых заданиях, утвержденные правительством или наркоматом, но часто их реакция на подобные интервенции была болезненной и немоментальной. Руководители главков «не любили» неожиданных изменений, и особенно изменений в сторону увеличения плановых заданий, повышавших неопределенность, неуверенность в их выполнении, иногда пытались оспорить реальность выполнения таких повышенных заданий (естественно, что гораздо чаще главки оспаривали решения наркомата, чем решения правительства). Например, заместитель начальника ГУМП И.П.Бардин в 4-м квартале 1937 г. попытался оспорить принятое уже после начала квартала решение НКТП об увеличении главку задания по одному из сортов проката на 500 тонн за счет уменьшения программы Главспецстали. В своем письме от 19 октября 1937 г. Бардин обосновывал невозможность такого увеличения, тем более в середине квартала, приводя в качестве аргу-

ментов данные о состоянии прокатных станов подчиненных ГУМП заводов[39].

Руководителям трестов и предприятий, точно так же как и главкам, не нравились плановые интервенции сверху (в том числе и интервенции главка), т.к. они повышали общую степень неопределенности, увеличивали риск невыполнения плана. Но возможностей их оспорить было у трестов и предприятий меньше, чем у главков, большинство столкновений по этим вопросам не выходило за рамки главка.

Руководству наркоматов и главков не нравились интервенции, имеющие целью увеличить задания их ведомств, но со своей стороны по отношению к подчиненным организациям они считали их допустимыми, находя возможным за счет одних задач достигать решение приоритетных.

Контроль и отчетность

Выполнение плановых заданий наркоматами и главками центр контролировал через получаемую от них отчетность: текущую, месячную, квартальную, годовую и т.д. Объемом получаемой информации в общем случае определялась степень осведомленности центра о состоянии дел наркоматов и осведомленность наркоматов о состоянии дел главков. Количество информации у руководителей вышестоящей организации влияло на их оценку эффективности действий подчиненных. Сокращение отчетности и контроля упрощало руководству наркоматов и главков решение задачи убедить начальство в эффективности работы своих ведомств, в успешном выполнении поставленных перед ними задач. Кроме того, снижение контроля повышало влияние и независимость руководителей соответствующих ведомств. Поэтому руководители наркоматов и главков стремились до определенной степени стать независимыми от вышестоящих организаций, в частности путем сокращения отчетности (полностью отделиться от центра они, естественно, не могли, так как зависели от него, прежде всего, в вопросе ресурсов и т.д.).

Наркоматы, и в частности НКТП, несколько раз входили в правительство с инициативами по снижению количества отчетности. Госплан и НКФ, главные получатели отчетности отраслевых наркоматов, обычно (кроме случаев, когда объем отчетности явно превосходил тот, которой они могли обработать) выступали против подобных предложений, стремясь всесторонне контролировать их работу.

Так, например, 17 января 1935 г. Г.Л.Пятаков, заместитель наркома НКТП, отправил в СНК на имя В.М.Молотова письмо, в котором просил разрешить НКТП сократить предоставляемую в НКФ, ЦУНХУ, ВЦСПС, кредитные учреждения (Госбанк и Спецбанки) отчетность по военной промышленности, ссылаясь на необходимость неразглашения секретных сведений[40]. Одобрение этой инициативы НКТП фактически выводило бы военную про-

мышленность из-под контроля Госплана и НКФ, а следовательно, и СНК. Естественно, что и Госплан, и НКФ выступили против этого проекта, а в случае его принятия просили освободить их «от дачи заключения по годовым отчетам» и «от разработки отчетных данных для разработки оборонного планирования»[41]. В итоге по этому вопросу была образована комиссия из представителей спорящих ведомств, которая и выработала компромиссное решение. Объем отчетности, предоставляемой НКТП по военной промышленности, частично сокращался, но в меньших размерах, чем первоначально предлагал НКТП, а предоставляться она теперь должна была в «совершенно секретном» порядке[42].

По поводу содержания предоставляемой отчетности между наркоматами и центром также возникали серьезные разногласия. Между НКТП и НКФ несколько раз происходили столкновения по поводу сводного финансового отчета НКТП. НКФ, как функциональный орган правительства, хотел контролировать расходы и средства НКТП, тогда как руководство НКТП стремилось освободиться от такой опеки. Конфликты происходили по вопросам отнесения средств к тем или иным статьям. При этом часто руководству НКТП удавалось успешно отстаивать свои интересы.

Например, возник спор по поводу отчета НКТП за 1933 г. НКФ выступал за то, чтобы списать убытки и перерасходы хозорганов, подчиненных НКТП, за счет средств основных фондов, тогда как НКТП хотел оставить их на балансе (с тем, чтобы фактически списать их в следующем году за счет бюджета). Та же ситуация наблюдалась в вопросе экономии средств. Если НКТП хотел оставить их на балансе, чтобы использовать в следующем году, то НКФ предлагал отнести их к прибыли, которая принадлежит государству. Правительство передавало этот конфликт на рассмотрение нескольких комиссий, однако в силу сопротивления и давления со стороны НКТП ни одной из них не удалось выработать компромиссного решения. В результате дело было прекращено (что фактически являлось победой руководства НКТП): сохранилась записка управляющего делами СНК Мирошникова от 4 февраля 1935 г., направленная в НКТП и НКФ, в которой сообщалось, «что вопрос о разногласиях между НКТП и НКФ по отчету НКТП с обсуждения в СНК снят»[43].

В спорах по поводу отчетности действенным оружием была задержка ее предоставления. При составлении финансового плана для НКТП на 1935 г. руководство НКФ в силу того, что отчет за 1934 г. был предоставлен не вовремя, не знало о превышении реальной прибыли НКТП над запланированной. В результате в распоряжении НКТП в 1935 г. оказались «лишние» деньги, которые по просьбе заместителя наркома НКТП Пятакова правительство разрешило потратить на увеличение лимитов по капитальному строительству по тяжелой промышленности[44].

Ослабление контроля со стороны центра могло дать и материальную выгоду сотрудникам наркоматов и главков, если это приводило к освобождению от контроля в вопросе расходов на содер-

жание аппарата. По поводу величины расходов на аппарат между руководством наркоматов и центром часто возникали трения. Наркоматы тратили на своих сотрудников нередко больше запланированного. Например, в 1935 г. практически все ведомства, в том числе и НКТП, допустили перерасход средств из спецфондов (в спецфондах находились деньги, предназначенные для разнообразных дотаций работникам аппарата[45]). В ответ на перерасходы средств на содержание аппарата центр периодически проводил кампании по сокращению штатов.

Кроме стремления уменьшить объем отчетности своих ведомств, руководство наркоматов поддерживало также просьбы подчиненных им организаций о сокращении отчетности, предоставляемой центральным органам, стараясь освободить их тем самым от контроля со стороны центра. В частности, стройки НКТП в вопросах финансирования были подотчетны Госбанку и Спецбанкам (банкам долгосрочного кредитования). Руководство НКТП хотело, чтобы его стройки могли вестись максимально свободно, без смет, фактически исходя из уже потраченных средств. Это должно было облегчить выполнение плана, позволить сдать объект точно в срок. НКФ и банки, наоборот, хотели ограничить расходование средств, поставить его в жесткие рамки. Формально закон был на стороне НКФ. СНК несколько раз издавал постановления, запрещающие банкам финансировать строительство без предоставления смет. Однако по особым ходатайствам наркомов и их заместителей допускались исключения. Последние пользовались этим правом достаточно широко. Так, в 1934 г. заместитель наркома НКТП Пятаков ходатайствовал перед СТО о предоставлении отсрочек для составления смет по сверхлимитным стройкам военно-химической и азотной промышленности[46], в 1935 г. — по заводам авиационной промышленности[47], по 11 оборонным предприятиям[48] и т.д. В результате стройки получали искомую свободу.

Вообще, руководители хозяйственных субъектов разных уровней, объединенные общей ответственностью за решение поставленных задач, часто выступали единым фронтом против общих начальников, стремились повысить свою независимость по отношению к ним, покрывали друг друга, скрывали отчетность и информацию. Как было написано в одном постановлении начальника центральной контрольно-инспекторской группы при наркоме НКТП, направленном против такого поведения руководителей главков и предприятий, они придерживались «вредных традиций "не выносить сор из избы"»[49].

В вопросе отчетности и контроля руководители главков вели себя так же, как руководители наркоматов. Они стремились повысить свою независимость от начальств — наркомата. Такой линии поведения придерживались и директора предприятий по отношению к главкам. Руководство и главков, и предприятий хотело бы иметь такой вышестоящий орган, «который бы выручал их тогда, когда нужно, но который бы их не трогал»[50]. Наркоматы и главки, естественно, противились тому, когда подчиненные выходили из-

под контроля. Как сказал в своей речи на совещании по проведению в жизнь решений XVII съезда ВКП(б) начальник Главстанкоинструмента, «...так же как наркомат возражал против самостоятельности главков, так мы будем возражать против федерации заводов»[51].

Таким образом, руководители наркоматов и главков способствовали освобождению своих ведомств от контроля вышестоящих органов и стремились к сохранению собственного контроля над подчиненными.

Взаимоотношения наркоматов и главков с другими отраслевыми ведомствами

В процессе своей деятельности наркоматы и главки должны были так или иначе взаимодействовать с другими хозяйственными субъектами того же уровня управления. Нередко руководители наркоматов и главков старались реализовать свои интересы за счет «соседей» — других отраслевых наркоматов и главков. Это относилось как к выполнению заданий и доступу к ресурсам, так и к увеличению влияния ведомства.

В частности, руководство НКТП несколько раз в течение 1930-х гг. предпринимало попытки распространить свое влияние на другие ведомства. Прежде всего, НКТП старалось распространить свой контроль на ведомства, связанные с ним технологически, на организации-поставщики. Например, 2 июня 1935 г. НКТП просил СНК прикрепить к нему заводы, не подчиненные НКТП, но выполняющие заказы его военных заводов[52]. Размер наркомата или главка, количество предприятий, которые им подчинялись, определяли во многом степень влияния их руководителей. Кроме того, для ведомства было выгодно распространить свой контроль на весь технологический процесс, что повышало шансы выполнения плановых заданий. Однако подобные устремления руководства наркоматов и главков встречали сопротивление со стороны центра. В частности, центр отклонил вышеупомянутую просьбу НКТП, несмотря на то что речь шла о выполнении военных заказов.

Между разными наркоматами, между главками внутри наркоматов часто происходили столкновения по поводу обладания ресурсами, каждый старался получить дополнительные ресурсы за счет «соседа». Причем конфликты возникали даже по относительно незначительным поводам. Например, в 1935 г. возник конфликт между НКТП и Народным комиссариатом легкой промышленности (НКЛП) относительно нескольких комнат студенческого общежития, перешедшего НКТП после раздела ВСНХ. Руководство НКТП, на правах более сильного ведомства, которому перешла бóльшая часть собственности ВСНХ, решило увеличить свою долю за счет НКЛП. НКТП выселил студентов Полиграфического института, отошедшего НКЛП, из некогда общего здания студенческого общежития и отказался подписать договор аренды помещений с НКЛП. В результате дело попало в орган, разбирающий

конфликты между ведомствами, — Госарбитраж, который восстановил статус-кво, и студентам Полиграфического института были возвращены их комнаты[53].

Некоторые споры руководители ведомств, не будучи уверенными в их исходе (видимо, это происходило, когда влияние спорящих было приблизительно одинаково), предпочитали уладить миром, договорившись между собой. Так произошло в споре НКТП с НКВД по поводу разделения ресурсов, выделенных для строительства Ярославского гидроузла, после того как оно было передано от НКТП ГУЛАГУ НКВД. В соответствии с постановлением правительства все необходимые проектно-изыскательные материалы, оборудование, транспорт и т.д. передавались с баланса на баланс[54]. НКТП выразил свое несогласие и просил «выстроенный поселок гидроузла передать Ярославскому резиновому комбинату (находившемуся в ведении НКТП. — *А.М.*), который очень нуждается в жилплощади», оставить часть материалов, отпущенных Ярославскому гидроузлу, вопрос о передаче которых «был согласован между НКТП и НКВД», и передать лесопильный комбинат строительства Ярославскому резиновому комбинату[55]. Разбирательство спора было поручено Комиссии советского контроля. Однако в итоге вопрос был закрыт, так как между НКТП и НКВД было достигнуто компромиссное соглашение.

Схожие конфликты имели место между главками, руководители которых старались за счет друг друга реализовать свои интересы. Наиболее серьезные разногласия возникали между главками, производившими однородную продукцию и связанными взаимными поставками. Каждый главк старался переложить основной груз выполнения плановых заданий на «соседа» и использовать имеющиеся ресурсы исключительно в своих целях, не делясь ими с главком-конкурентом. Для ГУМП одним из главков, с которыми часто возникали конфликты, был Главспецсталь. Например, во 2-м квартале 1937 г. начальник Главспецстали И.Г.Макаров уведомил заместителя начальника ГУМП В.Е.Бабаева о невозможности «Запорожстали» (завода Главспецстали) поставить заводам ГУМП мартеновские слитки, так как «баланс металла на Запорожстали... складывается крайне неблагоприятно» и эти слитки нужны самой Главспецстали для дальнейшего производства[56]. В своем протесте в НКТП ГУМП указывал, что такие действия Главспецстали не единичный случай, что она «творит произвол и в самой отгрузке металла... совершенно необоснованно занаряжает большие количества слябов своим заводов, за счет явного срыва "чужих" заводов». В этом же письме начальник ГУМП «вспомнил» Главспецстали ее политику борьбы в наркомате за более низкие показатели производства для своих заводов за счет предприятий ГУМП[57].

На отраслевых конференциях, совещаниях НКТП, на которых собирались вместе представители разных главков и заводов, между ними не раз возникали перепалки, в которых стороны обвиняли друг друга в непоставках продукции по договорам, неплатежах, поставках некачественной продукции. При этом высказанные пре-

тензии влекли контрпретензии, и т.д. Например, ГУМП обвинял Главуголь в недопоставках угля, а Главуголь ГУМП — в недопоставках металла. Могло доходить до прямого оскорбления. На открытом партсобрании НКТП 22 октября 1934 г. начальник Главречпрома Морин назвал другого начальника главка, Доценко, жуликом. Последний не остался в долгу[58].

Давление на подчиненных

Еще одним способом обеспечить своим ведомством выполнение плановых заданий для руководства наркоматов и главков было усиление давления на подчиненных им экономических агентов.

Предприятия и тресты нередко не выполняли предписания наркоматов и главков. Руководство последних осознавало наличие проблемы и активно с ней боролось. Орджоникидзе в своей речи на совещании начальников главков, секторов и главных инженеров главков по вопросу о структуре главков 16 мая 1934 г. говорил, что «тот директор, тот инженер, тот начальник цеха, тот технический директор, который не следит за тем, чтобы распоряжения наркомата, распоряжения СНК, распоряжения ЦК нашей партии выполнялось в точности, тот директор — не директор...»[59], он требовал поставить в центр внимания проверку исполнения таких распоряжений[60].

В случае невыполнения подчиненными плановых заданий, появления «прорывов» руководство наркоматов и главков вмешивалось в их работу, издавало специальные директивы, призванные решить проблему. В таких директивах указывались причины невыполнения заданий, выдвигались требования ликвидировать отставание. Обычно при обнаружении «прорыва» принимались карательные меры по отношению к руководству предприятий, его допустивших. Например, после невыполнения планового задания одним из цехов завода им. Петровского ГУМП произвел кадровые смещения на заводе, а новому руководству было предложено принять самые решительные меры по ликвидации «прорыва»[61].

В отдельных случаях руководители наркоматов и главков, усиливая давление на подчиненных, могли увеличить количество требуемой отчетности о ходе выполнения того или иного задания. Например, ГУМП в двух письмах Сулинскому заводу подчеркивал неизменность срока окончания реконструкции проволочного стана и требовал принять все меры для завершения реконструкции 1 сентября 1937 г. В связи с этим он предлагал «ежедекадно сообщать о ходе работ на проволочном стане»[62]. Повышенный интерес руководства ГУМП к реконструкции этого стана был связан с тем, что за счет его работы в сентябре, последнем месяце 3-го квартала, главк хотел выполнить программу по одному из сортов проката.

Для усиления нажима на подчиненных организовывались специальные инспекционные комиссии. Например, в августе—октябре 1938 г. заместитель наркома НКТП И.Г.Макаров инспектировал угледобывающую отрасль. В ходе проверки было выявлено невы-

полнение целого ряда плановых заданий. Часть работников была снята с работы и привлечена к ответственности, от другой части сотрудников Макаров получил и «принял к сведению» заверения, что в дальнейшем ситуация будет исправлена[63].

Усиление давления на подчиненных со стороны руководства наркоматов и главков отвечало и интересам центра. Пожалуй, лишь в этом случае их интересы полностью совпадали.

Эффективность системы

В целом интересы руководителей вышестоящих и нижестоящих организаций не совпадали между собой. В итоге в процессе функционирования системы на каждом уровне взаимоотношений периодически возникали столкновения интересов и конфликты. Конкретный исход каждого такого столкновения зависел от множества причин. Подчиненные старались преследовать собственные цели, однако у центра по отношению к наркоматам, у наркоматов по отношению к главкам и у главков по отношению к трестам и предприятиям были способы повлиять на них, заставить их выполнять поставленные задачи. Такими способами были «подстегивающее» планирование, усиление давления и контроля над подчиненными. Вышестоящие организации нередко игнорировали жалобы и просьбы подчиненных, указывая им на необходимость «мобилизации внутренних ресурсов», увеличения производительности труда, равнения на оптимальные темпы, достигнутые в отрасли, и т.д. Кроме того, у вышестоящих организаций были способы добиться от подчиненных более или менее достоверной информации о состоянии дел. Для этого собирались отраслевые конференции и совещания, устанавливавшие технические нормы и коэффициенты, производились сравнения с зарубежными образцами, устраивались всевозможные инспекции и проверки.

В итоге, несмотря на несовпадение интересов руководителей организаций разных уровней и обилие возникающих по этой причине конфликтов, система работала и обеспечивала достаточно высокие темпы развития, и в этом смысле была эффективна. Однако ответ на вопрос об эффективности системы будет иной, если рассматривать эффективность с точки зрения целей, поставленных центром, цены их достижения. Деятельность руководителей среднего и нижнего звена управления в общем и целом не соответствовала оптимальному решению поставленных центром задач, вела к снижению темпов и чрезмерному расходованию ресурсов.

Примечания

[1] См., например: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т. 3 Социализм. М., 1956; История социалистической экономики СССР. В 6-ти т. Т. 3—5. М., 1977—1978.

[2] Аракелян А. Управление социалистической промышленностью. М., 1947; Рубинштейн Ш.А. Организация управления социалистической промышленностью в СССР. М., 1950; Дробижев В.З. Главный штаб социалис-

тической промышленности. М., 1961; Рубин А.М. Организация промышленности в СССР (1917—1967). М., 1969; Авдаков Ю.К., Бородин В.В. Производственные объединения и их роль в организации управления советской промышленностью. 1929—1932. М., 1973; Веденеев Ю.А. Организационные реформы государственного управления промышленностью в СССР (историко-правовое исследование). М., 1984.

[3] Венедиктов А.В. Организация социалистической промышленности в СССР. Т. 1—2. Л., 1957—1961.

[4] Формирование административно-командной системы в 20—30-е гг. / Под ред. В.П.Дмитренко. М., 1992; Девис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. №3. С. 92—107; Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996; Watson D. Molotov and soviet government Sovnarkom, 1930—1941. New York, 1996; Decision making in the Stalinist command economy 1932—1937 / Ed. by A.Rees, 1997; Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000; Белова Е.Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х годов // Экономическая история: Ежегодник. 2001; Behind the Facade of Stalin's Command Economy / Ed. by P.Gregory. Palo Alto, 2001; Gregory P., Markevich A.M. Creating Soviet Industry: the House That Stalin Built // Slavic Review. Vol. 61. No. 4 (Winter 2002). P. 787—814.

[5] Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Практика планирования в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 20—54.

[6] Документы НКТП и ГУМП находятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) (фонды 7297 и 4086). Также были привлечены материалы СНК, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) (фонд 5446).

[7] В начале 30-х гг. существовал еще один уровень управления — объединения, занимавшие в советской иерархической системе место между главками и трестами.

[8] Так, например, Наркомат тяжелой промышленности в первой половине 1930-х гг. руководил всей союзной тяжелой промышленностью, во второй половине 1930-х гг. из его ведения были исключены оборонная промышленность и машиностроение, управление которыми было выделено в отдельные наркоматы.

[9] СЗ. 1937. № 76. Ст. 375.

[10] РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 272. Л. 6.

[11] Там же.

[12] Там же. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 104. Л. 2.

[13] Там же.

[14] Подробнее см.: Хлевнюк О.В. Указ. соч. С. 134—140.

[15] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 84. Л. 6—8.

[16] Там же. Л. 3.

[17] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38 Д. 171. Л. 301.

[18] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 21.

[19] Там же. Л. 89, 91, 94.

[20] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 155.

[21] Там же. Л. 156—157, 159—160, 162.

[22] Там же. Л. 135—36.

[23] Там же. Л. 156—157.

[24] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 270. Л. 3.

[25] См. дело с протоколами заседаний этих комиссий: РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 269.

[26] Подробнее об экономической политике в 1930-е гг. см.: Девис Р., Хлевнюк О.В. Указ. соч.

[27] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 177. Л. 15—16.

[28] Там же. Д. 106. Л. 1.

[29] Там же. Оп. 28. Д. 336. Л. 105.

[30] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 3. Л. 32—33.

[31] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 335. Л. 28.

[32] Там же. Д. 334. Л. 5.

[33] Там же. Оп. 38. Д. 177. Л. 10.

[34] Там же. Д. 304. Л. 22.

[35] Там же. Д. 10. Л. 10.

[36] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 276. Л. 28—29.

[37] Там же. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 5. Л. 27.

[38] Там же. Л. 29.

[39] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 1.

[40] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1365. Л. 4.

[41] Там же. Л. 11—13.

[42] Там же. Л. 1—2.

[43] Там же. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 2692. Л. 1.

[44] Там же. Д. 210. Л. 1.

[45] Подробнее см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928—1935 гг. М., 1993. С. 68—69.

[46] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 88.

[47] Там же. Оп. 16а. Д. 44.

[48] Там же. Д. 49.

[49] РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 2. Л. 1—4.

[50] Там же. Оп. 38. Д. 98. Л. 19.

[51] Там же.

[52] ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 20.

[53] Там же. Оп. 16. Д. 100.

[54] Там же. Д. 433 Л. 6—8.

[55] Там же. Л. 3—5.

[56] РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 11.

[57] Там же. Л. 9—10.

[58] Там же. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 329. Л. 51.

[59] Там же. Оп. 38. Д. 106. Л. 12.

[60] Там же. Д. 104. Л. 2.

[61] Там же. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 276. Л. 47—50.

[62] Там же. Д. 275. Л. 110.

[63] Там же. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 58.

*М.Ю.Мухин**

Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936—1941 гг.

Практически с момента своего создания Советский Союз постоянно готовился к Большой войне, что обусловило необходимость перманентного развития и расширения отечественной военной промышленности. Можно спорить, к чему именно готовилось советское руководство — к обороне от вторжения со стороны «враждебного капиталистического окружения» или к походу на помощь «мировой революции», однако фактом является особое внимание, уделяемое оборонной промышленности правительством СССР уже с середины 1920-х гг. Постепенно «оборонка» превратилась в огромный сектор промышленности, на которую уже в конце 20-х — начале 30-х гг. тратилось 9—10% годового валового дохода страны[1], а к концу 30-х гг. эта доля достигала приблизительно 30%. Таким образом, военная индустрия превратилась в значительный по удельному весу сегмент всей советской экономики.

В свете этого особое значение приобретают вопросы структуры управления «оборонкой», а также приоритетности тех или иных отраслей военной индустрии в глазах советского руководства. Соотнесение административных реформ и динамики выпуска оборонной продукции дает возможность оценить результативность управленческих решений. Анализ развития административной системы оборонных производств позволяет выяснить степень эффективности аппарата управления, а вкупе с учетом относительного веса капиталовложений — судить об относительной важности различных секторов оборонных производств внутри «оборонки». Особенно важным в этом свете представляется рассмотреть основные методы интенсификации военного производства накануне войны, что позволяет выявить основные резервы советской экономики, эффективное использование которых дало возможность успешно выдержать экономическое состязание с гитлеровской Германией. Таким образом, изучение вопросов структурных и административных перестроек «оборонки» в предвоенное пятилетие позволяет по-новому взглянуть на важнейшие сюжеты отечественной истории.

---

* Мухин Михаил Юрьевич — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

Рассмотрим же подробнее систему управления оборонной промышленностью в предвоенное пятилетие.

Конец 1935 г. — начало 1936 г. — период коренной ломки административной системы «оборонки». Единое Главное военно-мобилизационное управление (ГВМУ) Наркомата тяжелой промышленности было упразднено, а его предприятия распределены между Главным управлением военной промышленности и Главным управлением боеприпасов.

В 1936 г. военная промышленность, входившая в систему Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП), была объединена в следующие структурные подразделения[2]: Главвоенпром (18 предприятий), Главное управление боеприпасов (ГУБ — 21 предприятие), Главоргхимпром (4 предприятия), Главазот (4 предприятия), Главное управление авиационной промышленности (ГУАП) (24 предприятия). Таким образом, в то время военную промышленность составляло 71 предприятие.

Из 18 предприятий Главвоенпрома 5 являлись орудийными, 2 — торпедными, 2 — танкостроительными, было по одному мотоциклетному, оружейному и оптико-механическому заводу, остальные были полифункциональны. Судя по набору заводов, Главное управление военной промышленности создавалось в основном на базе предприятий, ранее непосредственно подчиненных ГВМУ. Из этой группы предприятий в Главвоенпром перешло 4 завода — «Баррикады», им. Молотова, «Большевик» и № 92. «Двигательстрой» вошел в Главное управление (ГУ) военной промышленности, видимо, сразу по вступлению в строй. Спецмаштрест[3] если и не вошел в Главвоенпром полностью, то, во всяком случае, передал вновь созданной структуре свои старейшие предприятия, на которых закладывался фундамент отечественного танкостроения, — Харьковский паровозостроительный завод, заводы им. Ворошилова и «Красный Октябрь». Патрубтрест и РУЖ[4] передали в Главвоенпром по одному заводу — им. Калинина и Ижевский оружейный соответственно. Всего из 18 заводов Главвоенпрома 10 были переданы из расформированных трестов ГВМУ. К сожалению, пока еще не удалось выяснить все подробности этой реорганизации. Например, остается неясным, в чье ведение были на тот момент переданы крупные военные заводы, типа Тульского оружейного или инструментального завода (ИНЗ) № 2, не вошедшие в состав Главвоенпрома.

Из 21 завода ГУБ ровно треть перешла из Патрубвзрыва, вторая треть — из снарядного треста, остальные 7 предприятий не включались ранее в списки военных заводов.

Если обратиться к ГУАП, видно, что в 1936 г., по сравнению с 1934 г., это управление значительно расширило масштабы своей деятельности. Только капитальные работы велись на 25 заводах[5]. Всего же на момент передачи ГУАП в состав Нарокомата оборонной промышленности (НКОП) в 1936 г. в Глававиапром входило 31 самолето- и моторостроительное предприятие[6].

Из сопоставления списков предприятий за разные годы видно, что по сравнению с 1934 г. ГУАП значительно расширился, увеличив число своих предприятий с 15 до 31. Кроме того, надо отметить, что при ближайшем рассмотрении приращение будет бóльшим. Из состава треста были выведены подсобные заводы № 36 и 49. Первый был загружен производством аэролаков и передан химической промышленности, дальнейшую судьбу второго пока проследить не удалось. Из числа предприятий треста были выведены заводы моторный № 120 и авиастроительный № 17, однако реально эти предприятия выпуск так и не наладили; не исключено, что в 1933 г. они были включены в список действующих предприятий авиапрома «авансом»: соответствующее перепрофилирование производства планировалось, но не было осуществлено. Выведенный за пределы авиапрома завод № 127 официально числился авиастроительным, но реально освоил производство только пропеллеров. Не вызывает сомнений, что заводы № 124—126 перечислялись в списке предприятий Авиатреста за 1933 г. только формально. Хотя завод № 124 официально вступил в строй в 1934 г., крупномасштабное производство там началось лишь в последние предвоенные годы. Авиавыпуск на заводах № 125—126 тоже начался только в 1936 г.; таким образом, их упоминание в списке 1933 г. и неупомнинание в перечне авиапредприятий в 1935 г. — это следствие увеличения меры ответственности составителя, а не сокращения числа авиапредприятий. В этом списке впервые упоминается завод № 25, однако это предприятие, безусловно, существовало ранее, хотя бы в форме опытного завода при авиазаводе № 1.

Помимо «нового-старого» завода № 25 ГУАП пополнился новыми заводами № 27[7], 30, 132[8], 135[9], 145, 149, 153, 154, 156[10]. В списке не упомянуты заводы № 125 и 126, однако документально установлено, что уже в 1936 г. они начали выпуск авиационной продукции[11].

Таким образом, судя не по отчетности, а по фактическому положению дел, реально авиапроизводство в 1935—1936 гг. пополнилось до 33 заводов против 11 в 1933.

Включение в список оборонных структур Главоргхимпрома и Главазота вызвано следующими причинами: до реорганизации 1935 г. существовало ясное и четкое деление по принципу: это входит в систему ГВМУ (или ГУАП), значит, является военной промышленностью; а вот это в систему данных управлений не входит, а следовательно, является промышленностью гражданской, хотя часть ее мощностей и задействована на выполнение военных заказов. В результате военно-химическая промышленность, всегда имевшая, в силу технологических особенностей, характер «двойного назначения», постоянно находилась в своеобразном пограничном состоянии между отраслью «оборонки», производящей порох и взрывчатку, и отраслью химической промышленности, производящей химические соединения, используемые в военном деле. Результатом такой «пограничности» стало переподчинение в 1934 г. производства пороха, взрывчатки и боевых отравляющих веществ из военной промышленности в химическую индустрию.

Однако после ликвидации ГВМУ эта стройная система рассыпалась. Видимо, в сложившейся ситуации при явно неустойчивой системе управления оборонной индустрией возобладала точка зрения, согласно которой военно-химическое производство следовало вернуть в лоно «оборонки».

Причины столь бурного переустройства военной промышленности очевидны. 1935 г. ознаменовался катастрофическим спадом выпуска оборонной продукции в натуральном исчислении (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Выпуск важнейших изделий оборонного назначения

Изделие	Год			
	1932	1933	1934	1935
Танки (шт.)	3121	4005	3565	3030
Пулеметы (шт.)	62705	35024	29226	29630
Винтовки (тыс.)	280,28	205	303	207
Винтпатроны (млн)	371,4	285	306	650
Самолеты (шт.)	2489	4115	4454	2529
Авиамоторы (шт.)	4918	7771	10319	7553

Источник: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 177. Л. 63; Ф. 8328. Оп. 1. Д. 633. Л. 79; Д. 829. Л. 2. Д. 2750. Л. 95—108.

Как видно из таблицы, выпуск танков, пулеметов и патронов в 1935 г. упал ниже уровня 1932 г., авиавыпуск стагнировал и лишь производство винтовочных патронов устойчиво росло. Очевидно, советское руководство, крайне недовольное таким оборотом дел, пыталось найти выход, в том числе и на путях административного переустройства. Результаты этого переустройства были неоднозначны. Во всяком случае, ни преобразования 1935 г., ни нижеописываемая реформа 1936 г. не привели к решительному росту выпуска оборонной продукции.

Постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР от 8 декабря 1936 г. производство военной продукции было сосредоточено в руках вновь созданного Наркомата оборонной промышленности (НКОП). Наркомом оборонной промышленности был назначен М.Л.Рухимович, но уже 15 октября 1937 г., в связи с его арестом, этот пост занял М.М.Каганович. В составе новосозданного наркомата были сформированы главные управления (ГУ), ответственные за выпуск авиатехники, артиллерии, боеприпасов, брони, танков, аккумуляторов и оптических приборов. В ведение отдельных ГУ НКОП было выделено судостроение и военно-химические производства[12]. С учетом того, что данная реорганизация достаточно полно освещена в историографии, мы не будем специально останавливаться на ней.

Рисунок 1

Соотношение валовой продукции важнейших ГУ НКОП за 1937 г.

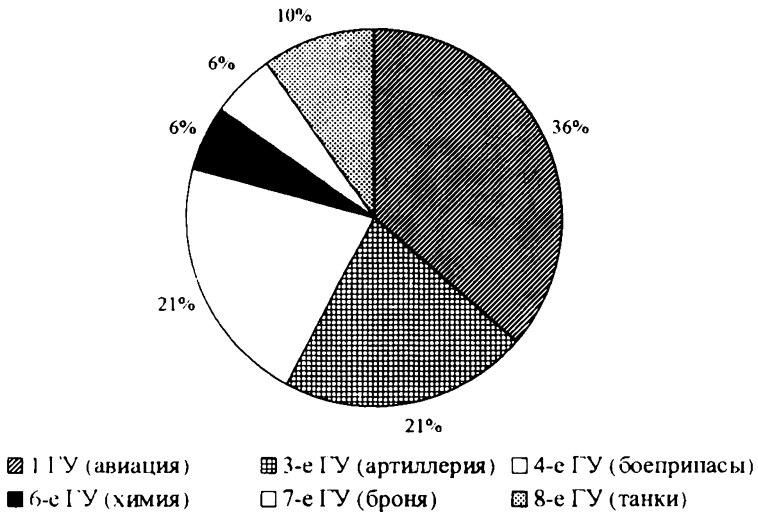
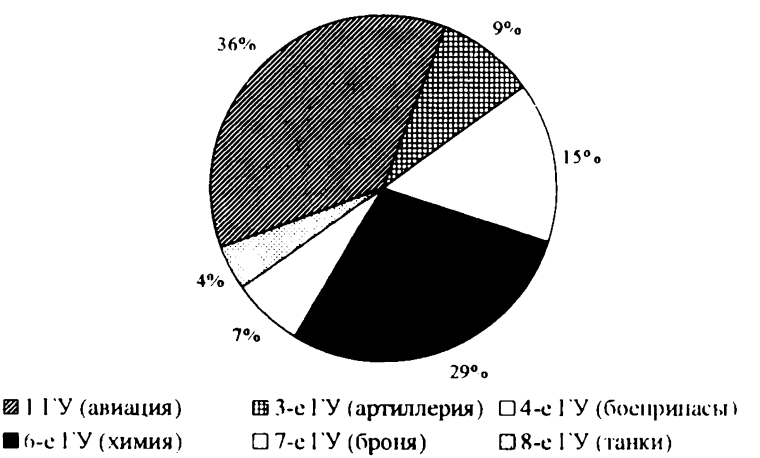


Рисунок 2

Капиталовложения в важнейшие ГУ НКОП за 1937 г.



Для координации мероприятий по обороне страны 27 апреля 1937 г. взамен Совета труда и обороны при Совете народных комиссаров (СНК) СССР был создан Комитет обороны. 31 января 1938 г. при Комитете обороны была учреждена постоянная Военно-промышленная комиссия, которая занималась мобилизацией и оборонной подготовкой индустрии страны в целом[13].

Что же касается собственно приоритетов советской оборонной промышленности в этот период, то диаграммы на Рисунках 1 и 2 демонстрируют дальнейшее развитие тенденций по форсированному «накачиванию» капиталовложениями авиапромышленности и военно-химических производств, причем в отношении авиапрома эта политика стала приносить определенные результаты, выраженные в увеличении удельного веса его продукции по сравнению с этим показателем у других основных ГУ НКОП.

Просуществовав около двух лет, указом Президиума Верховного Совета (ВС) СССР от 11 января 1939 г. НКОП был разделен на следующие структуры: Наркомат авиационной промышленности (НКАП), Наркомат судостроительной промышленности, Наркомат боеприпасов (НКБ) и Наркомат вооружений (НКВ).

Особым образом сложилась судьба танкостроительной отрасли. При реорганизации НКОП ее предприятия не были включены ни в один из четырех перечисленных наркоматов оборонного комплекса, а перешли в ведение Наркомата среднего машиностроения. Наркомсредмаш был образован указом Президиума ВС СССР от 8 февраля 1939 г. в результате разделения Наркомата машиностроения на наркоматы тяжелого, общего и среднего машиностроения[14]. В составе Наркомсредмаша оборонные заводы были объединены в особом главке — Главспецмаше. Помимо существовавших ранее танкостроительных заводов, производством бронетанковой техники с 1940 г. занялись только что построенные Сталинградский и Челябинский тракторостроительные заводы[15].

Состав НКВ был определен постановлением СНК № 4сс от 21 января 1939 г. «О разделении НКОП». В НКВ вошли 3-е, 9-е, 12-е, 15-е ГУ НКОП (все ГУ получили номерные обозначения в соответствии с приказом НКОП № 06 от 30 декабря 1936 г.); стройтресты № 40, 25, 24, 37; проектный институт № 7; соответствующие учебные заведения.

Первым наркомом вооружений был назначен Б.В.Ванников, однако за несколько недель до начала войны он был арестован как «враг народа и вражеский шпион», а его пост был передан Д.Ф.Устинову. Интересно, что вскоре после начала войны Б.В.Ванников был реабилитирован и назначен замнаркома к Устинову все в тот же НКВ. Окончательная структура НКВ (для довоенного периода, в годы Великой Отечественной войны она вновь подверглась коррективам) была утверждена постановлением СНК № 936—352сс от 3 июня 1940 г., во исполнение которого был отдан приказ НКВ № 174сс от 19 июня 1940 г. Согласно этим документам, НКВ имел следующую структуру: 1-е ГУ(во главе с Н.Э.Носовским) руково-

дило артиллерийским производством; 2-е ГУ (во главе с А.Э.Добровольским) руководило производством оптики и приборостроением; 3-е ГУ (во главе с С.И.Ветошкиным) осуществляло руководство патронной промышленностью. Всего в систему НКВ входило 25 заводов. Кроме того, в НКВ входили ряд ГУ и отделов непроизводственного характера, 5 научно-исследовательских институтов (НИИ), 10 конструкторских бюро (КБ), 8 высших учебных заведений, 13 техникумов и 4 рабфака, а также издательство, выпускавшее 3 отраслевых журнала[16].

Структура НКБ была определена постановлением СНК СССР № 4сс от 21 января 1939 г. «О разделении НКОП СССР». Согласно этому постановлению в НКБ вошли: 4-е ГУ, которое ведало снаряжением снарядов и авиабомб, производством взрывчатки; капсюльным, пиротехническим и гранатным производством; 11-е ГУ, которое занималось производством пороха; 13-е ГУ, отвечающее за производство корпусов артиллерийских снарядов и авиабомб; 14-е ГУ, занятое производством взрывателей и трубок; 21-е ГУ, которое ведало выпуском гильз. В подчинение НКБ было передано 73 завода (в том числе 10 строящихся), 7 НИИ и КБ, 5 вузов и другие учреждения[17].

Во исполнение постановления СНК № 937—353 от 3 июня 1940 г. приказом НКБ № 208сс от 8 июня 1940 г. была утверждена новая структура данного наркомата: 1-е ГУ ведало производством снарядов, авиабомб и взрывчатых веществ; 2-е ГУ управляло производством капсюлей и взрывателей; 3-е ГУ отвечало за выпуск пороха и взрывчатки мирного назначения; 4-е ГУ осуществляло управление производством корпусов снарядов для морской и сухопутной артиллерии, а также мин.

Во исполнение решения СНК приказом НКБ № 332 от 2 сентября 1940 г. в структуре НКБ было организовано управление полигонов, в подчинение которому были переданы Софринский, Павлоградский, Чапаевский и Уральский полигоны.

Дальнейшие изменения в структуре НКБ производились уже после окончания Второй мировой войны.

Первые два года существования НКБ его возглавлял И.П.Сергеев, но 3 марта 1941 г. его сменил П.Н.Горемыкин.

Что касается состава предприятий НКБ, то он в предвоенные годы постоянно расширялся. Советское руководство помнило кошмар «снарядного голода», предрешившего катастрофу российской армии в кампанию 1915 г., поэтому производству боеприпасов уделялось особое значение. Например, в 1939 г. в системе НКБ строилось 25 предприятий, еще 28 находились в процессе капитальной реконструкции, а к производству различных элементов боеприпасов привлекалось 235 предприятий других наркоматов[18]. Однако неудовлетворительная работа Наркомата строительства привела к тому, что в 1940 г. в строй было введено лишь 45,8% от запланированных производственных мощностей. В результате в январе 1941 г. в структуре Наркомстроя было создано специальное подразделение — Главбоеприпасстрой. К 1941 г. производственные

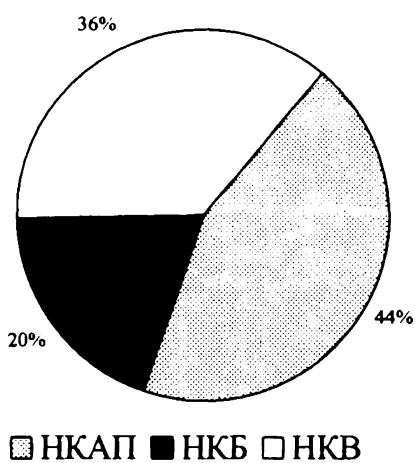
мощности НКБ возросли втрое по сравнению с уровнем 1940 г. К сожалению, быстрое продвижение вермахта в первые месяцы Великой Отечественной войны привело к необходимости экстренной эвакуации всей оборонной (и не только оборонной) промышленности на восток. Развертывание предприятий НКБ требовало некоторого времени, поэтому в конце 1941 г. — начале 1942 г. советские войска также вновь испытывали «снарядный голод», что существенно осложнило наступление в ходе Московской операции. В дальнейшем снабжение советских войск боеприпасами наладилось.

НКАП был создан на основе 1-го (самолетного) и 18-го (авиамоторостроительного) ГУ НКОП. Так как авиапромышленность занимала в тот момент ведущее место среди отраслей «оборонки», остановимся на ее истории подробней.

На момент создания НКАП этот наркомат включал в свой состав 86 предприятий, 9 НИИ и КБ, где трудилось 272600 человек[19], кадры для отрасли готовились в 7 ведомственных институтах и 15 техникумах[20]. Если не учитывать традиционно стоящий несколько обособленно Наркомат судостроительной промышленности и «спрятанный» в недрах Наркомата среднего машиностроения Спецмаштрест, на НКАП в 1939 г. приходилось 44% валовой продукции трех основных наркоматов оборонной промышленности (см. диаграмму на Рисунке 3)[21].

Рисунок 3

Соотношение валовой продукции 3 оборонных наркоматов в 1939 г. в неизменных ценах 1926/27 г.



Первоначально считалось, что советская авиаиндустрия уже достигла требуемого уровня, поэтому задачи наибольшего роста ставились перед промышленностью боеприпасов. Ожидалось, что удельный вес авиастроения во всей оборонной промышленности упадет с 45[22] до 42%. Однако НКБ, в отличие от НКАП, план 1939 г. провалил, поэтому превосходство авиапрома над прочими основными оборонными наркоматами осталось неизменным (см. Таблицу 2):

Таблица 2

Валовая продукция в ценах 1926/27 хозяйственного года (в тыс. руб.)

Наркомат	1938 г., фактически*	1939 г., по плану	Планируемый рост	1939 г., фактически	Реальный рост
НКАП	3679567	5324396	144,7%	5312129	144,4%
НКБ	1601615	2800169	174,8%	2360144	147,4%
НКВ	2936361	4287800	146%	4365788	148,7%

* В 1938 г. рассматриваемых наркоматов еще не существовало поэтому в данном столбце приводится стоимость продукции ГУ НКОП, на базе которых в январе были созданы соответствующие наркоматы. Перерасчет производился сотрудниками Госплана в 1940 г.

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 211. Л. 33.

Руководство НКБ ссылалось на то, что наркомат переживает период экстренного расширения, к выполнению увеличенного (в абсолютных цифрах) плана привлекались предприятия, лишь недавно переданные из гражданских наркоматов[23], однако, как будет показано ниже, НКАП в указанный период переживал те же проблемы.

Авиастроение можно считать наиболее высокотехнологической отраслью как «оборонки», так и отечественной индустрии 1930-х гг. в целом. Поэтому будет целесообразно более детально рассмотреть ситуацию именно в этом сегменте оборонного производства. С известным допущением выводы, сделанные на основе анализа ситуации в авиастроении, могут быть применены ко всей военной промышленности.

Базисным для НКАП было 1-е (самолетное) ГУ НКОП. Однако это ГУ было явно слишком велико для наркомата, поэтому 4 марта 1939 г. оно было разделено на Главное самолетное управление (ГСУ) и Главное самолето-агрегатное управление (ГСАУ); впрочем, уже в конце того же месяца из ведения ГСУ были выведены дальневосточные предприятия и новостройки, управление которыми было сосредоточено в специальном отраслевом главке. Как уже было сказано выше, помимо 1-го ГУ НКОП, в НКАП отошло и 18-е ГУ, занимавшееся моторостроением. В новом наркомате оно получило название Главного моторостроительного управления (ГМУ), которое было в апреле 1939 г. разукрупнено на собственно ГМУ, Главное моторно-агрегатное управление (ГМАУ)

и Главное металлопрокатное управление (ГМПУ). В это же время слаботочное и приборное ГУ стали номерными ГУ НКАП — соответственно 7-м и 8-м. В августе 1939 г. в структуре НКАП появилось 10-е ГУ, отвечавшее за производство лыж и деревянных пропеллеров, и было ликвидировано Остехбюро, чьи функции и производственные мощности были разделены между 7-м и 8-м ГУ. Для внедрения в производство передовых технологий при наркоме еще в мае был создан совещательный орган — Технический совет. В ноябре он был дополнен 11-м ГУ, призванным руководить отраслевой наукой и научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами (НИОКР)[24].

Уже в 1939 г. перед только что созданным НКАП была поставлена задача по увеличению авиавыпуска. 17 июля 1939 г. нарком обороны К.Е.Ворошилов одобрил проект постановления «О развитии самолетных заводов НКАП», которое предусматривало увеличение мощности существующих заводов и строительство еще 4 авиафабрик с тем, чтобы в 1941 г. довести производство бомбардировщиков до 10400, истребителей — до 13000, а штурмовиков и разведчиков — до 5800 самолетов в год[25]. Как будет показано ниже, эти задания были заведомо непосильны для советской авиапромышленности, так как даже в условиях грандиозного спурта 1940—1941 гг. советский авиапром в 1941 г. смог произвести только 19000 самолетов. Неудивительно, что план 1939 г. был выполнен по самолетам на 84%, а по моторам — на 84,1%[26]. Так, заводу № 22 на 1939 г. была выдана программа, составлявшая 180% от уровня 1938 г.; несмотря на все усилия, завод смог выполнить ее только на 86%, что обеспечило 120%-ный прирост по сравнению с 1938 г., но не устроило советское руководство[27]. Резко возросла доля брака. Так, например, на заводе № 22 рост брака составил 88% от уровня 1938 г.[28] Свою роль сыграла и неразбериха с типами производимых моделей. Скажем, на том же заводе № 22 предполагалось свернуть производства СБ и начать выпуск новых бомбардировщиков — первоначально поликарповского СПБ, а затем петляковского Пе-2. Однако реалии советско-финской войны потребовали в первую очередь покрыть боевую убыль освоенного в частях СБ, а уж во вторую очередь — заниматься внедрением в серию новых моделей[29].

Первым наркомом авиапромышленности был М.М.Каганович, 10 января 1940 г. его сменил А.И.Шахурин, ушедший с этого поста только в 1946 г. Близкое родство со «старожилом» Политбюро Л.М.Кагановичем не спасло Михаила Кагановича от гнева генсека. Неудачи советской авиации в небе Испании привели к тому, что авторитет М.М.Кагановича стал стремительно падать. По свидетельству очевидцев[30], Сталин не стеснялся устраивать опальному наркому публичные разносы. Заместителем Шахурина «по общим вопросам» был В.П.Дементьев.

После смены руководства НКАП в наркомате была создана новая организационная структура. С 27 мая 1940 г. НКАП состоял из ГСУ, ГСАУ, Главного приборного управления[31], ГМАУ, Глав-

ного управления по производству лыж, винтов и запчастей, Главного опытно-самолетного управления[32], Главного опытно-моторного управления[33], Главного управления капитальных работ, Главного управления учебных заведений, Главного управления снабжения и Управления противовоздушной обороны и охраны. Кроме того, в НКАП входили Технический совет, Технический отдел и Металлургический отдел, созданный на базе расформированного ГМПУ, и еще ряд вспомогательно-служебных отделов. Дальневосточный территориальный главк был преобразован в аппарат уполномоченного НКАП на Дальнем Востоке[34]. 7-е ГУ было передано в Наркомат электропромышленности. Ввиду форсированного развития бомбардировочной и штурмовой авиации и особого внимания, проявляемого к производству этих типов авиатехники, 21 марта 1941 г. ГСУ было подразделено на Главное управление истребительной и учебно-тренировочной авиации (ГУИУТА) и Главное управление бомбардировочной, штурмовой и транспортной авиации (ГУБШТА). По некоторым сведеньям, новосозданные ГУ имели также и номерные обозначения — 1-е ГУ (руководитель — П.А.Воронин), ведавшее производством истребителей, и 10-е ГУ (руководитель — А.И.Кузнецов), занимавшееся производством бомбардировщиков[35]. Уже после начала войны — 26 июня 1941 г. — из ГУИУТА было выведено производство планеров, порученное Главному управлению планеров (ГУП), после чего ГУИУТА было переименовано в Главное управление истребительной авиации (ГУИА). В апреле 1941 г. Металлургический отдел был развернут в Главное металлургическое управление (ГУМ)[36].

Вскоре после своего назначения А.И.Шахурин доложил И.В.Сталину, что по положению дел на 1940 г., с учетом присоединения к авиапромышленности гитлеровской Германии авиастроительных заводов покоренных стран и государств-сателлитов, суммарная мощность авиапромышленности Германии вдвое превосходит аналогичный показатель авиаиндустрии советской[37]. Надо отметить, что данный эпизод относится к ряду «темных мест» довоенного соперничества советской и германской авиапромышленности. В октябре 1939 г. в Германию выехала советская хозяйственная комиссия во главе с членом ЦК КПСС И.Ф.Тевосяном[38], авиационную часть которой возглавлял генерал А.Н.Гусев[39]. По возвращении Гусев выразил мнение, что немцы показали устаревшую технику, однако значительная часть авиационных специалистов с ним не согласилась. В результате в марте 1940 г. в Германию была направлена новая комиссия, авиационную делегацию которой возглавлял на этот раз А.С.Яковлев[40]. Заместителем Яковлева в этой поездке был ставший впоследствии начальником ЦАГИ генерал-майор И.Ф.Петров. Вернувшись из командировки, Петров сообщил[41], что германская авиапромышленность способна выпускать 70—80 самолетов в день. Аналогичные цифры приводились на декабрьском 1940 г. совещании высшего руководящего состава РККА команду-

ющим Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенантом Ф.И.Кузнецовым, который, со ссылками на американскую печать, утверждал, что германская авиапромышленность выпускает до 2000 самолетов ежемесячно[42]. Это казалось весьма правдоподобным, особенно на фоне постоянных донесений разведки об интенсивном освоении «ведомством Геринга» авиапредприятий оккупированных Польши[43], Чехии[44] и Франции[45]. В марте 1941 г. Разведуправление Генштаба РККА дополнительно подтвердило алармистский рапорт Петрова, доложив, что Германия, с учетом заводов на территории Чехии и Польши, располагает 112 самолетостроительными и 58 моторостроительными заводами, на которых в общей сложности заняты 500000 человек. Годовой выпуск немецкой авиапромышленности оценивался в 25000—30000 самолетов в год[46], что фактически подтверждало данные Петрова.

Советский авиапром в тот момент в день выпускал только 26 самолетов[47], что было совсем неплохим достижением, если учесть, что в 1930—1931 гг. авиавыпуск составлял 2,5, а в 1935—1937 гг. — 10 самолетов в день. Этот уровень считался достаточным, учитывая то, что, например, Франция в 1939 г. производила около 7 самолетов в сутки[48]. Как выяснилось позднее, данные Петрова были существенно завышены: среднемесячный выпуск самолетов в Германии на тот момент колебался от 700[49] до 1000[50] единиц, т. е. ежедневный выпуск составлял 25—35 самолетов. Ошибочность предвоенных оценок мощности германской авиапромышленности была молчаливо признана и советской историографией, выяснившей, что ведомство Геринга производило в среднем в месяц в 1940 г. 850 самолетов, а в 1941 г. — 1030[51]. Сейчас трудно однозначно утверждать, что послужило причиной этой ошибки — добросовестное заблуждение Петрова[52], его желание «выдвинуться» на волне разоблачений «врагов народа» в НКАП, тонкая провокация германских спецслужб, пытавшихся сбить с толку потенциального противника, или что-то иное, однако в результате получения информации Петрова советское руководство пришло к выводу о катастрофическом отставании от гитлеровской Германии не только по качеству, но и по количеству производимой авиатехники.

По свидетельству А.И.Шахурина, рапорт Петрова привел кремлевского «хозяина» в ярость, трансформировавшуюся в требование немедленно ускорить рост отечественной авиапромышленности и довести выпуск самолетов до «немецкой нормы» — 70—80 машин в сутки.

Для увеличения мощностей самолетостроения и приближения моторных заводов к восточной группе самолетных предприятий Комитет обороны еще в 1939 г. принял решения «О развитии авиамоторных заводов Наркомата авиационной промышленности» и «О реконструкции существующих и строительстве новых самолетных заводов»[53], согласно которым к концу 1941 г. число авиазаводов по сравнению с 1939 г. должно было удвоиться[54], а их

мощность составить 166% от уровня 1939 г.[55] Количество авиамоторных заводов также должно было удвоиться за этот срок. В октябре 1939 г. было принято аналогичное постановление и по авиаагрегатным заводам. Как видим, и без реляций Петрова планировалось существенное расширение советской авиапромышленности. Однако в 1940 г. эти планы были признаны недостаточно радикальными и подверглись пересмотру.

В 1940 г. деятельность НКАП обсуждается в Политбюро ЦК ВКП(б). По итогам рассмотрения перед руководством наркомата была поставлена задача довести к концу года суточный выпуск самолетов до 50[56]. Надо отметить, что эта задача, хотя и с некоторым опозданием, действительно была решена и накануне войны советский авиавыпуск достиг отметки 50 самолетов в день[57] или, по крайней мере, вплотную приблизился к ней. В феврале 1940 г. Комитет обороны увеличил полугодовую программу выпуска самолетов и авиамоторов почти на 40%. Разрешалось применение сверхурочных работ до 3,5 часа в день на 1 работника, а в отдельных случаях — и работы в выходные дни[58]. Комитет обороны взял под свой непосредственный контроль поставку на авиазаводы сырья, топлива и комплектующих. Наркомат путей сообщения был обязан осуществлять перевозку грузов для НКАП и его смежников не более чем в суточный срок[59].

Попытка увеличить авиавыпуск путем интенсификации работы уже существующих авиапредприятий не увенчалась успехом. При планомерном развитии этих предприятий выход на ежедневный выпуск 70 машин ожидался приблизительно к 1943 г.[60] Единственным выходом, таким образом, становилось форсированное развитие авиаиндустрии с резким увеличением производственных мощностей. Для этого в составе НКАП был создан специальный главк, ведавший капитальным строительством, в подчинении которого находилось 25 строительно-монтажных трестов. Еще согласно решениям 1939 г. планировалось заложить 9 новых самолетостроительных и 6 авиамоторных заводов; кроме того, 9 самолетостроительных и все авиамоторостроительные заводы подверглись реконструкции. К концу 1940 г. начались работы на строительных площадках 8 самолетостроительных заводов, на создание 3 моторостроительных предприятий были отпущены средства[61].

Показателен рост внимания к проблемам авиапромышленности со стороны советского руководства, выразившийся в подключении к их решению партийных структур. В июле 1940 г. ряду наркомов и первых секретарей обкомов ВКП(б) было вменено в обязанность взять под личное наблюдение выполнение заказов НКАП[62]. Специально для постоянного ускорения развертывания авиапроизводства в ряде горкомов и обкомов по решению XVIII конференции ВКП(б) были введены должности секретаря по авиапромышленности[63]. В ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия, еженедельно рассматривавшая ход строительства авиазаводов[64]. Одновременно с этим предпринимались меры по усилению дисциплины в высших эшелонах администрации. По-

становлением ЦК ВКП(б) от 16 ноября 1940 г. директора самолетостроительных и моторных заводов обязывались ежедневно отчитываться перед наркоматом и ЦК о количестве принятой военной приемкой продукции[65]. Впервые за историю авиапромышленности строительство новых авиапредприятий было доверено заключенным. Приказом НКВД от 23 августа 1940 г. было создано Управление особого строительства под руководством заместителя начальника ГУЛАГа старшего майора госбезопасности А.П.Лепилова, на которое возлагалось строительство в районе Куйбышева двух авиастроительных[66] и одного моторостроительного[67] заводов[68]. К лету 1941 г. производственные корпуса были уже возведены, что позволило в годы войны оперативно перебросить туда оборудование эвакуированных авиастроительных и моторостроительных предприятий.

Другим источником расширения авиапромышленности был перевод заводов невоенной сферы экономики в подчинение НКАП. В авиационную индустрию передавали текстильные[69] и комбайностроительные[70] заводы, фабрики школьного оборудования[71], авиамастерские расформированных армий прибалтийских государств[72], ремонтные авиапредприятия «Аэрофлота»[73] и Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОВИАХИМ)[74]. Во второй половине 1940 г. подобной процедуре подверглось всего 60 заводов[75]. Разумеется, авиапромышленность интенсивно развивалась и до спурта 1940 г.: за период 1937—1940 гг. количество авиапредприятий увеличилось на 75%[76]; вышеописанное же «ускорение» 1940 г. привело к тому, что к лету 1941 г. советская авиапромышленность в 1,5 раза увеличила свои производственные мощности[77] и превосходила германскую авиапромышленность по этому показателю в 1,5 раза[78].

Вероятно, вышеописанные реорганизации НКАП были призваны приспособить структуру ведомства к постоянно расширяющемуся составу предприятий, работу которых следовало координировать. С учетом того, что авиавыпуск в эти годы нарастал, данную деятельность можно назвать в целом успешной.

Пополнение станочного парка, помимо внутреннего производства, продолжалось за счет закупок оборудования в Германии. Это объяснялось тем, что после начала «Зимней» войны США наложили т. н. «моральное эмбарго» на поставки в СССР авиатехники и авиаоборудования. В результате свертывания сотрудничества с американскими фирмами советские предприятия нередко оставались без методической помощи в освоении уже полученного оборудования. Характерно, что на сентябрь 1939 г. приходится целая волна рекламаций на импортное оборудование, впоследствии оказавшихся ложными[79]: оборудование было в порядке, а вот использовать его не умели. Разумеется, германское руководство отнюдь не рвалось развивать советскую экономику накануне решающего столкновения, однако только на таких условиях Сталин согласился на встречные поставки в Германию 2500000 т зерна,

970000 т сырой нефти и 200000 т марганцевой руды[80], без чего экономическое развитие Рейха было невозможно. С другой стороны, вне зависимости от экономических расчетов, Гитлеру требовался мирный тыл во время вторжения во Францию, так что на некоторое время имело смысл «откупиться» от Советской России, тем более что, по мнению гитлеровского руководства, славянские «унтерменши» все равно были не в состоянии освоить передовые технологии[81].

Рост производственной мощности советской авиаиндустрии хорошо иллюстрируется Таблицей 3:

Таблица 3

Год	Количество заводов	Площадь (тыс. кв. м.)	Количество металлорежущих станков (тыс. шт.)	Количество рабочих, ИТР, служащих (тыс. чел.)
1940	100	3457	41	370,2
1941	135	4581	58	450,4

Источник: Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в 1920—1950-е гг. М., 1996. С. 157.

Нарком авиационной промышленности А.И.Шахурин вспоминал: «Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, абсолютное большинство легированных труб и т. д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали. Многого в стране еще не хватало. Какие-то отрасли только начинали развиваться. Но для авиации не скупились»[82]. Накануне войны СССР по выплавке алюминия опережал Великобританию, Францию, Японию и Италию[83]. В 1940 г. ассигнования на развитие авиационной промышленности составили 40% военного бюджета страны[84]. В том же году были выделены фонды в валюте для закупки импортного оборудования и дано соответствующее указание Наркомату внешней торговли разместить заказы за границей по авиационной спецификации с минимальными сроками доставки[85]. Фактически со второй половины 1940 г. советская авиапромышленность работала в условиях, приближенных к боевым[86]. Основное внимание уделялось производству истребителей. Только завод № 1 в июне 1941 г. выпускал около 25 МиГ-3 в сутки[87]. Рост авиапроизводства продолжался вплоть до сентября 1941 г. Так, в последнюю декаду сентября советские авиапредприятия выпускали по 100 самолетов в сутки, однако после этого начался спад, обусловленный эвакуацией большинства авиазаводов. Помимо чисто количественного роста, эти годы были отмечены также постепенным увеличением удельного веса во всем авиапроизводстве так называемых «новых моделей», т. е. машин нового поколения, соответствовавших по своим тактико-техническим данным реалиям сороковых годов (см. Таблицу 4):

Таблица 4

Год	1939	1940	1941
Число произведенных самолетов	10342	10125	14946
В том числе самолетов «новых» типов	6	500	11633

Примечание: в таблице учитываются только серийные самолеты. Впрочем, если иметь в виду, что на фоне роста серийного производства производство экспериментальных образцов если и росло, то не намного, становится ясно: удельный вес экспериментального авиастроения резко упал и может не приниматься во внимание. Например, в 1941 г. с учетом опытных и экспериментальных машин было построено 15735 самолетов, то есть несерийные машины составляли около 5% годового авиавыпуска.

Источник: подсчитано по: Самолетостроение в СССР 1917—1945 гг. Кн. I. М., 1992. С. 432—435; Кн. II. М., 1994. С. 235—237.

Необходимость налаживать новое производство на спешно передаваемых в НКАП предприятиях обусловила даже определенный спад в 1940 г., который, впрочем, пришелся на старые типы.

Подготовка к назревающей войне инициировала введение в промышленности военных форм управления. В июне 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о переходе на 8-часовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений[88]. Хотелось бы отметить, что в Германии аналогичные меры были приняты еще в апреле 1939 г.

В целом в 1939—1941 гг. советская авиапромышленность существенно расширилась. Всего в отрасли было занято 466400 человек, из них 174361 — на самолетостроительных и моторостроительных заводах. К началу войны НКАП включал в себя свыше 100 предприятий, из которых 24 были самолетостроительными, 7 — моторостроительными, 10 выпускали агрегаты, предназначенные для установки на самолеты, и 13 — агрегаты для моторов, еще 17 предприятий производили авиаприборы, 6 входили в ГУМ[89]. Остальные заводы выполняли вспомогательные функции.

Подводя итоги, можно сказать, что, пройдя ряд реорганизаций, советская военная промышленность вступила в Великую Отечественную войну объединенной в пять отраслевых наркоматов: боеприпасов, вооружений, авиационной промышленности и среднего машиностроения. В дальнейшем система «узкоспециализированных» наркоматов еще более расширилась: появились наркоматы танковой и минометной промышленности. Очевидно, опыт существования пяти оборонных наркоматов был признан успешным.

На протяжении второй половины 1930-х гг. советское руководство искало пути интенсификации функционирования военной промышленности. Работа велась как в области совершенствования аппарата управления «оборонкой», так и в сфере наращивания капиталовложений в различные отрасли оборонного производства. Однако оптимальное на тот период решение было найдено лишь в последние предвоенные годы.

Примечание

[1] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7297. Оп. 41. Д. 11. С. 3; Д. 12. С. 93—98, 100; Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне. М., 1977. С. 13.

[2] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91 Д. 2509. С. 19—24.

[3] Занимался производством автобронетехники.

[4] Патронно-трубочный и ружейно-пулеметный тресты ГВМУ.

[5] РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91 Д. 2509. Л. 19—24.

[6] Там же. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 91. Л. 3—6.

[7] Это либо «виртуальное» предприятие типа авиастроительного завода № 17, либо это завод «завтрашнего дня», введенный в перечень действующих ради «раздувания» успехов на бумаге. Реально моторостроительный отдел завода № 124 только в 1939 г. был выделен в отдельный завод № 27, а крупномасштабное производство там началось еще позже. Впрочем, возможно, некоторое время существовал подсобный завод с таким номером.

[8] Бывшая фабрика № 1 треста «Промвоздух» (этот трест подчинялся ВВС и был занят авиаремонтом, позднее его предприятия были включены в систему Авиатреста — ГУАПа).

[9] Первоначально — авиаремонтный и авиастроительный завод авиакомпании «Укрвоздухпуть»; затем являлся опытным заводом гражданского авиастроения; наконец, с середины 30-х — серийный авиазавод.

[10] Т. н. ЗОК — завод опытных конструкций, создавался как опытное предприятие.

[11] Во всяком случае, есть самолеты, «зачтенные» этим заводам в план выпуска 1936 г., хотя нельзя исключать возможности подобного зачета «задним числом»: самолеты, фактически изготовленные уже в 1937 г., считались сданными по плану 1936 г.

[12] Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в 1920—1950-е годы. М., 1996. С. 97.

[13] История Второй мировой войны 1939—1945. М., 1974. Т. II. С. 187.

[14] История социалистической экономики СССР. Т. V. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны (1938—1945). М., 1978. С. 98.

[15] Ведомости ВС СССР. 23 февраля 1939 г. № 41 (27).

[16] Устинов Д.Ф. Во имя победы. М., 1988. С. 117—118.

[17] Вернидуб И.И. На передовой линии тыла. М., 1993. С. 207.

[18] Там же. С. 227.

[19] Симонов Н.С. Указ. соч. С. 123.

[20] Там же. С. 40.

[21] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 211. Л. 33.

[22] Уровень 1938 г.

[23] Вернидуб И.И. Указ. соч. С. 225.

[24] Костырченко Г.В. Наркомат авиационной промышленности в предвоенные годы // Авиационная промышленность. 1986. № 5.

[25] Таликов Н. Полвека — первый. М., 1999. С. 10.

[26] Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. М., 1994. С. 199.

[27] Центральный архив общественных движений Москвы. Ф. 217. Оп. 1. Д. 96. Л. 7.

[28] Там же. Л. 18.

[29] Там же. Л. 34.

[30] Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1972. С. 172, 198.

[31] Бывшее 8-е ГУ.

[32] Бывшее 11-е ГУ.

[33] Шумихин В.С. Советская военная авиация. 1917—1941. М., 1986. С. 208.

[34] Костырченко Г.В. Указ. соч.

[35] Шахурин А.И. Крылья победы. М., 1990. С. 14—15.

[36] История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945. М., 1983. С. 264.

[37] Шахурин А.И. Указ. соч. С. 105.

[38] И.Ф.Тевосян по праву пользовался репутацией знатока технических и экономических проблем советской тяжелой промышленности. В 1930—1937 гг. он возглавлял всесоюзное объединение «Спецсталь», а затем стал руководителем Главного управления судостроения в составе НКОП.

[39] Петров И.Ф. Авиация и вся жизнь. М., 1992. С. 47.

[40] Яковлев А.С. Указ. соч. С. 211.

[41] Петров И.Ф. Указ. соч. С. 47.

[42] Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 199.

[43] 1941 г. М., 1998. Кн. 1. С. 463.

[44] Там же. С. 519.

[45] Там же. С. 520, 568, 605.

[46] Там же. С. 751.

[47] Соболев Д.А. Немецкий след в советской авиации. М., 1996. С. 49.

[48] Степанов А. Пиррова победа Люфтваффе на Западе // История авиации. 2000. № 3.

[49] Грин А. Крылья Люфтваффе. М., 1994. Ч. II. С. 180.

[50] Керль Г. Военная экономика и военная промышленность // Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 364.

[51] История Второй мировой войны. 1939—1945. Т. III. М., 1974. С. 288.

[52] Ввиду множественных подтверждений информации Петрова из независимых источников, автор склонен придерживаться именно этой версии, хотя не может решительно отрицать и остальные.

[53] Арлазоров М. Фронт идет через КБ. М., 1987. С. 75.

[54] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., 1963. Т. I. С. 413.

[55] Никитин А. Состояние важнейших отраслей промышленности СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1960. № 3.

[56] История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945. С. 264.

[57] 1941 г. Кн. 2. С. 379.

[58] Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. С. 199.

[59] Там же. С. 200.

[60] Черток Б.Е. Ракеты и люди. М., 1994. С. 24.

[61] Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. С. 203.

[62] 1941 г. Кн. 1. С. 132—133.

[63] Шумихин В.С. Указ. соч. С. 208.

[64] Арлазоров М. Указ. соч. С. 90.

[65] 1941 г. Кн. 1. С. 395.

[66] № 122 и 295.

[67] № 377.

[68] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 58. Л. 44.

[69] РГАЭ. Ф. 8328. Оп. 1. Д. 1403.

[70] Шумихин В.С. Указ. соч. С. 209—210.

[71] РГАЭ. Ф. 8328. Оп. 1. Д. 1407.

[72] Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. С. 200.

[73] Таликов Н. Указ. соч. С. 16.

[74] РГАЭ. Ф. 8328. Оп. 1. Д. 1402.

[75] Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. С. 73.

[76] Устинов Д.Ф. Указ. соч. С. 122.

[77] Советский тыл в Великой Отечественной войне. С. 73.

[78] История Второй мировой войны 1939—1945. М., 1974. Т. III. С. 383.

[79] Центральный муниципальный архив Москвы. Ф. 690. Оп. 1. Д. 135. Л. 97.

[80] Мюллер Р.Д. Экономические приготовления Германии к операции «Барбаросса» // Война и политика. 1939—1941. М., 1999. С. 347.

[81] Штрадман Х.П. фон. Обостряющиеся парадоксы: Гитлер, Сталин и германо-советские экономические связи. 1939—1941 // Война и политика. 1939—1941. С. 374.

[82] Шахурин А.И. Указ. соч. С. 84.

[83] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. Т. I. С. 411.

[84] История металлургии легких сплавов в СССР. 1917—1945. С. 264.

[85] Шахурин А.И. Указ. соч. С. 84.

[86] Шумихин В.С. Указ. соч. С. 221.

[87] Беляков Р.А., Мармен Ж. Самолеты «МиГ». 1939—1995. М., 1996. С. 22.

[88] История Второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, Т. III. С. 374.

[89] Самолетостроение в СССР. 1917—1945. Кн. II. М., 1994. С. 205.

*Б.М.Шпотов**

Переплатил ли Советский Союз компании Форда? (К вопросу о цене индустриализации)

— Что ж, разве это для вас дорого? — произнес Собакевич и потом прибавил: — А какая бы, однако ж, ваша цена?

— Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет.

Н.Гоголь. Мертвые души.

Гоголевские герои долго торговались и заключили сделку, но остались недовольны ею. Чичиков рассчитывал получить «мертвые души» по «ориентировочной стоимости» — задаром или за символическую плату, раз они только числились на бумаге и подлежали списанию. Собакевич настаивал на высокой «фактической» оценке своих покойников, формально еще «живых».

Столь же головоломная ситуация, которая едва не привела к конфликту, возникла осенью 1931 г. при расчетах «Амторга»[1] с компанией Форда за оборудование для Нижегородского автозавода. Компания не поставляла станки и механизмы на рынок, а производила их для собственных нужд на своем заводе или закупала у других фирм, но согласилась выполнить заказы Автостроя[2] с оплатой по фактической стоимости и сообщила ориентировочные расценки. Однако конечная сумма, предъявленная к оплате, настолько превысила ожидаемый «потолок», что «Амторг» запротестовал и потребовал объяснений.

По мнению американской исследовательницы Б.М.Кугель, компания Форда выполняла все требования советского заказчика и претензии к ней не имели оснований[3]. Комиссия же «Амторга», которая расследовала обстоятельства сделки, решила, что капиталистическая фирма накручивала цены и доверять ей было никак нельзя. Столь неудачную, по оценке комиссии, сделку А.Д.Кузьмичев объяснил политикой И.В.Сталина, который «явно не подсчитывал цену» автомобилизации и вообще «не считался ни с чем»[4].

Разумеется, Сталин не занимался счетной работой. Но в этом ли причина пресловутой переплаты, и была ли она вообще? Насколько аккуратно советская сторона выполняла *свои* обязательст-

* Шпотов Борис Михайлович — доктор исторических наук (Институт всеобщей истории РАН).

ва, например, по закупке автомобильной продукции Форда, что, согласно договору о технической помощи, являлось вознаграждением фирме? Эти вопросы имеют немаловажное значение, ибо речь идет об участии крупной американской компании в строительстве советской индустрии. Чтобы на них ответить, нужно (как минимум) изучить не только резолюцию комиссии «Амторга», но и другие архивные материалы этого дела[5] и ясно представлять себе отношение советского руководства к оплате технической помощи и заказов за рубежом.

В отечественной историографии немало сказано о жертвах, принесенных на алтарь индустриализации советской страной и советским народом. Однако в «великих стройках» участвовали на контрактной основе сотни западных фирм и тысячи иностранных работников. Каковы были *их* прямые и косвенные убытки и трудности? Доходы компаний сокращались от безлицензионного копирования их продукции в СССР, попыток получить от контрагента больше, чем полагалось по договору, уменьшить его вознаграждение или расторгнуть контракт. Этот аспект индустриализации также необходимо рассмотреть на примере сделки с Фордом.

Позицию Сталина характеризовали отнюдь не абстрактный принцип «цель оправдывает средства» и не щедрость за государственный счет, а самые жесткие требования по экономии валюты и получению кредитов. Советские хозяйственные органы учитывали конкуренцию иностранных компаний, изучали их положение на рынке, придирчиво отбирали продукцию. Успех инофирмы в Советском Союзе определялся не только спросом на ее товар, соотношением его цены и качества, но и условиями поставок. Для сбыта своей продукции компания должна была предоставить кредит, т.е. согласиться с уплатой в рассрочку или с консигнацией — складированием товара без предоплаты и возвратом денег по мере его распродажи.

Внутренних источников получения валюты (путем «изъятий», через систему Торгсина и др.) было недостаточно, и принципиально важным стало достижение активного баланса во внешней торговле с каждой страной. Для этого предпринимались беспрецедентные усилия в области экспорта и применялся нажим на зарубежных партнеров, включая требования государственных гарантий кредита, угрозы прекратить торговые отношения и т.д.[6] В 1929—1933 гг. имел место активный (в разной степени) внешнеторговый баланс с Великобританией, Францией, Италией, а с самыми крупными поставщиками технической помощи — Соединенными Штатами и (с 1930 г.) Германией — он был пассивным[7]. Это объяснялось разницей в стоимостной структуре экспорта (в основном сырья) и импорта (большей частью машин и оборудования).

Советское правительство пошло на беспрецедентный объем закупок оборудования и технической помощи в США. Связям с американскими фирмами придавалось и политическое значение — убедить деловые круги США оказать давление на свое правительство и склонить его к дипломатическому признанию СССР. При

отсутствии дипломатических отношений и торгового договора «Амторг» был поставлен в стеснительные условия.

Сбалансировать потребности советских строек и экономию валюты оказалось чрезвычайно трудным делом, а американские компании, особенно в годы Великой депрессии, редко шли даже на краткосрочное кредитование экспорта, предпочитая скидку другим видам уступок и требуя уплаты наличными[8]. За 1929—1931 гг. доля советского экспорта в товарообороте между СССР и США упала до рекордно низкой отметки — с 19,4% до 9%. «Ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредитов в Америке», И.В.Сталин 25 августа 1931 г. принял решение о переносе заказов в Европу или на советские заводы, не делая исключения даже для самых важных объектов, в том числе Нижегородского автозавода[9].

Часть заводского оборудования и строительные металлоконструкции для Автостроя решено было заказать в Германии еще в феврале 1931 г., хотя заказы и закупки в США не удалось прекратить полностью. Сталинская директива вызвала лихорадочные поиски новых поставщиков и частичную перестройку технологических процессов. С американских станков спешно снимали чертежи для заказов оборудования в Европе[10]. «Амторг» сократил объем выплат по ранее заключенным договорам. Для американских фирм, осуществлявших техническую помощь или продававших оборудование, это стало шокирующей новостью. Однако указание Сталина не стало догмой: сократившись в объеме, закупки оборудования в США и техническая помощь все-таки продолжались во второй пятилетке[11].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. важность отношений с компанией Форда не подвергалась сомнению. Ее продукция получала самые лестные отзывы, а авторитет Генри Форда как «промышленного гения» был необычайно высок. Техническую помощь его компании ставили в пример. Однако советская валютная политика коснулась и данной фирмы.

Чтобы разобраться в перипетиях отношений с «Форд Мотор компани», нельзя пройти мимо появившихся в отечественной литературе «импровизаций»: будто бы Генри Форд принимал «самое деятельное участие» в советском тракторостроении и все модели тракторов на разных заводах строились по фордовским образцам, а при проектировании Нижегородского автозавода из-за царившей в СССР неразберихи даже в ВСНХ «не знали точных сроков» его ввода в эксплуатацию[12].

Трудно представить себе «деятельное участие» иностранной фирмы без оформления договора о концессии или о технической помощи. Предложение построить тракторный завод на концессионных началах руководство компании Форда в 1926 г. отклонило. Несколько ранее, в конце 1925 г., оно согласилось продать более 12 тыс. «Фордзонов» в кредит и принимать советских стажеров на тракторный завод[13].

На короткое время компания стала крупнейшим поставщиком тракторов в СССР (80%), но, отказавшись продлить кредит, Генри

Форд упустил этот бизнес. На советский рынок устремились специализированные компании, в первую очередь «Интернэшнл Харвестер», предложившая свои трактора на самых выгодных для СССР условиях. В отличие от компании Форда, чикагская фирма изучала российский рынок и имела свое представительство в Москве. Советские тракторостроители проходили практику не только на фордовском заводе, но и на других предприятиях. В 1928 г. производство «Фордзонов» было переведено из Америки в Ирландию, а переговоры с Британской компанией Форда относительно кредита не увенчались успехом.

Весной 1929 г. Генри Форд через архитектора Альберта Кана, приглашенного строить промышленные предприятия в СССР, предложил услуги своих специалистов советским тракторостроителям. Однако конкуренты обошли Форда. Сталинградский тракторный завод, а далее Харьковский и Челябинский проектировались и строились без участия его компании. Моделью для трактора «Интернационал», выпускавшегося в начале 1930-х гг. в Сталинграде и Харькове, послужил трактор компании «Интернэшнл Харвестер», а для челябинского «Сталинца» — мощный «Катерпиллер»[14].

«Фордзоны» не только ввозились в СССР. Их пытались производить с 1924 г. «пиратским способом», без какого-либо соглашения с компанией, под названием «Красный путиловец». На Путиловском заводе трактор разобрали и сделали его чертежи, но незнание секретов массового производства и изготовления специальной стали привело к трудностям в сборке и к частым поломкам советской машины. Ленинградские тракторостроители обратились за советом к одному из руководителей компании Форда, Ч.Э.Соренсену, приехавшему в Советский Союз в августе 1929 г. после подписания договора о технической помощи в организации автомобильного производства[15]. После реконструкции и переоборудования к 1931 г. с участием фордовских инженеров Путиловский (затем Кировский) завод до 1934 г. производил трактора типа «Фордзон», но затем перешел на выпуск более подходящих к условиям СССР моделей типа «Интернационал».

Упущенный тракторный бизнес мог подтолкнуть компанию Форда к оказанию технической помощи в автомобилестроении. Но договор с Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) СССР и «Амторгом» от 31 мая 1929 г.[16] не устанавливал точных сроков пуска автозавода не по чьей-либо халатности. Компания участвовала, как гласил договор, в постройке и консультировании строительства одного или нескольких автозаводов, выпускающих автомобили ее марки (модели «А» и «АА»), а конкретно — выполняла технологическую часть проекта: передавала чертежи и всю техническую документацию, патенты и лицензии на автомобили и процесс их выпуска, планировку цехов, спецификации оборудования, и т.д. Однако заводских зданий и инженерных коммуникаций компания Форда не проектировала и не строила. А без этого нет и завода.

Для выполнения архитектурно-строительных работ по Нижегородскому автозаводу Автострой заключил 23 августа 1929 г. договор с американской компанией «Остин». В нем и назначался срок сдачи объекта в эксплуатацию — 1 августа 1931 г.[17] Из-за возникших трудностей договор был изменен 18 июля 1930 г., завершение строительства перенесено на 1 декабря 1931 г.[18], а пуск автогиганта состоялся 1 января 1932 г. Сроки можно переносить, но *не знать* о них нельзя.

Договор с компанией Форда был рассчитан на 9 лет. Непосредственным заказчиком стал Автострой, а оплата проводилась через «Амторг». Компания обязалась принимать в год до 50 автостроевцев, направляемых за советский счет для производственной практики, и, хотя их приезжало больше, администрация Форда им не отказывала. Советская сторона должна была оплатить использованные материалы, затраченный труд и накладные расходы компании по изготовлению и доставке чертежей, моделей и планов, консультации инженеров, компенсировать дорожные расходы и зарплату командируемому в СССР техническому персоналу.

За первые четыре года с момента заключения договора советская сторона обязалась приобрести автомобильную продукцию Форда (кроме шин), эквивалентную стоимости 72 тыс. автомобильных комплектов. Автомобильные комплекты, т.е. наборы составных частей автомобиля, служили условными расчетными единицами, по которым определялась сумма стоимости закупок, а советская сторона имела право приобретать, по своему усмотрению, как собранные «Форды», так и отдельные узлы или детали в качестве запчастей на ту же сумму.

Эти поставки должны были дать компании прибыль, но на выгодных для СССР условиях. Автострой приравнивался к «самым крупным и лучшим дилерам», получая продукцию по минимальным экспортным ценам нетто плюс фактическая стоимость упаковки и перевозки до атлантического порта США минус стоимость сборки, если автомобили отгружались разобранными. Цены на комплектующие устанавливались по заводской себестоимости плюс 15%. В договоре не упоминалось о порядке разрешения споров и претензий, что подразумевало их совместное урегулирование[19].

Вначале компания Форда передала Автострою технологию сборки автомашин из своих комплектующих. В 1930 г. были пущены два небольших автосборочных завода: № 1 — в Канавине, Нижний Новгород, и № 2 — в Москве. В постройке обоих участвовала американская архитектурно-строительная фирма Кана, проектировавшая аналогичные предприятия для компании Форда. На месте первого предприятия ранее был небольшой завод «Гудок Октября», второго — ремонтно-механическая мастерская близ станции «Бойня» (теперь «Текстильщики») Московско-Курской железной дороги. Первый автосборочный стал вспомогательным предприятием при Нижегородском (Горьковском) автозаводе. Заводу № 2 присвоили имя Коммунистического интернационала молодежи (КИМ), затем переименовали в Московский завод мало-

литражных автомобилей (МЗМА), далее — в Автозавод им. Ленинского комсомола (АЗЛК). Оба сборочных предприятия были предшественниками основного Нижегородского автозавода, где предстояло делать легковые и грузовые автомашины уже из советских материалов.

Поставки оборудования не обуславливались договором 1929 г., но спрос на него появился благодаря выпуску фордовского автомобиля. По выданным компанией спецификациям и чертежам «Амторг» мог приобрести станки и механизмы на рынке, однако налаженные отношения с «Форд Мотор компани» давали основания рассчитывать на наиболее благоприятные условия сделки. Сама компания либо приобретала нужные ей станки у других фирм, либо изготовляла их на своем заводе, но согласилась выполнить заказ Автостроя, о чем уже упоминались выше.

Итак, платные услуги компании Форда Автострою состояли из технической помощи, обусловленной генеральным договором от 31 мая 1929 г., и поставок оборудования по отдельному контракту. Рассмотрим, насколько полно обе стороны выполняли свои обязательства, заработала ли компания от сотрудничества с СССР, допустил ли оплошность советский заказчик и кто в конечном счете выиграл от сделки. Начнем с выполнения генерального договора.

Компания выпускала комплектующие в достаточном количестве, чтобы обеспечивать сборку моделей «А» и «АА», и для поставок в СССР не требовалось дополнительных усилий. Из-за перехода в 1932 г. на новую модель «V-8», которая не производилась в СССР, мог появиться излишек моделей «А» и «АА», 72 тыс. которых составляли около 2,4% всей автомобильной продукции Форда, изготовленной в 1930—1933 гг.

В генеральном договоре график советских закупок был расписан на четыре года вперед начиная с 1 июня 1929 г., но после небольшого опережения графика в первом году советская сторона перестала выполнять взятые на себя обязательства (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Закупки Автостроем условных автомобильных комплектов у компании Форда, шт.

Годы	По договору	Закуплено	Оплата сверх плана (+), недоплата (-), дол.
1929—1930	6000	7035	+554912
1930—1931	18000	12090	-2647622
1931—1932	24000	14285	-4517535
1932—1933	24000	2659	-9923500
Итого	72000	36069	-16533745

Источник: Kugel B.M. The Export of American Technology to the Soviet Union, 1918—1933, inckluding the Ford Motor Company — Soviet Government Relationship, 1918—1933. M.A. Thesis. Detroit, 1956. P. 73.

Стоимость 72 тыс. автокомплектов, которые «Амторг» должен был приобрести до 31 мая 1933 г., составляла 33600900 дол., и, закупив чуть больше половины, советская сторона выплатила 17067155 дол. После этого закупки продолжались, но в еще меньшем объеме: с июня 1933 г. по февраль 1935 г. — на сумму около 928 тыс. дол. С июня 1929 г. по февраль 1935 г. включительно СССР получил 7471 легковой и 21071 грузовой «Форд» в собранном виде, 193 «линкольна»[20] и запасные части на сумму более 4 млн дол.[21] «Амторг» навязал компании Форда свой график закупок, задерживал выплаты, требовал поставок в кредит.

Изготовление чертежей и командировки сотрудников «Форд Мотор компани» в СССР[22] были оплачены советской стороной, если не считать дававшихся в дороге чаевых и других мелких личных расходов, по которым фордовцы не могли отчитаться перед Автостроем. Их компенсацию компания взяла на себя. Однако поставки автомобильной продукции, которые должны были принести компании прибыль (вознаграждение), оказались, вероятнее всего, убыточными. По документам компании, сумма, уплаченная «Амторгом» в 1929—1935 гг. за автомобили, равнялась 18116000 дол., что даже не покрывало ее затрат. Стоимость израсходованных материалов составила 15928000 дол.; упаковка и фрахт (стоимость перевозки от завода до порта отгрузки) — 2766000 дол., итого 18694000 дол. Разница (убыток) исчислялась в 578000 дол. Правда, эти цифры, полученные американскими историками А.Невинсом и Ф.Э.Хиллом в финансовом отделе компании, не поддаются проверке и уточнению и являются единственными в своем роде[23].

С легкой руки Генри Форда финансовая отчетность в компании была сведена к минимуму. Он полагал, что, если бизнес идет хорошо, — это заслуга производственников, а не бухгалтеров, а если плохо, то бухгалтерия тут не поможет. «Статистикой не построишь автомобиля — и она была упразднена»[24]. Для представления о *своем* бизнесе ему хватало обобщенных данных, и он возвел это в норму. Компания не выпускала акций и не отчитывалась перед другими владельцами капитала, кроме семьи Форда, а стандартизация и поточное производство также позволяли меньше считать.

Продажи тракторов «Фордзон» по минимальным ценам, главным образом на внутреннем рынке США, оказались в целом убыточными[25], и можно предположить, что от выполнения плана поставок автопродукции Советскому Союзу компания могла понести даже бóльшие убытки, чем от недопоставок. Но если принять во внимание, что Автострой приобрел только половину *договорного* количества автокомплектов к *обусловленной* дате — 31 мая 1933 г., а дальнейшие закупки были незначительными, нарушение договора советской стороной налицо. На то была своя причина: валютная комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) урезала расходы на закупки у Форда и в октябре 1932 г. запретила ввоз автомобиль-

ной продукции, сделав исключение для заказов на оборудование для Автостроя[26]. К 18 января 1933 г. его закупили примерно на 3,4 млн дол.

В начале января 1931 г. начальник Автостроя и его отделения в Детройте С.С.Дыбец определил правила размещения заказов. Приспособления и штампы для прессов[27], режущий и контрольно-измерительный инструмент приобретались у «Форд Мотор компани» или у ее поставщиков. Если у компании имелись чертежи этих механизмов, их можно было заказывать у других фирм при условии, что стоимость заказов будет ниже фордовской. Сложные и специальные станки, изготовленные на заводе Форда, а также ранее полученные компанией от фирм «Ингерсолл», «Буллард» и др., закупались у «Форд Мотор компани». Если по техническим и экономическим соображениям подходили старые станки, они приобретались с восстановительным ремонтом, а при отсутствии таковых — новые. Те виды оборудования, изготовление которых не представляло трудностей для советских заводов, следовало получить как единичные образцы «с немедленной отгрузкой в Союз для организации их производства согласно общей потребности»[28], иначе говоря, для беспатентного копирования, хотя оно было чревато непредвиденными проблемами, как с трактором «Красный путиловец».

Условием платы за оборудование, которое утвердил аудиторский отдел Форда 17 сентября 1929 г., была заводская себестоимость плюс 10% накладных расходов. К этой сумме добавлялись 12% за упаковку и фрахт. Данный документ с последующими уточнениями стал дополнением к основному договору 1929 г., а 7 апреля 1931 г. компания заключила с «Амторгом» договор о поставках[29]. Оборудование, включая приобретенное компанией у других поставщиков, предлагалось по ориентировочным ценам, и главный бухгалтер Форда У.Э.Карнеги заверил «Амторг», что цена советских заказов не будет превышать фактическую себестоимость плюс установленные накидки[30].

Однако в переговорах появились тревожные симптомы. Управляющий отделом продаж компании Р.И.Роберг доложил 25 февраля 1931 г. руководителю производства Соренсену, что из обширного списка оборудования русские хотят закупить 218 специальных фордовских штампов, но они изменили их первоначальные чертежи, чтобы пригонять эти штампы к прессам, приобретаемым у других поставщиков. Изменение штампов увеличивало их цену. Полагая, что русские еще чего-нибудь потребуют, Роберг и директор Ривер-Ружского автозавода П.Э.Мартин в переговорах с Дыбецом потребовали предоплаты минимум в 25% — дополнительные услуги следует оплачивать: «По мере возрастания наших обязательств придется повышать оплату, и мы пытаемся уклониться от подобной ситуации»[31]. Но компания решила удовлетворить за-

просы заказчика. Так появились «ножницы цен», столь удивившие «Амторг» и Автострой.

Судя по переписке «Амторга» с компанией, в апреле 1931 г. она отказалась принимать заказы по твердым ценам и гарантировать пределы возможного повышения цен. График оплаты был еженедельным, чтобы не накапливалась задолженность. В «Амторге» встревожились и аннулировали три заказа на новые штампы, на что Соренсен отреагировал жестко, приостановив работы. Конфликт уладили, и работа возобновилась. Оставалось ждать выдачи готовых заказов, за исполнением которых следили приемщики Автостроя, и поступления счетов.

Когда во второй половине июля 1931 г. в «Амторг» стали приходить счета, там ахнули: превышение фактических цен над ориентировочными перешло все мыслимые пределы. Перерасход почти по всем заказам, которых было около 233, грозил составить, по предварительной оценке, до 1,5 млн дол. Заместитель директора машиностроительного отдела «Амторга» В.Ф.Фетвейс побывал на фордовском заводе и составил предварительную докладную записку для своего руководства[32].

Он сообщил, что по имеющимся документам невозможно понять, откуда такой громадный перерасход материалов и рабочего времени. Даже высокий процент брака, как спорного, так и бесспорного, обнаруженного приемщиками Автостроя, не мог существенно повлиять на итоговые цены. До 90% оборудования выбраковывалось, причем устранение неполадок также оплачивалось по себестоимости (видимо, Автострой хотел избежать споров и не затягивать приемку). Фордовские технические контролеры вначале оспаривали рекламации, а затем стали безропотно устранять дефекты, на которые им указывали. Фетвейс предположил, что руководство компании просто решило произвольными приписками нагнать цены. «Если бы цифры расхождения цен не были бы столь разительны, то можно было бы продолжать работу по выяснению причин в аппаратном порядке. Но расхождения столь велики и положение столь серьезно, что требуется прибегнуть к экстренным и энергичным мерам для своевременного и возможно благоприятного урегулирования этого вопроса»[33].

Президент и заместитель председателя правления «Амторга» А.С.Мамаев направил 5 августа 1931 г. письмо Соренсену с просьбой представить оправдательные документы. Превышение ориентировочных цен на 20—25% допустимо, подчеркнул советский чиновник, но доходящее до 130% требует объяснений[34]. Встретившись 15 августа с Мартином, Мамаев заявил о приостановке оплаты счетов до выяснения причин переплаты. Но 24 августа компания прислала ультимативную телеграмму о прекращении отгрузки оборудования, если «Амторг» задержит платежи. Это поставило под угрозу срыва пуск Нижегородского автозавода[35].

Началась «необъявленная война». Объяснительную записку в компании Форда подготовили, но «Амторг» ее отклонил как «филькину грамоту». Обнаружились несоответствия бланкам заказов и необъясненные данные. Соренсен усадил за счетную работу 30 человек, которые трудились 10 дней, но и эти результаты «Амторг» нашел неубедительными. «Общее впечатление от анализов и объяснений Форда таково, что они, проведя в высшей мере бесхозяйственно работу по нашим заказам и не стесняясь в лишних расходах и дополнительных начислениях за наш счет, сами поражены теперь столь неимоверными цифрами фактической стоимости и ищут теперь какого-либо внешнего оправдания, измельчивая суммы стоимости по десяткам дополнительных статей и прибегая к натяжкам в объяснениях, в то же время не решаясь показать нам действительную производственную стоимость наших заказов», — писал Фетвейс[36].

5 октября он направил Мамаеву подробную аналитическую записку с приложениями, составленную по результатам совместного с компанией Форда расследования, в котором участвовал бухгалтер «Амторга» В.И.Брик[37]. Ошибок в калькуляции не обнаружилось: затраты материала и рабочих часов были подтверждены. Но стоимость материала, главным образом чугунных отливок, которые шли на изготовление фордовского оборудования в конце 1929 г. и начале 1930 г., к середине 1931 г. выросла в среднем на 50%, а советский заказчик выбирал его на основе старых цен. В среднем на 11% повысилась стоимость рабочего часа вместе с производственными накладными расходами. Причина — недогрузка завода в годы Великой депрессии. Однако «естественные» причины повышения себестоимости «Амторг» не оспаривал.

Проблема коренилась в другом: советская сторона предъявила гораздо более высокие требования к поставляемому в СССР оборудованию, чем фордовская инспекция — к аналогичному оборудованию, изготовленному для своих автозаводов, например, в Калифорнии. Поэтому к себестоимости работы «на своих» станкостроители Форда добавили «экстра-брак», «экстра-лом», «экстраточность», «экстра-испытание». Дополнительные статьи и дали значительный прирост сумм. Однако ни фордовцы, ни приемщики Автостроя не вели подробной и точной документации, на каком основании изделие браковалось — вследствие ли действительного дефекта или завышенных требований. Фордовские контролеры утверждали, что советская приемочная комиссия руководствовалась инструкциями Автостроя, запрещавшими, например, заварку раковин в чугунных отливках, а в практике компании 95% таких отливок шли в работу. С требованиями, которые предъявил советский заказчик, они столкнулись впервые. Компания представила список 328 забракованных изделий, а автостроевская комиссия утверждала, что заварка раковин в ряде случаев допускалась во избежание излишних расходов, а на переделку возвращались только отливки

с очень большими, неудачно расположенными или многочисленными раковинами.

Отследить что-либо формальным порядком не представлялось возможным: необходимой документации нет, часть оборудования отгружена, лом вывезен из цеха. Концов не найти, а истина — «где-то посередине». Выяснилось также, что представленные компанией предварительные расценки («книжные цены») были преуменьшены из налоговых соображений и потому выглядели ниже, чем у фирм, поставлявших оборудование на рынок. В предварительные расценки не включалась оплата того, что дополнительно потребовал Автострой, — изготовления моделей и шаблонов для последующего производства штампов в СССР, пригонки и испытания их на прессах и «тестов» для других видов оборудования.

Претензии «Амторга» сводились к тому, что естественное удорожание материалов и рабочих часов увеличивает итоговую сумму не более чем на треть, но ее превышение по отдельным заказам составило 130% и даже 140% (в среднем 81,4%) — это абсурд. Требование оплатить такие счета должно быть обосновано убедительно, на документальной основе. Но такого обоснования у компании Форда нет! Почему затрачено так много рабочих часов? Станкостроители божились, что работали в поте лица, выполняя советские заказы, и это отражено в карточках учета рабочего времени (job tickets), оплаченных компанией. А так ли они усердно работали на самом деле?

Амторговцы не соглашались с фордовским методом исчисления основных («нормальных») и дополнительных («экстра») издержек. Доводка, пригонка и испытание штампов на прессах засчитывались компанией как дополнительная работа, подлежащая особой оплате, а по мнению «Амторга», это должно быть частью производственных издержек. Категорическое возражение вызвало и начисление около 180 тыс. дол. за технический надзор (supervision), заключавшийся в том, что при трехдневной рабочей неделе — понедельники, вторники, среды[38] — приходилось специально приглашать мастеров и рабочих во второй половине недели. Фактически им приходилось работать на Автострой и в начале недели. Компания признала, что допустила перегиб и «надзор» следует отнести к производственным накладным расходам.

Начисление 12% за упаковку и фрахт на всю фактическую стоимость заказов, к которой добавились сомнительные «экстра-расходы» и еще 10% накладных, Фетвейс назвал несправедливым: от увеличения стоимости ни вес, ни характер груза не меняются. При переплате, например, в 500 тыс. дол. это начисление составит около 60 тыс., которые будут чистой прибылью компании вопреки принципу себестоимости! Однако эта претензия высказывалась задним числом, ибо порядок начислений был согласован ранее.

От компании Форда «Амторг» требовал признания факта завышения совокупной фактической стоимости оборудования из-за

неэффективной работы (слишком уж велики затраты рабочего времени на выполнение советских заказов по сравнению с затратами на внутренние заказы компании!), которая маскировалась разными дополнительными статьями с приставкой «экстра-» (испытание, точность, надзор) и не поддающимися расшифровке расходами.

Переплатой в «Амторге» считали разницу между совокупной фактической стоимостью, посчитанной его бухгалтерией и бухгалтерией Форда. На 19 сентября 1931 г. по материалам и рабочей силе эта разница составила, по подсчетам В.И.Брика, 979321 дол., а вместе с упаковкой и фрахтом — 1111321 дол. Фетвейс поделил эту сумму на «бесспорно-приемлемые», «бесспорно-неприемлемые» и «спорные» статьи.

К первым относились «естественное» (в фордовской формулировке, «нормальное») удорожание материалов, рабочего времени, устранение брака, частично покрываемое основной производственной стоимостью и скидкой стоимости лома, а также испытание штампов на прессах и стоимость изготовления моделей и шаблонов, необходимых для изготовления штампов в СССР. Ко вторым — технадзор, который следовало отнести к накладным расходам, и «нерасшифрованная работа». К спорным статьям были отнесены завышение стоимости основного производства сверх «естественного» удорожания, «экстра-точность» и «экстра-испытание».

Чтобы прийти к полюбовному «коммерческому» соглашению, компании Форда предлагалось списать половину спорной суммы и компенсировать, помимо неприемлемых, ряд других начислений, в частности 12% за упаковку и фрахт. Допуская невозможность соглашения по спорным статьям, «Амторг» исчислил дополнительные претензии в 201 тыс. дол. Сбалансированная сумма, на списании которой настаивал «Амторг», составила в итоге 750331 дол.[39] Компания согласилась списать только 111201 дол. — бóльшую часть платы за технадзор. Остальные претензии она категорически отклонила. «Амторгу» пришлось оплачивать счета и отправлять изготовленное оборудование в СССР. Однако переписка по поводу злополучной «переплаты» продолжалась, судя по архивным данным, вплоть до марта 1932 г.

Не помогло и личное обращение председателя правления «Амторга» П.А.Богданова к Генри Форду, который «тактично отказался разбирать вопрос по существу», указав, что не занимается коммерческими вопросами, и предложил адресоваться к соответствующим директорам[40]. Пришлось иметь дело с Ч.Соренсеном и главным бухгалтером компании У.Э.Карнеги, в неуступчивости которых «Амторг» убедился. Каждая сторона стояла на своем, и в переписке сквозило раздражение.

Опираясь на докладные записки Фетвейса и расчеты Брика, Богданов и Мамаев пересказывали претензии «Амторга» и требовали убедительного объяснения «завышенных цен», подчеркивали, что «Амторг» согласился с частью требований компании и пошел

на уступки. Соренсен и Карнеги отвечали, что со стороны компании не было никаких попыток получить прибыль, а фордовские мастера добросовестно выполняли все указания автостроевских приемщиков, полагая, что приемщики на это уполномочены, и более того — действовали в согласии с «Амторгом», перед которым отчитывается глава приемочной комиссии. Разве компания Форда, как партнер Автостроя и «Амторга», должна была сомневаться или возражать? Да и в счетах обозначены статьи дополнительных затрат.

«Амторг» ставил и риторические вопросы: неужели советский заказчик должен страдать от внутренней ситуации на заводах Форда, которая значительно ухудшилась в результате депрессии, начавшейся после заключения генерального договора (простои, неполная нагрузка цехов)? Неужели фордовское руководство сняло с себя ответственность за эффективное выполнение заказов? Несколько работников станкоинструментального цеха было уволено за неаккуратность, а разве это не повод для расследования и списания «накрученных» часов? И почему компания, обнаружив в ходе работ, что требования Автостроя ведут к большим дополнительным затратам, своевременно не предупредила «Амторг», а поставила его перед фактом? Мамаев сообщил, что из компании иногда поступали сигналы, но по поводу небольших превышений[41].

В «Амторге» не сразу поняли, что в период депрессии компания Форда всеми силами старалась сохранить кадры квалифицированных инструментальщиков и оплата по себестоимости крупных советских заказов пришлась как нельзя кстати. Она не создавала психологических стимулов для строгого соблюдения производственных норм[42]. Иными словами, советские заказы стали для компании «удовольствием», которое она получила возможность «продлить».

Простой выход из положения, но в отношении будущих сделок, подсказал Богданову Соренсен. В дружеском тоне он 18 февраля 1932 г. предложил «Амторгу» документировать каждую отдельно взятую операцию по изготовлению и доводке оборудования, а копии сохранять. Без поступления амторговских ордеров компания ничего делать не будет, и инструкция на этот счет уже издана, сообщил он. Этот порядок следовало бы ввести с самого начала, но в дальнейшем он позволит избежать недоразумений. Заместитель Генри Форда подчеркнул: «Мы делали эту работу абсолютно добровольно, трудились на совесть и не взяли с вас лишнего. Более того, вы получили те выгоды, которые не отражены в бухгалтерских балансах»[43]. Соренсен намекал, что фордовское оборудование будет долго служить советским автостроителям, а они хорошо изучили его производство.

Соренсен и Богданов дополнительно обсудили проблему с оплатой советских заказов на личной встрече, в результате чего руководитель «Амторга» согласился с предложением первого офор-

млять в дальнейшем дополнительные ордера. Однако неуступчивость бухгалтерии Форда дала «Амторгу» формальный повод отослать все материалы и переписку в Москву, о чем Богданов в изысканных выражениях уведомил Соренсена[44].

Впрочем, отсылка в Москву переписки с компанией Форда была лишь попыткой «Амторга» задним числом оправдаться перед высшим советским руководством. 26 февраля 1932 г. Богданов и Мамаев написали наркому внешней торговли А.П.Розенгольцу подробное объяснительное письмо[45]. В нем давалось резюме ответов компании: «...все отнесенные на вас часы оправданы карточками времени, нами оплачены, а потому являются фактической себестоимостью. Вы не доказали противного»; начисление же 12% к конечной цене продукта за упаковку и фрахт являются общепринятым коммерческим правилом в США. Предварительные предложения «Амторгу» и Автострою компания Форда делала, по просьбе советской стороны, относительно своего оборудования, изготовляемого не на рынок, а для собственных нужд по определенным стандартам, а фактически компании пришлось выполнять значительно бóльшую и непредусмотренную работу.

Руководители «Амторга» признали: требования приемщиков были повышенными, что отчасти и обусловило дополнительную работу. Эти требования в основном были правильными, «поскольку необходимо иметь особо надежный инструмент и приспособления при трудности замены его в условиях работы Союза». Но были и «нелепые требования» — например, по отделке нерабочих частей штампов.

Размещение заказов в компании Форда Богданов и Мамаев сочли коммерчески оправданным, поскольку у других фирм, например Уолтера О.Бриггса[46], те же штампы стоили бы дороже, а за их пригонку и испытание пришлось бы платить дополнительно. У Форда можно было получить и оборудование, и его чертежи. Однако у «Амторга» «нет твердой базы, которая давала бы возможность судить о наличии и размерах действительной переплаты». В ответ на намерение «Амторга» приостановить еженедельные платежи до выяснения обстоятельств компания Форда пригрозила остановить выполнение заказов, поставив Автострой в безвыходное положение. «Нашу позицию невозможно доказать в суде или в арбитраже, поскольку у нас нет формальных документов, опорачивающих рабочие карточки фирмы. Генеральный договор также не предусматривает каких-либо санкций за нарушение или неисполнение хотя бы духа договора». Его «дружественный» характер ставит «исключительные препятствия к предъявлению каких-либо официальных претензий к компании»[47].

Руководство «Амторга» предложило наркому внешней торговли принять решение: если важно сохранить договорные отношения с Фордом, надо оставить дело о недоказанной переплате без последствий, а если потребуется разорвать договор, то материалы и пере-

писка могут послужить для этого поводом. Вести дальнейшие споры с компанией без указаний из Москвы бесполезно[48].

«Амторг» «расхлебывал кашу» еще какое-то время спустя, создав комиссию по расследованию причин переплаты. В марте 1932 г. она обвинила не столько компанию Форда, сколько ответственных лиц Автостроя и «Амторга» (Дыбеца, Фетвейса и др.) в непродуманных действиях[49]. Размещение заказов по принципу себестоимости без точного выяснения лимитов отклонения от ориентировочных цен совершенно неприемлемо, подчеркивалось в решении комиссии. После отказа Форда принять заказ по твердо фиксированным ценам или по лимитированной себестоимости была, вероятно, возможность передать заказ другим фирмам (Бриггса и др.), расценки которых превышали *ориентировочную* стоимость фордовского оборудования, но оказались бы ниже его *окончательных* цен. Этот факт комиссия сочла установленным. Еженедельные расчеты с компанией, на которые согласился «Амторг», явились на деле лишь финансированием ее производственного процесса. Завышение расценок обнаружилось слишком поздно, а надежных критериев их определения, как и надлежащего контроля за изготовлением оборудования, обеспечено не было. «Коммерческая неудовлетворительность договора при непринятии необходимых мер контроля» привела к несоблюдению компанией ориентировочных цен, что покрывалось обещаниями поставить оборудование не дороже других фирм. Получилось обратное: превышенными оказались не только ориентировочные расценки, но и себестоимость оборудования, изготовленного в 1930—1931 гг. для завода Форда в Калифорнии. Комиссия рекомендовала не идти ни на какие на уступки «до принятия Фордом нашей принципиальной позиции». Основными ошибками «Амторга» она признала «помещение заказа не только на тяжелых платежных условиях, но также по совершенно неопределенным ценам», отсутствие гарантий предельных отклонений от ориентировочных цен и системы мер по своевременному обнаружению и пресечению возможных переплат.

Решение комиссии можно расценить как формальный и не содержащий конструктивных предложений документ, но важно подчеркнуть, что действия приемщиков Автостроя в нем не обсуждались. Основную вину «Амторг» взял на себя. Факт перерасходов нельзя полностью объяснить и юридическими погрешностями при составлении договора. Причины лежали глубже — в принципиальной разнице условий производства в США и СССР, а также в том, что советские заказчики уверовали в способность компании Форда выполнять любые работы с минимальными издержками.

Повышенные требования Автостроя объяснены не в решении амторговской «следственной комиссии», а в послании Богданова и Мамаева Розенгольцу. Это желание лишний раз убедиться в надежности и безупречной работе дорогостоящего и уникального оборудования, отсутствовавшего тогда в СССР. Для себя компания

Форда таких проверок не проводила. Она давно перешла от «ремесленных» способов работы к стандартизации производственных операций, от трудоемкого ремонта — к замене дефектных или износившихся инструментов и станков новыми. При выполнении советских заказов фордовские мастера сбивались с привычного ритма, что увеличивало затраты рабочего времени и на основных, и на дополнительных операциях. Автострой и «Амторг» руководствовались не американскими стандартами, а инструкциями ВСНХ, которые требовали скрупулезного и мелочного учета, «дедовских» приемов доводки, пригонки и даже отделки рабочего инструмента. При отсутствии единых стандартов учета каждая сторона оказывалась права по-своему, и однозначно решить вопрос о переплате едва ли возможно.

Установить наличие или отсутствие переплаты можно было бы и путем сопоставления фордовских и советских нормативов затрачиваемого времени, но последних просто не существовало[50]. Советские заказчики обосновывали свои претензии, исходя из практики самой компании и данных ею ранее обещаний, и при этом вели себя не как робкие ученики, а как самые привередливые клиенты, иметь дело с которыми оказалось непросто. Добиваясь от компании Форда обоснования счетов на оплату оборудования, они сами нарушали договорные обязательства по закупке автомобильных комплектующих, что, кстати, затормозило в 1931 г. работу Автосборочного завода имени КИМ в Москве[51]. Такая необязательность ужесточила позицию руководства компании, и за оборудование для Нижегородского автозавода, в котором Советский Союз остро нуждался (больше, чем в импорте автокомплектов), она выручила деньги почти сполна. В кредит компания не работала и требовала еженедельных выплат, в противном случае приостанавливая выполнение заказов.

Похожая ситуация возникла и при проектировании Нижегородского автозавода компанией «Остин»: она пользовалась готовыми стандартами вместо подробных рабочих чертежей, и Автострой отклонял ее проекты как «небрежные» и «неумелые». Когда графики сдачи чертежей по этой причине срывались, автостроевцы грозили приостановкой выплат и даже расторжением договора. Как и «Остину», компании Форда пришлось возвращаться к устаревшей практике и даже создать специальную группу по обслуживанию советских клиентов[52].

Как сложились дальнейшие отношения «Форд Мотор компани» с советскими организациями? Претензий с обеих сторон накопилось немало, но в начале 1932 г. главный объект технической помощи Форда — Нижегородский автозавод — начал давать продукцию. Дальнейшие отношения по договору 1929 г., заключенному на 9 лет, до конца мая 1938 г., стали ненужными советской стороне. В 1934 г. «Амторг» предложил прекратить действие договора.

Руководитель отдела продаж «Форд Мотор компани» Роберг здраво оценивал ситуацию. 5 декабря 1934 г. он написал президенту Эдселу Форду, что Советский Союз оказался не в состоянии закупить 72 тыс. автокомплектов и это единственная причина стремления «Амторга» расторгнуть контракт. Но если данная статья договора 1929 г. уже не действует и добиться ее выполнения невозможно, почему бы не сохранить в силе другие статьи? «По сообщениям некоторых инстанций, СССР продает кое-какую продукцию за рубежом по ценам ниже себестоимости, чтобы иметь иностранную валюту»[53]. Прекращение действия договора могло дать дорогу советским «Фордам» на зарубежные рынки, что означало бы прямую конкуренцию с компанией.

Адвокатская фирма «Бодмен, Лонгли, Мидлтон и Фэрли», к которой компания Форда обратилась за советом, подчеркнула в своем ответе от 15 декабря 1934 г., что контракт с «Амторгом» или с любым другим представителем Советского Союза имеет лишь ограниченную силу. Компания Форда вправе констатировать нарушение договора «Амторгом», но не его разрыв. Хотя «Амторг», как нью-йоркская корпорация, подчинена американской судебной системе, она действует не только от своего имени, но и от имени СССР, и это создает лазейку для нарушения обязательств, а судебные иски в таких случаях ничего не гарантируют. В разбирательстве с чисто американской компанией была бы юридическая ясность. Поэтому адвокатская фирма предложила руководству компании Форда и новому председателю правления «Амторга» А.И.Розеншейну уладить вопрос формальным соглашением обеих сторон[54].

21 декабря 1934 г. «Форд Мотор компани» предложила Амторгу мировую — изменить договор 1929 г., сняв ряд статей[55]. 14 марта 1935 г. новое, «облегченное» соглашение вступило в силу — уже не с «Амторгом» и ВСНХ СССР, а с «Амторгом» и Наркоматом тяжелой промышленности. Стороны отказались от взаимных претензий. Советская сторона обязалась до 31 мая 1938 г. не экспортировать за рубеж легковые и грузовые автомобили, изготовленные по фордовской лицензии[56], сохранять до этого времени на автомашинах металлические пластины с обозначением марки «Форд» и закупать фордовскую продукцию исключительно у компании. Компания же обязалась допускать на свои заводы советских стажеров[57].

Говоря П.А.Богданову о не отраженных в бухгалтерской отчетности выгодах, Соренсен понимал, что русские многому научились. При больших затратах в валюте страна получила современную автомобильную промышленность. Если бы Генри Форд согласился предоставить Советскому Союзу кредит, это, вероятно, сняло бы некоторые разногласия, но едва ли продлило бы деловые отношения с компанией. Советские рабочие и инженеры быстро овладевали новой специальностью автостроителей.

В 1931 г. фордовская автомобильная продукция составила 80% автомобильного парка СССР[58]. «Фордами» в своих основных чертах были два первых поколения советских автомашин «ГАЗ». В апреле 1935 г. Горьковский автозавод выпустил 100-тысячный (с начала производства) легковой «ГАЗ-А».

Более мощный двигатель и улучшенный дизайн отличали «ГАЗ-М1» — «эмку». Фордовский грузовик «ГАЗ-АА» был модернизирован в 1936 и 1938 гг. и выпускался под маркой «ГАЗ-ММ». Это памятная по периоду Великой Отечественной войны и послевоенным годам «полуторка». «Форды» советской сборки стали первыми массовыми отечественными автомашинами. «Эмки» составляли 95% легкового парка и на войне использовались как штабные машины, а завод ГАЗ дал Красной армии к 1941 г. более 58% грузовиков[59].

В Америке модели «А» и «АА» образца 1928 г. быстро сменились новыми, зато в Советском Союзе им предстояла долгая жизнь[60]. Группа автомашин «ГАЗ» сохраняла фордовские черты до 1950-х гг., а выносливая «полуторка», пробежав по дорогам войны бок о бок с полученными по ленд-лизу «студебекерами» и «джипами», помогала восстанавливать народное хозяйство и поднимать целину. В годы Великой Отечественной войны, помимо военных грузовиков и «амфибий», СССР получил от компании Форда полный комплект оборудования шинного завода[61]. Выкупило его у компании правительство США, как того требовал закон о ленд-лизе.

Что касается сделок «Форд Мотор компани» с Советским Союзом в годы первой пятилетки, их, конечно, нельзя назвать во всех отношениях неудачными. Компании удалось реализовать часть быстро устаревших моделей «А» и «АА», продать более 190 дорогих «линкольнов», дать станкоинструментальному цеху дополнительную работу, важную в период Великой депрессии. Однако СССР по понятным причинам получил несравнимо бóльшие выгоды от сотрудничества с капиталистической фирмой.

Примечания

[1] «Амторг» («Amtorg Trading Corporation»), 1924—1946 гг. — формально независимая, но подчиненная Наркомату внешней торговли СССР коммерческая фирма с отделениями в Нью-Йорке и в Москве, через которую в США велись расчеты по советским заказам. Руководили ею советские управляющие.

[2] Автострой — Государственное управление по строительству автомобильных заводов.

[3] Kugel B.M. The Export of American Technology to the Soviet Union, 1918—1933, including the Ford Motor Company — Soviet Government Relationship, 1918—1933. M.A. Thesis. Detroit, 1956. P. 70—71.

[4] Кузьмичев А.Д. Научная организация труда, производства и управления в России начала XX века // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 393, 395.

[5] Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766.

[6] Гинцберг А.И. «...Могут убраться к черту»: Документы Политбюро ЦК ВКП(б) о внешнеэкономической политике партии. 1929—1934 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 151—167.

[7] Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960. С. 21, 23, 25, 27, 37; Фураев В.К. Советско-американские отношения, 1917—1939. М., 1964. С. 204—212.

[8] Фураев В.К. Указ. соч. С. 207—208.

[9] Гинцберг А.И. Указ. соч. С. 161; Россия и США: экономические отношения, 1917—1933: Сб. документов / Отв. ред. Г.Н.Севостьянов, Е.А.Тюрина. М., 1997. С. 356—357.

[10] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 247. Л. 268; Д. 785. Л. 159—159об., 250—251; Д. 786. Л. 26, 29, 31, 97, 114— 117об., 138—139.

[11] Россия и США: экономические отношения, 1933—1941: Сб. документов / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Е.А.Тюрина. М., 2001. С. 98—110, 145—149, и др.

[12] Кузьмичев А.Д. Указ. соч. С. 390—391.

[13] Шпотов Б.М. Компания Форда и Россия, 1909—1929 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 1999. № 5. С. 80—82; он же. Генри Форд: жизнь и бизнес. М., 2003. С. 341—346.

[14] Николаев Н.Н. Достижения СССР в авто- и тракторостроении. М., 1932. С. 10, 14, 16; Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford (Calif.), 1971. P. 185—191.

[15] Костюченко С., Хренов И., Федоров Ю. История Кировского завода, 1917—1945. М., 1966. С. 194; Шпотов Б.М. Компания Форда и Россия... С. 86. Cohen Y. The Soviet Fordson: Between the politics of Stalin and the philosophy of Ford, 1924—1932 // Ford: the European History, 1903—2003 / Ed. by H.Bonin et al. Paris, 2003. Vol. 2. P. 531—532, 542—543; Sorensen Ch. E. My Forty Years with Ford. N.Y., 1956. P. 202—203.

[16] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 97—99. Англ. экземпляр: Henry Ford Museum & Greenfield Village (далее — HFM). Acc. 199. Box 1A. Fld. «Amtorg Trading Corp. 1929—1930».

[17] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 68. Л. 127—138.

[18] Там же. Д. 708. Л. 30.

[19] В договоре с компанией «Остин» предусматривалось, при невозможности разрешить спор на дружественной основе, обращение к третейскому суду в Европе (американская фирма предложила в качестве арбитра правление Союза шведских инженеров в Стокгольме).

[20] Эти автомобили класса «люкс» производило отделение «Линкольн» компании Форда, до 1922 г. являвшееся самостоятельной фирмой, которая обанкротилась и была куплена Генри Фордом.

[21] [Fulfillment of] Amtorg Agreement, dated May 31, 1929 // HFM. Acc. 199. Box 1A. Fld. «Amtorg Trading Corp. Correspondence, 1929—1938».

[22] Условия прибытия в СССР и отъезда сотрудников компании, бытовые условия, статьи и размеры выплат им со стороны Автостроя были подробно изложены для президента «Амторга» и под его письменную гарантию. См.: HFM. Acc. 531. Box 1. Fld. «Amtorg».

[23] Nevins A., Hill F.E. Ford: Expansion and Challenge, 1915—1933. N.Y., 1957. P. 682—683.

[24] Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М., 1989. С. 128, 142.

[25] За 1925 и 1926 гг. сумма прибыли «Форд Мотор компани» составила 917 тыс. дол. по тракторам и 3,5 млн по запчастям, но в 1927 г. убытки по тем и другим превысили в общей сложности 9,8 млн дол. См.: Ford Motor Company Financial Statements, 1903—1965 // Ford Industrial Archives. Acc. AR-88-108164. Box 2; Шпотов Б.М. Компания Форда и Россия... С. 80. Примеч. 13.

[26] Российский государственный архив социально-политической истории (далее —РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 36, 42; Д. 13. Л. 121.

[27] Для штамповки автомобильных крыльев, радиаторов, бензобаков и других крупных деталей.

[28] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766. Л. 3—4.

[29] Там же. Л. 5—6, 9—12.

[30] Там же. Л. 7.

[31] HFM. Acc. 390. Box 65. Fld. M-25. «Telegrams and letters to Mr. Sorensen».

[32] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766. Л. 26—37.

[33] Там же. Л. 30.

[34] Там же. Л. 22—25.

[35] Там же. Л. 163—164.

[36] Там же. Л. 36.

[37] Там же. Л. 38—49, 51—77.

[38] В годы Великой депрессии многие американские предприятия, включая компанию Форда, перешли на неполную рабочую неделю.

[39] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766. Л. 46—49, 51, 92.

[40] Там же. Л. 93—94.

[41] Там же. Л. 154, 158, 159—166.

[42] Там же. Л. 44.

[43] Там же. Л. 158.

[44] Там же. Л. 166.

[45] Там же. Л. 83—95.

[46] Компания Бриггса была одним из поставщиков компании Форда.

[47] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 766. Л. 95.

[48] Там же. Л. 83.

[49] Там же. Л. 151—153.

[50] Для оценки себестоимости сборки автомобилей на заводе имени КИМ в 1931 г. за основу пришлось брать фордовскую себестоимость.

[51] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 491. Л. 7—9.

[52] Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929—1931 гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 191—232.

[53] HFM. Acc. 199. Box 1A. Fld. «Amtorg Trading Corp. Correspondence, 1929—1938».

[54] Ibid.

[55] Ibid.

[56] Легковой автомобиль «ГАЗ-А» и грузовой «ГАЗ-АА», доставленные по железной дороге в Болгарию в июне 1938 г., вызвали немалое удивление и тревогу у европейских производителей «фордов», но эти советские автомашины имели квитанции ОТК с датой выпуска 3 июня. Договор 1935 г. не был нарушен. См.: Ibid.

[57] Новое соглашение заключили: от имени компании Форда Ч.Сорен-сен, а от имени «Амторга» и Наркомата тяжелой промышленности — И.В.Боев. См.: Agreement of March 14, 1935 // Ibid.

[58] РГАЭ. Ф. 7620. Оп. 1. Д. 117. Л. 2; Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. С. 376.

[59] Шугуров Л.М. Автомобили России и СССР. Т. 1. М., 1993. С. 88—92, 102, 146, 161, 162, 175—176.

[60] Lundquist G.A. Russian Fords // Special Interest Autos. № 123. 1991. June. P. 40—43; Scoop R. Those Communist Model A's // Car Classics. 1975. February. P. 76—79.

[61] Sale of Ford Motor Company tire plant to Russia, 1942 — June 5, 1944 // Ford Motor Company Archives. Acc. AR-68-20, Fld. 1—3; Sorensen Ch.E. Op. cit. P. 213—215.

Аграрная история

*А.П.Корелин**

Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895—1904 гг.)

Зародившись в 60-х гг. XIX в., российское кооперативное движение за пореформенное тридцатилетие прошло сложный, противоречивый путь становления и развития (см.: Корелин А.П. Зарождение кооперативного движения в России: взлеты и падения (1860-е — середина 90-х гг. XIX в.) // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 421—454). Это были годы поиска идей и направлений деятельности ассоциаций, организационных форм, разработки принципов членства, активной кооперативной пропаганды, преодоления недоверия властей и общества к кооперации как средству повышения хозяйственной предприимчивости, культурного уровня и благосостояния широких масс населения, прежде всего мелких производителей (крестьян, ремесленников, кустарей). Творчески используя западный опыт и собственные «наработки», пионеры российской кооперации сумели в сжатые сроки достичь немалых успехов, что было высоко оценено их западными коллегами. На Брюссельской международной кооперативной выставке в 1876 г. достижения русских участников были отмечены золотой медалью.

Однако вскоре в кооперативном движении наступает спад: заметно сокращаются число кооперативов и численность их участников, слабеет материально-финансовая база, обнаруживается несостоятельность значительной части учреждений, форсированно, зачастую искусственно насаждавшихся инициаторами. Причины спада были весьма существенны — и субъективные (неподготовленность населения к хозяйственной самодеятельности, его низкий материальный и культурный уровень, отсутствие должного числа подготовленных руководителей и т.п.), и объективные (неприспособленность огромной массы мелких производителей к переходу на свободные товарно-денежные, рыночные отношения; правовая несостоятельность и сословная обособленность крестьян; острая нехватка свободных средств; мировой аграрный кризис, приведший к падению почти на треть цен на сельскохозяйственную продукцию и т.д.).

Кризис, переживавшийся кооперацией, едва не привел к полной дискредитации кооперативной идеи. Неудачи, преследовавшие ссудо-сберегательные товарищества, потребительские общества и

* Корелин Авенир Павлович — доктор исторических наук (Институт российской истории РАН).

различного типа товарищества и артели, отвратили на время от кооперации не только помещиков, земских деятелей, властные структуры, укрепившиеся во мнении о ней как мере бесполезной и даже вредной, но и значительную часть народнической и либеральной интеллигенции, т.е. тех сил, на поддержку которых так рассчитывали инициаторы российского кооперативного движения. Деятельность учрежденного при Московском обществе сельского хозяйства (МОСХ) Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, выполнявшего роль координатора кооперативного движения, постепенно заглохла. Огонек, зажженный кооператорами-энтузиастами, поддерживался фактически лишь его Петербургским отделением, возглавлявшимся с 1889 г. по 1908 г. либеральным помещиком бароном П.Л.Корфом, бывшим одновременно президентом Вольного экономического общества (1885—1894), а в 1906 г. ставшим одним из основателей «Союза 17 октября».

Складывание предпосылок для нового подъема: формирование законодательной базы

Ситуация, сложившаяся в стране в начале 90-х гг., заставила правительство и общественность вновь обратить внимание на кооперацию. Катастрофические последствия неурожая и голода 1891/1892 гг., постоянный рост задолжности крестьян по уплате выкупных платежей, налогов и отправлению повинностей, некоторый, часто вынужденный, рост товарности крестьянских хозяйств и возросшая в связи с этим потребность деревни в денежных средствах и, главное, постоянно растущие расходы государственного бюджета на интенсивную индустриализацию и железнодорожное строительство — все это вынудило правительство взглянуть на кооперацию не только как на форму организации помощи голодающим, но и, прежде всего, как на средство модернизации сельского хозяйства и всей торговой системы.

В связи с этим потребовался пересмотр всей законодательной и нормативной базы, определявшей статус и направление деятельности кооперативов. К этому времени на Западе (в Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Бельгии и др.) уже было принято общекооперативное законодательство, провозглашавшее общие принципиальные положения кооперативного строительства. В России же по-прежнему имели место ведомственная раздробленность и разобщенность кооперативной нормативной базы, возникновение и деятельность кооперативов регламентировались уставами, утверждавшимися Комитетом министров.

Внимание правительства вновь привлекли проблемы, связанные прежде всего с организацией кредита для мелких производителей. В частности, комиссия, занимавшаяся в январе 1893 г. пересмотром устава Государственного банка, отмечала, что организация мелкого кредита необходима как для правильного сбыта крестьянской и помещичьей продукции, т.к. крестьяне, продавая

по нужде весь собранный хлеб осенью, сильно понижают цены, нанося ущерб всем сельским производителям, так и для развития промышленности, потому как только рост благосостояния населения может повысить его покупательную способность и создать внутренний рынок сбыта. Правительство было обеспокоено и тем, что в результате отсутствия правильно организованного кредита крестьяне вынуждены переплачивать ростовщикам огромные суммы, что не могло не сказываться на уплате ими налогов и податей.

Приглашенные на заседания комиссии представители Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах — его председатель барон П.Л.Корф, П.Н.Исаков, недавний чиновник Второго (по крестьянским делам) департамента Сената, и секретарь отделения П.А.Соколовский, сменивший в 1890 г. на этом посту В.Н.Хитрово, — предлагали, во-первых, усилить помощь Государственного банка кредитным кооперативам; во-вторых, придать кредиту предметный, целевой характер, стремясь сделать его производительным, удлинить сроки краткосрочных ссуд с 9 до 12 месяцев и разрешить долгосрочные ссуды (от 3 до 5 лет) и, в-третьих, сделать кредит не только личным, но и залоговым, используя в качестве обеспечения ссуд прежде всего произведенную сельскохозяйственную продукцию и изделия кустарно-ремесленного производства. Стремясь устранить подозрительность и недоверие к деятельности ссудо-сберегательных товариществ, представители Комитета готовы были пожертвовать самостоятельностью кооперативов, поставив их под надзор местных отделений Государственного банка и учредив с этой целью институт специальных ревизоров. Но при этом они предлагали вывести кооперативы из-под влияния местных учетных комитетов Государственного банка, состоявших из представителей местной администрации и помещиков, и особенно настаивали на ограничении полномочий земских начальников, большинство которых обнаружило полную некомпетентность в делах кредита и было враждебно настроено в отношении кооперативов[1].

Министерство финансов в целом согласилось с идеей необходимости поддержки кредитной кооперации. Среди чинов министерства, принимавших участие в работе комиссии, было немало лиц, близко знакомых с кооперативной практикой и даже принимавших то или иное участие в деятельности ссудо-сберегательных товариществ. Товарищ министра И.С.Иващенко, обследовавший ряд кредитных кооперативов, отметил, что многие из них, особенно на юге (например, в Мелитопольском и Бердянском уездах Таврической губернии), функционируют вполне нормально, а некоторые даже могут выдержать сравнение с заграничными кооперативами. Серьезным препятствием в их деятельности являлась, по его мнению, позиция Министерства внутренних дел (МВД), всеми мерами ограничивающего имущественную ответственность должников по ссудам. «С учреждением земских начальников, — отмечал он, — дело со взысканием просроченных ссуд стало еще хуже. Считая себя попечителями крестьян, земские начальники прямо

отказывают в разрешении продажи имущества неисправных должников, т.к. это может подорвать существование крестьян». Но это обстоятельство, считал Иващенко, подрывает и основу деятельности ссудо-сберегательных товариществ[2]. В связи с этим мнения членов комиссии по вопросу о типе учреждений мелкого кредита существенно разошлись. По мнению ряда ее участников, при существующем имущественно-правовом статусе крестьян залоговое обеспечение кредита представляется весьма проблематичным и потому предпочтительным является сословно-общественный характер заведения. Управляющий Государственным Дворянским банком граф А.А.Голенищев-Кутузов заявил: «...в силу особенностей положения российского крестьянства кредит не может быть личным. Наш крестьянин, прежде всего, член мира. Следовательно, крестьянский кредит должен быть приурочен к существующей сельской единице, т.е. к сельскому обществу или к волости. Тогда платежная сила крестьянства выразилась бы полнее как в направлении погашения ссуд, так и в большей его кредитоспособности. К тому же крестьяне, при существующей круговой поруке, не позволят обратить ссуду на непроизводительное назначение, будет обеспечен контроль»[3]. Другие члены комиссии поддержали мнение А.А.Беретти, заведующего IX отдела инспекции Государственного банка, о необходимости создания нового типа кредитного кооператива — в виде долгосрочных ссуд для составления основных капиталов и краткосрочных кредитов для обеспечения на первое время оборотных капиталов из Государственного банка, а также общественных и частных вкладов, займов и пожертвований. Отсутствие паевых взносов, по мнению авторов этого предложения, должно было расширить круг членов кооперативов за счет «малодостаточных лиц», а специально создаваемый при Государственном банке институт инспекторов мелкого кредита должен был обеспечить надзор за правильной постановкой дел в кредитных товариществах и контроль за их деятельностью[4].

В своем представлении в Государственный совет от 10 декабря 1894 г. Министерство финансов так определяло главную причину резко возросшей потребности деревни в кредите: «Пока у нас в сельском быту господствовала натуральная система хозяйства, причем каждый крестьянский двор удовлетворял бóльшую часть своих потребностей собственным трудом членов семьи, недостаток в кредите менее давал себя чувствовать. Но для большей части страны эта эпоха прошла. С каждым годом разделение труда проникает глубже в народные слои, расширяет обмен товаров и услуг, теперь семья, деревня перестали быть обособленными хозяйственными единицами... Возникает необходимость в кредите, которая становится настоятельнее по мере того, как развивается экономическая жизнь страны». Обосновывая государственное значение организации системы мелкого кредита, авторы этого документа указывали, что бóльшая часть земель в стране обрабатывается крестьянами и что более $^4/_5$ всего производимого хлеба находится в их руках. Спешная реализация урожая мелкими производителями,

вынужденными из-за безденежья выбрасывать осенью на рынок свою продукцию, давит на цены, снижает их, что имеет крайне негативные последствия и для частных землевладельцев, и для всего народного хозяйства[5]. Между тем, отмечалось в представлении, подавляющая часть населения не может пользоваться организованным кредитом ни в Государственном банке, которому не под силу охватить огромную массу мелких производителей, ни в существующих заведениях мелкого кредита по причине их слабости и малочисленности. В деревне, несмотря на предпринимаемые меры, процветает ростовщичество. Действенная борьба с ним невозможна, т.к. крестьяне, «боясь лишиться единственного источника средств и в силу своей зависимости от кредиторов, являются их ревностными укрывателями». Из всего этого делался вывод, что «устройство мелкого кредита не есть филантропическая услуга населению, а государственная потребность»[6].

Такое внимание к обоснованию этого заключения потребовалось потому, что сама идея организации широкой сети учреждений мелкого кредита, особенно кооперативного, была среди высшей бюрократии и помещичьих кругов далеко не бесспорной. Более того, по-прежнему было немало сторонников мнения, что крестьянству кредит вообще не нужен и что он может быть даже вреден и с точки зрения хозяйственной, и еще более — с точки зрения нравственной, т.к. погоня за дешевым кредитом развращает сельское население. И даже несмотря на отметки самого императора Николая II на многочисленных бумагах и представлениях, что «пора, наконец, дать народу кредитоваться», сама эта идея вызывала серьезное сопротивление консервативных кругов. И только решительное вмешательство набиравшего силу нового министра финансов С.Ю.Витте сдвинуло дело с мертвой точки[7]. Но при этом финансовому ведомству пришлось предложить компромиссное решение. Отражая итоги межведомственного обсуждения этого вопроса и выявившиеся разногласия по поводу организационных форм кредитных учреждений, представление предлагало положить в основу различные типы «союзов заемщиков» — «добровольные или приуроченные к хозяйственным и административным общественным единицам», т.е. и кооперативные, и сословно-общественные заведения.

Итогом достаточно длительного и напряженного обсуждения этого вопроса стало высочайше утвержденное 1 июня 1895 г. «Положение об учреждениях мелкого кредита», положившее основание системе организаций этого типа[8]. Компромиссный характер закона достаточно четко отразился в первых же его статьях, в которых фиксировались цель учреждений мелкого кредита и их состав. Согласно ст. 2 «Положения», целью их было предоставление «малодостаточным лицам», а также сельским обществам, товариществам и артелям и тому подобным союзам возможности «а) получать на необременительных условиях ссуду для удовлетворения хозяйственных потребностей; б) помещать сбережения для приращения процентов». В законе нашли отражение традиционная пат-

риархально-попечительная направленность курса правительственной политики на оказание помощи прежде всего маломощным слоям мелких производителей, особенно деревни, рассчитанная на поднятие среднего уровня их благосостояния путем повышения их платежеспособности, а также тяготение к сохранению сословно-крестьянских заведений мелкого кредита. Тезис о целевом назначении ссуд был сформулирован в самом общем виде. Министерство финансов, настаивавшее, наряду с кооператорами, на необходимости указания производительного назначения кредита, само не смогло четко сформулировать свои требования. В частности, С.Ю.Витте, принимавший самое активное участие в обсуждении законопроекта, склонен был относить к производительным кредитам и ссуды на покупку предметов домашнего обихода, продовольствия и даже на лечение, полагая, что все эти расходы в конечном счете позволят заемщику поддерживать свое хозяйство[9].

«Положением» предусматривались три вида кредитных учреждений: наряду с существовавшими паевыми ссудо-сберегательными товариществами, а также сословно-общественными сельскими банками, кассами, мирскими капиталами и т.п., действовавшими на общинные средства, учреждались беспаевые кредитные товарищества. Последние отличались от ссудо-сберегательных товариществ, прежде всего, отсутствием паевых взносов: основной капитал их образовывался в основном из ссуд Государственного банка, а также кредитов земств и частных пожертвований. Именно таким путем предполагалось охватить кредитными кооперативами массу маломощных хозяйств. Во всем остальном различия между ссудо-сберегательными и кредитными товариществами были несущественны. И те, и другие формально считались всесословными учреждениями и управлялись выборными правлениями и советами. Общее управление ими сосредоточивалось в Министерстве финансов, тогда как сословно-общественные заведения вверялись МВД и военному ведомству (казачьи станичные заведения). Но если паевые товарищества по-прежнему пользовались определенной автономией в делах самоуправления, то кредитные товарищества фактически передавались в ведение Государственного банка, его IX отдела инспекции, который должен был осуществлять контроль над ними через своих инспекторов мелкого кредита. Благодаря отсутствию паевых взносов, основному капиталу, составленному чаще всего из долгосрочных государственных кредитов, подчинению контролю инспекторов мелкого кредита, кредитные товарищества сочетали в себе черты казенных мелкокредитных учреждений и кооперативов райффайзеновского типа (добровольность основания товариществ и членства в них, всесословность, круговая ответственность по обязательствам товариществ). Это даже давало основание некоторым теоретикам кооперации, например С.Н.Прокоповичу и М.И.Туган-Барановскому, считать их полуправительственными кредитными учреждениями, а С.В.Бородаевскому — рассматривать их как особый, «русский тип» кредитной кооперации[10].

Ссудо-сберегательные товарищества тоже могли пользоваться кредитами Государственного банка, но лишь для пополнения оборотных капиталов и только после предоставления первого годового отчета. Закон учитывал их особое положение, но все же регулировал размер паевого взноса — от минимального в 10 руб. до предельного, повысив его до 100 руб. Всем учреждениям мелкого кредита разрешалось пополнять свои капиталы за счет займов и вкладов, что расширяло их возможности по мобилизации свободных средств.

В целом принятым законом ссудная операция учреждений мелкого кредита ставилась на более широкие и прочные основания в отношении как сроков, так и обеспечения кредитов. Теперь наряду с краткосрочными ссудами, срок погашения которых был увеличен до 12 мес., разрешались и долгосрочные кредиты — до 5 лет. В качестве обеспечения ссуд, помимо личного доверия и поручительства, вводился залог движимого и отчасти недвижимого имущества, находящегося в полной личной собственности заемщика (благоприобретенные вненадельные земли, инвентарь, произведенная в хозяйстве продукция — сельскохозяйственная или кустарно-ремесленная). Предельный размер личных ссуд устанавливался в 300 руб., под залог — до 500 руб. Отдавая решение вопроса об установлении размеров процента по ссудам, вкладам и займам на усмотрение правлений кредитных учреждений, «Положение» ограничивало рост их 12% годовых. Специальная статья предусматривала порядок взыскания просроченных ссуд через полицию и волостные правления, но лишь с тех имуществ, на которые по закону могло быть обращено взыскание.

И, наконец, учреждениям мелкого кредита, получавшим статус юридических лиц и, соответственно, право приобретения имуществ, возбуждения судебных исков, вступления в договоры и обязательства, разрешалось ведение посреднических операций по закупке товаров, необходимых их членам (но только по их поручениям и на их средства), а также по продаже произведений их труда, что должно было помочь мелким производителям избежать разорительного посредничества торговцев и ростовщиков. В какой-то мере эти отступления от чисто кредитных операций делало кредитные кооперативы универсальными, сближая их с потребительными обществами и производительными артелями и товариществами, что, собственно, отражало уже наметившуюся в жизни тенденцию.

На основе этих положений закона в 1896—1897 гг. были разработаны и утверждены новые образцовые, типовые и частные уставы, в которых более полно нашли отражение региональные и иные особенности функционирования учреждений мелкого кредита. Однако практическая реализация новых возможностей, открывавшихся с их принятием, по-прежнему встречала множество преград юридического, административного и экономического порядка — сохранявшиеся имущественно-правовые ограничения крестьян-общинников, несогласованность политики и действий ве-

домств в отношении кооперативов, острую нехватку средств у населения и неподготовленность его к кооперативной практике и т.п. Разрешительный характер открытия действий кооперативов имел своим следствием длительные проволочки с утверждением уставов. Передача этих функций губернаторам, несколько упростив процедуру, фактически поставила кооперативы в еще бóльшую зависимость от «усмотрения» местной администрации.

Вплоть до начала XX в. застойные явления в кредитной кооперации так и не были преодолены. Основную массу кредитных кооперативов по-прежнему составляли ссудо-сберегательные товарищества. Но из 1589 разрешенных заведений к 1900 г. 697 оказались по тем или иным причинам ликвидированными, 207 так и не открыли своих действий, часть преобразовались в общества взаимного кредита, утратив кооперативный характер, и т.д. Формально функционировали около половины всех товариществ, из которых годовые отчеты представили всего 699. Но и из них, согласно проведенному обследованию, лишь 29% действовали более или менее нормально, 33% находились в затруднительном положении и 38% были близки к ликвидации[11]. К этому же времени было учреждено всего 25 кредитных товариществ с общим числом членов около 4 тыс. В 1901 г. представители Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах участвовали в очередном Международном кооперативном конгрессе в Брюсселе, но на этот раз они не могли похвалиться достигнутыми успехами.

Тем не менее поворот в правительственной политике в отношении к кооперативам имел своим следствием как активизацию деятельности соответствующих ведомств, так и возрождение интереса общественности к кооперативной проблематике. Прошел ряд совещаний и съездов кооперативных деятелей, кооперативная тематика обсуждалась многими земскими собраниями, и, наконец, проблема внедрения учреждений мелкого кредита широко обсуждалась Особым совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности (январь 1902 — март 1905 гг.) и его местными комитетами[12]. Участники совещаний констатировали недостаточную численность и слабость учреждений мелкого кредита, продолжающееся засилье ростовщичества в деревне: остро нуждавшиеся в средствах крестьяне платили ростовщикам и торговцам по 30—50 и даже по 80% роста. В справке, представленной Министерством финансов в Государственный совет в декабре 1903 г., отмечалось, что с момента издания «Положения» от 1 июня 1895 г. и особенно за последние годы наблюдается некоторое оживление в деле развития мелкого кредита, коснувшееся в основном кооперативных учреждений: к 1 октября 1903 г. было зарегистрировано 936 ссудо-сберегательных и 340 кредитных товариществ. Несколько возросли численность их членов, собственные и заемные средства, общая сумма выданных ими ссуд. Однако в целом уровень развития мелкого кредита признавался неудовлетворительным. Министерство отмечало, что при общей численности населения губерний, в которых функционировали давшие сведения заведения, в 110 млн че-

ловек на одно учреждение приходилось 51,4 тыс. жителей, в то время как в Германии — 4,8 тыс., Австро-Венгрии — 8,8, Италии — 27,5 тыс., и что на каждого жителя империи приходилось по 50 коп. из тех средств, которыми располагали эти заведения, в то время как в Германии и Австро-Венгрии — около 8 руб., в Италии — 6 руб.[13]

Общие причины слабости кредитной кооперации были те же, что и ранее, их решено было если не удалить окончательно, то смягчить законодательно-административными мерами. После длительного и острого противоборства консервативных и либеральных сил в межведомственной подготовительной комиссии по пересмотру закона о мелком кредите было принято новое «Положение», утвержденное 7 июня 1904 г.[14]

Новый закон в своей основе во многом повторял старый, но в него были внесены некоторые весьма существенные дополнения и изменения. Так, целью учреждений мелкого кредита объявлялась уже не пресловутая помощь «малодостаточным лицам», а вообще «способствование» сельским хозяевам, землевладельцам, ремесленникам, промышленникам и их объединениям. Правда, помощь эта по-прежнему распространялась также и на волостные, сельские и станичные общества, а сохранявшиеся ограничения в размерах ссуд в значительной мере были вызваны стремлением опереться прежде всего на «трудовые хозяйства», не допустить форсированной концентрации средств в руках только состоятельных слоев деревни, кустарей и ремесленников. Но в целом новая формулировка ст. 1 «Положения», видимо, отражала определенный сдвиг в позиции правящих верхов, которые ориентировались уже на «крепких» хозяев.

Точнее была определена и целевая направленность деятельности учреждений мелкого кредита, которые должны были «облегчить своим членам производство хозяйственных оборотов и улучшений, а также приобретение инвентаря путем снабжения их необходимыми средствами и принятием на себя посредничества по их оборотам». В образцовых уставах, переизданных в 1905—1906 гг. в связи с введением нового «Положения», специально указывалось, что в случаях употребления ссуд не по назначению правления имели право требовать их досрочного возвращения. В качестве обеспечения ссуд по-прежнему признавалось личное доверие, поручительство и залог продуктов сельского хозяйства и кустарно-ремесленного производства, а также инвентаря. Предельный размер обычных ссуд оставался прежним — 300 руб., максимум же залогового кредита, в основном под хлеб, повышался с 500 до 1000 руб., что было существенной уступкой зажиточным кооператорам. Но вместе с тем по новым уставам ссудо-сберегательных товариществ кредит открывался безотносительно к паевым накоплениям, что отражало подспудно проявлявшуюся традиционную тенденцию властей к нивелировке их участников.

Система учреждений мелкого кредита расширялась за счет включения в нее земских касс, а также региональных союзов кре-

дитных кооперативов. После нескольких лет обострения взаимоотношений властей и земств, приведшего к ограничению компетенции и сфер деятельности последних, в том числе фактическому запрещению в 1898 г. иметь собственные кредитные учреждения, органам местного самоуправления теперь разрешалось учреждать на собственные средства земские кассы мелкого кредита, предназначавшиеся для кредитования как частных заемщиков, так и кооперативных и сословно-общественных кредитных заведений. Более того, земства теперь могли учреждать по своей инициативе и на свои средства кредитные кооперативы и без особого разрешения местного начальства. Новое «Положение» подводило также законодательную базу под наметившуюся практику образования союзов учреждений мелкого кредита. Еще ранее в связи с ходатайствами кооператоров и по представлению финансового ведомства Комитет министров утвердил уставы Бердянского (1901), Мелитопольского (1903) Таврической губернии и Суджанского (1904) Курской губернии союзов ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, причем устав первого союза стал как бы образцовым. Один из пунктов «Положения» гласил, что на министра финансов, «по соглашению» с министрами внутренних дел, военным и юстиции, возлагается разработка и представление на законодательное утверждение специального «правила» о союзах организаций мелкого кредита. Однако этот пункт вплоть до конца рассматриваемого периода так и не был выполнен, и утверждение новых объединений должно было происходить в чрезвычайном порядке — специальным решением в каждом отдельном случае Комитетом министров и на основе устава Бердянского союза, утвержденного 21 апреля 1901 г. и принятого за образец. И, наконец, закон предусматривал возможность преобразования сословно-общественных заведений в кооперативные. МВД, будучи главным охранительным ведомством, продолжало упорно цепляться за устаревший тип заведений, более соответствовавший, по его разумению, организации, социальному и хозяйственному строю русской деревни. Однако, будучи вынужденным хоть каким-то образом модернизировать сословно-общественные учреждения, бóльшая часть которых все отчетливее обнаруживала свою нежизнеспособность, оно высказалось за создание новых общественных ссудо-сберегательных касс, которые по способу составления капиталов — основных и заемных — и характеру деятельности приближались к кредитным кооперативам и могли быть преобразованы в них.

Новый шаг вперед был сделан в деле централизации надзора и контроля государства за возникновением и деятельностью учреждений мелкого кредита. Министерство финансов добивалось передачи в его ведение всех типов этих заведений, но закон оставил все сословно-общественные заведения подведомственными МВД, кооперативные же по-прежнему находились в сфере влияния финансового ведомства. Правда, теперь при Государственном банке в качестве самостоятельного департамента учреждалось специальное Управление по делам мелкого кредита, на которое возлагался

высший надзор за правильностью функционирования всех типов учреждений и общее финансирование их из средств, предоставлявшихся банком. Создание управления, внешне напоминавшего учрежденную в Германии в 90-х гг. Прусскую центральную кассу кредитных кооперативов, было компромиссным шагом правительства навстречу пожеланиям тех кругов сторонников дальнейшего развития мелкого кредита, которые, как мы увидим, выступали за необходимость образования единого финансового центра для всех типов этих заведений — государственного или кооперативного. Кроме того, образовывался межведомственный Центральный комитет по делам мелкого кредита, в который входили представители всех заинтересованных ведомств — министерств финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, юстиции и Государственного контроля.

На местах создавались губернские (областные) комитеты по делам мелкого кредита. Состав их был весьма примечателен: наряду с представителями местных властей (губернатор — в качестве председателя, вице-губернатор, один из непременных членов губернского правления) в них были широко представлены местные помещичье-дворянские круги — предводители дворянства, председатели земских управ и члены последних по выбору земских собраний. Первоначально, по свидетельству С.В.Бородаевского, во главе их предполагалось поставить управляющих конторами и отделениями Государственного банка. Но затем Министерство финансов было вынуждено уступить, и во главе этих важных местных органов оказались губернаторы, находившиеся формально в подчинении МВД[15]. Именно этим комитетам «Положение» предоставляло право принимать ходатайства об открытии учреждений мелкого кредита, фактически решать вопрос о целесообразности их деятельности в той или иной местности, о выдаче ссуд из казенных средств, о назначении ревизий и т.п.

И все же практически непосредственный контроль и надзор за учреждениями мелкого кредита осуществлялись управляющими конторами и отделениями Государственного банка, при которых создавалась широкая сеть инспекторов мелкого кредита. На последних и возлагалось производство ревизий, инструктажа, проверки годовых отчетов, делопроизводства и счетоводства тех заведений, которые пользовались кредитом Государственного банка. Инспекторам предоставлялись весьма обширные полномочия — вплоть до временного устранения членов правлений и советов и подачи представлений о закрытии тех или иных кредитных кооперативов. Таким образом, под флагом борьбы со злоупотреблениями и нарушениями подавляющая часть кооперативов была поставлена под мелочную опеку местной администрации, что наряду с некоторыми положительными моментами (усовершенствование делопроизводства, отчетности, финансовой дисциплины и т.п.) имело и весьма негативные последствия. В целом же в обоих изданиях закона причудливо переплетались нормы вполне современного кредитного дела и старые сословно-общинные постулаты,

ограничивавшие хозяйственную правоспособность крестьян и непомерно удорожавшие кредит.

* * *

Новые социально-экономические реалии заставили правительство по-иному посмотреть и на потребительскую кооперацию. Помимо общих причин, как отмечали исследователи, здесь сыграли свою роль и быстрый рост городского населения, и появление достаточно многочисленных кадров потомственных рабочих, и возрастание потребности в товарах крестьянских хозяйств, и некоторая активизация общественности. Несомненно, свой вклад внесли неурожай и голод 1891/92 гг. Именно 1892 г. дал резкий, более чем вдвое, прирост численности потребительских обществ, причем в основном за счет сельских кооперативов. Правительство, смотревшее ранее на потребительские общества преимущественно как на учреждения благотворительного характера (неслучайно порядок их возникновения и деятельности определялся ст. 443 Устава об общественном призрении (Свод законов Российской империи. Т. XIII)), несколько изменило свое к ним отношение. Совместно с кооператорами был разработан и 13 мая 1897 г. утвержден «нормальный» устав потребительского общества[16]. Целью общества потребителей провозглашалось «доставление своим членам по возможно дешевой цене или по умеренным рыночным ценам различных предметов потребления и домашнего обихода и предоставление своим членам возможности из прибыли от операций общества делать сбережения». Учитывая, видимо, складывавшуюся практику ведения обществами различных операций (кредитных, складских, страховых, производственных и т.п.), устав официально допускал, «с надлежащим разрешением», учреждение при них специальных заведений, имеющих целью «различными средствами и способами улучшить материальные и нравственные условия жизни членов общества». Официально допускалась, в нарушение рочдельских принципов*, и продажа товаров в кредит, что также узаконивало сложившуюся практику. Средства обществ складывались из оборотного и запасного капиталов: первый образовывался из вступительных и паевых взносов и займов, второй — из ежегодных отчислений от прибылей, причем запасной капитал должен был быть обращен в государственные или гарантированные правительством процентные бумаги и храниться в сберегательных кассах или Государственном банке. В отличие от кредитных кооперативов, общества и все их заведения облагались налогами и платежа-

* Принципы, заложенные обществом потребителей рабочих-ткачей английского города Рочдейла (1842—1844 гг.): продажа товаров за наличный расчет и по умеренным рыночным ценам; распределение прибыли между потребителями пропорционально их закупкам; равенство всех членов общества независимо от размеров пая; отчисление части прибыли на культурно-просветительные цели и взаимопомощь.

ми — гильдейскими за право торговли, гербовыми, таможенными и местными сборами.

Устав регулировал и основные стороны внутренней жизни кооперативов. Право вступления в общества предоставлялось всем лицам, внесшим вступительный взнос. За неуплату паев и за кредитную задолжность собрание пайщиков $^2/_3$ голосов могло исключать злостных нарушителей устава. Регламентировалось и распределение дохода от операций общества: не менее 10% отчислялось в запасной капитал, не более 10% — на уплату процентов на каждый паевой рубль, остальная сумма, за вычетом вознаграждения правлению, распределялась между членами обществ пропорционально стоимости сделанных ими закупок. Определение количества паев, которыми могли владеть пайщики, отдавалось на усмотрение общих собраний, но при этом оговаривалось, что каждый член общества пользуется в собрании лишь одним голосом, независимо от числа паев, и это право не может быть передано другим лицам.

И, наконец, разрешение на открытие обществ, взявших за основу нормальный устав, так же как и надзор и контроль за их деятельностью, передавалось губернаторам. Это, с одной стороны, облегчало труд по составлению уставов, упрощало саму процедуру открытия обществ и в какой-то мере избавляло об проволочек, когда поданные заявки порой годами лежали в министерских канцеляриях, но, с другой стороны, ставило кооперативы в еще бóльшую зависимость от местной администрации. Формально устав становился руководством к действию с момента его распубликования, но на губернии Царства Польского, например, он был распространен лишь в 1904 г.

Как и в случае с кредитной кооперацией, возникшая потребность в совместных действиях по оптовой закупке товаров и введении единообразия в операциях подвигла руководство ряда потребительских обществ, прежде всего Москвы и губернии, на создание союзного объединения. Прошение об утверждении союза было подано 25 апреля 1897 г. от имени 18 обществ, и 16 июня 1898 г. устав союза был утвержден. По его образцу пытались создать подобные объединения и некоторые другие регионы, но успешными оказались лишь усилия петербуржцев — устав Кооперативного общества оптовых операций Петербурга был утвержден 7 января 1900 г., а свои действия союз открыл 16 октября 1901 г.

* * *

Внимание правительства привлекли и постепенно возрождавшиеся различного вида сельскохозяйственные товарищества и общества. Этому во многом способствовали решения состоявшегося по инициативе МОСХ 10—20 декабря 1895 г. Всероссийского съезда сельских хозяев[17]. Для регулирования деятельности товариществ Министерством земледелия и государственных имуществ был разработан и 30 июня 1897 г. утвержден нормальный устав[18]. Согласно последнему, сельскохозяйственные товарищества имели

главной целью содействие местным сельским хозяевам «в приобретении необходимых им продуктов потребления и всех вообще требующихся в сельскохозяйственной промышленности предметов, а также в выгодном сбыте произведений их хозяйств в сыром или обработанном виде, устраивая, в случае надобности, сельскохозяйственные производства для переработки сырых продуктов местных хозяев». Кроме того, товарищества могли выдавать своим членам ссуды под обеспечение товарами, принятыми на комиссию для продажи, а также получать ссуды под те же товары по поручению товаровладельцев в различного рода кредитных учреждениях и вообще исполнять всякого рода поручения своих членов. Таким образом, товарищества представляли собой достаточно универсальные по своим операциям заведения, совмещающие функции производительных, кредитных, потребительских и сбытовых кооперативов. Членами их могли быть землевладельцы, арендаторы, управляющие имениями и «вообще лица, а также общества и учреждения, занимающиеся сельским хозяйством в районе действия товарищества».

Средства товариществ составлялись из капиталов — операционных и запасных. Первые образовывались из членских паев и сумм, перечисленных из запасных капиталов по постановлению общих собраний членов; вторые — из вступительных вносов, из отчислений от прибылей и из процентов на капитал. Причем товарищеские средства должны были в обязательном порядке обращаться в государственные ценные бумаги и храниться в государственных кредитных учреждениях. Прибыль, после отчислений в запасной капитал и на вознаграждение членам правлений, могла обращаться на выдачу дивидендов, но не свыше 5% на паевой рубль, остаток же распределялся между членами товариществ пропорционально сделанным ими у товариществ закупкам. Количество паев у участников товариществ не ограничивалось. Все они могли участвовать в общих собраниях, но не на равных основаниях: 1 пай давал право на 1 голос, 5 паев — на 2 голоса, 10 паев — на 3 голоса, 20 и более поев — на 4 голоса. Это было вопиющим отступлением от кооперативных принципов — демократизма, равноправия участников — и предоставляло широкие возможности для перерождения товариществ в предпринимательские объединения. И, наконец, товарищества, как и все местные ассоциации, подчинялись надзору и контролю местных властей, открывать свои действия могли, только получив разрешение от губернатора. Но при этом обзаводиться собственными заведениями по переработке сельскохозяйственного сырья и заниматься кредитными операциями они могли только по разрешению Министерства земледелия и государственных имуществ, согласованному с министерствами финансов и внутренних дел.

Что же касается сельскохозяйственных обществ, то они возникли и действовали в России еще задолго до 1861 г. Это были преимущественно помещичьи ассоциации с весьма широким районом действия и с уклоном в научную и пропагандистскую дея-

тельность по изучению и внедрению агрикультурных и агротехнических новаций, разработке и рассылке практических рекомендаций. В связи с обострившейся проблемой модернизации сельского хозяйства, в правящих кругах возникла идея создать наряду с этими объединениями местные сельскохозяйственные общества, приблизив их к практическим нуждам отдельных регионов. Высочайше утвержденным 13 февраля 1898 г. положением Комитета министров был одобрен и рекомендован в качестве «нормального» разработанный Министерством земледелия и государственных имуществ устав местных сельскохозяйственных обществ, который и был введен в действие 28 февраля 1898 г.[19] Новый устав предусматривал учреждение обществ с ограниченным районом действий и с более практической их направленностью. Правда, цель новых ассоциаций была определена в самых общих фразах: они должны были оказывать содействие «в районах своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности». Для достижения этой цели общества должны были изучать положение отдельных отраслей, выявлять хозяйственные нужды и потребности, распространять научные и практические сведения по сельскому хозяйству, «заботиться о выработке наиболее правильных способов ведения хозяйства, устраивать конкурсы, выставки, опытные поля и станции, фермы, сады, питомники и т.д.», т.е. в какой-то мере фактически повторялись главные направления деятельности «больших» обществ. Но, кроме того, устав разрешал новым образованиям принимать на себя посредничество «по снабжению хозяев нужными в хозяйстве предметами и по сбыту произведений их хозяйств, открывая с этой целью справочно-комиссионное бюро, склады и т.п.». Членами таких обществ могли быть все сельские хозяева района их деятельности. Вступительный взнос был определен в 25 коп., а затем члены должны были ежегодно вносить в кассу общества 1 руб., т.е. финансовые требования для членства были вполне умеренными. Можно было внести взнос сразу в 25 руб., что давало право на пожизненное звание действительного члена общества. Существовала еще категория почетных членов, к которым относились наиболее уважаемые и авторитетные люди, которые, не платя никаких взносов, пользовались правами действительных членов. Рядовые же участники обществ, не внесшие в течение года положенный взнос, считались выбывшими, но с правом возобновления членства по внесению взноса без баллотировки в собрании. Всеми делами общества ведал выборный совет. Помимо взносов, средства общества должны были составлять субсидии Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, в ведении которого находились все ассоциации подобного рода, частные пожертвования, а также доходы от операций. Совет общества должен был представлять ежегодные отчеты Департаменту и местному губернатору, который и давал разрешение на открытие деятельности ассоциации.

Организационное устройство и характер деятельности и товарищества, и общества значительно отступали от общепризнанных кооперативных принципов, исповедовавшихся теоретиками кооперации (демократизм, равноправие участников, соответствующие способы составления капиталов и т.п.). Будучи близкими по ряду основных направлений своей деятельности, они иногда меняли свои уставные названия. Так, сельскохозяйственные товарищества, стремясь избежать волокиты с разрешением на открытие действий, по поводу чего они должны были обращаться в Министерство земледелия и государственных имуществ, принимали форму сельскохозяйственных обществ, учреждение которых больше зависело от местной администрации.

Наконец, 1 июня 1902 г. было утверждено «Положение об артелях трудовых»[20]. До этого все нормативные акты об артелях были разбросаны по всему Своду законов Российской империи, и отдельные их статьи часто совершенно не согласовывались между собой, не охватывая всех видов и форм ассоциаций подобного рода. Как уже отмечалось, многие из них вообще действовали на договорной основе или на основе обычного права, внутренняя жизнь их никак не регулировалась, статус не был определен. Однако создать единый закон для всего разнообразия артельных объединений оказалось делом весьма и весьма сложным. Во второй половине 90-х гг. при Министерстве финансов было создано особое совещание по этому вопросу, которое к 1899 г. разработало проект закона о трудовых артелях или трудовых товариществах. Проект конкретизировал понятие «артель», отнеся к этой организационной форме и производительные товарищества — кустарные, ремесленные, земледельческие и т.п., основным признаком которых должен был стать личный труд участников в делах товариществ. После длительных обсуждений именно этот проект и стал законом. «Артелью трудовою, — указывалось в акте, — признается товарищество, образованное для производства определенных работ или промысла, а также для отправления служб и должностей личным трудом участников, за общий их счет и с круговою их порукою». Порядок их учреждения и деятельности определялся уставами, подлежавшими утверждению губернатором, или существующими положениями о договорах, утверждавшимися нотариально. Артелям предоставлялись права юридических лиц в отношении приобретения имущества, вступления в договоры, ведения судебных дел, учреждения промышленных и торговых заведений. Определяя самые общие нормы возникновения и деятельности артелей, закон не касался деталей их внутренней жизни, отдавая их на усмотрение артельщиков, что должно было фиксироваться в специальных уставах. Вне круга трудовых артелей оставались многочисленные разнообразные артельные объединения так называемого имущественного характера — сырьевые, складочные, подсобные и т.п. Министру финансов, а затем министру торговли и промышленности (с 1905 г.), по согласованию с «подлежащими» ведомствами, предоставлялось право разрабатывать и издавать образцовые

и нормальные уставы и для других видов артелей, чем оно позднее не раз воспользовалось, утвердив уставы, например, домостроительных и страховых товариществ.

Таким образом, несмотря на определенные тенденции в правительственной политике по упорядочению юридической базы кооперативного движения, единое правовое поле для возникновения и деятельности кооперативных ассоциаций создано не было. Этому препятствовали и охранительно-попечительная политика властей, и ведомственная подчиненность разных видов кооперативов, и их раздробленность, и устарелость всего гражданско-правового законодательства в целом. К этому времени на Западе в большинстве стран уже был пройден период, когда деятельность кооперативных ассоциаций регулировалась специальными нормативными актами для каждого отдельного их вида, и было создано общекооперативное законодательство[21]. При всех, порой весьма существенных, различиях оно было сходным в основных положениях: явочный порядок возникновения кооперативов (регистрационный, нормативный и т.п.), преследование и закрытие их только в судебном порядке, свобода вступления и выхода членов, свобода самоопределения внутренней жизни ассоциаций при соблюдении основных принципов ответственности (ограниченной или неограниченной) членов по делам товариществ, право образования союзов кооперативов и проведения общекооперативных съездов. Эти тенденции нашли отражение и в попытках российских правящих кругов разработать новое Гражданское уложение, в котором в том или ином виде предполагалось нормировать и общекооперативные принципы. В середине 90-х гг. была создана специальная Редакционная комиссия по выработке проекта уложения, в котором кооперативному законодательству было отведено место среди норм для прочих предпринимательских ассоциаций — акционерных обществ, паевых товариществ и т.п. В проекте, опубликованном в 1899 г., давалось определение двух типов кооперативов: 1) товарищества с переменным составом участников и переменным капиталом, 2) товарищества трудовые, или артели. К первым относились кредитные кооперативы, потребительские общества, сельскохозяйственные товарищества и общества, т.е. ассоциации, которые, «действуя под общею фирмой в составе непостоянного числа членов и с переменным складочным капиталом, имеют целью содействовать кредиту, промыслу или хозяйству своих членов». Товариществом же трудовым, или артелью, признавалось товарищество, «возникшее для исполнения всякого рода работ личным трудом членов, за общий их счет и круговою их ответственностью».

Составители проекта, видимо не без влияния теоретиков кооперации, попытались провести различия между капиталистическими предприятиями и кооперативными ассоциациями. В частности, в проекте отмечалось, что кооператив «...не есть торговое предприятие; его цель не улучшение экономического положения членов посредством предоставления им денежной прибыли, а содействие товариществам в ведении их промысла и хозяйства. То-

варищества, облегчающие своим членам занятия их промыслом улучшением условий работы и сбыта либо предоставлением им дешевого кредита, товарищества, дающие своим членам возможность за сравнительно небольшую плату иметь хорошего качества предметы первой необходимости, — вполне достигают свою цель, хотя бы они вовсе не приносили прибыль». И в заключении к разделу составители констатировали: «Стремление к достижению прибыли, таким образом, присуще товариществу с переменным составом в меньшей степени, чем другим видам товариществ»[22]. И, наконец, в проекте содержались также положения, облегчавшие порядок учреждения кооперативов, создание их союзных объединений, проведение кооперативных съездов и образование общекооперативного представительства.

Однако ни акты, определявшие общий статус кооперативных ассоциаций, ни сам проект Гражданского уложения так и не были приняты, что обусловливалось как негативной позицией правительства в отношении любых общественных объединений, так и состоянием самого кооперативного движения. Реализован был в форме «положения» лишь закон о трудовых артелях от 1 июня 1902 г., составлявший часть предполагавшегося акта о предпринимательских объединениях. Проблема создания общекооперативного законодательства еще только начинала осознаваться кооператорами как очередная задача кооперативного движения.

Оживление кооперативного движения

Среди кооперативных деятелей, практиков и теоретиков, почувствовавших некоторый поворот властей и общественности к нуждам кооперации, нарастает и крепнет убеждение в необходимости активизации мер по преодолению спада кооперативного движения. С начала 90-х гг. Петербургское отделение Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах все большее внимание уделяет налаживанию координации действий и взаимопомощи между различными видами кооперации. В частности, преодоление застоя и разобщенности в российском кооперативном движении видится в создании местных союзов кооперативов и проведении периодических съездов их представителей. Эта идея, пожалуй, впервые была высказана секретарем Петербургского отделения Комитета П.А.Соколовским на страницах XIX отчета Комитета. К этой же мысли пришел и И.Х.Озеров, изучавший нужды потребительских обществ, для которых организация союзов могла бы стать важным средством объединения кооперативов для совместных закупок товаров. Производственной же кооперации союзы могли бы обеспечить выгодный сбыт продукции их членов[23].

Идею создания союзных объединений подхватили кооператоры-практики. В частности, один из руководителей Бердянского Таврической губернии кредитного товарищества Иванченко в 1896 г. собрал представителей 4 соседних кредитных кооперати-

вов, и они заключили договор о координации действий по ряду операций, прежде всего по установлению, во избежание конкуренции, определенного процента по вкладам. Благодаря поддержке А.А.Беретти, в то время управляющего IX отделением Государственного банка, в 1898 г. в Мелитополе состоялось еще одно совещание представителей заинтересованных товариществ, на котором и был выработан устав Бердянского союза кредитных кооперативов. После 3-летней проволочки, 7 мая 1901 г. устав был утвержден и стал как бы образцовым для некоторых других союзов. Вскоре образовался Мелитопольский союз кредитных кооперативов (1903), затем Судженский Курской губернии (1904).

Среди потребительских обществ инициативу создания союзного объединения взяли на себя москвичи. Здесь возникшая потребность в совместных действиях по оптовой закупке товаров подвигла руководителей ряда обществ Москвы и губернии на проведение осенью 1896 г. совещания по вопросу о сотрудничестве. Инициатором выступило правление Московского общества «Взаимная польза». Прошение о разрешении создания союза было подано от имени 18 обществ 25 апреля 1897 г., а 16 июня 1898 г. его устав был утвержден. Первое собрание уполномоченных союзных обществ состоялось 23 октября 1898 г. под председательством профессора И.Х.Озерова. В союз вошли 6 всесословных городских потребительных обществ, 6 фабрично-заводских, 2 железнодорожных, 3 офицерских и 1 сельское общество — таков был первоначальный состав впоследствии обширнейшего Московского союза потребительных обществ (МСПО).

Российские законы, как известно, не предусматривали подобных объединений. Мощную поддержку этим начинаниям оказало Московское общество сельского хозяйства, во главе которого с 1893 г. стоял князь А.Г.Щербатов. С его именем связана и активизация деятельности Московского Комитета о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, фактически замершей со второй половины 70-х гг. Князь, бывший крупным помещиком предпринимательского типа и пользовавшийся авторитетом в самых высоких сферах, был ревностным сторонником ссудосберегательных товариществ и входил еще с 1886 г. в состав Петербургского отделения Комитета. В декабре 1893 г. после долгого перерыва в Москве состоялось заседание Комитета, к работе которого Щербатов привлек около 30 различных специалистов, среди которых были видные ученые-экономисты А.И.Чупров, И.Т.Таганцев, пионеры российской кооперации В.Ф.Лугинин и Н.В.Верещагин, агрономы С.С.Коссович, Н.П.Коломийцев, А.П.Перепелкин, Н.А.Грушко, юристы Н.И.Сахаров и М.Я.Герценштейн, авторитетные члены МОСХ Д.Ф.Самарин, Н.П.Горбунов, М.А.Саблин, общественные деятели М.С.Кишкин, И.И.Петрункевич и др. В феврале 1894 г. опять-таки по инициативе Щербатова в Петербурге состоялось совместное заседание Комитета и его Петербургского отделения для выработки общего плана деятельности обоих кооперативных центров[24].

На этих заседаниях новый руководитель МОСХ прежде всего выступил в защиту ссудо-сберегательных товариществ, продолжавших подвергаться нападкам консервативных правительственных и помещичьих кругов, считавших, что «народный кредит» не должен иметь ничего общего с «коммерцией», с «барышами» и должен быть адресован всем крестьянам, независимо от их состоятельности и деловых качеств, чтобы избежать социального расслоения деревни. Князь же подходил к делу организации мелкого кредита как трезвый прагматик, ставивший экономическую целесообразность выше благотворительной по сути идеи «некоммерческого кредита для народа». Он открыто заявлял о предназначении ссудо-сберегательных товариществ именно и прежде всего для средних хозяев, ведущих земледельческое или кустарно-промысловое хозяйство силами семьи и располагавших полным набором инвентаря, движимым имуществом на 100—200 руб. и имевших примерно такой же годовой оборот. Он резко критиковал «догматические» попытки «изобрести универсальный тип кредитного учреждения, которое удовлетворяло бы разнообразные интересы и потребности различных групп населения и которое было бы одинаково эффективно в любой среде». Для различных слоев населения, по его мнению, требовались различные организационные формы кредита: банковский коммерческий — для богатых, сословно-общественный — для бедных[25].

Собственно, эти доводы не были новы. Сам А.Г.Щербатов пропагандировал ссудо-сберегательные товарищества еще в те годы, когда и земства, и власти в них разочаровались. Являясь учредителем ряда товариществ, он считал их лучшим средством аккумуляции свободных средств, подчеркивал роль этих учреждений в воспитании у крестьян деловых качеств, в вытеснении ростовщичества и в подъеме благосостояния населения. Все это он считал необходимым условием развития предпринимательского хозяйства как крестьян, так и помещиков. В 90-е же гг. его позиция сыграла, видимо, немаловажную роль в повороте общественности и властей к проблемам мелкого кредита и, в частности, к разработке соответствующих законодательных актов. Он рассчитывал сдвинуть с мертвой точки кооперативное строительство прежде всего путем организации всеобъемлющего контроля за деятельностью кооперативов со стороны Министерства финансов при децентрализации деятельности Комитета, создавая его новые отделения на местах. Это должно было повысить доверие общественности и властей к товариществам и каким-то образом компенсировать нехватку подготовленных кадров. Этой же цели должны были содействовать и организация на местах кооперативных союзов, и проведение общероссийских и местных кооперативных съездов, что придало бы дополнительный импульс кооперативному движению[26].

Первая практическая попытка реализовать эту идею была предпринята в 1896 г. в ходе Торгово-промышленного съезда, состоявшегося 4—17 августа в Нижнем Новгороде, в рамках IV отдела которого (потребительские общества, артели и кустарная промыш-

ленность) было проведено совещание кооперативных деятелей. Совещание было организовано по инициативе Петербургского отделения и при поддержке представителей потребительских обществ, прибывших на ярмарку для закупок товаров.

Общее собрание членов Петербургского отделения еще 2 ноября 1895 г., обсудив доклад И.Х.Озерова о результатах исследования деятельности потребительских обществ Пермской губернии, постановило создать комиссию для разработки вопроса об организации союзов кооперативов и съездов их представителей. Комиссия поручила А.И.Браудо собрать необходимый материал по этому вопросу из жизни западноевропейского кооперативного движения. Браудо не только выполнил поручение, но и представил проект «Положения о союзах учреждений мелкого народного кредита, обществ потребителей, промышленных товариществ и о съездах их представителей». Затем Петербургское отделение обратилось к председателю нижегородского Торгово-промышленного съезда Д.Ф.Кобеко с просьбой исходатайствовать разрешение для обществ потребителей послать на съезд своих представителей. Ходатайство было удовлетворено, и председатель пригласил на съезд 112 обществ. Из них в совещании приняли участие около 60 представителей кооперативов, в том числе 31 потребительского общества, которые и образовали IV отдел съезда[27]. Отделение делегировало на съезд П.Н.Исакова, председательствовавшего на совещании, И.Х.Озерова, Яроцкого, А.И.Каминку и А.Г.Штанге (организатора Павловской кустарной артели).

Совещание кооператоров приняло проект нормального устава потребительского общества, на основе которого был разработан и 13 мая 1897 г. утвержден правительственный вариант устава. Были выдвинуты и предложения по разработке положения об артелях и мерам по содействию кустарям (страхование, школы профессионального обучения, кредитование под залог изделий и для приобретения сырья, склады для организации совместного сбыта и т.п.). Но главной темой совещания стал вопрос о союзах и о создании общекооперативного центра. Предложенный отделением проект в общих чертах как бы копировал структуру Всеобщего Союза германских товариществ. Им предусматривалось создание в пределах губерний местных союзов кооперативов, как однородных, так и смешанных, объединявших кооперативы различных видов и типов по их взаимному соглашению. Объединенные в союзы кооперативы посылали бы представителей на местные губернские съезды, представители же союзов объединялись в общероссийский союз, проводящий всероссийские съезды. Целями их провозглашалось: помощь всеми мерами развитию учреждений мелкого кредита, потребительских обществ, производственных товариществ; совместные закупки товаров и сбыт произведений членов ассоциаций, содействие кооперативам указаниями и взаимным надзором и т.п. Высшим органом общего союза должен был стать Всероссийский съезд представителей союзных кооперативов, исполнительным органом — Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышлен-

ных товариществах и его Петербургское отделение. В рамках союзов предполагалось тесное сотрудничество кооперативов различных видов и типов, которые могли обмениваться товарами и услугами[28].

После доработки в рабочей комиссии этот проект был принят 15 августа с рядом изменений. В окончательном варианте было решено отказаться от идеи общероссийского союза как преждевременной и трудноосуществимой и пока ограничиться введением местных союзов (второй ступени объединений) однородного или смешанного составов, организуемых явочным порядком на средства участников и с целью установления и развития постоянных сношений между кооперативными ассоциациями. В задачу союзов должны были входить также сбор и публикация сведений о деятельности кооперативов в периодических изданиях; ознакомление с отечественным и зарубежным кооперативным опытом; совместное обсуждение вопросов кооперативной жизни; производство взаимных ревизий, организация музеев, выставок, библиотек; взаимное содействие в повседневной работе советами и помощью в приискании свободных средств; посредничество при заключении займов и имущественных сделок, а также по всем видам страхования; совместные закупки предметов, необходимых участникам, и сбыт продукции последних; совместные производственные операции и т.п. Предлагался также вариант союза со статусом юридического лица, с правами приобретения недвижимости и приема вкладов, с паевым капиталом, с полной или ограниченной ответственностью — уже не только для обмена опытом и взаимопомощи, но и для совместного ведения дел. Однако такая форма была признана пока преждевременной.

Руководящими органами союзов должны были стать собрания уполномоченных от кооперативов-участников, избиравшие союзные правления и ревизионные комиссии. Для установления связи между отдельными кооперативами и их союзами намечались местные и общие съезды их представителей. Последние должны были регулярно созываться МОСХ через посредство Комитета и его Петербургского отделения, которые являлись бы исполнительными органами съездов. Для кооперативов и их союзов решения съездов должны были иметь только рекомендательный характер, что отражало стремление участников сохранить автономию, самостоятельность[29].

Интересно, что совещание впервые обратило внимание на проблемы кооперативного кредита в самом широком плане: кредитованием могли, по его предложению, заниматься кооперативы самого различного вида и типа. Съезд согласился с этой идеей и даже ходатайствовал о распространении «Положения» 1 июня 1895 г. и на потребительские общества — главным образом, ради получения права последних кредитоваться в Государственном банке. Наконец, съездом был поставлен вопрос о централизации государственной поддержки кооперации. С этой целью было заявлено о желательности выделения функции кредитования коопера-

тивов из Государственного банка в особый Государственный банк мелкого кредита[30]. Эта идея была заимствована из самой свежей практики германских кооперативов: в Берлине в 1895 г. открыла действие Имперская Прусская Центральная касса для товарищества — независимое от Имперского банка учреждение, непосредственно находившееся в ведении Министерства финансов и кредитовавшее кредитные кооперативы, но не напрямую, а через посредство союзных касс.

Исполнение принятых совещанием и поддержанных съездом постановлений возлагалось на Петербургское отделение, которому поручалось ходатайствовать перед властями также о разрешении созыва общекооперативного съезда, создании центрального бюро потребительских обществ и периодического печатного органа при нем. Однако в то время правительство оставило большинство этих ходатайств «без внимания». Тем не менее нижегородское совещание кооперативных деятелей 1896 г. имело немаловажное значение для судеб российского кооперативного движения. Разработанный и принятый им нормальный устав потребительских обществ был, как известно, 13 мая 1897 г. официально утвержден, предложенные им коррективы были внесены в уставы сельскохозяйственных обществ и товариществ (30 июня 1897 г. и 13 февраля 1898 г.), а позднее (1 июня 1902 г.) было принято «Положение об артелях трудовых». При Петербургском отделении в январе 1897 г. была создана постоянная Особая комиссия по делам потребительских обществ во главе с П.Н.Исаковым. При ее участии были проведены региональные съезды потребительных обществ прибалтийских губерний и Урала (1897) и основан Московский союз потребительных обществ (1898). Позднее, как отмечалось, были созданы союзы кредитных кооперативов в Таврической и Курской губерниях. Наконец, совещанием были поставлены и обсуждены важнейшие принципиальные вопросы кооперативного строительства — явочный порядок учреждения кооперативов и их союзов, регламент созыва и проведения местных и всероссийских кооперативных съездов, создание единого кооперативного финансового центра и т.д., которые затем стали центральными вопросами всей кооперативной жизни, а их обсуждение оказало огромное воздействие на ее активизацию, на привлечение к ней внимания общественности и властей.

Первый Всероссийский съезд представителей ссудо-сберегательных товариществ

Наиболее важным событием, последовавшим за нижегородским совещанием кооперативных деятелей, был Первый Всероссийский съезд представителей ссудо-сберегательных товариществ, прошедший в Москве 26—29 марта 1898 г.[31] Идея созыва общекооперативного форума вызревала давно. Но впервые как практическая задача она была предложена президентом МОСХ и председателем Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышлен-

ных товариществ князем А.Г.Щербатовым на заседании Комитета 13 ноября 1896 г. Изложив в очередной раз свою точку зрения на настоятельную необходимость для деревни мелкого кредита и на ссудо-сберегательные товарищества как на наиболее целесообразную форму его организации, он предложил с целью аккумуляции необходимых денежных средств и рационального их распределения между заемщиками создать местные союзы товариществ для обмена свободной наличностью и центральный кооперативный финансовый центр в виде Центрального акционерного банка ссудо-сберегательных товариществ, который бы функционировал при Комитете в Москве. В основу устава банка предполагалось положить принципиальную организационную схему германского Центрального сельскохозяйственного банка в Нейвиде, открытого еще в 1877 г. для кредитования товариществ райффайзеновской системы. Задачей банка должно было стать ведение за счет ссудо-сберегательных товариществ комиссионных операций и выдача им ссуд для пополнения оборотных капиталов и на открытие новых заведений. Акционерами банка должны были стать товарищества, а также «лица, сочувствующие делу народного кредита», кандидатуры которых одобрялись бы Комитетом. Предполагалось установить пай в 500 руб. с начислением 4% годовых. Управление банком возлагалось на общее собрание акционеров и выбираемый ими совет из 9 директоров, не получающих за исполнение своих обязанностей вознаграждения и ежегодно обновляемых на $^1/_3$. Операции банка по переводу денег намечалось осуществлять через Государственный банк и его филиалы.

Свои соображения Щербатов еще раз изложил 2 мая 1897 г. на общем собрании МОСХ, которое приняло решение созвать в Москве съезд представителей ссудо-сберегательных товариществ для обсуждения проблем кредитной кооперации. Правда, первоначально предполагалось, что круг участников съезда будет шире. В разосланном в декабре того же года циркуляре-уведомлении о созыве съезда указывалось на желательность участия в нем «представителей всех видов мелкого кредита, потребительных товариществ и крестьянских сельскохозяйственных артелей»[32]. Но организация столь представительного мероприятия требовала больших средств, времени и усилий. К тому же ведомственная разобщенность кооперативов создавала дополнительные организационные сложности в испрашивании разрешения на проведение съезда. Совет МОСХ, в который входили А.Г.Щербатов, Е.М.Пржевальский (вице-президент), П.И.Кулешов, М.С.Кишкин, В.И.Бландов, Н.В.Верещагин, И.И.Шатилов, Н.А.Грушка (секретарь), обратился к главе Министерства земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) А.С.Ермолову за разрешением на проведение съезда, к московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу — с просьбой о поддержке и к Петербургскому отделению Комитета — с предложением принять участие в подготовке и проведении съезда. Разрешение было получено 10 октября 1897 г., для чего понадобилось согласие трех министров — земле-

делия и государственных имуществ, внутренних дел и финансов. Основные вопросы повестки намеченного съезда были детально обсуждены на совместном заседании Комитета и его Петербургского отделения, в центральных газетах было опубликовано извещение, земствам разосланы уведомления о съезде с просьбой содействовать организации учреждений мелкого кредита путем распространения сведений о возможных типах заведений, выдаче им ссуд и установлении надзора за их деятельностью. При этом Щербатов не поскупился на «рекламу», подчеркивая социально-культурные последствия правильно организованного кредита: превращение батраков в собственников, уничтожение ростовщичества, искоренение пьянства, распространение грамотности, предприимчивости, подъем производительности сельского хозяйства и т.п. Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах обратился к Всеобщему Союзу германских потребительных и ссудо-сберегательных товариществ, запросив у него сведения об организации и функционировании кредитных центров кооперации в Германии — Имперской Прусской центральной кассы, акционерных ссудных касс, центральных касс местных кооперативных союзов. Уведомление о созыве съезда в Москве было разослано 22 германским кооперативным центрам.

По материалам петербургского совещания была составлена программа съезда, и 12 декабря 1897 г. Совет МОСХ ее утвердил. Программа была достаточно обширна, на обсуждение были поставлены следующие вопросы: 1) устройство в Москве Центрального учреждения для кредитования кредитных кооперативов и производство за их счет комиссионных операций; 2) практическая деятельность товариществ и их внутреннее устройство (условия приема членов в товарищества, управление делами товариществ, меры по взысканию долгов и сокращению переписки долговых обязательств); 3) способы и меры к возможно широкому распространению учреждений мелкого кредита при ближайшем участии земств, объединению их деятельности и установлению над нею постоянного наблюдения и руководства. Тогда же Совет принял в качестве руководящего документа проект положения о съездах, опиравшийся на одобренный нижегородским Торгово-промышленным съездом проект о союзах и съездах их представителей. Эта программа в январе 1898 г. была разослана всем правлениям ссудо-сберегательных товариществ с приглашением принять участие в съезде, намеченном на 16—19 марта того же года. Большинство товариществ, приславших ответы, с сочувствием откликнулись на предложение МОСХ, а некоторые из них даже изложили свое понимание стоявших перед кооперативами задач с анализом сложившейся ситуации в области мелкого кредита.

Уже на стадии подготовки съезда организаторы столкнулись с рядом проблем. Прежде всего, в самом МОСХ не было единодушия в вопросах организации мелкого кредита. В частности, член московского Комитета профессор И.Т.Тарасов усиленно пропагандировал беспаевые кредитные товарищества райффайзеновского

типа, расходясь со Щербатовым по ряду принципиальных вопросов организации системы мелкого кредита. Правда, он поддерживал князя в его ориентации на целевой, производительный кредит. Причем для рационализации расходов товариществ он даже предлагал учреждать при них потребительные общества, которые должны были реализовывать посреднические операции, разрешенные «Положением об учреждениях мелкого кредита» 1895 г. Но вместе с тем он считал, что народный кредит должен отличаться от кредита коммерческого, поземельного, ломбардного тем, что при определении кредитоспособности крестьян главное внимание должно обращаться не столько на имущественное положение заемщика и, соответственно, на имущественное обеспечение ссуд, а прежде всего на его заработки, работоспособность, трудолюбие, что дало бы возможность охватить и малосостоятельные слои деревни. При этом он предлагал привлечь к посредничеству при получении ссуд из Государственного банка земских начальников, местных помещиков, земства, использовать институт «почетных попечителей», которые бы следили за соблюдением уставов товариществ, хлопотали бы перед властями о нуждах опекаемых ими кооперативов, что представляло собой прямой отголосок прежних, патриархальных отношений помещиков и крестьян. Таким образом, в пропагандируемых им взглядах тесно переплетались кооперативные начала и помещичье-чиновнические попечительность и благотворительность. Эти взгляды Тарасов изложил и в цикле статей, публиковавшихся в феврале—марте 1898 г. «Московскими ведомостями» (№ 56, 69, 76, 79).

Щербатов, в свою очередь, также выступил с рядом программных публикаций, в которых развивал свою точку зрения на организацию мелкого кредита, отстаивая преимущества ссудо-сберегательных товариществ и указывая на залоговую форму обеспечения ссуд как на гарантию успешности и эффективности деятельности товариществ. При этом он, апеллируя к накопленному опыту российских и зарубежных кооперативов, обосновывал необходимость организации региональных кооперативных союзов и финансового центра кооперации в виде акционерного банка в Москве[33]. Щербатова поддержал член МОСХ Н.А.Милицын, опубликовавший в «Русских ведомостях» статью «Сельские ссудо-сберегательные товарищества» (1898. № 78, 81), в которой доказывал необоснованность обвинений в адрес товариществ, которые якобы служили интересам сельских богатеев и способствовали разложению деревни. Он вслед за Щербатовым призывал не искать «идеального устройства учреждений мелкого кредита», но приспосабливать уже существующие к требованиям практики и экономической целесообразности в соответствии с «Положением» 1895 г., стремясь придать им бóльшую организационную гибкость.

Еще одним пунктом разногласий было отношение к проблеме государственной поддержки кооперации. Сторонники и Щербатова, и Тарасова, расходясь в вопросах организационной формы мелкого кредита, в целом были единодушны в признании необхо-

димости государственного попечения о кредитной кооперации и надеялись с его помощью поставить дело народного кредита без изменения социально-правовых отношений в деревне. Однако позиция большинства деятелей Петербургского отделения Комитета (П.А.Соколовский, П.Н.Исаков, А.Г.Штанге и др.) была несколько иной. Они хотя и признавали необходимость государственной поддержки кооперации, но считали необходимым придать ей форму партнерства, а не опеки — стремились ориентировать кооперацию на собственные силы, на самодеятельность и самостоятельность и дальнейшее ее развитие связывали с консолидацией на местах кооперативных сил, с развитием всероссийских кооперативных объединений. Отмечая недостатки в постановке дела кооперативного кредита, П.А.Соколовский, в частности, указывал на нехватку опытных и честных лиц в руководстве товариществами, на дороговизну вкладов, а следовательно, и ссуд, на незнакомство большинства членов кооперативов с их целями. В массе своей, считал он, члены товариществ смотрели на кооператив «как на частную ссудную кассу», заботясь в лучшем случае только о собственной выгоде, иногда используя ссуды и в ростовщических целях, а часто даже просто пропивая их, не помышляя об идеалах взаимопомощи. Ни надзор земских начальников, ни ревизии по линии Министерства финансов не могли, по его мнению, существенно повлиять на злоупотребления правлений и советов, не говоря уже о соблюдении социальных и моральных принципов деятельности кооперативов. Поддержание чистоты кооперативных идеалов могли осуществлять, считал он, только кооперативные союзы[34].

И, наконец, в связи с проблемой создания союзов и центральных кооперативных органов возник вопрос о принципах кооперативного строительства, и прежде всего о соотношении демократизма и централизации — вопрос, который в дальнейшем долгие годы будет стоять перед российским кооперативным движением. Было очевидным, что в то время российская кооперация еще не достигла той степени органического развития, когда решение этой проблемы становится практически необходимым. Правда, первые попытки создания союзных объединений уже были предприняты, но они были все же единичными и маломасштабными. Тем не менее проект, разработанный Петербургским отделением и одобренный нижегородским съездом в 1896 г., предусматривал создание таких объединений. Главной задачей их было подталкивание кооперативного движения изнутри, опираясь на местные ресурсы.

Другой подход к решению этой задачи был предложен А.Г.Щербатовым. Являясь сторонником централизма как главного организационного принципа кооперативного строительства, он предлагал решить эту проблему путем внедрения жесткого принципа строительства кооперативной системы «сверху вниз». По его мнению, «правильная постановка дел» в финансовом центре должна, во-первых, привлечь к кооперативному движению внимание правительственных кругов и лучшие силы России; во-вторых,

обеспечить кооперативные учреждения необходимыми средствами и, в-третьих, послужить примером для организации деятельности кооперативов на местах, дав одновременно импульс для их количественного роста и качественного развития. Все эти вопросы были предметом острых обсуждений на совещаниях, состоявшихся в феврале—марте 1898 г.

Усугубляла ситуацию позиция правительства, которое, разрешив съезд, фактически отказалось от какой-либо материальной его поддержки. С.Ю.Витте не счел возможным субсидировать из казны расходы по его организации, сославшись, не без доли язвительности, на то, что кооперативные организации, по заявлениям их представителей, основываются на принципах самодеятельности и самопомощи. Не удалось организаторам выхлопотать у Министерства путей сообщения льготный проезд хотя бы для делегатов от крестьян. На обращение комиссии по организации съезда к земствам откликнулись весьма немногие. Более отзывчивыми оказались банки: по 200—300 руб. на нужды съезда пожертвовали Московский, Ярославский, Костромской, Нижегородско-Самарский земельные банки, Московские Международный торговый и Купеческий банки, Общество взаимного кредита Московского губернского земства. Удалось выхлопотать у гостиниц скидки в оплате номеров для малосостоятельных делегатов. Финансовые затруднения в дальнейшем сказались и на представительстве товариществ на съезде (далеко не все кооперативы смогли прислать своих представителей), и на публикации съездовских материалов. Отклонено было и ходатайство Щербатова о приглашении на форум представителей заинтересованных земских управ: министр земледелия и государственных имуществ А.С.Ермолов посчитал официальное участие в съезде земств «неудобным», т.к. «Положением об учреждениях мелкого кредита» 1895 г. управы «не уполномочены» на подобные мероприятия.

И тем не менее, несмотря на выявившиеся разногласия и материальные трудности, подготовка к съезду продолжалась. В частности, была создана комиссия для детальной проработки проекта предполагаемого банка. О значимости этого вопроса свидетельствует тот факт, что в комиссию вошли такие лица, как известный предприниматель Г.А.Крестовников, директор Московского Купеческого банка И.П.Щепкин и член его правления А.С.Пашкевич, представитель Государственного банка А.А.Беретти, профессора-экономисты А.И.Чупров, И.Т.Тарасов и др.

На съезд, проходивший 26—29 марта 1898 г. в залах Московской губернской земской управы и Земледельческой школы, прибыло, по подсчетам М.И.Дударева, около 350 участников. Присутствовали представители прессы, московской общественности, было немало заинтересованной публики, особенно студентов. Всего были представлены 236 кредитных кооперативов, т.е. около трети всех активно действовавших учреждений, в том числе 220 ссудо-сберегательных товариществ и 15 ссудо-сберегательных касс (главным образом из прибалтийских губерний, действовав-

ших на основе местного Феллинского устава 1869 г.), а также 85 членов МОСХ, Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах и его Петербургского отделения, приглашенные частные лица, почетные члены и представители ведомств[35]. Интересен сословный, социально-профессиональный и региональный состав кооперативов: около 200 сельских товариществ, по 4 ремесленных и рабочих заводских, 6 общегородских, остальные в разных пропорциях включали и городские, и сельское население. Из 161 делегата, давшего о себе сведения, 56 (т.е. $^1/_3$) принадлежали к крестьянскому сословию, 11 — к мещанам, 8 — к купцам и членам их семейств, 19 — к почетным гражданам. Весьма пестрым был и социальный состав участников: 4 землевладельца-разночинца, мастеровой, трактирщик, торговец, 12 чиновников, 2 отставных служащих, волостной писарь, 4 бухгалтера и счетовода, 4 казачьих унтер-офицера, землемер, раввин, адвокат, 5 врачей, 2 фельшера, 14 сельских и 2 городских учителя, 2 профессора, 4 члена земских управ, 37 дворян (в том числе 2 земских начальника, городской староста, 2 гвардейских обер-офицера, 1 офицер запаса, помещики и др.). Делегатов прислали 17 кооперативов Прибалтики, 2 — Польши, 17 — Литвы и Белоруссии, 13 — Бессарабии, 6 — Урала, 1 — Сибири, 16 — Среднего Поволжья, 14 — Нижнего Поволжья, Дона и Северного Кавказа, 6 — Закавказья, 9 — юго-западных губерний, 19 — северо-западных и северных. И, наконец, среди 264 делегатов были 143 распорядителя и члена правлений, 61 член поверочных советов, до 20 членов-учредителей, 10 попечителей и 9 наемных служащих, которые и представляли наиболее образованный, подготовленный и авторитетный слой местных кооперативных деятелей. Именно их участие придавало съезду деловой и конструктивный характер[36].

Состоялось 4 публичных заседания, посвященных общим вопросам кооперативного строительства и организации мелкого кредита, в том числе о союзах и центральном банке, и 4 частных — по вопросам внутреннего устройства и постановки дела в ссудо-сберегательных товариществах. Председательствовал на съезде А.Г.Щербатов, оказывавший большое влияние на формулирование вопросов, подведение итогов обсуждений и особенно на составление резолюций и ходатайств. Но часто определяющим было мнение именно представителей товариществ — практиков. Как отмечал обозреватель от Петербургского отделения, «съезд был не собранием случайных людей, а собранием лиц, связанных между собою общими интересами. Громадное большинство представителей были членами правлений и советов, пробывшими на этих должностях не менее трех лет, а следовательно, подготовленными к обсуждению намеченных вопросов... Но сознательное отношение к обсуждаемым вопросам особенно ярко выступало в тех случаях, когда то или другое предложение явно не соответствовало интересам товариществ»[37].

С докладом о кооперативных союзах выступил П.А.Соколовский. Он фактически повторил основные положения, изложенные

в проекте отделения, представленном еще в 1896 г. и одобренном нижегородским съездом, несколько развернув их и заострив спорные вопросы. Предлагалось объединение кооперативов всех видов и типов в однородные или смешанные союзы, а в перспективе — в общий Всероссийский союз. В основу объединения должны были быть положены коренные кооперативные принципы — добровольность и общность интересов; соответствие административно-территориальному делению признавалось желательным для облегчения контактов с земствами, но не обязательным. Целями союзов должны были стать налаживание постоянных деловых отношений между кооперативами, развитие совместной «общеполезной деятельности», поддержание «истинно-товарищеской» направленности работы кооперативов, чуждой получению «барышей», предпринимательской прибыли. Подчеркивалось, что союз — прежде всего совещательно-представительный орган взаимопомощи, взаимного контроля и взаимного обучения. Задачи союзов докладчик подразделял на «нравственные» и экономические. К первым он относил: 1) сбор сведений о деятельности кооперативов, совместное обсуждение их нужд, просветительно-пропагандистские мероприятия (организация музеев, выставок, библиотек и т.п.), издание периодических печатных органов; 2) содействие в выработке и утверждении уставов новых кооперативов, помощь в постановке их дел; 3) периодические ревизии входящих в союзы кооперативов (взаимные или с помощью совместного контрольного органа) для предотвращения злоупотреблений и ошибок. Эти меры, носившие в основном организационный и пропагандистский характер, должны были повысить интерес и доверие к кооперации. Экономические задачи союзов должны были состоять в осуществлении мер по привлечению свободных средств и удешевлению кредитов путем: а) привлечения оборотных средств на более выгодных условиях, что возможно будет после роста доверия населения к кооперации; б) облегчения условий для кредитования товариществ со стороны Госбанка, а также проектировавшегося центрального банка кредитных кооперативов, т.к. союзам легче добиться крупного займа и гарантировать таковой; в) создания постоянно действующих союзных касс для обеспечения перетекания свободных средств из товариществ, где их избыток, в товарищества, нуждающиеся в деньгах, а также для организации коллективного и взаимного страхования союзных товариществ и их членов при совместных закупочных, сбытовых и производственных операциях[38].

Помимо таких, по определению самого докладчика, «административно-ревизионных» союзов, съезду была предложена и модель союза с правами юридического лица — с собственным паевым капиталом, возможностями приема вкладов и самостоятельного ведения операций под круговое ручательство по союзным обязательствам (союзам первого типа отводилось только посредничество в операциях своих членов). Участники подобных союзов должны были поддерживать друг друга не только «нравственно» и организационно, но и материально. Такой союз явился неким по-

добием большого ссудо-сберегательного товарищества с коллективным членством: при сильном центральном органе входившие в союз товарищества превращались как бы в местные отделы союзной конторы. И, наконец, союзы могли собираться на всероссийские съезды, созыв и проведение которых возлагались на МОСХ и его комитеты — Московский и Петербургский. Последние могли выносить на обсуждение съездов актуальные вопросы и выполнять функции исполнительных органов.

Съезд в принципе одобрил идею организации союзов, подчеркнув их значение для встречного обмена опытом, расширения посреднических операций, взаимного пополнения свободной наличностью и пр. и связывая их учреждение с созданием Центрального банка мелкого кредита, который рассматривался в качестве центральной кассы союзов. Однако в выступлениях ряда представителей товариществ на съезде прозвучали как опасения чрезмерного вмешательства союзных органов в дела кооперативов, возможного стеснения их самостоятельности под предлогом установления единообразия и строгого следования уставу, так и сомнения в зрелости товариществ для союзного строительства, в их готовности к этому, особенно учитывая их большую разбросанность и финансовую маломощность. В ответ А.Г.Щербатов горячо убеждал представителей товариществ пойти «на некоторые жертвы относительно своей самостоятельности» во имя усиления коллективного руководства. Профессора А.И.Чупров и В.Г.Яроцкий, представитель Петербургского отделения А.Г.Штанге поддержали идею создания действенных и активных союзных объединений с правами юридических лиц, убеждая присутствовавших, что такие объединения будут безусловно полезны и для других видов кооперации (производственной, потребительской и т.п.). Они призвали участников съезда поддержать проект устава союзов и ходатайство кооперативной секции нижегородского съезда 1896 г. о его утверждении: пусть проект будет как можно более широк, практика сама выберет из него все пригодное! Главное, считали они, добиться права объединения кооперативов в союзы, даже если некоторые товарищества пока к этому не готовы. Против этого аргумента делегаты возражений не нашли, и идея союзного объединения была одобрена[39]. Что же касается проекта создания всероссийского центрального общекооперативного союза, который взял бы на себя представительские функции, то Щербатов, видимо опасаясь за свой проект центрального кооперативного банка и не желая выпускать из своих рук общее руководство кооперативным движением, уговорил делегатов отложить решение этого вопроса до следующего съезда.

В центре внимания съезда оказалась идея создания Центрального банка мелкого кредита. Потребность в кредитах была острейшая в связи со слабостью финансовой базы товариществ и сложившейся практикой кредитования их Госбанком. Последний формально мог предоставлять товариществам краткосрочные ссуды (до 9 месяцев), но условия получения их были весьма слож-

ны. Чтобы получить кредит, надо было предоставить банку множество подробнейших сведений о составе и деятельности кооператива (списки членов совета и правления; списки членов товарищества с указанием их имущественного положения и т.п.). Как свидетельствовал представитель Рижского товарищества, такие ведомости занимали до 50 листов и правление над их составлением работало 2 месяца.

А.Г.Щербатов и И.Э.Пашкевич предложили на суд делегатов проект устройства Центрального на паях банка для учреждений мелкого кредита, сославшись на опыт Нейвидского акционерного банка Германии. Съезд, признав единогласно насущную потребность в финансовом центре, внес в это предложение некоторые коррективы. Ряд участников, в том числе и один из содокладчиков по этому вопросу (И.Э.Пашкевич), высказались за привлечение к созданию банка кооперативов всех видов и их союзов, и эта точка зрения победила, что и было отражено в постановлении съезда. Правда, оно включало оговорку, что в случае ведомственного противодействия банк первоначально будет учрежден только для ссудо-сберегательных товариществ. Острые споры вызвало предложение допустить в качестве пайщиков банка частных лиц, но Щербатову удалось убедить делегатов в целесообразности этой меры. Более детальную проработку главных положений проекта съезд поручил особой комиссии из 25 членов во главе с П.А.Соколовским, и 25 марта принципиальные положения устава московского Центрального банка для содействия развитию операций кооперативных учреждений (ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, земледельческих и промышленных артелей и потребительских обществ) и их союзов были представлены.

Предполагалось открыть действия банка сразу же после утверждения устава правительством и вступления в него не менее 25 участников, внесших в основной капитал 25 тыс. руб. Не менее $^4/_5$ учредителей должны были составлять кооперативные учреждения. Паевые свидетельства предполагалось сделать именными, подлежащими переходу в другие руки лишь с разрешения правления банка. Причем 80% паев должны были принадлежать кооперативам, остальные могли быть и в руках частных лиц, но при условии допущения их к участию в собраниях тайным голосованием пайщиков. Предельный размер всех обязательств банка по срочным и бессрочным вкладам, по текущим счетам пайщиков и по займам не должен был превышать 10-кратного размера сумм его основного и запасного капиталов, так же как и открываемый кредит не должен был превышать 10-кратного размера паевого капитала заемщика. Право получать ссуды предоставлялось только пайщикам-кооперативам. Исключение делалось лишь для сельских обществ, которым предполагалось открывать кредит на основании мирских приговоров на общественные мелиоративные мероприятия, но не принимая их в число пайщиков. При приеме вкладов предпочтение также отдавалось кооперативам.

Банковские операции нового учреждения предполагались весьма обширными: они включали и ссуды под соло-векселя, и учет торговых векселей, и ссуды под залог ценных бумаг, транспортных квитанций; кроме того, банк должен был осуществлять посредничество при закупке необходимых для кооперативов товаров и сбыте продукции кооперативов, оказывать содействие образованию новых кооперативных учреждений и налаживанию в них делопроизводства и отчетности и организации единовременных и периодических ревизий и т.п. Дивиденды на паи не должны были превышать 5%. Управление банком возлагалось на правление, совет и общее собрание пайщиков, причем каждый участник независимо от числа паев располагал только одним голосом. На местах предусматривалось создать агентства банка, обязанности которых могли брать на себя правления кооперативных союзов, отдельные кооперативы или доверенные лица.

После бурного обсуждения представленных материалов решено было открыть неограниченный доступ частным лицам в учредители банка и в число его пайщиков (что диктовалось острой нехваткой средств), запретить участие частных банков и допустить в число пайщиков земские и городские общественные учреждения. Определив исходные принципиальные положения устройства банка, съезд поручил особой комиссии при МОСХ (А.Г.Щербатов, А.И.Чупров, И.Т.Тарасов, И.П.Горбунов, И.Э.Пашкевич, Н.А.Грушка) составить рабочий устав и разослать его для обсуждения всем кооперативам, земским и городским общественным учреждениям[40].

Таким образом, съезд пришел к заключению о необходимости устройства центрального общекооперативного банка с участием в нем кооперативов всех видов и типов, а также земских и городских учреждений, что значительно отличалось от первоначального варианта, предложенного МОСХ, рассчитанного на участие в проектируемом учреждении только ссудо-сберегательных товариществ. Попытки же облегчить условия получения кредитов из Госбанка — до открытия собственного — успеха не принесли. Выступавший на съезде А.А.Беретти указал, что только 15% кредитовавшихся в Госбанке ссудо-сберегательных товариществ были безупречны по обязательствам, безнадежный долг остальных достиг 270 тыс. руб. Поэтому банк открывал кредиты только тем учреждениям, в которых он был уверен, для чего и служила сложная система оформления заявок. Для остальных же заведений помощь кредитами будет, как считал представитель Госбанка, не только бесполезной, но и вредной. Государственный кредит и инспекторский надзор устанавливаются только для беспаевых товариществ, в которые ссудо-сберегательные товарищества могут при желании преобразоваться. Таким образом, Госбанк открыто отдавал предпочтение кредитным товариществам, хотя к тому времени их насчитывалось всего 7.

Материалы съезда свидетельствуют, что если при обсуждении вопросов объединения кооперативов, создания союзов и центральных органов ведущую роль играли представители МОСХ и его ко-

митетов, то в вопросах внутреннего устройства и деятельности товариществ активнее были кооператоры-практики. В частности, развернувшаяся на съезде дискуссия об условиях приема в члены товариществ и тесно связанной с этим проблеме как обеспечения ссуд, так и вообще сущности самих кооперативов, фактически продолжала споры 60—70-х гг. Ориентировавшиеся на крепкие крестьянские хозяйства сторонники князя Щербатова настаивали на имущественной состоятельности членов товариществ, на сугубо предпринимательской практике кооперативов как гарантии возврата ссуд и правильного ведения дел. Ряд делегатов поддержал предложение Щербатова принимать в члены товариществ только лиц, владевших имуществом стоимостью хотя бы на 25 руб. сверх не подлежащего продаже за долги (дом, надел, вещи личного пользования). «Прагматикам-материалистам» противостояли «идеалисты» народного кредита, главным образом из народнически настроенных интеллигентов — основателей товариществ, которые, часто впадая в другую крайность, выступали за кредитную помощь самым широким слоям деревни, поддерживая идею личного трудового беззалогового кредита, гарантированного прежде всего нравственными качествами заемщика и его трудоспособностью, трудолюбием. Соответственно, на первый план у них выступала идея самопомощи через взаимопомощь, самостоятельности и независимости товариществ, некоммерческого характера их деятельности. И важно отметить, что эта точка зрения победила на съезде с явным преимуществом: любые ограничения в приеме членов были признаны неприемлемыми. Представители товариществ отстаивали допуск в члены лиц всех сословий, имевших право распоряжаться имуществом, независимо от их семейного положения, тем более, что ограничение членства домохозяевами было неприемлемо для городских и фабрично-заводских кооперативов. Имущественный ценз был признан излишним, т.к. задача ссудо-сберегательных товариществ, по мнению большинства, должна состоять в обеспечении кредитом всех неимущих классов, каждый работоспособный член семьи должен иметь право на личный кредит. В итоге съезд постановил: предоставить полную свободу действий собраниям и правлениям товариществ относительно определения кредитоспособности своих членов.

Съезд высказался также против каких-либо унификаторских тенденций в вопросах управления товариществами, выплаты вознаграждений членам правлений, против регламентации и стеснений полномочий собраний, вытекавших из предложений Щербатова и его сторонников, считая, что кредитоспособность и правильное функционирование кооперативов больше зависит от соответствия устава своеобразию условий, чем от единообразия порядков. Для взыскания долгов с неисправных заемщиков было решено обратиться к правительству с ходатайством об усилении административного воздействия волостных властей и полиции по взысканию просроченных ссуд, о разрешении отдачи имущества должников в аренду для покрытия долгов за счет арендной платы или

использования для этих целей части пая и т.д. Стремление использовать фактор административного воздействия обусловливалось особенностями правового положения крестьян, их сословной обособленностью, выведением значительной части крестьянского имущества из-под ответственности, а также правовой ограниченностью товариществ. Не менее животрепещущим был также вопрос о переписке обязательств по ссудам. Ряд товариществ, особенно из благополучных, считали ее недопустимой и высказывались за безусловное ее запрещение — вплоть до исключения должников. Но большинство все же признало невозможным полное запрещение переписки срока возврата ссуд, особенно учитывая объективные обстоятельства и разорительные последствия обращения к ростовщикам. При этом многие делегаты считали переписку обязательств скрытой формой долгосрочных ссуд, необходимость которых была общепризнанной.

Материалы обсуждения этих острых проблем свидетельствуют не только о затруднительном экономическом положении деревни, правовой несостоятельности крестьян, но и о неподготовленности кооперативов к глубокому анализу причин неудач кооперативного движения, нежелании или опасении решать эти сложные задачи. Заявление одного из делегатов съезда о том, что никакие ссуды не улучшат крестьянского хозяйства, «если не устранить общих экономических и социальных причин, обусловливающих уровень благосостояния населения», не стало предметом обсуждения — то ли в силу запрета властей, то ли из-за недопонимания сути вопроса самими кооператорами. Представитель Нечипоровского товарищества Полтавской губернии П.П.Бохановский с горечью отметил, что общих причин неудач товариществ отрицать нельзя, но если съезд начнет обсуждать их, то опустится «в такую бездну, из которой трудно выбраться». В результате по итогам прений съезд постановил: допустить в экстренных случаях переписку ссуд, но при обязательной уплате процентов по ссуде и $^1/_{10}$ части долга; обязать правления и советы следить при выдаче кредитов за соответствием размера ссуды потребности, на которую она берется, запретить применение карательных мер за просрочку ссуд в виде пеней и увеличения процентов по кредиту, как «мер неэффективных и не соответствующих духу товарищеского кредита»; для обеспечения же возможных потерь рекомендовать образовывать страховые капиталы при товариществах и проектируемом Центральном банке[41].

И, наконец, рассматривая вопрос о возможном общественном содействии мелкому кредиту, съезд фактически имел в виду лишь земства. Присланные накануне открытия съезда отзывы земств на обращение его организаторов свидетельствовали, с одной стороны, о их сочувствии делу мелкого кредита, а с другой стороны, о непреодолимом еще сомнении и даже недоверии большинства земских деятелей к ссудо-сберегательным товариществам. Видимо, помня о переменчивости позиции земств в этом вопросе, большинство делегатов и не возлагали на них каких-то особых ожиданий. И действительно, из полученных в декабре 1897 г. — марте

1898 г. отзывов 74 земских управ (68 уездных и 6 губернских) из 32 губерний в 17-ти сообщалось об отсутствии в их деятельности проведения каких-либо мер по содействию мелкому кредиту; в 12-ти говорилось о том, что такие меры в связи с решением МОХС будут возобновлены после длительного перерыва. Остальные земства так или иначе уделяли внимание этой проблеме, но одни из них предпочитали помогать сословным крестьянским заведениям (волостным вспомогательным кассам, сельским банкам и т.п. учреждениям), работавшим на мирских капиталах и охватывавшим все крестьянство; другие решили оказывать содействие беспаевым кредитным товариществам, более отвечавшим, по их мнению, потребностям деревни; третьи, сочувственно относясь к народному кредиту, не имели ни опыта, ни средств; четвертые предпочитали развивать собственные кредитные операции, что впоследствии оформилось в учреждении земских касс мелкого кредита по положению 1904 г. Причем земства последней группы отдавали предпочтение не вообще личному кредиту, а прежде всего предметному, выдавая ссуды (иногда беспроцентные) на покупку скота, семян, орудий или продавая крестьянам эти товары из своих складов. Ссудо-сберегательные товарищества или не вызывали у большинства земств доверия, или считались учреждениями для зажиточных селян и торговцев, замкнувшимися «на нуждах только пайщиков» и не допускавшими какого-либо общественного контроля[42].

Исходя из этого делегаты весьма прохладно отнеслись к призывам организаторов съезда налаживать контакты с земствами и привлекать их к пропаганде кооперативного кредита. Но еще большее недоверие и даже протест кооператоров вызвало предложение одного из делегатов ходатайствовать перед МВД о предписании земским начальникам пропагандировать учреждения мелкого кредита. «Пусть лучше не мешают», — таково было мнение подавляющего большинства участников. Главным в пропаганде кооперативного кредита был признан собственный положительный опыт ссудо-сберегательных товариществ, практические достижения по доступности и удешевлению кредита, что лучше всех «проповедей и нотаций» поможет их популяризации. И все же съезд в итоге принял решения: 1) ходатайствовать перед МВД о том, чтобы местные власти оказывали содействие возникновению учреждений мелкого кредита; 2) издавать периодический орган по вопросам мелкого кредита и проводить исследования о положении товариществ; 3) обратиться к земствам с просьбой распространять всеми возможными средствами среди населения сведения о задачах и способах организации товариществ[43].

Завершился съезд заключительным обращением к делегатам профессора А.И.Чупрова, который от имени «политэкономической науки» приветствовал в их лице «творческие силы народа, осознавшего свои нужды и созидательную мощь общественного объединения». Не углубляясь в причины бедственного положения мелких производителей города и деревни и трудностей развития кооперативного кредита, он заявил, что видит знамения грядущих,

прогрессивных изменений прежде всего в постепенном освобождении крестьянского хозяйства от рутины и следования тупым традициям, в начавшемся его улучшении, распространении передовых технологий (многополья, травосеяния, улучшения обработки почвы, применения новых машин и орудий и т.п.), наблюдавшихся в ряде районов страны, в создании артелей, совершенствовании кредита, распространении народного просвещения. «Ваши товарищества, — провозгласил оратор под аплодисменты делегатов, — суть лишь ячейки для будущего развития, так сказать, лаборатория, откуда со временем вырастет зерно новой жизни в будущем». На такой оптимистической ноте съезд завершил свою работу, высказавшись за созыв очередного форума уже в следующем году. Но ждать этого события пришлось долгих десять лет.

Итоги первых кооперативных форумов и новые проблемы

Съезд отразил общее состояние российского кооперативного движения, выявил его слабости и попытался наметить пути их преодоления. Несомненно, ему удалось привлечь к кооперативным проблемам внимание и властей, и практиков-кооператоров, и общественности. Именно с этого времени правительственные сферы обращаются к опыту зарубежного кооперативного законодательства, ведомства, как мы видели, принимают ряд мер по оживлению и регулированию деятельности подведомственных им кооперативов. Кооперативная проблематика занимает заметное место в работе ряда правительственных комиссий и совещаний, на съезде агрономической помощи местному хозяйству 1901 г.

Агрономический съезд, состоявшийся 10—19 февраля 1901 г., в этом отношении представляет особый интерес. На нем, наряду с проблемами развития сельского хозяйства, обсуждались и вопросы о возможном вкладе кооперации в совокупности мер агрономической помощи населению, главным образом «трудовому крестьянству». В отличие от кооператоров, зачастую намеренно сглаживавших огрехи в деятельности кооперативов в интересах сохранения благоприятного общественного мнения, земские агрономы критиковали многочисленные случаи злоупотреблений, банкротств, просчетов в деятельности кооперативов, убеждали в необходимости внешней опеки над ними со стороны земств или создания последними собственных ассоциаций. «Ссудо-сберегательные товарищества "самозарождаться" без постороннего участия не могут. Их надо "насаждать"», — отмечал херсонский земский агроном А.М.Зиновьев. Его ярославский коллега И.М.Катаев выразился еще резче: «Крестьянское население настолько неразвито, что не может пользоваться кооперативами. История ссудо-сберегательных товариществ показала их нежизнеспособность. Организация кредита должна находиться в руках правительства и земства». В выступлениях участников съезда весьма четко выявилась тенденция

к установлению земской опеки над кооперативами, что впоследствии привело к конфликтной ситуации в их взаимоотношениях.

Отчетливо проявилась на съезде и разность в подходах кооперативных и земских деятелей к охвату кредитными кооперативами сельского населения. Земцы категорически высказывались в пользу беспаевых товариществ, которые могли бы обслуживать все слои деревни. Характерно в этом плане заявление известного земского деятеля Д.Н.Шипова: «Учреждения общего мелкого кредита имеют в виду преимущественно кредитоспособных членов, а земские учреждения должны иметь попечение о потребностях всей массы населения и противодействовать дифференциации в населении»[44]. А.Г.Щербатов и его сторонники, также принимавшие участие в работе съезда, пытались отстаивать свои взгляды на преимущества ссудо-сберегательных товариществ, но большинство участников отдало предпочтение беспаевым кредитным товариществам, высказываясь за установление с ними связей по линии земств.

Наконец, под непосредственным влиянием всероссийских съездов и под эгидой земств были проведены местные съезды представителей кредитных кооперативов, из которых наиболее представительными были пермский и псковский, организаторами которых являлись активные участники московского форума. Эти съезды немало способствовали консолидации местных кооперативных сил, формированию кадров кооператоров-организаторов (Т.М.Михайлов — Пермь, М.И.Невлинов и И.Г.Грозберг — Псков, Х.А.Барановский — Киев, П.П.Бохановский — Полтава и др.). Идеи и проекты, обсуждавшиеся на съездах (кооперативные союзы, центральный кооперативный банк, кооперативная печать и т.п.), теснее связали отечественное кооперативное движение с международным. Заметно выросло число публикаций по кооперативной проблематике.

Много усилий было приложено к созданию центрального периодического органа — прежде всего для учреждений мелкого кредита. Попытки Петербургского отделения добиться возобновления издания своего «Листка», прекратившего выходить с 1887 г., оказались безуспешными («Листок» выходил с 1831 г.; всего было издано 22 выпуска; редактор — В.И.Хитрово). Правда, продолжал выходить 1—2 раза в год журнал «Сообщения Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах», но для большинства даже кредитных кооперативов он был малодоступен. После московского съезда статьи по проблемам мелкого кредита и съездовские материалы, как и обещал Щербатов, стали публиковаться в «Сельскохозяйственном журнале», издававшемся МОСХ, в котором был заведен раздел, посвященный мелкому кредиту. Но в целом этот журнал, отражавший прежде всего интересы крупных помещичьих кругов, не стал и не мог стать кооперативным органом: от подписки на него отказались многие товарищества. В 1900 г. был основан новый печатный орган МОСХ — еженедельник «Вестник сельского хозяйства», в котором была специальная рубрика «Хроника учреждений

мелкого кредита». Здесь публиковались сообщения о деятельности отдельных кооперативов, о кооперативных съездах, освещались важные вопросы кооперативной теории и практики, как отечественной, так и зарубежной. В 1902 г. «Хроника» выделилась в специальное ежемесячное приложение к «Вестнику сельского хозяйства». Затем, в 1904 г., когда выпуск ее взял на себя А.А.Беретти, ставший к тому времени товарищем управляющего мелким кредитом, издание ее было перенесено из Москвы в Петербург, и еженедельник стал самостоятельным полугосударственным изданием, занявшим полемическую позицию по отношению к Петербургскому отделению Комитета. На его страницах пропагандировались кредитные товарищества, идеи государственного банка для нужд кооперации, отстаивалась необходимость государственного попечительства над кооперативами. Хотя «Вестник сельского хозяйства» продолжал публиковать материалы по проблемам мелкого кредита и кооперации вообще, идея создания общекооперативного органа оставалась пока нереализованной.

Нереализованными оставались и другие важные резолюции съезда. Причем руководство МОСХ сознательно вело линию на их пересмотр или корректировку, исходя из своих собственных представлений о путях их реализации. В частности, Щербатов, пытаясь реализовать идею создания финансового центра для кооперации, отходит от постановления съезда, выдвинув в качестве главного принципа деятельности банка не самопомощь и взаимопомощь кооперативов, а посредничество между кооперативами и Государственным банком, рассчитывая почти целиком и полностью на правительственные субсидии и лишь отчасти на помощь частных лиц и общественных учреждений. Так, для этих целей он рассчитывал заполучить средства (около 1,5 млн руб.), собранные в 1892 г. для помощи пострадавшим от неурожая и голода и переданные МВД для нужд мелкого кредита. Далее, стремясь ускорить создание проектируемого банка, МОСХ вернулось к идее создания финансового центра только для учреждений мелкого кредита, исключив участие в нем всех других видов ассоциаций. Компетенция банка существенно урезалась за счет исключения из нее учета векселей, совместного сбыта продукции кооперативов и закупок для них товаров и др. В таком виде проект банковского устава 24 апреля 1898 г. был принят МОСХ. Более того, стремясь сделать этот проект более приемлемым для Министерства финансов, Щербатов даже обратился к Витте с просьбой, чтобы чиновники министерства и Госбанка составили на его основе окончательный вариант устава. Витте отказался дать такое распоряжение, предложив представить готовый проект на рассмотрение министерства. И все же Щербатов испросил согласия министра на то, чтобы до официального представления устава он был проверен чиновниками кредитной канцелярии с целью «подведения его положений под требования кредитных учреждений»[45].

К концу 1898 г. устав был составлен, создан костяк учредителей банка, состоящий в основном из представителей руководства

МОСХ, действительных и почетных членов общества из числа крупных помещиков. Преобладание последних в составе учредителей имело мало общего с духом кооперативных учреждений, чьи интересы банк должен был представлять и защищать. В январе 1899 г. проект устава был опубликован в «Сельскохозяйственном вестнике» и послан на утверждение. Желая заручиться поддержкой московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, Щербатов направил ему пространное послание, в котором изложил свое представление о сущности кооперативного кредита, его роли в подъеме сельского хозяйства и о роли государства в этом начинании. Подчеркивая государственное значение правильно организованного кредита для мелких производителей и важность правительственных ассигнований в капитал проектируемого банка, он вместе с тем в очередной раз указывал на особую значимость в этом деле именно кооперативных кредитных учреждений, и прежде всего сельских ссудо-сберегательных товариществ, которые, в отличие от сословно-общественных учреждений, строятся на началах «личной предприимчивости и имущественной кредитоспособности заемщиков, а не на опеке над ними представителей крестьянской администрации», которая убивает предприимчивость и предпринимательство[46].

Вместе с тем еще в декабре 1898 г. были разосланы циркуляры-уведомления, в которых, наряду с выдержками из устава, содержались предложения правлениям товариществ известить организаторов о количестве паев, которые они могли бы приобрести, а также обращение к земским управам, предводителям дворянства, земским начальникам, губернаторам с просьбой содействовать привлечению пайщиков из сочувствующих делу мелкого кредита и распространению сведений о банке. Однако отклик был вялым. Ссудо-сберегательные товарищества обычно ссылались на финансовые трудности. К ноябрю 1899 г. было получено 204 ответа правлений: 46 отказались от участия в учреждении банка под различными предлогами, 9 не дали определенного ответа, 34 дали условное согласие, а 111 товариществ и 4 ссудо-сберегательные кассы (в основном южных и черноземных губерний и Курляндии) заявили о намерении подписаться на паи. Предводители дворянства и земские начальники в лучшем случае ограничивались заявлениями о сочувствии предприятию, представители земств были не удовлетворены многими положениями устава, прежде всего тем, что управы не могли приобретать паи и получать посреднические ссуды на нужды своих кредитных мероприятий. И все они отмечали недостаточность банковского капитала, удаленность его от кредитуемых учреждений, высокую стоимость пая и малый дивиденд. Готовность содействовать учреждению банка выразило 21 земство, более 20 оставили вопрос открытым и 8 высказались категорически против[47].

В мае 1899 г. проект устава банка обсуждался на совещании, созванном при Министерстве финансов, с участием представителей от МВД, Министерства земледелия и государственных иму-

ществ и МОСХ. Устройство банка было признано желательным. Хотя оставались разногласия по вопросу о районе его действия, устав банка был утвержден. Но средств для развертывания банковских операций катастрофически не хватало. Подавляющее большинство ссудо-сберегательных товариществ не смогло поддержать инициативу МОСХ. Урезанная по сравнению с намеченной съездом программа банка не вызвала ожидаемой поддержки земств, а сбытовые, производительные и потребительские кооперативы оказались отсеченными от участия в нем. Не удалось добиться и правительственных субсидий в основной капитал. В целом условия для создания единого кооперативного финансового центра, видимо, еще не созрели: оживление в кооперативном строительстве только-только намечалось, большинство кооперативов действовали изолированно друг от друга, а средства их были крайне скудны, правительственная поддержка недостаточна. И, наконец, в самом кооперативном движении, особенно в среде его руководства, все более отчетливо назревали противоречия и конфликты, обусловленные различиями в понимании сути и роли кооперации в социально-экономической, политической и культурной жизни страны.

В ходе работы состоявшихся в конце 1890-х — начале 1900-х гг. кооперативных, агрономических и сельскохозяйственных съездов выявились три основных подхода к вопросу о социальной ориентации и роли кооперации. Князь А.Г.Щербатов, вслед за князем А.И.Васильчиковым, ратовал со своими сторонниками за предпринимательскую ориентацию кооперативов в рамках формировавшегося буржуазного общества: кооперация, по его мнению, должна воспитывать в своих членах чувство рачительного хозяина, приобщать сельское население к товарно-денежным отношениям, облегчать переход массы крестьянства от натурального хозяйства к хозяйству, ориентированному на требования рынка, а вся деятельность ее должна соответствовать операциям ассоциации предпринимательского типа. Поэтому предполагалось кооперировать в первую очередь хозяев, способных вести самостоятельное хозяйство (с помощью членов семьи или даже наемных рабочих), но не пытаться поддерживать всех крестьян, особенно вырванных из полноценного хозяйственного процесса бедноту и сельскохозяйственный пролетариат.

Согласно другой, антикапиталистической по своей направленности точке зрения, отстаивавшейся также членом МОСХ профессором И.Т.Тарасовым и разделявшейся большинством земских деятелей, предназначение кооперации виделось прежде всего в оказании содействия малоимущим трудовым слоям населения в целях помощи лишенным средств производства, но не утратившим способности и желания работать, а также в предотвращении разорения средних слоев деревни сельской буржуазией и ростовщиками. В этом случае кооперация рассматривалась как своего рода институт социально-экономической реабилитации. Она должна была противодействовать разлагающему влиянию на традиционный крестьянский хозяйственно-бытовой уклад торгово-ростовщичес-

кого капитала, сдерживать или предотвращать капитализацию деревни или хотя бы смягчать ее последствия. Тем самым должны были сглаживаться классовые противоречия и сохраняться социальная стабильность. Этот подход, подобно известным деятелям мелкого кредита С.В.Бородаевскому и А.А.Беретти, поддерживался и многими чиновниками, опекавшими кооперацию и стремившимися превратить ее в полугосударственную структуру благотворительного толка.

Еще один подход к проблеме также отличала антикапиталистическая направленность, но кооперация при этом трактовалась не как сила, консервирующая традиционный полупатриархальный сельский уклад, но как подготовляющая почву для более высокоразвитого и совершенного по сравнению с капитализмом способа производства, основанного «на началах общественности». Такой взгляд на кооперацию и перспективы кооперативного движения высказал, в частности, в своем выступлении на всероссийском агрономическом съезде 1901 г. Н.В.Левитский, представитель Петербургского отделения Комитета, сторонник кооператиции с социалистической ориентацией. Ссылаясь на западноевропейский опыт и опираясь на высказывания К.Маркса, Ф.Энгельса, К.Каутского о сущности и перспективах капитализма, а из русских ученых — на наблюдения А.А.Исаева, изложенные в его труде «Начала политической экономии», он констатировал, что современная экономика стоит перед выбором: или «жалкое прозябание», кризисы, социальные потрясения, являющиеся неизбежными спутниками капитализма, или новый строй, основанный на всеобщей кооперизации общества, при котором кооперативные ассоциации всех видов и типов являются основой всей социально-экономической жизни страны. Ввиду того что «в сельском хозяйстве капитализм не создает необходимых экономических и психологических предварительных условий для будущей экономической организации», главной задачей оратор признавал «содействие великим организационным стремлениям, которые проявляет наше сельскохозяйственное кооперативное движение»[48]. Кооперативисты предлагали покрыть всю страну сетью кредитных, производственных, потребительских и т.п. кооперативов, которые бы в конечном счете мирно вытеснили капитализм и установили бы «царство кооперации». В какой-то мере продолжая традиции демократов-просветителей 60-х —70-х гг. (Добролюбова, Чернышевского и др.), сторонники этой ориентации пытались в новых условиях придать масштабность и глубину идее противопоставления кооперации капиталистическим отношениям. Однако в это время теория кооперативного социализма, вызревая под влиянием синтеза народнических, марксистских и западных социально-кооперативных воззрений, еще не получила какого-либо законченного оформления. Формировались только отдельные ее элементы, которые, в силу расплывчатости и нечеткости основных ее положений, могли и действительно стали фактором сплочения различных, главным образом народнических и неонароднических, направлений кооперативной мысли и коопе-

ративного строительства. Это обстоятельство стало причиной назревания в МОСХ и его комитетах напряженности в отношениях деятелей различной идейной и практической ориентации, что совпадало с нарастанием и углублением общеполитического кризиса в стране (или отражало данный процесс) и завершилось сменой руководства МОСХ.

Кооперация на переломе: предреволюционное десятилетие

Динамику развития кооперативного строительства в целом, и кредитной кооперации в частности, в это переходное во многих отношениях десятилетие во многом по-прежнему определяли ссудо-сберегательные товарищества. Впервые после длительного кризиса 80-х — середины 90-х гг. количество открывшихся заведений превысило число закрывшихся, выросло число членов, заметно увеличились суммарный паевой капитал, объем вкладов и займов, возросли обороты операций. По большинству этих показателей ссудо-сберегательные товарищества лидировали вплоть до середины 1900-х гг., а по финансовой мощи — до начала Первой мировой войны. Зато по количеству разрешенных в 1895—1904 гг. к открытию заведений пальма первенства уже с 1901 г. перешла к кредитным товариществам (635 против 460), что во многом обусловливалось тем предпочтением, которое оказывалось этому типу учреждений как властями, так и земствами[49]. В целом же только за 1900—1904 гг. общее количество кредитных кооперативов возросло с 724 до 1431, число членов в них — с 200 тыс. до 564,2 тыс., балансовые средства увеличились более чем вдвое — с 25,2 млн руб. до 57,3 млн, вдвое возросли объемы вкладов и займов, составив к 1 января 1905 г. 35,5 млн руб., и почти в 1,5 раза увеличилась сумма выданных ссуд, остаток которых составил 49 млн руб.[50] Преобладали количественно, естественно, сельские кооперативы, но наиболее сильными в финансовом отношении и по числу участников были заведения городов и местечек с самым разнообразным составом населения. В региональном плане наиболее представительными были кредитные кооперативы южных, юго-западных, прибалтийских и польских губерний. Не случайно именно там прежде всего возникла потребность в создании союзных объединений.

Как уже отмечалось, первый союз ссудо-сберегательных и кредитных товариществ возник в Бердянском уезде Таврической губернии. Инициатором выступило Андреевское товарищество, возникшее еще в 80-х гг., а к концу 90-х гг. имевшее уже более 3 тыс. членов и почти миллионный оборот. Основатель и организатор союза Е.А.Иванченко, анализируя причины возникновения объединения, писал: «Несмотря на развитие, товарищества в конце концов стали ощущать рознь в своих действиях, хотя, действуя по одним и тем же уставам, преследовали одну задачу. Неодинаковый размер взимаемых процентов по ссудам, разнохарак-

терные приемы в операциях зачастую порождали недоумение при встречах между собой членов из соседних товариществ. Сама администрация товариществ, будучи незнакома с делами своего соседа, нередко в ущерб своим и общим интересам создавала конкуренцию захватом вкладчиков с надбавкою на капиталы их процентов. Такого рода нежелательные явления не могли не натолкнуть стоящих во главе дела представителей товариществ к отысканию способа, могущего объединить интересы их»[51]. По инициативе Иванченко в 1896 г. представители четырех товариществ съехались на совещание и заключили соглашение, призывавшее участников к ведению «однообразных операций» и установлению предельного процента по вкладам. Соглашение носило добровольный характер и не было обязательным, а потому часто нарушалось. На помощь инициаторам пришел А.А.Беретти, в то время служивший в местной конторе Государственного банка. Под его руководством был выработан устав союза. В 1898 г. в Мелитополе состоялось еще одно совещание представителей заинтересованных товариществ (Андреевского, Берестоватского, Николаевского и Черниговского), которые после некоторой доработки подписали проект устава и отправили его на утверждение. Через 3 года, 7 мая 1901 г., наконец-то устав был утвержден Комитетом министров, но в «урезанном» виде: союз был лишен права приема вкладов и заключения займов, в том числе и права кредитоваться в Государственном банке. Уполномоченные товариществ собрались 8 ноября 1901 г.: был выбран совет — председатель Е.А.Иванченко (Андреевское товарищество), А.П.Дмитровский (Черниговское товарищество) и П.А.Харченко (Берестоватское товарищество), определено его местонахождение — с. Андреевское — и время открытия действий союза — 2 января 1902 г. Правительство фактически лишило объединение всех прав юридического лица, существенно ограничив его полномочия. Но зато теперь разрешено было утверждать союзы Министерству финансов, которое должно было в этих случаях руководствоваться бердянским уставом как образцовым. Особых последствий принятия этого акта в рассматриваемый период не было. По инициативе правления Терпеньевского товарищества Мелитопольского уезда был создан еще один союз кредитных кооперативов, разрешенный в 1902 г. В 1904 г. был утвержден устав Суджженского союза Курской губернии, но фактически это объединение так и не смогло открыть свои действия. Попытки же создать подобные союзы, предпринятые в Полоцке и Кубанской области, успеха не имели: власти отвергли ходатайства как «несвоевременные».

Судя по статистике, публиковавшейся Петербургским отделением, основания для такого заключения у властей имелись. Большинство кредитных кооперативов были еще явно маломощны, действия их встречали немало препятствий как объективного, так и субъективного порядка. В 1902—1903 гг. совет МОСХ по инициативе А.Г.Щербатова, принимавшего участие в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, провел несколько анкетных опросов ссудо-сберегательных товари-

ществ, земств, правительственных агрономов, известных сельских хозяев на предмет выявления состояния и роли — в настоящем и в перспективе — кредитных кооперативов. Были получены ответы от 123 товариществ 40 губерний и областей, в том числе Польши, Сибири, Кавказа, которые были обработаны и опубликованы в «Сборнике ответов от правлений ссудо-сберегательных товариществ» (М., 1902). Материалы опроса показали, что перед кредитной кооперацией стояли все те же проблемы, что и накануне всероссийского съезда 1898 г. Опять общим было убеждение в необходимости для развития деревни мелкого кредита, вновь перечислялись факторы, препятствовавшие его повсеместному распространению: темнота и необразованность населения, настороженно-враждебное отношение местной администрации к кооперации, недостаток оборотных средств и невозможность получать кредиты у Государственного банка, сложности с обеспечением ссуд и возврата долгов заемщиками и т.п. Ряд респондентов высказался за более внимательное отношение к насаждению кредитных товариществ, которые были доступнее для сельского населения и находились под контролем и надзором Госбанка. Другие отдавали предпочтение ссудо-сберегательным товариществам, как учреждениям, где каждый член мог чувствовать себя хозяином, заинтересованным в делах кооператива, независимым от чиновничьей опеки. Правда, при этом признавалось, что они могут успешно действовать в районах с достаточно развитым в экономическом, культурном и нравственном отношениях населением, где имеются лица, способные организовать дела товариществ, обладающие «сознанием важности долга» и «любовью к народу темному, грубому, неблагодарному, но нуждающемуся в сочувствии и помощи». И опять-таки главное внимание обращалось не на ликвидацию сословной обособленности крестьянства, его малоземелья, а на народное просвещение, на помощь администрации и просвещенных лиц и, видимо как на последнее средство, — устройство кооперативных союзов, собственного финансового центра, проведение съездов, объединяющих местные кооперативные силы. При этом, как подчеркивал еще М.Л.Хейсин, хотя ответы ссудо-сберегательных товариществ свидетельствовали о незрелости кооператоров, которые «не ставили вопрос в широком масштабе, больше копались в частностях, однако и они не могли не обратить внимание на многие общие условия, мешавшие их развитию»[52].

В предисловии к сборнику А.Г.Щербатов обратил внимание на наметившуюся среди ссудо-сберегательных товариществ тенденцию к перерастанию их в «сельскохозяйственные союзы», т.е. в объединения более универсального характера, совмещающие кредитные, посредническо-сбытовые, закупочные и даже агрикультурные операции. В какой-то мере эта тенденция нашла отражение в новом положении о мелком кредите 7 июня 1904 г. Но даже князю, с его авторитетом и влиянием, не удалось добиться разрешения на учреждение союза ссудо-сберегательных товариществ в Рузском уезде Московской губернии, бывшем объектом пристальн-

ного внимания МОСХ как полигон по практическому применению идеи усовершенствования кооперативного кредита.

Между тем сами кредитные кооперативы все более последовательно предпринимают меры по защите от наплыва в свои ряды малосостоятельных и некредитоспособных претендентов, исключают злостных должников. В ссудо-сберегательных товариществах процент отсева из желающих стать их членами увеличился с 30% в 1896 г. до 54% в 1902 г., за это же время процент вышедших по собственному желанию увеличился с 51% до 62%. В результате этих мер среди вышедших из кооперативов процент исключенных из товариществ несколько уменьшился — с 49 до 36%. Та же картина наблюдалась и в кредитных товариществах: за 1898—1902 гг. по собственному желанию вышли 39% членов, за неуплату ссуды исключены 17,1%[53].

Что касается ссуд, то в среднем размер большинства их был весьма невысок. В ссудо-сберегательных товариществах в среднем на 1 члена в 1896 г. приходилось 75 руб., в 1900 г. — 99 руб., затем произошел некоторый спад: в 1902 г. средний размер ссуды составил 87 руб., однако уже в следующем году он незначительно, но увеличился. В кредитных товариществах положение было заметно хуже: средний размер ссуды в 1900 г. не превышал 45 руб., в 1902 г. он несколько вырос — до 48 руб., но к 1904 г. упал до 28 руб. Последнее обстоятельство в какой-то мере объясняется усложнением общих условий в стране и быстрым ростом участников в результате усиленного насаждения подобного рода заведений. Ввиду небольшого размера кредита деньги использовались главным образом на хозяйственные потребности первейшей необходимости: покупку рабочего и продуктивного скота, простейших земледельческих и кустарно-ремесленных орудий, аренду и покупку земли, ведение торговых операций и т.п. Как отмечали наблюдатели и исследователи, на улучшение хозяйств ссуды использовались мало, значительная их часть расходовалась непроизводительно[54].

В среде потребительской кооперации некоторое оживление наблюдалось в 1892 г., когда, видимо под влиянием катастрофических последствий неурожая, число разрешенных обществ более чем утроилось. Но затем ситуация стабилизировалась: вплоть до 1898 г. в среднем ежегодно возникало 50—60 новых обществ. Как бы то ни было, за 6 лет их число (332) оказалось больше, чем за предыдущие 27 лет (277). Следующая волна учредительства приходится на период 1898—1904 гг., когда возникновение новых обществ шло по нарастающей (1898 г. — 92, 1900 г. — 106, 1902 г. — 183, 1904 г. — 202) и общая численность их (998) втрое превысила предыдущий показатель. Правда, не все учрежденные общества реально функционировали. Всего же к 1 января 1905 г., по подсчетам М.Л.Хейсина, существовало 951 общество с числом членов около 350 тыс.[55] Меняется и состав кооперации в плане организационных форм. Если еще в середине 90-х гг. первое место занимали всесословные городские общества, за ними шли сель-

ские, фабрично-заводские и железнодорожные, то теперь первенство переходит к сельских обществам, составлявшим 60% всех вновь открывавшихся заведений, городские общества отходят на второй план, а фабрично-заводские, несмотря на абсолютный прирост, составляют всего $^{1}/_{10}$ всех новых обществ[56].

Среди факторов, благотворно повлиявших на динамику развития потребительской кооперации, несомненно, следует отметить некоторые сдвиги в правительственной политике. Принятие «нормального» устава потребительного общества (13 мая 1897 г.) значительно облегчило для кооператоров разработку собственных уставов, передача утверждения обществ из Министерства внутренних дел губернаторам несколько облегчила и упростила эту процедуру. Сыграло свою роль и то, что наметилась волна общественного подъема, захватившая и кооперативную общественность. После нижегородского Торгово-промышленного съезда 1896 г., обратившего внимание на нужды кооперации, возникли два объединяющих и координирующих центра потребительных обществ. При Петербургском отделении создается Постоянная комиссия по делам потребительных обществ, которая уже 7 января 1897 г. провела под председательством П.Н.Исакова свое первое заседание. Была принята программа основных действий комиссии, которая включала такие пункты, как издание собственного периодического органа, сбор и публикация статистических сведений и отчетов о деятельности обществ, осуществление ревизий и контроля за деятельностью объединений, разработка правил и форм делопроизводства и отчетности, решение проблем кредита, страхования, совместных закупок товаров, составление справочных материалов о фирмах и других источниках приобретения товаров для нужд обществ и т.п. Свою деятельность комиссия начала с опроса действующих обществ, которым были разосланы анкеты. На основании полученных ответов Н.А.Рейтлингер составил и опубликовал «Обзор и положение потребительных обществ в России» (СПб., [1898]) — издание, послужившее ценным материалом для анализа тенденции развития потребительской кооперации. Комиссия — ее деятельным секретарем был И.Ф.Жеребятьев — в дальнейшем ежегодно публиковала своды статистических данных об обществах, последовательно выполняла возложенные на нее обязанности по составлению различного рода методических и инструкторских материалов; по ее инициативе и при ее содействии было возбуждено несколько ходатайств о нуждах потребительской кооперации, опубликован ряд книг, брошюр и статей, в том числе работы таких известных кооперативных деятелей, много сделавших для ознакомления общественности с успехами отечественной и зарубежной кооперации, как И.Х.Озеров, В.Ф.Тотомианц. В 1904 г. комиссия была реорганизована в специальный отдел.

Другим таким центром стал Московский союз потребительных обществ (МСПО), также возникший под влиянием решений нижегородского съезда. Напомним, что осенью 1896 г. правление московского общества «Взаимная польза» выступило инициатором

созыва совещания представителей ряда потребительских кооперативов, чтобы обсудить вопрос о формах сотрудничества в закупке необходимых товаров. Идея создания объединения была одобрена, и 25 апреля 1897 г. ходатайство об утверждении устава союза было подано от имени 18 обществ. Устав был утвержден 16 июня 1898 г., и уже 23 октября состоялось первое собрание уполномоченных под председательством И.Х.Озерова. Главными деятелями союза были полковник И.П.Гибнер, представлявший офицерское общество Московского военного округа, С.А.Каблуков и В.Н.Анофриев. В отличие от союзов кредитных кооперативов, районы деятельности которых строго ограничивались рамками административных делений уездного масштаба, МСПО с самого начала носил характер всероссийского объединения. К 1905 г. он имел в своем составе 133 общества, разбросанные по всей России. Наибольшее их количество было в Московской (15) и Пермской (7) губерниях, а в остальных губерниях насчитывалось от 1 до 5 обществ. Таким образом, если комиссия, а затем отдел по делам потребительных обществ Петербургского отделения избирались членами отделения и деятельность их носила в значительной мере представительский, пропагандистский, организационно-инструктивный и информационно-справочный характер, то МСПО был центром самих кооперативов с уклоном в повседневную практику. Тем не менее оба центра работали в тесном контакте, причем именно МСПО с 1903 г. начал издавать кооперативный журнал «Союз потребителей», расходившийся в эти годы в количестве 500 экземпляров и ставший идейным центром потребительской кооперации.

По инициативе Постоянной комиссии при Петербургском отделении в марте 1897 г. была предпринята попытка создать единый закупочный центр петербургских потребительных обществ. Там также состоялось совещание представителей обществ, в ходе которого был выработан устав Кооперативного общества оптовых операций. В 1898 г. устав был представлен на утверждение, которое последовало 7 января 1900 г. Но общество, в котором к началу 1905 г. формально числилось 15 потребительских кооперативов, фактически так и не смогло развернуть своих операций, т.к. собранный к тому времени капитал не достиг уставной суммы.

Внутреннее положение большинства обществ было далеко не блестящим. Остро чувствовалась нехватка средств, особенно в сельских кооперативах. Больше всего удручали идеологов и теоретиков кооперации высокие проценты на паи и малые отчисления из прибылей на «общеполезные цели», что не соответствовало рочдельским принципам и их представлениям о кооперативном идеале. Вместе с тем уже отчетливо прослеживалась тенденция к обзаведению потребительских обществ собственными производительными предприятиями. В 1897 г. из 100 обследованных обществ 24 имели при себе 32 таких предприятия[57].

С начала 1900-х гг. внимание МОСХ привлекли сельскохозяйственные товарищества и общества малого района действия, кото-

рые А.Г.Щербатов намеревался использовать в первую очередь для содействия агрикультурному и агротехническому подъему сельского хозяйства, противопоставив их в какой-то мере «академическому» направлению деятельности Петербургского отделения и рассчитывая привлечь в них массу сельских хозяев разного достатка и положения. По характеру своей деятельности, определенному «нормальными» уставами 1897 и 1898 гг., эти ассоциации мало чем отличались друг от друга. Более того, нередко сельскохозяйственные общества, чтобы избежать волокиты с оформлением различного рода посреднических заведений, принимали форму товариществ. Последние же с целью избежать введения повышенного размера паев, что препятствовало привлечению широкого круга участников, использовали уставы обществ. И те, и другие по форме и характеру деятельности отступали от кооперативных принципов. Но, учитывая, что они находились в непосредственной близости к населению и могли через распространение улучшенной техники, агрикультуры, через кредит и различного рода посреднические операции оказывать влияние на развитие хозяйств своих членов, даже теоретики кооперации относились к этому снисходительно, считая данные организации переходной формой к кооперативным учреждениям.

Первые ассоциации такого рода появились где-то на рубеже 1890—1900 гг. Уже на съезде деятелей агрономической помощи сельскому хозяйству 1901 г. в докладе И.В.Шумкова приведены были сведения о первых 15 сельскохозяйственных обществах малого района, возникших в 1900 г. в Самарской губернии на основе «нормального» устава. Число членов в них насчитывалось от 30 до 200 человек, членский взнос колебался от 1,5 до 5 руб. Среди участников преобладали крестьяне, но учредителями и руководителями выступали главным образом местные землевладельцы, управляющие имениями, земские начальники, священники, реже — зажиточные крестьяне. Деятельность обществ состояла в основном в учреждении складов земледельческих орудий, через которые шла продажа их своим членам по «умеренным ценам». Среди продававшихся изделий были и простые орудия (вилы, лопаты, топоры, косы и т.п.), и достаточно сложные и дорогие машины (конные косилки, грабли, жнейки, сноповязалки и т.д.). Получали их общества на комиссию из губернской земской управы, а также с казенного Воткинского и ряда частных заводов и фирм, которые отпускали им товары со скидкой (на 15—32 руб. против розничной цены) и даже в кредит. Ряд обществ обзавелись собственными лавками на местных базарах для продажи различных изделий, устраивали на свои средства учебные слесарно-кузнечно-столярные мастерские, организовывали сельскохозяйственные выставки, собиравшие немало посетителей, устраивали случные пункты для разведения улучшенных пород скота. Шесть обществ возбудили ходатайства об аренде казенных земельных участков, предполагая на небольшой их части устроить опытные поля, а на остальной вести товарищеское улучшенное хозяйство с тра-

восеянием, рядовыми посевами хлебов при улучшенной обработке почвы. Все это требовало, естественно, дополнительных средств, которые не могли покрыть членские взносы, единовременные казенные ассигнования и ссуды земств и частных лиц. Общества намеревались открыть собственные кредитные товарищества, хотя в деревнях уже действовали кредитные кооперативы с суммарным оборотом в 300 тыс. руб. Как отмечалось в докладе, общества, в связи с разносторонними нуждами деревни, обречены быть универсальными учреждениями и им крайне сложно специализироваться[58].

Эту картину дополняют полученные МОСХ отчеты обществ за 1902 г. Наиболее интересны сведения о деятельности Алексеевского сельскохозяйственного общества Бузулукского уезда, возникшего в 1900 г. по инициативе купца П.Д.Кузьмина, выходца из крестьян. За два года численность участников возросла с 52 членов-учредителей до 150 человек. Задачи общества, определенные «нормальным» уставом, были конкретизированы в соответствии с интересами его участников: 1) добиваться улучшения технической обработки земли посредством распространения сельскохозяйственных машин и орудий; 2) регулировать колебания хлебных цен в течение всего года; 3) создавать хлебные запасы на случай неурожаев; 4) приискивать зимние заработки для крестьян; 5) обеспечивать беднейших членов общества семенами в неурожайные годы и т.д. С этой целью общество устроило склад земледельческих орудий, продавая их по льготным ценам, арендовало у казны участок в 264 дес. Для опытного хозяйства, которое велось на паевых началах (600 паев по 5 руб.), при обществе было учредено кредитное товарищество, в которое вошли по преимуществу беднейшие хозяева, был выхлопотан кредит в 10 тыс. руб. для ведения посреднической операции под залог хлеба участников[59].

Другое общество того же уезда — Барабановское, возникшее в том же 1900 г. по инициативе местного землевладельца Г.Г.Штехера, главной задачей поставило распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий, для чего также организовало склад и продало за два года плугов на 25 тыс. руб. В результате, как отмечалось в одном из отчетов общества, редкий хозяин в районе действий общества не имел плуга. Было учреждено с помощью казны кредитное товарищество. Попытки же распространить новые приемы хозяйствования с введением травосеяния успеха не имели — по причине как новизны дела, так и, главное, «затруднений, возникавших от общинного владения землей». Не пользовались успехом и бесплатные случные пункты для скота, хотя МЗиГИ выделило для этой цели племенных производителей: крестьяне не охотно пользовались ими главным образом из-за их отдаленности от деревни[60].

Наконец, Ивантеевское сельскохозяйственное общество Николаевского уезда также возникло в 1900 г. по инициативе местного крестьянина И.А.Антропова при 12 членах-учредителях. Через год в обществе было уже 40 участников. Общество арендовало казен-

ный участок в 800 дес., открыло потребительскую лавку, в результате деятельности которой местные торговцы вынуждены были понизить цены на товары[61].

На первых порах руководители обществ нередко допускали и ошибки. Так, Старобуяновское общество, установив на изделия, продававшиеся из собственного склада, наценку выше оптовых цен в 20% (чтобы получить прибыль и сделать скидку своим членам в 10%), вскоре ощутило затруднения в сбыте товаров и вынуждено было снизить цены. То же самое произошло с потребительской лавкой. В результате цены в ней также были снижены, что благотворно сказалось на торговых операциях, а местные лавочники, даже в ряде соседних деревень, вынуждены были удешевить свои товары[62].

Вместе с тем в докладе И.В.Шумкова на агрономическом съезде отмечалось, что многие уездные сельскохозяйственные общества, считавшиеся филиалами МОСХ, существуют только на бумаге. Этот факт был крайне неприятен А.Г.Щербатову, который решил активизировать деятельность МОСХ в этом направлении. Еще в 1900 г. со страниц «Вестника сельского хозяйства» (№ 47. С. 14—15) обществам малого района действия предлагалось взять на себя функции содействия организации и контролирования учреждения мелкого кредита. Затем князь сам посодействовал учреждению общества в с. Васильевском Рузского уезда, рядом со своим родовым имением. Вскоре сельскохозяйственные общества возникли еще в двух селах того же уезда, затем во Владимирской, Воронежской, Нижегородской губерниях — как правило, вблизи имений князя или его коллег по МОСХ. Затем местным отделением МОСХ были учреждены 4 общества в Донской области. По данным М.Л.Хейсина, на 1 января 1902 г. было 137, а к 1904 г. насчитывалось уже около 700 таких объединений[63].

Новые ассоциации, хотя и насаждавшиеся в значительной мере «сверху», становились заметным явлением в жизни российской деревни. В феврале 1903 г. группа самарских общественных деятелей — членов МОСХ (В.Д.Протопопов, П.Л.Кузьмин, П.Н.Тишинский, И.М.Лисовский) предложила учредить при МОСХ в дополнение к существовавшему известному Комитету о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах еще и специальный Комитет о сельскохозяйственных обществах малого района действия и кредитных товариществах. Проект почти полностью копировал структуру и функции старого Комитета, вплоть до права учреждения местных филиалов, первый из которых и предлагалось открыть именно в Самаре.

Идея понравилась Щербатову, и он 8 октября 1902 г. обратился с циркулярным письмом к правлениям ссудо-сберегательных товариществ и сельскохозяйственных обществ с предложением высказать свое мнение о «значении этих учреждений в деле улучшения сельского хозяйства и сбыта сельскохозяйственных продуктов». Затем 13 ноября он делает специальный доклад на заседании Петербургского отделения: общества признавались одним из наи-

более действенных средств увеличения производительности сельского хозяйства. Эти заведения должны были служить проводниками земских и правительственных мер, а их деятельность должна была способствовать повышению интереса местного населения к улучшению хозяйств, к его интенсификации, к совместным производственным и сбытовым операциям и т.п., что отчасти должно было снять трудноразрешимый вопрос о малоземелье. Наконец, 29 ноября 1903 г. при МОСХ состоялось совещание представителей сельскохозяйственных обществ малого района действия. Для рассмотрения вопросов, поднятых на нем, по постановлению общего собрания МОСХ от 5 марта 1904 г. была создана специальная комиссия, которая должна была заниматься проблемами обществ до утверждения МЗиГИ программы специального Комитета о мелкорайонных обществах[64]. Но деятельность МОСХ в этом направлении так и не развернулась.

Из сельскохозяйственных товариществ в рассматриваемое время после длительного перерыва начали возрождаться артели по сбыту и переработке молока. Вскоре после своего появления в 60—70-х гг. они начали хиреть и уступили свои позиции предпринимательским маслодельным и сыроваренным заводам. С середины 90-х гг. началось их постепенное возрождение. На этот раз очагом их распространения стала Западная Сибирь — Тобольская и Тюменьская губернии. Здесь маслодельные заводы появляются с середины 80-х гг. Это были частные предпринимательские заведения. Роль их в развитии отрасли, в появлении артельных заведений неоднозначна. С одной стороны, они способствовали технической модернизации отрасли, улучшению культуры и технологии производства масла, оказывали благотворное влияние на развитие крестьянского хозяйства, его специализацию, улучшение агрикультуры, внедрение травосеяния и улучшенных пород скота, способствовали преодолению недоверия крестьян к новому делу. Но с другой стороны, предприниматели широко использовали торговоростовщические приемы эксплуатации окрестного населения, занижая цены на сдававшееся крестьянами молоко, отпуская за сданное молоко товары из своих лавок и т.п. Особенно стремительно маслодельное производство здесь стало развиваться с открытием железнодорожного сообщения. В 1902 г. в Западной Сибири насчитывалось 2035 маслодельных, в основном частных, заводов, продукция которых скупалась отечественными и зарубежными фирмами[65].

Насаждение артельных маслодельных заводов началось в середине 90-х гг. с попыток инструктора молочного дела от Департамента земледелия МЗиГИ В.Ф.Сокульского организовать крестьянские артели в Ялуторском и Курганском уездах Тобольской губернии. Преодолев настороженное отношение крестьян, ему удалось в 1896 г. организовать маслодельную артель в д. Киселевой, в следующем году возникло еще 7 артельных заводов. Инициаторам самим пришлось разрабатывать уставы первых артелей. В этом Сокульскому помогали губернский агроном Н.Л.Скалозубов и чи-

новник И.И.Ионников. Согласно уставу, артели создавались с целью улучшения выработки и выгодного сбыта масла и других молочных продуктов, произведенных ее членами, для содействия улучшению и поднятию других отраслей сельского хозяйства, связанных с маслоделием, и для удовлетворения культурно-просветительных нужд и духовных потребностей артельщиков. Возникали они по устному или письменному договору, которые удостоверялись волостным правлением. Артельщики вносили пай и обязывались сдавать молоко только на свой завод. Выход из артели был возможен только при отсутствии долга, права же на членство в артели передавались по наследству. Артельными делами управлял староста и выборный совет. Помимо паевого капитала, артель располагала средствами, выделявшимися ведомством, на которые закупалось оборудование (сепараторы) и нанимался технический персонал. Техническое состояние заводов находилось под наблюдением местного правительственного инструктора. Более того, на первых порах местная администрация даже пыталась полностью отстранить артельщиков от сбыта их продукции[66]. Артельным заводам пришлось выдерживать и жесткую конкурентную борьбу с владельцами частных заводов, которые наряду с экономическими методами использовали и поджоги, и уничтожение документации, и запугивание поставщиков молока. Ситуация несколько улучшилась с принятием «нормального» устава сельскохозяйственного товарищества. В 1901 г. насчитывалось уже 52 артельных завода.

Инструкторская организация, руководимая Сокульским, не успевала оказывать артелям необходимую техническую помощь. После длительных переговоров на правительственном уровне в 1902 г. была учреждена Организация по устройству кооперативных заводов, руководство которой было поручено председателю Курганского отдела МОСХ А.Н.Балакшину. В течение 5 лет МЗиГИ выделяло ей по 7 тыс. руб. ежегодно для помощи артельным заводам. Организация должна была осуществлять наблюдение за постройкой заводов, оборудованием их необходимой техникой, постановкой отчетности и делопроизводства. В первый же год своей деятельности Организация создала 34 маслодельных артели, в 1904 г. их насчитывалось уже более 70[67]. Постепенно начали возрождаться подобные артели и в губерниях Европейской России, но вплоть до конца рассматриваемого периода это были единичные случаи.

Таким образом, в целом за десятилетие 1895—1904 гг. российская кооперация в количественном отношении не сделала сколько-нибудь существенного скачка, по-прежнему отставая по всем параметрам (численности, плотности размещения, финансово-материальной базе и т.п.) от кооперации западно-европейских стран. Но в то же время в кооперативном строительстве за эти годы происходят важные качественные сдвиги, обусловленные как постепенным углублением и расширением товарно-денежных отношений, так и некоторым совершенствованием законодательной и

нормативной базы, что имело следствием определенный рост численности кооперативных ассоциаций, а главное — существенное разнообразие их видов и форм (кредитные товарищества, земские кассы мелкого кредита, мелкорайонные сельскохозяйственные общества, промысловые товарищества и артели, союзы кредитных и потребительских кооперативов). Несколько меняется и отношение к кооперативному движению властных структур и общественности, что было продемонстрировано в работе Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и его местных комитетов. В ходе анкетных опросов как кооперативов, так и земских и городских органов самоуправления, проведенных МОСХ, несмотря на выявившиеся разногласия, касавшиеся в основном приоритетности тех или иных форм кооперативных учреждений, определилось позитивное в целом отношение к кооперации и ее роли в местном «благоустройстве», более очевидными стали и трудности в организации и деятельности кооперативов. Однако ответы кооператоров в массе своей не поподнимали общие социально-экономические и правовые проблемы, тормозившие развитие кооперативного движения, хотя в выступлениях отдельных их представителей на различных форумах уже были попытки затронуть эти вопросы.

Нараставшее в эти годы оппозиционное возбуждение в российском обществе сказалось прежде всего на МОСХ и его комитетах. На первых порах оно было направлено против его председателя, А.Г.Щербатова, его централизаторских, авторитарных устремлений и выливалось в борьбу за либерализацию и демократизацию руководства. Почувствовав нарастающее недовольство, князь постепенно свертывает деятельность Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах и проводит свою программу через сторонников в Совете МОСХ. Чтобы противостоять такому образу действий, представители «оппозиции» повели борьбу за привлечение в члены МОСХ новых членов либерально-демократической ориентации. В результате выборов 1902—1903 гг. среди его членов оказались и некоторые видные деятели, причастные к освободительному движению. 4 января 1904 г. в Москве состоялся учредительный съезд «Союза освобождения», а 23 января на общем собрании МОСХ в его члены оказались избранными активные «освобожденцы» — И.И.Петрункевич, князь Д.И.Шаховской, князья П. и Д.Долгоруковы, Ю.А.Новосильцев, Ф.А.Головин, В.И.Вернадский, Ф.Ф.Кокошкин, Д.Д.Протопопов, Л.Л.Бенуа, С.В.Курнин, Н.В.Тесленко и др.[68] Они значительно усилили так называемое «новое течение» в МОСХ, которое постепенно от выражения недовольства щербатовским руководством Совета переходит к довольно четко выраженной политической оппозиции. В кооперативной верхушке все более зрело убеждение, что улучшение в любых областях общественной жизни невозможно при существующем государственно-политическом укладе.

Немалую роль в политизации оппозиции сыграл сам Щербатов, попытавшийся решить свои проблемы с помощью властей и

правой прессы. С его подачи московский обер-полицмейстер Д.Ф.Трепов в рапорте генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу сообщал: «За последнее время в Императорское Московское общество сельского хозяйства проникли в качестве членов много политически неблагонадежных лиц, поставивших своей задачей... использовать его в целях оппозиционности, получив возможность на легальных началах собираться для обсуждения различных вопросов внутренней политики. Для этого группа повела агитацию против нынешнего состава исполнительного органа общества — Совета, главным образом против Президента Общества, камергера Высочайшего Двора, князя Александра Григорьевича Щербатова...»[69] «Московские ведомости» обрушились с критикой на противников Щербатова, также обвиняя их в политической неблагонадежности и антиправительственной деятельности. В результате недовольным был навешан ярлык политической оппозиции, но и сам Щербатов вскоре вынужден был уйти в отставку.

Собрание МОСХ 19 ноября 1904 г. было первым, на котором открыто, хотя еще не в очень резкой форме, прозвучали политические мотивы. Собрание обсудило заявление 33-х членов, в котором указывалось, что в настоящее время правильная культурная работа невозможна в связи с «общими условиями» и что эти «общие условия» гибельно сказываются на упрочении и развитии важнейшей отрасли народного хозяйства — сельскохозяйственной промышленности. В заявлении отмечалась неразрывная связь между хозяйственными и политическими вопросами, между государственным строем, правами граждан, состоянием частной инициативы и аграрным прогрессом, между правовым статусом основного производителя сельскохозяйственных продуктов — крестьянина — и урожайностью его полей, а в конечном счете — и народного благосостояния. 10 декабря состоялось еще одно заседание МОСХ, на нем вновь обсуждалось заявление 33-х и было одобрено. Таким образом, фактически были поддержаны основные пункты резолюции известного совещания земских деятелей 6—9 ноября 1904 г. Правда, заявление было составлено в более осторожных выражениях, а его авторы еще были настроены на достижение компромисса с консервативным крылом общества. 14 же декабря, как известно, последовало заявление правительства, осуждавшее «сборища и скопища» и фактически отвергшее все поползновения оппозиции к критике властей.

События, происходившие в МОСХ и его Совете, не могли не сказаться на деятельности его комитетов, и в частности Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Как уже отмечалось, свои инициативы в области кооперации Щербатов начал проводить через Совет, минуя Комитет, деятельность которого постепенно затухала. Возобновить ее решили его члены из числа деятелей Московского союза потребительных обществ при поддержке земцев, ученых, практиков-кооператоров Московского региона. В отсутствии Щербатова 12 мая 1903 г. со-

стоялось заседание Комитета под председательством известного земского деятеля и либерала В.Ю.Скалона. Были заслушаны доклады московского инспектора мелкого кредита Л.Н.Евдокимова (ставшего секретарем Комитета) о кредитных товариществах, экономиста и статистика профессора А.Ф.Фортунатова о мелком сельскохозяйственном кредите, члена Московской губернской земской управы Ф.А.Головина об отношении земств к кооперации, т.е. в основном вопросы, связанные с подготовкой нового положения о мелком кредите и отношением к новым формам кооперативных учреждений. При этом, несмотря на усиление позиций либералов, особых расхождений по существу обсуждавшихся дел с прежним руководством не наблюдалось. Особое внимание привлек доклад председателя МОСХ Н.П.Гибнера, в котором он обосновывал идею создания всероссийского союза потребительных обществ и других кооперативных учреждений и предлагал в связи с этим созвать Всероссийский кооперативный съезд[70]. Это предложение было вполне созвучно позиции Петербургского отделения Комитета: образованная при нем Постоянная комиссия по делам потребительных обществ в это же время предлагала созвать в 1904 г. Всероссийский съезд потребительной кооперации, используя (по аналогии со съездом 1896 г.) открытие Нижегородской ярмарки.

В дальнейшем Бюро МСПО, Комитет и его Петербургское отделение неоднократно высказывались за совместную работу по созыву съезда всех видов кооперации, их инициатива была поддержана рядом региональных съездов кооперативных и земских деятелей. Однако ситуация, складывавшаяся в стране и в руководстве МОСХ, делала этот замысел пока неосуществимым. Последний раз перед последовавшим полуторагодичным перерывом Комитет собрался 11 декабря 1903 г. В.Ю.Скалон, на этот раз в присутствии Щербатова, был утвержден в должности председателя; секретарем, вместо переведенного в Петербург и вошедшего там в состав Петербургского отделения Комитета Л.Н.Евдокимова, был избран известный либеральный деятель М.Я.Герценштейн. Комитет еще раз высказался за созыв общекооперативного съезда, но на этом его деятельность прервалась, на этот раз по политическим причинам.

Функции общероссийского кооперативного центра почти полностью перешли к Петербургскому отделению Комитета, который участвовал в разработке положения о мелком кредите 1904 г., образцовых уставов потребительских и сельскохозяйственных обществ малого района, промысловых и трудовых артелей и т.д. С созданием Управления по делам мелкого кредита часть его прежних функций — ведение текущей статистики, составление сводных балансов кредитных кооперативов и годовых отчетов и т.п. — перешла к ведомствам. В 1904 г. отделение произвело некоторую внутреннюю реорганизацию с целью более равномерного охвата всех видов кооперации. Были созданы 3 отдела: 1) учреждений мелкого кредита (председатель П.Н.Исаков, секретарь С.В.Бородаевский); 2) промышленных товариществ и артелей (председатель

В.Г.Яроцкий, секретарь М.А.Курчинский); 3) потребительных обществ и товариществ (председатель Н.А.Рейтлингер, товарищ председателя И.Ф.Жеребятьев, секретарь В.Ф.Тотомианц). Каждый отдел имел собственную программу действий, членство и средства, руководители отделов составляли Совет отделения.

Но в целом все же ни Петербургское отделение, ни тем более Московский Комитет так и не стали органами собственно кооперативного движения. Они были достаточно далеки от кооперативных масс, больше представляли собой, как пишет М.И.Дударев, «органы для кооперации», наблюдающие и пропагандирующие, поощряющие кооперацию извне, с «академических высот», часто переносили на русскую почву западноевропейские организационные формы и принципы, исходя более из идейных соображений и научно-теоретических построений, чем из реальных обстоятельств[71]. Среди их членов было немало представителей ведомственных структур — С.В.Бородаевский, А.А.Беретти, Л.Н.Евдокимов, В.Ф.Сокульский и др. Не случайно возникали предложения расширить состав Комитета за счет привлечения в него кооператоров-практиков, создать на местах его отделения и филиалы. И все же роль Московского Комитета и его Петербургского отделения трудно переоценить. В немалой степени при их участии и помощи кооперативная жизнь на местах продолжалась: возникали новые ассоциации, проводились региональные съезды и совещания представителей кооперативной общественности, обсуждались нужды кооперативного строительства. Несмотря на заявления об аполитичности кооперативного движения, оно самим ходом развития ставилось перед необходимостью преодоления жестких рамок, определенных для него законодательством, что зачастую, помимо воли кооператоров, ставило их в оппозицию к власти. К тому же, действительно, как и отмечала полиция, в кооперативном руководстве все чаще оказывались представители либеральной и леворадикальной ориентации.

Примечания

[1] Журнал высочайше учрежденной Комиссии по пересмотру устава Государственного банка. СПб., 1893. С. 62, 157—166.

[2] Там же. С. 173—175.

[3] Там же. С. 172—173.

[4] Бородаевский С.В. История кооперативного кредита. Прага, 1923. С. 124—125.

[5] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1152. Оп. 12. 1895 г. Д. 168. Л. 6—6об.

[6] Там же. Л. 13.

[7] Дударев М.И. Сергей Юльевич Витте и кредитная кооперация // С.Ю.Витте — государственный деятель, реформатор, экономист (к 150-летию со дня рождения). Ч. 2. М., 1999. С. 71.

[8] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (далее — ПСЗ III). Т. 15. Отд. 1. № 11756.

[9] РГИА. Ф. 1152. Оп. 12. 1895 г. Д. 168. Л. 16об.

[10] Бородаевский С.В. Указ. соч. С. 132.

[11] Вестник сельского хозяйства. 1900. № 3. С. 14.

[12] См.: Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988. С. 109—116.

[13] РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1152 б. Л. 5—8.

[14] ПСЗ III. Т. 24. Отд. I. № 24737.

[15] Бородаевский С.В. Указ. соч. С. 136.

[16] Устав потребительских обществ 13 мая 1897 г. СПб., 1897.

[17] Перепелкин А.П. Празднование 75-летия ИМОСХ. М., 1896. С. 32—33, 42.

[18] Устав сельскохозяйственных товариществ 30 июня 1897 // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2. Устав сельского хозяйства. Ст. 45—46 (по продол. 1906 г.); ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2330. Л. 2—9.

[19] Устав сельскохозяйственных обществ 28 февраля 1898 г. СПб., 1898.

[20] ПСЗ. III. Т. 22. Отд. I. № 21550; Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. Законы гражданские. Ст. 2198. 1—7.

[21] См.: Кулишер И.М. Обзор русского и иностранного законодательства о кооперативных товариществах. СПб., 1906.

[22] Там же. С. 236—237; Проект Гражданского уложения. Кн. V. Гл. XVIII. СПб., 1899. С. 404.

[23] Сообщения Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах. Вып. 8. СПб., 1894. С. 18; то же. Вып. 12. СПб., 1897. С. 1—24.

[24] Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и подготовка первого Всероссийского съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ (1898 г.) // Кооперация: Страницы истории. Вып. 7. М., 1999. С. 92—94.

[25] Сообщения Петербургского отделения Комитета... Вып. 8. С. 4.

[26] То же. Вып. 12. С. 4—5.

[27] Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926. С. 113; Сообщения Петербургского отделения Комитета... Вып. 12. С. 18—24; то же. Вып. 13. СПб., 1898. С. 83.

[28] Сообщения Петербургского отделения Комитета... Вып. 12. С. 19—124.

[29] Вестник сельского хозяйства. 1907. № 15—16. С. 19.

[30] Анцыферов А.Н. Центральные банки кооперативного кредита. Пг., 1919. С. 156.

[31] См.: Дударев М.И. Ход Всероссийского съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ и его решения // Кооперация: Страницы истории. Вып. 8. М., 1999. С. 145—179.

[32] Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 419. Оп. 1. Т. 3. Д. 312. Л. 145.

[33] Щербатов А.Г. Ссудо-сберегательные товарищества // Сельскохозяйственный журнал. 1897. № 3. С. 5—15; он же. Учреждения мелкого кредита // Там же. № 6. С. 47—53.

[34] Сообщения Петербургского отделения Комитета... Вып. 14. СПб., 1898. С. 231.

[35] В работе съезда участвовали пионеры молочной кооперации, ставшие ко времени созыва съезда крупными маслопромышленниками, Бланн-

довы, В.Ф.Лугинин, фабрикант Г.А.Крестовников, профессора А.И.Чупров, И.Т.Тарасов, А.А.Мануйлов, В.Э.Ден, присутствовали московский губернский предводитель дворянства кн. П.Н.Трубецкой, кн. И.И.Шаховской, экономист-аграрник М.Я.Герценштейн, служивший в то время в Московском земельном банке, а также представители местной администрации — губернатор А.Г.Булыгин, обер-полицмейстер Д.Ф.Трепов, городской голова В.М.Голицын, управляющий канцелярией генерал-губернатора В.К.Истомин, управляющий Московским удельным округом В.Н.Вельяминов, управляющий Московской конторой Государственного банка И.Я.Малевинский, ректор Московского университета П.А.Некрасов и проректор Н.А.Зверев и др. Петербургское отделение Комитета делегировало на съезд П.А.Соколовского, А.И.Каминку, А.Г.Штанге, поручив им вынести на суд делегатов принятый на нижегородском съезде 1896 г. и доработанный проект закона «О союзах учреждений мелкого кредита, обществ потребителей и промышленных товариществ и съездах их представителей» (ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 3. Д. 3212. Л. 125).

[36] Дударев М.И. Ход Всероссийского съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ и его решения. С. 145—179.

[37] Сообщения Петербургского отделения Комитета... Вып. 14. С. 234—235.

[38] Соколовский П.А. О союзах кооперативных товариществ: Доклад на заседании Всероссийского съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ 26 марта 1898 г. // Сельскохозяйственный журнал. 1897—1898. № 4. С. 33—51.

[39] Труды съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ. М., 1899. Вып. 1. С. 12—14, 39—47; Сельскохозяйственный журнал. 1897—1898. № 1. С. 34—36; № 2. С. 17—25.

[40] Труды съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ. Вып. 1. С. 10—24.

[41] Там же. С. 31—37.

[42] ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 3. Д. 3213. Л. 64—65, 74, 168—174, 181—182; Труды съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ. М., 1899. Вып. 2. С. 2—10, 14—31.

[43] Труды съезда представителей ссудо-сберегательных товариществ. Вып. 2. С. 47—53.

[44] Цит. по: Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном и кооперативном движении (1895—1908 гг.): Дисс... канд. ист. наук. М., 1997. С. 285—290; Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству. Ч. 1. Журналы заседаний VI секции. М., 1901. С. 4.

[45] ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2289. Л. 22.

[46] Там же. Л. 20 31; Архипова Л.М. К вопросу о взаимодействии капиталов в кооперативной политике начала XX в. // Кооперация: Страницы истории. Вып. 4. М., 1994. С. 71—72.

[47] См.: Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном и кооперативном движении (1895—1908 гг.). С. 279.

[48] Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству. М., 1901. Ч. 1. Доклад № 43.

[49] Хейсин М.Л. Кредитная кооперация в России: Исторический очерк и современное положение. 2-е изд. Пг., 1918. С. 78.

[50] Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX — начале XX вв. М., 1988. С. 134—135.

[51] Хроника мелкого кредита. 1902. № 4, апрель.

[52] Хейсин М.Л. Кредитная кооперация в России... С. 86.

[53] Там же. С. 76—77.

[54] Там же. С. 57, 89.

[55] Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России. Пг., 1918. С. 86—87.

[56] Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. 3-е изд. М., 1919. С. 35, 41, 43; Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России. С. 86.

[57] Меркулов А.В. Указ. соч. С. 41.

[58] Съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству. 10—19 февраля 1901 г. М., 1902. С. 9—25.

[59] ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2405. Л. 1—7.

[60] Там же. Л. 22—25.

[61] Там же. Л. 32—33.

[62] Там же. Л. 45—46.

[63] Хейсин М.Л. Исторический очерк кооперации в России. С. 84.

[64] См.: Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном и кооперативном движении (1895—1908). С. 95.

В комиссию входили С.В.Курилин (председатель), М.Н.Вонзблей, А.Тесленко, С.Г.Аксаков, А.П.Левицкий, Шлыков, М.Е.Шатерников, В.И.Лемус и др.

[65] Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX — начало XX вв. Новосибирск, 1993. С. 28.

[66] Там же. С. 30—31.

[67] Там же. С. 32; Королев А.М. Сибирская молочная кооперация: Прошлое и настоящее. М., 1926. С. 191.

[68] См.: Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном кооперативном движении (1895—1908) С. 109—114.

[69] Цит. по: там же. С. 116.

[70] Там же. С. 306; Вестник сельского хозяйства. 1908. № 44. С. 20.

[71] Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства и его участие в общественном и кооперативном движении (1895—1908). С. 309.

*М.А.Давыдов**

К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX — начале XX в.**

Настоящая статья посвящена опровержению давнего тезиса, согласно которому экспорт хлеба из России в пореформенное время был «голодным», т.е. осуществлялся в ущерб питанию российских крестьян. Появившись более ста лет назад, эта идея, фигурирующая в десятках учебников, начиная со школьных, в научных и околонаучных трудах, стала общим местом, одним из незыблемых постулатов, которыми описывается жизнь дореволюционной России.

Между тем данный тезис имел и имеет сугубо виртуальный характер, хотя и появился в эпоху, когда главным рабочим инструментом статистики был арифмометр. По существу, никаких сколько-нибудь серьезных доказательств данного положения никогда приведено не было. Не считать же аргументом страстное стремление полагать, что желаемое есть действительное. Т.М.Китанина, например, считает, что «голодным был и экспорт русского хлеба» на том совершенно неизвестном экономической мысли основании, что «он возрастал значительно быстрее, чем валовой сбор зерна»[1]. Оставляю в стороне тот факт, что последнее утверждение попросту голословно.

Исследование изменений в балансе внутреннего и внешнего хлебных рынков в конце XIX — начале XX вв. на основании динамических данных о производстве, экспорте и перевозках хлеба привело к следующим выводам. В начале XX в. соотношение внутреннего и внешнего хлебных рынков в целом поменяло знак в сравнении с 1890-ми гг. за счет как абсолютного, так и относительного роста внутреннего рынка (исключая ячмень, который оставался по-прежнему сугубо экспортной культурой и даже обошел в этом отношении пшеницу). Особенно заметным это возросшее значение внутреннего рынка было для северо-черноземных и восточных губерний, в то время как для Новороссии, более близкой к портам и в силу этого прежде всего ориентированной на вывоз, значение экспорта оставалось бóльшим, хотя и здесь оно уменьшилось. В целом все же развитие внешнего рынка отставало от роста внутреннего. Таковы были непосредственные результаты индустриализации, урбанизации и развития капитализма в стране.

* Давыдов Михаил Абрамович — кандидат исторических наук (Историко-архивный институт, РГГУ).

** Текст статьи печатается в авторской редакции.

Таким образом, выяснилось, что тезис о «голодном экспорте» хлеба из России в начале XX в. реальных оснований в статистике производства, экспорта и перевозок хлебных грузов не имеет[2].

Однако проведенное исследование, как представляется, не решает проблему до конца. Опровергаемый тезис, не имея сколько-нибудь прочного фундамента, обладает тем не менее хотя и мнимой, но монументальностью — за счет хрестоматийности.

В силу этого статистический анализ должен быть, с одной стороны, продолжен, а с другой — подкреплен изучением нарративных источников.

Разумеется, сделать это в рамках статьи, имеющей постановочный характер, невозможно. Тем не менее следует обозначить хотя бы некоторые из важных компонентов проблемы.

Начнем с вопроса, условно говоря, о «голоде». Разбирать подробно вопросы, связанные с потреблением пищевых продуктов в дореволюционной России, и в частности в деревне, в данном тексте не представляется возможным. Это — задача для нескольких диссертаций. Однако полагаю необходимым высказать ряд *принципиальных* соображений относительно существующей на этот счет в историографии ситуации, также заслуживающей отдельного исследования. А для нее характерны, на мой взгляд, окостеневшие, примитивные представления о питании и о бюджете питания. Сам по себе анализ данной проблематики в отечественной исторической науке — один из классических примеров однобокого и некорректного, чтобы не сказать резче, анализа очень важного социально-экономического сюжета (такими примерами так богата, увы, наша историография).

Потребление хлеба в дореволюционной России, и в частности в российской деревне, — одна из наименее исследованных и притом постоянно обсуждаемых историками (и не только отечественными) проблем. Весьма характерно, что степень ее изученности обратно пропорциональна уверенности многих специалистов в том, что эта проблема давно решена. Корни такой удивительной убежденности — в дореволюционной народнической публицистике и отчасти в историографии. Для народников тема перманентного голодания, в лучшем случае — недоедания — российского крестьянства, как известно, была одной из основных.

Вообще страдания народа — истинные или мнимые — в пореформенной России стали предметом весьма однообразных по форме, содержанию и мотивации описаний, нередко (но не всегда!) имевших явно спекулятивный характер и различавшихся только степенью нарочитости трагизма. Притом это относится не только к трагической ситуации *настоящего* голода — 1891—1892 гг. и других лет сильных неурожаев (1897, 1906, 1908), — так же трактовалась повседневная жизнь миллионов русских крестьян после 1861 г.

В данном контексте нельзя обойти вниманием заметку А.Павлова «Ошибка доктора Шингарева» с подзаголовком «Деревня, которой он предрек гибель сто лет назад, умирает только сейчас», опубликованную хотя и в неакадемическом, но тем не менее ува-

жаемом издании — «Общей газете». Привожу эту заметку полностью: «В 1901 г. земский врач Шингарев выпустил брошюру "Вымирающая деревня", которая потрясла либеральную Россию. С цифрами и фактами в руках он предсказал скорый конец воронежской деревеньке Ново-Животинное. Земский врач стал знаменитостью — молодой вождь мирового пролетариата Владимир Ленин не раз цитировал выкладки из его брошюры. А деревенька, видевшая войны и революции, несмотря на предсказание, пока еще жива.

В 30-е годы в Ново-Животинное приехал писатель-коммунист Поль Вайян Кутюрье, чтобы лично убедиться, как хорошо живут советские крестьяне в некогда вымирающей деревне. Деревеньке не дала пропасть советская власть — таков был его вывод. И этот нехитрый постулат с тех пор эксплуатируется в школьных учебниках истории. Однако в советские и постсоветские времена сгинули тысячи деревень, городов и поселков. Почему же уцелело Ново-Животинное?

Объяснить феномен его живучести помогла сотрудница здешнего музея Елена Виноградова. У нее чудом сохранились расчеты Шингарева. И по ним выходит, что деревня просто не могла сгинуть в суровые времена самодержавия. Ну, например, за те 10 лет, что земский врач вел наблюдения над деревенькой, в ней умерло 304 человека, а родилось 322. То есть 18 душ россиян оказались в положительном осадке. Шингарев говорит о скудной пище, которая должна повлечь биологическую смерть крестьян, а мы с Еленой Виноградовой посчитали, что в день на душу населения крестьяне съедали 724,8 грамма хлеба, была в рационе картошка — 245 граммов, семья могла позволить себе яйца, мясо, молоко, а уж пшена в сутки приходилось... 4 кг на брата.

В наших подсчетах участвовали работницы сельсовета. В столе у местного счетовода случайно остались "перестроечные фантики" — талоны на питание, так вот по тем талонам населению причиталось пшена... 1 кг на едока, мяса — менее килограмма. В месяц, конечно. Это значительно меньше того, что могли себе позволить "вымирающие" животиновцы.

Любопытно, как оценил бы эти новые цифры кадет и впоследствии министр Временного правительства, сделавший карьеру на обличении самодержавия, — господин Шингарев?

Кстати, в Ново-Животинове в последние три года родилось 22 человека, умерло — 45. Вот где она — вымирающая деревня!...

Очевидно, общество оказалось не готовым к переменам, которые столь поспешно стало декларировать и бездарно внедрять. И главный наш бич не столько социальные беды, сколько демагогия, липовые отчеты и постулаты, сочиняемые в карьерных целях, — как в веке минувшем, так и в столетии нынешнем. На них делаются имена и судьбы, а люди, ради которых все это замышляется, живут сами по себе по принципу: не до жиру, быть бы живу»[3].

Изображать народные страдания было верным способом если и не сделать себе имя, как это произошло с Шингаревым, то приобрести хотя бы какую-нибудь известность.

Многие ученые заигрывали с общественным мнением — непритворно или нет, сейчас неважно. Специалист, пытавшийся взглянуть на жизнь деревни объективно, рисковал как минимум репутацией и аудиторией. Значительно более выигрышным был примерно такой подход: «Мы видели в первых лекциях этого курса, как плохо живется русскому крестьянину. Но если крестьянину нет возможности прожить на своем наделе; если он жадно набрасывается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если он постепенно нищает, переходит от полуголодного существования, от постоянного недоедания к полной голодовке, от нужды уходит на заработки, этим окончательно расстраивая свое хозяйство, или бежит без оглядки на "новые места"; если он в конце концов бросает землю и уходит в город на фабрику — то ведь это все может происходить от разных причин»[4].

Я не берусь судить, насколько искренне такой компетентный исследователь и практик, как А.А.Кауфман, мечтал о том, чтобы Россия и в XX в. оставалась аграрной страной, отвергал переселения, индустриализацию и урбанизацию, и действительно ли его так ужасал совершенно естественный процесс оттока лишних рабочих рук из деревни «в город на фабрику», процесс, который в странах Запада насчитывал не одну сотню лет, а главное — верил ли он в непосредственный переход крестьян «от постоянного недоедания к полной голодовке». Судя по приводимым ниже данным Кауфмана о душевом потреблении хлеба, взятым, правда, из другой работы, его искренность может быть поставлена под сомнение. Впрочем, все же не хочется думать, что Шингарев, Кауфман и другие лукавили, делая из своих наблюдений заведомо неверные выводы.

Общественное мнение того времени в огромной степени формировалось под влиянием газет. Выдающийся знаток сельского хозяйства России рассматриваемого периода А.С.Ермолов, который был министром земледелия и государственных имуществ при Александре III и Николае II, анализируя неурожай 1906—1907 г., специально остановился на устойчивом стремлении прессы укрупнить в сознании читателей масштабы последствий неурожая и заодно опорочить правительственную продовольственную помощь, а также весьма подробно разобрал недобросовестные приемы, к которым она для этого прибегала[5].

В работе Ермолова имеется особый раздел, названный «Преувеличенность слухов о голодании населения»[6]. Обращаясь «к тем страшным проявлениям голода — до голодных смертей и самоубийств включительно, о которых тоже так много писали и кричали», он говорит следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что было много случаев смертей от болезней, развивавшихся на почве недоедания... Но, согласно сообщению всех опрошенных мною земских деятелей, представителей Красного Креста, членов

местной врачебной администрации, — если уже не верить чинам администрации общей, — **ни одного случая смерти непосредственно от голода, от полного отсутствия всякой пищи, не говоря уже про случаи самоубийств или убийств детей из-за голода, не было констатировано ни разу и нигде.** Все такого рода случаи, о которых сообщалось в газетах — всегда очень глухо, без точного указания места, селений и без означения имен лиц, якобы умерших от голода или прибегнувших к самоубийству или убийству детей, — расследовались на местах, насколько это было возможно при неопределенности указаний, и нигде не подтверждались»[7].

В качестве одного из доказательств «страшного голодания населения в газетах отмечались частые будто бы случаи продажи крестьянскими бабами и девками своих кос», продолжает Ермолов, «чтобы ценою их купить себе и детям хлеба на пропитание»[8]. Он не оспаривает того, что «подобные факты, вероятно», бывали, но они бывали «всегда» и, очевидно, не составляли «явления необычного, исключительно вызванного голодовкою». «Более того... в прежнее время, когда наши дамы почти все носили шиньоны, покупка у крестьянских женщин кос и отправка их целыми партиями в города составляла широко распространенный промысел»[9].

Еще менее основательными были «газетные рассказы о продаже татарами в Казанской губернии своих дочерей чуть не в рабство и во всяком случае "на вывоз", чтобы избавить их от мук голодной смерти дома и самим на вырученные за них деньги прокормиться»[10]. Поскольку, в отличие от «обычных корреспонденций» такого рода, в данных публикациях были указаны населенные пункты и «даже поименованы отцы, будто бы продавшие своих дочерей», оказалось возможным проверить на местах все имеющиеся сообщения об этом. У Ермолова были копии с показаний, данных самими отцами при расследовании. Выяснилось, что во всех указанных случаях имела место обычная у мусульман выдача дочерей замуж за «калым» — выкуп, уплачиваемый семьей жениха родителям невесты. Женихами выступали иногда «татары с Северного Кавказа», а сами факты имели место летом и в начале осени 1906 г., когда ни о каком голоде и речи быть не могло[11]. Как можно видеть, за последние сто лет методы работы прессы не во всем радикально изменились.

Тем примечательнее заключение А.С.Ермолова: «Скажу, однако, что все эти опровержения заявленных, извращенных или преувеличенных, фактов приводятся мною не для того, чтобы доказать отсутствие в посещенных мною губерниях нужды и народного бедствия, — несомненно, что нужда была, она была, невзирая на все принятые меры, но тем не менее единичные случаи такой острой нужды, плохого питания и часто даже полной нищеты отдельных крестьян, иногда целых даже селений и уездов, обобщать, распространять на весь пострадавший от неурожая район и на все поголовно население нельзя, как не следует вообще ничего преувеличивать. Надо, наоборот, отметить, что, благодаря принятым мерам, благодаря широкому ассигнованию денежных средств пра-

вительством, благодаря деятельности Красного Креста, земства, Общеземской организации, Вольного экономического и Пироговского обществ и множества других учреждений и развитию, хотя гораздо менее широкому, нежели в 1891 году, частной благотворительности, с бедою удалось совладать и население пережило тяжкую годину с меньшими потерями и жертвами, нежели этого можно было даже ожидать»[12].

Нельзя не сказать о том, что драматический пафос опровергаемых Ермоловым газетных публикаций, как и приведенного выше мнения Кауфмана (одного из сотен подобных) о массовом переходе крестьянства России «от постоянного недоедания к полной голодовке», заметно снижается некоторыми статистическими данными.

Кауфман написал и прочел цитируемую лекцию в 1906 г. (или 1907 г. — он приводит разные сведения на этот счет), т.е. в год сильного неурожая. А.С.Ермолов, описывая продовольственную ситуацию именно в этом неурожайном, а для некоторых губерний и голодном году, специально останавливается на «печальном» факте, «как бы противоречащем тому, что говорится о поголовной народной нищете, об остром и всеобщем голодании в пострадавших от неурожая губерниях». Имеется в виду «...не сократившееся, а местами даже возросшее потребление вина, поглотившее, невзирая на постигшее население бедствие, громадные суммы народных денег»[13]. Он приводит данные о поступлении питейного дохода за 12 месяцев 1906—1907 г. в сравнении с двумя такими же предшествующими периодами по наиболее пострадавшим от голода 12-ти губерниям: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Уфимской. За период с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. от казенной продажи питей поступило дохода 130505 тыс. руб., за тот же период 1905—1906 гг. — 129943 тыс. руб., за тот же период 1904—1905 гг. — 115454 тыс. руб. соответственно[14].

Следовательно, за голодный год население истратило на водку в этих бедствовавших губерниях на 562 тыс. руб. больше, чем в предыдущий год, и на 15051 тыс. руб. больше, чем за такой же период 1904—1905 гг.[15] Ермолов резюмирует: «В кампанию 1906—1907 гг. было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12-ти губерниях, о которых здесь идет речь, 128329 т[ыс]. р[уб]. Пропито же в них за 12 мес, с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. вина на сумму 130505 т[ыс]. р[уб]., т.е. на 2176 т[ыс]. р[уб]. более той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на обсеменение его полей»[16].

Масштаб этих цифр будет понятнее, если вспомнить, что стоимость кораблей и вооружений, потерянных в ходе русско-японской войны, оценивалась почти в $^1/_4$ млрд руб.[17] Другими словами, жители лишь 12-ти (!) из 90 губерний и областей России всего за два года (при том, что один из них был неурожайным) выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей

Балтийского и Тихоокеанского флотов вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений.

Показательно также, что потребление таких пяти облагаемых акцизом товаров, как пиво, спички, сахар, нефть и махорка, невзирая на неурожай, постигший значительную часть империи, не только не сократилось, а, напротив, значительно увеличилось. Душевой расход населения на них составил в 1904 г. 290 коп., в 1905 г. — 325 коп., в 1906 г. — 338 коп. и в 1907 г. — 358 коп.[18]

Далее. Весьма характерно и то, продолжает Ермолов, что «наряду с такой печальной стороной русской народной жизни, как потребление вина на десятки миллионов рублей, в то самое время, когда более или менее значительная часть населения находилась в состоянии полной нищеты и даже голодала, и во всяком случае не могла обходиться без правительственной и частной помощи», в тех же пострадавших от неурожая губерниях было зафиксировано поступление больших сумм денег в сберегательные кассы[19].

Вот лишь некоторые данные, относящиеся к названным 12 неурожайным губерниям, за время с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г. К началу этого периода в сберкассах данных губерний находилось вкладов на сумму 154700 тыс. руб. В течение 12 месяцев было внесено 103700 тыс. руб.; за то же время востребовано вкладов на 86600 тыс. руб. Наличность вкладов на 1 мая 1907 г. составила 171800 тыс. руб.; итоговый прирост за 12 месяцев — 17100 тыс. руб.

Среди 12 губерний, к которым относятся эти данные, не было ни одной, где сумма выданных вкладов превышала бы поступления, хотя размер прироста вкладов был неодинаков.

Из этих сведений Ермолов делает следующее вполне обоснованное резюме. Отказываясь «основывать какие-либо определенные выводы на этих данных», он понимает при этом, что деньги в сберкассы откладывали, конечно, не те крестьяне, у которых не было хлеба не то что на продажу, а и на собственную еду. Да и неурожай на всей территории пострадавшего района был пестрым, а не сплошным. Однако, по его мнению, «во всяком случае, заслуживает полного внимания тот факт, что к началу тяжелого периода, когда в первых числах августа неурожай был уже налицо, население 32 пострадавших губерний и областей встретило этот бесхлебный год с запасом сбережений от прежних лет в 533,6 млн руб., а к 1 июля следующего за тем года не только этого запаса не истощило, а еще увеличило его на 66,5 млн руб.»[20].

Конечно, нужно иметь в виду, что в это время вернулись домой после окончания войны с Японией многие тысячи запасных с большими для крестьян деньгами и с естественным желанием их потратить, были отменены выкупные платежи, а крестьяне прекратили вносить различные подати из-за революции и неурожая. И все-таки реальное значение приводимых цифр не слишком снижается этими фактами. И вчерашние солдаты, и крестья-

не, имевшие в силу указанных причин деньги, жили не в безвоздушном пространстве.

Приведенные факты так или иначе девальвируют расхожие представления о повальном бедствии народа в рассматриваемый период. Эти представления в очень большой степени определялись общественной атмосферой того времени. Характеризуя ее, Н.П.Макаров писал: «Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление — вот как (очень ошибочно) народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню. Это было даже нужно — так как казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о "прогрессивных течениях" русской деревни звучал каким-то диссонансом в этом настроении; "надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях", — почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве»[21].

Попробуем теперь оценить качество источниковой базы, на основании которой «народническая мысль» характеризовала отечественную деревню в столь драматичных тонах.

Основными источниками для изучения проблемы потребления в дореволюционной России, как известно, являются прежде всего данные бюджетных обследований (преимущественно земских) крестьянских хозяйств, а также урожайная статистика.

Между тем еще в XIX в. высказывались весьма обоснованные сомнения в достоверности сведений бюджетов, равно как и урожайной статистики. С началом Первой мировой войны данная проблема весьма оживленно обсуждалась в литературе: «Так же недостаточно разработан в земской статистической литературе и вопрос о местном потреблении хлебов. Опубликованные до сих пор материалы бюджетных исследований приходится признать недостаточными, разрозненными, часто устаревшими, не всегда достаточно обоснованными и порой возбуждающими сомнения своими абсолютными величинами. Вдобавок, как свидетельствует А.В.Чаянов (А.В.Чаянов. "Нормы потребления сельского населения по данным бюджетных обследований"), более или менее приемлемые бюджетные данные о потреблении имеются менее чем по 15 губерниям, причем в некоторых из них лишь по отдельным уездам»[22].

Именно лихорадочные размышления компетентных специалистов в 1915—1916 гг. о том, сколько же хлеба потребляла и страна в целом, и отдельные губернии, равно как и длительная, кропотливая работа А.В.Чаянова и его сотрудников над бюджетами, результатом которой стало исследование «Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения» (М., 1916), лучше всего показывают, насколько осторожно следует воспринимать сведения бюджетных обследований. В указанной книге, в частности, говорится, что, хотя «русская экономическая литература сравнительно богата бюджетными исследованиями... к сожале-

нию, из этого значительного количества исследований бóльшая часть не может удовлетворить современным требованиям. Огромная часть их построена на чрезвычайно ограниченном объеме наблюдения, часто не превышающем десятка хозяйств, благодаря чему бюджетные величины, получаемые в результате их разработки, не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Многие построены на матерьяле, собранном явно несовершенными методами»[23].

Однако трудность состояла не только и даже не столько в ограниченном объеме информации, используемой в этих исследованиях. Основная проблема, на наш взгляд, была в другом. Источники фиксируют устойчивую, иногда агрессивную неприязнь крестьян к любым попыткам выяснить *истинное* положение дел в их хозяйстве, понять их жизнь вообще; эту отдельную и весьма важную особенность психологии российского (и не только) крестьянства еще предстоит детально изучить. В большой мере именно этим обстоятельством прежде всего и обусловлена недостоверность данных урожайной статистики Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (ЦСК МВД), базировавшейся на анкетировании волостных правлений. Полагаю, что занижение респондентами ЦСК МВД величины сборов происходило сознательно.

Сохранился рассказ правительственного агронома Виленской губернии К.П.Рудзита, руководившего обследованием хуторских и отрубных хозяйств в Трокском уезде этой губернии для землеустроительной анкеты, который позволяет вполне отчетливо представить, *как* проходили устные опросы крестьян и *насколько* им можно верить.

«Агрономы приехали... Приехали агрономы...» — слышались на базаре в селении Бутриманцах голоса то в одном, то в другом месте. Крестьяне, рассказывает К.П.Рудзит, были в большом недоумении, зачем приехали агрономы в таком большом количестве. Некоторые крестьяне выражали предположение, что, по всей вероятности, из-за леса, выдаваемого при переносе построек; другие же говорили: «Наша-то деревня ведь лес получила, не на счет ли податей это». Так примерно рассуждали крестьяне, когда в Трокский уезд прибыли счетчики для производства статистическо-экономического обследования хуторских хозяйств.

Впоследствии, когда счетчики выехали на места обследований, приходилось слышать боязливые вопросы вроде того, что не по той ли цене, что сейчас записывают в опросных листках, от них будут брать лошадей, а также скотину на мясо в случае войны.

Разговоры эти, однако, скоро прекратились. Дело в том, что во главе каждой партии обследователей находилось по одному правительственному агроному[24], которые для крестьян были «едва ли не единственными людьми, которым они более или менее» доверяли. Все же по отчетам крестьян и по тому раздумью, с каким давались эти ответы, нетрудно было догадаться, что **в душе крестьянина кроется какое-то недоумение, не позволяющее ему уяснить самому себе:**

в пользу ли улучшения хозяйства или ухудшения ему следует давать ответы.

«Видя подобные колебания в крестьянах, — рассказывал Рудзит, — было бы бесполезно сразу же приступать к делу обследования и задавать один вопрос за другим, не заручившись предварительным доверием крестьянина и не разъяснив ему цели предстоящей анкеты.

В беседах о хозяйственном положении хуторян, казалось, принимает участие единственно только сам хозяин, а баба его, обыкновенно прячущаяся за печь, когда на хутор приезжает "начальство", как будто ко всему относится безучастно или совсем не обращает внимания на происходящий разговор. В действительности, однако, это безучастное отношение и молчание продолжались только до тех пор, пока разговор не касался бабьих интересов. Как только беседа доходила до льна и овец, баба сейчас же вмешивалась, и вмешательство ее во многих случаях оканчивалось бранью мужа. Бабы, имея в виду свои соображения и выгоды, всегда скрывают от мужей количество льна, которое они прядут, чтобы мужу не показалось, что продукта много, и не вздумалось поэтому часть льна уделить на продажу. Так, если хозяин примерно сказал счетчику, что льна (волокна) уродилось 5 пудов, то баба всегда будет доказывать, что уродилось половина, а то и того менее. При обследовании положительно не было такого хутора, где баба не знала бы, сколько высеяно семян льна, собрано волокна и семени. Напротив, сами же хозяева сплошь и рядом затруднялись определить точное количество высеянного и собранного в пудах семени...

Характерно, — говорит Рудзит, — что при опросах крестьян во многих случаях нельзя было задавать вопросов прямо и тут же получать ответ, так как ум крестьянина для того, чтобы начать работать, должен быть к этому сперва подготовлен. Ввиду этого нельзя было сразу же задавать вопрос, а обыкновенно сперва только давалось знать, что скоро последует вопрос. "Скажи-ка вот что, Ромейко", — говорит сперва счетчик, обращаясь к какому-нибудь хуторянину. Затем следует значительная пауза, а потом уже задается сам вопрос вроде того, например: "Сколько ты высеял пудов ржи в прошлом году?" После этого становится заметным, что лицо крестьянина начинает изменяться, делается серьезнее, глаза смотрят как-то более осмысленно. Думаешь, что вот уже "Ромейко" и расскажет сейчас все с мельчайшими подробностями. Не тут-то было. "Ромейко" обыкновенно отвечает, что пудами он, видите ли, никогда не сеял. И в этом случае оказывалась доля хитрости крестьянина. Он нарочно не отвечает сразу, чтобы выгадать немного времени, дабы успеть обдумать, на сколько следует уменьшить количество засеваемого зерна. На новый вопрос счетчика: "Сколько же посеял осьмин?" — крестьянин начинает считать вполголоса: "Пять, шесть, семь..." — и вдруг вслух объявляет: "пять"; на вопрос: "Сколько же ты сеял в деревне ржи?" — начинается опять подсчитывание полос, причем на каждую полосу высевается определенная мера: то плетух, то лукошко, в некоторых случаях дело доходит даже до дедовской шапки.

В деревне, когда полосы не изменялись на своих границах, все эти меры имели для хозяина известную ценность, так как он, не задумываясь, без риска на редкость или густоту посева, знал, сколько сеять на загоне. На хуторе же, когда площадь участков изменилась в своих границах, крестьянин очутился в положении, подобном тому, как если бы в деревне потерял дедовскую шапку.

Ввиду этого крестьянин действительно очень часто не знает в точности высеваемого им количества зерна, а если к этому прибавить еще **стремление его всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния**, то становится понятными вся медлительность и все ухищрения хуторянина при подаче ответов.

Подобное же явление наблюдается и при подсчете урожая. Здесь крестьян первоначально начинает говорить, что плохо уродилось, затем уменьшает количество собранных копен или возов, а в конце-концов уменьшает и умолот с копны или с воза. В одном случае, со слов крестьянина, выходило так, что он собрал гороха осенью менее, чем на другую весну посеял; на вопрос, где покупал семена гороха и по какой цене, он ответил, что своих семян хватило. Становилось ясным, что опять урожай заведомо преуменьшен. После этого, — говорит Рудзит, — начинаешь убеждать крестьянина говорить правду и не хитрить, но вряд ли можно быть убежденным, что последующие после этого ответы не будут опять преуменьшены»[25].

Несомненно, ключевые слова здесь — «стремление его <крестьянина> всегда и во всем (из-за боязни увеличения податей или других соображений) уменьшить цифры, касающиеся его экономического благосостояния»[26].

А.С.Ермолов, рассказывая об обсуждении Государственным советом и Государственной думой продовольственных трудностей 1907—1908 гг., сообщает, что в числе прочего их члены обратили внимание на «чрезвычайную неполноту сведений, приводимых Министерством [внутренних дел] в его представлениях по испрошению продовольственных кредитов для некоторых местностей... Тем не менее высшие государственные учреждения признали возможным кредиты эти отпустить, чтобы не поставить население в затруднительное положение ко времени посева, — но без уверенности в том, что они во всех местностях соответствуют действительной нужде». На это А.С.Ермоловым было в Государственном совете сказано, что «*при существующей системе собирания сведений о продовольственных потребностях и порядке ассигнования сравнительно на их удовлетворение МВД не имеет других способов, как основываться на донесениях и запросах с мест, несомненно весьма часто преувеличенных, и сколько-нибудь достоверными данными располагать не может*. Уже многократно Государственный совет оказывался в необходимости разрешать отпуск испрашиваемых кредитов без уверенности в действительной их необходимости и не имея никакой возможности их проверить»[27].

В приложении к цитируемой работе Ермолова содержится сокращенное изложение отзывов местных крестьянских учреждений о действующей системе продовольствия населения и мнения их о необходимости ее реформы, затребованные МВД по окончании продовольственной кампании 1906—1907 гг. Отзывы были получены из 23-х губерний Европейской России: «Почти отовсюду указывается на необходимость улучшения порядка собирания и разработки статистических сведений об урожае, причем в некоторых отзывах высказывается мысль об изъятии обязанностей по собиранию таких сведений из рук волостных правлений и чинов полиции, с возложением этой обязанности на земства, которые от себя будут сообщать правительственным учреждениям результаты регистрации урожая в определенные сроки и по однообразной форме. При этом указывается *на недостоверность статистических сведений всякого рода, собираемых при посредстве сельских писарей*»[28].

Итак, и материалы бюджетных обследований, урожайной статистики, как, видимо, и любые сведения, полученные путем устных опросов и письменного анкетирования, по крайней мере, далеко не во всех случаях являются достоверным источником. Другими словами, *источниковая база, на которой преимущественно основываются суждения о величине потребления пищевых продуктов в дореволюционной России, не всегда может считаться состоятельной.*

При этом проблема не ограничивается одним только заведомым нежеланием крестьян сообщать посторонним людям правду о своем хозяйстве. Есть основания полагать, что *методически неверен* был и подход статистиков к данным бюджетов.

В Российском государственном историческом архиве хранится очень интересный для рассматриваемой темы документ, автор которого, Рейнбот, пытался определить причины уменьшения хлебного экспорта России во второй половине 1890-х гг. В частности, там говорится: «Необходимо сделать несколько общих замечаний по вопросу об изменениях в производстве и потреблении хлеба, так как в этой области статистики до настоящего времени высказываются до крайности противоречивые взгляды.

Главный источник этого разноречия коренится, по-видимому, в трудности разделения потребления хлебов людьми и домашними животными».

В свое время Ю.Э.Янсон пробовал решить эту проблему, разделив продукты земледелия на кормовые и пищевые, отнеся к кормовым, кроме сена и соломы, овес, а к пищевым — пшеницу, рожь, ячмень, кукурузу и картофель. Тот же прием был положен в основу исчисления нормы потребления Министерством финансов при выяснении вопроса о количестве хлеба, необходимого для обеспечения продовольствием населения губерний, пострадавших от неурожая 1891 г.[29]

Такое деление применительно к России, считает автор, «полезно для некоторых приблизительных выводов, так как овес идет в пищу людям в весьма малом количестве сравнительно с другими хлебами, но не следует, однако, упускать из виду, что количество

хлебных продуктов, отнесенных... Янсоном к пищевым, расходуемое на корм скоту, никак не может считаться ничтожным. Так, в восточной и средней России, где особенно много возделывается ржи, немалое ее количество расходуется в урожайные годы на посыпку соломенного корма.

На юге ячмень нередко занимает место овса в виде прибавочного корма рабочему скоту при усиленной работе, часть его идет также в урожайные годы на откармливание свиней и другого скота.

Наконец, картофель равным образом не может считаться ни исключительно пищевым, ни кормовым продуктом, и громадные его количества идут на откармливание свиней и в корм молочному скоту»[30].

Автор высказывает очень важную мысль: «При статистических опросах о количестве хлеба, расходуемого в хозяйстве, к сожалению, не всегда, по-видимому, обращалось должное внимание на выделение из расходного бюджета той части от продуктов, которая, будучи показываема расходом на продовольствие, на самом деле идет в виде отбросов в пищу домашним животным.

Этим, по-видимому, объясняется то громадное различие в количестве душевого потребления хлеба, которое получается из бюджетных опросов для малоземельных дворов и для хозяйств безлошадных и многолошадных»[31].

В качестве примера автор приводит результаты исследования бюджетных опросов Воронежской губернии, опубликованные известным земским статистиком Ф.А.Щербиной. На основании анализа бюджетов 230 дворов с 1912 душами разных возрастов он вывел годовое душевое потребление хлеба в следующем размере:

зерновых продуктов	— 16 пудов 26 фунтов,
пшена и крупы	— 3 пудов 9 фунтов,
итого	— 19 пудов 35 фунтов.

Кроме того, необходимо добавить 6 пудов 26 фунтов картофеля. Считая по критериям того времени 3 пуда картофеля за 1 пуд хлеба, всего на душу получится 22 пуда 4 фунта зерна[32].

Щербина, вычисляя содержание пищевых начал в различных продуктах, входящих в состав пищи растительной и животной, для дворов различной состоятельности «находит следующее суточное потребление в граммах на душу населения всех возрастов» (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Потребление белков, жиров и углеводов крестьянами Воронежской губернии

Землеобеспеченность	Белки	Жиры	Углеводы
Безземельные	79,91	30,96	374,63
Имеющие до 5 дес. на двор	103,39	45,95	498,08
Имеющие 5—15 дес. на двор	103,39	46,35	516,51
Имеющие 15—25 дес. на двор	110,31	44,77	518,25
Имеющие свыше 25 дес.	121,43	53,76	548,22

Источник: РГИА. Ф. 268. Оп. 4. Д. 980. Л. 91об.

Автор записки считает, что «из всех этих чисел только числа верхней строки подходят к данным человеческой физиологии. Все остальные могли бы быть потреблены людьми лишь в том случае, если бы рассматриваемые дворы состояли исключительно из взрослого населения», и приводит в подтверждение известную норму фойты для взрослого работника, при средней работе потребляющего белка 118 г, жира 56 г, углеводов 500 г[33].

«К числу немногих работ, — констатирует автор рассматриваемой записки, — в которых размер потребления русского крестьянина определяется не по голословным показаниям и без смешения с отбросами (подчеркнуто мной. — *М.Д.*), идущими в корм домашним животным, взвешиванием каждого съедаемого куска хлеба и другого рода пищи, приготовлявшейся из точно взвешенного количества продуктов, относится превосходная диссертация П.И.Зарина — описание западного врачебного участка Верейского уезда Московской губернии. Наблюдение производилось осенью и дало по отношению к потреблению главных пищевых начал взрослого работника в семьях различной состоятельности следующие величины [(в граммах)]:

	белки	жиры	углеводы
богатая семья	145,81	43,62	579,19
семьи средней зажиточности	127,34	33,38	594,29
бедные семьи	125,19	29,61	588,64

Колебания в потреблении углеводов, служащих главным показателем потребления растительной пищи, совершенно ничтожные сравнительно с приведенными выше данными воронежской статистики, что совершенно понятно, ибо работник в бедной семье работает вряд ли существенно меньше, чем богатый, а при таких условиях трата энергии организмом не может быть существенно меньше у бедного»[34].

Как можно видеть, рассмотренная записка очень важна. Полагаю, вышесказанное хорошо демонстрирует настоящую цену не только «голословных показаний», на которых построена целая литература, но и способов осмысления таких «показаний» в этой литературе. Кто не видел подсчетов, подобных тем, которые приводит авторитетный тогда статистик Щербина и которые якобы совершенно наглядно подтверждали постоянное недоедание части крестьян?

Кроме того, записка еще раз подкрепляет высказанное уже мнение о том, что данные бюджетов — если и не принципиально сомнительный, то, по меньшей мере, не всегда достоверный источник.

Притом, казалось бы, достаточно взглянуть, например, на сведения бюджетных обследований разных уездов Смоленской губернии, содержащиеся в Энциклопедическом словаре Гранат, чтобы убедиться в необходимости сугубо осторожного подхода при апелляции к этим материалам[35]. Приводимые бюджеты иногда со-

здают такое впечатление, будто речь идет не о соседних уездах одной губернии, а о разных странах.

Увы, и сейчас степень доверия исследователей к бюджетам иногда явно чрезмерна. Показательный пример — недавняя статья Т.В.Приваловой[36], во многом основанная на бюджетных обследованиях, в частности на публикации «Бюджеты крестьян Новгородской губернии», включающей крестьянские бюджеты 75 волостей этой губернии в 1907—1911 гг. Не говорю уже о том, что едва ли корректно экстраполировать данные по Новгородской губернии на всю Европейскую Россию. В одной из таблиц приводятся данные о «потреблении животных и некоторых других продуктов по хозяйственным группам». Некоторые цифры, приводимые автором, вызывают недоумение. У читателя, хоть немного знакомого с Новгородской губернией, пусть и на рубеже XX—XXI вв., сразу же возникает (среди прочих) такой вопрос. Как можно всерьез полагать, что в этих краях, изобилующих реками, озерами, старицами, которые с домонгольских времен славились рыбными ловлями, в предреволюционные годы «в среднем по статистике на одну душу в год приходилось...1,6 кг рыбы»[37]?

По данным «Сводной статистики», обработанным в «Материалах к пересмотру торгового договора с Германией», в 1909—1911 гг. только с железнодорожных станций Новгородской губернии отправляли в среднем в год 143,7 тыс. пудов разной рыбы. Нет сомнения, что речные перевозки увеличивали эту цифру. В год на 1 жителя губернии приходилось 1,42 кг рыбы, отправленной по железной дороге. То есть почти столько же, сколько он, этот житель, потреблял, если верить данным бюджетов.

И уж совсем непонятно выглядит таблица, в которой Привалова потребление рыбы (как и других продуктов) связывает с площадью наделов (до 0,5 дес., 0,5—1 дес., более 1 дес.)[38]. Такой «социальный» подход к рыболовству не кажется убедительным.

Подобное некритичное отношение к источникам, характеризующим положение крестьянства до 1917 г., когда незаметно даже попытки выяснить степень их репрезентативности, весьма характерно для отечественной историографии.

Понятно, что везде и всегда есть люди, рацион питания которых не может считаться достаточным. Однако следует ли из этого, что таких людей в дореволюционной России было большинство, как считалось в то время, или же что их доля в населении была относительно велика? Конечно, нет. Притом, что понятие «российское крестьянство» все же чересчур абстрактное и *слишком* сложно сочиненное среднее арифметическое.

В историографии существует точка зрения, согласно которой начиная со средневековья и вплоть до XX в. русские крестьяне хронически недоедали, получая около 1500—2000 ккал при потребности в 3000. Б.Н.Миронов по этому поводу не без иронии заметил: «По биологическим законам невозможно, чтобы в течение нескольких столетий народ хронически и значительно — на 30—50% — потреблял меньше, чем требует физиологическая норма. В этом

случае он просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн кв. км территории»[39]. Развивая свою мысль, он пишет, что мнение о хроническом голодании противоречит фактам. Иностранцы, приезжавшие в Россию в XVI—XVII вв. и оставившие свои воспоминания, напротив, подчеркивают здоровье, физическую силу, выносливость русских людей и большую продолжительность их жизни, отмечая притом, что страна не испытывала недостатка в продуктах питания. Не приходится говорить о дистрофии и в XVIII—XIX вв. — по росту русские и их соседи из Восточной и Центральной Европы были примерно одинаковы[40].

Наукой установлено, что рост людей «зависит от качества их жизни, или *биологического статуса*, т.е. от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других факторов среды в течение всей их предшествующей жизни до момента измерения роста. Генетический фактор имеет большое значение для роста отдельного человека, но генетические различия утрачивают свое значение, когда измеряются массы людей и сравниваются средние величины роста, а не его индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов: различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования»[41].

По мнению Миронова, уменьшение роста мужского населения началось в 1850-е гг. и продолжалось до конца 1870-х гг. Уже в 1880-е гг. биологический статус населения в сравнении с эпохой до 1861 г. улучшился. Кстати, понижение длины тела по времени совпало с мировым аграрным кризисом 70—80-х гг., который особенно сильно затронул Россию. Возможно, что кризис в определенной степени затормозил восстановление биологического статуса[42].

Так или иначе, «с середины XIX в. до 1880-х гг. наблюдалось ухудшение питания низших и средних слоев деревни и низших слоев городского населения, т.е. большинства населения России; параллельно этому происходило уменьшение длины тела новобранцев и увеличение доли тех из них, которые забраковывались по медицинским соображениям для службы в армии. За 1854—1874 гг., до введения всесословной воинской повинности, доля забракованных рекрутов возросла с 22,7 до 27%, а с 1874—1878 по 1899—1901 гг., когда действовали пониженные сравнительно с предшествующим периодом критерии физической годности к службе, — с 11,2 до 22,1%. Крестьянство, взятое в целом, между 1860-ми и 1890-ми гг. испытывало кризис платежеспособности вследствие тяжелых финансовых условий отмены крепостного права и роста малоземелья...

С конца XIX в. происходило улучшение питания, соответственно увеличивалась длина тела и уменьшался процент забракованных для службы в армии новобранцев»[43].

В период 1890-х — 1910-х гг. питание населения улучшалось. Если в предшествующий период фиксируется «высокая и неустой-

чивая смертность», то с 1890-х — «устойчивое снижение смертности и повышение экономичности воспроизводства населения благодаря прогрессу в медицинском обслуживании...

С 1850-х до середины 1880-х гг. наблюдалось ухудшение здоровья населения, что проявлялось в повышении процента рекрутов, получивших временное или постоянное освобождение от военной службы по невозмужалости и недостатку роста (что часто бывает следствием недоедания), а также по состоянию здоровья: в 1863—1865 гг. было забраковано 24,4%, в 1881—1885 гг. — 41,3%; со второй половины 1880-х гг. процент забракованных стал уменьшаться и к 1911—1912 гг. упал до 28,4%»[44].

Одной из постоянных тем в отечественной публицистике стала проблема вырождения русского народа, и главным аргументом в пользу этого мнения стали сведения о снижении физических кондиций рекрутов. *По инерции* жалобы продолжались до начала XX в., хотя уже в 1880-е гг. тенденция изменилась[45].

Миронов подкрепляет свои выводы данными произведенного П.Грегори перерасчета национального дохода России за 1885—1913 гг., свидетельствующего о существенном повышении расходов на личное потребление начиная со второй половины 1880-х гг.[46]

Сведения о потреблении городского и сельского населения в последней трети XIX — начале XX в. показывают, что «качество питания у горожан было выше, они потребляли больше продуктов животного происхождения, но по калорийности потребления они уступали крестьянам»[47]. Антропометрические показатели новобранцев 1866—1910 гг. рождения говорят о том, что «рост у крестьян прогрессировал быстрее, чем у москвичей и горожан вообще, что приводило к выравниванию длины тела и, следовательно, физиологического статуса у крестьян и горожан»[48].

Итак, исследования Б.Н.Миронова также доказывают неосновательность тезиса о постоянно недоедающей, а тем более «голодающей» российской деревне конца XIX — начала XX в.

Выше было показано, что источники, на которых основываются подобные суждения, большей частью не репрезентативны. Нельзя признать состоятельной и методику обработки данных, по крайней мере в ряде случаев. К этому нужно добавить следующее соображение. Редкая работа, посвященная жизни пореформенной деревни, обходится без сопоставления сведений о душевом потреблении хлебов в разных странах. Россия в этих таблицах стабильно занимает последние места, а ее показатели на первый взгляд являются красноречивым укором «ненавистному политическому строю», цитируя Н.П.Макарова.

Однако у меня эти цифры не вызывают доверия, поскольку, когда производятся подобные подсчеты, принципиально важно, *какую* источниковую базу использует автор. То, что сказано в настоящей статье относительно недостоверности отечественной урожайной статистики, означает, в частности, следующее: большинство широко распространенных цифровых выкладок душевого по-

требления хлеба в России, фигурирующих в нашей историографии, неверны. И, кстати, совершенно неизвестно, задумывались ли авторы, приводящие в своих работах данные о душевом потреблении хлеба, о проблеме сопоставимости этих сведений, о том, одинаковой ли была методика подобных подсчетов в разных странах, или же они попросту некритически заимствовали материалы из соответствующей литературы. Сопоставимость расчетов как бы подразумевается сама собой, но так ли это на деле? Для автора этих строк после проведенного исследования очевидно, что данный сюжет требует обстоятельного изучения. О том же говорит и разнообразие мнений о нормах потребления (а также о размерах минимального прожиточного надела), содержащихся в новейшей работе В.Г.Тюкавкина. В частности, он приводил данные А.А.Кауфмана «о реальном личном потреблении хлеба на питание в начале XX в., которое составляло: в США — 7,2 пуда, в Англии — 9,4; во Франции — 12,3; в Германии — 14.2 и в России — 12 пудов на человека в год»[49].

Нормы эти, по крайней мере для России, достаточно реальны, если исходить из того, что согласно Временным правилам 1900 г., вступившим в силу 1 января 1901 г., размер продовольственной ссуды не должен был превышать 1 пуда зерна в месяц на взрослого человека и полупуда — на детей в возрасте до 5 лет[50].

Развивая данную тему, следует иметь в виду, что в стране к началу XX в. существовала исторически сложившаяся региональная структура потребления хлебов и картофеля, которая, несмотря на понятные изменения, в некоторых своих чертах сохранилась до наших дней.

Анализ данных о среднегодовом душевом потреблении некоторых хлебов в 1909—1913 гг., которые содержатся в издании «Производство, перевозки и потребление хлебов», дает богатую пищу для размышлений.

В 14 из 50 губерний Европейской России, практически образующих единый массив, протянувшийся с запада на восток, на душу населения приходилось в год от 1,3 до 1,73 пуда пшеницы. Эти губернии идут почти сплошной полосой от Виленской и Минской на западе до Симбирской на востоке и Вятской на северо-востоке. Сюда относятся губернии Виленская, все белорусские, кроме Витебской (с потреблением 2,01 пуда), Псковская, Черниговская, Калужская, губернии Центрально-Черноземного района (ЦЧР) (кроме Курской и Воронежской), Пензенская и Симбирская, а также Вятская. Еще 9 губерний имеют показатели от 2 до 2,8 пуда: Ковенская и Гродненская из литовских, Витебская, Курская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Казанская. Объединяет перечисленные 23 губернии среди прочего тот факт, что из них лишь Тверская, да и то с оговорками, относится к числу промышленных. Есть и другие составляющие «общего знаменателя». Рассмотрим их.

От 3 до 5 пудов пшеницы в год составляло душевое потребление в прибалтийских, Архангельской, Костромской, Владимир-

ской, Нижегородской, Уфимской, Волынской, Воронежской губерниях. Три первых — губернии с высокоразвитым сельским хозяйством, самым передовым в России по целому ряду показателей, и вместе с тем приморские. Это объединяет их с Архангельской. Из оставшихся 6 губерний три первых — промышленные, а три последних — северочерноземные.

От 5 до 7 пудов пшеницы на душу населения приходилось в среднем в год в столичных, Ярославской, Саратовской, Самарской и Киевской губерниях, то есть «городских» (с громадным городским населением) и промышленных, а также северочерноземных. К их числу я отношу Полтавскую и Подольскую губернии с потреблением от 7,4 до 8,01 пуда.

В остальных губерниях потребление колеблется от 9,2 до 13,3 пуда. Это новороссийские, Харьковская, Астраханская, Пермская и Оренбургская, т.е. в большинстве своем южночерноземные губернии, которые давали основную массу пшеницы, производимой в 50 губерниях.

Нетрудно заметить, что разрыв между губерниями высшей и низшей категорий потребления огромен. А ведь это ситуация, зафиксированная в предвоенное пятилетие, т.е. после немалого роста внутреннего потребления пшеницы, к тому же и в удачный по объемам урожаев период. Однако не будем торопиться с выводами.

Обратимся теперь к вопросу о среднегодовом душевом потреблении картофеля в те же годы. Мы видим картину, почти зеркальную только что описанной. Европейскую Россию с севера и востока полукругом окружает сплошной пояс из 10 губерний, где потребление картофеля составляет менее 5 пудов на душу населения: все северные, приуральские, Нижегородская, нижневолжские губернии, кроме Саратовской (4,99?); к их числу относятся также Екатеринославская и Бессарабская.

В 12 губерниях этот показатель колебался от 5 до 9,99 пуда. Это новороссийские губернии, кроме указанных выше, юго-западные, кроме Волынской, Харьковская, Саратовская, Симбирская, обе столичных, Тверская и Новгородская.

В большинстве случаев низкий уровень потребления пшеницы соответствует высокому душевому потреблению картофеля. Это лучше всего заметно на белорусских, литовских, прибалтийских и большей части губерний ЦЧР. Например, в Черниговской губернии среднегодовое потребление пшеницы в 1909—1913 гг. составляло 1,3 пуда, а картофеля — 21,5 пуда, в Могилевской 1,6 и 25 пудов соответственно, в Минской — 1,6 и 31,4 пуда и т.д. В то же время в Екатеринославской губернии на 1 человека приходилось в год в среднем 12,4 пуда пшеницы, но лишь 3,4 пуда картофеля, в Бессарабской — 10,13 и 2,89 пуда, Оренбургской — 13,27 и 3,4 пуда соответственно и т.д.

Рассмотрим теперь потребление ржи. Внутри массива с показателями выше 150 кг две столичные губернии имеют идентичные показатели — 136 кг (8,32 и 8,33 пуда), что подтверждает мысль

Б.Д.Бруцкуса о снижении потребления ржи в северных губерниях Европейской России, преимущественно с развитым городским населением. Свыше 150 кг ржи в год потреблялось в 31 губернии Европейской России, преимущественно нечерноземных, образующих сплошной массив (исключая Московскую). При этом в 21 из них потребление пшеницы составляло менее 3 пудов на душу населения, а более высокие показатели потребления пшеницы — у остальных 10 губерний Центрально-промышленного района (ЦПР), прибалтийских, а также Воронежской и Саратовской. То есть области наибольшего потребления ржи — это одновременно и районы наименьшего потребления пшеницы.

Едва ли к этим данным требуется подробный комментарий. Замечу при этом, что хотя проблема в целом пока далека от решения, но уже и теперь вполне очевидна несостоятельность «валового», «среднестатитического» подхода к ней.

Анализ региональной структуры потребления пищевых продуктов — источников углеводов невозможен без привлечения данных о так называемых 2-степенных хлебах. Так, в Казанской, Самарской и Уфимской губерниях потребление картофеля было низким (соответственно 3,3, 4,01, 3,7 пуда на человека). Весьма вероятно, что в определенной степени это могло компенсироваться тем, что в названных губерниях выращивалось полбы больше, чем во всей остальной империи. То же, несомненно, касается проса и пшена, гречки и гороха, кукурузы и чечевицы, существование которых традиционная историография попросту игнорирует. А между тем в некоторых губерниях они играли важную роль в рационе. Как можно без учета 2-степенных хлебов объяснить, например, тот загадочный на первый взгляд факт, что потребление всех главных хлебов в Терской области в 1909—1913 гг. составило лишь 12,34 пуда на душу совсем не бедствующего населения (минимальный показатель по Европейской России)? Эти обстоятельства, в частности, необходимо иметь в виду, рассуждая о такой сложной и деликатной материи, как потребление хлебных продуктов.

Кстати, в современной поваренной книге говорится, что в 100 граммах картофеля содержится 20 граммов углеводов, а в ржаном хлебе — 42—45, пшеничном — 43—50[51]. То есть отношение пищевой ценности картофеля и хлеба вовсе не 3:1, как принято считать в отечественной историографии, а 2—2,5:1. А это дает существенную разницу. Пример этот важен, поскольку не всем известно, что наука о питании за 100 последних лет не стояла на месте.

Направление эволюции потребления зерновых хлебов в России и факторы, влияющие на нее, были в России теми же, что и во многих странах Европы. Повсюду основной первоначально является та культура, которая оптимально соответствует природным условиям, а значит, обходится дешевле. С этим, в частности, связано преобладание ржи в Нечерноземье и в северочерноземных губерниях. Население Степного Юга России (как и Южной Европы) питалось пшеничным хлебом. Хлеб дополнялся кашами и крупами

из пшеницы, ячменя, гречихи, проса, кукурузы, а также бобовыми, прежде всего горохом.

Рост благосостояния населения приводит к постепенной замене ржаного хлеба пшеничным. Англия, где рожь когда-то была основным хлебом, в рассматриваемый период питалась уже исключительно пшеничным хлебом. В Германии доля пшеницы в рационе быстро росла, хотя ржаной хлеб еще преобладал[52]. Ф.Бродель говорит о том, что во Франции «господство» белого хлеба «устанавливалось **медленно**, и окончательно он восторжествовал **не раньше конца XIX века**. До тех пор он оставался роскошью, не доступной городской бедноте, а для деревенских жителей зачастую и вовсе невиданной»[53].

В нашей статье показано, что аналогичные тенденции активно развивались и в России, притом не только в губерниях со значительным городским населением или с развитой промышленностью, но и в нечерноземной полосе в целом: транспортная статистика фиксирует постепенное снижение товарного значения ржи в начале XX в. и параллельный рост внутреннего рынка для пшеницы.

Суммируем вышесказанное. Подходы дореволюционных народнических публицистов и некоторых ученых-аграрников к проблеме питания российского крестьянства, некритически воспринятые советской историографией, не могут быть признаны основательными как в силу нерепрезентативности источниковой базы, на которой основываются их построения, так и ввиду частого несоответствия этих построений реальным фактам.

* * *

Теперь обратимся к вопросу о «голодном экспорте».

Прежде, чем напомнить, при каких обстоятельствах термин «голодный экспорт» получил наконец-то вполне оправданное для обыденного сознания бытование, а случилось это в 1891 г., необходимо заметить, что неурожаи и голод являются неизбежными спутниками того или иного народа до достижения им определенной стадии социально-экономического развития. Поскольку поведение людей в период голода в общем схоже в разных странах в разные периоды истории, то и способы борьбы с ним были более или менее похожи. В Европе, как и в России, также создавали хлебозапасные магазины, принимали жестокие меры против спекулянтов, фиксировали цены, запрещали не только экспорт хлеба, но и вывоз его в другие провинции. При этом даже в Новой истории Европы, не говоря о средневековье и античности, бывали сильнейшие голодовки. Достаточно вспомнить, что во время голода, поразившего Германию в 1771—1772 гг., в Саксонии погибло от голода примерно 150 тыс. чел., а в Богемии — от болезней, возникших вследствие его, — 180 тыс. чел. В Шлезвиге в 1847—1848 гг. от голодного тифа население сократилось

на 10%. Болезнь картофеля в Ирландии в 1846—1847 гг. унесла жизни более 1 млн чел.[54]

Однако к рассматриваемому периоду эта полоса в жизни Европы давно закончилась. Никакой продовольственной организации в Западной Европе не было. При этом, естественно, там бывали засухи, недороды и пр., но голодная смерть ушла в предания. Уровень агрикультуры значительно повысился и во всяком случае был несопоставим с российским. Население научилось само справляться с проблемами, а если, что было крайне редко, бедствие принимало экстраординарный характер, то правительство оказывало помощь ему, но совсем иначе, чем в России.

Психологический фон, на котором возникла идея «голодного экспорта», совершенно понятен, и ее появление в каком-то смысле закономерно. Неурожаи были обычным явлением в пореформенной России, а после голода 1891 г. сильные неурожаи повторялись в 1892, 1897 и 1902 гг. (1906, 1908). Из-за недостатка запасов каждый неурожай вел к голоду или создавал его угрозу, а правительство должно было выделять продовольственную помощь, чтобы спасти население.

Легко представить, *как* воспринимало в этих условиях экспорт хлеба общественное мнение, которое редко бывает компетентно в экономических проблемах. Так что мысль о «голодном экспорте» во многом была естественной эмоциональной реакцией людей, отнюдь не равнодушных к судьбам своей страны и ее граждан, но в то же время слабо понимающих, почему на самой плодородной в Европе почве собирают самые низкие урожаи.

Вместе с тем очевидно, что сама постановка вопроса о «голодном экспорте» имеет вполне провокационный характер: подразумевается некий, пусть и не всемирный, но заговор против нормального питания российского крестьянства. Если довести идеи народнической публицистики до логического конца (или абсурда, что в данном случае одно и то же), то придется признать, что одной из приоритетных задач правительства Российской империи было максимальное ухудшение положения собственного народа. И для этого в числе других средств оно использовало экспорт хлеба.

Нельзя не заметить, что при **таком подходе экспорт хлеба рассматривается не просто как главная, но чуть ли не как единственная причина недоедания российских крестьян.** То есть если бы хлеб не вывозили, то крестьяне питались бы нормально.

Так ли это?

Попробуем ответить на данный вопрос в той мере, в какой это позволяет сделать объем настоящей работы. Начнем с конкретной ситуации, когда правительство в лице министра финансов И.А.Вышнеградского действительно поспособствовало углублению кризисной ситуации на хлебном рынке страны.

Вот как описывает А.С.Ермолов «бедственный и фатальный в истории продовольственного дела 1891 год»: «Зловещие признаки грядущего бедствия стали проявляться уже с осени и даже с лета предыдущего 1890 года, ознаменовавшихся засухою, которая, на-

чавшись со второй половины июня, продолжалась затем в некоторых губерниях до конца сентября... На многих полях озимые посевы не были с осени произведены... Затем с первой половины мая началась засуха, сопровождавшаяся страшными жарами (до 30 градусов Реомюра в тени) и продолжавшаяся более трех недель. Потом опять холода с морозными утренниками, за ними вновь жары с сильными юго-восточными ветрами, так называемыми суховеями, которые уносили из почвы последние остатки влаги и подсушивали, зажаривали на корню чахлую и без того растительность»[55]. При этом начиная с весны 1891 г. цены на хлеб, стоявшие до того на довольно низком уровне, стали быстро расти, и одновременно появился усиленный спрос на хлеб для экспорта.

«Как раз в это время, именно в половине мая, — продолжает Ермолов, — мне пришлось... по служебному поручению... не имевшему ничего общего с вопросом об урожае или неурожае, объехать некоторые южные и юго-восточные губернии России и посетить многие сельские местности. Картина, которая передо мною расстилалась, была ужасна и заставляла содрогаться за будущее. Не только полевые растения, но даже сорные травы, даже вековые деревья не могли противостоять этим губительным метеорологическим условиям. Поля в большинстве местностей оставались черными, луга и степи были выжжены и желтели, деревья подсыхали и гибли целыми десятками. Солнце на небе было красно вследствие носившихся над землею облаков пыли, пыльные вихри столбами кружились над оголенными полями и степями. Люди приуныли в ожидании неминуемой невзгоды.

А между тем в это самое время, переезжая из одной губернии в другую, с юга Воронежской губернии до Саратовской и Самарской по железной дороге, я в вагоне читал в газетах заведомо для меня инспирированные статьи, в которых сельским хозяевам рекомендовалось возможно скорее воспользоваться поднявшимися ценами на хлеб и усилившимся на него заграничным спросом, чтобы выгодно реализовать накопившиеся у них за прежние годы запасы, — советовалось вывозить за границу как можно больше хлеба для улучшения нашего торгового баланса... Можно судить о том, какое впечатление при виде развертывавшихся передо мною картин эти статьи тогда на меня производили...

По возвращении в Петербург, я счел себя обязанным немедленно представить моему непосредственному начальнику, министру финансов И.А.Вышнеградскому, записку, в которой красноречиво описывал все виденные мною ужасные картины. Записки этой у меня не сохранилось, но я как теперь помню, что она заканчивалась словами: "На Россию надвигается страшный призрак голода, — необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для предупреждения грядущего бедствия".

И.А.Вышнеградский остался моими зловещими предсказаниями очень недоволен, взял у меня из рук записку и при мне запер ее в ящик своего письменного стола, сказав: "Из этого ящика ваша записка не выйдет, ни один человек не должен о ней знать, —

иначе вы мне все курсы испортите"; и я сам убедился потом, что моя записка действительно вплоть до осени из его стола не выходила, а между тем тот же Вышнеградский спустя два месяца вынужден был запретить вывоз хлеба из России, не думая уже более ни о поддержании торгового баланса, ни о курсах, — и, быть может, от этого запрета Россия еще более пострадала, нежели потерпела бы от последствий неурожая, если бы для борьбы с ним были своевременно приняты меры, если бы заботились не о том, чтобы, стоя у преддверья голодного года, как можно больше выпустить хлеба за границу, а, напротив, запасти его возможно раньше и больше для нужд нашего собственного населения. А после нам уже и от американцев пришлось с благодарностью принимать присланные ими на пароходах грузы пожертвованного в пользу наших голодающих хлеба»[56].

Между тем едва ли запрет вывоза всех хлебов, сопровождавшийся потрясением всей хлебной торговли и еще пагубнее отразившийся на ней впоследствии, оказали сколько-нибудь позитивное воздействие на хлебные цены. Они продолжали неуклонно расти вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, притом что до нового урожая было еще далеко[57].

Итак, налицо вопиющая некомпетентность министра финансов Вышнеградского, комментировать которую как-то даже и неловко. Но комплекс вопросов, связанных с голодом 1891 г., этим не исчерпывается.

Была ли возможность избежать бедствий, помимо принятия своевременных мер правительством? Была.

На 1 января 1891 г. сумма продовольственного капитала в Европейской России обеспечивалось наличным денежным фондом в 48,6 млн руб., считая капиталы общеимперский, губернские и общественные. При этом в долгах за населением числилось 29,7 млн руб., а общий оборотный денежный продовольственный фонд составлял 78,3 млн руб. Однако продовольственные средства страны этой огромной суммой далеко не исчерпывались, поскольку к ним нужно добавить еще натуральные хлебные запасы. Их наличный объем составлял по 49 губерниям Европейской России 94,4 млн пудов хлеба, в том числе 71,6 млн пудов озимого и 22,8 млн пудов ярового. В долгах же за населением числилось 125,4 млн пудов хлеба (озимого 96,5 млн пудов и ярового 28,9 млн пудов)[58].

«Таким образом, — писал А.С.Ермолов, — весь оборотный фонд натуральных запасов выражался в колоссальной цифре 219796,207 пудов хлеба, озимого и ярового вместе. Казалось бы, что с таким денежным и натуральным запасом продовольственные нужды населения могли почитаться обеспеченными, но не то было в действительности и не то оказалось на деле в злополучном 1891 году»[59].

Приведенные данные Ермолов почерпнул из ведомостей, представленных в то время МВД Комитету министров. И, согласно другому, также «отчасти официальному источнику (Сборник правил по обеспечению народного продовольствия. Вып. 1, Г.Савича.

Пб., 1892), когда настал бедственный год, оказалось, что во всех пострадавших от неурожая губерниях состояние хлебных запасов в общественных магазинах было в высшей степени неисправное. Общий размер этих запасов не составлял в сложности и 25% нормального, требуемого по закону количества, а в некоторых губерниях, как, например, в Казанской, Рязанской, Самарской, Уфимской, оказалось налицо не свыше 15%, в Тульской — даже всего 5%. Благодаря этому, когда нагрянула беда, потребного для населения хлеба, на который по закону, прежде всего, следовало рассчитывать, на месте в магазинах не оказалось и пришлось немедленно приступить к спешной закупке его у торговцев, не замедливших этим воспользоваться, чтобы неимоверно поднять цены. На покупку хлеба, потребного для обеспечения населения, и были правительством представлены в распоряжение земств широкие средства, но они использовали их далеко не успешно, чем и вызвали впоследствии нарекания на всю деятельность земских учреждений по продовольственной части и привели к тому, что впоследствии они были от этого дела почти совсем устранены.

По расчетам ЦСК, в пострадавших от неурожая губерниях должно было находиться в наличности у владельцев-некрестьян до 115 млн пуд. хлеба, и этого количества было бы достаточно, чтобы прокормить местное население до нового урожая, а потому местным деятелям необходимо было прежде всего обратиться к этим запасам, которые были бы у них под рукою, дома. Между тем, они этого не сделали, или, вернее, далеко не в полной мере исчерпали местные запасы, и вскоре началась та хлебная вакханалия, которая характеризует собою продовольственную кампанию 1891—1892 годов»[60].

Однако, когда возникла необходимость перевозок огромных объемов зерна на большие расстояния (например, с Кавказа в Уфимскую губернию), выяснилось, что железные дороги не в состоянии справиться с быстрой единовременной транспортировкой столь больших количеств хлебных грузов. Это сильно затормозило ход дел и привело к еще большей панике[61]. При этом, в то самое время, когда разные губернии закупали хлеб в других, часто отдаленных районах, эти же самые губернии продавали свой собственный хлеб в соседние и более дальние губернии. Есть немало удивительных на первый взгляд данных, свидетельствующих «о том невероятном сумбуре, который господствовал тогда в деле заготовки и перевозки хлеба и за который должно было бы поплатиться население, если бы все издержанные на продовольствие его суммы были бы с него впоследствии взысканы, как следовало по закону»[62].

Но сейчас важно не столько то, что дело велось плохо. Некомпетентность властей всех уровней очевидна, однако ясно, что если бы магазины были «в порядке», если бы имелось то количество хлеба, которое *должно было быть в них по закону*, то ужасов голода 1891 г. удалось бы избежать или, во всяком случае, сильно их уменьшить. Разумеется, это не снимает вины с Вышнеградского,

однако, видимо, поворачивает проблему в иную плоскость, несколько уменьшая степень его авантюризма. Как министр финансов, он не мог не знать величины положенного по закону продовольственного капитала и объема необходимых натуральных запасов и, естественно, должен был на них рассчитывать, проводя свою безответственную, как выяснилось, агитацию за усиление вывоза. Если, конечно, все же не исходить из идеи, что он хотел уморить русский народ. Следовательно, голод возник не от одного только бездумного форсирования экспорта хлеба.

Неурожаи в России случались и до 1891 г., но, видимо, ситуация именно этого года в общественном сознании стала восприниматься как константа. Отныне и до конца времен экспорт хлеба из России мог быть только «голодным» и никаким иным.

Неурожай 1906 г. имел другую предысторию. Поначалу виды на урожай были очень хороши. Зима была «ровная, мягкая и почти без оттепелей». Но весна наступила значительно раньше обычного, «при первом вскрытии весны» озими в большинстве губерний вышли из-под снега без особых повреждений. Лишь в Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской, Самарской губерниях и в Области войска Донского озимые оказались посредственными. Сначала там они хорошо было пошли в рост, но с середины апреля установилась жаркая погода с сильными иссушающими почву ветрами, которая очень скоро негативно повлияла на состояние озимых посевов. «Хлеба приостановились в росте, начали редеть, заостряться, желтеть и, будучи не выше $^1/_2$—1 аршина, выкинули тощий колос. От жары и бездождья все было выжжено и посохло. На остальном пространстве России озими находились сперва в удовлетворительном состоянии, но весенняя засуха вскоре стала во всем среднем и восточном районе губительно действовать и на них.

Посев яровых начался значительно ранее обыкновенного и прошел при сравнительно благоприятных условиях: благодаря значительному запасу влаги в почве они почти повсеместно дали дружные всходы, но посевы более поздние вследствие наступившей засухи всходили неравномерно либо даже вовсе не дали всходов. Особенно плохи были всходы на крестьянских землях, которые остались с осени, как водится, невспаханными. Весною же, вместо того чтобы воспользоваться лучшим для ярового хлеба временем посева, когда еще земля оставалась влажною, крестьяне до Пасхи обсеяться не успели, а потом праздновали всю Пасху, где восемь, а где и десять дней, считая вместе с последними днями Страстной недели, и сеять начали только с Фоминой. Но это уже было слишком поздно, земля успела просохнуть, и, благодаря такому продолжительному празднованию в самую горячую пору ярового посева, лучшее для него время было упущено. Между тем известно, что "весенний день год кормит", "весною часом опоздано — годом не наверстаешь". Но перед закоснелым обычаем русского народа во время Пасхи целую неделю, а то и более, сидеть сложа руки и гулять бессильны и эти мудрые поучения стародав-

ней народной мудрости... Чем дальше подвигалась весна, тем положение все более изменялось к худшему»[63].

Полагаю, к описанной Ермоловым ситуации экспорт хлеба имеет весьма косвенное отношение.

На самом же деле, идея «голодного экспорта» попросту уводит от реальных причин неурожаев, так же, как, например, тезис о малоземелье скрывает истинную подоплеку аграрного кризиса в России конца XIX — начала XX вв. Логика здесь примерно та же, как если бы мы считали причиной пороков современного коммунального хозяйства, и в частности того, что ежегодно тысячи людей мерзнут зимой, экспорт нефти и газа. В рамках этой логики крайне трудно ответить на очень простые вопросы. Например, такой: почему в период *любого* неурожая (в обычные годы, впрочем, часто тоже) сборы на помещичьих землях, как правило, были выше, чем на крестьянских? Так, описывая неурожай 1897 г., А.С.Ермолов пишет: «В этом году, как и во всех предшествовавших и во всех последовавших неурожайных годах, было отмечено, что урожаи на владельческих землях были выше, чем на крестьянских. Лучшее удобрение, лучшая обработка и лучшие семена были тому причиной... В 1897 году разница между урожайностью крестьянских и владельческих земель сказалась особенно резко. В пределах Центрального черноземного района, например, недобор на помещичьих землях против среднего урожая колебался для ржи от 29 до 50%, составляя в среднем 39%, а для овса — от 4 до 51%, в среднем 40%, тогда как у крестьян недобор составлял для ржи 46%, для овса 59%. Особенно подчеркиваю этот факт потому, что, как известно, в новейшее время, когда явилась теория принудительного отчуждения земель у частных владельцев в пользу крестьян, некоторые последователи этой теории стали отрицать разницу в урожайности помещичьих земель и крестьянских, доказывая, что и техника земледелия у большинства частных владельцев почти ничем не отличается от крестьянской. Другие доказывали, что если некоторая ничтожная разница и есть, то она объясняется тем, что помещики взяли себе при освобождении лучшие земли, а крестьянам отвели худшие. Но едва ли такое объяснение нужно и опровергать. Иногда, стоит только проехать по меже, отделяющей помещичью землю от крестьянской, чтобы на глаз заметить резкую разницу в состоянии хлебов на той и другой, тогда как разницы в качестве почвы по ту и другую сторону межи, очевидно, быть не может»[64].

Характеристика неурожая 1906 г. завершается обращением к этой же теме: «Повсеместно почти замечалась большая разница в урожайности на полях помещичьих и крестьянских, даже при равных условиях расположения, почвы и погоды. Это свидетельствует о том, что неурожай зависел не только "от Бога", но и от разницы в обработке полей, в уходе за землею, в своевременности работ. Во многих местах на помещичьих землях рожь дала, по меньшей мере, вдвое, а местами и втрое более, нежели на крестьянских...

В некоторых местах, в районе пострадавших от неурожая губерний, был сделан подсчет, что если бы на крестьянских полях урожаи были только равны помещичьим, то и в 1906 году голода бы не было, крестьяне прокормились бы своим хлебом и правительству не пришлось бы затрачивать с весьма малою надеждою на возврат выданных ссуд колоссальные суммы на воспособление пострадавшему от неурожая населению»[65].

Во время неурожая 1908 г. ситуация повторилась вновь: «Поразительную разницу, также значительно большую, нежели обычно, дали урожаи на помещичьих и крестьянских надельных землях... даже в самых неурожайных уездах, Царицынском и Камышинском, частновладельческие земли дали больше крестьянских на 12,5—18% [по ржи]. Еще большая разница замечается тут в некоторых уездах в отношении овса... десятина частновладельческой [земли] при посеве 7 пудов дала 27,3 пуда, т.е. больше, чем вчетверо, против крестьянской земли. Это подтверждает много раз сказанное мною выше, что *если бы крестьяне на своих землях получали столько же, сколько дают земли частновладельческие, то и при недороде*, постигающем вследствие неблагоприятных метеорологических условий и те, и другие, *все же они собирали бы достаточно, чтобы прокормиться, не было бы ни голодовок, ни необходимости кормежки на казенный счет.*

...За немногими единичными исключениями... урожай был везде на частновладельческих землях выше, нежели на крестьянских, но разница эта особенно ощутительна в губерниях с общинным землевладением и с плодородною почвою, т.е. там, где землевладелец на своей земле не хозяин, потому что она в любое время может быть у него отнята и передана другому, и где крестьяне все свои надежды возлагают на Божью волю, — Бог захочет, так и на камушке родится хлеб...»[66]

Далее. Почему находившиеся в абсолютно одинаковых с точки зрения почвы и климата хозяйства немцев-колонистов в несравненно меньшей степени испытывали воздействие неурожая?

Вот что говорит на этот счет Ермолов: «Следует заметить еще, что у немецких колонистов, которых немало в приволжских губерниях, *земли обрабатываются гораздо лучше и урожаи на них приближаются к помещичьим.* То же было и в 1906 году, и потому к правительственной или посторонней благотворительной помощи они почти не прибегали. В отношении же беднейших своих сочленов, действительно нуждающихся, у колонистов получила широкое развитие взаимная самопомощь, которая у русских крестьян, как известно, отсутствует совершенно, несмотря на общинное начало, которое, по мнению поборников общины, должно было способствовать ее развитию»[67].

Еще один вопрос. Почему в период неурожая равно страдают и мало- и многоземельные хозяйства?

Процитирую Ермолова: «Не оправдалось в 1906 году также и очень распространенное теперь мнение, что все бедствия сельского населения являются последствием крестьянского малоземелья.

Именно оказалось, что степень нужды населения не находилась ни в какой зависимости от размеров крестьянского землевладения. В числе пострадавших и требовавших правительственной помощи фигурировали одинаково крестьяне и с малыми, и с большими наделами, которые в некоторых уездах Самарской губернии доходят иногда до 50 дес. на двор, а у башкир в Уфимской губернии есть наделы и в 100 дес. Правда, что башкиры из этой площади обрабатывают, и то кое-как, лишь самую незначительную часть, а остальное либо сдают в аренду русским, либо и совсем оставляют лежать втуне. И у этих-то широко обеспеченных инородцев всего более, как известно, развивалась цинга, и нужда у них была всего острее»[68].

На эти и другие вопросы ответить в рамках обычной черно-белой логики, сводящей причины бедствий крестьян к тривиальным и к тому же совершенно неверным постулатам типа «голодного экспорта», невозможно.

Подводя итог своему анализу проблемы неурожаев в России конца XIX — начала XX вв., Ермолов резюмирует: «Мерило неурожайности в разных местностях России совершенно различно, и то, что в Царстве Польском рассматривается уже как неурожай или, по крайней мере, недород, то у нас, на нашем благодатном черноземе, считалось бы урожаем выше среднего и даже хорошим. И тогда как у нас при неурожае разница в сборе на частновладельческих и крестьянских землях, по качеству, конечно, совершенно одинаковых, и при одинаковых же метеорологических условиях доходит в среднем по губерниям до 60—75 и даже до 100%, там, на почве от природы бедной, песчаной, нередко болотистой, — разница составляет 7—20 и самое большое 23%.

Правда, что там, собственно говоря, и нет того вида землевладения, которое называется крестьянским, нет и общинного владения, — а есть хозяйство мелкое, столь же способное к улучшению, столь же культурное, как и хозяйство крупное и среднее. **Дело, значит, не в почве и даже не в климате, а в самом хозяине-земледельце**, который у нас во внутренних губерниях России рассчитывает только на Божью волю да на царскую милость в виде кормежки на казенный счет, тогда как в наших же северо- и юго-западных губерниях и в Царстве Польском он более всего полагается на свой труд, на свое уменье, дающее ему силу побеждать природу, а не быть побежденным ею, не пытаясь даже вступать с нею в борьбу, чтобы преодолеть неблагоприятные для него природные условия»[69].

В силу сказанного, Ермолов, хотя и с оговорками, — сторонник Столыпинской аграрной реформы, создававшей то самое мелкое хозяйство, которое было «столь же способно к улучшению, столь же культурно, как и хозяйство крупное и среднее». Однако в 1909 г., в год выхода книги, реформа делала самые первые шаги, и тогда о ее потенциале в деле преобразования агрикультуры в России судить можно было лишь гипотетически — бурное развитие агрономической помощи начнется лишь с 1910—1911 гг. Пока же огромное значение Ермолов придает тем культурно-хозяйствен-

ным мерам по предотвращению «сплошных и повальных неурожаев»[70], которые он излагает в своей книге. В основном его позиция совпадает с мнением сотен российских агрономов, многократно зафиксированным в соответствующей литературе, хотя степень охвата сельскохозяйственных проблем у Алексея Сергеевича шире.

Хотелось бы особо остановиться на одном явлении жизни российской деревни, которое, по мнению Ермолова, прямо влияло на производительность крестьянского труда, а следовательно, и на объем урожаев и на величину потребления хлеба. Речь идет о «сокращении праздничных и прогульных дней», которое он ставит на третье место среди предлагаемых мер (после ранних посевов озимых и яровых и улучшения обработки земли).

Данная проблема весьма обстоятельно проанализирована Б.Н.Мироновым в цитированной уже монографии «Социальная история России». Он, в частности, пишет: «В дореволюционной отечественной литературе высказывались два мнения о том, как много и насколько напряженно приходилось работать русскому крестьянству для того, чтобы выжить в условиях крепостного права и после его отмены. Согласно первому, русское крестьянство отличалось большим трудолюбием и прилежанием, работало много и напряженно, если не выше, то в полную меру своих сил и возможностей. Второе мнение сводилось к тому, что крестьяне работали умеренно, лишь настолько, чтобы удовлетворить свои необходимые и скромные потребности. В советской историографии первая точка зрения стала своего рода аксиомой, которая как бы и не могла подвергаться сомнению»[71]. Известно, что существует два типа трудовой этики — потребительский, он же традиционный, он же минималистский, и буржуазный, или максималистский. Российское крестьянство исповедовало первый тип этики, согласно которому «работать следует до удовлетворения традиционных, скромных по своему составу потребностей семьи и не стремиться к накоплению; напротив, максималистская трудовая этика ориентировала человека на достижение максимально возможного результата в своей работе, а предпринимателя — на максимальную прибыль»[72].

О соотношении рабочих и нерабочих дней в крестьянском хозяйстве можно судить по данным Таблицы 2.

Таблица 2

Общий баланс рабочих и нерабочих дней в году в крестьянском хозяйстве в середине XIX — начале XX вв.

	1850-е гг.		1872 г.		1902 г.	
	абсолютное	%	абсолютное	%	абсолютное	%
Число рабочих дней	135	38	125	34	107	29
Общее число нерабочих дней	230	62	240	66	258	71
в том числе праздничных	95	26	105	29	123	34

Источник: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. II. С. 308.

Комментарии к этой таблице излишни: за полвека число праздничных дней выросло с 95 до 123, т.е. почти на месяц, а общее число нерабочих дней достигло к началу XX в. 258 (более чем 8,5 месяца), что составило 71% всего количества дней в году.

Миронов пишет: «Объединению жителей одного селения в сплоченный коллектив чрезвычайно способствовало совместное совершение всем миром календарных обрядов... Коллективные молебны совершались и вне привычного календаря — по случаю засухи, эпизоотии и т.п. Кстати говоря, большое число праздничных дней не являлось, с точки зрения крестьянина, непроизводительной потерей времени, так как в праздники крепилась солидарность коллектива, обсуждались его дела, за выпивкой разрешались конфликты и снимались противоречия»[73]. При этом «в основе обычая не работать в праздники лежало искреннее народное убеждение, что за работу в праздничные дни в будущем виновные потерпит убыток, который вдвое превысит доход, полученный в день работы. Согласно крестьянским представлениям, не только работать, но даже не принимать участия в сельском празднике считалось аморальным и оскорбительным для общины. Крестьянина, уклонявшегося от участия в празднике, односельчане обносили круговой чашей, из которой пили все, что считалось величайшим позором»[74].

В данном случае для нас важны не столько психологические и иные мотивы, объясняющие такое значительное число праздничных дней, безусловно, чрезвычайно интересные сами по себе. Важнее зафиксировать следствия. Хотя Миронов и не акцентирует внимание на вопросе о влиянии такой трудовой этики на жизненный уровень крестьянства, на производительность сельскохозяйственного труда, на величину урожаев, тем не менее эта проблема в тексте присутствует: приводимые им данные, включая таблицу, более чем красноречивы.

А.С.Ермолов же и некоторые другие современники куда менее академичны. Так, Алексей Сергеевич пишет: «Пасха иной раз в самую пору ярового посева приходится, и вместо того, чтобы это лучшее для посева время использовать, они восемь, а то и десять дней празднуют, считая грехом на Пасху не только в первые дни, но и во всю неделю работать. В первой же половине августа, тоже в лучшее время для посева, — опять ряд праздников, — тут и первый Спас, и второй Спас-Преображения, и Успение; не только самый день, например, Спаса празднуют, но и на другой день после него — отданье Спаса, полу-Спас — тоже не работают, местами празднуют и третий Спас, Спас на полотне, — 16 августа. А коли в эти дни в деревенских церквах "престолы", то и по два и по три дня после того гуляют. Престолы не только в своих церквях справляют, а и в окрестные села по соседям ездят, и так тоже празднуют да пируют... Потом — 18 августа — Флор да Лавр идет — лошадиный праздник, — на лошадях работать грешно, и т.д. И оттягивается таким образом озимый посев до второй половины ав-

густа, а иногда и начало сентября прихватывает, что уж совсем плохо.

Известно, что у крестьян, кроме установленных церковью, бывают еще и свои праздники, — разные "навкины велик-дни" (праздник русалок), девятые, Параскевы, Грозные, Ильинские пятницы, Паликопы, Борис-Глебы и т.п. И насчитывается у нас, у русских крестьян, таких праздничных, прогульных дней, считая вместе с воскресеньями — где 130, где 140, а местами и до 150, и производительное рабочее время уменьшается более чем на одну треть в году. А в Германии, например, и даже у нас, в прибалтийских губерниях, праздничных дней, считая вместе с воскресеньями, не больше 65, в местностях с преобладающим католическим населением до 85—90 доходит, но все же значительно менее, нежели у нас.

О вреде праздников было уже немало говорено и писано, приняты меры к тому, чтобы устранить прежнее обязательное празднование некоторых дней, но дело от того нисколько не стало лучше, и я уже говорил, что в 1906 году в некоторых губерниях задержка ярового посева по случаю празднования Пасхи сильно повлияла на урожай. А известно еще, что с каждым праздником у народа и гульба, и пьянство связаны, — "хоть себя заложить, да праздник честь-честью проводить" — говорят крестьяне. Веками укоренившиеся обычаи и взгляды крестьян изменить нелегко, но нельзя потворствовать предрассудкам крестьян, что работать в праздник грех, и нужно моральное воздействие на них, чтобы доказать им ошибочность такого взгляда.

Я лично помню, как один крестьянин, правда выпивший, застав меня однажды в четверг на Святой неделе в поле с моими пахарями, набросился на нас с ругательствами "и как вам не грех в праздник работать, это вам позор...", ну а в праздник напиться он, очевидно, грехом не считал. Я спрашивал священников, почему они в этом деле не подают примера крестьянам, не влияют на них словом и примером: — нам, говорят они, неловко... А между тем, спрашивается, какими каноническими законами, какими правилами церкви установлено 8-ми дневное ничегонеделание в Святую неделю? Правда, во все дни этой недели бывают службы в церквях, но много ли крестьян, не считая первого дня и воскресений, эти службы посещают? — а гуляют поголовно все»[75].

Такова точка зрения министра. А вот мнение на этот счет А.В.Байкова, жителя деревни Конной Сычевского уезда Смоленской губернии, одного из тех крестьян, для которых Столыпинская аграрная реформа стала началом не просто новой, но *настоящей* жизни. Юрьевский пишет: «Байкову теперь 70 лет, но это бодрый человек, продолжающий трудиться на благо своего родного края. Байков уже давно нажил крупное земельное и денежное состояние, но продолжает жить попросту, по старинке...

"Лучше ли стало жить на хуторах и отрубах? — говорит А.В.Байков. — Да, лучше, и много лучше, но одна беда — это праздники и связанное с ними пьянство. Праздники календарные,

церковные у нас сравнительно мало почитаются, а вся беда в так называемых «престольных», местных праздниках, число которых за последнее время не только не уменьшается, но все увеличивается. На моей памяти в окрестных селениях был установлен целый ряд таких праздников. Так, например: лет 25—30 тому назад в нашей местности была чума рогатого скота. В деревне Конопатине она окончилась к 20 июля, и вот деревней установлен был по сему случаю праздник; в деревне Ашиткове чума окончилась к 8 июля — установили 3-дневный праздник; в деревне Дюкове тоже лет 30 назад был 29 июля пожар — установили праздник; в деревне Гайдуках был такой случай: на Кирика и Улиту, 15 июля, поднялся ветер и разметал копны сена — установили праздник; в деревне Лычники на преподобного Сергия 5 июля был град — установили праздник. Праздники эти — не престольные, ничего общего с храмом не имеющие. Я указал только ближайшие деревни, жизнь которых я хорошо знаю. Но подобные праздники во всей нашей местности существуют, можно сказать, в каждой деревне, а в некоторых — даже не один такой праздник. При этом нередко празднуют «Девятой пятнице», «Десятой пятнице», «Ильинской пятнице» и разным «Симонам-Гулимонам», которых и в святцах не найдешь.

Горе в том, что духовенство наше не только не борется с этим злом, а даже наоборот... В деревне Конопатине раньше праздновали «чуме» один день, причем все празднество выражалось в общественном молебствии среди деревни; но вот поступил в приход новый священник и говорит конопатинцам: «Если бы к вам приехал какой-либо важный барин, почетный гость, — неужели вы приняли бы его на улице, а не попросили бы каждый в дом свой»... И было решено: служить молебны в каждом дворе и праздник установить трехдневный. **И это в самое страдное время, когда у нас поденная плата доходит до 1 р. — 1 р. 40 коп. в день**!

Во что обходятся эти праздники. В текущем году мне пришлось быть в этом самом Конопатине на пятый день праздника, и, заметив, что крестьяне еще не очухались от праздничного угара, я вздумал вместе с ними подсчитать, во что обошелся им праздник, и что же оказалось? На 36 дворов выпито водки и пива на 307 рублей, не считая чая и разных лакомств, да прогул четырех рабочих дней целой сотни рабочих с подростками при поденной цене 1—1,40 коп. должен быть определен сотнями рублей, и, кроме того, в каждом дворе «гуляло» не менее 3—4 и до 10 «гостей» из других деревень. Так что один такой праздник обходится не менее 1000 рублей.

Подсчет это применим и к прочим селениям Сычевского уезда, и можно смело сказать, что в среднем каждый праздник обходится одному двору не менее 25 рублей...

А иностранцы еще говорят, что наш мужик беден! Да нехай любая наикультурнейшая страна в свете попробует при летнем периоде в 5—6 месяцев, а не в 9—10, как в Западной Европе, пускай,

говорю, попробует отпраздновать 200 дней в году, да притом по преимуществу летом, — да у них и потрохов не останется...

А какое хулиганство рождают эти праздники! В нашей местности ни одного праздника не обходится без «подрезанных», и после каждого праздника при встрече обычно спрашивают: «Ну, сколько у вас подрезали?» Так, например, в текущем году в праздник Успения (15 августа) в двух приходах было «подрезано» 15 человек; к счастью, тяжелых ранений не было, хотя некоторым и было нанесено до 10 колотых ран!

В старину говорили, что земля стоит на трех китах. А теперешние наши русские киты — это невежество, праздники и пьянство... На этих китах не устоишь...И Россия ждет богатыря, своего Еруслана Лазаревича, который избавит ее от этих чудовищ"»[76].

Эти свидетельства значительно увеличивают разрыв между теоретическими построениями о негативном влиянии климатических условий на сельское хозяйство России, о напряженном — в силу короткого периода сельскохозяйственных работ — режиме трудового времени и т.д., с одной стороны, и реалиями повседневной жизни российской деревни — с другой.

Теперь несколько слов о возможности запрета вывоза хлеба. Понятно, что всерьез ее никто и не пытался рассматривать, и не только ввиду исключительно важной роли экспорта хлеба для народного хозяйства России. В этом просто не было необходимости.

Иное дело — централизованные закупки хлеба государством в лице Министерства финансов. Неурожай 1901 г., имевший, по признанию Министерства внутренних дел, характер «народного бедствия», постиг 18 губерний и 2 области. Считается, что в пострадавших уездах жило 24 млн чел., а площадь крестьянского землепользования составляла 51 млн дес. В отличие от предыдущих неурожайных лет, ситуацию предвидели и к ней подготовились. В числе прочих мер особо следует отметить заблаговременную закупку хлеба Министерством финансов для создания продовольственного запаса. Этим ведало специально созданное Временное управление по правительственной закупке хлеба. Всего было закуплено 28 млн пуд. хлеба. Часть его была использована в кампанию 1901 г., часть — в кампанию 1902 г., а оставшиеся излишки были распроданы[77]. К сожалению, опыт удачной кампании 1901—1902 гг. не всегда учитывался впоследствии.

Надо заметить, что тезис о «голодном экспорте», точнее, интерпретация в отечественной историографии проблемы потребления российской деревни попросту игнорирует наличие в стране *продовольственной системы*, гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы, о чем уже говорилось выше. Игнорирует, надо думать, для удобства: в идее «голодного экспорта» заботе правительства о предотвращении голодовок места, разумеется, нет.

Любой, кто не знаком профессионально с рассматриваемой проблематикой, но со школы знает о «голодном экспорте», совершенно естественно полагает, что «антинародное» царское прави-

тельство выкачивало из деревни хлеб, обрекая на голодовки миллионы крестьян, и никак не заботилось о борьбе со *стихийными* бедствиями в виде постоянных неурожаев. Между тем это совершенно не так. История продовольственной системы в России насчитывала многие десятки лет, однако ее рассмотрение выходит за рамки данной работы.

Для минимизации последствий неурожаев требовалось всего лишь *исполнять закон*. При этом Ермолов был уверен, что любая система продовольственного законодательства «будет только паллиативом, будет способствовать только временному облегчению народной нужды». Он утверждал, что сохранение существующего положения дел в сельском хозяйстве приведет к разорению государства, обреченного чуть ли не из года в год переживать подобные бедствия, и «к полной деморализации населения, к его обнищанию, к упадку в нем всякой инициативы, к потере даже всего желания выбиться из настоящего его положения, — при уверенности в том, что с голоду никому умереть не дадут, что правительство в тяжелый год всегда широко придет ему на помощь, что "не будет хлеба, так Царь прокормит"... Пора нам убедиться в том, что одним поголовным кормлением народа в неурожайные годы мы не достигаем ничего, кроме того, что беда становится хроническою»[78], — призывал Ермолов.

Итак, о полном прекращении вывоза хлеба здесь речи нет. Что же касается запрета экспорта в голодные годы, то надо сказать, что эта мысль неоднократно возникала как в России, так и в Европе в соответствующих ситуациях. Екатерина II осудила ее еще в XVIII в., но тем не менее периодически эта идея дискутировалась вновь. А в 1891 г. апологет хлебного экспорта Вышнеградский вынужден был, как писал А.С.Ермолов, «под напором общественного мнения и под влиянием тех же газет, которые так недавно еще поощряли усиленный экспорт хлеба, прибегнуть к таким чрезвычайным мерам, как воспрещение вывоза за границу не только ржи в зерне, ржаной муки и отрубей, но затем, в октябре и ноябре того же года, и всех прочих хлебов и вырабатываемых из них продуктов.

Трудно, однако, сказать, чтобы эти меры, тогда же сопровождавшиеся потрясением всей нашей хлебной торговли и еще пагубнее отразившиеся на ней впоследствии, оказали сколько-нибудь благодетельное влияния на хлебные цены, которые продолжали расти неудержимо, вплоть до весны 1892 года, когда началось довольно быстрое их падение, невзирая на то, что до нового урожая было еще далеко»[79]. После 1891 и 1892 гг. был ряд сравнительно благоприятных урожайных лет, но сельское хозяйство страны еще долго переживало последствия одной из самых радикальных мер для борьбы с неурожаем 1891 г. — запрещения вывоза хлеба за границу — в связи с последовавшей вскоре затем таможенной войной с Германией.

Запрет экспорта не снизил цены на внутренних рынках — они продолжали расти вплоть до весны, когда выяснились хорошие

виды на урожай и обнаружились большие запасы хлеба. Если бы не запрет вывоза, то, возможно, часть этих запасов ушла бы за границу, однако Ермолов сомневается в этом, поскольку тогда внутренние цены были выше заграничных. Но, продолжает он, «прекращение вывоза привело к гибельным для нас результатам с другой стороны». Германия и Англия принадлежали к числу главных потребителей русского хлеба, причем в Германию поставлялись рожь и овес, а в Англию — преимущественно пшеница. В эти годы основным конкурентом России на европейских рынках были США, которые до 1890-х гг. выращивали и вывозили сравнительно небольшое количество ржи, поскольку считали, что выгоднее производить и экспортировать более дорогую пшеницу. Пшеничный рынок Европы Россия делила с США, тогда как в отношении овса и в еще большей степени ржи Россия была вне конкуренции, особенно на германском рынке.

В 1880-х гг. Германия, защищая интересы своего сельского хозяйства, под влиянием аграриев, а отчасти в ответ на повышение российских таможенных пошлин на ряд германских товаров, прежде всего на металлические изделия, наложила пошлину на русские хлеба. Россия тем не менее приступила к пересмотру таможенного тарифа в смысле еще большего усиления протекционизма, и в Германии обсуждалась идея дальнейшего повышения пошлин на ввозимый из первой хлеб[80].

«Однако германское правительство, — пишет Ермолов, — колебалось осуществить эту меру, опасаясь того, что она может вызвать неудовольствие со стороны потребителей русского хлеба в Германии вследствие чрезмерного повышения цен на него, без нашего хлеба там не считали возможным обойтись. Но вот наступил голодный 1891 год, и мы сами, запретом вывоза нашего хлеба, сыграли Германии в руку. Русский хлеб исчез с ее рынков, как и с английских, но наше место немедленно же заняла на них Америка, которая скоро и рожь начала более прежнего производить и вывозить, чтобы завладеть рынком германским. Тогда и Германия, убедившись, что она может обойтись без нашего хлеба, перестала с нами церемониться и в конце 1891 года заключила ряд торговых договоров на базисе понижения хлебных пошлин со всеми конкурирующими с нами странами, ввозящими на германские рынки зерновой хлеб. После этого наши рожь и пшеница стали оплачивать при ввозе в Германию пошлину в 11 коп. с пуда, а овес — на 10 коп. большую, нежели хлеба других стран.

В отместку за это Россия ввела двойные таможенные тарифы на ввозимые к нам германские товары, и началась так называемая таможенная война наша с Германией. Немцы ответили дальнейшим на 50% повышением хлебных ставок на русские хлеба, и нам пришлось оплачивать рожь и пшеницу пошлиною на 31 коп. с пуда, а овес на 25 коп. более высокою, нежели наши конкуренты; важнейший для нашей хлебной торговли германский рынок был для нас почти совершенно закрыт. А за это время положение Америки на нем все более и более упрочивалось. Когда же запрещение

заграничного вывоза было у нас отменено и, начиная с 1893 года, наступил ряд высокоурожайных лет, **когда мы вновь получили возможность вывозить свои громадные в ту пору хлебные избытки за границу**, то оказалось, что за время приостановки нашего экспорта торговые конъюнктуры на заграничных рынках совершенно и к полной нашей невыгоде изменились».

Многие из рынков были почти потеряны, и России пришлось их завоевывать заново. Для этого ей, с одной стороны, пришлось пойти на серьезные уступки в пользу Германии в своем таможенном тарифе, чтобы добиться некоторых от нее уступок в хлебных тарифах в свою пользу, что и было зафиксировано в таможенном договоре с Германией 1894 г., а с другой стороны, значительно понизить цену на свой хлеб, что, естественно, «самым пагубным образом отразилось на нашем сельском хозяйстве»[81].

«Таким образом, — подытоживает Ермолов, — наши сельские хозяева, как землевладельцы, так и крестьяне, большинство которых во всех хлебородных местностях России тоже ставит свой хлеб на рынок, потерпели колоссальные убытки и под влиянием неурожая 1891 и отчасти 1892 года, когда большинству из них продавать было нечего, а, напротив, самим приходилось покупать и хлеб, и корма, — и от непомерного, ниже стоимости производства, падения цен на хлеба, когда запрет вывоза был снят, но заграничные рынки оказались уже в значительной мере и надолго для нас потерянными, а затем под влиянием повышенных германских тарифных ставок на наш хлеб.

В течение многих лет мы из этих крайне для нашего сельского хозяйства невыгодных условий выбраться не могли, и долгие годы нам пришлось расплачиваться за такую меру, как воспрещение вывоза русского хлеба, которое ожидаемую от него пользу в голодный год едва ли принесло, но зато самым пагубным образом отозвалось на нас же впоследствии. И надо надеяться, что к подобной мере, совершенно основательно... осужденной еще в XVIII столетии, мы уже никогда, ни при каких условиях возвращаться не будем»[82].

Сформулировано, как можно видеть, вполне внятно.

* * *

Подводя итоги, еще раз повторю, что сама идея «голодного экспорта» — порождение народнических теорий, доминировавших в умах российской интеллигенции в пореформенную эпоху и благополучно переживших 1917 г., прежде всего натурально-хозяйственной концепции. Напомню, что, согласно этой концепции, крестьяне должны жить исключительно на доход со своей земли и что его величина целиком зависит от площади наделов. Иные источники крестьянских доходов и варианты увеличения землепользования при этом совершенно игнорируются. Тезис о «голодном экспорте», как представляется, есть распространение натурально-хозяйственной концепции на масштабы России. Подобно

тому, как эта теория не принимает во внимание аренду и внеземельные заработки, считает их как бы не вполне нормальным явлением, «нарушением правил» и т.п., тезис о «голодном экспорте» отрицает реальность нормальных рыночных отношений, регионального и международного разделения труда.

Однако никто не мог в конце XIX — начале XX вв. заставить крестьян Новороссии и Предкавказья производить пшеницу и ячмень, на которые, прежде всего, и падала основная часть вывоза (а, к примеру, дехкан Средней Азии — хлопок), если бы это не было выгодно для них.

Между тем большой хлебный экспорт России был естественным, даже закономерным явлением.

А.Н.Челинцев в общем виде рассматривал вопрос о динамике соотношения внутреннего и внешнего хлебных рынков за 1880/84 — 1907/10 гг. По его подсчетам, чистый привоз в области недостатков за эти годы увеличился в 2,2 раза, а все избытки хлеба — в 2,8 раза: «Предложение южной половины страны перегоняло, таким образом, рост спроса в северной половине Европейской России. И избыток хлеба должен был находить все больший сбыт за границей. Вывоз за границу с 262,4 млн пудов в 1880/84 гг. вырос до 585,1 млн пудов в 1907/10 гг., т.е. на 322,7 млн пудов. Итак, несмотря на рост, внутренний рынок не мог поглотить того предложения хлеба, которое вырастало... более всего в южно-черноземных губерниях. И в результате Южная Россия и Россия в целом стали в большей мере заинтересованы во внешнем рынке, чем 25—30 лет тому назад»[83].

Развивая эти мысли, исследователь писал: «Рост индустрии городов и неземледельческого населения вообще не был достаточен для поддержания объема сельскохозяйственного производства на достаточной высоте. [...] Занятое сельским хозяйством население удерживалось в побочных занятиях для пополнения заработка от собственного сельского хозяйства, выселялось, уходило на временные сельскохозяйственные заработки и пр.

Но не только в этом можно было видеть недостаточность объема внутрирусского сельскохозяйственного рынка, которая задерживала должное расширение сельского хозяйства. Ограниченность внутреннего сельскохозяйственного рынка была очевидной из того, что уже при достигнутом в России уровне производительности сельского хозяйства часть его продуктов могла продаваться лишь за пределами России. Как земледельческая по преимуществу страна, она могла размещать свои продукты, лишь прибегая к заграница. Другими словами, сложившийся объем русского сельского хозяйства поддерживался в известной своей части сбытом на этот заграничный рынок. [...] Увеличивался вывоз тех хлебов, культура которых была... главной в редкозаселенных южных, юго-восточных и восточных районах с быстрым расширением хлебной площади, т.е. ячменя и пшеницы»[84].

Автор этих строк менее всего склонен трактовать ситуацию с питанием *всех* сельских (и не только сельских) жителей России в

начале XX в. в мажорных тонах. Но равным образом, надо думать, и обратная точка зрения должна подкрепляться не общими и легковесными рассуждениями, а солидной источниковой базой. К тому же вряд ли основательно переносить ситуацию, скажем, времен мирового аграрного кризиса на начало XX в. Она достаточно быстро менялась — и *не в худшую сторону*. Вновь напомню, что «русское крестьянство» — уж слишком широкое понятие.

Настоящий текст носит постановочный характер и лишь намечает круг проблем, которые настоятельно требуют отдельного и очень серьезного изучения.

Если рацион питания какой-то части крестьян не был всегда достаточен, если неурожаи и сопровождавшие их бедствия были обычным явлением в России конца XIX — начала XX вв., то ответственность за это, как мы видели, лежит вовсе не на экспорте хлеба. Причины социальных неустройств, одним из проявлений которых являлись проблемы потребления, были *неизмеримо* сложнее и вытекали из общих условий российской жизни пореформенной эпохи. Эти причины, скорее, нужно искать в том, *как* была проведена крестьянская реформа, *как* были реализованы, а точнее — извращены глубоко продуманные замыслы Н.А.Милютина и его соратников: в урезании крестьянского землепользования, в консервации общины и тем самым средневековых приемов обработки земли, не только в сохранении старых стеснений для крестьян, но и умножении новых, в отсутствии стратегического видения перспектив развития главной отрасли экономики страны, в том типе аграрной эволюции, который сложился под влиянием сельскохозяйственной правительственной политики второй половины XIX в.

Таким образом, проведенное исследование показало, что тезис о «голодном экспорте» хлеба из России в начале XX в., столь распространенный в историографии, реальных оснований в статистике производства, экспорта и перевозок хлебных грузов не имеет.

Примечания

[1] Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 6.

[2] Гарскова И.М., Давыдов М.А. Структура хлебного рынка в конце XIX — начале XX вв. // Россия на рубеже XIX—XX вв. М., 1999.

[3] Общая газета. 2001. № 47 (433), 22—28 ноября.

[4] Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1918. С. 135.

[5] Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Т. 1. С. 408—414.

[6] Там же. С. 418—417.

[7] Там же. С. 414—415.

[8] Там же. С. 415.

[9] Ермолов лично был знаком с одним тамбовским крестьянином-мордвином, который каждую зиму привозил в Петербург целый транспорт такого товара. «В Париже, как известно, женщины из простонародья и зубы

свои вырывают и их продают дантистам, чтобы несколько франков таким путем заработать, но ставить подобные явления на счет правительства едва ли там кому-нибудь приходит в голову» (там же).

[10] Там же. С. 415—416.

[11] Там же. С. 416.

[12] Там же. С. 416—417.

[13] Там же. С. 417.

[14] Там же. С. 418.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 421.

[17] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 523.

[18] Ермолов А.С. Указ. соч. Т. I. С. 423.

[19] Там же. С. 425.

[20] Там же. С. 427—428.

[21] Макаров Н. Социально-этические корни в русской постановке «аграрного вопроса». Харьков, 1918. С. 16.

[22] Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России. Пг., 1916. С. 4.

[23] Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. М., 1916. С. 10.

[24] Юрьевский. Возрождение деревни. Пг., 1914 С. 162—163.

[25] Там же. С. 164—168.

[26] Там же. С. 167—168.

[27] Ермолов А.С. Указ. соч. С. 540—541.

[28] Там же. Т. II. Приложение. С. 6.

[29] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 268. Оп. 4. Д. 980. Л. 90об.

[30] Там же. Л. 90об.—91.

[31] Там же. Л. 91.

[32] Там же. Л. 91—91об.

[33] Там же. Л. 91об.

[34] Там же. Л. 91об—92.

[35] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 33. Стлб. 167—168.

[36] Привалова Т.В. Питание российского крестьянства на рубеже веков // Крестьяноведение: Теория. История. Современность: Ежегодник. 1997. М., 1997.

[37] Там же. С. 134.

[38] Там же. С. 134—135

[39] Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. I. СПб., С. 57.

[40] Там же. С. 58

[41] Там же. Т. II. С. 335.

[42] Там же. С. 348—349.

[43] Там же. Т. I. С. 60.

[44] Там же. Т. II. С. 349.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] Там же. С. 349—350.

[48] Там же. С. 350.

[49] Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 65—70.

[50] Ермолов А.С. Указ. соч. С. 225.

[51] Книга о вкусной и здоровой пище. М., 1984. С. 16. Там же говорится, что в 1 кг ржаного хлеба содержится около 2040 ккал, в 1 кг пшеничного хлеба — 2290 ккал, в 1 кг картофеля — 890 ккал (там же. С. 25).

[52] Бруцкус Б.Д. Аграрная эволюция и аграрное развитие.

[53] Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1997. Т. 2. С. 133.

[54] Ермолов А.С. Указ. соч. Т.

[55] Там же. С. 98—99.

[56] Там же. С. 99—101.

[57] Там же. С. 104—105.

[58] Там же. С. 95.

[59] Там же. С. 95—96.

[60] Там же. С. 105—106.

[61] Там же. С. 107.

[62] Там же. С. 108.

[63] Там же. С. 306—309.

[64] Там же. С. 145—146.

[65] Там же. С. 317—318.

[66] Там же. С. 578—579.

[67] Там же. С. 318—319.

[68] Там же. С. 319.

[69] Там же. С. 582—583.

[70] Там же. Т. II. С. 144.

[71] Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. II. С. 305.

[72] Там же.

[73] Там же. Т. I. С. 457.

[74] Там же. Т. II. С. 310—311.

[75] Ермолов А.С. Указ. соч. Т. II. С. 310—311.

[76] Юрьевский. Указ. соч. С. 88—91.

[77] Ермолов А.С. Указ. соч. Т. I. С. 231—232.

[78] Там же. Т. II. С. 136—137.

[79] Там же. Т. I. С. 104—105.

[80] Там же. С. 136—137.

[81] Там же. С. 137—139.

[82] Там же. С. 139—140.

[83] Челинцев А.Н. Перемены в хлебной продукции Европейской России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913.

[84] Он же. Сельскохозяйственная география России. Берлин, 1923. С. 6—7.

История предпринимательства

*Н.М.Арсентьев**

Модель предпринимательского поведения и проблемы экономического роста: Замосковный горный округ в XVIII — первой половине XIX в.

Изучая историю отечественного предпринимательства, нельзя не провести параллели между процессом его становления и развития и общим состоянием экономики страны, направлением и характером ее эволюции. Так, например, в XVIII в. в результате петровских реформ развитие промышленности, прежде всего металлургической, суконной и полотняной, вывело Россию на передовые для того времени рубежи. Некогда считавшаяся исключительно земледельческой, страна заняла первое место в мире по выплавке чугуна, т.е. по производству, которое являлось важнейшим показателем технического прогресса. Европа была вынуждена миллионами пудов вывозить из России железо, и европейские корабли доставляли его по морям и океанам под парусами преимущественно из русского полотна. В конце XVIII в. одна треть экспорта страны приходилась на продукцию промышленного производства, а заграничный отпуск железа по ценности равнялся 13% от всей русско-европейской торговли. Россия вошла в число могущественнейших стран Европы[1].

На первый взгляд, перед нами — явное поощрение предпринимательства в промышленности и торговле, но в действительности на хозяйственных реформах Петра, как и на многих других, лежит печать двойственности и противоречивости. Предприниматели находились под жестким контролем коллегий, которые выдавали разрешение строить заводы, устанавливали цены на продукцию, следили за производством и сбытом, осуществляли судебную и административную власть и над рабочими, и над заводовладельцами. Петровская модель промышленности была одновременно и новационной, и традиционной. Она опиралась, с одной стороны, на крупное мануфактурное производство европейского уровня, а с другой — на мотивацию деятельности предпринимателей, сочетающую государственное регулирование с частной инициативой, на трудовые отношения, основу которых составляло как внеэкономическое принуждение, так и материальное стимулирование труда. И тем не менее проведенные реформы были весьма успешны. Механизм экономического роста, созданный на этих началах, опреде-

* Арсентьев Николай Михайлович — доктор исторических наук (Мордовский государственный университет).

лил безусловный подъем и даже взлет в развитии народного хозяйства страны вплоть до конца XVIII в.

В результате нововведений, расцененных славянофилами как дьявольские козни против традиционных жизненных устоев русского народа, экономика страны достаточно быстро смогла преодолеть отсталость, пусть даже временно. Рудники и металлургические предприятия совершенно бесспорно доказали свою высокую рентабельность, а развитие тяжелой промышленности продолжалось и после смерти Петра.

Шло время. Экономическое чудо, совершенное Англией, говорило о начале новой эры в развитии промышленности — эры машинной индустрии. Между тем коалиционные войны 1805 и 1806—1807 гг. с Наполеоном отчетливо проявили слабость экономического потенциала России.

Нельзя сказать, что металлургическая промышленность в первой половине XIX в. перестала развиваться: с 1801 г. по 1861 г. прирост выплавки чугуна составил 72—73%[2]. Современники с удивлением отмечали и невиданный для того времени рост потребления железа. Из него строились железные дороги, мосты, телеграфы, изготовлялись паровые машины, пароходы и прочие вещи, о которых раньше никогда и не помышляли. Однако при сопоставлении темпов развития горно-заводской промышленности в различных странах обнаруживается заметное отставание России, и в первую очередь от Англии — основного потребителя русского металла в XVIII в. «Нынешнее производство железа в Великобритании, — констатировала этот факт в одном из своих номеров за 1856 г. «Коммерческая газета», — представляется чрезвычайным как по своей значительности, так и по своему быстрому развитию. В 1796 г. выделывалось только 125 тыс. т (7815 тыс. пуд.), в 1806 г. — 258 тыс., в 1823 г. — 450 тыс., в 1830 г. — 670 тыс., а теперь выделка впятеро более — 3500 тыс. т (220 млн пуд.)»[3].

Россия не смогла выдержать конкуренции с быстро развивающимися капиталистическими странами. В 1859 г. на долю нашей страны приходилось менее 4% (18 млн пуд.) от мировой плавки чугуна (460 млн). К этому времени ее обошли Англия, годовая выплавка которой составила 234 млн пуд., Франция — 53, Соединенные Штаты — 52, Пруссия — 24, Австрия — 20, Бельгия — 19 млн пуд.[4] Россия утратила славу мирового экспортера железа. Если в конце XVIII в. годовой объем российского железа на мировом рынке доходил до 3 млн пуд., то в 50-е гг. XIX в. он составлял только 747 тыс. т[5]. Отечественного металла не нашлось даже на постройку первой железной дороги, и рельсы для нее пришлось ввозить из Англии[6]. Отставание в той области промышленности, от которой непосредственно зависело военное производство, рано или поздно должно было стать одной из причин трагедии, подобной Крымской войне (1853—1856 гг.), приведшей к унизительному для страны Парижскому миру.

На протяжении первой половины XIX в. предлагалось немало проектов для оздоровления отрасли, однако попытки их осущест-

вить не дали положительного результата. Дело в том, что обсуждение преобразовательских программ, как это ясно видно с высоты сегодняшнего дня, чаще всего начиналось и заканчивалось упорядочением и усилением администрации. А историческое развитие вновь неотвратимо ставило те же проблемы: как заставить промышленность работать по-европейски и в то же время не разрушить традиционное для страны устройство. Затруднительная ситуация постоянно требовала выбора между двумя равно тяжелыми путями развития: либо организация промышленности на европейский манер, для чего необходимы кардинальные реформы, либо сохранение петровской модели промышленности, что в новых условиях XIX в. могло обречь страну на более глубокое отставание. Изучая историю предпринимательства, нельзя не затронуть эти проблемы и не попытаться разобраться в парадоксах развития отечественной металлургии и экономики в целом, связав их с особенностями трудовой мотивации и экономического мышления в деятельности отдельных предпринимателей.

От чего же зависело столь удручающее положение нашей железоделательной промышленности в первой половине XIX в.? Во всяком случае, как показали материалы, не от недостатка правительственной помощи и опеки. Писатели-экономисты 50—60-х гг., занимавшиеся исследованием этого вопроса, пришли к заключению, что застой вызывался технической отсталостью чугуноплавильного дела, слабым использованием новых улучшенных приемов выделки чугуна и железа, благодаря которым железоделательная промышленность в Западной Европе сделала такие быстрые успехи[7].

Чтобы разобраться в достоверности такого заключения, обратимся к материалам Замосковного горного округа, который в связи с трудностями сырьевой и энергетической базы более других должен был бы стремиться к совершенствованию производства. Материалы описаний заводов дают возможность воспроизвести развитие металлургического производства в крае, проследить ход технической перестройки отрасли. Сразу же отметим, что металлургические предприятия округа обладали теми же типичными чертами, что и на Урале или в каком-либо другом железопроизводящем регионе страны[8]. Важнейшая особенность металлургической промышленности заключается в том, что группы доменных и передельных заводов были составной частью очень сложных структур — горно-заводских хозяйств. Среди них выделялись по своим размерам владения Шепелевых, Баташевых, Мальцовых, дававшие бóльшую часть металла в Замосковном горном округе. Каждое из заводских хозяйств включало в себя, помимо металлургической мануфактуры, целую систему вспомогательных и подсобных подразделений, обеспечивавших металлургическое производство всем необходимым для его деятельности.

Площадка для строительства заводов выбиралась с учетом следующих условий: а) близость сырья и топлива; б) наличие достаточно полноводной реки, которую можно использовать как в ка-

честве транспортной артерии, так и для строительства плотины, обеспечивающей энергией водяного колеса все производство.

Производственный цикл выделки металла рассредоточивался по отдельным доменным и передельным заводам. Металлургическое предприятие представляло собой объединение в рамках одного завода нескольких цехов — доменного, литейного, очистительного, воздушного, молотового, кузнечного, слесарного, кастрюльного, катального, проволочного и др. в зависимости от мощности. Все они выполняли какую-либо функцию в производственном процессе. Изготовление продукции подразделялось на ряд последовательных технологических операций: заготовка сырья — угля, руды, дров; выплавка чугуна; переплавка его в железо или изготовление из него литых вещей и т.п. Все операции осуществлялись посредством ручного труда и различных технических сооружений. Например, изготовление листового железа разделялось на две операции — катальную и дощатую. В катальной продольной полосы железа разогревались, расплющивались по длине между двумя вертящимися цилиндрами и разрезались на листы длиной 1 аршин. В катальной поперечной они снова нагревались и расплющивались по ширине. В дощатой расплющенные листы складывались вместе (до 120 шт.) и после разогрева в печи подавались под молот, который, ударяя по верхнему листу, расширял все нижележащие, доводя их до нужной в торговле тонкости. Потом листы обрезались до заказанных размеров.

Изготовление кос производилось следующим образом. Вываршики, или клинщики, сваривали вместе томленую сталь и уклад, протягивали клинок; бойщики разбивали его в тонкие полотна, а правщики ручными молотками придавали косе нужную форму; кальщик резко остужал разогретую косу для твердости; отпускальщик вновь нагревал ее, не допуская ломкости; наклепщик частыми ударами выпуклого молотка придавал ей упругость; гладильщик выточенным молотком сравнивал и заглаживал все впадины и выпуклости на поверхности косы; взрезывальщик очищал лезвие от шероховатостей[9].

Такую технологию индустриальной, конечно, назвать нельзя. Слишком велики были участие ручного труда и непосредственное воздействие человека на обрабатываемый материал. Об этом же свидетельствуют данные о техническом и технологическом развитии производства за первую половину XIX в. Так, в 1817 г. на заводах И.Р.Баташева было отмечено 33 вида технических устройств, не считая плотин, водяных колес, различных приводов. В зависимости от специализации заводов количество устройств колебалось, составляя на Выксунском 19, Сноведском — 8, Унженском — 6 и т.д. Общая численность домен, воздушных печей, катальных станов, горнов, молотов и т.п. по заводам достигала 431 ед., причем на долю Выксунского приходилось 104, Железницкого — 102, Верхнежелезницкого — 94, Велетминского — 62, Сноведского — 40, Унженского — 29. В число машин и устройств на Выксунском заводе входила паровая машина. Технология выплавки чугуна

была устаревшей и дорогостоящей. Основным топливом служил древесный уголь, а господствующим источником энергии — водяное колесо[10]. Характерным признаком металлургических заводов края начала XIX в. была сезонность производства.

Исходя из обширности круга заводского действия, количества заготавливаемого сырья, энергетических возможностей плотин, заводы Замосковного горного округа по материалам 1818 г. разделены нами на три класса. К первому отнесены изобилующие водой, рудами, лесами и осуществляющие производство чугуна до 11 мес. в году, а прочие заводские работы (кричную, прокатно-расковочную и др.) — до 9 мес. Это заводы Выксунский, Сноведский, Верхнежелезницкий, Велетминский, Унженский, Железницкий И.Р.Баташева (выксунская группа); Гусевский, Сынтульский, Верхнеунженский, Еремшинский, Мердушинский, Илевский, Вознесенский наследников А.Р.Баташева (гусевская группа); Людиновский, Сукременский И.А.Мальцова.

Заводы второго класса имели меньший объем производства и ощущали недостаток в некоторых припасах. Действовали они от 5 до 8 мес. в году. Сюда причислены Богдано-Петровский, Сенетско-Ивановский, Ханинский заводы наследников Ф.А.Засыпкина; Верхне- и Нижнепесоченский А.П.Гончаровой, Песоченский и Серенский И.Ф.Масалова.

Последний, третий, класс составили заводы, испытывающие острый недостаток или в воде, или в рудах, или в лесах, или во всем сразу, где доменное производство продолжалось от 2 до 4 мес. в году. Это такие заводы, как Кирицкий И.И.Боленса, Дубенский Ф.И.Масалова, Неплужский Н.И. и П.И.Масаловых, Рябкинский А.И.Шапкина, Бытошевский П.И.Ртищевой, Мышегский А.А.Чесменского, Инсарский М.В.Никоновой, Сивиньский и Авгурский Н.Д.Манухина, Виндреевский П.М.Очкиной[11].

Технология получения металла в первой половине XIX в. по сравнению с XVIII в. существенно не изменилась ни в производстве чугуна, где по-прежнему господствовала домна, а иногда даже встречались и ручные доменки, ни в производстве железа, необходимыми стадиями которого были кричная и расковочно-прокатная. Чугунное литье по образцам также осуществлялось посредством опок (специальных форм) и называлось опойчатым, а порой производилось непосредственно в песке и глине. Труд работников нередко сопровождался значительными физическими перегрузками и требовал наличия прочных навыков ручной работы. Передача опыта происходила одним и тем же способом — «из рук в руки» при совместной работе мастера и ученика.

В XVIII — первой четверти XIX в. заводы занимались в основном выпуском чугунного посудного литья, гвоздей, выделкой разносортного железа, стали, изготовлением балконных решеток с барельефами, каминов и тому подобной продукции массового спроса. Заводы Ивана Баташева и Демидовых, позже Шепелевых и Мальцовых наряду с этим производили артиллерийские снаряды, ядра, бомбы и даже пушки. В конце 20-х — начале 30-х гг. пере-

довые предприятия начали осваивать машиностроение. Так, например, в 1827 г. на Выксунском заводе было изготовлено для Черноморского адмиралтейства оборудование массой от 7 до 17 пуд. на два линейных корабля и два фрегата[12]. На Сноведском заводе в 1823 г. был изготовлен первый пароход для Оки, а с 1826 г. началось производство паровых и сукнодельных машин с запчастями к ним[13].

Таким образом, металлургические заводы в начале XIX в. были типичными централизованными мануфактурами с широкой концентрацией производства и предельной детализацией отдельных процессов. Благодаря относительно большой для мануфактуры мощности двигателей замосковные заводы имели очень высокопроизводительные для своего времени металлургические печи, которые ничем не уступали английским. И все же техническое перевооружение предприятий на протяжении первой половины XIX в. шло медленными темпами, о чем ярко свидетельствует низкий процент роста производительности заводов. Материалы за 1852 г. о машинах и устройствах выксунской группы заводов — наиболее передовых предприятий Замосковного горного округа — показывают 33 вида различных технических сооружений. Общая численность машин и устройств была равна 449, среди них было 17 паровых машин, 21 паровик, 16 пудлинговых печей, 7 сварочных печей, 1 рудоподъемная машина, 2 пресса американских, 5 молотов для ковки механических тяжеловесных вещей и т.д.[14] Эти данные свидетельствуют о внедрении в производство машин. Тем не менее процесс перевооружения предприятий, переход от мануфактуры к фабрике был еще только в самом начале. Даже в 1859 г. доля водяной энергии в общей энерговооруженности выксунских заводов составляла 63,3%. На других предприятиях положение было еще хуже, оставаясь на уровне конца XVIII в.

Введение паровых машин на замосковских заводах по годам распределялось следующим образом: 1800—1820 гг. — 2 паровые машины в 20 л.с., 1820—1840 гг. — 13 паровых машин в 332 л.с., 1840—1860 гг. — 53 паровые машины в 1238 л.с. Эти показатели были даже выше, чем на Урале. В центре технический прогресс в связи с острой сырьевой проблемой шел быстрее. Так, в 1859 г. обеспеченность паровыми машинами по Московскому горному правлению (40 действующих заводов) составляла в среднем 30,95 л.с. на 1 предприятие, а по Уральскому горному правлению (141 завод) — только 13,36 л.с. По введению новой технологии приготовления железа пудлингованием средняя полоса не отставала от Урала. Там на 1 завод приходилось 28528 пуд. пудлингового железа, а в центре — 27359. Сырьевой кризис (перебои с древесным углем, рудой) в Центральной России не позволял увеличить производство чугуна и железа. Высокая плотность населения края имела своим следствием то, что железные заводы стали выпускать большое количество разнообразных чугунных отливок и железных изделий. Часть цехов перепрофилировалась в машиностроительные производства. Видимо, это определило высокую рентабель-

ность предприятий. Если в среднем по стране (224 завода) за производимые чугун, железо, сталь и разные изделия на 1 завод приходилось 96875 руб. выручки, то по Замосковному горному округу (44 действующих завода вместе с минеральными) — 104546 руб. Замосковные заводы добивались преимущества лишь за счет расширения ассортимента продукции, машинизации производства[15].

В результате введения новых машин и технологий ассортимент выпускаемой замосковными горными заводами продукции заметно расширился. Наряду с производством посуды, разных сортов железа, гвоздей, кос, которые вырабатывались и раньше, началось изготовление по казенным и частным заказам паровых машин, гидравлических прессов, оборудования для судов, бумагопрядильных, суконно-прядильных и токарных станков, винокуренных аппаратов, приводов, труб, паровых котлов, заводских инструментов, печных приборов, плугов, резок, веяльных и молотильных машин. Ими снабжались фабрики и заводы всей России[16]. Горным заводам центра страны принадлежит одна из ведущих ролей в деле создания отечественного машиностроения.

Замосковные заводы специализировались и в области художественного литья. Прежде всего заслуживает внимания производство шепелевских заводов, где были сооружены чугунные и железные части Триумфальных ворот перед Тверским выездом, чугунный Москворецкий и Высокопятницкий мосты; по системе, впервые введенной в России, изготовлены металлические изделия для таких памятников русской архитектуры, как Петровский театр, Петровский дворец, Александровский и Кремлевский дворцы[17]. Министр финансов отмечал, что эти работы, требующие высокого технического мастерства, тонкости, изящества и вкуса, выполнить, «кроме заводов г. Шепелевых, никакой другой завод не может»[18].

Дальнейший прогресс техники в 50-х гг. еще более совершенствовал и разнообразил ассортимент продукции. С 1854 г. на заводах Шепелева приступили к выпуску машин для пароходов[19]. Просмотр контрактов, заключенных в 1855 г. на поставку изделий, позволяет сделать вывод о том, что выксунские заводы работали по заказу Астраханского порта, изготовляя паровые машины для шхун с котлами среднего давления и винтовыми двигателями, механические сверла, железные тиски, станки для правки железа, винторезные станки, чугунные прессы. Для Каспийской флотилии в том же году была построена винтовая паровая железная шхуна, для пароходной компании Тюллина и Колчина — пассажирско-буксирный пароход в 80 л.с. Всего на заводах Шепелева за десятилетие, с 1847 г. по 1856 г., было изготовлено 55 паровых машин и 10 пароходов[20]. Это направление деятельности становится одним из доходных, и в сентябре 1855 г. начинается возведение пароходостроительного завода. Для руководства строительством был приглашен англичанин Джонсон[21].

На заводах С.И.Мальцова в 1854 г. было изготовлено два парохода — «Сергий Радонежский» и «Иоанн Богослов» — с двигателями мощностью в 50 л.с. Они были сделаны из железа, имели

хорошую отделку и быстрый ход[22]. Всего же здесь за пятилетие, с 1852 г. по 1856 г., было сделано для клиперов Каспийского моря 6 пароходных машин высокого давления в 200 л.с. каждая, а также 1800 железных лафетов и 100 железных пушечных платформ[23]. В 1857 г. Мальцов заключил контракт с пароходным обществом «Меркурий», по которому обязался выстроить для него 3 железных винтовых парохода. В то же время он имел заказы на 3 пароходные машины для Черноморского флота и на разные снаряды общим весом до 2 млн пуд. для Брянского арсенала[24].

Заслуживает внимания и тот факт, что машиностроительная продукция замосковных заводов частично заменила собой иностранную и не уступала ей по совершенству выделки, высокому качеству и технологическим параметрам. Опекун Мышегского завода, действительный статский советник и кавалер Вяземский отмечал, что механические изделия и инструменты, изготовленные на шепелевских и мальцовских заводах, «с точностью и чистотою там отделанные, совершенно заменяют выписанные иностранные и тем самым сберегают России выпуск за границу важных сумм»[25]. Об этом же свидетельствует и московский генерал-губернатор: «Через снабжение фабрик, мануфактур и заводов разного рода машинами, приводами и аппаратами сохраняются в государстве миллионные суммы, которые в другом случае потребовалось бы на выписку переводить за границу»[26]. Внутри страны изделия замосковных заводов пользовались заслуженной славой, о чем, в частности, говорят итоги выставок. Так, например, на состоявшейся в 1843 г. Третьей Мануфактурной выставке в Москве был представлен чугун в литых изделиях пяти владельцев частных заводов страны, два из которых (Черепецкий Билибина и Людиновский и Сукременский Мальцова) принадлежали к замосковным. Из предметов косного и проволочного производства самого большого внимания заслуживали произведения шепелевских заводов. Образцы кричного, полосового, сортового железа были выставлены семью владельцами частных заводов, в числе которых были Мальцов и Шепелев[27]. В списке фабрикантов, заводчиков и ремесленников, которым были присуждены награды выставки, значится Мальцов, отмеченный «за отличное чугунное и стеклянное литье»[28]. На прошедшей в Нижнем Новгороде в 1853 г. выставке «сельских» и других произведений изделия Верхнежелезницкого, Велетминского, Сноведского, Железницкого заводов получили высокую оценку[29].

Веским доказательством качественности изделий замосковных заводов является повсеместный их сбыт. Последний охватывал всю страну, и в первую очередь внутренние губернии, Украину и Новороссийский край. Московский военный генерал-губернатор отмечал в донесении министру финансов, что чугунное литье и железо разных сортов и видов, произведенные на этих заводах, «известны своим достоинством и развозятся по всей России»[30].

Итак, установлено, что с конца 20-х гг. XIX в. вначале спорадически, а в 40—50-е гг. систематически, благодаря новому совершенному оборудованию, замосковные заводы переориентировали

свое производство на выпуск товаров массового спроса и на машиностроение. Производство машин было доступно главным образом выксунским заводам Шепелева и жиздринско-брянским Мальцова. Из других заводов округа обращает на себя внимание только Мышегский, производящий предметы тяжелой индустрии. Остальные дальше производства предметов домашнего обихода и печных приборов, за редким исключением, не шли.

Проследим эффективность осуществлявшейся технической и технологической перестройки отрасли в крае и выявим особенности реконструкции заводских хозяйств.

Металлургическое производство в Замосковном горном округе в первой половине XIX в. получило определенное развитие. Прирост выплавки чугуна с 1801 г. по 1859 г. составил здесь 94%, в то время как по России — 79%. Это было достигнуто не за счет строительства новых заводов, а путем использования резервов производства, повышения его рентабельности.

Еще один любопытный момент связан с динамикой производства. В первой четверти XIX в. в этой области наблюдается полный застой, даже падение. Почти весь прирост приходится лишь на последние 25—30 лет крепостной эпохи, когда особенно заметными становятся результаты технической и технологической реконструкции. По замосковным заводам с 1825 г. по 1861 г. прирост выплавки чугуна составил 144%.

Привлекает к себе внимание и другой факт — чередование периодов спада и подъема выплавки чугуна. С.Г.Струмилин, анализируя состояние обрабатывающей промышленности России XIX в., высказал мысль, что это явление было порождено диспропорцией в темпах развития внутренней и внешней торговли по сравнению с развитием промышленности[31]. Конечно, надо учитывать и то, что металлургическое производство первой половины XIX в. носило сезонный характер, оставалось зависимым от природных воздействий. В засушливые годы в связи с низкой энергетикой рек выплавка чугуна падала. На рынок железа огромное влияние оказывало изменение товарооборота с традиционными для России партнерами. Так, произошедшая в конце XVIII в. переориентировка английского рынка на потребление собственного чугуна с последующим его экспортом стала началом глубокого спада его производства в России. Немалыми бедствиями явились континентальная блокада Англии, навязанная России Наполеоном в 1807 г., Отечественная война 1812 г., кризисы английской промышленности 1825 и 1837—1838 гг., американо-европейские кризисы 1840—1841, 1847—1848 гг., международный кризис 1857 г. Все это также повлияло на состояние внутреннего и внешнего рынков металла.

Когда в начале XIX в. основным для русской металлургии стал внутренний рынок (к 1850-м гг. экспорт составлял только 6—8%[32]), это породило немало трудностей, связанных с реализацией продукции, несмотря на высокие таможенные пошлины на ввозимый из-за границы металл. То что на внутреннем рынке осталась

огромная масса отечественного железа, отнюдь не снизило его цену. М.И.Туган-Барановский писал по этому поводу следующее: «За четверть века русское железо совсем не понизилось в цене, а английское упало больше чем на 60%. Понятно, что при таких условиях вывоз русского железа за границу должен был сократиться, а внутри страны сбыт железа не возрастал»[33]. В результате в 50-х гг. правительство вынуждено было создать комиссию по рассмотрению вопроса о чрезвычайной дороговизне русского железа[34]. В те годы низкая цена сортового железа и рельсов, изготовленных в Англии и поставляемых во все концы света, обращала на себя всеобщее внимание. Поражало то, что, например, в 1850 г. английский заводчик мог поставить в Петербург шинное железо по цене от 85 до 90 коп. за 1 пуд, тогда как русское железо продавалось по 1 руб. 65 коп. — 1 руб. 70 коп.[35]

Материалы работы правительственной комиссии по обследованию металлургической промышленности дают возможность сопоставить динамику образования цен в Англии и России. Возьмем для сравнения данные по двум железоделательным заведениям за 1850 г.: одно из них — в Шотландии, в Дунферлине близ Чарльстона, а другое — в Нижегородской губернии на р. Выксе, принадлежащее Шепелевым. Оба действовали пудлингованием с прокатом железа в сорта посредством паровых машин. Катальный завод в Дунферлине выпускал в неделю почти 300 т (18,6 тыс. пуд.) сортового железа и имел 24 пудлинговые печи (примерно 775 пуд. на 1 печь), шепелевский — соответственно 7 тыс. пуд. сортового железа и 8 пудлинговых печей (875 пуд. на 1 печь). Дунферлинское заведение работало на каменном угле по 3 коп. за 1 пуд, Нижневыксунское — на сушеных дровах по 4 руб. 20 коп. за сажень, что чрезвычайно дорого по сравнению с английским топливом[36]. Стоимость производства 1 пуд. английского железа с учетом всех расходов, включая задельную плату рабочим, средства на амортизацию, налог на капитал в заводских устройствах и провоз до пристаней, составляла 73 коп. серебром, выксунского — 77 коп., т.е. была приблизительно одинаковой. Цена английского железа была стабильной — 86 коп. за 1 пуд, что давало 18% прибыли. На себестоимость шепелевского железа накладывались казенная попудная пошлина — 2,5 коп. серебром за 1 пуд чугуна, а в переводе на железо — 3,5 коп., пошлины с контрактов и подоменные — 4 коп., накладные заводские расходы — 15% со всей стоимости, а с пуда железа — 12 коп. Так пуд стал стоить 97,5 коп. серебром. У Досчатой пристани он продавался по 1 руб. 6 коп. серебром, что давало 8,7% прибыли[37].

Таким образом, русское железо стало на 19% дороже английского (86 коп. серебром за 1 пуд), на 6% — бельгийского (1 руб.), но пока еще оставалось дешевле французского (1 руб. 20 коп.) на 13% и прусского (1 руб. 30 коп.) — на 23%[38]. При дальнейших операциях его цена поднималась еще выше. Контрагент, купивший на шепелевских заводах шинное железо, должен был реализовать его на широком в территориальном отношении внутреннем

рынке. С учетом стоимости провоза, казенных пошлин за право торговли, за контракт и бумагу, платы конторам, магазинам, приказчикам, железо с выгодой для себя он мог продать: в Москве — по 1 руб. 45 коп. серебром за 1 пуд, в Харькове — по 1 руб. 56 коп. Разница по сравнению с английским железом достигала 83 коп.[39] Как уже говорилось, это происходило, во-первых, из-за косвенных расходов, не зависящих от производства; во-вторых, из-за налогов и податей, которые платил завод; в-третьих, из-за большой стоимости провоза вследствие неудобного сообщения; в-четвертых, из-за медленных оборотов и дороговизны в торговле денег (в Центральной России налог на капитал составлял в среднем 12 коп. на 1 руб. в год).

Что касается качества, то русское железо было несравненно ценнее (особый сорт руд, плавка и выделка железа древесным топливом). Даже англичане для изделий высших сортов вынуждены были покупать железо в России по дорогой цене. Присутствие в каменном угле фосфора делало их железо ломким и хрупким. То же самое можно сказать и об английском чугуне. Русский же чугун был мягким настолько, что рубился зубилом. Он образовывал стружку, а в плоских изделиях и плитах правился под молотом, как железо. Однако надбавка за качество русского железа не входила в расчеты ценообразования.

Высокие цены уменьшали спрос на металл и, следовательно, препятствовали увеличению его производства. На всю Россию середины века с 60 млн населения была одна железная дорога; в некоторых районах страны на тысячи верст не было никакой промышленности; сельский потребитель использовал железо только на соху с двумя железными наконечниками по 15 ф. каждый и на две сенокосные косы до 3 ф. Ежегодное потребление железа на человека в России исчислялось 6 ф., тогда как в Пруссии и Франции — 30, в Бельгии — 1 пуд., в Англии — 3 пуд.[40]

Монопольное господство промышленников на внутреннем рынке, смягченное лишь в 1851 г. незначительным снижением таможенных пошлин, также не способствовало росту технического потенциала отрасли, так как давало возможность получать прибыли не за счет расширения производства, а за счет повышения цен. В этом плане вызывают интерес материалы по заводам Шепелевых. Несмотря на сложную рыночную ситуацию, острую конкуренцию и даже убытки от продажи ряда товаров, производство здесь оставалось рентабельным. На 1 оборотный рубль промышленники получали прибыли в 1846 г. — 18,53%; 1847 — 23,24; 1848 — 25,18; 1849 — 15,22; 1850 — 24,20; 1851 — 25,33; 1852 — 30,23; 1853 — 26,51; в 1854 г. — 14,49%[41]. Дальнейшее развитие металлургии находилось в прямой зависимости от всей социально-экономической системы крепостной России, которую отличали неразвитые рыночные отношения с такими характерными чертами, как малоемкий внутренний рынок, медленный торговый оборот, большие процентные ставки в финансовых операциях, отсутствие хороших путей сообщения и т.д.

Создался своеобразный порочный круг: в целях развития металлургии правительство всячески продолжало поддерживать ее, тем самым обрекая на отставание. Цена на русское железо в первой половине XIX в. зависела не столько от собственного производства, сколько от существующих производственных отношений.

Сильнейшим тормозом для проникновения и широкого внедрения машин в русскую промышленность был крепостной строй. Он не мог обеспечить ни широкий рынок сбыта, без которого невозможна крупная машинная индустрия, ни соответствующие ей условия труда и уровень культуры. Перестройка мануфактуры в фабрику в условиях крепостного хозяйства протекала замедленно, потому что принудительный труд был дешевле свободного. Не следует забывать и того, что фабричное оборудование из расчета на единицу труда обходилось в десятки, а иной раз и в сотни раз дороже ручного на мануфактуре. А значит, в нормах прибыли, т.е. по отношению к вложенным средствам, преимущество фабрики перед мануфактурой было значительно меньшим, чем в нормах прибавочной стоимости по отношению к заработной плате. Предпринимателей же гораздо больше интересовала норма прибыли, чем норма прибавочной стоимости.

Наличие дешевой рабочей силы в лице крепостных стало препятствием на пути технического совершенствования мануфактуры. Более того, содержание этих даровых рабочих рук, выгодное в XVIII в., на начальном этапе становления мануфактуры, не знавшей столь заметных явлений перепроизводства, в периоды спада вовлекало владельцев в невосполнимые расходы, подрывая основы функционирования формирующегося рыночного хозяйства. Вот почему в первой половине XIX в. участились случаи жалоб заводчиков на невозможность обеспечить работой всю массу крепостных, которые в связи с этим постоянно бунтовали.

Особенно тяжелым было положение посессионных заводов. Государственный совет, рассматривая вынесенное в 1839 г. представление министра финансов Е.Ф.Канкрина об отмене основных положений посессионной системы, нашел, что «установленные законом правила о посессионных заведениях не соответствуют настоящему положению мануфактурной промышленности и сопряжены с различными неудобствами, из коих главнейшие: 1) обязанность не уменьшать действия фабрик или изменять рода изделий; 2) воспрещение перевозить посессионных крестьян на другую фабрику; 3) ограничение занятий одними фабричными работами...; 4) условия со стороны новых покупщиков содержать заведения на том основании и в том же виде, как находились они у прежних владельцев; 5) строгость узаконений насчет фабрикантов, приведенных в невозможность или не желающих содержать фабрику». Вместе с тем Государственный совет отметил, что «уважений, по которым казна жертвовала своим достижением в пользу частных фабрикантов и допустила изъятие из коренного закона о праве владения крепостными людьми, теперь уже решительно не существует... и что ныне, когда в простом народе распространился

дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, удобнее и едва не выгоднее для фабрикантов иметь сих людей по найму, нежели держать собственных и приписных»[42]. Однако для металлургической промышленности эти рекомендации не имели никаких последствий.

В таких условиях мало чем мог помочь технической и технологической реконструкции металлургической промышленности и издаваемый с 1825 г. «Горный журнал». Он был создан по инициативе директора департамента Е.В.Корнеева для распространения сведений о новых открытиях в этой области. Малоэффективной оказалась и реформа, проведенная при непосредственном участии Николая I, в результате которой в 1834 г. возник новый административный орган — Корпус горных инженеров. Одновременно кадетский корпус, названный в 1833 г. Горным институтом, был переименован в Институт Корпуса горных инженеров с приданием ему военного устройства[43]. Техническая реконструкция заводов находилась под контролем государства. Но заводчики не торопились вводить машины. Видимо, все эти, без всякого сомнения, полезные нововведения были рассчитаны на более длительную перспективу. Возможно и то, что петровскую модель промышленности уже нельзя было реформировать, а надо было менять полностью.

Проблема застоя в металлургической промышленности России заключалась не столько в технической отсталости отрасли (то была производная причина), сколько в феодально-крепостнических отношениях. Однако власти не желали видеть этого. Новая правительственная комиссия, созданная 16 июня 1852 г. для изыскания средств на развитие железного производства в России, решение вопроса свела к введению запретительных таможенных тарифов на ввоз морем иностранного чугуна и железа. Государственный совет высказался о необходимости в целях развития черной металлургии снизить цены на ее изделия, пересмотреть Горный устав, провести разведку железной руды на юге и западе России и осуществить техническую реконструкцию промышленности. Сторонники смягчения тарифа прежде всего указывали на то, что прибыли заводчиков очень высокие и снижение цен на железо не отразится на производстве, народное же хозяйство России только выиграет. Их противники оспаривали возможность получения заводчиками высоких прибылей и утверждали, что эта мера повлечет за собой разорение заводовладельцев, которые не смогут выдержать конкуренции с англичанами. Неизбежным станет упадок русской металлургии, а также бедствия для лишившегося заработка горно-заводского населения.

Комиссия выработала следующие правила, которым нужно было следовать при пересмотре тарифной системы.

«1. Возможное соперничество с иностранным железом, но такое соперничество, которое возбуждало бы, а не подавляло нашу промышленность.

2. Понижение цен на железо в такой мере, чтобы оно, совершаясь не иначе как постепенно, без крутого и чувствительного изменения оных, в особенности внутри империи, не было сопряжено с вредом для нашей железоделательной промышленности.

3. Воспрепятствование впуску иностранного железа в известные местности, дальше коих соперничество его могло быть вредно»[44].

В ходе работы комиссии высказывались мнения о большей эффективности труда вольнонаемных рабочих, нежели крепостных, но четкой позиции никто не решился занять, опасаясь дальнейшего упадка производства.

11 мая 1857 г. Александром II был утвержден новый умеренный протекционистский тариф, который допускал иностранный металл на русский рынок. Примерно с этого времени началось падение производительности заводов. Отмена крепостного права еще более ухудшила ситуацию. В тот сложный для развития металлургии период каждое заводское хозяйство по-своему изыскивало средства на существование и поддержание производства. И если одни заводовладельцы оказались не в силах приспособиться к новым условиям рынка и, разорившись, ушли с исторической арены, то другие, более находчивые, смогли не только сохранить, но даже приумножить свои богатства.

Динамика выплавки чугуна позволяет выявить два типа функционирования заводских хозяйств. Первый тип характерен для так называемых передовых производств. Сюда можно причислить выксунские заводы И.Р.Баташева (позже шепелевские) и мальцовские заводы. Этот тип отличают короткие периоды спада и заметные темпы прироста выплавки чугуна. Ко второму типу относятся гусевские заводы наследников А.Р.Баташева и многие другие, с глубокими спадами и незначительным процентом прироста. Различия в показателях между этими двумя типами порождены в основном особенностями хозяйствования, а также спецификой применения новых машин и технологий. Если на Выксе первая паровая машина, сконструированная крепостными механиками Лукиным и Ястребовым, была введена в действие еще в 1815 г., а уже в 30-е гг. заводы Шепелевых завоевывают себе славу передовых в металлургической промышленности России, то на других предприятиях начало технического прогресса относится к предреформенному времени.

Производственные мощности шепелевских заводов к 1860 г. несоизмеримо возросли. В 1859—1860 гг. на Выксунском заводе насчитывалось 10 цехов, Сноведском — 9, Верхнежелезницком — 12, Велетминском — 13. Производственные корпуса здесь были каменные, крытые железом, часть заводских зданий — двухэтажные[45]. Цеха соединяла рельсовая дорога. Всего при заводских устройствах действовало 20 паровых машин мощностью 592 л.с. На некоторых предприятиях доли паровой и водяной энергии были примерно одинаковыми. Пудлингование, наиболее прогрессивная в то время технология выделки железа, стало основным способом

его изготовления. Под влиянием потребностей рынка значительно изменились ассортимент выпускаемой продукции и характер производства. Машино- и пароходостроение попали в число наидоходнейших статей, давая стабильно не менее 20% прибыли[46].

Быстро пошла в гору предпринимательская деятельность И.А.Мальцова. Металлургическим производством он занялся в 1820 г., когда купил железные заводы наследников Демидовых — Брынский, Есенковский, Сукременский, Быровский и Людиновский. Сравниться с Шепелевыми он, конечно, не мог, но в скором времени его заводы также завоевали себе в России славу передовых[47]. Еще до 1820 г. И.А.Мальцов был человеком, известным в деловых кругах, и прежде всего как крупный заводовладелец в стекольно-хрустальном производстве. Помимо стекольных предприятий, И.А.Мальцов приобретал и строил винокуренные заводы: Любохонский, Семиобратский, Крапивенский, Епишевский и Марачевский. Плюс ко всему он организовывал разного рода вспомогательные производства: кирпичные, канатные, маслобойные. В д. Верхи им был возведен сахарный завод, в Любохне — рафинадный.

Железоделательные заводы Людиновский и Сукременский были приобретены И.А.Мальцовым с целью постройки на них оборудования для обеспечения бесперебойного действия его обширного производства. Однако вскоре чугуноплавильное и литейное дело становится наиболее прибыльным. Предприниматель вводит машиностроение в Людинове, приобретает в 1839 г. у Гончаровых Любохонский, Верхне- и Нижнепесоченский заводы, у Каверина арендует Хотьковский доменный завод, построенный в 1803 г., у подполковника И.Афанасьева покупает Радицкий железоделательный.

В 30-х гг. XIX в. владения, принадлежавшие И.А.Мальцову, занимали площадь около 2000 кв. верст и были расположены на территории трех смежных уездов трех губерний в водоразделе бассейнов Оки и Десны вдоль судоходной Болвы. Ему принадлежали в Орловской губернии Радицкая стекольная, Дятьковская хрустальная, Чернятинская (Старь) стекольная, Знеберская посудная фабрики, а также аналогичные (Щеткинская и Прышанская фабрики) в Смоленской. Примерно половина вотчины находилась в Жиздринском уезде Калужской губернии, $^2/_5$ — в Брянском уезде Орловской губернии и немногим более $^1/_{10}$ — в Рославльском уезде Смоленской губернии. Здесь располагалось около 20 крупных предприятий, не считая десятков мелких и вспомогательных.

Славу мальцовским заводам принес новый владелец — Сергей Иванович, к которому имение перешло в конце 30-х гг. К этому времени он уже сделал блестящую военную карьеру и в чине генерал-майора вышел в отставку. Благоустройству своего огромного заводского хозяйства С.И.Мальцов посвятил 30 лет жизни и довел его, по мнению современников, до «цветущего состояния». Особое внимание уделялось развитию машиностроения, бывшего до этого преимущественно импортным. Если с. Дятьково стало центром

развития стекольного дела, то Людиново — очагом машиностроительного производства. Мальцов внимательно следил за всеми техническими усовершенствованиями, для введения которых приглашал иностранных знаменитостей. Новые доменные печи, например, строил профессор Дорн из Тюбингена, железопрокатные мастерские — профессор Лафтиан Белл, механизацию производства проводил Жаккар, станки которого знала вся Европа[48].

На мальцовских заводах осваивалось строительство паровых машин, которые хорошо зарекомендовали себя на тульских заводах и в Петербургском арсенале; отсюда вышли первые винтовые двигатели для военных кораблей и первые паровые молотилки, успешно конкурировавшие с английскими. Здесь были построены и первые пароходы для Десны и Днепра, а в 1858 г. — три «американских» парохода для Волги. Эти «три колосса по 300 сил и в 230 футов длины, — по свидетельству современников, — вызывали удивление всего прибрежного населения». Для освоения пароходостроения приглашался знаменитый шведский ученый и инженер Нистрэм, для устройства первой газовой печи мартеновской системы — английский инженер Кинкель, изобретатель так называемой сименсовской стали[49]. По предложению Мальцова император Николай I дал распоряжение Горному департаменту о развитии в России рельсопрокатного производства. В 1841 г. с завода вышли первые русские рельсы, изготовленные путем пудлингования, а через три года ими и чугунными водопроводными трубами стала снабжаться Петербургско-Московская железная дорога. Заводы Шепелевых представили первые образцы рельсов только в 1844 г.[50] В 1850 г. у Мальцова было 7 металлургических заводов: Людиновский, Сукременский, Верхнепесоченский, Нижнепесоченский, Иваново-Сергиевский, Радицкий, Любохонский.

Как видим, техническое перевооружение предприятий, как шепелевских, так и мальцовских, несколько затормозило рост себестоимости продукции, расширило ее ассортимент, улучшило качество. В результате повысились производительность заводов, их конкурентоспособность.

Заводы других владельцев долгое время продолжали работать традиционными способами, следствием чего стало их постепенное отставание. Они дольше и острее ощущали влияние спада металлургической промышленности и лишь с конца 30-х — начала 40-х гг. по выплавке чугуна вышли на уровень кануна XIX в. Два завода — Виндреевский и Инсарский, — не выдержав конкуренции, закрылись. Однако новые веяния не обошли стороной и эту группу предприятий. Наиболее заметные изменения в динамике выплавки чугуна были отмечены в 50-е гг., когда на большинстве из них была проведена реконструкция производства, введены паровые машины, изменены технологии выделки металла и, как следствие, значительно поднялась производительность.

К трудностям рыночной ситуации каждый из владельцев приспосабливался по-своему. Традиционно сбыт продукции осуществлялся через ярмарки. В материалах комиссии по обследованию

металлургической промышленности по этому поводу сказано следующее: «Нижегородская ярмарка представляет главный центральный пункт, и установившиеся здесь цены служат основанием для продажи железа на прочих пунктах. Большая часть заводчиков привозили к ярмарке все свое железо для оптовой продажи, которая совершается преимущественно в кредит и на сроки отдаленные (в большей части на один год) с задатком $^1/_4$, а иногда $^1/_3$ наличных денег или же вовсе без задатка. Продажа прямо на наличные деньги если и осуществлялась, то при незначительном понижении кем-либо из заводчиков своих цен. Однако и на это торговцы нелегко склоняются, предпочитая во всяком случае выгодности денежной покупки сделки кредитные, при которых равномерно они делают затруднения в назначении задатков. Вообще главный расчет торговцев состоит в том, чтобы на ярмарке как можно меньше задолжать собственного капитала и приобрести возможно большее количество железа на кредитные сделки. Заводчики между тем, не имея между собой единодушия в торговле, спешат один перед другим, чтобы скорее выпродать свое железо, причем каждый старается преимущественно сбыть свою партию целиком гуртовым покупателям, которые тут же из рук в руки перепродают покупаемые партии городовым торговцам, хотя также с кредитом, но по цене возвышенной. Таким образом, на Нижегородской ярмарке торговля железом зависит не столько от обстоятельств, как от произвола торговцев, и цена на товар, пока он находится еще в Нижнем Новгороде, уже возвышается от торговых спекуляций»[51].

В 20-х гг. владельцы гусевских заводов, обеспокоенные неуклонно увеличивающейся нерентабельностью производства, ввели систему продажи путем заторжек, т.е. по письменным требованиям покупателей[52]. В 30-х гг. по тем же причинам на новую систему перешли и на Выксе[53]. Постепенно заводы практически утратили прежнюю самостоятельность в сбыте своей продукции. Все продавалось по контрактам вперед на год или два торговцам железом. «Заключивший такой контракт торговец обязан еженедельно принимать выработанное заводами количество железа и вносить в главную контору наличные за оное деньги»[54]. Контрагенты (2—4 лица) имели при заводах конторы и складские магазины. Принятый товар они отправляли сухим или речным путем, в зависимости от времени года и спроса на него, в разные города России. Такой порядок реализации продукции превращал торгового капиталиста как бы в совладельца предприятия. Договоры, по свидетельству самих контор, носили кабальный характер, не только определяя закупочные цены, но и диктуя сорт и количество необходимого товара, наиболее выгодного и прибыльного для подрядчика[55].

Со второй четверти XIX в. в России весь главнейший сбыт железа монопольно держал торговый дом Барковых. С 50-х гг. стали укреплять свои позиции Пастуховы и Рукавишниковы. Любопытно, что Барковы, Дмитрий и Никифор, — некогда крепостные

служители А.А.Баташева, отпущенные в 1816 г. на волю[56]. В том же году они перешли в купечество[57]. Предпринимательская деятельность Барковых не ограничивалась только торговыми операциями: в 40-х гг. они взяли в аренду рудные работы по заводам наследников Шепелевых, Баташевых[58], а с начала 60-х гг. в ведомостях по Замосковному округу за ними значились металлургические и минеральные заводы[59].

Появление посредников в лице различных торговых компаний, взявших на себя сбыт продукции, говорило о дальнейшем прогрессе в развитии мануфактуры и общественном разделении труда. В результате к 50-м гг. почти все замосковные заводы стали реализовать свою продукцию вне Нижегородской ярмарки. Железо замосковных заводов развозилось в основном по Центральной России и покупалось преимущественно на выделку скобяного товара, чем главным образом промышляли крестьяне Нижегородской, Ярославской, Тверской, Новгородской и Владимирской губерний[60].

Лишь небольшая часть заводчиков самостоятельно реализовывала товар, объединяя в одних руках его производство и сбыт. Так, купец Н.Д.Манухин, владелец Сивиньского и Авгурского заводов, показал в записке за 1828 г., что выделываемое железо на продажу он отвез в Саратов на 6000 руб., в Елец — на 5500, на Макарьевскую ярмарку — на 1500, Михайловскую — на 1500 руб. (итого на 14500 руб.), а «прочее» продавалось при заводе. Произведенная на Авгурском заводе посуда была продана в Саратове на 8000 руб., в Оренбурге — на 10000, на ярмарках: Нижегородской — на 30000, Корсунской — на 1800, Пензенской — на 1000, Нижнеломовской — на 1200, Ростовской — на 4000, Урюпинской — на 5000, Михайловской — на 3500 руб. Итого на 64500 руб. продукции было продано на стороне, а остальная часть реализовывалась при заводе. Как видим, география рыночных связей промышленника средней руки была достаточно широкой. Он был одновременно и заводовладельцем, и купцом. Чтобы рационально вести свое хозяйство, Манухин жил при заводе, имел хорошее имение с зимним садом и оранжереей. За заслуги в развитии промышленности он был зачислен в почетные граждане[61].

Однако отдельные опыты рационального хозяйствования не могли ускорить развитие металлургии. Нужна была не только коренная перестройка в производственных отношениях, но и революция в мышлении предпринимателей. Заводовладельцы оказались неспособными выработать новую трудовую мотивацию, в основе которой лежали бы стимулы рационального расходования средств и для своего блага, и для пользы Отечества. В большинстве своем они остались в плену дворянской социальной психологии с ее традициями мотовства и праздности, пренебрежительного отношения к деньгам.

Ярким свидетельством тому были банкротства заводовладельцев. В начале XIX в. деловой мир был удивлен невиданным опустошением заводов наследников А.Р.Баташева — некогда богатей-

шего человека страны. Несколько позже такая же участь постигла выксунские заводы. Примерно так же сложились судьбы многих других предприятий. Инсарский завод М.В.Никоновой и Виндреевский П.М.Очкиной прекратили свое существование еще в первой трети века. Рябкинский завод за долги находился с 1822 г. под опекунским управлением[62]. Состояние его не улучшалось. В 1832 г. задолженность производства исчислялась 61964 руб.[63] Известный заводосодержатель Ярцев, который в этом же году приобрел его за 61600 руб., тоже не смог выправить положение[64]. В 1860 г. из-за отсутствия лесов и нерентабельности производства предприятие закрылось[65]. Не в лучшем состоянии находились и заводы других владельцев.

В числе проблем, с которыми столкнулось правительство при обсуждении перспектив развития промышленности, был феномен бюрократии, иначе говоря, характера политической власти. Самодержавие под влиянием модернизаторских идей, как уже отмечалось, поддержало развитие горно-заводского промысла. Сочетание частного интереса и государственной поддержки послужило основанием быстрого расцвета металлургии в XVIII в., однако это же самое государственное регулирование в первой половине XIX в. подавило предпринимательскую инициативу. В связи с созданием Московского горного правления произошло в некоторой степени даже огосударствление промышленности. Владелец без соответствующего разрешения не только не мог изменить профиль завода, но даже и ввести там какие-нибудь усовершенствования, например поставить паровую машину. В основе всех этих нововведений лежали благие намерения — держать под контролем развитие стратегически важной для страны отрасли. Однако, даже несмотря на значительные, в сотни тысяч рублей серебром, ссуды, выдаваемые правительством заводам, и такие меры, как отстранение от управления наиболее нерадивых заводчиков, отдача имений обанкротившихся владельцев в опеку, привлечение к судебной ответственности виновных в разорении имений, российская промышленность так и не смогла конкурировать по темпам развития с европейской.

Созданный в связи с осуществляемой политикой государственного попечительства бюрократический аппарат оказался бесконтрольным. Система управления через управляющих и приказчиков давала простор для различных злоупотреблений, а вмешательство центральных органов власти порождало лишь безответственное отношение к служебным обязанностям. Заводское производство интересовало всех лишь с точки зрения личного обогащения.

Многие заводовладельцы имели смутное представление о заводских делах, и их отношения с предприятиями ограничивались чаще всего получением денег из заводских касс да редкими справками о состоянии бюджета. Неудивительно, что генерал-майор Масалов, владелец Неплужского завода, в то время когда решался вопрос о продаже предприятия за долги и горные недоимки, продолжал требовать от управляющего, чиновника 14-го класса Пен-

кина, выполнения заказа для Петербургско-Московской железной дороги, обвинял чиновника в развале производства, угрожал доведением дела до сведения министра финансов. В ответ на это Пенкин просил Московское горное правление «объяснить генерал-майору Масалову настоящее положение завода, которое, как видно из письма, совершенно ему неизвестно и при котором требуемые им болванки выкованы быть не могут»[66]. Хозяин Песоченского и Серенского заводов купец И.Ф.Масалов, как видно из показаний рабочих, «сумнительно уверился в одном управляющем, а в заводе близу сорока лет уже не был»[67].

Владельцы многих заводов бóльшую часть времени находились в Москве и Петербурге, наслаждались прелестями столичной жизни. В 1833 г. петербургский военный губернатор писал во Владимир об И.А.Баташеве: «По имеющимся сведениям, Баташев предается пьянству, расточает имение и, запродав оное Шервуду-Верному, не удовлетворяет поступивших на него, Баташева, исков. Я предписал Санкт-Петербургскому управлению благочиния остановить выезд его отсюда и сделал представление Правительствующему Сенату на предмет учреждения опеки над самим Баташевым»[68]. И действительно, 23 ноября 1833 г. над И.А.Баташевым «за невоздержанную его жизнь и пристрастие к горячим напиткам» была назначена опека. Подобных примеров можно привести немало.

Таким образом, первая половина XIX в. для металлургической промышленности была временем, когда ее развитие приходило во все большее противоречие с существующим строем. Все резче выступало несоответствие новых производительных сил и производственных отношений со старой феодально-крепостнической системой. Однако сводить этот процесс лишь к вопросам деградации производства, основанного на крепостном труде, было бы неверно. «Кризис в сфере дворянского предпринимательства протекал в более сложных и противоречивых формах, чем принято думать»[69].

До 1861 г. мануфактура с крепостным трудом занимала ключевые позиции в металлургическом производстве России. В 1859 г. по Замосковному горному округу значилось 42 завода, из которых 5 были основаны на вольнонаемном труде. Всего по округу было выплавлено 3459947 пуд. чугуна, в том числе заводами с вольнонаемными рабочими — 443071 пуд., что составляло только 12,8% от всей выплавки[70].

За первую половину XIX в. одни дворянские и посессионные заводы закрылись, другие перешли в арендное пользование купцов. Тем не менее производство прогрессировало, хотя и медленными темпами. В условиях нарастающей конкурентной борьбы некоторые заводчики обнаруживали у себя способность чутко улавливать новые веяния и учитывать их. Это нашло выражение в совершенствовании технической базы производства, его специализации, в применении новых форм сбыта продукции и т.п. В таких противоречиях и заключались метаморфозы развития: происходило не только сокращение числа вотчинных и посессионных заво-

дов, но и постепенная эволюция части их к новым, более прогрессивным формам общественного производства, к передовым методам хозяйствования. Другое дело, что все эти новации не смогли заставить промышленность работать по-европейски.

Пример России показывает, что не соответствующая процессу индустриализации система социальных ценностей может задерживать экономическое развитие, но подавить его она не способна. В конце 1850-х гг. Россия сделала выбор в пользу одного из двух одинаково нежелательных вариантов исторического развития. Она отказалась от сохранения существующих порядков, обрекающих страну на отставание от Европы, и вступила на путь реформ, с которыми связывала надежды на будущий прогресс.

Примечания

[1] См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1898. Т. 1. С. 83.

[2] Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 374.

[3] См.: Английская торговля железом // Коммерческая газета. 1856. № 50.

[4] См.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 78.

[5] Там же. С. 78—79.

[6] См.: Английская торговля железом.

[7] См.: Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 260—298.

[8] См.: Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР: В 2 ч. М., 1962. Ч. 1; Устьянцев С.В. Черная металлургия Урала на путях перехода от мануфактуры к фабрике: (Техническая сторона процесса): Автореф. дис... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.

[9] Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 2199. Оп. 1. Д. 111. Л. 131—135.

[10] Там же. Л. 135—136.

[11] Там же. Д. 114. Л. 302—303.

[12] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 37. Оп. 3. Д. 443. Л. 19.

[13] См.: Архангельский С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950. С. 223.

[14] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 6. Л. 76—77.

[15] См.: Серебряков Г.Ф. Развитие промышленности Мальцовского округа (исторический очерк). М., 1928. С. 12.

[16] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 622. Л. 5—16.

[17] Там же. Д. 568. Л. 119, 125.

[18] Там же. Д. 674. Л. 43.

[19] Там же. Оп. 5. Д. 393.

[20] Там же. Д. 394. Л. 172; д. 401.

[21] Там же. Д. 394. Л. 263.

[22] См.: Горный журнал. 1854. Кн. 6. С. 347.

[23] См.: Попроцкий М. Материалы для географии и статистики России. Калужская губ. СПб., 1864. С. 559.

[24] Там же.

[25] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 315. Л. 86.

[26] Там же. Д. 568. Л. 176.

[27] См.: Мануфактурные и горно-заводские известия. 1843. № 36.

[28] Там же. 1844. № 50.

[29] См.: Горный журнал. 1854. Кн. 12. С. 409.

[30] РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 568. Л. 177.

[31] См.: Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 376—378.

[32] См.: Яцунский В.К. География рынка железа в дореформенной России // Вопросы географии. М., 1960. Сб. 50. С. 112; Коммерческая газета. 1858. № 187.

[33] Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 80.

[34] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 6. Л. 45.

[35] Там же. Л. 35.

[36] Там же. Л. 38—39.

[37] Там же. Л. 40—41.

[38] Там же. Л. 42.

[39] Там же.

[40] Там же. Л. 46об.—47.

[41] Там же. Л. 66—67.

[42] Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 150—151.

[43] См.: Лоранский А.М. Указ. соч. С. 67—69.

[44] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 15. Л. 148.

[45] Государственный архив Нижегородской области. Ф. 1398. Оп. 315. Д. 214.

[46] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 395. Л. 172.

[47] См.: Серебряков Г.Ф. Указ. соч. С. 9—10.

[48] См.: Субботин А.П. Мальцовский заводской район: История и настоящее экономическое положение. СПб., 1892. С. 9.

[49] Там же. С. 10.

[50] Там же. С. 9—10.

[51] РГИА. Ф. 46. Оп. 1. Д. 6. Л. 108—109.

[52] Государственный архив Владимирской области. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14763. Л. 6.

[53] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 401. Л. 482.

[54] Там же. Ф. 46. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

[55] Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 394. Л. 169.

[56] Там же. Д. 102. Л. 15об.—67.

[57] См.: Барков В.Д. История Василия Дмитриевича Баркова. СПб., 1902.

[58] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 394. Л. 164.

[59] Там же. Оп. 3. Д. 1022. Л. 4—9.

[60] См.: Гагемейстер Ю. О торговле железом в России // Коммерческая газета. 1856. № 146—148.

[61] ЦГИАМ. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 198. Л. 157—161.

[62] Там же. Д. 149. Л. 4об.

[63] Там же. Д. 241. Л. 2об.

[64] Там же.

[65] Там же. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 8. Л. 16.

[66] Там же. Ф. 2199. Оп. 1. Д. 167. Л. 196.

[67] Там же. Д. 1301. Л. 159.

[68] Цит. по: Богатов И.П. Металлургическая промышленность Владимирской губернии. Владимир, 1929. С. 32.

[69] Копылов Д.И. Советская историография второй половины 60-х — начала 80-х годов о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России. Владимир, 1984. С. 7.

[70] РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1012.

*В.Н.Захаров**

Вексельные операции западно-европейских купцов в России в XVIII в.

В XVIII веке значительно активизировался процесс вовлечения России в систему европейской торговли и мирового рынка, резко возросли масштабы деятельности на русском рынке купцов из стран Западной Европы. В деятельности купцов-иноземцев, в их контактах с русскими партнерами все большее значение приобретали кредитные операции. Поскольку кредит является важнейшим рычагом ускорения товарооборота, расширения масштабов деятельности купцов, изучение сделок иноземных коммерсантов в этой сфере позволит выявить степень их активности на росийском рынке, торговые связи в российских городах и за рубежом, значение иностранного капитала для развития российской торговли и собственно кредита с его специфическими средствами и институтами.

Необходимо учесть, что кредит в торговле начал активно использоваться в странах Западной Европы намного раньше и в бóльших масштабах, чем в России. Поэтому деятельность иностранных купцов в сфере кредита в России XVIII в. способствовала распространению современных форм кредитных отношений, наиболее адекватных торговле.

В допетровской России кредит также использовался купцами. Однако он существовал как бы под покровом старинного ростовщичества. Законодательство не признавало специфики кредитных сделок, совершавшихся между купцами ради ускорения товарооборота. Об этом молчит и Соборное уложение 1649 г. Купцы, бравшие друг у друга в долг деньги и товары, должны были оформлять эти сделки как обычную заемную кабалу, с привлечением нескольких поручителей и свидетелей. В случае невыплаты долга нужно было добиваться возмещения убытков в ходе длительного и сложного судебного процесса в приказных или воеводских канцеляриях. Туда же обращались и обычные ростовщики с исками на своих неисправных должников из числа представителей самых разных сословий, занимавших у них деньги на собственные нужды. (Ростовщики рассчитывали получить свой процент, хотя Соборное уложение 1649 г. и запрещало его брать: в заемную кабалу вписывалась не та сумма, которую должник получал, а та, которую ему надлежало вернуть.)

---

* Захаров Виктор Николаевич — доктор исторических наук (Московский государственный областной университет).

В начале правления Петра I подобный порядок сохранялся, более того с 1701 г. всех обязали регистрировать сделки, в том числе и займы деньгами и товарами, в крепостных конторах в специальных крепостных книгах[1]. Находившиеся в России иностранные коммерсанты, как и их русские партнеры, должны были прибегать при оформлении кредитных сделок к столь сложной процедуре, а в случае каких-либо проблем были обречены на длительные хлопоты в судах и канцеляриях.

Параллельно в начале XVIII в. шел другой процесс. Благодаря росту внутренней и внешней торговли, расширению масштабов деятельности западно-европейских коммерсантов в России, купцы в кредитных сделках ограничиваются выдачей простых письменных обязательств, избегая сложной процедуры оформления и регистрации заемной кабалы. Эти обязательства, часто именуемые тогда «совестными» письмами, обращаются в купеческой среде. По сути дела, это уже векселя, хотя они не имеют еще юридического статуса. В сделках между иностранными купцами обращаются уже настоящие векселя, оформленные в соответствии с порядком, принятым в странах Западной Европы. В конце концов правительство решило узаконить подобные кредитные сделки в торговле и официально ввести вексельное обращение. В 1729 г. был принят Вексельный устав.

Кредитные сделки с участием купцов теперь все реже фиксируются в крепостных книгах. Здесь уже нет той обширной информации о кредитных операциях иностранных купцов, которую можно почерпнуть в этих источниках периода правления Петра I. Подобная перемена документальной базы кредитных сделок обусловила даже нынешнее состояние историографии проблемы. Так, используя крепостные книги, исследователи уже обращались к истории кредита в правление Петра I[2]. Деятельность иностранных купцов в этой сфере в первой четверти XVIII в. уже рассматривалась в ряде работ автора данной статьи[3]. Кредитные операции с использованием векселей после введения устава 1729 г. практически не изучались. Исключение составляет небольшая статья американского автора Дж.Монро[4]. Это обусловило и хронологические рамки данной статьи, в которой речь пойдет о кредитных сделках иноземных купцов с после принятия Вексельного устава 1729, т.е. в середине и второй половине XVIII в.

В этот период купцы, получая в долг товары (иногда деньги), а в некоторых случаях просто принимая на себя какие-либо материальные обязательства, выдавали на себя вексель. Дворяне также могли обязываться векселями. Они могли занять у купцов деньги, пользуясь их услугами в качестве ростовщиков, либо получить в долг какие-то товары. В первом случае чаще всего встречаются «круглые» суммы, во втором — обычно с рублями и копейками.

Имеющиеся в нашем распоряжении векселя отразили различные операции, предусмотренные для документов такого рода Вексельным уставом 1729 г.[5] Во-первых, это были самые простые сделки с участием всего двух лиц — должника и кредитора. Вексель находился у кредитора, который и предъявлял его к оплате

по истечении срока. Если срок истекал, а оплата не поступала, то кредитор должен был опротестовать вексель у нотариуса в течение десяти дней, что давало ему право обратиться в суд.

Во-вторых, многие из полученных векселей передавались кредиторами третьим лицам, для чего на обороте документа делалась надпись с указанием имени того, к кому он переходил. Такая надпись в вексельном праве называется индоссаментом, а сама операция — индорсированием векселя (от итальянского in dorso, буквально — «на спине», или «на обороте»). Правда, подобные термины в практике вексельного обращения в России XVIII в. почти не применялись. Чаще говорилось о передаче векселя и передаточной надписи. При индорсировании векселя получавший его (индоссант) обычно выплачивал определенную сумму, равную его номиналу или меньшую, в зависимости от надежности векселя. Векселем можно было расплатиться за товар, погасить собственный долг и т.д. В этом случае тот, кто получал вексель, оказывал кредит тому, кто уступал документ, но деньги или уплату в иной форме он должен был получить с лица, выдавшего вексель.

В-третьих, как это предусматривалось Вексельным уставом, с помощью векселя можно было перевести денежные суммы в другое место. Такие векселя именовались траттами (в России часто использовался термин «переводной вексель»). В таких сделках сразу возникало четыре участника, имена которых вписывались в вексель. Допустим, какому-либо купцу, находящемуся в Петербурге, нужно было перевести известную сумму денег своему компаньону в Москву. Тогда он выдавал эту сумму кому-либо в Петербурге, кто имел деловые связи в Москве. Получивший деньги выдавал вексель (тратту) на имя своего московского компаньона, который должен был заплатить там искомую сумму партнеру кредитора. Последний отправлял по почте вексель в Москву, и его компаньон предъявлял документ к оплате партнеру взявшего деньги. Тот мог признать вексель (акцептировать) и расплатиться или мог отказаться от платежа по тратте, тогда она опротестовывалась и выдавший ее должен был погасить долг или отвечать по суду. Тратты обычно не имели длительных сроков, акцептировать их следовало сразу после объявления, оплата также должна была наступить тут же или через пять-десять дней. В отличие от записей в крепостной форме, вексель не требовал ни поручителей, ни свидетелей. Достаточно было подписи заемщика, чтобы кредитор мог безусловно требовать выплаты по векселю по истечении срока.

Иностранные купцы участвовали во всех подобного рода сделках, являлись не только теми, кто выдал деньги под вексель, но и теми, кто получал вексель по индоссаменту или должен был получить деньги по трассированному векселю. Во всех этих случаях они являлись кредиторами по отношению к тому, кто выдал на себя долговое обязательство. В сделки с ними вступали русские купцы, представители других сословий. Иноземцы также могли быть и должниками, занимая деньги друг у друга или у русских людей.

Таким образом, с конца 20-х гг. XVIII в. основными источниками, отразившими кредитные операции иноземцев, являются векселя и вся документация, связанная с их обращением. Но и эти источники дошли до нас лишь фрагментарно. Так, сами векселя в случае их оплаты обычно уничтожались. Коммерсанты обычно заносили данные об операциях с векселями в свои бухгалтерские и иные конторские книги, но пока не удалось обнаружить что-либо из документации иностранных фирм, торговавших в России в XVIII в. Главным образом до нас дошли сведения о сделках, которые по разным причинам были не вполне удачными, вели к протесту векселей и к судебному разбирательству. Конечно, они не дают полной картины коммерческого кредита и вексельного обращения. Однако в различных архивных фондах удалось обнаружить более полутора тысяч опротестованных векселей и дел по вексельным искам с участием торговых иноземцев. Этого достаточно, чтобы сделать определенные наблюдения об основных тенденциях в развитии вексельного обращения с участием иностранных купцов, выявить их деловые контакты на внутреннем и внешнем рынках, поскольку обращавшиеся в Москве векселя нередко выдавались или погашались и в Петербурге, в других российских городах, а иногда и за рубежом. То же можно сказать и о векселях, выданных в Петербурге, Архангельске.

Имеющиеся на этот счет материалы можно свести к двум основным видам: дела по разбору отдельных тяжб и записи протестов векселей. В первом случае возникало довольно обширное делопроизводство объемом до десятков и сотен листов. Оно касалось одной конкретной сделки или нескольких взаимосвязанных сделок, или всех долгов какого-либо конкретного лица, если речь шла о банкротстве. Основными участниками тяжбы были держатель векселя и векселедатель, но вовлекались и другие лица — поручители, свидетели, индоссанты и пр. Кредитор и должник могли поручить представлять свои интересы доверенным лицам. Иноземцы пользовались этой возможностью довольно часто, доверяя выступать в суде другим иностранным купцам, своим деловым партнерам. В состав документации по таким делам входят и подлинные векселя, которые остались не оплаченными в срок, с собственноручными подписями должников и надписями о трассировании или индоссаменте. Это позволяет проследить путь векселя от одного держателя к другому, а заодно выявить деловые связи между иностранными купцами и их партнерами в России и за рубежом.

Такие дела рассматривались в магистратах или в Коммерц-коллегии, если они касались английских купцов. В существующем ныне в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) архивном комплексе Коммерц-коллегии таких дел немного, в основном они касаются претензий англичан по долгам русских купцов в связи с контрактами. Гораздо больше дел по векселям можно обнаружить в фондах магистратах тех городов, где действовали иностранные купцы. Дела Архангельского магистрата вошли в фонд Архангелогородской губернской канцелярии. Все

обнаруженные там дела о вексельных операциях с участием иноземцев посвящены переводу ими казенных денежных сумм из одного города в другой по поручениям правительства. Сведений о выдаче иноземцами в Архангельске собственных средств кому-либо под вексель или получении таковых от кого-то пока не найдено. Имеющиеся в нашем распоряжении дела по вексельным претензиям с участием иноземцев обнаружены в основном в фондах Главного и Московского магистратов, хранящихся в РГАДА и Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ). Эти дела возбуждались и рассматривались в Москве.

Записи протестов векселей, другой вид основных источников по вексельному обращению, представляют собой специальные книги, которые велись в течение года. В них нотариусы заносили сведения о протестованных у них векселях. В фонде Московского магистрата в РГАДА имеются две такие книги по Москве — за 1768 и 1772 гг.[6] Несколько книг разных московских нотариусов за 1790-е гг. хранятся в ЦИАМ[7]. Подробнее об этих книгах будет сказано ниже, когда речь пойдет о кредитной деятельности иноземцев на московском рынке. Наконец, в фонде Государственного архива в разряде «Внутреннее управление» в РГАДА имеется книга записи протестов по Петербургу за 1773 г. — единственная из известных книг такого рода по северной столице[8]. Наличие этой книги позволяет достаточно подробно изучить деятельность иностранных купцов в сфере вексельного обращения в Петербурге — основном центре деятельности западно-европейских купцов в России в тот период. Именно на ней основана уже упомянутая статья Дж.Монро, который ввел этот источник в научный оборот. Но, по признанию самого автора, его анализ носит предварительный характер, операции иностранных купцов он специально не рассматривает[9].

Вексельный кредит иностранных купцов в Петербурге в середине и второй половине XVIII в.

В книге записи протестов по Петербургу практически полностью представлены протесты за весь 1773 г. с января по декабрь. В записях приводится основное содержание векселя — сумма и сроки сделки, а также имя выдавшего вексель и того, кто предъявил его к протесту. Это позволяет судить об активности отдельных купцов и торговых фирм в сфере коммерческого кредита, их основных партнерах, распределении кредита между различными категориями заемщиков. Сведения о трассировании и индоссаменте отсутствуют, так что протестантующими могли быть лица, либо выдавшие деньги при составлении векселя должником, либо получившие его от первоначального кредитора. Нужно иметь в виду, что эта книга учитывает только опротестованные векселя. Но отразившееся в ней соотношение основных групп кредиторов и их клиентов, очевидно, соответствует в общих чертах распределению всей массы кредита в Петербурге в целом и мы имеем достаточно репрезентативный срез данных о развитии кредита на определен-

ный момент, а именно на начало 1770-х гг., когда торговая активность иноземцев в столичном порту находилась на подъеме.

Всего в книге 1773 г. зарегистрировано 4019 протестованных векселей. Из них 926 выдано с участием иностранных купцов. Это свидетельствует о значительной активности иноземцев в сфере вексельного кредита и в то же время о том, что бóльшая часть векселей выдавалась и обращалась уже без участия иностранцев. Это подтверждается и данными об общей сумме кредита, выданного по этим векселям. Из всей суммы в 1 млн 695 тыс. руб.[10] на долю векселей, полученных при выдаче ссуд иноземцами, приходится 505,4 тыс. руб., т.е. немногим менее трети (см. Таблицу 1). Следовательно, суммы сделок с участием иностранцев были в среднем больше, нежели без них.

Таблица 1

Распределение кредита, полученного различными категориями должников у иностранных купцов по векселям, опротестованным в Петербурге в 1773 г. (руб.)

Кредиторы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Англичане	45826	44311	7127	24622	12360	1305	32945	168496
Немецкие купцы	40350	10170	743	41581	3021	13217	25293	134374
Голландцы	33327	9664	—	11347	12732	14719	25401	107190
Французы	2678	1040	—	21430	5457	1255	24008	55868
Швейцарцы	7137	—	—	83	24	34	—	7278
Итальянцы	430	718	—	1492	—	175	—	2815
Шведы	99	—	—	93	—	—	633	825
Испанцы	—	—	—	300	—	—	—	300
Датчане	—	—	—	—	—	100	—	100
Купцы Данцига	—	—	—	1048	—	135	—	1183
Остзейские купцы	8001	674	700	9067	218	257	8067	26985
Итого	137848	66577	8570	111063	33812	31197	116347	505414

Источник: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497. Учтены только векселя в рублях. Суммы в иностранной валюте отражены в Табл. 2. Там же см. сведения об отдельных кредиторах, а также о купцах отдельных городов и земель Германии и остзейских провинций.

Пояснение: категории должников: 1 — петербургские купцы; 2 — купцы из провинциальных российских городов; 3 — купцы из остзейских городов и Выборга; 4 — иностранные купцы; 5 — ремесленники-иностранцы; 6 — прочие иностранцы; 7 — дворяне.

Но почти две трети кредита приходится уже на долю сделок русских купцов друг с другом или их же с русскими дворянами. Это говорит о том, что в течение нескольких десятилетий после принятия Вексельного устава коммерческий кредит под вексель

широко распространился в среде русского купечества, по крайней мере среди тех, кто действовал в Петербурге. Очевидно, что главным образом эти ссуды выдавали деньгами или товаром торгующие при Петербургском порте русские коммерсанты своим торговым партнерам из других городов и уездов. Это свидетельствует о достаточно прочных позициях крупных русских купцов как посредников между внешним и внутренним рынком.

Итак, в 1773 г. иноземцами было выдано около трети всех кредитов под вексель в Петербурге. Подсчеты показывают, что английские купцы опережали коммерсантов других стран по масштабам вексельных операций на кредитном рынке Петербурга. На их долю приходится протестованных векселей на 168,5 тыс. руб., на долю немецких купцов из всех земель — 134 тыс. руб., голландцев — 107 тыс. руб. (см. Таблицу 1). Это в целом соответствует соотношению сил каждой из национальных групп иностранного купечества во внешней торговле Петербурга, о чем свидетельствуют данные о товарообороте за 1773 г. При этом важно сопоставить данные о вексельном кредите и сведения не о всем товарообороте, а об импорте, поскольку именно импортные товары в первую очередь предоставлялись в кредит. Так, доля англичан в импорте составила в 1773 г. 30%, в вексельном кредите — 26%, голландцев — 8% и 16%, немецкого купечества — 17% и 20%, французов — 3% и 10%, итальянцев — 1% и 0,5%, испанцев — 1% и 0,05%, швейцарцев — 0,6% и 1% и т.д.[11] Все же абсолютной корреляции мы не наблюдаем. В любом случае, не просматривается какой-то особой роли или существенного преимущества англичан над купцами других стран в сфере вексельного кредита. Напротив, их доля в сфере вексельного кредита несколько меньше, чем в импорте в целом. У голландцев, наоборот, активность в предоставлении ссуд выше, чем их доля в привозе товаров из-за моря, что свидетельствует о том, что голландцы, а также немцы и швейцарцы продавали в кредит бóльше своих товаров, нежели англичане, итальянцы, испанцы. Это, в свою очередь, было связано с особенностями коммерческой практики Гамбурга, Амстердама, а также Швейцарии, где традиционно важную роль в коммерции играли банки и банкиры. Французы вообще выделяются особо: их доля в кредитных сделках достигла 10%, хотя импортных товаров они привезли в Петербург всего не более 3%. Подобное несоответствие обусловлено, очевидно, спецификой кредитной деятельности французов, о чем будет сказано далее.

Кроме того, кредит под векселя выдавали и купцы — немцы из остзейских провинций, а также иноземцы, уже давно записавшиеся в купечество Петербурга.

Таким образом, среди участников кредитных сделок значатся практически все национальные группы иностранного купечества. Достаточно широко представлены и отдельные купцы, и торговые фирмы. Всего в записях о протестованных векселях за 1773 г. упомянуто 218 иноземцев (см. Таблицу 2). Всего в том же году в торговле при Петербургском порте приняло участие 245 иностранных

купцов[12]. Цифры близкие, но поименно списки участников торговли и тех, кто выдавал векселя, далеко не совпадают. В этой связи всех торговых иноземцев, находившихся в северной столице, можно разделить на три группы: 1) те, кто упомянут в ведомости о товарообороте, но не назван в книге протестованных векселей; 2) те, кто упомянут и там, и здесь; 3) те, кто не числится в ведомости о товарообороте, но значится в книге протестованных векселей.

Таблица 2

Сумма кредита, полученного различными категориями должников у иностранных купцов по векселям, опротестованным в Петербурге в 1773 г.

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
I. Английские купцы								
Глен и Гилберт	12646	24810	2127	—	—	—	—	39583
И.Фредерикс	—	—	—	—	—	—	100 ч. 21287	100 ч. 21287
Ватсон и Сутерланд	42223	1568	—	232 ф.	480 г. 10607	—	366	480 г. 232 ф. 16764
Томсен, Питерс и К°	1478	10909	—	300	—	—	—	12688
Шмит и Доусон	4710	2294	—	1638	—	—	3000	11642
Рос и Парис	10550	—	—	379	—	—	—	10929
А.Велден	1275	—	—	9004	—	—	—	10280
Э.Дж.Смит	2000	—	5000	1863	—	—	700	9563
Яков Шмит	1542	—	—	4295	—	—	—	6037
Шарп и Сваллоу	819	557 г. 1705	—	1489	—	—	—	557 г. 4013
Джеймс и Джаксон	1055	—	400 г.	2674	—	—	—	400 г. 3729
Сусанна Рейнгольд	769	868	—	1293	—	600	—	3530
Затрапезный и Каванах	350	869	—	89	—	—	1455	2763
Аткенс, Ригель Дюзбери	2243	—	—	—	—	405	—	2648
Риттер, Торнтон и Кейли	—	1150	—	—	—	—	1232	2382
Шмит и Тебель	1200	—	—	992	—	—	—	2192
Джаксон и К°	—	—	—	60	—	—	1287	1287
О.Э.Зеттлер	127	137	—	110	404	—	412	1190
Ранд. Мейер	—	—	—	—	—	—	1025	1025

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Яков Сафри	—	—	—	—	943	—	—	943
Фартенсон	—	—	—	—	—	—	900	900
Вилим Гом	—	—	—	—	—	—	550	550
Д.Гигтенботтом	—	—	—	500	—	—	—	500
Куль, Ватсон и К°	—	34600 г.	—	—	—	—	263	34600 г. 263
Эдвардс	—	—	—	238	—	—	—	238
Христофор Лик	—	—	—	—	—	—	200	200
Вил. Проктер	—	—	—	—	180	—	—	180
Иван Лоут	—	—	—	—	126	—	—	126
Мейбом	—	—	—	—	100	—	—	100
Николай Мейер	—	—	—	—	—	—	60	60
Дм.Накрозов	—	—	—	—	—	—	8	8
Итого	45826	35157 г. 44311	400 г. 7127	232 ф. 24622	12360	1305	100 ч. 32945	35557 г. 232 ф. 100 ч. 168496
II. Немецкие купцы а) Любекские купцы								
Миллер и Швадтке	7051	516	—	17868 г. 733 м.	—	—	—	17868 г. 733 м. 7567
Шульц и Лесенберг	295	1800	—	766	165	—	4350	7376
Иог.Ад.Цанге	894	—	—	733 м. 1295	—	129	—	733 м. 2319
Гот.Э.Медер	—	—	—	—	—	—	2132	2132
Гер.Ник. Молво	1508	—	—	—	—	—	60 ч.	60 ч. 1508
Эдер и Балеман	1073	284	—	—	—	—	—	1357
Герм.Хр.Бок	—	—	—	799 м. 1295	—	—	—	799 м. 1295
Фр.Ник.Стут	1034	—	—	193	—	—	—	1227
Брунс и Иве	274	460	—	—	—	250	—	984
Давыд Сиверс	—	—	—	—	—	—	490	490
Кондр.Кизел	—	—	—	—	240	—	200	440
В.Г.Шредер	—	—	—	110	—	—	—	110
Генр.Дейчман	—	—	—	—	—	98	—	98
Иог.Мейснер	—	—	—	60	—	—	—	60
Итого	17868 г. 12130	3060	—	2265 м. 2544	405	477	60 ч. 7172	17868 г. 2265 м. 60 ч. 25877

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
б) Гамбургские купцы								
Мас и Сын	85	2069	—	602	—	—	—	2756
Тессин и Швертнер	1790	—	—	—	—	200	—	1990
Гед.Гурлинг	194	—	—	—	765	207	353	1519
Андр.Шредер	1369	209	—	—	—	—	304	1882
Г.П.Кнуст	902	—	—	543	—	—	—	1445
П.В.Рихтер	—	—	—	1125	—	—	—	1125
Иог.Тебель	674	—	—	—	—	—	—	674
Итого	5014	2278	—	2270	765	407	657	11391
Итого гамбургские и любекские купцы	17868 г. 17144	5337	—	2265 м. 4814	1170	884	60 ч. 7829	17868 г. 2265 м. 60 ч. 37178
в) Ростокские, саксонские, прусские купцы, купцы «цесарской земли»								
Ростокские купцы								
Анна Рихтер	—	—	—	9131	—	—	—	9131
Генрих Мезе	408	—	—	—	—	—	—	408
Рихтер и Мас	—	134	—	—	218	—	—	352
Якоб Рихтер	—	—	—	—	—	—	229	229
Иог.Готт. Рихтер	—	4840 г.	—	—	—	—	—	4840 г.
Итого	408	4840 г. 134	—	9131	218	—	229	4840 г. 10119
Саксонские купцы								
Ф.В.Поггенполь	553	—	—	7050	—	—	5526	13129
Хр.Фр.Шаде	1589	—	—	363	—	—	—	1952
Итого	2142	—	—	7412	—	—	5526	15080
Прусские купцы								
Бахман и К°	1080	—	—	3951	—	722	—	5753
Фон Эссен и Розенфелдт	2264	—	—	889	—	—	—	3153
Лавр.Шиндлер	203	—	—	170	—	—	—	373
Итого	3547	—	—	5010	—	722	—	9279
Купцы «цесарской земли»								
Ф.В.Амбургер	3646	1507	—	856 г. 306	143	—	—	856 г. 5602
Цан и Палм	3696	394	—	200	—	—	—	4290
Йозеф и Иоганн Гинтер	591	684	—	554	—	—	—	1829
Карл Нейман	560	—	—	30	—	—	—	590

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Ж.Вейнахт	—	—	—	7380 л.	—	—	227	7380 л. 227
Итого	8493	2585	—	856 г. 7380 л. 1090	143	—	227	856 г. 7380 л. 12538
г) Постоянно проживавшие в Петербурге владельцы предприятий, прочие коммерсанты, не вошедшие в разделы а, б, в								
Б.Миллер	—	—	—	—	—	6000	—	6000
Клас Иох. Карро	—	—	—	3000	—	—	—	3000
Фридрих Гербст	—	—	—	—	—	2500	300	2800
Франц Вагнер	2442	—	—	45	—	218	—	2705
Герман Делинг	—	—	—	—	—	200	1655	1855
Карл Брандерс	—	—	—	1850	—	—	—	1850
Ник. и Хр.Бацау	—	—	—	500	—	—	1140	1640
И.А.Шеерман	235	—	—	813	—	55	525	1628
Иог.Крейцер	—	—	—	1496	—	—	—	1496
Я. фон Шонговен	563	—	—	570	—	—	350	1483
Андр.Шмит	—	—	—	1452	—	—	—	1452
Милдан и Гетче	142	1194	—	—	—	—	—	1336
Фил.Вольф	87	161	—	—	1026	—	—	1274
Екат.Шейдеман	1958 г. 1223	—	—	—	—	—	—	1958 г. 1223
Георг Кетлер	—	—	—	—	—	—	1201	1201
Август, Габриел и Иоганн Флюг	—	—	388	180	—	26	600	1194
Иог.Фил. Менгес	—	—	—	—	—	—	1166	1166
Екат.Лицман	—	—	—	1000	75	—	—	1075
Иог.Шоль	959	—	—	—	—	—	—	959
Мориц Бетге	—	—	—	300	—	—	625	925
Э.Л.Крокизиус	570	—	—	—	—	330	—	900
Карл Ген. Ридель	—	—	—	—	—	239	580	819
Герм.Иог.Ланг	800	—	—	—	—	—	—	800
Давыд Гертов	—	—	—	756	—	—	—	756
Фил.Як. Демут	—	—	355	75	—	245	—	675
Христ.Лиман	—	291	—	—	—	—	193	484

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Прочие	1595	468	—	2087	389	1798	3147	9484
Итого	1958 г. 8616	2114	743	14124	1490	11611	11482	1958 г. 50180
III. Голландские купцы								
Лев.Фаб. Бетлинг	21021	8952 г. 3127	—	4146	2727	—	533	8952 г. 31554
Лимбурга вдова, Стралборн и Вольф	450	1900 г.	—	318 г. 4613	3187	8500	6200 ч. 10798	2218 г. 6200 ч. 27548
Броувер и Багге	699	942	—	700	356	—	7000	9697
Блом и фон Зантен	1231	1125	1500 г	2300 л.	1945 г. 6462	100	—	3445 г. 2300 л. 8918
Леопольд Потет	—	953	—	42158 л. 75	—	6000	—	42158 л. 7028
Якоб Перкин	1000	—	—	90	—	119	4215	5424
Андр.Бодиск	5000	—	—	269	—	—	—	5269
Гавр.Бахерахт	1756	2505	—	432	—	—	325	5018
Петр Томсин	1004	1012	—	—	—	—	2400	4416
Петр Палот	100	—	—	997	—	—	130	1227
Ян ван дер Флит	681	—	—	—	—	—	—	681
П.Гартвиг и К°	385	—	—	—	—	—	—	385
Иог.Мидден-дорф	—	—	—	25	—	—	—	25
Итого	33327	10852 г. 9664	1500 г.	44458 л. 318 г. 11347	1945 г. 12732	14719	6200 ч. 25401	6200 ч. 44458 л. 14615 г. 107190
IV. Французские купцы								
Ж. Мишель	2455	—	—	12054	—	—	8088	22597
Ларме	—	—	—	—	—	—	9000	9000
Иог.Фер	—	—	—	5000	—	—	—	5000
Пав.Перрот	—	—	—	—	3164	—	—	3164
Л.Д.Дюваль	—	—	—	1043	—	—	861	1903
Бараль, Шенони и К°	—	—	—	1223	—	473	—	1696
Франц Валоа	—	—	—	1345	—	—	—	1345
А.Поше	—	—	—	—	—	—	1500	1500
Йозеф и Франсуа Раймберт	—	—	—	4590 л. 569	999	—	—	4590 л. 1568
Теофиль Буше	35	1040	—	—	—	300	—	1375
Монтандре	—	—	—	—	—	430	640	1070

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Луи Бускет	—	—	—	23	—	52	959	1034
Фил.Сандрак	—	—	—	—	—	—	1020	1020
Андр.Паске	—	—	—	—	738	—	—	738
Шидель	—	—	—	—	556	—	—	556
Женон	—	—	—	—	—	—	410	410
Ноэль Деноэ	—	—	—	—	—	—	400	400
Анвер-меньшой	—	—	—	—	—	—	350	350
де Вильмон	—	—	—	—	—	—	350	350
Ив. Пакей	—	—	—	—	—	—	300	300
Эмбале и Берт	188	—	—	—	—	—	—	188
Ганневард и Беккер	—	—	—	174	—	—	—	174
Натали д'Аржант	—	—	—	—	—	—	130	130
Итого	2678	1040	—	4590 л. 21430	5457	1255	24008	4590 л. 55868
V. Купцы Швейцарии, Швеции, Дании, Италии, Испании, Данцига								
Швейцарские купцы								
Росад, Девейс и К°	1341 г. 4321	—	—	—	—	—	—	1341 г. 4321
Б.Эртли	2085	—	—	—	—	—	—	2085
Иог.Беккер	731	—	—	83	24	34	—	872
Итого	1341 г. 7137	—	—	83	24	34	—	1341 г. 7278
Зах. Гультен *(Швеция)*	99	—	—	93	—	—	633	825
Ст.Линдемана сын и Брейтфельд *(Дания)*	—	17500 г.	—	—	—	100	11507 г.	29007 г. 100
М.Г.Трозин *(Данциг)*	—	—	—	1048	—	135	—	1183
Братья Ливио *(Италия)*	430	718	—	14098 л. 1492	—	175	—	14098 л. 2815
Шоне и Зотто *(Испания)*	—	—	—	300	—	—	—	300
VI. Купцы из остзейских провинций, Выборга и Фридрихсгама								
Выборгские купцы								
Ениш, Ладо и Трост	1901	—	—	2017	—	—	—	3918
Карл Бейсман	361	274	—	—	—	—	—	635
Итого	2262	274	—	2017	—	—	—	4554
Дерптские купцы								
Гесель и Книпер	—	—	700	200	—	—	274	1174

Купцы и фирмы	Категории должников							Итого
	1	2	3	4	5	6	7	
Я.Югандер	—	—	—	—	—	—	150	150
Итого	—	—	700	200	—	—	424	1324
Нарвские купцы								
Сем.Брумберг	—	—	—	—	—	—	400	400
Вильг.Кассель	—	—	—	—	—	—	350	350
Ив.Грослоб	155	—	—	—	—	—	—	155
Карл Арпс	—	100	—	—	—	—	—	100
Дан.Земцхерт	—	—	—	—	—	100	—	100
Итого	155	100	—	—	—	100	750	1105
Ревельские купцы								
Иог.Арн. Себек и Томас Себек	3834	—	—	4189 м.	—	—	1500	4189 м. 5334
Т.Ф.Геппенер	—	—	—	1000	—	157	—	1157
И.Монквиц	—	—	—	—	—	—	511	511
Карл Иог. Банг	—	—	—	—	—	—	359	359
Давыд Гардер	353	—	—	—	—	—	—	353
Б.Стралборн	—	—	—	—	—	—	311	311
Хр.Тортефолт	—	—	—	—	—	—	296	296
Иог.Родде	—	—	—	—	150	—	—	150
Иог.Готл.Теш	—	—	—	—	—	—	100	100
Дидр.Ломан	—	—	—	—	—	—	80	80
Дит.Як.Даль	—	—	—	—	—	—	46	46
Д.А.Эбергард	—	—	—	—	38	—	—	38
Иох.Вестадиус	—	—	—	—	30	—	—	30
Итого	4188	—	—	4189 м. 1000	218	157	3203	8766
Рижские купцы								
Отто Хр. Лоунц	812	300	—	5850	—	—	190	7152
Хр.Я.Люденлорф	584	—	—	—	—	—	3000	3584
Итого	1396	300	—	5850	—	—	3190	10736
Христ.Рихард (*Фридрихсгам*)	—	—	—	—	—	—	500	500

Источник: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497.

Пояснения: категории должников: 1 — петербургские купцы; 2 — купцы из провинциальных российских городов; 3 — купцы из остзейских городов и Выборга; 4 — иностранные купцы; 5 — ремесленники-иностранцы; 6 — прочие иностранцы; 7 — дворяне.

Сумма сделок, как правило, указана в рублях. В этом случае буквенное обозначение отсутствует. Суммы в иностранной валюте обозначены следующим образом: г. — гульдены, л. — ливры, ф. — фунты стерлингов, м. — марки любские (любекские), ч. — червонные (червонцы).

К первой группе относятся коммерсанты, связанные с внешним рынком, но мало использовавшие кредит в своей торговой деятельности на петербургском рынке. Видимо, они предпочитали иные формы сделок со своими торговыми партнерами в России или сосредоточивались в основном на закупках российских экспортных товаров, а не на продаже импортных. К ним и следует отнести почти половину британских фирм и отдельных коммерсантов, в том числе довольно известных — «Бест, Ланг и К°»; Дж.Пима; Эрнста Якоба Опитца и др., а также испанские фирмы «Франц Демиланж и К°»; Мануэля Санчеса и др. Не видим среди держателей векселей и многих коммерсантов, имевших незначительный внешнеторговый оборот и прибывавших в Петербург нерегулярно. Очевидно, они сбывали имевшийся у них товар без всякого кредита, или небольшое количество оказавшихся у них векселей их клиентов не попали в число протестованных в 1773 г. Из английских купцов — это Джон и Роберт Гей, Вилиам Крамп, Стивен Кетли, Джон Ниль, Джеймс Перот; из французов Йозеф Бале, Франц Билио, Жан Николь Дефонтен; из немецких купцов разных земель — Соломон Фанбрин, Иоганн Готтлиб Штитцер, вдова Йозефа Тазера, Готтлиб Фридрих Круг и многие другие.

Коммерсанты второй группы активно участвовали во внешней торговле и имели на руках много векселей, выданных в Петербурге. Очевидно, кредит был одной из основных форм сбыта товаров, полученных ими из-за моря. К этой группе относится большинство ведущих иноземных фирм Петербурга, в том числе более двадцати английских (например, «Ватсон и Сундерланд», «Томсен, Питерс и К°», «Рос и Парис» и др.), практически все более или менее известные голландские («Броувер и Багге», «Лимбурга вдова, Стралборн и Вольф» и др.), гамбургские («Мас и сын»), любекские («Брунс и Иве», «Герман Никлас Моллво» и др.), ростокские («Рихтер и Мас»), датские («Степана Линдемана сын и Брейтфельд»), самые крупные французские («Йозеф Реймберт и Франсуа Реймберт», «Жан Мишель», «Бараль, Шенони и К°» и др.).

Наконец, к третьей группе следует отнести коммерсантов, которые вовсе не имели или почти не имели внешнеторговых сделок, но активно участвовали в операциях с векселями. Они, очевидно, продавали в кредит товары, полученные у иноземных фирм-импортеров в Петербурге, или занимались чисто ростовщической деятельностью. Таковые имелись даже среди английских купцов, всего их было четверо: вдова Чарльза Рейнгольда Сусанна, Фартенсон, Д.Гиггенботтом, Х.Лаут. Есть и голландцы (Андрей Бодиск, Якоб Перкин, Иван ван дер Флит), французы (например, Наталия д'Аржант), десятки купцов немецкого происхождения, в том числе и выходцы из остзейских провинций, такие как ревельцы Иоганн Родде, Томас Фридрих Геппенер, Христиан Тортелфлот, Карл Иоганн Банг. Для многих коммерсантов этой категории торговое посредничество и участие в кредитных сделках было связано с их основным постоянным занятием в Петербурге — промышленным предпринимательством («фабриканты» Христиан

Леман, Кондратий Кизел, вдовы промышленников Екатерина Шейдеман и Екатерина Лицман), ювелирным делом (Фридрих Гербст), содержанием трактиров (Мельхиор Гротти, Петр Гоммериус, Георг Генрих Гейденрайх и др.). Перкины, голландцы по происхождению, состояли нотариусами, англичанин Дж.Гигенботтом был браковщиком товаров в Петербургском внешнеторговом порту.

Таким образом, во второй половине XVIII в. операции с векселями были широко распространены среди представителей всех национальных групп иностранного купечества в Петербурге, ими занимались как крупные коммерсанты, занятые в сфере внешней торговли, так и многие осевшие в северной столице коммерсанты средней руки. В связи с этим и масштабы их кредитной деятельности совершенно различны. Наибольшего размаха достигали операции тех иноземцев, кто входил в круг коммерсантов, отличавшихся значительными масштабами внешней торговли. При этом из более чем двухсот известных нам участников операций с векселями выделяются две фирмы. Это фирмы англичанина Василия Глена и его компаньона Джорджа Гилберта, а также Логина (Левина Фабиана) Бетлинга. Фамилия Бетлингов происходит из Любека, но их фирма может быть отнесена к голландским компаниям, поскольку Петр Бетлинг долго торговал совместно с голландцем Аврамом Лимбургом. Англичане предъявили к протесту 38 векселей на общую сумму 39,6 тыс. руб. Это говорит о том, что их клиенты брали в долг довольно крупные суммы, в среднем по одной тысяче рублей. Бетлинг опротестовал 35 векселей на общую сумму 31,5 тыс. руб. Заслуживает упоминания французский купец Жан Мишель, с общей суммой опротестованных им сделок в 22,6 тыс. руб., и Иван Фредерикс, придворный банкир, ссудивший 21,3 тыс. руб., но все — представителям аристократии (см. Таблицу 2).

Из 926 сделок с участием иноземцев лишь в 105 случаях иностранные купцы оказываются должниками, причем векселей, выданных ими русским торговым людям, зафиксировано всего 62. В 22 случаях западно-европейские купцы оказались должниками представителей дворянства, и в 17 случаях их кредиторами оказались иностранные же коммерсанты. Можно говорить о значительном преобладании иноземцев в кредитных сделках с русскими людьми на петербургском рынке. В подавляющем большинстве случаев они выступают здесь в качестве кредиторов — 838 вексельных сделок из 926 с участием иностранцев, опротестованных в 1773 г. Общая их сумма составила 505,4 тыс. руб. Ее распределение между отдельными категориями заемщиков отражено в Таблице 1.

Круг клиентов иностранных купцов, выдававших деньги под векселя, был весьма разнообразен, но может быть сведен к четырем основным группам. Кроме русских и иностранных купцов, это дворяне, а также иностранцы других занятий. Такую же группировку лиц, пользовавшихся вексельным кредитом, предлагает в

своем новейшем исследовании о вексельном обращении Э.Хардер-Герсдорфф, которая использует материалы, аналогичные приводимым здесь, а именно — документацию о вексельных протестах по Ревелю за вторую половину XVIII в. Правда, Э.Хардер-Герсдорфф выделяет военных и чиновников в особые категории[13]. Для данного исследования целесообразно объединить их под одной рубрикой «дворяне», поскольку важно отделить средства, направляемые в торговлю, от кредитов преимущественно ростовщического характера. Кроме того, между офицерами и чиновниками нет существенных социальных различий, поскольку те и другие, как правило, принадлежали к дворянству.

Среди должников иноземцев в 1773 г. совсем нет крестьян и крайне редко встречаются прочие разночинцы (обычно это придворные лакеи, домашние учителя, церковные причетники и пр.). Дело в том, что в Вексельном уставе подразумевались в первую очередь купеческие векселя. Не возбранялось выдавать векселя и дворянам, но в случае неплатежа они подлежали суду в городских магистратах. Крестьянам обязываться векселями запрещалось, что подтверждалось в дальнейшем указами от 7 июня 1751 г. и 14 февраля 1761 г.[14] Запрет касался всех категорий крестьян. Этот порядок соответствовал интересам купцов, поскольку исключал из круга участников вексельных сделок их извечных конкурентов — торговых крестьян.

Основная масса иностранного кредита в Петербурге направлялась в торговлю. В 1773 г. общая стоимость протестованных векселей, выданных иностранным купцам их торговыми партнерами, составила 324 тыс. руб., то есть почти две трети (64%) общей суммы. Среди этих должников были как иностранцы, так и русские купцы, а среди последних представлены как жители Петербурга, так и коммерсанты из Москвы и многих провинциальных городов. На долю русских купцов приходится 204 тыс. руб. иностранного кредита под вексель, или 40% общей суммы (см. Таблицу 1). Если сопоставить эти данные с ситуацией на кредитном рынке в Петербурге, Москве и Архангельске в первой четверти XVIII в., то налицо существенное снижение доли русского купечества среди клиентов торговых иноземцев по коммерческому кредиту. Как известно, в 1702—1703 гг. на долю русских купцов из Москвы и других городов приходилось более 88% ссуд торговых иноземцев, зафиксированных в книгах московской крепостной конторы[15]. Теперь, в 70-х гг. XVIII в., в новой, северной столице эта доля не достигает и половины. При этом бóльшая часть досталась петербургским купцам. Им иноземцы выдали, если судить по нашим данным, 27% всего кредита (139 тыс. руб. протестованных векселей). На долю купцов из других городов досталось 15,5%. В начале XVIII в. из 63 тыс. руб. товарного кредита иногородние купцы получили товары лишь на 3 тыс. руб., то есть немногим более 6%[16]. Следовательно, и во второй половине XVIII в. столичные купцы были главными партнерами иноземцев при закупках в кредит импортных товаров, но доля приезжих купцов за несколько

десятилетий все же существенно возросла, и они также стали значимыми партнерами иностранных фирм, которые все больше сбывали им в кредит импортные товары без посредничества столичных купцов.

Делать выводы о том, кто именно из петербургских купцов чаще всего пользовался иностранным кредитом, не вполне корректно, поскольку мы имеем дело с протестованными векселями, то есть в книгу 1773 г. попали векселя только тех коммерсантов, кто имел затруднения с выплатой по ним. Неудивительно, что часто встречаются одни и те же имена. Те, кто оказывался на грани банкротства, были должны по многим векселям, и протесты на них сыпались со всех сторон. Особенно это касается ряда петербургских купцов, поскольку они, постоянно проживая в столице, имели наибольшие возможности пользоваться кредитом у многих иностранных кредиторов. Достаточно назвать двух петербургских купцов — Николая Лябезгина, на которого поступило восемь протестов на 6759 руб., и Ивана Кокушкина, задолжавшего иностранцам по 35 векселям 30265 руб. и 13713 гульденов.

Что касается приезжих купцов, то десятки векселей, выданных ими в Петербурге, в той или иной мере отражают если не личный состав иногородних клиентов иностранцев, то, по крайней мере, круг тех городов, откуда чаще всего происходили партнеры иноземцев по коммерческому кредиту. По подсчетам Дж.Монро, всего в книге записаны векселя, выданные купцами, прибывшими в Петербург из 49 городов 12 губерний[17]. Но он имеет в виду все сделки, в том числе и прошедшие без участия иностранных купцов. Русские купцы, использовавшие вексельный кредит иноземцев, происходили, согласно книге протестов, только из 30 городов. В основном это города Северо-Западной и Центральной России, Среднего Поволжья, связанные с Петербургом уже хорошо налаженной во второй половине XVIII в. системой водных путей. Исключение составляет довольно далеко отстоящий от этих путей Курск, и два-три города на севере, лучше связанные с Архангельском (Вологда, Яренск и, возможно, вятский город Яранск). Среди городов центра выделяются Москва, несколько подмосковных городов (Коломна, Волоколамск, Можайск), города, лежащие к югу и юго-западу от Москвы: Тула, Боровск, Калуга. Из представителей крупных торговых центров северо-запада выделяются купцы из Ржева, Твери, Торопца, Осташкова, Торжка. Кроме того, в данном регионе были весьма активны и купцы из ряда небольших, расположенных в непосредственной близости от Петербурга городов: Олонца, Новой Ладоги, Тихвина. Причем купцы из Олонца имеют наиболее регулярные контакты с иноземцами в Петербурге: на их долю приходится одиннадцать протестованных векселей на общую сумму 3569 руб. Правда, эта сумма не столь велика, то есть сделки олонецких купцов с иноземцами были сравнительно небольшие — по 200—400 руб. каждая. Довольно часто встречаются среди должников иноземцев купцы из городов Центральной России, расположенных к северо-востоку от Москвы и тяго-

тевших к Средней Волге. Это Ярославль, Владимир, Шуя, Романов, Борисоглебск, Ростов, Солигалич, Любим, Кашин. Наверняка, векселя выдавали иноземцам и купцы других городов данного региона, просто в 1773 г. они не попали в число протестованных. Обращает на себя внимание сравнительно небольшая доля москвичей среди должников иноземных фирм по векселям. На их долю приходится лишь 6,7 тыс. руб., или 9% всего кредита, доставшегося представителям внутренних городов. Возможно, крупные московские купцы далеко не всегда брали импортные товары в долг, или у иноземцев были иные пути доставки в Москву импортных товаров. Но, скорее всего, дело в том, что векселя на московских купцов иноземцы протестовали в Главном и Московском магистратах, находившихся в Москве, почему их и оказалось сравнительно немного в книге протестов по Петербургу.

Рассматривая вексельные сделки каждой из национальных групп западно-европейского купечества в Петербурге, нельзя не отметить их основные особенности, которые также касаются, в первую очередь, состава их должников, а следовательно — направленности кредитной деятельности. Именно английские купцы больше всех давали в долг под вексель провинциальным купцам. Две трети всех ссуд под вексель (44 тыс. руб. из 66 тыс. руб.) торговые люди из внутренних регионов России получили у англичан (см. Таблицы 1 и 2). Наибольших масштабов достигают займы калужских и вологодских купцов. Калужанин Иван Ланин задолжал Глену и Гилберту 3613 руб. по трем векселям, а его земляк Андрей Губкин — фирме «Ватсон и К°» 1568 руб. Вологодские купцы Петр Попов и Петр Носов выдали два векселя англичанам Томсену и Питерсу, один из них — на скромную сумму в 409 руб. 50 коп., другой — на более чем значительную — в 10500 руб.[18] Весьма активно выдавали англичане ссуды под вексель и петербургским купцам. Им досталась четверть всего кредита, выданного английскими фирмами в Петербурге. Таким образом, российские купцы (столичные и провинциальные) получили у британских коммерсантов более половины всех займов — 90 тыс. руб. из 168 тыс. руб., или 53,5%. Это можно объяснить ассортиментом импортных товаров, доставляемых в Петербург англичанами. Они привозили свинец, олово, сукна — товары, всегда интересовавшие русских купцов, которые развозили их в разные уголки страны. Очевидно, те же товары закупали у них и петербургские купцы для продажи в столице и провинции.

В чем-то схожим выглядит распределение кредита, выданного коммерсантами немецкого происхождения. Более трети всего кредита (50,5 тыс. руб. из 134 тыс. руб., или 37%) они также выдали русским купцам. Но доля провинциальных купцов при этом не столь велика (7,5%), бóльшая часть ссуд досталась столичным купцам. Однако в кредитных операциях различных групп немецкого купечества имеются свои различия. Русских купцов по преимуществу кредитовали ростокские, саксонские, прусские купцы, «цесарской земли торговые иноземцы»; среди последних выделяется

несколько известных фирм: Фридриха Вильгельма Амбургера; Цана и Палма; Йозефа и Иоганна Гинтеров. Ростокские купцы Рихтер и Мас, Генрих Мезе предъявили к протесту несколько векселей столичных и провинциальных купцов на небольшие суммы (например, вексель Матвея Маринкина из Солигалича Рихтеру и Масу в 134 руб. 39 коп.)[19]. Можно считать, что и гамбургские купцы по преимуществу кредитовали русских купцов, если не учитывать семь векселей на общую сумму 9482 руб., выданных иностранным купцом Иоганном Якобом Греннингом, предъявленных к оплате Анной Рихтер, вдовой Петра Вильгельма Рихтера. (Имеется в виду гамбуржец Петр Вильгельм Рихтер, действовавший в составе фирмы «Гардер и Рихтер» в 1763—1767 гг.) Любекские коммерсанты имели более широкий спектр должников: доля русских купцов составила 60%, но немалые ссуды получали и представители других категорий должников — иностранцы, дворяне. Наиболее крупные из них предпочитали выдавать ссуды петербургским купцам. Например, Логин Бетлинг из 23 векселей, протестованных им, 19 получил от русских купцов, в том числе 11 от петербуржцев[20].

Русским купцам предоставляли бóльшую часть своих кредитов под вексель датчане и швейцарцы. Датчане, представленные в данном случае единственной фирмой «Степана Линдемана сын и Брейтфельд», предпочитали иметь дело с провинциальными купцами. Торопецкий купец Иван Бессонов был должен ей по векселю 17500 гульденов, петербургские купцы не значатся среди ее должников вовсе[21]. Ведущие швейцарские фирмы явно специализировались на кредитовании петербургских купцов, которым они выдали до 98% ссуд (см. Таблицу 2). Так, компания «Росад, Девейс и К°» предоставила по двум векселям Александру и АндреюНоговиковым ссуды на 1341 руб., Ивану Кокушкину — по четырем векселям на 2220 руб., Поликарпу Сазонову — на 1550 руб.; Балтазар Эртли имел векселя столичных купцов Меркула Шаргаева на 248 руб., Ивана Акатова на 661 руб.[22] Вероятно, швейцарцы, в отличие от упомянутых выше датчан, не имели разветвленных контактов на внутреннем рынке и ориентировались в своих сделках главным образом на петербургских купцов, хотя некоторые из их клиентов-петербуржцев, судя по фамилиям, были связаны родственными узами с провинциальными городами. Так, купцы Сазоновы были известны во Ржеве, а Акатовы — в Торопце.

Французские купцы также практически не предоставляли ссуды провинциальным торговым людям. Но и с петербургскими купцами, судя по книге протестов, имел контакты только наиболее крупный среди них кредитор — Жан Мишель. Его клиентами оказались уже упомянутые Ноговиковы, выдавшие ему два векселя по 1227 руб. 64 коп. каждый[23]. В целом же распределение кредита французских купцов выглядит совершенно по-особому. Почти все средства (98%), выданные ими под векселя, досталась либо иностранцам, либо дворянам; тем и другим почти поровну: 24 тыс. руб из общей суммы 56 тыс. руб. получили дворяне, 28 тыс. руб. —

иностранцы. Из иноземцев кредитом французских купцов пользовались в первую очередь иностранные коммерсанты. В наибольшей степени выдавали им ссуды под вексель тот же Жан Мишель, а также Йозеф и Франсуа Реймберт, Иоганн Фер (см. Таблицу 2).

Из иностранных коммерсантов, пользовавшихся кредитом иноземных же фирм, совсем немного купцов, известных своим активным участием во внешней торговле. Из должников французов это лишь швейцарская компания «Луис Роланд и Чуди», задолжавшая фирме «Бараль, Шенони и К°» 161 руб.[24]

Большинство иноземных коммерсантов, пользовавшихся кредитом крупных внешнеторговых фирм, не известны или почти не известны в качестве участников внешней торговли. Следовательно, они использовали полученный кредит для своей торговой деятельности внутри Петербурга и внутри России. Если они при этом брали в долг товары, то в принципе нарушали запрет о торговле иноземцев друг с другом. Но, видимо, на практике этот запрет не распространялся на кредитные сделки, или товары получали иноземцы, временно или навсегда вступившие в российское подданство. Из коммерсантов иностранного происхождения, пользовавшихся кредитом известных французских купцов, можно назвать их соотечественников Де Гран Мезона, задолжавшего Жану Мишелю по двум векселям 2105 руб., Александра Поше, давшего тому же Мишелю векселя в 2700 руб. и 4650 руб.[25] В данном случае мы имеем дело с крупными ссудами, следовательно, Де Гран Мезон и особенно А.Поше действовали в рамках петербургского рынка как достаточно крупные коммерсанты. Известно, что в начале 70-х гг. А.Поше занимался устройством театра в Петербурге, для чего ему в 1770 г. было «пожаловано» ветхое деревянное здание близ Летнего дворца[26]. Очевидно, он использовал для этого дела кредиты, полученные у Ж.Мишеля, но в срок не расплатился. А вот французский купец Форсевиль, вероятно, действовал в рамках мелкого розничного оборота. Известен его вексель соотечественнику Бускету всего на 23 руб.[27] В 1773 г. среди протестованных оказались и векселя француженки Наталии д'Аржант, позднее, как известно, перебравшейся в Москву. Она заняла у швейцарской фирмы «Росад, Девейс и К°» 1145 руб. В записи об этом векселе она названа «торговкой». Но часть полученных средств она использовала и в чисто ростовщических операциях, недаром в том же году она опротестовала имеющийся у нее вексель на переводчика А.Курбатова в 130 руб. Легко видеть, что француженка имела немалые проблемы в своей коммерческой и ростовщической деятельности. Сумма предъявленных к ней претензий превосходит иски, поступившие от нее. Был опротестован еще вексель, выданный ей соотечественнику Валуа, в 200 руб.[28] Может быть, это побудило в конечном счете д'Аржант перебраться в Москву.

Особой категорией иностранных по происхождению коммерсантов, пользовавшихся коммерческим кредитом у французских и других иноземных фирм, были содержатели трактиров. Так, «погребщик» Иоганн Шульц оказался должен французам «Баралю,

Шенони и К°» 140 руб. 50 коп. Трактирщик Мельхиор Гротти занял у французского купца, имя которого в записях пропущено, 99 руб. Вино было одним из важных товаров, доставляемых французами, они часто сбывали его в Петербурге в кредит содержателям погребов и трактиров, которые нередко были иностранцами. Также поступали и испанские купцы, ввозившие в Петербург вино с Пиренеев. Недаром единственный занесенный в книгу протестов вексель на 300 руб., принадлежавший испанцам, был выдан фирме «Шоне и Зотто» тем же Мельхиором Гротти[29]. Известно, что из немецких купцов на экспорте вина специализировался Иоганн Адольф Цанге, вероятно происходивший из Любека. Среди его должников значится кронштадтский трактирщик Иоганн Лейстер[30].

Как и французские купцы, подавляющую часть своих ссуд предоставляла именно иноземцам фирма братьев Ливио, единственных итальянцев, предъявивших в 1773 г. векселя к протесту. Из иностранных купцов их кредитом пользовался француз Монтандре, занявший к 1773 г. 8 тыс. ливров. Обращает на себя внимание французская валюта этого векселя: братья Ливио, прибывшие в Петербург из Страсбурга, были тесно связаны с французским рынком; возможно, кто-то из их французских корреспондентов перевел на них вексель Монтандре, выписанный в ливрах. Сам Монтандре почти не известен как активный участник внешней торговли, он больше действовал в рамках внутреннего оборота. Еще один должник братьев Ливио — петербургский табачный фабрикант, француз по происхождению, Теофиль Буше, задолжавший им 6093 ливра[31]. Теофиль Буше, видимо, испытывал значительные трудности со своим предприятием. Недаром в 1773 г. на него поступило от разных кредиторов десять опротестованных векселей, на 3456 руб., 856 гульденов и 232 фунта стерлингов, не считая векселей в ливрах, выданных братьям Ливио[32]. Разнообразие валюты векселей свидетельствует о наличии у Буше обширных зарубежных контактов; но в конечном счете все выданные им векселя оказались в Петербурге, где и были предъявлены к протесту.

Некоторые иноземцы оставляли много неоплаченных векселей после своей кончины. Крайне часто встречаются векселя, выданные Еремеем Тессином, умершим незадолго до составления книги протестов 1773 г. Его происхождение, вероятно, связано с Гамбургом, поскольку тогда же в Петербурге действовала гамбургская фирма «Тессин и Швертнер». Но сам Еремей Тессин успел вступить в купечество Петербурга, в книге протестов он именуется «здешним купцом». Всего после него осталось 18 векселей на 12770 руб., выданных многим купцам из Англии, Голландии, немецких земель. Теперь по ним должна была отвечать его вдова Анна.

В любом случае, иноземные купцы составили второй по значимости отряд должников иностранных же купцов по вексельному кредиту. Всего им досталось ссуд на 111 тыс. руб., против 138 тыс. у петербургских купцов и 66,6 тыс. у провинциальных русских

купцов (см. Таблицу 1). Уже это свидетельствует о том, что около 22% иностранного коммерческого кредита обращалось в среде иноземных же коммерсантов. Кроме того, еще 8 тыс. руб. опротестованных векелей были выданы иностранцам купцами из остзейских городов.

Кроме купцов-иноземцев, кредитом иностранных торговых фирм пользовались ремесленники иноземного происхождения. Всего поступило их опротестованных векселей на 34 тыс. руб. Иноземцы-ремесленники брали в долг у представителей всех основных групп западно-европейского купечества — англичан, голландцев, немцев, французов (см. Таблицы 1 и 2). Это прежде всего портные, ювелиры, каретных дел мастера, то есть все те, кто использовал в своей деятельности импортные материалы, которые они и приобретали в долг у иностранных коммерсантов. В меньшей степени такие сделки характерны для английских купцов. Они известны, как правило, в практике купцов немецкого происхождения, числившихся в Петербурге в английской компании, для Джона Мейбома, Отто Эвальда Зеттлера или для Сутерланда и его компаньонов (поскольку последний был близок ко двору, он вскоре стал придворным банкиром). «Алмазных дел мастер» Фридрих Гербст был должен компании «Ватсон, Сутерланд и К°» по двум векселям 8399 руб. 10 коп. и 2208 руб. 10 коп.[33] По «некруглости» сумм можно предположить, что ювелир получал в долг у англичан какие-либо изделия или товары, а не деньги. Впрочем, и сам Фридрих Гербст имел на руках векселя своих должников, всего на 2800 руб. Активная деятельность в сфере кредита, операции с векселями всегда были характерны для мастеров-ювелиров, имевших в своих руках и крупные суммы, и драгоценности.

Из прочих иностранных купцов наиболее активно предоставляли кредит ремесленникам иностранного происхождения те же французы. Среди их должников этой категории чаще всего встречаются портные. Так, Франсуа Реймберт опротестовал в 1773 г. три векселя на общую сумму 998 руб. 69 коп., выданные ему портным Луи Броком: тот же Брок был должником француза Шиделя. Купец Анри Паске был кредитором портного мастера Фиброна[34].

Находившиеся в Петербурге иноземцы выдавали деньги в долг и дворянам. Подобная их деятельность была в целом аналогичной кредитованию ими дворянства на московском денежном рынке, посему она будет рассмотрена ниже.

Основные направления и условия вексельных операций иностранных купцов на московском кредитном рынке в середине и второй половине XVIII в.

Данные об активности иноземцев в сфере вексельного обращения на московском рынке имеются в делах о протестах векселей, которые велись в Главном и Московском магистратах. Из сохранившихся фондов магистратских учреждений, где рассматривались дела с участием иностранных купцов, наибольшее значение имеет

обширный фонд Главного магистрата в РГАДА. Всего в нем, за исключением ветхих документов, удалось обнаружить 110 дел по искам о неоплаченных векселях при участии иностранных купцов. Все они относятся к периоду деятельности Главного магистрата после его восстановления по указу Елизаветы Петровны (1743 г.) и до преобразования в связи с городской реформой 1785 г. В ряде дел, принятых к производству в начале 40-х гг., имеются векселя, выданные в 30-х гг. Последние по времени из обнаруженных дел датируются 1783 г. Главный магистрат с декабря 1743 г. находился в Москве, в Петербурге действовала лишь его контора[35]. Поэтому многие векселя, иски по которым рассматривались в Главном магистрате, касались жителей Москвы. Как правило, иски по неоплаченным векселям рассматривались там, где они были опротестованы, чаще всего по месту жительства лиц, их выдавших. Кредиторы, имевшие векселя, выданные или опротестованные в Москве, обращались с исками либо в Московский магистрат, либо в Главный магистрат.

В документации Московского магистрата в РГАДА дел по вексельным искам не имеется. Зато есть несколько составленных нотариусами записных книг векселей, опротестованных в течение года, за 1768 и 1772 гг.[36] Всего в них записано 334 векселя, отразивших сделки с участием иностранных купцов. Имеется также Книга протоколов по объявленным векселям за март 1778 г. Там приводятся сведения о 172 опротестованных векселях, 14 из которых оформлялись при участии торговых иноземцев[37]. В отличие от записных книг протестованных векселей, куда заносились все такие документы в случае протеста, в книге протоколов отмечались только те из них, по которым начиналось судебное разбирательство. Дело в том, что далеко не все векселя по протесту сразу предъявлялись для взыскания по суду. Важно было вексель в установленный срок опротестовать у нотариуса, после чего кредитор мог хранить его у себя, вести переговоры с должником, чтобы уладить дело без суда, или уступить вексель кому-либо по цене существенно меньшей, чем его номинал.

В отличие от петербургской книги записи протестов 1773 г., которая отражает ситуацию в вексельном обращении в определенный момент времени, московские документы позволяют проследить деятельность иноземцев в сфере кредита на протяжении нескольких десятилетий. Кроме того, судебные дела и записи в московских книгах 1768 и 1772 гг. содержат информацию о движении векселей от одного кредитора к другому, что позволяет более четко, чем на петербургских материалах, выявить контакты иноземцев, отразить особенности их деятельности в сфере кредита. Они дают представление и о причинах невыплаты должниками по векселям, и о самой процедуре взыскания. Вместе с тем по ряду основных параметров (состав кредиторов и должников, направленность и масштабы кредита) данные, полученные на основе московских документов, вполне сопоставимы со сведениями петербургской книги 1773 г.

Всего в документах Главного и Московского магистратов в РГАДА обнаружены сведения об операциях с более чем 450 векселями с участием иностранных купцов. Векселя либо выдавались в Москве, либо обращались на московском рынке в течение 40—80-х гг. XVIII в.

Соотношение основных групп клиентов иноземцев по количеству получаемых ими ссуд в течение ряда десятилетий менялось. В книге записей протестов за 1768 г. из 238 векселей, первоначально выданных иноземцам, 123 векселя (44%) даны дворянами и только 66 (23%) — русскими купцами. 92 векселя даны иностранцами. В частично сохранившихся записях о протестах 1772 и 1778 гг. зафиксировано 28 векселей, полученных иностранными купцами, из них только в трех случаях (11%) должниками являются русские купцы, в семи (25%) — дворяне, в шестнадцати (57%) — иностранцы. При всей приблизительности этих подсчетов, основанных на неполных данных, можно отметить некоторое сокращение доли дворянства. Но это происходит не за счет увеличения доли русских купцов, а в результате расширения контактов иностранных кредиторов с иноземцами же. Доля русских купцов среди должников иноземцев в Москве постепенно сокращается. Это говорит о том, что все чаще вексельные сделки русских купцов с иностранными торговыми фирмами заключались в Петербурге, что и подтверждается приводимыми выше данными по северной столице за 1773 г. С другой стороны, товары, доставляемые иноземцами в Москву, все чаще передавались там в кредит иностранным по происхождению коммерсантам.

Больше всех векселей, выданных и опротестованных в Москве, было получено иностранными купцами от дворян. Русские торговые люди и иностранцы разных профессий по количеству данных ими долговых обязательств уступали дворянам. Это говорит о специфике кредитной деятельности иноземцев на московском денежном рынке в середине и второй половине XVIII в. В Петербурге дворяне хотя и были также широко представлены среди должников иностранных купцов, но все же существенно уступали торговым людям. Из 426 векселей, обнаруженных в делах Главного и Московского магистратов и находившихся в руках иностранных купцов, 162 были выданы дворянами. Не имея точных данных, поскольку сохранились только опротестованные векселя, можно предположить, что до 30% вексельного кредита иностранных купцов, связанных с московским рынком, доставалось дворянству. В основном это были русские дворяне, частично — иноземцы, находившиеся на службе в России. Дворяне могли брать в долг под вексель как деньги, так и товары, но в последнем случае они получали что-либо для личного потребления, а не для перепродажи оптом или в розницу.

Из иноземцев, проживавших в Москве, своей активностью в кредитовании дворянства выделялся Петр Давыдов Никлас, уроженец Мемеля, вступивший в московское купечество и российское подданство в середине XVIII в. Обнаружено около двадцати век-

селей его должников. В большинстве своем это офицеры и чиновники (коллежский асессор Зиновьев, дочь коллежского асессора Анна Бартенева, майор Дафин, капитан Кильдинов), есть и представители титулованной аристократии: князь Федор Голицын, граф Апраксин, графиня Е.Толстая. Прослеживаются контакты и с постоянными клиентами, как, например, с Василием Дубровским, который дал на себя П.Никласу три векселя на 60 руб., 200 руб. и 350 руб.[38] Необходимо отметить, что П.Никлас прибыл в Москву с целью заняться торговлей галантереей, но большого успеха на этом поприще не снискал и постепенно сосредоточился на чисто ростовщической деятельности. Можно предположить, что его должники первоначально покупали у будущего кредитора импортные товары, затем стали пользоваться его услугами в качестве ростовщика. В конце 70-х гг. ростовщическая деятельность П.Никласа испытывает определенные сложности. Он сам оказывается должником других торговых иноземцев и в конце концов разоряется. В 1778 г. на имущество П.Никласа был наложен арест, а его самого было велено «держать за караулом»[39].

В целом среди кредиторов дворян чаще всего встречаются иноземные торговцы, так или иначе сосредоточившиеся на чисто ростовщической деятельности. Они редко упоминаются в качестве участников внешнеторговых операций. Только по книге записи опротестованных векселей 1768 г. таких иноземцев можно насчитать более 20 человек. В большинстве своем это французы, но есть и немцы. Какое-то количество небольших ссуд они выдают и иностранцам разного рода занятий. Так, среди должников француза Поше значатся князь Федор Шаховской, секунд-майор Зыбин. Тот же Ф.Шаховской пользовался кредитом Жана Гильома Виарде и Жака Ларме. Француз Перроден давал в долг князю Голицыну, Ф.Лакроа — барону Строганову, Я.Режоли — А.Нарышкину, Иоганн Поке был кредитором графов Апраксиных[40]. Наверняка, упомянутые иноземцы давали в долг и другим представителям знати, но имеются сведения только о неоплаченных векселях. Аналогичные кредитные операции характерны и для некоторых торговых иноземцев, постоянно проживавших в Петербурге. Например, Иоганн Гонзет, имя которого не упоминается среди участников внешнеторговых операций, в 40-х — 50-х гг. давал в долг под вексель прапорщику А.Плещееву, лейб-гвардии квартирмейстеру С.Хрущеву, графу Ап.Мусину-Пушкину, князю А.Урусову, С.Лопухину[41]. Иоганн Гонзет имел связи в Москве с иноземцами, занимавшимися подобной деятельностью, на них он переводил векселя своих должников, которых легче было разыскать в древней столице. Наиболее регулярные контакты такого рода И.Гонзет имел с проживавшим в Москве ювелиром Иоганном Туссеном, именно к нему попали векселя на А.Плещеева, С.Лопухина, Ап.Мусина-Пушкина[42]. Разумеется, дворяне пользовались кредитом и тех торговых иноземцев, которые вели активную коммерческую деятельность. В этом случае клиентура иностранных кредиторов оказывалась довольно разнообразной. Конкретные примеры

таких сделок будут приведены далее при рассмотрении вексельных операций таких «кредиторов-универсалов».

Трудности взыскания по векселю с дворян во многом схожи с теми, которые возникали в случаях с неплательщиками-купцами. Задолжавших дворян также приходилось долго разыскивать. Часто являвшимся к ним на дом нотариусам и служителям магистрата прислуга отвечала, что барина дома нет, он уехал к себе в имение, никаких распоряжений об оплате данного векселя не оставил. В отличие от купцов-должников, которых разыскивали в любом городе на основании распоряжений из Москвы к тамошним магистратам, вызвать дворянина из его деревенской усадьбы к ответу по векселю было крайне затруднительно. Главный магистрат не имел власти за городской чертой, не мог послать солдат куда-то в деревню и должен был обращаться в другие органы власти, что многократно увеличивало волокиту.

Иногда держателям векселей, даже иностранным купцам, приходилось сталкиваться с особенным упорством знатных лиц, пытавшихся найти какой-то, даже самый ничтожный повод, зацепку в оформлении сделки, чтобы уклониться от уплаты. В августе 1768 г. Е.Ю.Чаадаева заняла 2000 руб. у итальянца Д.Збарбо сроком на четыре месяца[43]. В срок платеж не поступил, и итальянец после протеста векселя индорсировал его московскому купцу К.Колчину. Индоссамент опротестованного векселя, видимо, допускался, поскольку индоссант не мог не видеть, что он просрочен, и в его воле было взять или не взять индорсированный на него вексель. Колчин взялся за хлопоты о взыскании. Более года ответчицу разыскивали. Лишь в 1770 г. объявились князья Алексей и Александр Долгорукие, племянники и наследники Чаадаевой, которая к тому времени умерла. Вместо того чтобы оправдываться, братья Долгорукие перешли в наступление, написали жалобу на Колчина, что предъявленный им вексель фальшивый, выдан неведомо кому, Збарбо назван в нем купцом и итальянским, и московским, что само по себе якобы странно, кроме того, известно, что он вовсе не купец, а разночинец и что имя его непонятно какое: в тексте векселя он назван Доменико, а в индоссаменте — Дементием, будто он вовсе банкрот, так как не заплатил в срок 1500 руб. некоему игумену (имя неразборчиво), и непонятно, как он при этом мог записаться в московское купечество и объявить у себя капитала в 1000 руб., и т.п. Долгорукие требовали разыскать Збарбо, допросить, кто писал этот вексель, есть ли свидетели сделки. Во всем этом нельзя не видеть чувства сословного превосходства, которое питали заемщики-аристократы к своим кредиторам — торговым иноземцам, казавшимся им разночинцами неизвестно какого происхождения. На этот раз Главный магистрат поступил в строгом соответствии с Вексельным уставом: удостоверив подлинность подписи Е.Чаадаевой, признал все прочие доводы ответчиков к делу не относящимися, тем более что Дементий и Доменик — одно и то же имя, Збарбо состоит в московском купечестве, а по происхождению итальянец.

Несмотря на то что дворяне активно пользовались кредитом иностранных купцов в Москве, все же в операциях большинства торговых иноземцев с векселями в первопрестольной столице решающую роль играли их коммерческие интересы. Следовательно, многие известные и малоизвестные иностранные коммерсанты оказывались кредиторами русских торговых людей или иноземных же коммерсантов.

И на московском денежном рынке в сделках с векселями в подавляющем большинстве случаев, а именно в 422-х, иностранные купцы являются кредиторами. В качестве должников они выступают 101 раз, но при этом 57 векселей ими выдано также иностранным купцам, а 15 — иностранцам других профессий. Следовательно, лишь в 29 случаях (6,2% сделок) иностранные коммерсанты занимали деньги у русских людей, большей частью — у купцов, изредка — у дворян. Примерно та же картина наблюдалась нами и в Петербурге. Там из 926 сделок с участием иностранцев они были должниками русских купцов в 62 случаях (6,7% сделок). Почти полное совпадение результатов по Москве и Петербургу свидетельствует также о достаточной надежности сопоставляемых данных. Таким образом, в течение всего XVIII в. иностранцы, взаимодействуя с русскими купцами, сохраняли гегемонию в сфере товарного и коммерческого кредита не только в порубежных портах, но и в центре внутреннего рынка.

Но все же можно говорить и о некотором ослаблении этой гегемонии в течение XVIII в. Если в 1701—1703 гг. из 113 известных сделок по товарному кредиту между русскими и иностранцами русские купцы ни разу не были кредиторами[44], то во второй половине XVIII в. уже в одном случае из пятнадцати иноземцы являются должниками.

Деньги под векселя в Москве выдавали купцы разных национальностей, как и в Петербурге. Но здесь они не были представлены так широко, поэтому целесообразней в первую очередь обратить внимание не на национальную принадлежность, а на типологические особенности торговой деятельности иностранных кредиторов в Москве. Так, среди них мы видим, во-первых, представителей торговых фирм, известных своей активной внешней торговлей; во-вторых, иноземцев, проживавших в Москве или Петербурге, но не занимавшихся экспортными или импортными операциями. Особую группу составят бывавшие в Москве представители купечества остзейских городов, имевшие свой спектр коммерческих связей в России и за рубежом.

Оказывается, что среди тех, кто имел векселя, дела по которым рассматривались в Москве, были иностранные купцы, игравшие видную роль во внешней торговле Петербурга. Это целая группа английских фирм, известных в 40-х — 50-х гг.: «Дингли»; «Ганвей и Гом»; «Томас и Эдвард Фоуль»; «Прескот и Лик»; «Бардевик и Вас»; «Крамонт»; «Тиммерман и Шард»; «Непер и Газенфеллер». Здесь же и ряд крупных фирм других стран: немецкие компании «Франц Николас Стут», «Гиге и Кетериц», «Бок и Молво», «Грот

и Бландоу»; голландец Гендрик фон Лилар. Есть итальянец Антонио Бранко, датчанин Стефан Линдеман. В 60-х гг. мы вновь видим ряд ведущих британских компаний: «Рос и Парис», «Ватсон», «Сутерланд и Найл», «Эдвард Джеймс Смит»; прусских купцов фон Эссена и Розенфелдта; Г.Г.Круга из Саксонии; любекцев Л.Ф.Бетлинга, Г.Х.Бока, Н.Г.Моллво; гамбуржца Г.Гурлинга; Рихтера и Маса из Ростока; «цесарца» И.И.Гинтера; итальянцев по происхождению братьев Ливио; голландцев Л.Потета, Г.Бахерахта. И это, наверняка, не все находившиеся в Петербурге иностранные фирмы, которые имели контакты с Москвой посредством вексельного обращения, поскольку были еще и те, кто имел векселя, не обнаруженные среди опротестованных.

Тем не менее уже в приведенном выше списке преобладают английские и немецкие фирмы, редко встречаются голландцы, хотя купцы из Нидерландов по своей активности и масштабам торговли в середине XVIII в. почти не уступали немецким купцам, вместе взятым. Очевидно, многие голландские купцы, активно торговавшие в Петербурге в середине XVIII в., не имели обширных связей на московском рынке. С Москвой больше контактировали представители «старых» голландских фамилий, оставшихся после петровских преобразований в Архангельске. Напротив, обосновавшиеся в Петербурге англичане и немцы имели достаточно развитые контакты и в Москве, и в провинции. В Москве у них были свои представители и доверенные лица, которые при случае могли разыскать должника и взыскать деньги по векселю. У «петербургских» голландцев таких доверенных лиц, видимо, было значительно меньше.

Среди тех, кто пользовался кредитом иностранных фирм, находившихся в Петербурге, — купцы из Москвы, других городов Центральной России: Романова, Вереи, Ярославля, Холма. Конечно, полной картины таких контактов мы не имеем. Но сохранившиеся документы свидетельствуют, что отдельные русские купцы пользовались кредитом сразу нескольких иностранных фирм, зачастую из разных стран. Едва кто-то из русских торговых людей оказывался на грани банкротства, как тут же в судебные инстанции на них предъявлялось до десяти и более векселей разными кредиторами. Купцы Захаровы, торговавшие в Петербурге и Москве, но происходившие из Холма, были должны по векселям английской фирме «Дингли, Ганвей и Гом», их соотечественнику Томасу Фоулю, любчанам Гроту и Бландоу, итальянцу Антонио Бранко. Сумма их невыплаченного долга по векселям превысила 10 тыс. руб.[45] В начале 50-х гг. посыпались иски на романовского купца Якова Дуракова. Среди его кредиторов — крупные английские фирмы: «Дингли, Ганвей и Гом», «Непер и Газенфеллер», «Крамонт», «Тиммерман и Шард», менее известный британский коммерсант Джозеф Литоу, берлинец Богдан Гоферт, Иоахим Август Кеппен из Штеттина, голландцы Поль и Геншелин[46].

Обширные связи русских купцов по кредиту под вексель неслучайны. Они обусловлены большим разнообразием в ассорти-

менте импортных товаров, которые они продавали в русских городах. Так, ассортимент товаров названных выше кредиторов Я.Дуракова существенно различался. Богдан Гоферт торговал преимущественно предметами галантереи; И.А.Кеппен — оконными стеклами и пустыми бутылками, типичными для штеттинцев товарами; англичане привозили сукна, свинец, уголь; Поль и Геншелин — шелковые и тонкие шерстяные материи, сахар, вино[47].

Можно выявить и регулярные связи ряда иностранных внешнеторговых фирм с купцами из Москвы, других городов Центральной России. Например, Непер и Газенфеллер предоставляли кредит не только упомянутому Я.Дуракову, но и известному московскому купцу Михаилу Карташову. Георг Газенфеллер, с 1756 г. торговавший самостоятельно, имел векселя другого московского купца, Осипа Алферова, на 2030 руб.[48] Крамонт, Тиммерман и Шард где-то в конце 40-х гг. (о точной дате сведений нет) предоставили ссуду на 7890 руб. москвичу Петру Подошевникову, но им следовало получить уплату с его партнера в Петербурге Леонтия Горбылева. В последнем случае мы имеем дело с переводным векселем (траттой). Очевидно, англичане продали Подошевникову крупную партию товаров и не стали ждать, пока он ее распродаст в Москве или где-либо на внутреннем рынке и с ними расплатится, а получили всю сумму сразу в Петербурге с Горбылева, у которого Подошевников также пользовался кредитом. Но Горбылев подвел своего партнера: объявил о своей несостоятельности и не расплатился с англичанами. Тогда по иску кредиторов долг было велено взыскать с Подошевникова, который оказался под арестом[49]. Горбылев, однако, продолжал преспокойно заниматься коммерцией, в 1749 г. получил в казне откуп на сбор денег с торговли табаком в Петербурге. В 1753 г. откуп Л.Горбылева был продлен[50]. Вероятно, его объявление о несостоятельности было ложным и устроено им, чтобы не платить Крамонту и компаньонам столь крупную сумму по тратте от Подошевникова.

Из приведенных выше примеров видно также, что регулярные связи с купцами, приезжавшими в Петербург из внутренних городов, имела английская компания «Дингли, Ганвей и Гом». Не случайно в ее распоряжении оказались векселя многих впавших тогда в банкротство русских коммерсантов, тех же Я.Дуракова, М.Карташова, Захаровых. Михаил Карташов выдал им вексель в Петербурге в 1744 г. на 3780 руб. сроком на год. Платеж в срок не поступил, и петербургский нотариус Иван Перкин опротестовал этот вексель 11 ноября 1745 г. Карташова в Петербурге тогда не оказалось, безуспешно разыскивали его в Новгороде. Наконец, поверенный англичан подал иск на него в Москве, где векселедатель проживал постоянно. Обнаружилось, что в суконном ряду имеются принадлежавшие ему английские сукна на сумму 3483 руб. Совершенно очевидно, что торгующий сукнами в Москве М.Карташов брал их в кредит под вексель у английских фирм в Петербурге. Недаром тут же на него поступили иски о задолженности по векселям от фирм Непера и Газенфеллера, Томаса и Эдварда Фоу-

лей, Томсена и Питерса. Томас Фоуль прямо заявил, что Карташов взял у него 6 кип сукон под вексель в 1735 руб. 12 коп.[51] Кроме того, Карташов взял в Петербурге в кредит 991 аршин голландских сукон у гамбуржца Якова Стеллинга, выдав вексель на 1736 руб. 86 коп. Объявились протесты и от русских купцов.

Выяснилось, что значительную часть средств, вырученных от продажи взятых в долг у иноземцев товаров, Карташов вложил в питейный и таможенные откупа в Новгороде, Боровске и Москве в компании с купцами этих городов. Как он заявил, эти операции не принесли ему прибыли: по московскому откупу две трети пришлось внести в казну, на остальные деньги закупить нужные «матерьялы»; в боровский откуп он вложил 550 руб., но прибыль можно будет подсчитать только по истечении контракта с Камер-коллегией. Не исключено, что подобными заявлениями Карташов хотел скрыть свои доходы от этих операций. Кроме того, немало денег и товара он раздал другим лицам. Оказавшись под арестом, Карташов собрал сведения о своих должниках и представил их список на четырех листах, в котором значилось 89 человек, задолжавших всего 8264 руб. 80 коп. Из них купцы Осипов, Петров и другие, всего 13 человек, получили по векселям четверть всей суммы — 2144 руб. Возможно, это были мелкие торговцы суконным товаром в розницу и в лавках. Остальные деньги без векселей достались более чем 70 лицам, в числе которых были прапорщики, штык-юнкеры, солдаты, ремесленники, крестьяне. Среди них 33 портных мастера, получивших в общей сложности также четверть всей суммы — 2119 руб. 92 коп.[52] Видимо, Карташов раздавал им в долг сукно, кредитуя тем самым мелкое товарное производство. Таким образом, пользуясь кредитом ряда крупных иностранных фирм, купец первой гильдии Михаил Карташов вкладывал эти средства в самые разные предприятия, в том числе в рискованные откупные операции, ростовщичество, а также в продвижение суконного товара до мелких торговцев и ремесленников, применявших его в своем промысле.

В ходе разбирательства были описаны товары, дом и имущество Карташова. Выяснилось, что наибольшую ценность в его доме представляли 17 икон, стоившие 6 руб. 95 коп. Кроме того, дом незадачливого откупщика и торговца сукном украшали еще и картины. Но вряд ли это были работы знаменитых мастеров. Их объявилось 37 штук на общую сумму 77 коп.[53] Всего дом вместе со всем имуществом и находившимися там товарами был оценен в 722 руб., а считая упомянутые выше сукна в лавках, у Михайлова значилось имущества и товаров примерно на 4 тыс. руб. Это было в семь раз меньше суммы предъявленных ему по векселям претензий и едва хватило бы на оплату единственного векселя, имевшегося у Дингли с компаньонами. Очевидно, что Карташов вел свои дела в основном на взятые в долг средства, что было характерно для русских купцов и в начале XVIII в.

Кредиторы Карташова оказались в острой конкуренции друг с другом, поскольку его имущества не хватало на оплату всех долгов.

Вексельный устав не регламентировал порядок взыскания денег по неоплаченным векселям. Для этого следовало бы обратиться к специальному Банкрутскому уставу. Он был разработан в правление Анны Иоанновны и издан при малолетнем императоре Иоанне VI в конце 1740 г., но вскоре отменен в связи с приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны[54]. В 1754 г. графом П.И.Шуваловым был представлен новый проект Банкрутского устава, но он утвержден не был[55]. Выработка нового Банкрутского устава затянулась до начала XIX в. При отсутствии российского законодательства, дела о банкротах рассматривались в соответствии с установившейся традицией, имевшимися прецедентами, нормами, принятыми в законодательстве европейских стран. Например, при наличии нескольких претендентов на имущество банкрота его можно было разделить между ними пропорционально сумме предъявленных ими исков, признанных законными. Однако при отсутствии четкого закона суды могли поступить иначе, в частности все мог получить тот, кто обратился с иском первым, или тот, кто добился благоприятного для себя решения в вышестоящих инстанциях. Так было и в случае с делом Карташова. Главный магистрат решил в первую очередь удовольствовать Дингли и его компаньонов, поскольку они раньше всех обратились с иском. Их жалоба из Новгородского магистрата поступила в Главный магистрат в Москву 20 января 1746 г. Непер и Газенфеллер обратились чуть позже: промемория об их иске пришла в Москву из Петербургской конторы Главного магистрата 3 февраля 1746 г. Правда, Дингли и его компаньоны не получили денег сразу. Товары Карташова взялся купить за 3650 руб. купец первой гильдии Сергей Капустин, но денег он поначалу не имел и выдал на себя вексель, который получил поверенный англичан в Москве А.Г.Фромм.

А что же другие кредиторы? Им надлежало теперь ожидать продажи дома Карташова, исследования вопроса о его совместных предприятиях и откупах, извлечения оттуда его доли, розыска людей, которые были должны ему. От имени Непера и Газенфеллера в Москве дело о взыскании вел сначала их приказчик Арент фон Минден. Общая сумма всех претензий по девяти векселям составила солидную сумму в 13626 руб. 75 коп.[56] Но вскоре Непер и Газенфеллер нашли себе другого поверенного, а именно голландского купца Матвея ван Иттера (Matthias van Itter). Арент фон Минден получил отставку, видимо, потому, что его доверители считали его виновным в опоздании с иском. М. ван Иттер к тому же объявил, что Непер и Газенфеллер — «ему приятели». Он проявил большое упорство, добиваясь, чтобы в пользу его доверителей была взыскана доля Карташова в боровском питейном откупе, доказывал, что тамошние откупщики скрывают прибыль и долю Карташова, находятся в сговоре между собой. Из Боровска отвечали, что без указа из Камер-коллегии они не могут выдать деньги. Только в 1747 г. в пользу Непера и Газенфеллера удалось взыс-

кать с боровских откупщиков 200 руб., остальные 300 руб. обещали заплатить потом[57].

За фирму «Томсен и Питерс» действовал ее представитель Иван Тамес, владелец полотняной фабрики. Возможно, он имел дела с этой фирмой по сбыту своего полотна для экспорта в Англию. Он знал, что при выдаче векселя Карташовым Томсену и Питерсу за него ручался петербургский купец Василий Богданов. Сам по себе этот факт интересен тем, что иностранцы для большей гарантии иногда требовали поручительства при вексельных сделках, хотя закон этого не требовал. Но это не всегда им помогало. Выяснилось, что, будучи в Москве, Богданов оставил часть своих сукон в амбаре у купца Николая Иконникова, поручив тому выдать их Тамесу в уплату по векселю Карташова, если последний не сможет сам расплатиться. Тогда же в мае 1746 г. в Москве объявился Томас Фоуль и предъявил свои претензии. Гамбуржец Яков Стеллинг индорсировал данный ему Карташовым вексель на своего партнера нарвского уроженца Андрея Гесслера, часто бывавшего в Москве. Тот опротестовал его. Карташов уверял, что сукна, полученные от Т.Фоуля и Я.Стеллинга, он также передал для реализации Богданову, который оставил вырученные деньги у себя. Последовала их очная ставка, на которой Богданов отрицал свою причастность к данному делу. Карташов не мог предъявить документов, подтверждавших, что он отдавал Богданову свои сукна, а ручательство последнего по векселю, выданному Томсену и Питерсу, суд вовсе не принял во внимание, справедливо решив, что в соответствии с Вексельным уставом ответственность несет только векселедатель и никакое поручительство не предусмотрено.

Итак, никто из иностранных кредиторов Карташова (а это пять известных в Петербурге внешнеторговых фирм) не получил денег по имевшимся у них векселям. Кажется, больше всех преуспели Дингли, Ганвей и Гом. Но и у них на руках остался лишь вексель С.Капустина, по которому еще следовало получить требуемую сумму. Проявивший наибольшее старание М. ван Иттер, поверенный Непера и Газенфеллера, сумел взыскать лишь 4% задолженности Карташова своим доверителям.

Подобное дело выглядит весьма типичным среди прочих дел о взыскании иноземцами претензий по векселям с русских купцов в середине XVIII в. Очевидны причины невозврата долга по этим ссудам. Во-первых, русские купцы часто раздавали полученные под вексель средства своим клиентам по ростовщическому кредиту, торговым партнерам, а в силу неустойчивости конъюнктуры, низкой платежеспособности своих заемщиков не могли с них взыскать долги. Во-вторых, русские купцы обращали полученные деньги в рискованные операции с откупами, оказывались должниками казны. В-третьих, они занимали зачастую больше, чем имели собственных товаров и имущества, и в случае их банкротства с них нечего было взять в погашение векселя. Наконец, возврат долга осложнялся отсутствием ясного и детально разработанного законодательства о банкротстве и сыске долгов по векселям. Вексель-

ный устав регламентировал лишь порядок выдачи и обращения векселей.

Дело Карташова демонстрирует движение средств, выдававшихся в долг иноземными фирмами в Петербурге. Значительная их часть предоставлялась крупным русским купцам, зачастую представлявших Москву и другие внутренние города. Эти купцы оказывались посредниками в распределении кредита, в доведении его до мелких торговцев и товаропроизводителей.

Из прочих известных сделок по выдаче английскими купцами товарного кредита под вексель своим торговым партнерам можно назвать ссуды, выданные теми же Дингли, Ганвеем и Гомом петербургскому купцу Савве Захарову. 1 сентября 1753 г. он получил у них товар на сумму 6909 руб. 99коп., выдал за него шесть векселей на 1210 руб., 1246 руб. 66 коп., 1033 руб. 34 коп., 1155 руб., 1177 руб. 33 коп., 1191 руб. 66 коп.[58] Как и следует при выдаче товарного кредита, в векселях проставлены «некруглые» суммы с рублями и копейками. Какой именно товар был выдан, в векселях не указано, но из дальнейшего рассмотрения дела выясняется, что это были сукна. Все векселя выданы в один день. Почему же нельзя было выписать единственный вексель на всю сумму сразу? Дело в том, что в кредит предоставлялась довольно большая партия сукон, которая могла быть распродана как минимум за год. Однако и кредиторы не могли ждать возврата денег целый год. Им было выгодно получать деньги постепенно, по мере реализации товара их должниками. Поэтому вся партия была разделена примерно на шесть равных частей, и выданные векселя должны были быть оплачены в разные сроки: через четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать месяцев. Так же поступали и многие другие иноземцы в аналогичных случаях. Поэтому векселей обращалось намного больше, чем заключалось сделок по товарному кредиту под вексель. Так, тот же С.Захаров выдал шесть векселей англичанам Томасу и Эдварду Фоулям, семь — итальянцу Антонио Францу Бранко, также семь — Борису Гроту из Любека. Все эти векселя оказались не оплачены в срок, поскольку вскоре после их выдачи С.Захаров умер[59]. Его братья, холмские купцы Ераст и Иван Захаровы, платить по этим векселям отказались, несмотря на то что часть их подписывали вместе с умершим родственником. Главный магистрат отдал распоряжение о розыске и аресте в Холме или где-либо братьев Захаровых, но, чем кончилось дело, неизвестно.

Сложности с взысканием долгов по векселям с провинциальных купцов проявились и в деле о долгах уже упомянутого романовского купца Я.Дуракова. Он был должен около 11 тыс. руб. шести иноземным фирмам, находившимся в Петербурге, которые опротестовали его векселя и возбудили ходатайство о возврате долга в декабре 1748 г. В июле 1749 г. со своими претензиями явились еще голландцы Поль и Геншелин, но, по мнению прочих кредиторов, их следовало удовлетворить в последнюю очередь, так как они обратились с иском позже всех. В ответ на иски Дураков заявил, что не отказывается платить, но не имеет наличных денег,

зато в Романове у него есть товары (юфть, сало, мыло и рожь) более чем на 20 тыс. руб. Он просил отсрочки, чтобы эти товары продать, или предлагал иноземцам взять их у него в уплату по векселям, однако кредиторы отказались, требовали немедленной выплаты в соответствии с Вексельным уставом. Это свидетельствует о недостатке у русских купцов в обороте наличных денег, о довольно медленном обороте их капиталов. Ведь Дураков вовсе не обанкротился или разорился, просто не успел в срок выручить звонкую монету по своим торговым сделкам. Показательно и то, что иностранные кредиторы отказались брать в уплату товары Дуракова, которые в принципе могли быть отправлены за рубеж. Иноземцы не хотели принимать на себя хлопоты по доставке товаров в порт или не имели тогда заказов на их определенное количество от своих зарубежных партнеров. Договорились, что Дураков отправит эти товары своему петербургскому партнеру А.Мартову, тот их продаст и расплатится по векселям. Кредиторы согласились ждать еще год. Часть товаров Мартову удалось продать, но часть их, а именно более тысячи кулей ржи, — подмокла при доставке в Петербург. Так Дуракову не удалось полностью погасить свои долги, Главный магистрат принял решение арестовать должника и продать его имущество[60].

Весьма типичны и вексельные операции с провинциальными купцами и ряда других влиятельных английских фирм, торговавших в Петербурге в 30-х — 50-х гг. XVIII в. В 1744 г. Бардевик и Вас получили вексель от ярославского купца Г.Сергеева на 648 руб. 44 коп. Верейский купец Иван Травкин задолжал Петру Прескоту 540 руб. по векселю, выданному в 1753 г. Не заплатив в срок, Травкин исчез. Его искали в Москве, на Болоте, где он обычно останавливался, но безуспешно. На распоряжение о розыске, отправленное из Главного магистрата в Верею, ответа не поступило. Тогда этот указ «с прочетом» был вручен представителю П.Прескота И.Томсену, чтобы он сам предъявлял его властям того города, где по его подозрению может находится Травкин[61]. Судя по всему, поиски успехом не увенчались.

С исчезновением должников сталкивались не только британские фирмы. Самый известный из датских купцов, торговавших в Петербурге, Степан Линдеман в декабре 1756 г. получил вексель от ярославского купца Степана Дехтева на 449 руб. 50 коп. сроком на девять месяцев. Не получив долг и опротестовав вексель, как следовало, в октябре 1757 г., датчанин обратился с иском в петербургскую контору Главного магистрата лишь в июне 1758 г. Ему удалось добиться, чтобы на розыски должника контора направила подканцеляриста М.Нелбухина в сопровождении солдат. Самого векселедателя на его дворе не нашли, зато там обнаружили его сына Николая, которого привели в магистратскую контору. Там Николай Дехтев объявил, что о векселе, предъявленном Линдеманом, он ничего не знает, отец находится в отъезде, вернется месяца через три, денег ему не оставлял, и т.п. Пришлось отпустить Н.Дехтева под поручительство петербургских купцов И.Железни-

кова и И.Кулакова[62]. Также исчез Ананий Грачев, должник Косселя и Гака, имевших на него векселя в 1919 руб. 43 коп.[63]

Любекский купец Франц Николас Стут в январе 1753 г. получил вексель в 1846 руб. от Анисима Коптелова, крестьянина деревни Обашевой Ярославского уезда. Это довольно редкий, если не исключительный случай, когда векселедателем выступает крестьянин. Очевидно, он имел соответствующее свидетельство или паспорт от своих хозяев (ими являлись власти Александровской пустыни). Судя по сумме сделки, Коптелов вел торговлю в довольно значительных масштабах и весьма регулярно бывал в Петербурге, чтобы заморский коммерсант мог ему поверить. Но все-таки Стут для пущей гарантии привлек к сделке поручителя: по векселю за Коптелова ручался человек из придворного штата — мундкох Никита Шестаков. После неплатежа, протеста и возбуждения дела Коптелов был сыскан в Москве и содержался под арестом в Московском магистрате, откуда сбежал. После обращения Стута в Главный магистрат должник вновь был пойман, при этом объявил, что вовсе «не бегал из-под караула», а отправился в Петербург для того, чтобы расплатиться по векселю. Только денег у него почему-то не оказалось. Лишь три месяца спустя Коптелов нашел деньги и расплатился[64].

Таким образом, совершенно очевидны трудности, с которыми сталкивались иноземцы при розыске должников. Как и в случаях при невыполнении контрактов, городские магистраты не проявляли особого рвения в исполнении указов о поимке должников. Нередко этим должны были заниматься сами иноземные кредиторы или их доверенные лица, имея на руках указ «с прочетом». Применялись и довольно архаичные процедуры, известные в XVII и начале XVIII в., как-то: привод со двора родственников и слуг сыскиваемых должников в качестве своего рода заложников, передача их на поруки[65].

Нередко срывались операции с траттами, поскольку это были довольно сложные сделки с несколькими участниками. Переводивший деньги при этом полагался на своего партнера, которому следовало выплатить по его поручению нужную сумму в другом городе. Но зачастую выяснялось, что кредит переводившего деньги у этого партнера уже исчерпан. Как правило, иноземцы использовали тратты, полученные от русских купцов, для перевода денег внутри России, чаще всего — из Петербурга в Москву или обратно. Шестого мая 1756 г. московский купец Осип Алферов выдал находившемуся в Москве англичанину Джорджу Томсену вексель в 2070 руб. Деньги он обязался выплатить в Петербурге Георгу Готфриду Газенфеллеру. Джордж Томсен отправил вексель в Петербург, тем самым он переводил туда деньги своему партнеру, видимо, в уплату за товары или в погашение долга. Отметим, что, в отличие от обычной тратты, с четырьмя участниками Алферов намеревался расплачиваться сам. Особенностью этой сделки является также наличие заклада. Выдавая деньги под вексель, англичанин взял с Алферова в виде заклада партию сукна на соответст-

вующую сумму. Это нельзя считать обычной сделкой по покупке данного товара с переводом денег в другой город, поскольку англичане сукно в России не пóкупали, а продавали. Но платеж в Петербурге не состоялся, Газенфеллер не стал опротестовывать вексель в северной столице, поскольку плательщик был жителем Москвы, и индорсировал документ обратно на Д.Томсена. Тот, чтобы вернуть деньги, выставил на аукцион имеющееся у него в закладе сукно. Трижды в «Московских ведомостях» печатались объявления об аукционе на этот товар, но никто так и не пожелал приобрести его. В конце мая 1757 г. объявился и сам Алферов и выплатил 1400 руб., для уплаты остальных денег Томсен дал ему полгода[66].

Бывали случаи, когда иноземцы посредством вексельных операций переводили деньги своим зарубежным партнерам. В этом случае их русские контрагенты должны были иметь непосредственные контакты с зарубежным рынком. Первого сентября 1755 г. московский купец Петр Гуляев выдал в Петербурге две тратты голландцу Симону Болингу на 793 руб. каждая, со сроками в 6 и 12 месяцев, но деньги он обещал заплатить амстердамской фирме «Говий и Любс Янсзон». Эта фирма имела давние контакты с Россией. Еще в 20-х и 30-х гг. партнерами голландцев на русском рынке были свойственники и родственники Е.Мейер и Иван Любс-младший. Симон Болинг переводил сумму в 1586 руб. в Амстердам при участии Гуляева и его зарубежных партнеров. Поскольку срок выплаты был для тратты довольно длительным, Гуляев, очевидно, рассчитывал в течение установленного времени отправить товары своим торговым партнерам в Амстердам, чтобы те смогли оплатить вексель, когда Говий и Любс предъявят им его по истечении срока. Тем не менее Гуляев должен был поторопиться. По первому векселю срок истекал 1 марта 1756 г., и он должен был успеть отправить товары за море до конца навигации 1755 г. Однако уплату амстердамская фирма в срок не получила, Говий опротестовал векселя, и они вернулись обратно в Петербург к С.Болингу. Тем временем Гуляев из Петербурга исчез. Лишь в апреле 1757 г. его разыскали в Москве и посадили «за караул»». Выяснилось, что имения и двора он не имеет. Правда, он приобрел шесть лавок в мясном ряду на 1820 руб., но расплатился за них опротестованными векселями своих должников. Кроме того, у Гуляева оказалось еще 19 должников — купцы из Рязани, Тулы, Серпухова, несколько московских ремесленников, взявших у него небольшие партии товаров на 20—50 руб. Наконец, он оказался должен в казенный банк, очевидно, в Купеческий, значительную сумму в 3400 руб. Такую ссуду там выдавали обычно под залог товаров; скорее всего, ему пришлось заложить товары, так что нечего было отправлять в Амстердам. Все же поверенный С.Болинга в Москве англичанин Франц Гарднер вскоре обратился с просьбой освободить Гуляева. Видимо, он согласился принять в уплату векселя его должников[67].

Как видим, и в этом случае русский купец, давший на себя вексель иностранной фирме, располагал лишь заемным капиталом, который еще и раздавал в долг мелким предпринимателям и товаропроизводителям, заодно предпринимая рискованные операции с казенными средствами.

Типичны случаи, когда срывались сделки, где кредиторами являлись русские купцы, которые стремились перевести деньги друг другу при участии иноземцев. Достаточно упомянуть о двух такого рода делах. Пятнадцатого декабря 1744 г. англичане Бардевик и Вас выписали от себя вексель на 4000 руб., которые они получили от П.Рыбникова, желавшего перевести эти деньги в Москву своему партнеру Федору Шадрину. Там их должен был выдать голландец Иван Любс, племянник знаменитого торгового агента Петра I Ивана Любса-старшего. Любс-младший имел, видимо, деловые контакты с Бардевиком и Васом, поскольку все они еще в 30-х гг. активно участвовали в сделках с государственной казной. Вексель был составлен Бардевиком и Васом на голландском языке. Это свидетельствует о популярности данного языка в деловой корреспонденции с участием купцов разных стран, что было обусловлено богатыми традициями, накопленными голландскими купцами в торговой и кредитной практике, которую они имели во многих странах, о том, что Амстердам еще сохранял значение ведущего в Европе банковского и биржевого центра. При проведении этой операции имела место лишь небольшая заминка. Шадрин потребовал выплатить ему сумму «рублевой монетой», очевидно, русскими серебряными деньгами. Иван Любс отказывался, заявляя, что «в векселе того не изъяснено», хотя он явно заблуждался, поскольку в векселе четко написано «valute van deselve», то есть «в той же самой валюте», что и были выданы деньги в Петербурге Бардевику и Васу, а именно в рублях. Может быть, И.Любс рассчитывал на недостаточное знание русскими купцами голландского языка и практики вексельного обращения, хотел предложить или медные деньги, или товары, или иностранные деньги по невыгодному или неизвестному для Шадрина курсу. Тем не менее Шадрин настаивал на своем и даже 2 января 1745 г. опротестовал вексель. Тогда спустя неделю (10 января) И.Любс расплатился как положено[68].

22 сентября 1757 г. голландский купец Гендрик фон Лилар выдал петербургскому купцу Андрею Гункину вексель на 500 руб., поручив выплату по нему московскому «корреспонденту» Петру Генриху Веверу, который должен был передать деньги Михаилу Гусятникову, партнеру Андрея Гункина. Как это было с траттами, уже через восемь дней (30 сентября) Гусятников предъявил этот вексель Веверу, тот его акцептовал, но в условленный срок не заплатил, заявив, что фон Лилар никаких денег ему не присылал. Гусятников подал жалобу на Вевера, а тот исчез. Больше всех в успехе его поисков был заинтересован фон Лилар, иначе ему пришлось бы отвечать по тратте. Он просил принять участие в поисках Вевера другого своего московского партнера — Кондратия

Зумбурха, который разыскал ответчика в апреле 1758 г. Тот оказался уже солдатом Навагинского полка. Чтобы привлечь его к суду, следовало обратиться в Военную коллегию[69]. Последовало ли такое обращение туда, неизвестно.

Таким образом, в результате операций с векселями с участием иностранных коммерсантов возникали достаточно устойчивые их контакты с русскими купцами, в том числе и с действовавшими на внутреннем рынке. Очевидны и основные каналы проникновения иностранного торгового капитала. Находившиеся в Петербурге иностранные фирмы выдавали в долг под вексель товары русским купцам. В большинстве это были петербургские или московские купцы, кроме того — крупные купцы из других городов, прежде всего Центрального региона, Верхнего Поволжья, которые также вели «торг к портам». Полученный товар они продавали в розницу у себя в лавках или раздавали в долг средним и мелким коммерсантам в Петербурге и внутренних городах, а также ремесленникам. Часть полученных товаров могла доставаться представителям знати нередко также в долг под вексель. Разрыв в этой цепи, то есть невозвращение кредита, мог произойти в любом ее звене: либо по вине русских купцов, бравших кредит у иноземцев в большем объеме, чем они могли получить, продав товар, или в результате крушения их масштабных операций с казной, либо из-за несостоятельности их мелких должников. Так иностранный капитал притекал и в мелкую розничную торговлю, и в ростовщический кредит, но не напрямую, а при посредничестве крупных русских купцов.

Но далеко не все операции с векселями, опротестованными в Москве, обслуживали оборот капиталов и товаров с участием находившихся в Петербурге ведущих иноземных фирм. Часть векселей вращалась только в Москве и других внутренних городах, а источником кредита в данном случае были капиталы иноземцев, постоянно находившихся в Москве. Это были голландские коммерсанты И.Любс-младший, П.Елин, М. ван Иттер, англичанин Ф.Гарднер, немцы К.Зурбурх, Б.Молтрех и многие другие. Франц Гарднер — это не кто иной, как основатель знаменитой фарфоровой фабрики в Вербилках. В 1746 г. он прибыл в Москву из Англии, открыл в Немецкой слободе ростовщическую контору[70]. Очевидно, его деятельность в сфере кредита оказалась весьма успешной, накопленные при этом капиталы он смог использовать при основании фабрики.

Все названные лица могли быть партнерами или доверенными лицами иностранных фирм из Петербурга, проводить в Москве операции с их участием, но могли вести и собственные операции, не выходившие за рамки внутреннего рынка. Их партнерами становились русские коммерсанты средней руки, действовавшие в Москве и ближайших городах и уездах. Так, среди должников И.Любса и П.Елина значатся московские купцы 2-й гильдии Никита Яковлев и Петр Шелковников, романовский купец Петр Мыльников. Петр Елин имел вексель от П.Мыльникова в 500 руб.,

заплатить по нему должен был отец последнего, Я.Мыльников. Но платеж не состоялся по весьма типичной причине: Мыльниковы взялись по казенному подряду поставить соль из Нижнего Новгорода в Суздаль и Соль Галицкую, но груз утонул в дороге, и с поставщиков в казну следовало взыскать 1617 руб. 50 коп.[71] П.Шелковников, должник И.Любса и П.Елина, получал также кредит у московских купцов 1-й гильдии. Следовательно, Любс и Елин имели в иерархии участников вексельных сделок тот же уровень, что и крупные русские купцы, то есть стояли ступенью ниже, чем ведущие иностранные фирмы в Петербурге, кредитовавшие русских первостатейных купцов.

Учитывая, что большинство векселей, оставшихся в делах Главного магистрата, выданы в 40-х — 50-х гг., а векселя, попавшие в книги протестов 1768 и 1772 гг., — в конце 60-х — начале 70-х, можно сделать определенные наблюдения об эволюции кредитных сделок с участием иноземцев. Сделки между иностранными фирмами в Петербурге и русскими купцами, связанными с Москвой, остаются широко распространенными и в 60—70-х гг. В книге протестов 1768 г. таких сделок почти половина (47,8%) из всех, в которых приняли участие иноземцы. В качестве кредиторов упоминаются купцы различных национальностей, и нельзя сказать, что англичане решительно и безраздельно преобладают. В этот период в Москву попадают векселя, данные русскими купцами английским фирмам «Рос и Парис», «Ватсон, Сутерланд и Найл», «Эдвард Джеймс Смит». В одном случае Рос и Парис переводят в Москву англичанину Ф.Гарднеру 518 руб. через петербургского купца И.Щукина и его партнера калужского купца З.Панфилова. Среди должников Э.Д.Смита — московский купец 1-й гильдии Д.Земской и старицкий купец Кузьма Вершинский. Кажется, расширяются связи по кредиту под вексель у немецких купцов. Среди тех, кто выдавал кредит русским купцам, связанным с московским рынком, мы видим прусскую фирму фон Эссена и Розенфелдта, любекских коммерсантов Г.Х.Бока, Г.Н.Моллво, «цесарской земли торгового иноземца» И.И.Гинтера, саксонца Ф.В.Погенполя, ростокцев Рихтера и Маса, Т.Греннинга, о происхождении которого определенных сведений нет. Связи голландских купцов по такому виду кредита на внутреннем рынке ослабевают. Хотя и в 40-е гг. они уже не были особо разветвленными, тогда мы отмечали сделки с московскими купцами Г. фон Лилара и Л.Потета — голландцев, торговавших в Петербурге. Из тех, кто упомянут в книге протестов по Москве в 1768 г., к голландцам можно отнести лишь Гаврилу Бахерахта-младшего, московские контакты которого вполне объяснимы: его предки обосновались в Москве еще в XVII в. Связи купцов прочих стран с московским рынком остались на прежнем уровне. Так, в 40-х гг. мы знаем об оказавшихся в Москве векселях, выданных итальянцу А.Ф.Бранко; в книге протестов 1768 г. упомянуты его соотечественники братья Ливио, которым задолжали московские купцы 1-й гильдии Пастуховы[72].

При этом нельзя сказать, что через московский рынок расширяются связи находившихся в Петербурге иноземцев с купцами из провинции. Из русских купцов — должников иноземцев в книгах 1768 и 1772 гг. упомянуты в основном москвичи, в то время как в Петербурге в 1773 г. значительная часть протестованных векселей выдавалась провинциальными купцами. Следовательно, во второй половине XVIII в. кредитование иностранцами провинциальных купцов происходило главным образом в Петербурге, причем это касалось наиболее активных купцов разных городов и уездов, имевших непосредственные контакты с иноземцами, находившимися в северной столице.

Среди должников торговых иноземцев по вексельным операциям в Москве были не только русские купцы. Значительную часть их клиентов, как и в Петербурге, всегда составляли иностранцы. Только в книге протестов за 1768 г. зафиксировано 92 векселя, выданных иностранным купцам иноземцами же. Можно предположить, что в дальнейшем количество таких сделок и их доля в кредитных операциях иноземных купцов, связанных с Москвой, еще больше возрастает. По сохранившимся сведениям за 1772 и 1776 гг., иноземцами выдано 16 из 28 векселей, полученных иностранцами-кредиторами. Но далеко не все иностранные торговые фирмы в равной мере активно кредитовали иноземцев. Так, ведущие во внешней торговле Петербурга компании, регулярно кредитовавшие русских купцов, с иностранцами осуществляли подобные сделки крайне редко. Так, ни одна из вышеупомянутых английских фирм не брала векселя у иноземцев. По крайней мере, такие векселя не обнаружены. Точно так же практически не известны векселя, выданные иноземцами любекским фирмам «Грот и Бландоу»; «Бок и Моллво», голландцу Г. фон Лилару. С другой стороны, известно немало иноземцев, чьи векселя были опротестованы в Москве. Но среди их кредиторов значатся совсем другие иноземцы, не те, кто главным образом кредитовал русских купцов. Иностранные коммерсанты, выдавшие кредит иноземцам, также могли принадлежать к числу действовавших в Петербурге и занимавшихся внешнеторговыми операциями. Среди них был, например, Август Рейнгольд Паульсен, дважды выдававший деньги Иоганну Груммерту, выходцу из Кенигсберга, в 1751 г. записавшемуся в московское купечество. Англичанин Генри Кретер получил в 1767 г. вексель в 645 руб. 25 коп. от торгового иноземца, происходившего из Любека, — Иоганна Готлиба Сассенгагена[73]. В 1768 г. был опротестован вексель на сумму 472 руб. 36 коп., выданный находившимся в Москве любекским купцом Ю.Флинтом англичанам Глену и Гилберту[74]. Их фирма, как известно, выделялась в Петербурге в начале 70-х гг. наиболее активной деятельностью по кредитованию русских купцов. По данным записей петербургских нотариусов 1773 г., они выдали под вексель более 20 тыс. руб. кредита, и все — русским купцам[75]. Вероятно, сделка с Флинтом представляла собой исключение в их кредитной практике, или

англичане сосредоточились на кредитовании русских купцов только в 70-х гг.

Что касается купцов других стран, то сделки с иноземцами регулярно заключают немецкие коммерсанты, вошедшие в состав столичного купечества. А их должники-иноземцы часто оказываются уже в составе купечества Москвы. Вот весьма типичный и довольно ранний пример: в 1748 г. Иоганн Линдгольм, проживавший в Петербурге, выдал кредит московскому купцу и уроженцу Савойи Антону Берлиру. Когда савояр просрочил уплату, Линдгольм индорсировал вексель гамбургским купцам Шульцу и Стеллингу, а те обратились за помощью о взыскании к своему партнеру в Москве и земляку Христиану Махенпауеру. Сразу найти Берлира в Москве не удалось: он то уезжал в Петербург, то исчезал вовсе. Наконец, команде во главе с солдатом М.Лобановым удалось застать Берлира в его доме в Немецкой слободе, но он не дал себя взять. Солдатам удалось захватить его слугу по имени Максим, которого они повели в Главный магистрат, но у Покровских ворот их догнали люди Берлира и Максима отбили. Произошло это 30 июня 1749 г., а 6 июля А.Берлир сам явился в Главный магистрат и уладил все дела с Махенпауером[76]. Как видим, находившиеся в Москве иноземцы не хуже русских могли укрываться от следствия, а иногда и открыто не повиноваться властям. Берлир, видимо, не имел денег в момент появления у него на дворе солдат и отбился от них, не желая провести какое-то время в заключении под караулом. Затем в течение недели сумел или раздобыть деньги, или предварительно найти какой-то компромисс с поверенным своих кредиторов. Но важно подчеркнуть, что этот вексель был выдан иноземцем иноземцу и дальнейший его оборот совершался только среди иностранцев, включая всех участников сделки, в том числе индоссантов и их поверенных.

Выдавался кредит иноземцам и известной в Петербурге любекской фирмой Брунса и Иве. Она получила в 1767 г. вексель на 286 руб. у гамбуржца Д.Гесселера и вскоре была вынуждена опротестовать его. Гесселер в конце 60-х гг. оказался на грани банкротства, на него поступили протесты и от других кредиторов, также иноземцев — саксонца Г.Г.Круга и ревельского жителя Томаса Фридриха Геппенера[77]. Иноземные внешнеторговые фирмы в Петербурге давали кредит под вексель и иноземцам, оказавшимся где-либо в провинциальных городах. В этом плане интересна сделка 1767 г. гамбургского купца Гедеона Гирлинга с Иоганном Эренфридом Шульцем на 100 руб. Шульц значился «саратовским купцом». Видимо, он оказался на Волге вместе с колонистами из Германии, которые начали приезжать в Россию как раз в те годы. Ему приходилось бывать и в Петербурге, где он получил означенный кредит, и в Москве, поскольку вексель на него с протестом оказался у московского купца иноземного происхождения Иоганна Цырольда[78].

Подобные взаимосвязи между торговыми иноземцами имели место на протяжении всего XVIII в., но проследить их эволюцию

и масштаб по недостатку источников трудно. Можно привести лишь характерные примеры, относящиеся к 70-м гг. В книге протестов 1778 г. отмечены несколько векселей, выданных купцом и ювелиром Иоганном Каспаром Дегглером на очень крупную сумму. В августе 1777 г. он занял у англичанина Ф.Гарднера 18221 руб. 96 коп. (Скорее всего, он приобрел на эту сумму какие-либо драгоценности или товары.) Полученные два векселя Гарднер передал купцу-иноземцу Каспару Левкину. (Последний происходил из знаменитой в петровское время семьи купцов, ювелиров, промышленников[79].) Дегглер оказался также должником торгового иноземца Георга Филиппа Циммермана и танцмейстера Леона Парадиза, который передал вексель профессору Московского университета Филиппу Дилтею[80].

Конечно, векселя, вращавшиеся в этом кругу, могли выходить за его рамки. Полной изоляции не было и быть не могло, поскольку контакты между русскими и иностранными коммерсантами в сфере кредита никем не запрещались; тем более, что многие проживавшие в Москве иноземцы вошли в состав московского купечества и являлись российскими подданными. Поэтому есть немало примеров того, как векселя, вращавшиеся в иноземной среде, доставались кому-то из русских кредиторов. Так, француз Иван Карпантье предоставил ссуду датчанину Николаю Столпе и в свою очередь взял в долг по 100 руб. у своих же соотечественников Ивана Мишеля и Антона Гамботти. Впоследствии векселя от французов перешли к владельцу железных заводов Мосолову, который имел с Мишелем и Гамботти деловые контакты. Случилось так, что И.Карпантье погиб во время эпидемии чумы в Москве в 1771 г. Мосолов принялся разыскивать его должника Столпе, чтобы тот ответил по векселям своего кредитора[81].

Таким образом, кредитование иноземцами иноземцев на московском рынке во многом напоминает ситуацию в Петербурге, отразившуюся в записной книге 1773 г. И в Москве английские купцы больше давали кредит русским торговым людям, голландцы и немцы — как русским, так и иноземцам. А французы, так же как и в Петербурге, предоставляли кредит чаще всего иноземцам. Среди векселей, опротестованных французами в Московском или Главном магистратах, почти не встречаются долговые обязательства, выданные русскими торговыми людьми. Более десяти лет торговал в Петербурге француз Ноель Деное, он был кредитором находившегося в Москве соотечественника Франсуа Демаре. Шарль Ганневард, внешнеторговые операции которого прослеживаются в Петербурге в конце 60-х — 70-х гг., принимал векселя от жившего в Москве швейцарца Жана Жака Фрея и некоего Басси[82].

Весьма обширной оказалась кредитная деятельность обосновавшейся в Петербурге в 50-х гг. французской фирмы «Домбах и К°» (или «Домбах и Сандрак»). Примечательно, что она предоставляла кредит иностранным коммерсантам, проживавшим в Москве и занимавшимся розничной торговлей. 15 декабря 1756 г. фирма получила вексель в 400 руб. от Павла Балестера, о котором извест-

но, что он был «московский мещанин» и имел лавку. В начале 1756 г. сам Ж.Домбах приехал в Москву, где приобрел товары у македонского купца, грека Павла Артина, на 600 руб. При этом 200 руб. он заплатил наличными, а на 400 руб. выдал вексель от П.Балестера. На обороте векселя Иван Балк, уроженец Лифляндии, по просьбе Домбаха сделал приписку по-немецки «без оборота на меня». Это означало, что в случае невыплаты по векселю Домбах не несет ответственности. Сам вексель был составлен на французском языке. Со своей стороны, Домбах заверил Артина, который не знал ни по-немецки, ни по-французски, что вексель надежный и дела векселедателя в порядке. Но вскоре Балестер разорился, его имущество и товары арестовали, а лавку опечатали. Артин попытался взыскать 400 руб. с Домбаха, и это ему удалось. Суд признал, что надпись «без оборота на меня» учинена незаконно, так как она не предусмотрена Вексельным уставом[83]. Это дело свидетельствует, во-первых, о наличии у французской фирмы, находившейся в Петербурге, достаточно разветвленных связей в Москве среди торговых иноземцев, выходцев как из Западной, так и из Юго-Восточной Европы; во-вторых, о некотором отставании норм Вексельного устава 1729 г. от практических потребностей участников сделок. Непризнание безоборотного индоссамента ограничивало ликвидность векселей. Надпись «без оборота на меня» была разрешена только в Вексельном уставе 1832 г.[84]

Примерно в то же время Домбах и Сандрак выдали кредит в 601 руб. 50 коп. проживавшему в Немецкой слободе в Москве Фридриху Фишеру, выходцу из Пруссии. Он имел лавку и брал товары в долг также у иноземца из Петербурга Иоганна Георга Неймана, происходившего из Гданьска или Гамбурга. Фишер разорился, в результате Домбах и Сандрак потеряли более 1 тыс. руб. Это осложнило дела фирмы, ряд лет ее деятельность в Петербурге не прослеживается, а в 60-х гг. бывшие партнеры уже действуют самостоятельно и без большого размаха[85]. В 1768 г. Жан Домбах уже задолжал своим соотечественникам Беноа и Дамблеру 1023 руб. 33 коп. и не смог вовремя расплатиться[86].

Подобные сделки свидетельствуют о наличии в деятельности иностранных внешнеторговых фирм особой кредитной линии, когда деньги и товары предоставлялись иностранным же купцам и зачастую продвигались в центр внутреннего рынка, в Москву, где также доставались проживавшим там иноземцам, занимавшимся розничной торговлей. Эта линия действовала параллельно и почти независимо от потока капиталов и товаров, предоставляемых в кредит многими иностранными фирмами русским купцам.

О проценте по вексельному кредиту конкретных сведений, как и в случае с контрактами на поставку товаров, практически нет. Если Соборное уложение 1649 г. запрещало взимание процентов, то в XVIII в. было официально признано право кредитора на свою прибыль. Однако процент по ссудам был ограничен; в соответствии с указами 1754 и 1764 гг. прибыль кредитора не могла превы-

шать 6%[87]. Наибольшее значение это ограничение имело для сделок ростовщического характера, в которых должниками оказывались лица различных сословий. Например, в 1771 г. поручик Ф. фон Бертлонф получил в долг у московского купца 1-й гильдии А.Бурыгина 500 руб. «за вычетом указных шести процентов». Но и в таких сделках определенная законом ставка могла превышаться. В 1768 г. московский купец Афиноген Ерцев жаловался, что граф Ф.Санти при выдаче ему в долг 1000 руб. взял с него «проценту по 10 рублей на 100, а не указных 6 рублей»[88].

В векселях, выдаваемых купцами друг другу, проставлялась только сумма, которую должнику следовало вернуть кредитору. Как правило, это была цена товаров, продаваемых в кредит под вексель. Но она была выше обычной рыночной цены, что и составляло прибыль по кредиту. Насколько выше, сказать трудно, поскольку это было коммерческой тайной. Данные на этот счет встречаются крайне редко. Например, торопецкий купец Иван Ивлиев Заозерский надписал на векселе, выданном в Данциге в 1768 г. Линке и Шульцу: «Плачу с накладкой пять процентов. Толикое число получил товарами»[89]. Как видим, процент по данному векселю был невысок. Но эта сделка совершалась в Данциге, а в России процент мог быть существенно выше.

Иноземные кредиторы, продавая товары под вексель в русских городах, учитывали рыночную конъюнктуру, трудности возврата кредита, его долгосрочность (как правило, полгода или год). Имело значение и исключительное положение иностранных купцов на денежном рынке (они почти всегда были только кредиторами), отсутствие в России развитой системы коммерческого кредита, банков. Поэтому, скорее всего, в вексельных сделках между иностранными и русскими купцами процент, как правило, превышал установленные 6%. Об этом есть и определенные свидетельства. В записке в Комиссию о коммерции в 1764 г. архангелогородские купцы писали, что они вынуждены брать иностранные товары в долг с «прибавлением... в цене на 10 процентов и более». На деньги, вырученные от продажи этих товаров, русские купцы в течение года могли выторговать себе прибыль не более четвертой части[90]. То есть прибыль русских купцов в таких операциях не превышала 2,5%. Сохранение высокого процента по вексельному кредиту затрудняло обращение товаров, в том числе и тех, что доставлялись из-за границы. Это повышало их цену, лишало значительной части прибыли русских купцов.

Устойчивые связи и специализация иностранных кредиторов в сфере вексельного обращения

Деятельность целой плеяды иностранных коммерсантов, находившихся в Москве или часто туда приезжавших, свидетельствует о формировании устойчивых связей иноземцев в России друг с другом. Они выступали в качестве поверенных своих партнеров из Петербурга, держали трассированные или индорсированные вексе-

ля, сами оказывали кредит, вступали в контакт со многими иноземцами, находившимися в первопрестольной столице.

Весьма показательна в этом смысле деятельность в Москве представителей ревельской купеческой семьи Геппенеров — Генриха Христиана и Томаса Фридриха. Они вели достаточно обширную зарубежную торговлю через Ревельский порт с оборотом от 3 до 5 тыс. руб. в год[91]. Томас Фридрих Геппенер принадлежал к компании купцов, торгующих «нюрнбергскими товарами», то есть разного рода железными изделиями, производившимися во внутренних районах Германии, а также продавал в России шелковые и шерстяные материи. Продвижение этих товаров на внутренний русский рынок придавало определенную направленность кредитной деятельности Геппенеров. Наиболее активно вел ее в Москве Генрих Христиан Геппенер, так как он подолгу там находился. Сохранились десятки векселей, оформленных с его участием, судебные дела. Он фактически был представителем своей семьи в Москве, посредством его операций с векселями осуществлялись торговые контакты ревельцев Геппенеров с Москвой[92]. Среди клиентов и партнеров Г.Х.Геппенера преобладали иноземцы. Он давал в долг швейцарцу Ж.Ж.Фрею (известно три его опротестованных векселя на 154 руб., 156 руб. и 366 руб.), французу Ф.Демаре, итальянцу Д.Збарбо, гамбуржцу Д.Гесселеру, иноземцам А.Фрогеру, С.Рейху, Шнейдеру (происхождение трех последних установить не удалось). Кроме того, Г.Х.Геппенер получал векселя по индоссаменту из Петербурга от ряда иностранных, в основном немецких, фирм: любекцев Брунса и Иве, гамбуржца И.Машмеера. Несколько векселей индорсировал ему саксонец Г.Г.Круг, вексель в 1 тыс. руб. поступил к нему от «цесарской земли» торговой фирмы «Фридолин, Блумер и К°»[93]. Поскольку Геппенер занимался операциями со многими векселями, к нему поступали такие документы не только от купцов, но и от проживавших в Москве иноземцев, о торговой деятельности которых ничего не известно, а именно от И.Л.Кобо, И.Ф.Ментеса, К.Г.Людвига, некоего Бише[94]. Практически все векселя, индорсированные Геппенеру иностранцами, первоначально были выданы также иноземцами, теми же Д.Збарбо, Ж.Ж.Фреем, Д.Гесселером. Вексель, полученный от Карла (Шарля) Генриха Людвига, был траттой, по которой из Петербурга в Москву переводил 300 руб. некий Петр Лементента на имя «мамзель Руше»[95]. За эти векселя Геппенер уплачивал фирмам, уступившим их, определенную сумму, как правило, несколько ниже номинала в зависимости от надежности данного долгового обязательства. Тем самым он производил своего рода дисконтные операции. Геппенер мог и сам индорсировать кому-либо имевшиеся у него векселя. Он передал два векселя Иоганну Эбергарду Пелю и один — московскому купцу М.Шапошникову в 366 руб.[96] Последний случай — единственный, когда в системе взаимосвязей Г.Х.Геппенера появляется русский купец. Так, обосновавшись в Москве, Геппенер оказался в центре сложной и разветвленной системы связей по вексельному кредиту, объединяв-

шей в основном иностранных коммерсантов, от крупных внешнеторговых фирм до мелких розничных торговцев и ростовщиков. Сам выходец из Ревеля оказался в этой системе своего рода банкиром.

Причем Х.Г.Геппенер был не единственным, кто имел столь разветвленные контакты по вексельным операциям в Москве в середине XVIII в. Аналогичное впечатление производит деятельность уже упоминавшихся Иоганна Эбергарда Пеля, Иоганна Георга Неймана, выходцев из Швейцарии Жана Жака Фрея, Жана Жозефа Кеммерлинга. Очевидно, И.Э.Пель принадлежал к известному в России в первой половине XVIII в. купеческому семейству. При Петре I большого размаха достигла внешнеторговая деятельность братьев Даниила и Анания Пелей. Возможно, Иоганн Эбергард был сыном или внуком Даниила. В одной из давних статей Э.Амбургера говорится о гамбургском происхождении этой семьи[97], но в русских источниках начала XVIII в., где гамбуржцы и голландцы, как правило, четко различаются, они всегда считаются голландцами. Отец Даниила и Анания, Павел Пель, был в конце XVIII в. приказчиком голландского купца Д.Артмана[98]. Скорее всего, они были голландцами, но попали в Россию через Гамбург, где у Д.Артмана имелись обширные связи.

В отличие от Г.Х.Геппенера, И.Э.Пель имел в употреблении главным образом индорсированные ему кем-то векселя, практически неизвестно сделок, когда он выдавал бы кредит непосредственно векселедателю. Очевидно, он извлекал доход из операций с переведенными на него векселями, из своего рода дисконта и взыскивал долги по обязательствам, сменившим уже не одного владельца. Ему пересылали векселя его родственник Наннинг Габриель Пель, тот же Г.Х.Геппенер, торговавшие в Петербурге голландец Гавриил Бахерахт, «цесарской земли» торговая фирма «И.И.Гинтер и К°», находившиеся в Москве любекский купец Ю.Флинт и голландец В.Янсен[99]. Но в отличие от векселей, доставшихся Геппенеру, большинство поступивших к Пелю долговых обязательств были первоначально выданы русскими купцами. Это известные тульские купцы Пастуховы, которые набрали в 60-х гг. большие кредиты и не могли расплатиться. Их петербургский приказчик Петр Богомолов получил под вексель деньги и товары от Г.Бахерахта, И.И.Гинтера. От Г.Х.Геппенера Пель получил векселя на иноземцев Ж.Ж.Фрея и Д.Збарбо[100], как это и следует из специфики его кредитной деятельности. Таким образом, И.Э.Пель имел контакты как с иноземцами, активно кредитовавшими русских купцов, так и с теми, кто был преимущественно связан с лицами иностранного происхождения. В этом смысле деятельность И.Э.Пеля в сфере вексельного обращения носила «полуоткрытый» характер.

Система контактов в сфере вексельного обращения, сложившаяся вокруг Ж.Ж.Фрея, объединяла, как и в случае с Геппенером, в основном иноземцев. Но Фрей почти не имел индорсированных векселей, предпочитая сделки по первоначальной выдаче ссуды. Единственное известное исключение — вексель, получен-

ный Фреем из Петербурга от компании «Фридолин Блумер и К°», выданный иноземцем Каргером. Сам Фрей выдавал в долг находившимся в Москве иноземцам сравнительно небольшие суммы. Среди его должников — французы-учителя де Барро, Луи Кагор, их соотечественники, профессия которых неизвестна: Л.Сидр, Л.Морел, Ж.Поассон, Ф.Молеа, П.Карпантье, ученик Б.Деврел и др. И в то же время Фрей занимал у иностранных купцов несколько бóльшие суммы. Регулярные связи по получению кредита он имел с московской фирмой «Кремер и К°», которой остался должен более 2000 тыс. руб., с тем же Г.Х.Геппенером, иноземцем Ф.М.Мейстре[101]. Следовательно, специфика кредитной деятельности Ж.Ж.Фрея состояла в том, чтобы получить деньги у достаточно крупных иностранных купцов-кредиторов, раздать их в долг небольшими суммами мелким заемщикам — лицам разных профессий.

Жан Жозеф Кеммерлинг, вошедший в московское купечество уроженец Швейцарии, имел векселя от Дениса Берлира — вероятно, племянника савойского уроженца Антона Берлира, итальянца Муриена, иноземцев Гильфердинга, Лакоста, Лабаха, национальность которых неизвестна[102]. Сам он, в свою очередь, пользовался кредитом находившейся в Петербурге любекской фирмы «Иоганн Готтлиб Доблер и К°». Кеммерлингу приходилось бывать в Петербурге, где он 3 октября 1750 г. получил под вексель у Доблера кредит в 725 руб.[103] Этот вексель несколько раз переходил из рук в руки: Доблер передал его иноземцу Георгию Белову, тот уступил вексель подолгу обретавшемуся в Москве нарвскому коммерсанту Андрею Гесселю, а он — директору парусной фабрики Ивану Беркузену, сыну Давыда Беркузена, известного в петровское время купца и промышленника, происходившего из Гамбурга. Принять вексель от Гесселя И.Беркузена просил сам Г.Белов, послав ему письмо, из которого явствует, что все трое хорошо знали друг друга. Тем не менее Беркузену пришлось протестовать вексель и предъявить иск, при этом он отказался взять у Кеммерлинга ненадежные векселя его должников-иноземцев и согласился дать отсрочку только тогда, когда за Кеммерлинга поручился английский купец Иван Томсен и его приказчик голландец Андрей Традел[104]. Налицо еще один пример весьма разветвленной системы деловых связей только между иноземцами. Среди участников оборота векселя, выданного Кеммерлингом, и иска о его неоплате нет ни одного русского коммерсанта.

Итак, характеризуя оборот векселей в среде иноземцев, мы выделили наличие целых сетей, взаимно связывающих иностранцев нередко разных национальностей. Большую роль при этом играли несколько крупных дельцов, державших в своих руках векселя многих из коммерсантов, входивших в ту или иную систему взаимоотношений. Однако такие сети могли состоять не только из иностранцев. На московском рынке действовали кредиторы, осуществлявшие более сложный оборот векселей, в рамках более универсальной системы, состоящей из русских и иностранных куп-

цов, включая зарубежных коммерсантов и банкиров. Наиболее масштабной представляется подобная деятельность английского купца Джона (Ивана) Томсена, представлявшего в Москве интересы крупной внешнеторговой фирмы в Петербурге «Томсен и Питерс», во второй половине 60-х гг. именуемой также «Томсен, Питерс и Рованд»[105]. Джон Томсен представлял в Москве к протесту или к взысканию векселя, выданные (а также трассированные или индорсированные) как на его имя, так и непосредственно на фирму в Петербурге. Всего обнаружено около пятидесяти таких векселей. Но в отличие от британских фирм, находившихся в Петербурге, представители фирмы «Томсен и Питерс» в Москве редко кредитовали русских купцов. Здесь они действовали скорее как ростовщики, ссужая деньгами дворян (русских и выходцев из-за рубежа). Среди их должников значатся орловский помещик Даниил Баранов, который, судя по «некруглости» сумм, взял в долг какие-то товары, полковник Головин с его солидными денежными займами в 1300, 4000, 2000 руб.[106] Однако это вовсе не значит, что они не имели в Москве дел с русскими купцами. К ним в Москву из разных мест переводили векселя на русских купцов многие иноземцы. Часть векселей поступила даже из-за границы. Так, уже в середине XVIII в. русские купцы регулярно посещали порты Юго-Восточной Балтики, в частности Кенигсберг и Данциг, где пользовались кредитом местных купцов и банкиров. Выданные русскими векселя в случае необходимости пересылались их владельцами в Россию, в том числе и в Москву к Томасу и Рованду.

Такие сделки были характерны для этой английской фирмы уже в середине XVIII в. В 1761 г. Иван Томсен, представлявший тогда ее интересы в Москве, получил из Данцига два векселя от тамошнего коммерсанта Иоганна Карла Кубаса. Каждый из них был выдан от имени двоих русских купцов, жителей Торопца. Один — от Сергея Гречихина и Ильи Дудышкина — на 1000 гульденов, другой — от Ивана Крюкова и И.Ползунова — на 643 гульдена[107]. Во второй вексель торопчане вписали: «Оба вместе один за другого». Следовательно, они участвовали в данной сделке совместно, солидарно отвечали и по своим долгам. После протеста в Данциге Кубас перевел оба векселя в Москву к Ивану Томсену. Тогда же англичанин получил еще два векселя из Кенигсберга от Исаака Хацкеля, выданных также торопецкими купцами Иваном Находкиным и Иваном Лопаревым и в срок не оплаченных. Томсену пришлось обращаться в Главный магистрат с иском, после чего в Торопец было отправлено распоряжение о розыске должников. Тамошний магистрат занимался этим несколько лет. Наконец ответчики были обнаружены. Дудышкин не отрицал, что подписывал вексель вместе с Гречихиным, но платить отказывался, так как, по их совместным расчетам, оплата данного векселя отнесена на его компаньона. Видимо, Дудышкин не понимал или делал вид, что не понимает, безусловного характера векселя — раз подписал, плати, а уж потом разбирайся со своими партнерами. Семейство Ползуновых пыталось уклониться от уплаты по другому

поводу. Как заявил Иван Ползунов, он отправил своего сына Николая в Данциг «только присматриваться к обращению между купечеством и тому обучаться»[108]. Давать на себя вексель Иван Ползунов не мог, поскольку ему было всего 13 лет от роду. На это Иван Крюков, подписавший вместе с подростком тот вексель, возразил, что Ползунов-старший перед поездкой в Данциг говорил ему, что он может давать векселя и подписывать «обще с его сыном». В семье Находкиных купцов с именем Иван оказалось несколько человек, и все они заявили, что к предъявленному векселю никакого отношения не имеют. Только Гречихин прямо сказал, что не получил ожидаемой прибыли от продажи полученных в долг товаров, почему и не мог заплатить. Выяснилось также, что все ответчики полностью разорились. Их имущество было распродано (Гречихина — за 34 руб., Крюкова — за 140 руб., Дудышкина — за 113 руб.). Вырученные деньги были распределены между кредиторами на этот раз «по препорции». Томсену причиталось с кого 50 руб., с кого — 5 руб., в общей сложности 84 руб. 62 коп. И это по векселям с номиналом в пересчете на русские деньги в несколько сотен рублей. Убыток понес либо сам Томсен, либо Хацкель и Кубас, в зависимости от того, сколько англичанин уплатил своим партнерам в Данциге и Кенигсберге за опротестованные векселя торопецких торговых людей.

Примечательно, что Томсен никого не прислал в Торопец за причитающимися ему деньгами. Они долго хранились в Торопецком магистрате, никто за ними не являлся, а в 1788 г. само дело было списано в архив. Можно предположить, что такая сумма была для Томсена слишком незначительной и он не стал утруждать себя хлопотами с ее получением. С другой стороны, он не имел в Торопце доверенных лиц, которым он мог бы это поручить. То же касается и других провинциальных городов, где проживали должники торговых иноземцев (Боровск, Калуга, Рыбинск, Тверь и т.д.). Практически не известны ситуации, когда иностранные кредиторы направляли векселя для взыскания прямо в те города, где находились их должники, а в лучшем случае действовали через своих доверенных лиц в Москве и находившийся там Главный магистрат. В провинциальных городах хлопотать о взыскании вексельных долгов за иноземцев было некому. Следовательно, такого рода контакты иноземцев на внутреннем рынке не простирались далее Москвы.

В 1768 г. Томсен и Рованд опротестовали у московских нотариусов еще девять векселей, выданных за границей торопецкими купцами. Четыре из них выдал в мае того же года торопчанин Петр Антонов в Данциге тамошним жителям, а именно: Христофору Генриху Трозину на 4898 гульденов, братьям Вернизобр — на 7970 гульденов, Готфриду Вильгельму Шварцу — два векселя на 4975 гульденов каждый. Кроме П.Антонова, братьям Вернизобр дали на себя векселя торопецкие купцы Григорий и Лука Третьяковы (на 4400 гульденов) и Дмитрий Хотетов (на 3850 руб.). Из Кенигсберга поступил вексель от Иохима Мозеса Фридлендера на

1000 гульденов, выданный тем же П.Антоновым[109]. Нелишне напомнить, что гданьский купец Михаил Готфрид Трозин обосновался в России во второй половине XVIII в. Гданьские купцы Давид и Иван Вернизобр происходили из Франции[110], вероятно, принадлежали к той же фамилии, что и Соломон Вернизобр, действовавший в России в перовой половине XVIII в. Следовательно, торопецким купцам предоставляли кредит коммерсанты Гданьска, имевшие родственные связи в России и налаженные контакты с русским рынком. В целом данные векселя свидетельствуют о наличии в рамках коммерческого кредита целой сети деловых отношений, связывавших русских и иноземных купцов в России и торговые фирмы, находившиеся за границей. Судя по всему, торопецкие купцы были постоянными партнерами своих кредиторов из Данцига и Кенигсберга и регулярно бывали в этих городах, между ними существовали доверительные отношения. Сохранилось письмо Дмитрия Акатова, отца П.Акатова, написанное в Данциг в 1762 г. к Г.Трозину (Трезинеру), где говорится: «Высокопочтенный господин и добрый друг, дружески прошу, что потрафит у вас купить сын мой Иван, поверить ему и Петру за 10000 гульденов. Прошу для жены моей уступить за деньги 7 штапов голубого французского штофу да 12 аршин сетки золотой, ценой по 12 рублей все...»[111]. Три года спустя тот же Д.Антонов из Торопца писал в Данциг к Г.Шварцу: сообщал, что отпустил своего сына Петра, который будет торговать в компании с братом Иваном, что они намереваются купить товаров на 20 или 30 тысяч гульденов на готовые деньги и в кредит, просил поверить им и «не оставить таковых молодых людей своим благоприятством»[112]. Можно только предполагать, почему около двадцати векселей, выданных сразу несколькими торопецкими купцами в Данциге и Кенигсберге на срок к 1768 г., оказались неоплаченными. Ведь вышеприведенные письма свидетельствуют, что еще в середине 60-х гг. дела у векселедателей шли нормально. Вероятно, кто-то из них оказался в сложном положении, не смог рассчитаться по свои векселям, что вызвало цепную реакцию неплатежей, поскольку все торопецкие купцы были связаны друг с другом. В ряде вексельных сделок за рубежом они участвовали совместно.

То, что эти векселя были переведены в Москву к Томсену и Рованду, свидетельствует о следующем: эта английская фирма также имела контакты с Данцигом и Кенигсбергом и входила в данную сеть взаимоотношений. Часть векселей переводилась в Москву при участии рижских купцов. Например, один вексель из Данцига был индорсирован на рижского купца Цоликофера (по происхождению голландца), который перевел его далее в Москву Томсену и Рованду. Заморские кредиторы также надеялись, что при помощи Главного магистрата, находящегося в Москве, можно будет разыскать в России их неисправных должников. Всего в конце 60-х гг. у Томсена и Рованда оказалось семнадцать векселей, выданных русскими купцами за границей, они были предъ-

явлены к взысканию через суд самими англичанами и их поверенным золотых дел мастером Иоганном Туссеном.

И в который раз мы наблюдаем типичную для такого рода случаев картину. После того, как торопецкие векселедавцы были наконец разысканы, выяснилось что они задолжали суммы, намного большие, чем принадлежавшие им лично средства. По описи имущества у Иевлева его оказалось всего на 7 руб. 78 коп., у его компаньона — на 31 руб. 23 коп. Не исключено, что часть имущества и товаров им удалось скрыть от описи, но вряд ли можно утаить состояние на тысячи рублей, а именно таковы были масштабы их задолженности данцигским и кенигсбергским кредиторам.

На Томсена и Рованда индорсировали векселя в Москву и русские купцы. Довольно часто это делали торопецкие торговые люди. Следовательно, контакты британской фирмы с Данцигом и Кенигсбергом дополнялись непосредственными связями их же с Торопцом, имевшим прямые контакты с упомянутыми городами в зарубежной Прибалтике. Нельзя не отметить обилия векселей торопецких коммерсантов в обороте находившихся в Москве иноземцев. Очевидно, это связано с расцветом торговли Торопца в середине и второй половине XVIII в. В 60-х гг. 55 купцов из этого сравнительно небольшого города торговали к портам[113]. Многое объясянет и выгодное географическое положение Торопца на Северо-Западе России, на важных водных путях. Торопецкие купцы имели развитые контакты с Петербургом, городами Балтики, находившимися там иноземными коммерсантами. Английских купцов могла привлекать активная торговля льном, которую вели купцы Северо-Западного региона, куда входил и Торопец.

Таким образом, возникает своеобразный треугольник связей, обусловленных, видимо, интересом англичан к закупкам льна, который в большом количестве вывозился и торопецкими купцами из Северо-Западной части России и из Литвы и Польши через Данциг и Кенигсберг. Передача векселей Томсену и Рованду означала для русских купцов не что иное, как получение ими кредита, но уже под чужие векселя, которые забирал кредитор. Подобная сделка по сути аналогична дисконтной операции коммерческого банка. Но таких банков в России тогда не было, и эту функцию брали на себя некоторые иностранные купцы. При учете векселей банк, как правило, выдает сумму меньшую, чем проставлена в векселе (на этом зиждется его прибыль). Возможно, и Томсон с Рованом выдавали под индорсированные векселя сумму, несколько меньшую, чем номинал, в зависимости от надежности данного векселя и общепринятого процента по кредиту. Но установить эту прибыль из-за отсутствия конкретных данных пока невозможно.

Торопецкие купцы, передававшие векселя Томсену и Рованду, получили их у других русских купцов. То есть, будучи должниками заморских кредиторов, русские купцы из Торопца сами были кредиторами в отношении торговых людей других городов, в том числе и москвичей. Так, П.Антонов передал Томсену и Рованду

вексель на 460 руб. на имя московского купца П.Шелковникова, который к нему перешел от орловского купца М.Чупова. Другие векселя, индорсированные англичанам торопецкими купцами, прошли более короткий путь. Иван Беляев перевел вексель, выданный московским купцом 2-й гильдии А.Шубниковым, И.Туфанов — вексель на 140 руб. от купца 2-й гильдии С.Свешникова. Николай Лябезгин индорсировал Томсену и Рованду вексель в 140 руб. на московского купца 1-й гильдии А.Колесникова, а И.Нехорошев — также на первогильдейца Г.Филатова[114]. Откуда у торопецких купцов векселя московских торговых людей? Очевидно, москвичи брали в долг у торопчан товары, скорее всего закупленные за границей в Данциге или Кенигсберге или у торговых иноземцев в России в обмен на тот же лен. Среди москвичей, пользовавшихся кредитом торопчан, мы видим купцов, далеко не первостатейных, входивших во 2-ю гильдию, специализировавшихся на сбыте импортных товаров в рамках местного и регионального оборота. В то же время очевидно достаточно интенсивное обращение векселей между русскими купцами, в сделках между которыми этот современный инструмент платежа и кредита стал уже вполне обычен. Зачастую возникавшая цепочка связей приводила вексель в руки торговых иноземцев, выдававших ссуды русским купцам, кредитовавшим своих соотечественников. Так иностранные кредиты включались в оборот капитала, происходивший в рамках внутреннего рынка.

Среди векселей, переведенных из Данцига в Москву, встречаются так называемые ярмарочные векселя. Такие долговые обязательства купцы давали друг другу на ярмарке сроком на год до следующей ярмарки. При этом также осуществлялся товарный кредит, поскольку покупатель забирал у продавца всю партию товара оптом, должен был распродать ее в течение года и на следующей ярмарке расплатиться с кредитором. Именно такой вексель на сумму в 1800 гульденов выдал Иван Иевлев Заозерский в 1768 г. в Данциге на Домининской ярмарке фирме «Исак Сехегас и сын»[115].

Таким образом, несмотря на обширность контактов Томсена и Рованда, их кредитная деятельность была в основном связана с торговлей в рамках сети, возникшей при их активном участии, где продвигались в основном векселя и платежи коммерческих фирм и отдельных коммерсантов, занятых в сфере внешнего оборота или в продвижении импортных товаров на внутренний рынок. При всей обширности эта сеть взаимосвязей имела вполне определенные географические рамки и включала Москву, Петербург, Торопец, Данциг, Кенигсберг.

Еще один крупный кредитор из торговых иноземцев — Иван Крестьянов Цырольд. Судя по имени, он происходил откуда-либо из немецких земель, хотя никаких определенных сведений на этот счет обнаружить пока не удалось. Он длительное время жил в Москве и вполне овладел русским языком, так что в большинстве случаев расписывался по-русски.

Кредитные сделки Цырольда можно разделить на три основных типа, причем все они встречаются в его практике примерно в равной мере. Во-первых, это чисто ростовщические сделки, связанные с кредитованием дворянства. Среди его должников этой категории преобладают лица из знатных фамилий: есть несколько займов князей Долгоруких, особо крупные суммы получили в долг граф П.Салтыков (5000 руб. в 1775 г.), майор Ф.Еремин (2600 руб.), сюда же можно отнести и две ссуды Строгановых в 2167 руб. и 1690 руб., князя Ф.Урусова в 1635 руб.[116] Второе направление — кредитование русских купцов и промышленников. При этом Цырольд выдавал ссуды товарами, что свидетельствует о коммерческом характере этого кредита. Такие сделки также достигали значительных масштабов. В 1777 г. владелец суконной мануфактуры Василий Выродов получил у Цырольда в долг товаров для своего предприятия под два векселя на 1817 руб. и 5450 руб.[117] Возможно, это были какие-то красители, другие химикалии, которые Цырольд мог получить от своих торговых партнеров. Еще одним должником Цырольда был известный московский купец Иван Медовщиков. Встречаются среди его клиентов и торговые люди из других городов, в том числе из столь дальних, как Астрахань. Третье направление — выдача денег под векселя, полученные другими кредиторами у своих должников. Возможно, это было ведущее направление кредитной деятельности Цырольда, здесь он имел наиболее обширные связи. Ему индорсировали векселя и русские купцы, и иностранные. Из иноземцев — это известные в Петербурге коммерсанты: голландцы Леопольд Потет и Левин Фабиан Бетлинг, англичане Генри Кретер и Эдаврд Джеймс Смит, гамбуржец Гедеон Гурлинг, купец из Любека Николас Моллво, швейцарская фирма «Росад, Девейс и К°». Были у него контакты и с находившимися в Москве иноземцами Иоганном Грумертом, Домеником Збарбо. Пожалуй, круг иностранных коммерсантов, партнеров по вексельным сделкам, был у Цырольда наиболее обширным среди всех торговых иноземцев, действовавших на кредитном рынке в Москве. Этим объясняется и наличие в его обороте разного рода товаров, которые он мог сбывать под векселя русским купцам. Существовали и более сложные системы связей с участием русских и иностранных купцов. Так, Левин Фабиан Бетлинг переводил деньги в Москву при посредничестве своих петербургских партнеров Щукиных, которые трассировали нужные суммы в Москву на Захара Панфилова, выходца из Калуги, а тот должен был расплатиться с Цырольдом[118].

Из русских торговых людей Цырольду переводили векселя своих должников чаще всего московские купцы Бродников, Милованов, Земцов и другие. Кроме москвичей, он имел контакты с торопецкими купцами. Это Заозерский, Абакумов, Агаев, Соченев. Некоторые из них имели контакты с английской фирмой Томсена и Рованда.

В целом же деятельность Ивана Цырольда в сфере кредита отличалась большой устойчивостью, его сделки отмечаются на про-

тяжении пятидесяти лет, с 40-х до 90-х гг. В начале 90-х гг. XVIII в. И.Цырольд вел дела в Московском магистрате о взыскании по векселям со своих должников, в том числе с купца, француза по происхождению, Готье Дюфайера, полковника Маслова, московского купца И.Перешивкина и др. Таким образом, универсальный характер кредитно-ростовщической деятельности И.Цырольда сохранялся[119].

Итак, в массе иностранных купцов выделяются несколько (не более десяти) кредиторов, наиболее активных в сфере вексельного обращения, имевших на руках десятки только сохранившихся в архивах таких документов. На самом деле они оперировали сотнями векселей. Складывается впечатление, что операции с векселями были для них более важным занятием, нежели коммерция. По сути своей основной деятельности они напоминали будущих банкиров. Именно таким путем, в этой паутине, образованной обращением векселей, возникали в зародышевой форме частные кредитные институты, позднее развившиеся в первые коммерческие банки.

В то же время упомянутые иностранные кредиторы вместе со своими клиентами и партнерами составляли определенную систему связей, цепь или сеть взаимоотношений в сфере оборота товаров и платежных средств. Эти связи могли либо иметь универсальный характер, либо отличаться определенной спецификой. Наибольшим универсализмом отличались связи и деятельность И.К.Цырольда. Он примерно в равной мере занимался векселями, обращающимися в чисто коммерческой сфере, и долговыми обязательствами находившихся в Москве представителей знати. Томас и Рованд обеспечивали контакты прежде всего среди коммерсантов — и русских, и иноземцев; специфика деятельности их состояла в обеспечении оборота векселей между Россией и Юго-Восточной Прибалтикой. Частично она обслуживала и потребности аристократической элиты. Некоторые из иноземных кредиторов на московском рынке действовали в рамках сети, состоявшей в основном из иностранцев: Геппенер, Фрей, Пель, отчасти Франц Гарднер. В обширной деятельности П.Д.Никласа преобладала ростовщическая составляющая. Возникшие таким образом сети не были полностью замкнутыми, одни и те же лица и фирмы могли входить в разные системы. Например, векселя торопецких купцов, данные ими за границей, имелись не только у Томсена, но и у Цырольда. Постоянно проживавшие в Москве Ж.Ж.Фрей, Д.Збарбо были клиентами разных иностранных кредиторов.

* * *

Кредитная деятельность иностранных купцов по выдаче денег и товаров под вексель отличалась значительным разнообразием как по составу клиентов, так и по видам сделок. Иностранцы принимали не только простые векселя, но и тратты, широко использовали индоссамент. Разнообразие в составе клиентов было обу-

словлено в первую очередь тем, что вексельные сделки использовались в практике самых разных групп торговых иноземцев. Состав их клиентов определялся направленностью торговой и иной деятельности каждой из групп. Во-первых, это была группа ведущих в Петербурге внешнеторговых фирм: ряда английских, нескольких немецких, одной-двух итальянских. Они предоставляли в долг товары прежде всего русским купцам из Москвы и других городов, которые вели достаточно крупную торговлю внутри страны и в портах. Некоторые иностранные купцы, не входившие в число ведущих в Петербурге или осевшие в Москве, имели среди своих клиентов купцов средней руки (2-й и 3-й гильдии), торговавших в рамках местного оборота. Очевидно, они перепродавали им товары, полученные от крупных внешнеторговых компаний или зарубежных партнеров, и в продвижении кредита находились на одной ступеньке с крупными русскими купцами, которые также сбывали товары, полученные у иностранных партнеров, торговцам средней руки и лавочникам. В том и другом случае русским купцам доставались в кредит импортные товары, наиболее распространенные в их торговле в России, ввозившиеся в довольно большом количестве некоторые продукты питания (сахар), материалы для разных производств и ремесел (краски, сукна и т.п.).

Имелись иноземные кредиторы, круг клиентов которых в основном ограничивался иностранцами. Их должники — это иноземцы, поселившиеся в России, вошедшие в состав московского или петербургского купечества (постоянно или временно), занимавшиеся розничной или мелкооптовой торговлей. Они владели трактирами или лавками по продаже разного рода импортной галантереи, предметов домашнего обихода. Они получали их в долг у иностранных коммерсантов и компаний, в чьей внешнеторговой деятельности преобладал ввоз этих товаров в Россию. Чаще всего это были французские купцы, некоторые фирмы из ганзейских городов, реже — англичане или голландцы. Круг потребителей этих товаров был довольно узок и ограничивался представителями социальных верхов, имевшими вкус и средства для их покупки.

Таким образом, параллельно существовали две независимые друг от друга линии распределения иностранного товарного коммерческого кредита, которые одновременно представляли собой два параллельных потока импортных товаров. Одна из линий связывала находившиеся в России крупные внешнеторговые фирмы, ввозившие наиболее массовые импортные товары, с русскими купцами, продававшими их по всей стране, вторая — иностранных коммерсантов, импортеров предметов роскоши, с мелкими торговцами иноземного происхождения, сбывавшими эти товары в розницу потребительской элите.

Наконец, имелись торговые иноземцы, специализировавшиеся на кредитовании дворянства. Это были те, кто надолго осел в Москве или в Петербурге, но либо по разным причинам вовсе перестали заниматься коммерцией, либо владели лавками с импортным товаром, предоставляя его в долг знатным покупателям.

Но деятельность далеко не всех иноземных кредиторов имела столь определенную направленность. Немало было и тех, кто имел смешанную по национальному и социальному составу клиентуру. Например, кроме тех иноземцев, кто давал в долг почти исключительно дворянам или только коммерсантам, можно выделить кредиторов, имевших векселя тех и других. Так, среди должников английской фирмы «Рос и Парис», одной из ведущих во внешней торговле Петербурга, значится полковник Зотов, задолжавший им в 1767 г. 100 руб.[120]

Нельзя не обратить внимание, что среди должников иноземцев нет торговых крестьян, почти нет посадских людей, мелких чиновников и духовенства, хотя представители всех этих категорий весьма типичны среди заемщиков торговых иноземцев в первой четверти XVIII в. Это объясняется не только спецификой вексельного права в России, запрещавшего обязываться векселями кому-либо, кроме купцов и дворян. В исчезновении кредитных сделок торговых крестьян и посадских людей с иноземцами отразился процесс упрочения положения русского гильдейского купечества в качестве посредника между находившимися в России иностранными фирмами и массой мелких торговцев, товаропроизводителей и потребителей на русском рынке.

Наконец, среди западно-европейских купцов выделяется особая группа кредиторов: тех, кто вел коммерческие и кредитные операции с различными партнерами и при этом активно занимался операциями как с векселями своих должников, так и с долговыми обязательствами других лиц, трассированными и переведенными по индоссаменту, предпринимал действия с чужими векселями по доверенности от их держателей. На московском кредитном рынке 40-х — 70-х гг. известно несколько таких иноземцев, через руки которых прошли десятки векселей, считая только те, которые ныне удалось обнаружить в фонде Главного магистрата. Это Петр Давыдов Никлас, Иван Крестьянов Цырольд, англичане Георг и Иван Томсены, связанные с крупнейшей внешнеторговой фирмой в Петербурге «Томсен и Питерс» (или «Томсен, Питерс и Рованд»), их соотечественник Франц Гарднер. К этой группе можно отнести и упомянутых выше Х.Г.Геппенера, Ж.Ж.Фрея, И.Э.Пеля, операции которых были также крайне разнообразны, но круг связей ограничен в основном лицами иностранного происхождения.

Примечания

[1] Капустина Г.Д. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник // Проблемы источниковедения. Т. 7. М., 1959. С. 217—218.

[2] Голикова Н.Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970; Тарловская В.Р. Ростовщические операции московских купцов и торговых крестьян в начале XVIII в. // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. История. № 3.

[3] Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции западно-европейских купцов на русском рынке в начале XVIII в. // Русский город. Вып. 7. М., 1984; он же. Денежный кредит западно-европейских купцов в первой четверти XVIII в. и его роль в развитии русской торговли // Русский город. Вып. 9. М., 1990; он же. Западно-европейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.

[4] Munro G. The Role of the «veksel» in Russian capital formation: a preliminary inquiry // Russia and the World of the Eighteenth century. Columbus, 1988. P. 551—564.

[5] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 8. № 5410.

[6] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 308. Оп. 2. Д. 102; Д. 122.

[7] Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 28; 334; 392; 463 и др.

[8] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1 Д. 497.

[9] Munro G. Op. cit.

[10] Приведена только сумма стоимости векселей, выписанных в рублях. Имелись также векселя в иностранной валюте общей стоимостью 113655 гульденов, 79773 ливра, 6454 любских марки, 232 фунта стерлингов, 7704 червонных (РГАДА. Ф. 16. Оп. 1 Д. 497. Л. 225).

[11] Доля купцов каждой страны в стоимости импорта по Петербургскому порту подсчитана по ведомости о товарообороте за 1773 г. (Внешняя торговля России через петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в. М., 1981. С. 70—90).

[12] Подсчитано по: Внешняя торговля России через петербургский порт... С. 70—90.

[13] Harder-Gersdorff E. Zwischen Rubel und Reichstaler. Soziales Bezugsfeld und geographische Reichweite des Revaler Weschelmarktes (1762—1800). Lüneburg, 2000. S. 26. Еще более дробную группировку участников сделок по вексельному обращению предлагает Дж.Монро, который выделяет также художников, гвардейских офицеров, придворных, вдов и т.д. Выделяются им и иностранцы, но только те, которые купцами не являлись. Иностранные коммерсанты объединены вместе с русскими торговыми людьми под одной рубрикой «merchants», что не позволяет различить векселя, обращавшиеся в среде иноземных коммерсантов, от тех, что имели или выдавали русские купцы (Munro G. Op. cit. P. 557).

[14] РГАДА. Ф. 292. Оп. 1 Д. 10920; ПСЗ. Т. 8. № 5410. 38; Т. 15. № 1204.

[15] Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции... С. 131.

[16] Там же.

[17] Munro G. Op. cit. P. 560—561.

[18] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497. Л. 22, 33, 45, 46, 139.

[19] Там же. Л. 19.

[20] Munro G. Op. cit. P. 555.

[21] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497. Л. 22.

[22] Там же. Л. 21, 31, 83, 95, 180, 190.

[23] Там же. Л. 31.

[24] Там же. Л. 205

[25] Там же. Л. 31, 45, 46.

[26] Лонгинов М.Н. Русский театр в Петербурге и Москве. 1749—1774. СПб., 1873. С. 28.
[27] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 497. Л. 62.
[28] Там же. Л. 17, 31, 32, 44, 45, 62, 115, 131.
[29] Там же. Л. 21, 75, 95.
[30] Там же. Л. 160.
[31] Там же.
[32] Там же. Л. 30, 76, 93, 179, 204.
[33] Там же. Л. 48, 141.
[34] Там же. Л. 75, 131, 161.
[35] Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 138—139.
[36] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 122.
[37] Там же. Оп. 3. Д. 39.
[38] Там же. Оп. 2. Д. 102. Л. 26, 43об.
[39] Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 330.
[40] Там же. Оп. 2. Д. 102. Л. 47об., 100, 146об., 161.
[41] Там же. Оп. 1. Д. 5266, 5374, 5461.
[42] Там же. Оп. 1. Д. 5266, 5374.
[43] Там же. Д. 5878.
[44] Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции... С. 131.
[45] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7516.
[46] Там же. Д. 5890.
[47] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 262. Ч. 3.
[48] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 8813. Л. 1—2.
[49] Там же. Д. 4989.
[50] Там же. Л. 7; ПСЗ. Т. 15. № 10818.
[51] Там же. Д. 2850. Л. 1.
[52] Там же. Л. 183—185.
[53] Там же. Л. 102—106.
[54] Козлова Н.В. Указ. соч. С. 194—195.
[55] РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 68. Л. 64—91.
[56] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 2850. Л. 53—61.
[57] Там же. Л. 152.
[58] Там же. Д. 7516.
[59] Там же. Л. 1.
[60] Там же. Д. 5890.
[61] Там же. Д. 7212. Л. 5.
[62] Там же. Д. 22016.
[63] Там же. Д. 6358.
[64] Там же. Д. 22010. Л. 2—4.
[65] Захаров В.Н. Товарно-кредитные операции... С. 144—146.
[66] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 8813.
[67] Там же. Д. 8256.
[68] Там же. Д. 1427.
[69] Там же. Д. 8728.

[70] Cross A. By the Banks of the Neva. Cambridge, 1997. P. 73.

[71] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 6371, 9260.

[72] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 12об., 14.

[73] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 4861.

[74] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 177.

[75] Munro G. Op. cit. P. 555.

[76] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 3612.

[77] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 108об.

[78] Там же. Л. 126об.

[79] Каспар Иванов Левкин был сыном известного медальера Ивана Левкина и внуком проживавшего в Москве в начале XVIII в. Тимофея Левкина, минцмейстера денежного двора. Каспар Левкин родился в Петербурге, но, занимаясь торговлей, вел дела в Москве, в связи с чем в 1786 г. вступил в московское купечество «вечно» (ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. Л. 1729; Ковригина В.А. Родственные связи немецких промышленников Москвы XVII — первой четверти XVIII вв. // Немецкие предприниматели в Москве. М., 1999. С. 89).

[80] РГАДА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 39. Л. 117.

[81] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 17865.

[82] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 48, 180.

[83] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 7760.

[84] ПСЗ. Собрание второе. Т. 7. № 5462—5464.

[85] В 1766 г. внешнеторговый оборот Жана Домбаха в Петербурге составил 27 тыс. руб., Филиппа Сандрака — всего лишь 480 руб. В 1767 г. Ж.Домбах имел товарооборот на 13 тыс. руб. (РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 195. Л. 84, 94).

[86] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 207.

[87] Там же. Л. 112об.

[88] Там же. Л. 122об.; Д. 122. Л. 127.

[89] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15357. Л. 26.

[90] Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/3. Л. 7об.—8.

[91] Etzold G. Seehandel und Kaufleute in Reval nach dem Frieden in Nystad bis zur Mitte des 18 Jahrhunderts. Marburg/Lahn, 1975. S. 222.

[92] Harder-Gersdorff E. Op. cit. S. 112—113.

[93] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 27об., 108об., 196об.—197.

[94] Там же. Л. 109об., 158об., 196, 216.

[95] Там же. Л. 62.

[96] Там же. Л. 203об.

[97] Amburger E. Die deutsche Kaufmannschaft St.Petersburgs // Der Herold für Geschlechter- Wappen- und Siegelkunde. 2. 1941. S. 136.

[98] Я.В.Велувенкамп также считает семью Пель (Pell) голландцами по происхождению (Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland. 1550—1785. [s.l.], 2000. S. 188).

[99] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 89, 95об., 145об., 229об.

[100] Там же. Л. 32об., 34, 44об.

[101] Там же. Л. 88, 89, 96, 142, 150, 179об., 180, 203об., 219, 223об.

[102] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 5602. Л. 2об., 4; Д. 6033.

[103] Там же. Л. 1.

[104] Там же.

[105] Выше, когда речь специально шла об английских куцпах в Петербурге, Роваид ни разу не упомянут нами в качестве участника фирмы «Томсен и Питерс». Дело в том, что в рапортах о прибытии торговых судов названы только Томсен и Питерс. Джеймс Роваид упомянут как их компаньон только в ведомостях о товарообороте отдельных купцов за вторую половину 60-х гг. XVIII в. (Внешняя торговля России через петербургский порт... С. 60; Демкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998. С. 228).

[106] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 82, 119.

[107] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 12907.

[108] Там же. Л. 16.

[109] Там же. Д. 15357. Л. 7—12; Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 189об.

[110] Historia Gdaŋska. Gdaŋsk, 1993. T. 3/1. S. 396.

[111] РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15357. Л. 2об.

[112] Там же. Л. 3.

[113] Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960. С. 55.

[114] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 78об., 188об., 206.

[115] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 15357. Л. 27.

[116] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 105, 124об., 142, 155об., 181об.

[117] Там же. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19919.

[118] Там же. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 81об., 91, 93.

[119] ЦИАМ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 8769, 8835, 9072.

[120] РГАДА. Ф. 308. Оп. 2. Д. 102. Л. 13.

*Г.Н.Ульянова**

Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX — начало XX в.)**

В XIX — начале XX в., особенно в пореформенный период, в Российской империи наблюдался процесс формирования, а затем укрепления системы народного образования.

Если учитывать то, что фактическое развитие школы для широких масс населения началось только с отмены крепостного права[1], то надо признать несомненные успехи системы образования на всех уровнях. Причем следует отметить тот факт, что развитие этой системы стимулировалось прежде всего подвижнической деятельностью русской интеллигенции, знаменем которой, начиная с 1860-х гг., стала «борьба с народным невежеством».

С 1890-х гг. развитие системы образования пошло особенно быстрыми темпами. Но, несмотря на все достижения, в обществе не было удовлетворенности состоянием просвещения. Широкие контакты русской публики со странами Европы рождали в общественном мнении чувство неполноценности и понимание того, как много еще предстоит сделать в России, чтобы приблизиться к желаемому идеалу.

Прежде всего, следует отметить, что, по экспертным оценкам, сделанным до 1917 г., государственными субсидиями покрывалось в начале XX в. только 60% расходов на высшее образование. Остальные расходы компенсировались за счет разовых благотворительных акций, создания общественных и частных благотворительных фондов, капиталов различных обществ помощи. К примеру, в 1911 г., всех поступивших в эту сферу средств было почти 321 млн руб. Из этой суммы ассигнования казны составляли 165 млн руб. Остальные средства в размере 156 млн руб. были выделены общественными и сословными учреждениями (64 млн руб., из них 55 млн руб. — на начальные школы); поступили от роди-

* Ульянова Галина Николаевна — кандидат исторических наук (Институт российской истории РАН).

** Настоящее исследование поддержано стипендией программы «Развитие социальных исследований образования в России» Европейского университета в Петербурге, осуществляемой при поддержке Фонда Спенсера. Грант № ООП-74.

телей или других лиц в виде платы за обучение, слушание лекций и содержание в интернатах (54 млн руб.), являлись частными благотворительными пожертвованиями (более 22,5 млн руб.)[2].

Цифры показывают, что крупнейшее участие и огромную роль в финансировании всех типов учебных заведений играли местные общественные учреждения — земские, муниципальные и сословные. В расходах на низшее образование примерно половину составляли казенные, а другая половина обеспечивалась из общественных сумм. По среднему образованию общественное финансирование превосходило казенное на 25%, в области высшего образования покрывало две трети расходов на мужские вузы и почти все расходы на женские вузы.

Благотворительные капиталы к началу XX в. стали составлять заметную долю в финансировании народного образования: средствами частных лиц, переданными непосредственно учебным заведениям, покрывалось 7% всех расходов системы народного образования (22,5 млн руб. из 321 млн руб., составлявших бюджет народного образования в 1911 г.)[3]. При этом некоторые крупные пожертвования превышали десятки и даже сотни тысяч рублей.

По количеству внесенных пожертвований среди всех российских учебных заведений лидировал Московский университет, располагавший, по данным Министерства народного просвещения на 1910 г., 391 капиталом на сумму свыше 6 млн руб. Среди этих капиталов были такие крупные, как капитал купчихи Ф.И.Ушаковой на стипендию имени Данилова — свыше 270 тыс. руб., капитал на стипендию имени Варвары и Андрея Алексеевых — 106,3 тыс. руб., капитал имени Д.А.Байкова — 105,8 тыс. руб., стипендиальные капиталы московских предпринимателей К.А.Попова (76 тыс. руб.) и К.Т.Солдатенкова (69,3 тыс. руб.).

Особенно значительные деньги получил медицинский факультет. Ю.И.Базанова, супруга крупнейшего сибирского золотопромышленника, передала в дар университету 1 млн руб. на клинику ушных, горловых и носовых болезней. Владелица Тверской мануфактуры бумажных изделий В.А.Морозова финансировала постройку психиатрической клиники, пожертвовав полмиллиона рублей. Благодаря текстильному фабриканту П.Г.Шелапутину был создан Гинекологический институт.

Для финансовой поддержки Петербургского университета частными лицами было внесено 136 капиталов на сумму свыше 1,1 млн руб. Немалые стипендиальные фонды имелись и в других университетах Российской империи: в Варшавском университете — 63 капитала на сумму свыше 680 тыс. руб., в Казанском университете — 86 капиталов на сумму свыше 990 тыс. руб., в Киевском университете Святого Владимира — 100 капиталов на сумму почти 1,5 млн руб., в Новороссийском университете в Одессе — 58 капиталов на сумму около 750 тыс. руб., в Томском университете — 52 капитала на сумму более 850 тыс. руб., в Харьковском уни-

верситете — 99 капиталов на сумму более 1,2 млн руб., в Юрьевском университете — 26 капиталов на сумму более 270 тыс. руб.[4]

Целью нашего исследования является рассмотрение благотворительных капиталов, внесенных частными лицами для развития Московского университета. Для атрибуции пожертвованных вкладов и социальной идентификации филантропов нами были использованы не только опубликованные материалы, но и обширный архивный фонд «Императорский Московский университет», хранящийся в Центральном историческом архиве г. Москвы (ЦИАМ). Работа с архивными материалами показала, что на самом деле сведения о 391 капитале*, принадлежащем Московскому университету на 1911 г., являются не вполне точными. На деле пожертвований было больше, однако по каким-то причинам они в общероссийский свод не вошли[5]. Есть основание предполагать, что это недоработка составителей «Указателя пожертвованных капиталов по Министерству народного просвещения».

Пожертвованные капиталы хранились как правило в гарантированных 4%-ных (реже в 3,5%, 5%, 6%-ных) ценных бумагах, что давало возможность получения стабильных дивидендов с такого рода вкладов.

Пожертвования до 1861 г.

Хотя подавляющая часть благотворительных капиталов была внесена уже в пореформенный период, однако это благородное дело зародилось еще в конце XVIII в., когда представитель династии знаменитых горнозаводчиков Демидовых[6], действительный статский советник Прокопий Акинфиевич Демидов (1710—1788), пожертвовал 20 тыс. руб. на стипендии неимущим студентам и 10 тыс. руб. на здание Московского университета.

Пожертвования Демидовых продолжились и в дальнейшем. Один из племянников П.А.Демидова — тайный советник Николай Никитич Демидов (1773—1828) — в 1813 г. подарил Московскому университету богатейшее собрание редкостей, а другой племянник — действительный статский советник Павел Григорьевич Демидов (1738—1821), который был учеником К.Линнея и вел научную переписку с Ж.Добантоном и Л.Л.Бюффоном, — в 1803 г. подарил Московскому университету коллекцию минералов и художественных ценностей, библиотеку, собираемую в течение всей жизни, и капитал в 100 тыс. руб., а в 1806 г. — минц-кабинет, содержавший несколько тысяч монет и медалей (стоимость коллекций была в тот период оценена в 250 тыс. руб.)[7]. Кроме материальных и научных ценностей, П.Г.Демидов принес в дар университету также 3578 душ в Ярославской губернии (послужившие

* В данной статье мы оперируем сведениями о 389 капиталах, атрибутированных по нескольким источникам (см. Таблицу 1).

впоследствии к основанию Демидовского лицея в Ярославле). Упомянутый капитал в 100 тыс. руб. предназначался Московскому университету с тем, чтобы «часть процентов с этой суммы употреблялась на содержание студентов, часть на отправление достойнейшего из них в иностранные университеты и часть на содержание кафедры натуральной истории с поручением ее иностранному профессору, пока эта важная часть наук дойдет у нас до большего совершенства»[8]. На эту профессорскую должность были разосланы приглашения в ведущие немецкие университеты, а из откликнувшихся на предложение выбран известный профессор Г.И.Фишер из Майнца[9].

(Что касается «демидовских» стипендий, то они были учреждены с 1813 г., и просуществовали более 100 лет до наступления советской эпохи. На 1911 г. общая сумма капиталов стипендий имени Демидова составляла 60592 руб., проценты с них ежегодно составляли 2438 руб. Выдавались 19 стипендий на всех факультетах, хотя при этом, согласно желанию жертвователя, отдавалось преимущество студентам, занимающимся естественными науками[10].)

Указом 17 марта 1804 г. были утверждены новые Правила для университета и подведомственных ему учреждений (народных училищ), а 4 ноября 1804 г. был принят Устав. В этих правилах, в частности, содержалось «приглашение к патриотам содействовать благу отечественного просвещения», что было выражено в словах: «Все благонамеренные граждане, при устроении училищ вспомоществуя Правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе, приобретут особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей и на торжественную признательность учреждаемых ныне заведений, имеющих возвысить в нынешнее и утвердить на предбудущее время благосостояние и славу их Отечества»[11].

Следуя примеру П.Г.Демидова, на этот призыв откликнулись многие состоятельные лица.

Крупнейшим было пожертвование княгини Е.Р.Дашковой — первого президента Российской академии наук. А в мае 1807 г. она передала в дар университету кабинет натуральной истории и другие редкости, собранные ею более чем за 30 лет в количестве более 15 тыс. предметов. Это пожертвование было оценено в 50 тыс. руб.[12]

В том же 1807 г. попечитель Московского учебного округа и Московского университета граф А.К.Разумовский подарил для университетского ботанического сада собрание редких растений из своего знаменитого подмосковного ботанического сада в имении Горенки. Протоиерей Ф.А.Малиновский передал пожертвования для ризницы университетской церкви и гимназии на сумму 7054 руб., составленную из его личных средств, денег княгини А.В.Гагариной, действительного статского советника М.Н.Соко-

ловского, графа Н.П.Шереметева и других лиц. В феврале 1808 г. статская советница А.С.Оленина подарила университету свой каменный дом на Кисловке и 1 тыс. руб. на ремонт этого здания, а несколько месяцев спустя — еще 1 тыс. руб. на университетские нужды[13].

Новый приток пожертвований пошел после 1812 г. В результате пожара Москвы университетское хозяйство понесло большие убытки — надо было восстанавливать зоологический музей и библиотеку, и практически все усилия в этом направлении были сделаны филантропами — Н.Н.Демидовым, П.Г.Демидовым, Лажаром, Фрейрейсом, профессорами Фишером и Двигубским, тобольским губернатором А.М.Тургеневым и другими. К примеру, граф А.К.Разумовский подарил собрание европейских насекомых, московские купцы В.С. и П.С.Алексеевы купили и передали коллекцию насекомых и растений, собранную профессором Адамсом во время путешествия по России.

Начал прирастать и стипендиальный фонд. Известный шведский ботаник статский советник Христиан Стевен, специалист по систематике растений, работавший в России, передал музею многочисленное собрание насекомых с условием, чтобы с суммы в 12 тыс. руб. (так была оценена его коллекция) ежегодно выдавалось 600 руб. процентных денег двум студентам, наиболее преуспевающим в зоологии и ботанике. Стипендия эта была учреждена не сразу, а в 1829 г. и наряду с демидовскими стипендиями просуществовала до 1917 г.[14]

В 1816 г. была учреждена стипендия имени игумена П.Симантовского (для студентов из Малороссии), пожертвовавшего капитал в 4 тыс. руб., и стипендия имени действительного статского советника М.Н.Соколовского, пожертвовавшего 2 тыс. руб. Общество любителей российской словесности в 1821 г. внесло 5 тыс. руб. в Сохранную казну Московского воспитательного дома (в отсутствие до 1840-х гг. в России таких кредитных учреждений, как банки, на вклады в Сохранную казну наращивались проценты) «на вечные времена», чтобы на проценты с этой суммы «воспитывался студент, отличнейший по русской словесности». Стипендия была учреждена с 1822 г. В 1824 г. неизвестные благотворители через титулярного советника Васильева внесли туда же 8 тыс. руб. на две стипендии для студентов из малороссийских губерний (стипендии учреждены в 1827 г.)[15].

В торжественном актовом зале университета в 1820-х гг. рядом с портретами царствующих особ и учредителя университета Шувалова были повешены две медные доски, на которых, в соответствии с «правилами о наградах благотворителям» (изданных министром народного просвещения графом А.К.Разумовским), «для всегдашней памяти» записывались золотыми буквами имена филантропов. На одной доске были записаны: Прокопий, Григорий и Никита Акинфиевичи Демидовы; коллежский асессор Я.Б.Тверды-

шев; грузинский царевич генерал-аншеф Георгий Вахтангович; генерал-лейтенант Г.А.Строганов; обер-егермейстер П.С.Сумароков; П.Симантовский; сенатор М.Г.Собакин; М.Н.Соколовский; Б.М.Салтыков. На другой: П.Г.Демидов; князь А.А.Урусов; княгиня Е.Р.Дашкова; А.С.Оленина; московский 1-й гильдии купец Грачев; камергер В.А.Всеволожский; Н.Н.Демидов; И.И.Крубер; Общество любителей российской словесности; Х.Стевен и Неизвестный (пожертвовавший на стипендию 8 тыс. руб.)[16]. Доски эти, по личному воспоминанию москвоведа В.В.Сорокина, долгое время работавшего главным библиографом университетской библиотеки, исчезли спустя почти полтора столетия, провисев вплоть до 1960-х гг.[17]

Пожертвования продолжали поступать. В 1826 г. купчиха Кулакова передала в пользу университета 10 тыс. руб. и машину делителя, за что получила высочайшую благодарность от Николая I. Греческий дворянин З.П.Зосима (ранее жертвовавший книги в библиотеку) в 1827 г. подарил университету свою дачу на Трех Горах, где впоследствии было возведено здание обсерватории[18].

Вернемся к благотворительным капиталам. В 1831 г. были учреждены для юридического факультета 5 стипендий А.В.Алексеевой, предназначенные «пяти бедным студентам, готовящимся в гражданскую службу, не имеющим средств, по бедности своей, продолжать курс учения». По условиям пожертвования, на эти стипендии могли претендовать «самобеднейшие и похвального поведения студенты», причем требуемые 5 человек избирались из большего числа по жребию (жеребьевка происходила в Правлении университета). На 1911 г. капитал Алексеевой составлял 16085 руб., с которых получили на проценты 643 руб., делившиеся на пять равных частей[19]. В том же году поступили по духовному завещанию капиталы от А.С.Кустовского, саратовского хирурга (или, по терминологии того времени, «оператора»), в размере 16 тыс. руб. ассигнациями (на 1911 г. сумма составила 10817 руб.), «чтобы на проценты сего капитала обучаемы были врачебным наукам сироты бедных врачей совершенно русских, которых даже и фамилия была бы не иностранная»[20], а также от Кочубея — на 5 стипендий (на 1911 г. сумма составила 11135 руб.)[21]. В 1831—1832 гг. в университет поступили пожертвования по 1 тыс. руб. ассигнациями от профессора Е.О.Мухина (для приобретения приборов для обсерватории), моршанского купца Смесова и крестьянина Малюгина[22].

Покупка учебных пособий была одной из основных форм филантропической деятельности в сфере образования. По свидетельству С.Шевырева, в 1840—1841 учебном году «отставной гвардии капитан Горихвостов пожертвовал 5714 руб. 28 коп. сер[ебром] на покупку у доктора Озена из Парижа изобретенной им машины, изображающей женщину-родильницу», и заплатил еще 1142 руб.

85 коп., чтобы оплатить приезд Озена в Москву для демонстрации студентам-медикам действия этой машины[23].

С мая 1841 г. в Московском университете была установлена, по примеру Петербургского университета, сумма денежного сбора со «своекоштных» студентов в размере 28 руб. $57^{1}/_{7}$ коп. серебром с человека, за исключением тех, кто предоставлял свидетельство о бедности. Эти деньги расходовались в дальнейшем, помимо трат на содержание университета и жалованье профессорам, на выдачу единовременных пособий беднейшим из своекоштных студентов и отличнейшим из своекоштных студентов недостаточного состояния «для дальнейшего усовершенствования по окончании ими университетского курса»[24].

До 1861 г. было учреждено еще 4 стипендиальных капитала: профессора Горюшкина на 2 стипендии (1842), московского купца И.Н.Денкоглу (1845) для студента из болгар, князя И.А.Лобанова-Ростовского (1852) «тому из студентов, который при отличных способностях и нравственности будет более нуждаться в пособии», и разных лиц на стипендию имени профессора Грановского (1857) студенту, окончившему историко-филологический факультет и желающему держать экзамен на ученую степень[25].

Интересна история с пожертвованием сенатора И.А.Лобанова-Ростовского. Выпускник Московского университета, он по случаю 50-летнего служения в офицерском чине решил пожертвовать 5 тыс. руб. серебром на «стипендию благодарного подданного императора Николая I» одному из наиболее нуждающихся студентов. Когда царь утверждал это пожертвование, то наложил резолюцию: «Согласен; но под названием стипендии К.Лобанова»[26]. С таким названием эта стипендия и присуждалась.

В 1860 г. был учрежден первый премиальный капитал. Сумма в размере 2800 руб. была внесена Н.В.Исаковым и предназначалась на выдачу премий за лучшее годичное сочинение для студентов историко-филологического факультета. По условию, поставленному жертвователем, филологическое сочинение не должно было являться плановой студенческой работой, а писаться особо, с одобрения профессора. К конкурсу принимались сочинения на русском и латинском языках, однако «при одинаковом достоинстве» предпочтение отдавалось труду на латинском языке[27].

Кроме денег, университет получал в дар книги для библиотеки и многочисленные экспонаты для минералогического кабинета, гербария и зоологического кабинета. Любопытно, что в зоологический кабинет в 1838 г. (когда, кстати, он переехал из главного корпуса на Моховой в Пашков дом) пожертвованы были восемь частей различных костей мамонта, найденных при рытье котлована для фундамента Храма Христа Спасителя (поступили от Комиссии по строительству храма)[28], а в 1847 г. прислан зуб мамонта, найденный близ станции Завидово Московской губернии.

Что касается стипендиальных капиталов, то из поступивших до 1861 г. в свод «Указатель пожертвованных капиталов...» было включено 13. Они обеспечивали 43 стипендии, и, по данным 1911 г., их денежное выражение составляло 160104 руб.

К концу 1860 г. в Московском университете числилось 1653 студента, причем 1403 чел. (85%) являлись «своекоштными», и только оставшиеся 15% пользовались стипендиями (Приказов общественного призрения, Московского воспитательного дома, разных учебных округов, дворянства разных губерний и др.). Казенными стипендиями, которых было 131[29], пользовались около 8% от всего числа студентов. В этот период (1860—1861 учебный год) на всех четырех факультетах университета действовала 41 (из 43 имеющихся) стипендия «частных лиц и жертвователей»[30], и это означало, что только 2,6% студентов обучалось за счет частных стипендий[31].

Пожертвования 1861—1914 гг.

Близкое знакомство с рядом сводов, в частности со «Сборником сведений о стипендиях...» и списками стипендий, опубликованными в ежегодных отчетах университета, показало, что материалы «Указателя пожертвованных капиталов...» требуют корректировки. На основании всех трех вышеназванных источников, а также материалов фонда 418 в ЦИАМ нами была составлена таблица, содержащая сведения о количестве учрежденных (к использованию) в каждом году капиталов на стипендии, пособия, премии, а также стоимости этих капиталов в денежном выражении. Капиталы, пожертвованные на создание отдельных заведений в университете (клиник, кафедр и т.д.), а также на содержание коек в клиниках медицинского факультета, в подсчеты не вошли.

Поскольку данные, вошедшие в «Указатель пожертвованных капиталов...», завершаются хронологически 1909 г., то цифры за 1910—1914 гг. были получены путем сопоставления данных сведений из ежегодных отчетов университета за 1910—1914 гг. (где содержалась информация о всех пожертвованиях университету) с ведомостью стипендий, премий, пособий, выданных в 1914 г.[32]

Если брать динамику по десятилетиям, то в период 1861—1870 гг. всего было внесено пожертвований на сумму 270417 руб., в 1871—1880 — 683500 руб., в 1881—1890 — 1034500 руб., в 1891—1900 — 1186053 руб., в 1901—1910 —1223474 руб., в 1911—1914 гг. — 576641 руб. Таким образом, каждое десятилетие поток пожертвований в пользу университета неуклонно возрастал.

Весьма показательными оказались также данные о динамике количества студентов и суммы благотворительных капиталов университета по десятилетиям, а также итоговые данные на 1914 г. (учтены все капиталы, как стипендиальные, так и на учреждения).

Таблица 1

Благотворительные капиталы Московского университета для обеспечения научных премий, студенческих стипендий и пособий (за слушание лекций)

Год	Количество учрежденных к использованию благотворительных капиталов	Сумма (руб.)	Год	Количество учрежденных к использованию благотворительных капиталов	Сумма (руб.)
1861	1	10100	1889	7	344900
1862	3	95267	1890	15	200500
1863	—	—	1891	3	19200
1864	1	18200	1892	8	80100
1865	7	53200	1893	8	59000
1866	4	16300	1894	16	387453
1867	2	8200	1895	10	197000
1868	3	21750	1896	11	103600
1869	5	32500	1897	10	51900
1870	3	14900	1898	8	55600
1871	5	59800	1899	8	85600
1872	3	19600	1900	13	146600
1873	8	117200	1901	4	37800
1874	4	24800	1902	14	188400
1875	8	46100	1903	5	152100
1876	6	116900	1904	11	108019
1877	5	60700	1905	6	67302
1878	11	111400	1906	10	242300
1879	8	89300	1907	9	48300
1880	7	37700	1908	15	191124
1881	5	31900	1909	13	78650
1882	3	15600	1910	8	103489
1883	4	48200	1911	8	71191
1884	—	—	1912	10	89318
1885	7	112300	1913	10	158098
1886	11	85600	1914	5	26319
1887	10	134600	(1)	6	231715
1888	4	60900	**ИТОГО**	389	**4974685**

Примечание: (1) — учрежденные в 1910—1914 гг., но не идентифицированные точно по году учреждения.

Источник: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1869—1870 академическом и 1870 гражданском году. М., 1871. С. 62; Речи и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1871 года. М.,

1870. С. 55; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1880 год. М., 1881. С. 57; Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1881 года. М., 1881. С. 70; Речь и отчет, читанные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1891 года. М., 1891. С. 36, 139; Речь и отчет, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета 12 января 1901 года. М., 1901. С. 101, 232; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. М., 1911. (Осн. вып.). С. 66. (Доп. вып.) С. 119, 121; Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. (Осн. вып. Ч. I). М., 1915. С. 320.

Таблица 2

Возрастание количества студентов и сумм благотворительных капиталов

Год	Количество студентов (чел.)	Сумма благотворительных капиталов (руб.)
1870	1541	500190
1880	1890	1074397
1890	3473	1459198
1900	4198	4147697
1910	9940	6932161
1914	10540	7699275

Цифры показывают, что денежное выражение благотворительных капиталов в пользу Московского университета постоянно росло. Поток пожертвований стал особенно интенсивным начиная с 1890-х гг. Это было связано, с одной стороны, с осознанием в обществе роли народного образования в процессе политического укрепления и экономического роста страны, а с другой стороны, с тем, что участие в благотворительности стало одним из параметров социального престижа.

Стимулом для внесения пожертвований, получающих имя жертвователя, стало высочайше утвержденное положение Комитета министров от 14 декабря 1877 г. «О порядке присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общеполезным», которое разрешалось применять, если «стипендии или другие взносы обеспечиваются взносом капитальной суммы, ежегодные проценты с которой соответствовали бы размеру учреждаемой стипендии»[33]. Это законоположение было развито далее в высочайше утвержденном мнении Государственного совета «О порядке присвоения особых наименований общеполезным установлениям (учебным и благотворительным)» от 26 мая 1897 г., где только именования в честь императорской семьи получали название «по усмотрению Государя», а остальные именованные капиталы могли быть учреждаемы с разрешения местной власти[34].

Таким образом, филантропы, внося пожертвования, удовлетворяли как свою потребность послужить общественному благу, так

и личное честолюбие — стремление увековечить свое имя в названии стипендии, пособия, клиники, библиотечного зала, студенческой аудитории или койки в стационаре университетских клиник.

Пожертвования для платы за обучение

В университете существовали три рода денежных выдач из частных пожертвований: стипендии для подготовки к профессорскому званию (1500—2000 руб. в год), студенческие стипендии (42—800 руб. в год), пособия для платы за слушание лекций (4—150 руб.). Стипендиальные капиталы и пособия в начале XX в. обеспечивали обучение на частные средства до 10—15% всех студентов, главным образом беднейших из них.

Необходимо отметить, что на основании общих правил пособия за слушание лекций не выдавались на руки студентам, а перечислялись правлением университета в соответствующие источники. «По малоуспешности» или «по неодобрительному поведению» студент мог быть лишен стипендии, выдаваемой на 1—2 года или на весь срок обучения.

По данным 1910 г., из 9940 студентов получали вспомоществование для платы за обучение 3545 чел. (35,7%), в том числе стипендии — 725 чел. (7,3%), пособия — 884 чел. (8,9%), освобождение от платы за счет сбора за слушание лекций со своекоштных студентов — 1936 чел. (19,5%)[35].

Стипендии были трех видов: 1) казенные, 2) из разных ведомств и учреждений, 3) из пожертвованных капиталов. Пособия также подразделялись на поступавшие 1) из Государственного казначейства и 2) из общественных и частных источников.

Число казенных стипендий в 1910 г. составляло 165. Сюда входили 3 стипендии «Государя императора» (повышенные), а также 55 медицинских, 16 педагогических, 44 Кавказского учебного округа, остальные 47 — от Виленского, Дерптского, Варшавского учебных округов, Нижегородского дворянства, Смоленского дворянства, Переселенческого управления, семинарские, «славянские» и «литовские» стипендии. Все эти стипендии финансировались из казенных сумм по особым правилам, и обычно их получали студенты по определенному территориальному или национальному признаку, выпускники соответствующих учебных заведений (например, духовных семинарий).

Число стипендиатов разных ведомств и учреждений составляло 120 чел. Стипендии выделяли земские и городские управы, общественные организации, учреждения, войсковые соединения, департаменты министерств и ведомств. К примеру, в Московском университете имелись стипендиаты городских управ городов Астрахани, Баку, Елисаветграда, Рязани, Тифлиса; Владимирского, Вологодского, Евпаторийского, Калужского, Костромского, Пензенского, Рязанского и других земств; дворянских обществ Полтавской, Рязанской и других губерний; Астраханского и Кубанского войск; начальника Терской области, оренбургского и семипалатинского

губернаторов; Государственного контроля, Министерства иностранных дел и Хозяйственного управления при Св. Синоде. Наибольшее число таких стипендий финансировалось органами местного управления — городскими и земскими управами, причем от ряда земств центральных губерний содержались в Московском университете 10—25 стипендиатов от каждого губернского земства ежегодно.

Число стипендиатов частных лиц составляло 440 чел.

Что касается пособий за слушание лекций, то 438 пособий обеспечивалось из средств Государственного казначейства, а 446 — из общественных и частных сумм.

В фокусе нашего внимания, конечно, будут стипендии и пособия, содержавшиеся на пожертвования частных лиц. Надо сказать, что число выдаваемых стипендий, как правило, было меньше, чем число капиталов, принадлежавших университету. Дело в том, что, передавая деньги (а иногда недвижимость для последующей продажи) университету, благотворители в некоторых случаях достаточно четко очерчивали круг лиц, из которых мог быть выбран претендент на стипендию. Иногда ряд стипендий оставался свободным, поскольку среди студентов не находилось кандидата, по своим анкетным данным годного для участия в конкурсе на стипендию. К примеру, кандидат прав М.А.Яковлев, пожертвовавший в 1906 г. средства на стипендию для одного из беднейших студентов юридического факультета, непременно желал, чтобы претендент происходил из Горийского уезда Тифлисской губернии, а в случае отсутствия такового — из Зеньковского уезда Полтавской губернии[36]. (Кстати, в 1914 г. эта стипендия выдавалась.)

В некоторых случаях проценты с капиталов, переданных Московскому университету и учрежденных к использованию, выдавались в так называемое «пожизненное пользование» лицам, названным завещателями. Скажем, проценты с внесенной в 1888 г. дворянкой М.П.Муравьевой-Апостол суммы в 50800 руб. вплоть до 1914 г. выдавались некоему господину С.Лесневичу[37]. Капитал профессора Разцветова, умершего в 1902 г., по условиям завещания оставался шесть лет в пожизненном пользовании его вдовы, после смерти которой стал использоваться с 1908 г. на стипендии[38].

Лишь немногие стипендии выдавались по типовым «общим» правилам, установленным правлением на тот случай, если благотворитель не выражал особых пожеланий. В большинстве же своем благотворители не только указывали, что стипендия может быть присуждаема бедным и недостаточным студентам, «отличающимся хорошим поведением и успехами в науках», но ставили более четкие условия для стипендиатов. Приведем примеры формулировок.

Стипендия имени А.П.Бахрушина (1905) предназначалась для лиц «христианского вероисповедания и русского происхождения, преимущественно уроженцев Рязанской губ.» (откуда родом были предки Бахрушина). Стипендия имени Данилова (1889) — всего присуждалось 24 стипендии, по 6 на каждый факультет — по ус-

ловию, поставленному жертвовательницей, купчихой Ушаковой, могла быть присуждаема «студентам исключительно русского происхождения, преимущественно уроженцам Калужской губ.», причем евреям стипендии не могли «быть назначаемы». Стипендия имени М.Н.Каткова (1882), на деньги, внесенные неким господином Краснокутским, могла выдаваться «одному из отличных студентов историко-филологического факультета за особенные успехи в обоих древних языках». При этом студент должен был быть «из лиц коренного русского происхождения и из великорусских губерний, что служило бы некоторою гарантиею его национального образа мыслей, необходимого для русского публициста». В условиях присуждения стипендии жертвователь указывал еще следующее: «Желательно также, чтобы стипендиат-филолог старался основательнее ознакомиться в подлинниках с сочинениями древних авторов, способствующими политическому образованию, преимущественно с "Политикою" Аристотеля, также речами Демосфена и историями Фукидида и Ливия»; и, наконец, избирать стипендиата следовало комиссии из штатных преподавателей древних языков[39]. Стипендия тайного советника С.А.Маслова (1870) служила «для студентов-славян»[40]. А московский купец Г.Б.Мичинер в 1890 г. пожертвовал капитал на 4 стипендии, предназначавшиеся именно «студентам из евреев»[41]. Стипендия имени графа С.Ю.Витте, учрежденная в 1906 г. на средства Московского общества старообрядцев, предназначалась «одному из недостаточных студентов старообрядческого вероисповедания (по Рогожскому кладбищу)»[42].

Учрежденная в 1865 г. на средства Раевского «Ломоносовская» стипендия могла присуждаться уроженцам Архангельской губернии и «преимущественно, если то будет возможно, уроженцам Холмогорского уезда». Стипендия имени казачьего атамана П.Г.Луковкина (1875) назначалась уроженцам области войска Донского, окончившим курс в Новочеркасской гимназии.

Ряд стипендий предназначался благотворителями для лиц дворянского происхождения — стипендии имени отставного штабротмистра И.Н.Аскарханова (1895), действительного статского советника П.И.Довголевского (1899), гвардии полковника Н.И.Дурново (1881), Ф.А.Кошелева (1886), полковника С.М.Забелина (1879), тайного советника С.А.Ивановского (1907) и др.; и при этом часто указывалась губерния, из которой должен был быть родом кандидат на стипендию.

Существовали специальные стипендии для лиц из купеческого, крестьянского и мещанского сословий. Так, в 1873 г. была учреждена стипендия имени коллежского советника Н.Ф.Никулина «для беднейших студентов [...] из мещан или крестьян Калужской и Тульской губерний». Стипендия имени рижского мещанина Т.Я.Ченикова (1896) предназначалась студенту из купеческого сословия (непременно уроженцу г. Риги, чисто русского происхождения), а стипендии А.В.Лебедева (1869) и Ф.Ф.Красковского (1904) — студентам «из детей лиц духовного звания». На получе-

ние стипендии тайного советника Боголюбова (1880) преимущество имел «сын военного врача или ветеринара, или фармацевта [...] в случае неимения такового, первенство отдается вообще сыновьям лиц медицинского сословия — христианам», при этом студент медицинского факультета, пользовавшийся данной стипендией, был обязан «посвятить себя преимущественно изучению хирургии» и не имел права переходить на другой факультет[43]. При присуждении стипендии Н.С.Мазурина (1893) предпочтение отдавалось «детям лиц торгово-промышленного класса»[44].

В условиях ряда других стипендий, например имени архитектора В.В.Баркова (1908), тайного советника Л.А.Верховцева (1904), профессора Н.Э.Лясковского (1904), Влад.И.Щукина (1908), С.Ю.Витте (1897), бывшего председателя Московского окружного суда Н.В.Давыдова (1908), напротив, специально оговаривалось, что их могут получать студенты «без различия вероисповедания и национальности», а также сословия.

Некоторые стипендии предназначались для детей того профессионального круга, к которому принадлежал жертвователь. К примеру, стипендия имени Ф.Н.Плевако, пожертвованная присяжным поверенным И.Т.Саксом в 1896 г., предназначалась для студентов «православного вероисповедания, русского происхождения, исключительно из детей или усыновленных, родители или усыновители которых состояли или состоят чинами магистратуры, прокуратуры или присяжными поверенными, причем такому студенту, носящему фамилию "Плевако", отдается предпочтение»[45]. Стипендией имени бывшего председателя Радомского окружного суда П.А.Белоусова (1906) могли пользоваться «студенты [...] из детей должностных лиц Радомского окружного суда, кои по недостатку средств не в состоянии будут дать им университетское образование», и преимуществом обладали сироты[46]. Стипендия имени лекаря, коллежского асессора Н.С Ивашутича (1879), предназначалась для «сына священника или доктора». Стипендия имени П.А.Тучкова (1865) назначалась недостаточному студенту преимущественно из детей чиновников управления московского военного генерал-губернатора, «а за неимением таковых, одному из недостаточных детей лиц, служащих вообще в г. Москве». Пособие имени драматурга А.Н.Островского (1900), учрежденное на средства Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, предназначалось студенту «из сыновей членов Общества русской национальности, православного вероисповедания»[47], а стипендия имени писателя П.Д.Боборыкина, учрежденная на капитал, внесенный в 1911 г. Обществом деятелей периодической печати и литературы по случаю 50-летия литературной деятельности писателя, — студенту историко-филологического факультета, преимущественно из детей нуждающихся писателей[48]. Имелась даже стипендия «в память 25-летия существования Податной инспекции», пожертвованная группой податных инспекторов в 1910 г. и пред-

назначенная именно для сыновей служащих и отставных податных инспекторов и помощников податных инспекторов[49].

В условиях выдачи ряда стипендий указывалось, что первоочередное право на пользование ими имеют близкие родственники жертвователя (в условиях стипендии Д.А.Байкова (1903) были перечислены дети племянника и племянницы, а также близких знакомых). Стипендия имени потомственной почетной гражданки Т.П.Прусаковой (1907) в первую очередь предназначалась для внуков завещательницы — Георгия и Александра Прусаковых, в случае поступления их в университет, а после использования внуками — одному из беднейших студентов.

Необходимо обратить внимание на такое важнейшее явление российской благотворительности, как анонимные пожертвования. Следуя христианскому побуждению, некоторые жертвователи скрывали свое имя, считая, что мало-мальское тщеславие греховно при творении доброго дела. Они следовали завету Св. Димитрия Ростовского, который говорил, что «дела милосердия следует творить втайне, ибо мы совершаем их не ради человеческой славы, а ради любви к Богу и ближнему».

Целый ряд подобных стипендий и пособий был и среди благотворительных капиталов Московского университета. Они передавались благотворителями в правление университета через знакомых профессоров или других третьих лиц.

Напомним, что первая стипендия «от неизвестных благотворителей» поступила еще в 1827 г. В 1874 г. от анонима поступил капитал в размере 8500 руб. на «Константино-Варваринскую» стипендию для беднейшего студента медицинского факультета «из купеческого или мещанского сословий Московской губернии». Как нам удалось установить, анонимным жертвователем являлся крупнейший текстильный фабрикант из Серпухова — мануфактур-советник К.В.Третьяков. Стипендия была названа им по его имени и имени супруги Варвары. Позже, по духовному завещанию, Третьяков передал Московскому университету еще 25 тыс. руб. на стипендию, учрежденную с 1913 г.[50] Племянник К.В.Третьякова — Владимир Александрович Третьяков — явился жертвователем капитала (40 тыс. руб.), проценты с которого служили для выдачи на медицинском факультете 5 стипендий «имени Неизвестного» (деньги по духовному завещанию Третьякова, умершего в 1881 г., были внесены в 1893 г., стипендии учреждены с 1906 г.)[51].

В 1880 г. был внесен капитал в размере 1 тыс. руб. на пособия за слушание лекций для «одного из беднейших студентов» от «неизвестной благотворительницы А.»[52]. В 1902 г. другая неизвестная благотворительница передала капитал в 10 тыс. руб. на пособия за слушание лекций, дав этому пособию красноречивое название «Долг совести»[53]. В том же 1902 г. было внесено еще два анонимных пожертвования — 5 тыс. руб. на нужды кафедры агрономии и агрономической лаборатории при университете и 1 тыс. руб. на нужды поликлиники при кафедре хирургической патологии и на

лечение несостоятельных больных[54]. Годом ранее врач А.Н.Ачкасов внес 2400 руб. для выдачи на проценты пособий за слушание лекций на медицинском факультете, в условии указав, что пособие должно называться «имени Неизвестного»[55].

Со временем формулировка «от лица, пожелавшего остаться неизвестным» или «от жертвователя, пожелавшего скрыть свое имя» стала достаточно употребительной. Например, в 1914 г. от одних анонимных благотворителей был передан капитал в 12850 руб. в процентных бумагах «на образование фонда на устройство и оборудование помещения для студенческой столовой», а от других — первоклассное европейское медицинское оборудование для Онкологического института имени Морозовых — аппарат «Apex» для глубокой терапии страдающих опухолями и аппарат «Siemens» для рентгенодиагностики (следует сказать, что рентгеновское обследование в тот год прошли более 1000 больных)[56].

Пожертвование не всегда могло быть в виде наличных денег или ценных бумаг. В дар университету жертвовалась и недвижимость: помещичьи имения или городские дома. Как правило, такие пожертвования переходили по духовным завещаниям, поскольку до последних дней там проживал владелец, завещавший после своей кончины продать имущество и на вырученные деньги учредить капитал на стипендию его имени.

В 1895 г. по духовному завещанию коллежского асессора Д.А.Караулова Московскому университету было передано его имение. По условиям пожертвования, после его продажи следовало учредить на полученные деньги 2 стипендии имени Караулова без различия факультетов. Стипендиаты должны были избираться из лиц духовного звания — уроженцев Вологодской губернии[57]. Дела по продаже имения и учреждению капитала (он был достаточно крупным, составив более 15 тыс. руб.) тянулись около 9 лет, и в результате стипендии стали выдаваться с 1904 г.

Любопытно и довольно необычное пожертвование профессора юридического факультета Г.Ф.Шершеневича (1863—1912), между прочим являвшегося депутатом I Государственной думы от г. Казани. Кроме пожертвованного в 1910 г. по духовному завещанию капитала в 10 тыс. руб., он завещал Московскому университету авторское право на его сочинения, «с тем, чтобы исправления последующих изданий производились под редакцией юридического факультета, а доходы, за отчислением вознаграждения в пользу непосредственных редакторов, шли на взнос платы за беднейших слушателей юридического факультета без различия национальности и вероисповедания»[58].

Все приведенные примеры показывают, что в течение нескольких пореформенных десятилетий в сфере благотворительных пожертвований университету постепенно сложилась ее особая, юридически проработанная регламентация, создававшая условия для быстрой и эффективной реализации пожертвований.

Крупнейшие пожертвования

Крупнейшие пожертвования Московскому университету имели поистине всероссийский масштаб и вошли в историю отечественной благотворительности благодаря значительной величине денежных сумм, принесенных в дар университету, и значимости реализованного пожертвования для развития культуры, науки и здравоохранения в России.

Рассмотрим пожертвования, величина которых составила 100 тыс. руб. и более. Прежде всего, это пожертвования на создание университетских клиник.

В 1882 г. известная московская благотворительница и общественная деятельница, владелица Тверской мануфактуры Варвара Алексеевна Морозова (1848—1917)[59] внесла полмиллиона рублей на устройство психиатрической клиники медицинского факультета Московского университета. Предварительно Морозова советовалась с известным невропатологом и психиатром А.Я.Кожевниковым, как лучше употребить средства, завещанные ее мужем А.А.Морозовым на благотворительные цели. Психиатрическая клиника имени А.А.Морозова была построена в октябре 1886 г. и начала работу в ноябре 1887 г.[60] Попечитель Московского учебного округа граф П.А.Капнист в речи на освящении здания клиники сказал: «Университет навсегда сохранит на страницах своих летописей благодарную память об имени В.А.Морозовой. [...] В критический момент, когда очень возросло число студентов, а аудиторий и клинических помещений не хватало, был выработан преподавателями факультета строго и всесторонне обдуманный план устройства целого клинического городка. Однако, из-за громадности сумм, план этот казался неосуществимым. [...] Но мы ошибались, мы были неправы перед Москвою, ее обществом и отдельными ее гражданами. В самую критическую для университета минуту явился сперва целый ряд крупных пожертвований, среди коих первое место принадлежит пожертвованию В.А.Морозовой, достигшему полмиллиона рублей, а затем и Москва пришла на помощь, принеся университету в дар громадный участок земли на Девичьем поле»[61].

В 1894 г. началось, а в октябре 1896 г. было закончено строительство клиники ушных, носовых и горловых болезней на средства потомственной почетной гражданки Юлии Ивановны Базановой. При этом строительство клиники стоило около 500 тыс. руб., 527600 руб. в ценных бумагах было передано правлению университета на обеспечение клиники на проценты с этого капитала[62]. Клиника имени Ю.И.Базановой стала первым специализированным ЛОР-учреждением в России со стационаром на 25 коек, где студенты могли проходить необходимую лечебную практику.

В 1903 г. университету, вновь по инициативе В.А.Морозовой, поступило пожертвование на создание Института для лечения страдающих злокачественными опухолями (Ракового института имени Морозовых). Институт был выстроен исключительно на

частные пожертвования: сама В.А.Морозова дала 30 тыс. руб., три ее сына — по 30 тыс. руб.; к ним присоединились А.В., М.Ф., Ф.Е., С.И. и Е.П.Морозовы; С.Ю.Крестовникова; П.М.Савицкий, внесший 50 тыс. руб.; Н.А.Шахов, пожертвовавший 100 тыс. руб., и другие. Всего удалось собрать около 350 тыс. руб. В 1905 г. Раковый институт был открыт. Крупнейший российский онколог, профессор Л.Л.Левшин, возглавлявший институт в 1905—1911 гг., писал: «Щедрые жертвователи нас выручили не только из крайней нужды, но и гарантировали недостающую на постройку сумму и ассигновали деньги на все обзаведение института»[63].

В 1909 г. было принято пожертвование московского текстильного фабриканта П.Г.Шелапутина в размере 119300 руб. на содержание Гинекологического института[64]. Институт был основан на средства Шелапутина ранее, в 1896 г.

В 1910 г. душеприказчики серпуховского текстильного фабриканта К.В.Третьякова (ок. 1830—1908) внесли 500 тыс. руб. в ценных бумагах «на нужды университетских клиник»[65], а коммерции советник С.И.Щукин передал университету (через профессора Г.И.Челпанова, автора популярного курса лекций «Мозг и душа») 100 тыс. руб. «на устройство Психологического института при кафедре философии историко-филологического факультета [...] с тем, чтобы институту было присвоено название "Психологический институт имени Лидии Григорьевны Щукиной"» (в память об умершей двумя годами ранее жене жертвователя)[66]. Психологический институт действует по сей день в ведомстве Российской академии образования и находится в здании, построенном на средства С.И.Щукина.

Пожертвования приносились для финансирования научно-учебных проектов. Так, в 1914 г. И.А.Манташев (из семьи видных бакинских нефтепромышленников), сам выпускник юридического факультета, внес капитал 50 тыс. руб. «для учреждения на проценты с оного при юридическом факультете экономического семинария имени Д.И.Манташевой, имеющего целью научную разработку экономических дисциплин»[67].

Пожертвования поступали не только на удовлетворение учебных нужд. На пожертвование была возведена университетская церковь во имя Архистратига Михаила в клиническом городке. На ее создание старейший профессор Московского университета Александр Матвеевич Макеев (1829—1913), крупнейший российский специалист по акушерству, внес в 1893 г. 100 тыс. руб. личных сбережений. В своем заявлении в правление университета Макеев написал, что «потребность в церкви давно ощущается в клиниках и необходимо иметь при столь обширном учреждении собственного священника, могущего во всякое время удовлетворить духовные потребности многочисленных больных»[68]. Храм, освященный в 1897 г., по воле жертвователя был построен в память брата А.М.Макеева — Михаила Матвеевича, также врача, бывшего ординатора хирургической клиники. Это было не первое пожертвование профессора Макеева, преподававшего в Московском уни-

верситете 45 лет, — глубоко религиозного человека, который и скончался в построенном им храме прямо во время литургии в возрасте 83 лет. Ранее он финансировал богадельню для престарелых клинических сиделок (5 тыс. руб.) и Клиническое благотворительное общество университета (10 тыс. руб.), председателем которого состоял более 20 лет[69]. На открытии храма присутствовало все московское начальство, а благотворителю Макееву была вынесена благодарность от императора Николая II, сделанная по всеподданнейшему докладу министра народного просвещения[70].

Если брать так называемые «составные» капиталы, то есть внесенные одним лицом на разные цели (оборудование клиник, пособия студентам и т.д.), то здесь весьма примечательна личность такого жертвователя, как профессор медицинского факультета Л.Е.Голубинин (1858—1912). После окончания Московского университета Голубинин работал земским врачом в Пензенской губернии, а затем практиковал в московских больницах, одновременно не прекращая исследовательской работы. После защиты диссертации он был приглашен преподавать в университет, с 1907 г. являлся директором Терапевтической клиники. Голубинин рано ушел из жизни: здоровье его было подорвано многолетней работой «на износ». В некрологе коллеги написали: «А насколько покойный любил родной университет, видно из того, что почти три четверти своего состояния (около 140 тысяч рублей) он завещал на различные нужды университета и клиник»[71].

Конечно, стипендиальные капиталы не являлись столь крупными, как пожертвования на учреждения. Однако именно крупные пожертвования играли ведущую роль в финансировании стипендий и пособий для платы за слушание лекций. В ходе нашего исследования была сделана выборка капиталов в размере 50 тыс. руб. и выше, представленная в Таблице 3.

Размер стипендиальных капиталов приводится на 1910 г. (то есть с увеличением суммы за счет присоединения остатка с невыплаченных процентов).

Таблица 3

Благотворительные капиталы в размере 50 тыс. руб. и выше, предназначенные для обеспечения премий за научные сочинения, стипендий и пособий за слушание лекций

№	Именование стипендии	Размер капитала (в руб.), количество стипендий	Год учреждения стипендий или пособий	Сведения о жертвователе
1	имени Данилова В.П., присяжного поверенного	**27024800** стипендии, в т.ч. 4 для подготовки к проф. званию (по 6 на каждом ф-т)	1889	Ушакова Ф.И., купчиха

№	Именование стипендии	Размер капитала (в руб.), количество стипендий	Год учреждения стипендий или пособий	Сведения о жертвователе
2	имени Володи Павлова и И.И.Скворцова (его деда)	**224100** 4 премии за научные сочинения и 1 стипендия для подготовки к проф. званию (ист.-фил. ф-т); 6 стипендий для студентов (3 на мед. ф-те и по 1 на ист-фил., юр., физ.-мат. ф-тах)	1894	Павлов Петр Александрович, потомственный почетный гражданин, Москва
3	имени Варвары и Андрея Алексеевых	**106300** 3 стип. для подготовки к проф. званию и 5 для студентов (без различия ф-тов)	1895	Алексеева Варвара Андреевна, вдова потомственного почетного гражданина, Москва
4	имени Д.А.Байкова, действительного статского советника	**105 800** 10 стипендий на физ.-мат. ф-те	1903	Байкова А.П., вдова Д.А.Байкова
5	имени П.А. Белоусова, тайного советника	**92800** 7 стипендий на юр. ф-те	1906	Белоусов Петр Алексеевич, тайный советник, бывший председатель Радомского окружного суда, по духовному завещанию
6	имени К.А.Попова, потомственного почетного гражданина	**76000** 10 стипендий без различия ф-тов	1873	Попов Константин Абрамович, коммерции советник, чаеторговец, Москва, по духовному завещанию
7	имени А.А.Потемкина, надворного советника	**70900** 8 стипендий (по 2 на каждом ф-те)	1885	Потемкин Алексей Александрович
8	имени Влад.И.Щукина, потомственного почетного гражданина	**70000** 2 премии (1 на физ-мат. и 1 на мед. ф-те) 4 стипендии для студентов (2 на физ-мат. и 2 на мед. ф-те)	1907—1909	Щукин Владимир Иванович
9	имени К.Т.Солдатенкова	**69300** 8 стипендий (по 2 на каждом ф-те)	1902	Солдатенков Козьма Терентьевич, коммерции советник, по духовному завещанию

№	Именование стипендии	Размер капитала (в руб.), количество стипендий	Год учреждения стипендий или пособий	Сведения о жертвователе
10	имени Л.Е.Голубинина	**67000** 2 стипендии на мед. ф-те; 2 премии для молодых врачей; на пособия для слушание лекций	1913	Голубинин Леонид Ефимович, профессор Московского университета, по духовному завещанию
11	имени Н.П.Засецкого	**65000** на пособия за слушание лекций	1862	Засецкий Николай Петрович, гвардии поручик, по духовному завещанию
12	имени доктора медицины П.М.Петрова	**61000** 6 стипендий (по 1 на каждом ф-те, и 2 по очереди)	1906	Петров Павел Менандрович, доктор медицины, действительный статский советник
13	имени П.Г.Демидова	**60952** 19 стипендий без различия ф-тов	1813	Демидов Павел Григорьевич
14	имени Ивана и Александры Медведниковых	**53200** 7 стипендий (по 2 на мед., юр. и физ.-мат. ф-тах, 1 на ист.-фил. ф-те)	1900	Медведникова Александра Ксенофонтовна, вдова коммерции советника, по духовному завещанию
15	имени А.П.Разцветова	**51000** 25000 на 2 премии (1 медицинскую, 1 поочередно на каждом ф-те); 36000 на стипендии (3 на мед. ф-те, по 1 — на ист.-фил., юр. и физ.-мат. ф-тах)	1890 1908	Разцветов Александр Павлович, тайный советник, по духовному завещанию 40000 руб. находились в пожизненном пользовании вдовы до ее смерти в 1908 г.
	ИТОГО	**1444152 руб.**		

Источники: Указатель пожертвованных капиталов...; Сборник сведений о стипендиях...; ежегодные отчеты Московского университета за соответствующие годы.

Анализируя крупнейшие благотворительные вклады, следует отметить, что денежная сумма 15 наибольших капиталов составила около 1,45 млн руб., то есть почти 20% от общей суммы благотворительных капиталов Московского университета (и на учреждения, и на пособия).

Рассмотрим социальный состав крупнейших жертвователей.

Половина из них принадлежали к торгово-промышленному миру: купчиха Ф.И.Ушакова (о ней почти ничего не известно; возможно, у нее были калужские корни); коммерции советники — чаеторговец и домовладелец К.А.Попов, член руководства ряда московских банков и текстильных предприятий К.Т.Солдатенков; вдовы крупных предпринимателей В.А.Андреева и А.К.Медведникова; потомственные почетные граждане В.И.Щукин и П.А.Павлов. Профессора А.П.Разцветов, П.М.Петров и Л.Е.Голубинин принадлежали к миру науки и по духовным завещаниям оставили капиталы медицинскому факультету, на котором работали. 2 жертвователя принадлежали к миру чиновничества. Тайный советник Петр Алексеевич Белоусов служил председателем Радомского окружного суда. О действительном статском советнике Д.А.Байкове и надворном советнике А.А.Потемкине сведений пока не найдено. П.Г.Демидов принадлежал к миру аристократической элиты, хотя его состояния были нажиты благодаря уральским горным заводам. Н.П.Засецкий, гвардии поручик, отнесен нами к категории военных.

П.Г.Демидов (о нем подробно рассказано в разделе о дореформенных пожертвованиях) был известным филантропом начала XIX в. К числу выдающихся московских благотворителей принадлежали К.Т.Солдатенков (на его средства были построены крупнейшая городская больница, ныне Городская клиническая больница им. С.П.Боткина, и техническое училище), К.А.Попов (финансировал создание дома призрения вдов и сирот и дома бесплатных квартир), А.К.Медведникова (пожертвовавшая на больницу, рассчитанную на 150 коек, ныне Центральная клиническая больница во имя Св. Митрополита Алексия при Московской Патриархии, и богадельню) и В.А.Алексеева (принадлежавшая к крупнейшим жертвователям Музея изящных искусств и пожертвовавшая средства на создание глазной больницы, сейчас Институт глазных болезней им. Гельмгольца, и низших училищ)[72].

Весьма интересно пожертвование П.А.Павлова. Оно относится к крупнейшим пожертвованиям в истории российской благотворительности. Однако вначале достаточно трудно было установить какие-либо биографические факты жертвователя и персон, в честь которых был внесен капитал. За потомственным почетным гражданином П.А Павловым в Москве не числилось никаких торговых или промышленных предприятий, а из недвижимости был только дом в Басманной части. Изучение условий пожертвования внесло ясность в происхождение пожертвованных капиталов. 17 ноября 1893 г. в правление университета поступило заявление, в котором Павлов выразил желание внести капитал в размере 239 тыс. руб.

Из этой суммы 75 тыс. руб. предназначались «на постройку фундаментальной библиотеки с тем, чтобы один из зал[ов] этой библиотеки был назван залом имени Ивана Ивановича Скворцова и в означенном зале был поставлен его портрет»[73]. 100 тыс. руб. предназначались на стипендии имени И.И.Скворцова; 50 тыс. руб. — на выдачу премий имени Володи Павлова — двух на историческом отделении историко-филологического факультета и по одной — на медицинском и юридическом факультетах; 14 тыс. руб. — «на стипендии им. Володи Павлова для молодых людей, оставляемых при университете или командируемых за границу по предмету истории, преимущественно русской»[74]. По условиям пожертвования премии и стипендии имени Скворцова и Павлова могли быть присуждаемы только лицам русского происхождения и православного вероисповедания. Еще одним условием пожертвования было поминовение Павлова и Скворцова в церкви. П.А.Павлов писал: «Я надеюсь, что университет не откажется поминать в своем храме при Божественной литургии дорогие для меня и моей жены имена Владимира и Ивана, в память которых я делаю вышеозначенные пожертвования»[75]. Эта фраза подтвердила предположения, что пожертвование было сделано в память об умершем сыне П.А.Павлова. Однако о Скворцове сведений найти не удавалось, пока в архивном деле, посвященном пожертвованию Павлова, не была обнаружена бумага из Костромского губернского правления, контролировавшего принятое к исполнению в 1892 г. завещание И.И.Скворцова[76]. Как выяснилось, Скворцов оставил до 200 тыс. руб. «на раздачу бедным и на дела благотворения» по усмотрению его дочери, Матрены Ивановны Павловой, причем о том, что 75 тыс. руб. действительно были приняты Московским университетом, следовало известить нерехтского уездного исправника. Следы Скворцова привели в Костромскую губернию. Найденные автором сведения о И.И.Скворцове демонстрируют, что он являлся владельцем бумаготкацкой фабрики, существовавшей в Нерехтском уезде с 1871 г.: на предприятии числилось 1500 рабочих, а выработка составляла в середине 1880-х гг. 2,2 млн руб. в год[77]. Предприятие Скворцова входило в пятерку крупнейших российских бумаготкацких предприятий наряду с фабрикой Гарелина в Иваново-Вознесенске и Кренгольмской мануфактурой в Нарве.

Явление, когда представители предпринимательских родов (старшее поколение которых не получило никакого порядочного образования) жертвовали огромные суммы на развитие народного просвещения, без сомнения, было удивительным. Оно показывало, насколько серьезно в общественном мнении была воспринята и поддержана идея образования как бесспорного фактора прогресса.

Анализ крупнейших пожертвований продемонстрировал, что они вносились очень состоятельными людьми, и, как правило, теми, кто не имел (или потерял) прямых наследников. Показатель бездетности играл решающую роль в 80—90% случаев.

* * *

Финансирование всей системы народного образования, включая высшие учебные заведения, в рассматриваемый период неуклонно возрастало, приобретя форсированные темпы на рубеже XIX—XX вв. С 1903 г. (это был последний «нормальный» финансовый год перед русско-японской войной) и по 1913 г. доля ассигнований Министерству народного просвещения возросла в государственном бюджете с 2,1% до 4,4%[78], расходы 1913 г. составили 300% суммы, израсходованной Министерством народного просвещения в 1903 г., что явилось наибольшим ростом абсолютных расходов среди всех ведомств[79]. Тем не менее, как справедливо отметил ведущий российский исследователь высшей школы А.Е.Иванов, «российская высшая школа имела хрупкую финансовую базу», а «доля Государственного казначейства в нем равнялась 19900056 руб., или 61%» (по данным 1912 г.)[80]. В такой ситуации недостаток средств мог быть восполнен только при общественном содействии. И действительно, 39% финансирования высшей школы обеспечивали пожертвования земств, муниципалитетов, общественных организаций и частных лиц.

Во многом необходимость общественного участия в финансировании высшей школы было вызвана демократизацией социального состава студенчества, возрастанием в нем доли низкообеспеченных групп. По собранным в 1875 г. правительственной комиссией данным, «чрезвычайное развитие бедности между студентами» наблюдалось во всех университетах[81]. Доля дворянско-чиновничьей группы в студенческом контингенте университетов с 1900 по 1914 гг. снизилась с 52% до 36%[82]. Соответственно увеличивалась потребность в стипендиях.

Благотворительные стипендиальные фонды и благотворительные капиталы на устройство и оборудование аудиторий, лабораторий, библиотек и клиник университета стали своеобразным индикатором востребованности высшей школы российским обществом и экономическими институтами.

Жизнь показала, что даже при отсутствии достаточных государственных средств оказалось возможным изыскать финансовые и человеческие резервы и продвинуть дело образования народа далеко вперед.

Московский университет был избран для «case study», поскольку по количеству внесенных пожертвований он лидировал среди всех российских учебных заведений, располагая (по уточненным в ходе исследования данным) к 1914 г. более чем 500 капиталами на сумму более 7 млн руб.

Благотворительные капиталы, некоторые из которых составляли десятки и даже сотни тысяч рублей, вносились не только на стипендии и пособия за слушание лекций, но также на постройку учебных корпусов, аудиторий и клиник, финансирование работы кафедр и семинаров.

Использование большого числа статистических и фактических данных позволило реконструировать картину пожертвований университету от частных лиц и общественных организаций, начиная с первых пожертвований, внесенных в 1804 г., и заканчивая 1914 г. Удалось установить, что капиталы, предназначенные на стипендии и пособия для платы за слушание лекций, в начале XX в. обеспечивали возможность обучения на частные средства для 10—15% студентов, главным образом беднейших из них. Всего же в 1914 г. пожертвования и проценты с пожертвованных капиталов обеспечили покрытие 18% расходных статей всего годового бюджета Московского университета (составив 526,6 тыс. руб. из 2,9 млн руб.)[83].

Примечания

[1] Актами, заложившими юридические основы развития массового образования, были «Положения о земских учреждениях» и «Положения о начальных народных училищах» 1864 г. и «Положение о городских училищах» 1872 г.

Большую роль в осознании необходимости активной борьбы с народной темнотой сыграли голод и холера 1891—1893 гг., когда удручающе низкий уровень жизни сельского населения стал ясным для многих представителей российских образованных слоев, включая бюрократию.

[2] Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912. С. 7.

[3] Там же.

[4] Данные приведены по изд.: Указатель пожертвованных капиталов по Министерству народного просвещения. СПб., 1912. С. 14, 21, 28, 51, 64, 67, 73, 75.

[5] По нашим предположениям, это могло произойти потому, что составители свода «Указатель пожертвованных капиталов...» использовали в качестве основного источника извлечения из всеподданнейших отчетов министра народного просвещения и, видимо отчасти, ежегодные отчеты университета, где были упомянуты наиболее крупные и принятые к использованию капиталы. Однако в ряде случаев для принятия капитала мог потребоваться срок в несколько лет, если было необходимо законодательно удостоверить некоторые обстоятельства получения наследства. Ряд такого рода пожертвований в «Указатель пожертвованных капиталов...» не вошел.

[6] Семь поколений семьи Демидовых дали России целое соцветие замечательных деятелей промышленности, общественной и культурной жизни, просвещения и благотворительности. На гербе Демидовых, утвержденном в 1877 г., был начертан девиз: «Дела, а не слова», и они неукоснительно следовали этому девизу. Потомки заводчиков сделали великолепную карьеру, прославившись как дипломаты (среди них посланники во Флоренции, Париже и Вене), политические и общественные деятели (курский губернатор и киевский городской голова).

Демидовы тратили колоссальные личные средства, полученные от предпринимательской деятельности, на поддержку Московского университета, Томского университета, сиротских приютов и начальных школ. Они создали высший Демидовский юридический лицей в Ярославле, 4 больницы в Курске. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона читаем о Павле Григорьевиче Демидове следующее: «Когда в 1802 г. был издан манифест об учреждении министерств, заключавший в себе, между прочим, призыв к по-

жертвованиям на дело образования в России, Демидов одним из первых откликнулся на него. В 1803 г. на пожертвованные им средства (3578 душ крестьян и 120000 руб.) основано "Демидовское высших наук училище" (теперь Демидовский юридический лицей). В 1805 г. он пожертвовал для предполагаемых университетов в Киеве и Тобольске по 50.000 руб. [...] тобольский капитал к 1880-м гг. возрос до 150 тыс. руб. и пошел на учреждение Томского университета, в актовой зале которого поставлен его портрет» (Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: Биографии. Репринт. Т. 4. М., 1993. С. 611). Из тобольского капитала были взяты в 1833 г. взаимообразно, по разрешению императора Николая I, средства на покупку дома Пашкова (см.: Шевырев С. История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855. С. 480).

[7] См.: Огарков В.В. Демидовы, основатели горного дела в России. СПб., 1891; Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. М.; Л., 1949.

[8] Шевырев С. Указ. соч. С. 319—320.

[9] Там же. С. 30.

[10] Сборник сведений о стипендиях, пособиях и премиях, находящихся при Императорском Московском университете. [М., 1910]. С. 90—91; Указатель пожертвованных капиталов... С. 28.

[11] Шевырев С. Указ. соч. С. 320.

[12] Там же. С. 372.

[13] Там же. С. 391—392.

[14] Там же. С. 433; Сборник сведений о стипендиях... С. 28—29.

[15] Сборник сведений о стипендиях... С. 104—105, 136—137, 100—101.

[16] Шевырев С. Указ. соч. С. 441.

[17] Сообщено автору 91-летним В.В.Сорокиным в августе 2001 г.

[18] Шевырев С. Указ. соч. С. 512.

[19] Сборник сведений о стипендиях... С. 36—37; Указатель пожертвованных капиталов... С. 28.

[20] Шевырев С. Указ. соч. С. 512; Сборник сведений о стипендиях... С. 64—65; Указатель пожертвованных капиталов... С. 28.

[21] Сборник сведений о стипендиях... С. 96—97; Указатель пожертвованных капиталов... С. 28.

[22] Шевырев С. Указ. соч. С. 512.

[23] Там же. С. 513.

[24] Там же. С. 495.

[25] Сборник сведений о стипендиях... С. 90—91, 120—121, 98—99, 2—3; Указатель пожертвованных капиталов... С. 28—29.

[26] Шевырев С. Указ. соч. С. 514.

[27] Сборник сведений о стипендиях... С. 181.

[28] См.: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1859—1860 академическом и 1860 гражданском году. М., 1861. С. 33. Это была первая находка останков мамонта на территории Москвы.

[29] В числе этих стипендий было 2 стипендии на историко-филологическом факультете, 6 — на физико-математическом, 3 — на юридическом и 120 — на медицинском.

[30] В числе их было 2 стипендии на историко-филологическом факультете, 11 — на физико-математическом факультете, 8 — на юридическом и 20 — на медицинском.

[31] Рассчитано по: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета в 1859—1860 академическом и 1860 гражданском году. Приложение № 3: Перечневая ведомость о числе студентов и вольных слушателей. Удалось установить, что в 1860 г. Демидовскими стипендиями пользовались, в частности, 6 студентов 3—4 курсов медицинского факультета: Константин Володзько, Евгений Гусев, Людвиг Крейбих, Александр Покровский, Константин Саросек и Степан Лостовский.

[32] Ведомость о стипендиях, находившихся при Московском университете, и о числе лиц, пользовавшихся ими в 1914 г. // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. (Осн. вып. Ч. II). М., 1915. С. 244—261.

[33] Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собрание II. Т. LII (1877). № 57978.

[34] ПСЗ. Собрание III. Т. XVII (1897). № 14152.

[35] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. (Доп. вып.) С. 120.

[36] Приведено по: Сборник сведений о стипендиях... С. 48—49.

[37] См.: Центральный исторический архив г. Москвы (далее —ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 234. Д. 23.

[38] Всеподданнейший отчет министра народного просвещения за 1902 год. СПб., 1904. С. 126.

[39] См.: Сборник сведений о стипендиях... С. 2—7.

[40] Там же. С. 134—135.

[41] Там же. С. 98—99.

[42] Там же. С. 118—119.

[43] Там же. С. 54—55.

[44] Там же. С. 64—65.

[45] Там же. С. 42.

[46] Там же. С. 116—117.

[47] Там же. С. 166—167.

[48] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1911 год. М., 1912. С. 126.

[49] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. (Осн. вып.) С. 142.

[50] Сборник сведений о стипендиях... С. 62—63. К.В.Третьяков пожертвовал также по духовному завещанию 1 млн руб. на городские больницы и передал в дар Московской консерватории свою ценнейшую коллекцию скрипок итальянской работы (в том числе Страдивари и Амати), которая с 1919 г. составила основу Государственной коллекции уникальных музыкальных инструментов. См. о нем: Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914. М., 1999. С. 467—468.

[51] См.: Сборник сведений о стипендиях... С. 66—67; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 223. Д. 38.

[52] Сборник сведений о стипендиях... С. 166—167.

[53] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 233. Д. 35.

[54] Там же. Д. 37, 74.

[55] Извлечение из Всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1901 год. СПб., 1903. С. 128.

[56] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. (Осн. вып. Ч. II). С. 191, 242.

[57] См.: Сборник сведений о стипендиях... С. 96—97; см. также: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 226. Д. 47.

[58] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. Ч. I. М., 1914. С. 318.

[59] В.А.Морозова являлась выдающейся фигурой российской общественной жизни. Вл.Немирович-Данченко так писал о ней в мемуарах: «Красивая женщина, богатая фабрикантша, держала себя скромно, нигде не щеголяла своими деньгами, была близка с профессором, главным редактором популярнейшей в России газеты, может быть, даже строила всю свою жизнь во вкусе благородного сдержанного тона этой газеты». В 1883—1885 гг. В.А.Морозовой была создана знаменитая первая в России общедоступная библиотека-читальня имени И.С.Тургенева. В это дело филантропка вложила более 50 тыс. руб.

Варвара Алексеевна вела активную общественную жизнь: она попечительствовала в одиннадцати благотворительных заведениях и обществах, являлась председательницей Московского женского клуба. В 1897 г. она дала 10 тыс. руб. на постройку здания начального женского училища, в 1907—1914 гг. — более 70 тыс. руб. на создание университета Шанявского. В 1902 г. Морозова передала в ведение города Москвы устроенное ею начальное училище с ремесленными классами (недвижимость была оценена в 150 тыс. руб.). Что касается личной жизни Морозовой, то скажем лишь, что после смерти первого мужа, А.А.Морозова, она жила в гражданском браке (говорили, что по завещательным затруднениям) с руководителем газеты «Русские ведомости» профессором Соболевским, и вдобавок к трем сыновьям от первого брака родила сына и дочь от Соболевского.

[60] См.: Власов П.В. Обитель милосердия. М., 1991. С. 196.

[61] Цит. по: Детская помощь. 1887. № 1. С. 4—5.

[62] См.: Указатель пожертвованных капиталов... С. 42; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 227. Д. 43.

[63] Некролог «Л.Л.Левшин (1842—1911)» // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1911 год. Раздел «Некрологи». С. 85.

[64] Указатель пожертвованных капиталов... С. 51.

[65] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1910 год. (Осн. вып. Ч. I). С. 142.

[66] Там же. С. 143. См. также: Демская А., Семенова Н. У Щукина, на Знаменке... М., 1993. С. 76.

[67] Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. (Осн. вып. Ч. I). С. 317.

[68] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 62. Д. 394. Л. 1.

[69] Некролог «Александр Матвеевич Макеев (1829—1913)» // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1913 год. Ч. I. Раздел «Некрологи». С. 3—10.

[70] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 62. Д. 394. Л. 18, 34.

[71] Некролог «Леонид Ефимович Голубинин (1858—1912)» // Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1912 год. Раздел «Некрологи». С. 12—13.

[72] См. о них в кн.: Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860—1914.

[73] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 224. Д. 62. Л. 3.

[74] Там же. Оп. 62. Д. 516. Л. 1.

[75] Там же. Оп. 224. Д. 62. Л. 3.

[76] Там же. Л. 42.

[77] Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. СПб., 1887. С. 40.

[78] Статистический ежегодник России. 1913. СПб., 1914. С. 4.

[79] Там же. С. 5.

[80] Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 194.

[81] Цит. по: Эймонтова Р.Г. Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993. С. 235.

[82] Иванов А.Е. Указ. соч. С. 267.

[83] Подсчитано по: Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. (Осн. вып. Ч. II). С. 262.

*Р.Хьерппе**

Деятельность русских предпринимателей в Финляндии (1800—1930-е гг.)**

Введение

После присоединения в 1809 г. к России Финляндия получила сравнительную независимость в некоторых внутренних вопросах, в частности собственное (шведское в своей основе) законодательство и возможность проводить самостоятельную экономическую политику. Финский Сенат и, начиная с 1860-х гг., финляндский Сейм могли решать многие экономические вопросы, не консультируясь и не дожидаясь решений российского императора (носившего титул «Великий князь финляндский») или российского правительства. С другой стороны, многие императоры активно содействовали развитию финской экономики. Финляндия может рассматриваться как сепаратное образование Российской империи со многих точек зрения. Между ней и Россией существовала таможенная граница и были установлены пошлины. Когда Финляндия была соединена с Петербургом железной дорогой, последняя принадлежала Финляндии и управлялась ее правительством.

До 1809 г. экономика Финляндии была естественным образом тесно связана с экономикой Швеции на правах периферийного региона, и это положение фактически сохранялось на протяжении нескольких десятилетий. Например, таможенные барьеры в торговле между Финляндией и Швецией отсутствовали до конца 1810-х гг., а впоследствии они были незначительными. Шведские деньги находились в повседневном обращении наравне с российскими до конца 1830-х гг., особенно в Западной Финляндии, где и другие связи со Швецией также были наиболее прочными.

В то же время юго-восточные области Финляндии, так называемая Старая Финляндия, присоединенные к России по мирным договорам 1721 и 1743 гг., но возвращенные Финляндии в 1812 г., были тесно связаны экономически с Петербургским регионом. Многие финны пересекали границу, чтобы найти здесь на работу. Земли Старой Финляндии даровались в качестве земельных пожалований русскому дворянству, которое часто занималось предпринимательством (лесозаготовками, металлургией, горным делом) в своих имениях. От дворян не отставали купцы и другие предпри-

* Хьерппе Риитта — профессор экономической истории (Хельсинкский университет, Финляндия).

** Перевод с английского Н.В.Бутурлина.

ниматели. Выборг, крупнейший финский город в этом регионе, фактически находился в сфере влияния Петербурга, но в Выборге, как и в Петербурге, также было достаточно жителей немецкого или другого иностранного происхождения, и этот город, возможно, был наиболее интернациональным во всей Финляндии.

На протяжении первых десятилетий русского господства финская экономика постепенно отдалялась от Швеции, торговые связи между Финляндией и Швецией приходили в упадок. В то же время развивалась торговля с Россией, которая стала крупнейшим торговым партнером Финляндии[1]. Доля России во внешнеторговом обороте Финляндии в 1840—1850-е гг. составляла 40—45%, но затем она постепенно снизилась до 28% к 1913 г.[2] Революция в России и обретение Финляндией независимости в 1917 г. привели к тому, что на протяжении межвоенного периода торговля с Россией сократилась до ничтожных значений (несколько процентов внешнеторгового оборота).

В некоторой степени проблема русского предпринимательства в Финляндии затрагивалась в финской исторической науке. Мы знаем ряд русских компаний, которые действовали в Финляндии в период нахождения ее в составе Российской империи (период автономии); меньше известно о русских фирмах в первые десятилетия независимости страны[3]. Мы примерно знаем, в каких отраслях действовали русские компании, но они никогда не были предметом комплексного исследования. Деятельность многих компаний не может быть отслежена вследствие недостатка данных, которые рассеяны в архивных документах (регистрацией фирм занимались разные государственные учреждения), а определенная часть их деятельности находилась вне государственного учета[4].

В данной работе я остановлюсь на одном аспекте русско-финских экономических отношений, а именно на истории русского предпринимательства в Финляндии. В основном иностранные предприниматели начинают деятельность в другой стране с целью приобретения доступа к природным ресурсам, завоевания рынков сбыта для своих товаров, обхода таможенных барьеров или получения особых преимуществ в принимающей стране для своего бизнеса. Принимающая страна может опасаться потери своей экономической независимости, столкнуться с оттоком прибылей или усилением конкуренции — этим кошмаром для местных предпринимателей. С другой стороны, принимающая страна, как правило, имеет основания приветствовать приток нового капитала, новых технологий и производственных навыков, поскольку они способствуют росту валового внутреннего продукта (ВВП), уровня занятости и, возможно, экспорта[5].

Задача данной работы — рассмотреть принадлежащие русским предприятия, определить масштаб деятельности русских предпринимателей и оценить ее значимость, а равно и сравнить ее с подобной же деятельностью как иностранных, так и финских предпринимателей. Насколько велики были масштабы собственности и предпринимательской активности русских в Финляндии? Поче-

му они открывали там свой бизнес? Руководствовались ли русские предприниматели теми же мотивами, что и другие иностранные бизнесмены, или особое положение Финляндии в составе Российской империи придавало этим мотивам специфические черты? Каковы были выгоды от русского предпринимательства для финской и российской экономики? Я не возьмусь за расчет точной доли России в экономике Финляндии, так же как не смогу отследить деятельность всех российских компаний. Но нам известны наиболее важные из них и, очевидно, значительная часть относительно мелких. Это позволит в достаточной степени оценить значение русского предпринимательства в Финляндии. Изучение судьбы русских компаний более чем за столетие позволит рассмотреть динамику русского предпринимательства и ответить на вопросы о том, когда русские компании занимали наиболее прочные позиции, когда и — в некоторых случаях — почему их значение снизилось. Поскольку среди отраслей, в которых были заняты российские компании, наиболее значимыми были металлургия и горное дело, мы остановимся на них подробнее.

Официальное положение русских предпринимателей в Финляндии

Меркантилистские принципы шведского общества, во многих аспектах ограничивавшие свободу торговли, постепенно сходили на нет в течение XIX столетия. С другой стороны, в это время были введены некоторые новые регулирующие правила, развитие которых ускорилось после обретения независимости Финляндии.

Меркантилистские принципы требовали определенных доказательств наличия профессиональных навыков и/или благосостояния для открытия бизнеса[6]. С введением статутов о свободе торговли (1859, 1868 и 1869 гг.) требования к квалификации коммерсантов были снижены, но были введены новые ограничения по национальному признаку. Основными законодательными мерами, касавшимися иностранцев или русских, были следующие:

— 1832 г. — права бюргеров (купцов, ремесленников) были закреплены лишь за финскими гражданами;

— 1851 г. — любой иностранец, кроме русского дворянина, мог приобрести недвижимость в Финляндии лишь с разрешения Сената;

— 1883 г. — для проведения горно-рудных разработок иностранцам стало необходимо получить лицензию;

— 1886 г. — банковское дело стало прерогативой лишь финских граждан;

— 1891 г. — расширение прав иностранцев: подданные России, кроме евреев, получили право приобретать недвижимость без разрешения финских властей, если они имели право приобретать недвижимость в России;

— 1895 г. — введено правило, согласно которому в компаниях с ограниченной ответственностью большинство членов правления должны были быть финнами;

— 1919 г. — установлено, что иностранцы должны были получать от губернаторов разрешения на занятие торговлей или профессиональной деятельностью; требовались гарантии налоговой платежеспособности;

— 1920 г. — иностранцы потеряли право приобретать недвижимость в провинции Выборг;

— 1939 г. — иностранцам и компаниям с ограниченной ответственностью, более $^1/_5$ активов которых принадлежало иностранцам (т. н. «опасные компании»), было вменено в обязанность получать разрешение на приобретение недвижимости в Финляндии от правительства (это правило оставалось в силе до 1993 г., т. е. практически до вступления Финляндии в Европейский Союз).

Многие иностранные предприниматели обходили налагаемые на них ограничения, принимая финское гражданство. Есть примеры, когда иностранцы становились финскими подданными одновременно с началом своей экономической деятельности (например, торговцы Стокманн и Паулиг). С другой стороны, иногда сложно решить, как мы должны рассматривать натурализованных предпринимателей с иностранными корнями. Таковых было особенно много в юго-восточных областях Финляндии, которые были присоединены к России по мирным договорам 1721 и 1743 гг. и возвращены в состав Великого княжества Финляндского в 1812 г. Например, в Выборге как многочисленные русские, так и немцы занимали ведущие административно-экономические позиции до 1880-х гг.[7]

Мы не знаем количества российских подданных, проживавших в Финляндии в рассматриваемый период, но демографическая статистика показывает, что число людей, признававших русский язык в качестве родного, выросло с 4000 до 7300 чел. в 1865—1910 гг., что составляло около 0,2% всего населения[8].

Развитие экономики и промышленности в Финляндии

В середине XIX в. Финляндия была бедной, отсталой аграрной страной с очень небольшим промышленным и торговым сектором. Начиная с 1840-х гг. мы видим некоторые благоприятные изменения в экономике, которые позднее привели к индустриализации. Вытеснение с рынка шведских денег и окончательное принятие российской денежной системы, а начиная с 1860-х гг. — внедрение финских денег, а также снижение таможенных пошлин в 1840-е гг. стали, возможно, решающими факторами, запустившими механизм экономического роста.

В 1845—1938 гг. темпы роста обрабатывающей промышленности были очень высокими (5,2% в год), увеличивалась и ее доля в ВВП, а в ней самой происходили серьезные структурные изменения (Таблица 1). Текстильная промышленность, предвестник со-

временной механизированной индустрии, находилась в упадке, так же как и горное дело и металлургия. Лесопильная промышленность вставала на ноги в течение XIX в., но, несмотря на ее быстрый рост, в 1930-е гг. ее опередила целлюлозно-бумажная промышленность и другие отрасли. С 1860 по 1938 гг. ВВП ежегодно возрастал на 2,7%, а в расчете на душу населения — на 1,7% в год[9].

Таблица 1

Структура финской промышленности, объем промышленного производства и доля промышленности в ВВП (в %), 1860—1939 гг.

	1860—1864	1900—1904	1935—1939
Производство продуктов питания, табачных изделий и напитков	14	17	14
Текстильная, швейная, обувная и кожевенная промышленность	27	18	14
Лесопильная и деревообрабатывающая промышленность	12	20	13
Целлюлозно-бумажная промышленность	2	9	15
Горное дело, металлургия и производство средств передвижения	33	22	21
Прочие отрасли	12	14	23
Всего	100	100	100
Объем производства, 1926=100	5	37	201
Доля промышленности в ВВП, %	8,1	16,1	23,5

Источники: Heikkinen S., Hjerppe R. Suomen teollisuus ja tiollinen käsityo 1860—1913 // Bank of Finland publications, Studies on Finland's Economic Growtn XII. Helsinki, 1986. Appendix tables; Hjerppe R. et al. Suomen teollisuus ja teollinen käsityö 1900—1965 // Bank of Finland publications, Studies on Finland's Economic Growth VII. Helsinki, 1976. Appendix tables; Hjerppe R. The Jinnish Economy 1860—1985. Erowth and Structural Change: Industry and Industrial Hand icraft in Finland, 1860—1913 // Ibid. Helsinki, 1989.

Русские предприниматели в финской лесопильной промышленности

Лесопильная промышленность была одной из тех отраслей, где русские предприниматели играли довольно существенную роль. Когда в 1812 г. Старая Финляндия была воссоединена с Финляндией, на территории первой существовало несколько промышленных предприятий, принадлежавших русским помещикам. Это были преимущественно лесопильные заводы, использовавшие водяную энергию, а также чугунолитейные заводы и шахты. После 1812 г. русские также продолжали активно приобретать лесопильные заводы в Восточной Финляндии.

Графиня Анна Орлова-Чесменская, хозяйка поместья Сальми-Суоярви, владела в 1820-е гг. 13 лесопилками, являясь, таким образом, крупнейшим собственником в этой отрасли в Финляндии. Она продала свои предприятия Федулу и Сергею Громовым, предпринимателям из Петербурга. Громовы владели и другими предприятиями: несколькими лесопилками в русской Карелии, а также торговой фирмой. Наследник Федула Громова Василий Громов продал имение Сальми-Суоярви с лесопилками в 1856 г. Горному департаменту Министерства финансов Российской империи. К этому времени лесопилки Громовых были постепенно закрыты, кроме одной, перешедшей в финскую собственность в 1860 г.[10] Русские купцы из Выборга Тимофей Тичанов, Петр Чусов и Ефим Никифоров были одними из первых активных основателей и покупателей лесопилок. Вместе они владели девятью лесопилками в провинции Сайма в 1820-е гг. Впоследствии они открыли еще несколько предприятий в этом районе[11].

До 1860 г. в Финляндии деятельность лесопильных предприятий регулировалась жесткими ежегодными квотами на вырубку леса. По-видимому, правительство Финляндии выделяло очень высокие квоты, свободные от налогов, в Старой Финляндии, где они были больше, чем где-либо по стране. Когда лесопилки Громовых были обложены налогами в 1837 г., они начали вывозить лес с финской стороны на свои лесопилки в России, поскольку в Олонецкой губернии налоги были ниже[12]. Освобождение от налогов, возможно, способствовало активному открытию лесопильных заводов в Старой Финляндии в период непосредственно после присоединения Финляндии к России.

Расцвет русских лесопильных предприятий пришелся на 1830—1840-е гг. К концу 1850-х гг. этот вид бизнеса стал клониться к упадку. В 1835 г. русским принадлежало 8 лесопилок из 35, в 1855 г. — 7—9 из 43. Владельцами их являлись прежде всего торговые дома, ориентированные на экспортную торговлю. На этих предприятиях была занята четверть всех рабочих отрасли[13]. Многие лесопилки были проданы финскому консорциуму «Хакман и К°» («Hackman & Co») и фирмам «Йохан Колиис» («Johan Koliis») или «Пауль Валь и К°» («Paul Wahl & Co») в 1850-е гг.[14] Некоторые из них просто прекратили свое существование, например, сгорели. Двое предпринимателей, Тичанов и Чусов, получили финское гражданство. В начале 1850-х гг. действовали 6 русских лесопилок, в 1860 г. — возможно, одна или две. Об одной из них нам известно наверняка. Это был русско-британский лесопильный завод «Сахансаари» в Оулу, перестроенный компанией «Ebeling & Albers» в 1859 г. В 1871 г. он был продан финской компании «Bergbom»[15].

Другие русские предприниматели занялись созданием паровых лесопилок после отмены ограничений на лесозаготовки в 1860 г., но число таких предприятий было незначительным. Мы знаем лишь о нескольких российских паровых лесопилках помимо «Сахансаари», а именно о предприятиях «Хасанниеми» в Йоэнсу

(1861—1875 гг.), «Нурмисаари» (1871—1917 гг.) и «Импилахти» (1893—1917 гг.). Последние два принадлежали компании «Громов и К°» и были проданы норвежской компании «Diesen Wood Co» в 1917 г. Федор Сергеев вместе с К.Росениусом (C.Rosenius) владел лесопилкой «Пёллякяля» в 1890—1893 гг. Лесопильное заведение «Райвола», принадлежавшее Илье Галкину, и паровая лесопилка «Райвола», основанная в 1898 г. и принадлежавшая петербургскому торговому дому «Роберт Петц» («Robert Paetz»), были, по данным Й.Авенайнена, среднего размера предприятиями[16].

Не сомнений, что русские сравнительно быстро осознали выгоды открытия лесопильных заводов в Восточной Финляндии. Остается, впрочем, непонятным, почему эти предприятия пришли в упадок, когда на рубеже 1860-х гг. ограничения на лесозаготовки, наконец, были отменены, а с 1870 г. в Западной Европе значительно вырос спрос на обработанную древесину.

Во всей Финляндии во второй половине XIX в. было немного лесопилок, принадлежавших иностранцам. По расчетам К.Хоффмана, количество основанных в 1870—1900 гг. лесопилок, принадлежавших иностранцам, было 11. В 1885 г. действовало 5 иностранных лесопильных предприятий из общего их числа 63 (с объемом годового производства свыше 1000 куб. м древесины), которые производили 16% обработанной древесины[17]. Некоторые из них являлись весьма крупными и современными.

Русские предприниматели в финской металлургии и горном деле

Позиции русских в Финляндии до 1918 г. были наиболее прочными в металлургии и горном деле. Согласно Эверту Лайне, в период нахождения Финляндии в составе Российской империи 12 горнодобывающих и металлургических компаний принадлежали русским владельцам. Среди этих предприятий были:

чугунолитейный завод «Райвола», действовал в 1800—1874 гг., продан финскому правительству в 1882 г.;

сталелитейный завод «Пейппола», малое предприятие, действовал в 1830—1840-е гг.;

чугунолитейный завод «Херайоки», ок. 1810—1840, масштаб деятельности небольшой;

чугунолитейный и лесопильный завод «Св. Анна», 1814—1905 гг.;

чугунолитейный завод «Сумпула», затем небольшой литейный цех и машиностроительный завод, 1827—1897 гг.;

медные и оловянные шахты, литейный цех и чугунолитейный завод в Питкяранте, начало деятельности в 1810-е гг., широкомасштабная деятельность в 1840-е—1860-е гг. и в 1880-е—1903 гг., также некоторые мелкие шахты, бутылочная фабрика и фабрика по производству красной охры;

чугунолитейный завод «Юнтедас», 1858—1900 гг.;

чугунолитейные заводы «Хутокоски», «Хаапакоски» и «Орави» Николая Путилова, 1857—1879 гг.;

шахта и чугунолитейный завод «Лупикко», 1866—1903 гг., в 1860—1861 и 1888—1904 гг. был связан с заводами в Питкяранте;

чугунолитейный завод «Карттула», 1867—1907 гг.;

фабрика «Выборг—Перо» по производству гвоздей с 1862 г., с 1873 г. — частично в русской собственности; действовала как минимум до 1908 г.;

небольшой чугунолитейный завод в Панкакоски, принадлежал фабрике «Выборг—Перо» в 1885—1891 гг.

Шесть из этих компаний вели активную производственную деятельность на протяжении значительного периода времени. Как мы видим, интересы некоторых из них выходили за рамки металлургии; например, им принадлежали небольшие мукомольные предприятия и лесопилки преимущественно местного значения, а также крупная бутылочная фабрика (см. ниже) и фабрика по производству красной охры. (В Приложении дана краткая справка об этих шести предприятиях и основных этапах их развития.) Русские были наиболее важной группой среди иностранных собственников в металлургии и горном деле.

Судьбы компаний оказались различными, но можно выделить некоторые общие черты. Практически все они приобретались для снабжения железом машиностроительных и оборонных заводов, преимущественно в Петербурге, а также в районе Петрозаводска. Железо, производимое из местной озерной и болотной руды, было хорошим сырьем для отливки орудий. Десять из 18 финских чугунолитейных заводов, перерабатывавших озерную и болотную руду, находились во владении русских. Некоторые из них также перерабатывали чугун, импортируемый из Швеции[18]. Фабрика «Выборг—Перо» по выделке гвоздей была единственным значительным предприятием по производству металлоизделий. Остальные производили сырой металл, прежде всего предназначенный для дальнейшей обработки, и отправляли его в Россию.

Русские владельцы металлургических и горно-рудных предприятий относились к трем разным группам. Во-первых, это было русское правительство в лице либо Олонецкого горно-заводского округа, либо Артиллерийского департамента Военного министерства, отвечавших за чугунолитейное производство и горное дело («Райвола», «Св. Анна»); во-вторых, русские дворяне, владевшие поместьями в Старой Финляндии, которые также пытались разрабатывать природные ресурсы региона («Питкяранта», «Св. Анна», «Юанкоски», «Сумпула»). Предприятия «Питкяранта» и «Св. Анна», основанные дворянами, не были ни прибыльными, ни долговременными. «Сумпула» принадлежала семье Фок с 1828 по 1897 гг., когда ее деятельность прекратилась, а «Юанкоски» сравнительно долгий период (1848—1900 гг.) принадлежала Пономаревым. Третьей группой собственников были русские купцы и промышленники. Некоторые из них действовали в одиночку, некоторые создавали компании (Громовы, Николай Путилов,

«Э.М.Мейер и К°», Ладожская компания, владельцы «Карттула»; см. Приложение). Эти предприниматели часто имели другие экономические интересы в Петербурге и окрестных русских и карело-финских районах. Иногда некоторые иностранные предприниматели, жившие в Петербурге, на какое-то время становились владельцами чугунолитейных заводов. Торговый дом «Э.М.Мейер и К°» имел трех партнеров из Великобритании, Германии и России. В основе своей это был банкирский дом, но с диверсифицированной сферой экономических интересов. Из-за долгов «Райвола», «Питкяранта» и «Лупикко» перешли в собственность «Э.М.Мейер и К°» на более или менее длительное время.

Первые попытки русских предпринимателей обосноваться в финской металлургии оказались неудачными, но в 1850—1860-е гг. бизнес стал приносить плоды. Этому, а также развитию финской металлургии в целом способствовали несколько факторов: во-первых, открытие канала Сайма в 1856 г., который облегчил доставку грузов из Восточной Финляндии к Финскому заливу; во-вторых, ослабление в 1857 г. унаследованных от Швеции ограничений на экспорт железа; в-третьих, внедрение процесса пудлингования, что стало эпохальным нововведением в обработке озерного и болотного сыродутного железа. Углерод и излишки фосфора теперь можно было удалить из руды, а полученную таким образом сталь использовать для производства орудий и боеприпасов. Наконец, новый таможенный тариф 1859 г. отменил большинство пошлин на экспорт из Финляндии в Россию, или экспортные квоты были значительно увеличены. Впрочем, и ранее ряд товаров был освобожден от пошлин, или устанавливались квоты для отдельных товаров или компаний[19]. Кроме периода 18571877 гг., русские импортные пошлины были выше финских. Это побуждало предпринимателей импортировать сырье из-за границы в Финляндию, обрабатывать его и экспортировать в Россию готовые изделия беспошлинно[20].

Этот бум продолжался до начала 1870-х гг., но технологический и транспортный прогресс снова изменил ход событий. Внедрение бессемеровского способа производства стали с 1850-х гг. и мартеновского метода с 1870-х гг. дало определенное преимущество крупному чугуно- и сталелитейному производству, долгое время неосуществимому в Финляндии. Это был удар по конкурентоспособности финской металлургии. Развитие транспорта и технологии дало России возможность расширить собственное производство железа в южном районе (Донбасс), что еще сильнее ослабило конкурентоспособность финского железа в России. Небольшие финские чугунолитейные предприятия были обречены на поражение: они основывались на старых производственных методах и в основном использовали древесный уголь[21].

Мы можем прояснить значение принадлежавших русским предприятий для определенных лет, хотя имеющиеся данные носят отрывочный характер (см. Таблицу 2). В 1872 г. доля русских предпринимателей в производстве чугуна была достаточно высокой. Часть чугуна затем перерабатывалась на тех же заводах,

часть продавалась на сторону. Доля принадлежащего русским производства железа в слитках, выработанного из озерной и болотной руды, также была очень высокой[22]. После того как деятельность чугунолитейных заводов «Райвола» и Путилова была прекращена, доля русских предприятий в производстве чугуна значительно упала, а их удельный вес в производстве железа в слитках стал незначительным в конце 1870-х гг. Производство литых и кованых металлических изделий было исключением. Только «Юанкоски», «Панкакоски» и «Перо» время от времени занимались их выпуском.

Экспорт железа являлся важной статьей финской торговли с Россией на протяжении большей части периода до 1918 г. Около $^2/_3$ всего произведенного в Финляндии чугуна и половина железа в слитках вывозились из страны, причем Россия в 1860—1884 гг. являлась основным импортером. Это означает, что в 1860—1870-х гг. значительная доля чугуна и железа производилась русскими. К 1880 г. более заметная часть экспорта находилась в руках финнов. К концу периода автономии состав экспорта изменился в пользу готовых изделий, а не сырого металла[23].

Таблица 2

Доля русских фирм в производстве чугуна и железа в слитках в Финляндии, 1872 и 1880 гг. (%)

	Чугун из озерной и болотной руды	Чугун (все виды)	Железо в слитках, произведенное из озерной и болотной руды	Железо в слитках (все виды)
1872	83	55	72	33
1880	40	23	13	3

Источник: Laine E. Suomen vuoritoimi 1809—1884. II Kuukit // Historiallisia tutkimuksia XXXI, 2. Helsinki, 1948. P. 726—741. Как правило, чугун использовался для изготовления готовых изделий методом литья или перерабатывался в железо в слитках.

С 1870-х гг. участие русских в металлургии заметно снизилось. В 1890 г. доля русских в добывающей и металлургической промышленности составляла 6,5% от суммы годового производства. К тому времени действовали 6 предприятий, принадлежавших русским предпринимателям. В 1908 г. осталось лишь фабрика «Перо» по производству гвоздей, а доля русских фирм в горно-добывающей промышленности и металлургии упала до 1%.

За 1860—1913 гг. объем производства горно-добывающей и металлургической промышленности Финляндии вырос в 10 раз, увеличиваясь в среднем на 4,4% в год[24]. Одновременно произошли глубокие структурные изменения в отрасли (см. Таблицу 3). Снизилась доля горно-рудной промышленности, хотя в абсолютных измерениях объем добычи возрос. Чугун и железо в слитках утра-

тили лидирующие позиции, причем сократился даже абсолютный объем производства. Производство изделий из металла за тот же период, напротив, увеличилось в 15 раз, а объем машиностроительной продукции и выпуск стальных судов — по меньшей мере в 40 раз. В 1913 г. на машиностроение приходилось около $^2/_3$ суммы производства отраслей тяжелой промышленности.

В этих структурных изменениях отразилась окончательная сдача позиций древесноугольной металлургии по сравнению с новыми чугунолитейными заводами в России, Центральной и Восточной Европе, работающими на коксе. Взамен в Финляндии получило развитие сравнительно крупное машиностроение и судостроение, а также производство металлоизделий, основанное на импортном железе. Продукция этих отраслей реализовывалась в Финляндии и России.

Таблица 3

Структура производства горно-добывающей и металлургической промышленности Финляндии по добавленной стоимости (в тыс. финских марок, текущие цены), 1860—1913 гг.

	Добыча руды	Производство чугуна	Производство железа в слитках	Металлоизделия	Машиностроение, стальные суда	Всего
Добавленная стоимость						
1860	876	1220	1197	975	892	5160
1872	899	1281	2532	1254	2766	8732
1890	1298	663	2245	3514	9057	16777
1908	3438	143	1950	12404	21758	39693
1913	4520	248	2844	14022	33786	55420
Процентная доля						
1860	17,0	23,6	23,2	18,9	17,3	100,0
1872	10,3	14,7	29,0	14,4	31,7	100,0
1890	7,7	4,0	13,4	20,9	54,0	100,0
1908	8,7	0,4	4,9	31,2	54,8	100,0
1913	8,2	0,4	5,1	25,3	61,0	100,0

Источник: Heikkinen S., Hjerppe R. Op. cit. P. 105.

Российские предприниматели остались в стороне от этого процесса. Их деятельность прекратилась с закрытием заводов по переработке финской озерной и болотной руды. Они не приняли участие ни в создании машиностроения, ни в зарождении электротехнической промышленности Финляндии. Машиностроительная отрасль получила развитие в самой России, вследствие чего русские товары конкурировали с финскими.

Прочие русские промышленные компании в Финляндии

В Восточной Финляндии существовало также несколько принадлежавших русским стекольных заводов, некоторые из которых были основаны еще до 1809 г. в Старой Финляндии. Они были ориентированы на рынок Петербурга, выпуская оконное стекло, бутылки и товары повседневного спроса. Оконное стекло изготавливалось этими заводами из чистого кварцевого песка Ладожского озера, что обеспечивало высокую прозрачность стекла. Стеклодувы и квалифицированные рабочие приезжали в основном из Германии, иногда из Швеции. Остальные рабочие были либо финнами, либо русскими. Финские стекольные заводы оставались большей частью мелкими, производили простое оконное стекло, бутылки и бытовые стеклянные изделия.

Два стекольных завода — «Лейстиля» (1801—1865 гг.) и «Яппиля» (1802—1846 гг.) в Усикиркко близ российской границы — были основаны русскими стеклодувами. В 1840-е гг. они оба перешли к Йозефу Шультису и благодаря успешной работе заняли 23-ю строчку в списке ведущих компаний Финляндии. Заводы не отличались широкомасштабным производством ввиду недостатка древесного топлива, хотя перспективы сбыта продукции в районе Петербурга были благоприятными[25].

Крупнейшим русским стеклодельным предприятием был завод «Роккала» (1788—1920) и родственные фабрики «Куккола» (1772—1822) и «Кирккониеми» (1892—1926) (последняя была крупным производителем зеркального и оконного стекла). В 1811—1860 гг. «Роккала» принадлежала русскому правительству, находясь в ведении Министерства Императорского двора и уделов. «Роккала» являлась единственной в России фабрикой по производству зеркал, и ее монопольное положение охранялось высокими таможенными пошлинами. В 1844 г. «Роккала» была третьим по величине финским предприятием по числу рабочих. После 1860 г. она находилась в собственности разных частных владельцев, некоторые из которых были немецкого происхождения. Деятельность предприятия в 1860—1875 гг. протекала вяло, но затем наметился подъем[26].

В 1887 г. владелец медных и оловянных рудников и литейного завода в Питкяранте компания «Э.М.Мейер и К°» основала там и бутылочную фабрику (1887—1899). Предприятие быстро набрало обороты и производило до 10 млн бутылок в год для российского рынка. Кроме этих двух предприятий, в отрасли с разным успехом действовало еще несколько мелких русских фирм[27].

Изменение условий конкуренции и таможенного налогообложения придавало деятельности стекольных заводов весьма неустойчивый характер. В 1885 г. таможенные пошлины закрыли дорогу на российский рынок финскому оконному, зеркальному, а также полированному стеклу. В 1897 г. та же участь постигла и бутылочное производство. Производство бутылок в Питкяранте прекратилось в 1899 г. «Роккала» и «Кирккониеми» располагали

особыми привилегиями беспошлинного экспорта и смогли продержаться до Первой мировой войны. Во время войны фабрики «Роккала» и «Кирккониеми» перешли к финским владельцам, но из-за жесткой конкуренции в 1920-е гг. прекратили производство[28].

В производстве керамических изделий две фабрики в Восточной Финляндии, «Суотниеми» и «Рокколанёки», находившиеся в 1860—1870-х гг. в русской собственности, сбывали продукцию в районе Петербурга[29].

Хлопчатобумажная фабрика «Финлейсон и К°» («Finlayson & Co») в Тампере перешла к российским владельцам в 1836 г. Ее собственниками стали два купца из Петербурга, Карл Самуэль Ноттбек (Nottbeck) и Георг Адольф Раух (Rauch). Фабрика была основана в 1820 г. как предприятие по производству текстильных станков шотландцем Джеймсом Финлейсоном, который рассчитывал сбывать продукцию на российском рынке; но после отмены запрета на вывоз текстильного оборудования из Великобритании его планам не суждено было сбыться. Новые российские владельцы расширили хлопчатобумажную фабрику, превратив ее в крупнейшее предприятие Скандинавии. Эта фабрика также была ориентирована на российский рынок. Она имела право беспошлинно реализовывать свою продукцию в России, а также беспошлинно импортировать оборудование и сырье, поскольку Тампере были дарованы особые таможенные привилегии. Даже после введения нового российского тарифа 1885 г. компания сохранила беспошлинные квоты, но со временем переориентировалась на финский рынок. Те из российских владельцев, которые переселились в Финляндию, постепенно приобретали финское гражданство, но до 1930-х гг. половина акций компании оставалась в собственности наследников Ноттбека и Рауха, живших в разных концах Европы[30]. «Финлейсон и К°» являлась крупнейшей финской промышленной компанией по количеству занятых на ней рабочих в 1844—1913 гг., и до 1930-х гг. входила по этому показателю в первую пятерку финских предприятий[31].

Русский купец Николай Синебрюхов являлся единственным пивоваром в Хельсинки с 1829 г. до 1850-х гг., когда в Финляндии начался бум баварского пивоварения. Пивоваренное предприятие Синебрюхова весьма разрослось за годы своей монополии, став 27-й по размеру промышленной компанией в 1860 г. и 26-й — в 1890 г. Наследники предпринимателя постепенно приобретали финское гражданство. Пивоварня продолжала оставаться одним из крупнейших предприятий Финляндии (сейчас она принадлежит датским собственникам)[32].

В финской сахарной промышленности, работавшей на привозном сырье, российские предприниматели заняли прочное положение, приобретя в 1812 г. две сахарорафинадные фабрики, одну в Турку, владелец К.Р.Ломан (Lohman), позднее — Г.Е.Пихлау (Pychlau), а другую в Хельсинки (Федор Киселев). Они пользовались привилегией беспошлинного сбыта продукции на российском

рынке, в то время как импорт сахара из других стран был запрещен. В 1822 г., однако, беспошлинный экспорт сахара и сахарного сиропа из Финляндии в Россию был прекращен. Фабрика в Турку закрылась в 1824 г. Фабрика в Хельсинки уцелела, она являлась крупнейшей в Финляндии и оставалась во владении семьи Киселевых до 1869 г., когда была реорганизована в акционерную компанию, совладельцами которой стали еще несколько предпринимателей, помимо Киселевых[33].

Все табачные фабрики в Выборге в 1870-е гг. находились в собственности российских подданных. Всего их насчитывалось 12, но большинство вело операции лишь недолгое время (число одновременно действовавших предприятий не превышало шести). Причинами являлись доступность российского сырья и конкуренция со стороны развитой российской табачной индустрии. Фабрика Сергеева, основанная в 1873 г., была крупнейшей и действовала наиболее продолжительное время[34]. В 1912—1913 гг. табачная и мыловаренная фабрика Сергеева входила в число 20 крупнейших промышленных предприятий Финляндии; в межвоенный период она продолжала работать. Ее владелец Федор Сергеев в 1894 г. приобрел также небольшую пивоварню, винокуренный и машиностроительный заводы, но оставил лишь пивоваренное производство. Предприятия Сергеева занимали важное положение в Выборге до 1930-х гг.[35]

Мы можем привести один пример, когда участие русских и других иностранных инвесторов было отклонено финнами. С 1890-х гг. и до 1917 г. велась продолжительная борьба по поводу использования гидроэнергетических ресурсов реки Вуокса. Были созданы несколько консорциумов с участием российских и других иностранных предпринимателей с целью обеспечить Петербург электроэнергией за счет строительства электростанции на порогах Вуоксы. Эти консорциумы постепенно скупили землю по берегам реки, так что $^2/_3$ их площади оказалось в собственности иностранцев. В этих условиях финский Сенат систематически отвечал отказом на предложения о строительстве гидроэлектростанции. Механизм отказа был достаточно сложным: заявления направлялись на рассмотрение различных комитетов, изучавших технологическую и экологическую осуществимость проектов. По мнению Тимо Мюллентауса, в этой истории явно прослеживается националистическая идея сохранения природных ресурсов в руках финнов[36]. В 1919 г. была запрещена передача за границу электроэнергии, вырабатываемой финскими ГЭС.

Крупные русские промышленные предприятия в Финляндии

Для более детального представления о позициях русских компаний в Финляндии рассмотрим группу крупнейших промышленных предприятий. Они выделены нами по числу занятых, что, строго говоря, не является идеальным показателем масштаба дея-

тельности компаний, но это единственный последовательно реконструируемый показатель для раннего периода[37].

В 1844 г. из 30 крупнейших компаний Финляндии 6 принадлежали русским (цифры в скобках обозначают место предприятия в этом рейтинге): хлопчатобумажная фабрика «Финлейсон и К°» (1), фабрика зеркального стекла «Роккала» (3), чугунолитейный завод «Св. Анна»[38] (5), стекольные заводы «Лейстиля» и «Яппиля» (23), шахта и литейный завод в Питкяранте (26), чугунолитейный завод «Сумпула» (27).

В 1860—1862 гг. крупнейшими российскими компаниями Финляндии были (цифры в скобках обозначают место предприятия в этом рейтинге): «Финлейсон и К°» (1), шахта и литейный завод в Питкяранте (2), чугунолитейные заводы «Хутокоски» и «Хаапакоски», принадлежащие Путилову (15), чугунолитейный завод «Св. Анна» (26), пивоваренный завод Синебрюхова (27).

В 1890—1891 гг. в число 30 ведущих промышленных компаний Финляндии входили следующие компании, принадлежавшие российским подданным (цифры в скобках обозначают место предприятия в рейтинге): «Финлейсон и К°» (1); «Э.М.Мейер и К°» (рудники, стекольный завод и фабрика по производству красной охры в Питкяранте) (16).

Пивоварня Синебрюхова занимала 26 место, но не вполне ясно, должна ли она по-прежнему считаться русским предприятием, так как семья приобрела финское гражданство.

В 1912—1913 гг. «Финлейсон и К°» еще оставалась на первом месте, а табачная и мыловаренная фабрика Сергеева в Выборге занимала 20-ю строчку рейтинга.

Мы видим, что в руках русских в 1840-е гг. находилась 20% от числа крупнейших промышленных компаний Финляндии. Это явно отражает значимость позиций русского предпринимательства в финской экономике. Впечатляет и цифра 5 из 30 на рубеже 1860-х гг. К 1890-м гг. этот показатель снизился до 2—3, а затем до 2 в начале 1910-х гг. Как явствует из предыдущих разделов, российские предприниматели преобладали в металлургии, и это наблюдение подтверждается данными списка крупнейших компаний. Около половины из них являлись чугунолитейными и железоделательными, но число этих предприятий снизилось в связи с кризисом древесно-угольной металлургии. Остальные крупные русские компании были заняты в основном производством потребительских товаров или функционировали в смежных отраслях. Как отмечалось, русские не были вовлечены в новую финскую лесопильную промышленность, как и в целлюлозно-бумажную и электротехническую отрасли.

Крупные русские компании заметно выделялись среди прочих промышленных предприятий в 1840-е и 1860-е гг. Единственной значимой иностранной компанией в этой группе был машиностроительный завод «Эрикссон и Коуи» («Ericsson & Cowie») в Турку, основанный шведом Андерсом Эрикссоном и шотландцем Дэвидом Коуи. В 1860 г. к числу ведущих предприятий Финлян-

дии присоединились еще три шведские компании: хлопчатобумажные фабрики «Джон Баркер и К°» («John Barker & Co»») и «Форса» («Forssa»), основатель которой Аксель Варен (Wahren) был шведом, но его партнерами в фирме являлись финны, а также спичечная фабрика «Пори» Хампуса Ольденбурга (Oldenburg).

К 1890 г. состав группы вновь изменился за счет двух иностранных лесопильных заведений — норвежской «Гутцайт и К°» («Gutzeit & Co») и шведской «Рафсо онгсог» («Räfsö ångsåg») — и машиностроительного завода британской фирмы «Кричтон и К°» («Crichton & Co»), бывшего «Эрикссон и Коуи». В 1912—1913 гг. к иностранным компаниям в Финляндии, помимо «Финлейсон и К°» и фирмы Сергеева, относились также три крупных норвежских деревообрабатывающих предприятия — «Гутцайт и К°», целлюлозно-бумажная фабрика «Энсо» («Enso») (лесопильные заводы, производство целлюлозной массы и бумаги; предприятие контролировалось фирмой «Гутцайт и К°», но юридически было самостоятельным) и катушечная фабрика «Аб Торнатор» («Ab Tornator»). В 1927 г. в список крупных иностранных компаний входили тот же «Финлейсон и К°» и две норвежские лесопильные фирмы — «Сернес» («Sörnäs») и «Дизен Вуд» («Diesen Wood»)[39]. В 1938 г. не только русские, но и прочие иностранные фирмы почти полностью исчезли из списка ведущих компаний; остались всего две — «Финлейсон и К°», к тому времени по составу акционеров наполовину финская, наполовину иностранная, и «ОИ Стремберг Аб» («OY Strömberg Ab»), большинством акций которой владели компании «ACEA» («ASEA») и «Браун, Бовери и К°» («Brown, Boweri & Co»).

Русские коммерсанты и владельцы торговых заведений

Многие русские мелкие и средние коммерсанты переселились в Финляндию для занятий торговлей. Особенно много их было в Хельсинки, где они изначально занимались снабжением русской армии. Русские лавочники обосновались также в городах Восточной Финляндии и в гарнизонных пунктах, таких как Хяменлинна. В других городах их было совсем немного. Открытие лавок не разрешалось в сельской местности до 1859 г., ограниченная торговля продуктами питания была разрешена в Финляндии с 1840-х гг.[40]

Поставщики русской армии имели право доставлять войскам все необходимое. Остальные торговцы и лавочники для занятия торговлей должны были получить статус горожанина (бюргерские права). Особое положение снабженцев русской армии вызывало критику, хотя им не разрешалось открывать обычные магазины. Тем не менее они могли получить бюргерские права от городской администрации, и постепенно многие превратились в обычных лавочников и мелких торговцев. На протяжении периода 1832—1851 гг. с этой целью они должны были приобрести финское гражданство[41]. После принятия законов 1868 и 1879 гг. о свободе торговли стало возможным заниматься коммерцией, просто известив город-

скую администрацию об открытии торговой фирмы. Однако иностранцы, кроме русских дворян, а с 1891 г. также всех остальных российских подданных, должны были получить специальное разрешение.

В Хельсинки русских торговцев, имевших бюргерские права, в 1850—1879 гг. насчитывалось 55—58 человек. Это составляло в 1850 г. 40%, а в 1879 г. — около $^1/_4$ всех торговцев, т.е. довольно значительную долю. Русских было сравнительно много (около половины) среди бакалейщиков, поскольку многие русские лавочники начинали как торговцы колониальным товаром (импортной бакалеей и деликатесами). Приведенные цифры, однако, задают верхний предел оценок. В 1879 г. в Хельсинки было зарегистрировано 58 торговцев, имевших бюргерские права, в то время как уплачивали налоги всего 21. Остальные либо бездействовали, либо получали слишком мало прибыли, чтобы уплачивать налоги. Количество других иностранцев, получивших право на занятие торговлей, в 1879 г. не превышало 40 человек. Они приезжали в Финляндию из Швеции или Германии, некоторые немцы — через Таллинн[42].

Кроме пивоваров Синебрюховых, некоторые другие семьи коммерсантов также имели интересы вне сферы розничной торговли. Семья Киселевых, купцов в нескольких поколениях, как уже отмечалось, в 1812 г. приобрела сахарорафинадную фабрику, которую они в 1859 г. вместе с финскими партнерами реорганизовали в акционерную компанию. В 1860 г. Киселевы основали газовый завод в Хельсинки[43].

В ряде восточных городов Финляндии доля русских торговцев и лавочников также была велика. К 1809 г. Старая Финляндия находилась в составе Российской империи уже 70—90 лет, и потому в Выборге, например, в 1810-е гг. предпринимательская сфера почти полностью находилось в руках русских и немцев. В 1850 г. около половины городских коммерсантов являлись российскими подданными, а в 1872 г. — около $^2/_3$. Пять из шести торговцев в Кякисальми в 1850 г. были русскими, а в 1872 г. лишь 1 из 17 был здесь финном. В Хамине их доля составляла более четверти в 1850 г. и более трети в 1872 г. Многие из русских купцов в Выборге помимо торговли занимались и другими видами предпринимательства. Они владели значительным количеством судов, как единолично, так и через совместные компании. Они занимались экспортом леса, соли и многих других товаров, владели лесопильными заводами, являлись акционерами иных промышленных компаний[44].

В последние десятилетия XIX в. произошли значительные изменения, связанные с усилением позиций финнов в группе крупных торговцев Выборга и других городов Восточной Финляндии. Всего за несколько десятилетий финские торговцы стали здесь доминировать, а, кроме того, многие русские и другие иностранные семьи приобрели финское подданство[45].

В сельской местности русские мелкие торговцы-разносчики стали значительной группой. Разносчики были не только русскими по происхождению, но, вследствие изначально большого удельного веса в этой сфере торговли русских, в основном выходцев из Карелии, всех разносчиков стали называть «русскими». Согласно Аланену, количество разносчиков росло до конца XIX в.; неизвестно, правда, увеличилась ли среди них доля русских. Русские разносчики широко действовали в стране; например, на западном побережье Ботнического залива русский по происхождению сельский торговец содержал действовавших в округе разносчиков, обеспечивая их товарами и лошадьми. Некоторые из разносчиков сами становились сельскими торговцами[46]. Ясно, что русские лавочники имели большее значение в Восточной Финляндии, но осветить этот вопрос более детально в данной работе не представляется возможным. В конце XIX — начале XX в. на Карельском перешейке и в Восточной Финляндии существовало множество русских дачных поселков. По имеющимся данным, в 1908 г. 5500 дач или ферм в этом районе принадлежали иностранцам, а русских, проводивших здесь лето, насчитывалось ежегодно не менее 100 тыс. человек[47].

Русские страховые компании в Финляндии

Русские страховые компании, насколько можно судить, весьма активно осваивали финский рынок. Тойво Ринне полагает, что русские и немецкие страховые компании действовали здесь с 1820-х гг. и принесли новые идеи на финский рынок страховых услуг[48]. Страховые компании до 1890-х гг. не были обязаны публиковать отчеты о своей деятельности, и, соответственно, о масштабе их операций известно немногое. Ринне считает, что в 1850-е гг. в Финляндии появилось столь много иностранных страховых компаний, что это время стало поворотным пунктом развития страхового дела. Первопроходцами стали русские компании, которые стремились создать в Финляндии сеть страховых агентств. Только в 1891 г. новый закон потребовал от иностранных страховых компаний получать особое разрешение на продажу страховых полисов в Финляндии; подчиниться этому требованию вынуждены были даже прочно обосновавшиеся в стране компании. Особенностью данного закона было то, что он исключил из общего правила русские страховые общества, хотя обычно по отношению к русским фирмам применялись те же правила, что и к другим иностранным компаниям[49]. Русские страховые общества не должны были приобретать особое разрешение на производство страховых операций и не обязывались предоставлять информацию о своих операциях. Статистика деятельности страховых компаний после 1892 г., таким образом, оказывается неполной, поскольку не учитывает многие аспекты деятельности русских компаний.

Первые данные статистики страхования 1892 г. содержат информацию о следующих русских страховых компаниях[50]: Страхо-

вом от огня обществе «Саламандра», операции в Финляндии открыты с 1850 г.; Российском страховом от огня обществе 1827 года, в Финляндии с 1857 г.; Петербургском страховом от огня и пожизненных доходов и капиталов обществе, с 1859 г.; Русском страховом от огня обществе, с 1871 г.; Петербургской компании для морского, речного и сухопутного страхования и для транспортирования кладей «Надежда», с 1881 г.; Страховом обществе «Россия», с 1881 г.; Российском обществе для застрахования пожизненных и других срочных доходов и денежных капиталов, с 1886 г.; Русском обществе застрахования от несчастных случаев «Помощь», с 1889 г.

Эти 8 компаний осуществляли страхование от пожара, несчастных случаев и т.д. В Финляндии к 1892 г. вели операции 17 других страховых компаний из Швеции, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии и США. Финны контролировали в основном взаимное страхование и муниципальные страховые компании; операции на рынке вели всего две финские акционерные страховые компании.

Имеющаяся статистическая информация о составе страхового портфеля неполна. Можно лишь констатировать, что в 1892—1913 гг. страхование от огня далеко опережало другие страховые операции, за ним шло страхование жизни. В 1892 г. доля контролируемого русскими страхования от огня равнялась 10%, на долю других иностранных компаний приходилось около 20%. Удельный вес русских страховых компаний по операциям страхования жизни составлял в среднем за период 10%, двух финских компаний — половину, остальных иностранных компаний — 40%. В 1913 г. доля русских страховых обществ снизилась до 6% на рынке страхования от огня и до чуть более 1% на рынке страхования жизни[51].

Привилегированного положения русские страховые компании лишились в 1918 г., когда им, как и всем прочим, потребовалось получать разрешение на деятельность в Финляндии. Ринне приводит список из 8 русских компаний, действовавших в Финляндии в это время, но их состав изменился по сравнению с 1892 г. Шесть заявлений не были удовлетворены, две компании и вовсе не подавали ходатайства. В 1919 г. русские компании были практически вытеснены с финского рынка; им было запрещено заключать новые страховые договоры, ведение дел по старым подчинялось жестким ограничениям. Согласно данным Ринне, большинство русских компаний передали свои страховые портфели финским компаниям[52].

Во время Первой мировой войны деятельность всех иностранных страховых компаний в Финляндии оказалась практически свернута, и своего прежнего положения они в дальнейшем так и не достигли, хотя у них сохранилась сеть агентов, а в середине 1920-х гг. появились новые компании[53]. Доля иностранных компаний в страховании от огня в 1938 г. составляла 3%. Официально в 1945 г. в Финляндии действовала лишь одна иностранная страховая компания — шведская «Скандия» («Skandia»); другие не за-

ключали новых страховых договоров. Советские страховые учреждения получили разрешение на осуществление страховых операций в Финляндии в 1952 г., но с особыми ограничениями. Кроме того, в 1962 г. в Финляндии действовали две шведские и две британские страховые компании[54].

Русские предприниматели в Финляндии в межвоенный период

После революции в России и получения Финляндией независимости отношения между двумя странами изменились. Некоторые русские приезжали в Финляндию в качестве беженцев и начинали там экономическую деятельность, но таковых оказалось немного. За межвоенный период мы выявили лишь 12 русских фирм, действовавших в Финляндии, и ни одной советской фирмы.

Наиболее значимая русская компания была основана братьями Беляевыми. Она продолжила деятельность Товарищества «Петра Беляева наследники». Компания до революции владела несколькими лесопильными заводами в Олонецкой, Петербургской и Архангельской губерниях. Во время революции деятельность фирмы прекратилась; последние прибыли были переведены в британский банк. Братья Беляевы впоследствии переселились в Выборг и основали «Выборгскую лесную компанию» (действовала в 1920—1939 гг., перерабатывая лес, закупаемый в Суоярви, Карелия), два средних лесопильных заведения, упаковочную фабрику, небольшое предприятие по механической переработке целлюлозы и изготовлению картона и еще более мелкое предприятие по химической обработке целлюлозы. Беляевы имели собственную ремонтную мастерскую и электростанцию. В 1940 г. по мирному договору после советско-финской войны все эти предприятия перешли к Советскому Союзу[55].

Остальные русские фирмы действовали в различных отраслях: 4 — в деревообрабатывающей промышленности, 7 — в сельском хозяйстве, садоводстве и лесоводстве, 1 — в текстильной промышленности («Finnorayon Ltd.», с 1934 г.). Это были в основном мелкие семейные предприятия. Четыре компании, занимавшиеся обработкой и продажей древесины, также были мелкими и малоизвестными[56].

Более десятка компаний, принадлежавших русским в межвоенный период, составляли около 5% всех 230 зарегистрированных иностранных компаний в Финляндии в это время. Две экономики, связанные воедино множеством нитей на протяжении двух третей периода вхождения Финляндии в состав Российской империи, оказались обособленными друг от друга, и уровень их взаимодействия стал даже ниже, чем это обычно бывает в отношениях между двумя соседними странами[57].

Общие итоги

Русское предпринимательство было важным фактором для многих отраслей финской экономики в XIX в. Его значение тем не менее серьезно снизилось уже во второй половине столетия, а после революции русские предприниматели в Финляндии были оттеснены на второстепенные роли.

Невозможно полностью оценить объем производства, количество рабочих или сумму капитала российских фирм, действовавших в Финляндии. Мы можем лишь указать на некоторые характерные черты их деятельности. В деревообрабатывающей промышленности пик их активности приходился примерно на 1830—1840-е гг. В металлургии и горном деле российские компании выпускали от $^1/_3$ до половины важных полуфабрикатов — чугуна и железа в слитках, которые экспортировались в Россию и использовались для производства предметов вооружения и других изделий из металла. Пик деятельности этих компаний пришелся на 1860—1870-е гг. Небольшое число компаний действовало также в других сферах производства. В середине XIX в. фирмы, принадлежавшие российским подданным, занимали весьма значимое положение в финской промышленности. В это время в руках русских находилось 5—6 компаний из числа крупнейших 30 промышленных предприятий Финляндии, причем половина из них — в металлургии. К 1890-м гг. принадлежавшие русским предприятия почти полностью исчезли из списка крупнейших компаний. Регионально они были сосредоточены в основном в Восточной Финляндии, неподалеку от такого крупного рынка сбыта, как Петербург. Многие были основаны в дворянских имениях Старой Финляндии. В начале XIX в. в розничной и внешней торговле русским также принадлежала значительная доля, особенно в городах Восточной Финляндии и в Хельсинки, но, по крайней мере, с 1870-х гг. эта доля, насколько можно судить, также снижалась. Русские страховые компании привнесли в Финляндию принципы современного страхования и контролировали значительную долю страхового рынка в 1850-х — 1890-х гг.

Что касается мотивации российских предпринимателей, то в тяжелую промышленность некоторые из них пришли, чтобы использовать природные ресурсы Финляндии, особенно залежи железной, медной и оловянной руды. Продукция металлургических предприятий затем использовалась в качестве сырья или полуфабриката на промышленных предприятиях Петербурга и Петрозаводска. Фирмы, действовавшие в деревообрабатывающей промышленности, а также в производстве стекла и зеркал тоже могут рассматриваться как предприятия по использованию местного сырья. Низкие таможенные пошлины, предусмотренные финским законодательством, помогали некоторым русским предпринимателям избегать высоких ввозных пошлин в России (например, в металлургии, текстильной и сахарной промышленности). Многие русские предприятия расширяли свой рынок сбыта за счет деятель-

ности в Финляндии, особенно в сфере торговли и страхования. Некоторые лишь искали рынки сбыта для своей собственной продукции. Многие приезжали только для того, чтобы обеспечить свое существование. Русские предприниматели очень чутко реагировали на колебания экономической конъюнктуры и изменения в экономической политике (например, пересмотр тарифного законодательства часто вел к расширению, сокращению или прекращению деятельности предприятий соответственно).

Компании, находившиеся в собственности русских предпринимателей, по своим параметрам вполне соответствовали основным характеристикам иностранных или ранних транснациональных компаний, особенно в деревообрабатывающей, металлургической и горно-добывающей промышленности, производстве сахара и страховании, где, как правило, головное предприятие учреждалось в России, а дочернее — в Финляндии. Русские компании инвестировали капитал, создавали рабочие места, повышали уровень занятости финского населения, способствовали росту ВВП и экспорта страны, привносили новые технологии и предпринимательские идеи в Финляндию и усиливали конкурентную борьбу на рынке. Например, в стекольной и металлургической промышленности и горном деле обычным явлением было обращение как русских, так и финских промышленников к опыту иностранных компаний при возведении своих заводов. С другой стороны, финские Сенат и Сейм, представительный орган, были явно озабочены балансом позитивных и негативных последствий русского предпринимательства и оказывались перед сложным выбором между экономической выгодой и национальной идеей. Финское правительство пыталось приобретать земли и предприятия, принадлежавшие русскому правительству и дворянству; финские власти хотели распределить помещичьи земли между теми, кто их обрабатывал, т.е. крестьянами. Финское правительство редко отказывало обычным предпринимателям в праве вести бизнес в Финляндии. Явным исключением было использование гидроэнергетических ресурсов реки Вуокса.

Заинтересованность русских предпринимателей в операциях на территории Финляндии стала снижаться со второй половины XIX в. Промышленные предприятия, принадлежавшие русским, почти полностью исчезли из списков крупнейших компаний к 1890-м гг. Одновременно с 1850-х и до 1910-х гг. другие иностранные компании существенно повысили свой удельный вес в финской промышленности разных отраслей. Действие этой тенденции прекратилось в межвоенный период, когда иностранное участие в крупных финских компаниях снизилось.

Как в торговле, так и в страховании присутствие русских оказалось более длительным, чем в промышленности. В металлургии и горном деле падение интереса может быть объяснено потерей конкурентоспособности финской чугунолитейной и горно-рудной промышленности. Повышение таможенных пошлин прекратило поставку продукции бутылочного и стекольного производства на

российский рынок, хотя этот фактор лишь ускорил неминуемое поражение в конкуренции с более качественным западно-европейским сырьем, поставки которого стали более выгодными вследствие удешевления транспортировки. Но сложно сказать, почему русские не были заинтересованы в создании машиностроительных предприятий в Финляндии, хотя импорт шведского чугуна и железа в слитках явно было делом выгодным. Они не открывали предприятий и в новой электротехнической промышленности. Особенно примечательно, что русские не желали основывать новые паровые лесопильные заводы во время бума европейского спроса на их продукцию в 1870-е, 1890-е гг. и начале XX в. Не участвовали они и в развитии новой динамичной бумажной промышленности, продукция которой до революции находила сбыт прежде всего в самой России.

Проведенное исследование выявляет некоторые черты и тенденции русского предпринимательства в Финляндии, не привлекавшие ранее внимания в финской и российской научной литературе. Наиболее важной из этих тенденций представляется падение интереса русских предпринимателей к финскому бизнесу со второй половины XIX в. На основе имеющихся источников сложно объяснить причины этого явления. На рубеже XIX—XX вв. и в межвоенный период, по нашему мнению, между соседними странами наблюдался более низкий уровень экономических контактов, чем того можно было ожидать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В данном Приложении рассматривается развитие наиболее важных российских металлургических предприятий в Финляндии.

Чугунолитейный завод в Райволе был основан русским дворянином Петром Салтыковым в районе русско-финской границы в Кивенаппе в 1800 г. В 1820—1874/1875 гг. он принадлежал русскому правительству. На заводе производилось железо для оружейного завода в Райайоки, возможно, также и для других заводов. Согласно Лайне, это был крупнейший чугунолитейный завод в Финляндии в 1860—1870-е гг.[58] Десятилетиями предпринимались попытки перевести «Райволу» в собственность финского правительства, но в 1874/1875 г. завод был продан русскому дворянину Э.Ухтомскому и после этого короткое время принадлежал французской компании («La Societé anonyme des haut fourneuax, forges, mines, domaines et forêts de Raivola et Lintula»). Французы тем не менее не смогли получить разрешения на владение им от финского Сената, без чего невозможно было начать производственную деятельность. Компания вскоре перешла во владение банкирского дома «Э.М.Мейер и К°», который ранее подавал заявку на приобретение предприятия. Банкирский дом продал его одному из своих акционеров, Карлу Винбергу (Winberg), который состоял российским дворянином и мог владеть недвижимостью без разрешения финского Сената. В 1882 г. завод «Райвола» наконец перешел в

собственность Сената, однако производство железа на нем, по-видимому, так и не было возобновлено[59].

Деятельность завода «Питкяярви» была значительной на протяжении двух периодов: в 1840—1860-е гг. и в 1880 — начале 1900-х гг. Месторождения меди и олова в Импилахти были известны в начале XIX в., но их разработка реально началась в 1832 г. Всеволодом Ивановичем Омельяновым. Ему пришлось понести серьезные расходы, но наладить рентабельное производство так и не удалось. Попытка другого российского предпринимателя, Генриха Клее, также не увенчалась крупным успехом. В 1847 г. петербургскими предпринимателями была основана компания «Питкяранта» по добыче медной руды в шахтах Омельянова и Клее. Ее деятельность была довольно успешной, но начала клониться к упадку с изменением экономической конъюнктуры в середине 1860-х гг. Падение цен в 1864 г. остановило деятельность предприятия почти на 20 лет[60]. Смена владельцев (француз Жоффрио приобрел его в 1867 г.) не исправила ситуацию. Чтобы покрыть долги компании, шахты в 1875 г. были проданы на имя банкирского дома «Э.М.Мейер и К°» (фактически — Карлу Винбергу). При новом собственнике в середине 1880-х гг. наметилось оживление деятельности предприятия. В 1890 г. «Питкяранта» была третьей по величине компанией в Финляндии. С 1896 г. она перешла к Ладожской горно-промышленной компании («Bergverks Aktiebolag Ladoga»), принадлежавшей Б.Херцбергу (Hertzberg), директору петербургской компании «Eisen & Drahtswerke», и Генриху Теодору Шварцу (Schwartz), русскому подданному, уроженцу Германии и совладельцу банкирского дома «Э.М.Мейер и К°». Постепенно крупнейший покупатель продукции данного предприятия, акционерное общество Александровского сталелитейного завода в Петербурге, приобрел бóльшую часть акций Ладожской компании, а в 1899 г. — и остальной пакет. Тем не менее рентабельность добычи меди в Питкяранте оставалась невысокой, и операции компании были остановлены в 1903 г. В 1916 г. компания «Pitkäranta OY», принадлежавшая норвежцу К.Дизену (Diesen), приобрела рудные месторождения Питкяранты[61].

Чугунолитейный завод «Св. Анна» в Суоярви был основан графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской в 1814 г. Здесь производился чугун для литейных заводов Петербурга. В 1825 г. завод перешел в собственность Федула и Сергея Громовых. В 1830—1840-е гг. «Св. Анна», по имеющимся данным, являлась крупнейшим производителем чугуна в Финляндии, но у нас нет достаточных сведений о совокупном производстве чугуна в это время, которое, скорее всего, было незначительным. В 1848 г. предприятие перешло к наследнику Федула Громова Василию Громову. Российское правительство владело «Св. Анной» в 1865—1905 гг., некоторыми территориями завода — до 1920 г. В период нахождения в государственной собственности в 1860—1880-е гг.

«Св. Анна» была средним по размеру чугунолитейным заводом, поставлявшим металл на заводы Петрозаводска. В 1870-е гг. «Св. Анна» стала утрачивать свои позиции вследствие конкуренции более доступного и качественного уральского сырья. Поэтому русское правительство продало крупные территории в Сальми, Корписелькя, Соанлахти и Суоярви финскому Сенату, оставив за собой лишь чугунолитейный завод «Св. Анна» и некоторые прилегающие территории, которые перешли к финскому правительству по Тартускому мирному договору 1920 г.[62]

В 1850-е и 1860-е гг. Николай Путилов, петербургский предприниматель и владелец Обуховского и Путиловского сталелитейных заводов, приобрел три чугунолитейных завода в Финляндии — «Хутокоски», «Хаапакоски» и «Орави». Он также занимался переработкой импортной стали. Его деятельность прекратилась в 1870-е гг. вследствие финансовых затруднений. Сначала он пытался расширить свою компанию, привлекая новых инвесторов, но из-за долгов чугунолитейные заводы перешли в собственность финского Сената и были позднее проданы финну А.Нейглику (Neiglick). Путилов располагал беспошлинными квотами на экспорт продукции своих финских заводов в Петербург и даже получал ссуды от Центрального банка Финляндии[63].

Чугунолитейный завод «Карттула» или «Соуру», достаточно крупное предприятие, в 1866—1870 гг. принадлежал Петру Федоровичу Семянникову и Василию Апполовичу, которые владели также Невским машиностроительным заводом в Петербурге. Финский завод был перекуплен у них другой русской машиностроительной и горно-добывающей компанией, принадлежавшей Ивану Жадимировскому, Ронану Гранду (Grand), Альберту Таунсену (Taunsen) и Ипполиту Манну (Mann). Эта компания в 1889 г. обанкротилась, и ее дело продолжило акционерное общество Петербургского железоделательного и проволочного завода. В 1899 г. предприятие «Карттула» приобрел финский коммерсант[64].

В 1862 г. выборгским коммерсантом Иоганном Бандхольцем (Bandholtz), уроженцем Любека, в Выборге была основана гвоздильная фабрика. В 1873 г. она была продана выборгскому коммерсанту Александру Вальдемару Бергу (Berg). Инвестором и акционером был петербургский купец Иван Растеряев. В 1877 г. они совместно открыли новую фабрику по производству гвоздей «Перо», и оба предприятия были объединены в рамках фирмы «Выборг—Перо». Это были достаточно крупные и современные предприятия, но они сталкивались с постоянными трудностями в результате высоких таможенных пошлин на сырье и экспортных квот для сбыта продукции в России. В 1880-е гг. объем их производства значительно снизился. В 1908 г. «Перо» был единственным металлообрабатывающим заводом в Финляндии, принадлежавшим российским собственникам[65].

Примечания

[1] Дискуссионным является вопрос о том, рассматривать ли торговлю между Россией и Финляндией как международную или как внутреннюю. В данной статье я рассматриваю ее как международную торговлю.

[2] Schybergson P. Finlands industri och den ryska marknaden under autonomins tid (1809—1917): Negra synpunkter. (Финская промышленность и российский рынок в период автономии (1809—1917 гг.): Некоторые аспекты) // Turun Historiallinen Arkisto 41, VIII Suomalais-neuvostoliittolainen yhteiskuntahistorian symposiumi Turussa 2—6.9.1984. Tammisaari, 1986. P. 121—122; Suomen taloushistoria 3: Historiallinen tilasto (Экономическая история Финляндии. Т. 3. Историческая статистика). Helsinki, 1983. P. 242; Pihkala E. Suomen ulkomaankauppa 1860—1917 (Внешняя торговля Финляндии. 1860—1917 гг.). Helsinki, s.a. P. 66—91, 98—137.

[3] См., например: Hjeippe R. Foreign Direct Investment in Finland in the early 1930s: A research paper presented in the workshop «Norden i den handelspolitiska maktkampen 1919—1939», Gothenburg, 19—21 April 2002.

[4] Привилегии русских дворян обеспечивали им благоприятное положение в Финляндии. Они были освобождены от обязанности регистрировать свои предприятия у финских властей (подробнее см. ниже).

[5] См., например: Dunning J.H. Multinational Enterprises and the Global Economy // Addison-Wesley, Reading 1993. P. 56—60; The Rise of Multinationals in Continental Europe / Eds. Geoffrey Jones and Harm G. Schroter. Aldershot, Hants, 1993; Hjerppe R., Ahvenainen J. Foreign enterprises and nationalistic control: the case of Finland since the end of the nineteenth century // Multinational enterprise in historical perspective / Ed. by Alice Teichova et al. Cambridge University Press & Editions de la maison des sciences de l'homme, 1986.

[6] В Выборге бюргерские права на занятие некоторыми видами торговли предоставлялись состоятельным людям, подтверждения квалификации не требовалось.

[7] Lakio M. Talouselämä (Экономическая жизнь) // Viipurin kaupungin historia IV:2 osa, Vuodet 1840—1917 (История Выборга. Т. IV. Ч. 2. 1840—1917 гг.). Helsinki: Torkkelin säätiö, 1981. P. 392.

[8] Finlands Officiella Statistik. Statistisk årsbok för Finland. Ny serie. Elfte årgången 1913. (Annuaire Statistique de Finlande. Nouvelle Série, Onzieme année 1913). Helsingfors, 1914.

[9] Heikkinen S., Hjerppe R. Suomen teollisuus ja teollinen käsityö 1860—1913 (Промышленность и ремесленное производство в Финляндии, 1860—1913 гг.). Bank of Finland publications, Studies on Finland's Economic Growth XII. Helsinki, 1986. P. 114, 120—121; Hjerppe R. The Finnish Economy 1860—1985. Growth and Structural Change. Bank of Finland publications, Studies on Finland's Economic Growth XIII. Helsinki, 1989. P. 192—193.

[10] Mikkola J. Venäjältäa tulleet teollisuuden harjoittajat Suomessa (Русские промышленные предприниматели в Финляндии) // Venäläiset Suomessa 1809—1917 (Русские в Финляндии). Historiallinen Arkisto 83. Helsinki, 1984. P. 228; Ahvenainen J. Suomen sahateollisuuden historia (История финской деревообрабатывающей промышленности). Porvoo, 1984. P. 188—189. Позднее Громовы приобрели еще несколько лесопилок в регионе, основав фирму «Громов и К°».

[11] Ruuth J.W., Kuujo E. Viipurin kaupungin historia IV: 1 OSA, Vuodet 1812—1840 (История Выборга. Т. IV. Ч. 1. 1812—1840 гг.) // Viipurin kaupungin historia, IV osa. Lappeenranta. 1981. P. 65; Ahvenainen J. Op. cit. P. 184.

[12] Hämynen T. Venäläiset teollisuudenharjoittajat Salmin kihlakunnassa autonomian ajalla (Русские промышленники в округе Сальми) // Venäläiset Suomessa 1809—1917. Historiallinen Arkisto 83. Helsinki, 1984. P. 97; Mikkola J. Op. cit.

[13] Подсчеты Ю.Микколы основаны на работе Марии Нурккала. Mikkola J. Op. cit. P. 231; Nurkkala M. Suomen sahateollisuus vv. 1820—1855 ja Viipurin talousalueen sahateollisuus vv. 1835—1855 (Финская деревообрабатывающая промышленность в 1820—1855 гг. и деревообрабатывающая промышленность в экономической зоне Выборга в 1835—1855 гг.): A thesis for Master's degree. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences, 1966. Table 11 and 13.

[14] Хакман был немецким коммерсантом, осевшим в Финляндии в 1790-е гг.; его потомки со временем получили финское гражданство. «Hackman & Co» была семейной фирмой в Финляндии до 1970-х гг.

[15] Mikkola J. Op. cit. P. 233; Hoffman K. Suomen sahateollisuuden kasvu, rakenneja rahoitus 1800-luvun jälkipuoliskolla (Рост, структура и финансирование финской деревообрабатывающей промышленности во второй половине XIX в.). Helsinki, 1980. P. 82—83; Ahvenainen J. Op. cit. P. 184—185.

[16] Ahvenainen J. Op. cit. P. 254; Mikkola J. Op. cit. P. 231—232; Register closed down limited liability companies. Administration of Patents and Trade Registration in Finland, National Archives.

[17] Hoffman K. Op. cit. P. 80—84. Хоффман лишь упоминает об одной русской паровой лесопилке, «Сахансаари». Не исключено, что данные неполны, поскольку Хоффман не учитывал мелкие лесопилки.

[18] Металлургия в Финляндии имеет долгую историю. Первые чугунолитейные заводы были основаны в XVII в. в Юго-Западной Финляндии для переработки шведской железной руды, поскольку в некоторых железорудных районах Швеции стало не хватать леса для производства древесного угля. Известные финские месторождения железа были бедны по содержанию металла в руде, но в центральных и восточных частях Финляндии железо издавно выплавлялось из озерной и болотной руды в небольших традиционных печах. Импорт шведской железной руды для выплавки металла на юго-западных чугунолитейных заводах продолжался и после присоединения Финляндии к Российской империи. До 1857 г. он квотировался, а затем осуществлялся свободно.

[19] Финский импорт из России был почти полностью беспошлинным на протяжении всего периода автономии.

[20] Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860—1917. (Торговля Финляндии с Россией, 1860—1917 гг.). Helsinki 1970. P. 118; Schybergson P. Op. cit. P. 121—124.

[21] Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa... P. 118.

[22] В 1860 г. доля промышленного производства, контролируемого российскими предпринимателями, была высокой: если исключить данные по заводам «Райвола», она составляла около 1/4 чугуна и 1/5 железа в слитках. См.: Laine E. Suomen vuoritoimi 1809—1884. II. Ruukit (Финская горно-заводская и металлургическая промышленность, 1809—1884 гг. Т. II. Чугунолитейные заводы) // Historiallisia tutkimuksia XXXI, 2. Helsinki, 1948. P. 728—741.

[23] Laine E. Op. cit. II. P. 726—741; Pihkala E. Suomen ulkomaankauppa... Appendix tables.

[24] Heikkinen S., Hjerppe R. Op. cit. P. 105.

[25] Annala V. Suomen lasiteollisuus vuodesta 1681 nykyaikaan, II osa 1. Kehitys vuoden 1809 jälkeen, Ensimmäinen nide (Финская стекольная промыш-

ленность с 1681 г. до наших дней. Т. II. Ч. 1. Развитие после 1809 г.). Helsinki, 1948. P. 166—171.

[26] Annala V. Op. cit. P. 71—88.

[27] Ibid. P. 371—378; Mikkola J. Op. cit. P. 233—235.

[28] Annala V. Op. cit. P. 71—88, 371—378; Mikkola J. Op. cit. P. 233—235.

[29] Mikkola J. Op. cit. P. 238—239.

[30] Jutikkala E., Tampereen historia 3. Vuodesta 1905 vuoteen 1945 (История Тампере. Т. 3. 1905—1945 гг.). Tampere, 1979. P. 415; Report by Brynolf Honkasalo about foreign ownership of real estate in Finland in 1930. National Archives KA, No 81/601 K.D.S.M 1932.

[31] Hjerppe R. Suurimmat yritykset Suomen teollisuudessa 1844—1975 (Крупнейшие промышленные компании Финляндии, 1844—1975 гг.). Helsinki, 1979. P. 164—175

[32] Mikkola J. Op. cit. P. 236—237; Hjerppe R. Suurimmat yritykset... P. 166—169.

[33] Mikkola J. Op. cit. P. 235—236; Kovero M. Suomen sokeriteollisuuden historia II, 1808—1896 (История сахарной промышленности Финляндии. Т. II. 1808—1896 гг.). Helsinki, 1955. P. 34—38, 43—46, 98—99, 223—224.

[34] Mikkola J. Op. cit. P. 239—240.

[35] Ibid. P. 239—240; Hjerppe R. Suurimmat yritykset... P.170—171; Lakio M. Op. cit. P. 393.

[36] Myllyntaus T. Electrifying Finland. The Transfer of a New technology into a Late Industrialising Economy. Hampshire, London, 1991. P. 58—72. См. также: Myllyntaus T. Electrical Imperialism of Multinational Cooperation? The Role of Big Business in Supplying Light and Power to St. Petersburg before 1917 // Business and Economic History. 1997:2. P. 540—549.

[37] Изучение промышленных компаний показывает позднее развитие крупной промышленности в Финляндии. Компании, замыкающие список 30 крупнейших, в 1840-е гг. имели лишь около 30 рабочих, если пересчитывать трудозатраты в человеко-годы (например, чугунолитейный завод «Сумпула»), однако соответствующие оценки на базе имеющихся источников носят приблизительный характер, а потому они могут быть заниженными. См.: Hjerppe R. Suurimmat yritykset...

[38] Согласно Хямюнену, две лесопилки «Св Анны»» выпали из данных, и на самом деле компания была крупнее. См.: Hämynen T. Op. cit. P. 113.

[39] В 1927 г. мы можем прибавить компанию «Kemi OY», которая имела меньшую часть акционеров в Норвегии и Швеции. См.: Hjerppe R. Suurimmat yritykset... P. 164—175.

[40] Perälä S. Helsmgin venalaissyntyinen kauppiaskunta vuosina 1809—1879 (Торговцы русского происхождения в Хельсинки. 1809—1879 гг.). Entisaikam Helsinki VIII, Helsinki, 1970. P. 82, 91.

[41] Ibid. P. 80—82. Некоторые данные Перяля могут преувеличивать количество русских, поскольку он изучал купцов и лавочников — уроженцев России, некоторые из которых могли приобрести финское гражданство.

[42] Ibid. P. 80—82. Перяля также изучал экономическую деятельность иностранных торговцев. В 1860 г. финские торговцы облагались налогами в среднем по 11,2 налоговой единицы, русские — по 15,8 единицы и остальные иностранцы — по 25,4 налоговой единицы. Мы видим, что иностранцы преуспели в этом роде деятельности. Перяля использовал данные по налогообложению за 1851—1870-е гг. Они показывают, что существовала большая разница в доходах среди торговцев, причем ведущие позиции занимали 6—7 русских торговцев. Другие торговцы российского происхож-

дения не отклонялись далеко от среднестатистического уровня. Богатый торговец Павел Синебрюхов выплачивал половину налогов группы русских торговцев и более четверти всех налогов на торговцев и лавочников в 1879 г.; Синебрюхову также принадлежали пивоварня и винокуренный завод в Хельсинки. См.: Ibid. P. 80, 85.

[43] Ibid. P. 85.

[44] Lakio M. Op. cit. P. 370—372. Perälä S. Op. cit. P. 92.

[45] Lakio M. Op. cit. P. 395. 397.

[46] Alanen A.J. Suomen maakaupan historia (История финской сельской торговли). Jyväskylä, 1957. P. 451—460.

[47] Hamalainen V. Vanhan Suomen venäläiset huvila-asukkaat (Русские дачники в Старой Финляндии). Venäläiset Suomessa 1809—1917. Historiallinen arkisto, Helsinki, 1984. P. 118, 121.

[48] Rinne T.T. Suomen vakuutustoimintaa 1816—1966 (Страхование в Финляндии, 1816—1966 гг.). Turku, 1966. P. 105.

[49] Финские страховые компании также подлежали инспекции и должны были подавать отчеты о своей деятельности. См.: Ibid. P. 106—97, 275—276; SVT (Финская официальная статистика) XXII Vakuutusolot 1 (Страховая статистика 1). 1892. P. 1—5.

[50] Vakuutusolot 1. P. 4—5. Ринне приводит несколько иные названия компаний, см.: Rinne T.T. Op. cit. P. 178.

[51] SVT (Финская официальная статистика) Vakuutusolot 1915 (Страховая статистика за 1915 г.).

[52] Rinne T.T. Op. cit. P. 177—178.

[53] Ibid. P. 212.

[54] Ibid. P. 212, 214, 225, 270.

[55] Hämynen T. Liikkeellä leivän tähden: Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880—1940 (В поисках куска хлеба: Население пограничной Карелии и источники его существования. 1880—1940 гг.). Helsinki, 1993. P. 385—386; Ahvenainen J. Op. cit. 1984. P. 389—390.

[56] The register of trade, Archives of the Administration of Patents and Trade Registration in Finland, National Archives.

[57] В дополнение к мелким компаниям русских беженцев, существовали около 5060 ферм или лесных хозяйств в Восточной Финляндии. Половина из них была сосредоточена в Выборге или в соседних карельских районах, большинство находилось во владении русских. Во многих случаях владельцы переселились из России до революции или во время нее. Часто эти владения номинально принадлежали финнам в качестве подставных партнеров, но, как кажется, местные власти знали об истинном положении вещей, т.е. об иностранных владельцах. См.: Hjerppe R. Foreign Direct Investment... 2002, Brynolf Honkasalo report. KA, Ad KD 40/52 Oik. M., 1932; KA, No 81/601 K.D.S.M 1932.

[58] Из-за принадлежности компании русскому правительству финские источники ничего не говорят о ее продукции, кроме 1872 г., когда «Райвола» был крупнейшим чугунолитейным заводом во всей Финляндии. Незадолго до этого предприятие было расширено.

[59] Laine E. Op. cit. P. 546—557.

[60] Ibid. P. 32—40.

[61] Annala V. Op. cit. P. 376: Pihkala E. Suomen Venäjän—kauppa... P. 121—122, Hämynen T. Op. cit. P. 106; Laine E. 1948. P. 47—52.

[62] «Св. Анна» перешла во владение финского правительства в 1920 г. Можно заметить, что финское правительство в особенности пыталось за-

владеть предприятиями, принадлежавшими русскому правительству, а также русскому дворянству, в последнем случае — для того, чтобы просто распределить земли среди местных фермеров. См.: Laine E. Suomen vuoritoimi 1809—1884. I. Yleisesitys (Финская горно-заводская и металлургическая промышленность, 1809—1884 гг. Т. I. Общее развитие). Helsinki, 1950. P. 370; II. Ruukit. P. 557—571.

[63] Laine E. Yleisesitys. P. 360; II. Ruukit. 1948. P. 639—642.

[64] Idem. Yleisesitys. P. 369—70.

[65] Idem. Suomen vuoritoimi 1809—1884. III. Harkkohytit, kaivoset, konepajat (Финская горно-добывающая и металлургическая промышленность в 1809—1884 гг. Т. III. Доменные печи, шахты и машиностроительные заводы). Helsinki, 1952. P. 486—492; Finnish Official Statistics. Industrial statistics 1908. P. 1.

История финансов и банков

*А.В.Бугров**

Государственный банк и российская провинция (1860—1917 гг.)

При исследовании государственных институтов Российской империи нельзя обойтись без рассмотрения регионального аспекта. Именно последний может дать полноценную картину работы того или иного учреждения. Государственный банк Российской империи не выпадает из этого общего правила. Однако, несмотря на достаточно обширную библиографию по его деятельности, нет ни одного исследования по развитию его филиальной сети. Исключения составляют изданные в последнее время работы по отдельным банковским учреждениям, которые, однако, редко выходят за пределы узко регионального рассмотрения этой темы[1]. В настоящем исследовании автор пытается наметить общие тенденции развития филиальных учреждений Государственного банка в их причинно-следственной связи.

Об открытии 2 июля 1860 г. операций Государственного банка, прошедшем незаметно на фоне переломной эпохи «Великих реформ», было более или менее известно лишь в столице империи. В крупных городах конторы бывшего Коммерческого банка, несмотря на их причисление к Государственному банку, продолжали первые годы именоваться по старинке, обслуживая уже сложившуюся клиентуру. В крупнейшей Московской конторе «установленные для Государственного банка правила» были введены только в конце 1860 г.[2] Но приехавший в контору в 1862 г. Е.И.Ламанский нашел положение вещей в «первопрестольной» мало утешительным. Он внес свои рекомендации и лично распределил обязанности директоров[3] — в соответствии с принятым 3 января 1862 г. уставом контор Государственного банка, во многом повторявшим положения устава самого банка.

Государственный банк к моменту своего открытия унаследовал небольшую сеть территориальных учреждений: 7 контор и 4 временных отделения Коммерческого банка, около половины которых было создано еще при министре финансов А.Н.Гурьеве. Они размещались в некоторых крупных городах империи, нередко портах (Москва, Одесса, Рига, Архангельск, Киев, Харьков и Екатеринбург) и ярмарочных центрах (Полтава, Нижний Новгород, Ирбит, Рыбинск) (см. Таблицу 1). И хотя для своего времени

* Бугров Александр Владимирович — кандидат исторических наук (Центральный банк Российской Федерации).

Коммерческий банк «осваивал» Россию не медленнее, чем Банк Франции или Австрийский банк свои страны, к началу буржуазных реформ недостаточность филиальной сети стала очевидна. Становилось ясно, что в России, с ее доминирующей ролью государства, именно от последнего должен исходить почин распространения операций государственных кредитных учреждений вширь — в провинции, лишенной возможности быть вовлеченной в банковские операции столиц.

Таблица 1

Конторы и временные отделения Коммерческого банка

Конторы / врем. отделения	Время учреждения	Примечания
Московская контора	1818	
Архангельская контора	1819	
Одесская контора	1819	
Рижская контора	1820	
Астраханская контора	1821	Закрыта в 1831 г.
Киевская контора	1838	
Харьковская контора	1848	Временно открыта с 1843 г.
Екатеринбургская контора	1846	
Нижегородское отделение	1821	
Рыбинское отделение	1841	
Ирбитское отделение	1846	От Екатеринбургской конторы
Полтавское отделение	1852	От Харьковской конторы

Источник: Ламанский Е.И. Статистический обзор операций государственных кредитных установлений с 1817 г. до настоящего времени. СПб., 1854. С. 69.

Вопрос о расширении сети учреждений банка находился в русле декларированной в его уставе задачи «оживления торговых оборотов». О том, что проблема назрела, говорила полемика на страницах периодических изданий, в которой даже А.П.Шипов, предприниматель из дворян и ревностный защитник протекционистских принципов, обосновывал необходимость расширения операций банка через их распространение на территории обширной империи[4]. Однако, несмотря на уверения А.П.Шипова, что его выступления повлияли на решение приступить к основанию отделений банка, следует заметить, что этот же вопрос обсуждался и независимо от него.

Одновременно с утверждением императором устава контор Государственного банка 3 января 1862 г.[5] Государственный совет одобрил проект открытия постоянной конторы в быстро развивавшемся Ростове-на-Дону. Этот шаг стал первым в ряду мероприятий по увеличению числа учреждений и был предпринят практически одновременно с назначением министром финансов либе-

рально настроенного М.Х.Рейтерна, ставленника великого князя Константина, игравшего, как представляется, значительную роль в осуществлении реформ в стране.

Вопрос об открытии Ростовской конторы обсуждался уже в 1860 г. в рамках выполнения указа от 31 мая того же года. На основании указа не только образовывался Государственный банк и ликвидировались прежние казенные банки[6], но и решался вопрос об увеличении числа его учреждений в провинции. Предполагалось открыть на первых порах конторы в Саратове и Ростове-на-Дону или же в Таганроге, снабдив их квалифицированным персоналом, «высвободившимся» с упразднением отделений по вкладам Сохранных казен и ликвидацией Заемного банка[7]. Мотивом к открытию контор в этих городах были значительные торговые обороты и потребность в дальнейшем их стимулировать через дешевый коммерческий кредит. Кроме того, значительная роль в операциях отдавалась вкладам и переводам. По предполагаемому «набору» операций, отраженному в уставе контор (1862 г.), они повторяли широкий перечень операций самого банка, за исключением «заграничных операций» (продажи иностранных тратт)[8].

В отличие от Ростова-на-Дону, в Саратове конторы банка так и не было открыто (отделение Государственного банка в этом городе появилось лишь в 1864 г.). Но с 1862 г. по ходатайству таганрогского купечества на время ярмарок открывалось Таганрогское временное отделение, сначала находившееся при Ростовской конторе.

Устав контор предусматривал введение в их учетные комитеты по два члена от еврейского купечества в тех городах, где оно имело важное значение в торговле (Одесса и Киев), а также по два человека от сахарозаводчиков — в регионах, где было развито свеклосахарное производство (прежде всего, в комитет Киевской конторы)[9].

Провал реформы «свободного размена» в 1863 г. показал, что успешное развитие операций Государственного банка возможно лишь в условиях, когда они развиваются не только в столицах. Подпитка провинции была важна тем, что в условиях изъятия вкладов из молодого банка основание отделений приобретало первостепенное значение наряду с другими способами удержания этого, как тогда говорили, «плавучего долга» введением процентных текущих счетов и передаточных вкладных билетов.

Именно с точки зрения нормализации положения вкладной операции в Министерстве финансов рассматривался вопрос об эффективном использовании ресурсов провинции, и Е.И.Ламанскому поручили составить соответствующий проект. Это были «Предположения о мерах к увеличению вкладов в Государственном банке», предусматривавшие открытие в губернских центрах упрощенных по форме учреждений Государственного банка, не требовавших особых затрат, — его отделений.

Первичное понятие «отделение» предусматривало его временность — наподобие временных отделений Коммерческого банка,

открывавшихся на период действий ярмарок. Однако в данном случае временный характер заменялся постоянным, а понятие «отделение» означало лишь дешевизну учреждения. Это было важным фактором продвижения данного проекта на подпись царю, так как значительный хронический бюджетный дефицит сделался в 1860-е гг. явлением постоянным. Как было сказано в докладе Е.И.Ламанского министру финансов М.Х.Рейтерну от 10 декабря 1863 г., «открытие постоянных контор, предполагая значительные обороты и делая необходимым большой штат служащих, становится затруднительным по весьма многим причинам; между тем как устройство небольших отделений, заменяющих конторы, было бы исполнимым с незначительными расходами. Отделения банка могли бы состоять из заведующего, или управляющего (он же казначей), и контролера (он же бухгалтер) с двумя каждому помощниками и с некоторым числом писцов и счетчиков по найму. Расходы на отделения в таком случае не превышали бы 7—10 тыс. руб. в год и покрывались бы прибылями»[10].

Ламанский предлагал учредить отделения в 20 городах, сформированных в четыре группы, очевидно, по порядку открытия отделений. К первой группе относились шесть губернских центров Европейской России — Ярославль, Владимир, Казань, Самара, Саратов и Астрахань. Во вторую и третью группы были объединены 12 губернских центров европейской части России. В этих старых русских городах, несмотря на значительные торговые обороты, банковские учреждения отсутствовали (за исключением Приказов общественного призрения, занимавшихся в том числе ипотечным кредитованием дворян). К последней, четвертой, группе относились два сибирских города — Иркутск и Томск[11].

Рейтерн, получивший доклад 10 декабря, реализовал проект довольно быстро. Спустя несколько дней он был на столе у Александра II, который росчерком пера дал положительную резолюцию. Оставалось только подготовить указ и начать действовать.

20 декабря 1863 г. указ об открытии отделений был подписан императором. Основанный на положениях записки Е.И.Ламанского, он предусматривал открытие отделений за счет небольших отчислений из капитала банка: на их устройство отпускалось до 4,5 тыс. руб. на каждое[12]. В силу масштабности плана и, следовательно, его дороговизны открытие отделений совершалось постепенно. Так же постепенно вводились и их операции — по образцу операций контор и на основании устава банка. Ламанский допускал преобразование отделений в конторы с развитием операций первых; Рейтерн считал такой порядок естественным.

Управляющий отделением нес личную ответственность за результаты деятельности вверенного ему учреждения. Контролер отделения проводил ревизию деятельности этого учреждения, о чем предоставлял отчеты в Центральное управление. При каждом отделении учреждался учетно-ссудный комитет из представителей «первоклассных» для своей местности фирм — торговых и промышленных, а также крупных помещиков. Как и в конторах, на

учетно-ссудные комитеты отделений возлагалась обязанность проверки кредитоспособности лиц, предоставлявших векселя или желавших получить ссуду и определение целесообразности выдачи им кредита.

Говоря о необходимости открытия отделений в крупных городах, Е.И.Ламанский предусматривал предоставление им права ведения только нескольких банковских операций. Причиной тому, как уже сказано, была дороговизна устройства контор и, следовательно, нереальность такого плана. Постоянному же штату открываемого отделения, состоявшему приблизительно из 10 человек, были под силу простейшие банковские операции: размен и обмен (ветхих на новые) бумажных денег, выплата процентов по купонам 5%-ных билетов, перевод сумм, прием вкладов, учет срочных свидетельств, выдача ссуд под залог государственных фондов, покупка—продажа 5%-ных банковских билетов, отдельные комиссионные операции (прием вкладов на хранение и др.). Заметим, что в этом списке отсутствует учет векселей. Эту операцию, считавшуюся рискованной, вводили постепенно и с осторожностью. В ряде отделений она вообще начала производиться только с конца XIX в.

Основной упор, конечно, предполагалось сделать на вкладную операцию — в силу актуальности проблемы увеличения привлеченных средств Государственного банка, который, не получив по уставу 1860 г. эмиссионного права, был банком депозитным. Таким образом, система перекачки денежных ресурсов из провинции в столицы не была порождена силой сложившихся обстоятельств, а являлась явлением смоделированным.

В оборотные средства отделений первоначально выделялось от 20 до 50 тыс. руб. кредитными билетами и от 100 до 150 тыс. 5%-ными билетами на каждое, а также до 200—250 тыс. руб. из разменного капитала, предназначенных для обменно-разменной операции.

Грандиозный план открытия отделений стал реализовываться довольно быстро. 15 июля 1864 г. они открыли свои двери в 12 городах — губернских центрах (Астрахани, Казани, Пензе, Воронеже, Владимире, Ярославле, Тамбове, Екатеринославе, Кишиневе, Саратове, Самаре, Рязани)[13]. На производство операций каждого отделения из капитала Государственного банка М.Х.Рейтерн распорядился отчислить по 50 тыс. руб.[14], что называется, по высшему пределу установленной нормы.

В следующем 1865 г. приступили к учреждению еще 12 отделений, из которых десять к концу года открыли свои операции. В это же время, по высочайшему повелению 23 июля 1865 г., в виде опыта в Казани и Саратове была введена учетная операция, позднее распространенная и на другие отделения. Кроме того, в городах, где существовали городские общественные банки, отделения могли переучитывать векселя.

«Хотя от учреждений сих, — докладывал М.Х.Рейтерн императору Александру II 11 февраля 1866 г., — должно ожидать полезного влияния... но в первое время отчисление для каждого из сих

отделений оборотного капитала не могло не поставить Банк в затруднение от недостатка наличных денег»[15]. В условиях непрекращавшегося истребования вкладов эта проблема стояла остро. Выход был найден во временных (с возвратом) позаимствованиях из разменного капитала, разрешенных по высочайшему повелению от 20 декабря 1863 г. К февралю 1866 г. они составили около 32,4 млн руб., в то время как наличность банковых касс простиралась до 35,3 млн руб.[16]

В этой непростой ситуации М.Х.Рейтерн предлагал усилить средства банка за счет возврата долга Казначейства по железнодорожным авансам «посредством значительного займа»[17], для чего в 1866 г. была открыта подписка на второй внутренний с выигрышами заем на 100 млн руб. кредитными билетами.

Первое десятилетие существования территориальных учреждений банка не было отмечено единообразием ни в операциях, ни в норме учетно-ссудного процента — давлела традиция отдельных уставов контор Коммерческого банка, но самое главное — специфика экономики отдельных регионов империи была настолько различной, что заставляла обращать на себя внимание. В силу региональных особенностей и состояния денежного рынка банк дифференцировал нормы по кредитным операциям и дисконту в каждом отдельно взятом случае. Так, с 1861 г. купцам, торговавшим на Нижегородской ярмарке, было дозволено кредитоваться под учет свидетельств на представляемый в залог чай «с круговой за таковые свидетельства ответственностью членов образованного на сей предмет Особого комитета из главнейших кяхтинских торговцев»[18]. Эта мера была повторена спустя два года. Кредитные операции Екатеринбургской конторы представляли из себя в основном ссуды под залог железа и меди сроком от 3 до 12 месяцев; в 1861—1864 гг. были введены льготы заводчикам — повышена оценка залога и увеличен срок погашения ссуды (с 3 до 15 месяцев). Также в помощь золотопромышленникам в этой конторе им выдавались беспроцентные авансы «под добываемое ими золото»[19]. Сахарозаводчики получали значительные по суммам кредиты в Киевской конторе, которая выдавала им ссуды на основании правил учета векселей в Государственном банке[20].

Первое время обороты отделений были скромными и не превышали 2 млн руб. в крупнейших из них. Однако даже эти средства, соизмеримые с суммой кредита всего лишь одному акционерному коммерческому банку в Москве (в 1868 г. кредит Государственного банка Московскому купеческому банку по переучету и перезалогу доходил до 1,5 млн руб.[22]), не только смогли оптимизировать обращение денег, но и способствовали росту торговли и производства. Благодарственное письмо Е.И.Ламанскому от таганрогских купцов — только одна из иллюстраций позитивного влияния Государственного банка на провинцию.

В Таганроге, как писали купцы, «до учреждения отделения Государственного банка, то есть до 1868 г., цифра торговых оборотов по привозу едва достигала 4 миллионов рублей, в настоящее же

время она вращается между 7 и 8 млн руб. По отвозу эта цифра возросла до 22 млн руб. Подобное приращение должно приписать преимущественно отделению Государственного банка, которое облегчает наши обороты как учетом векселей, так и свободным и скорым переводом денег. Кроме этого, отделение Государственного банка способствовало открытию в Таганроге и других частных кредитных учреждений, которые, поддерживаемые отделением банка, приносят большую пользу торговле и земледелию»[22].

В первые годы деятельности отделений ее результаты были еще очень скромными. Деловая жизнь огромной империи концентрировалась преимущественно в столицах, где оборачивались значительные капиталы. В условиях развития депозитного банка, каким первые три десятилетия оставался Государственный банк, на провинцию возлагалась в том числе надежда на пополнение привлеченных средств через вкладную операцию. Начиная с Д.И.Пихно и А.А Головачева[23], справедливо обращалось внимание на то, что банк служил своеобразным насосом для перекачки ресурсов из провинции в столицы. Этот факт, обозначившийся уже во второй половине 1860-х гг., виден по уменьшению удельного веса вкладной операции в столичных городах (Петербурге и Москве) за счет ее увеличения в провинции. В то же время кредитные операции на периферии увеличивались гораздо медленнее, и то за счет крупных центров типа Одессы или Ростова-на-Дону (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Удельный вес Государственного банка и его Московской конторы в банковских операциях в 1865—1870 гг., в % от показателей по системе Государственного банка

Год	Вклады	Процентные текущие счета	Учетная операция	Ссуды под залог ценных бумаг
1865	84	100	50	85
1866	73	90	55	75
1867	63	79	66	70
1868	62	70	58	46
1869	63	72	45	47
1870	58	72	39	58

Источник: Кауфман И.И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872. С. 63—87.

Пихно справедливо заметил, что такая перекачка денег шла в одном направлении — в Петербург, «который постоянно привлекал капиталы со всех сторон, в том числе и из Москвы»[24]. Эту ситуацию рельефно отражала статья «Счет контор и отделений с банком», чьи показатели слагались из совокупности счетов по различным операциям, при совершении которых местные учреждения и столицы пользовались средствами друг друга. Главным образом

это были переводы сумм и платежи по учтенным векселям, по которым Петербург, как показал Д.И.Пихно, имел неизменно крупное отрицательное сальдо (Таблица 3).

Таблица 3

Сальдо «Счета контор и отделений с банком» по Государственному банку и его Московской конторе в 1861—1874 гг., в млн руб.

Год	Московская контора	Государственный банк
1861	+ 19,56	- 20,70
1862	+ 31,77	- 37,42
1863	+ 33,48	- 40,08
1864	+ 37,39	- 48,87
1865	+ 35,71	- 43,95
1866	+ 23,06	- 23,39
1867	+ 26,11	- 40,94
1868	+ 40,92	- 59,12
1869	+ 20,55	- 47,13
1870	+ 21,09	- 45,28
1871	+ 20,24	- 58,24
1872	+ 21,02	- 58,62
1873	+ 24,14	- 57,39
1874	+ 20,53	- 36,63

Источник: Пихно Д.И. Коммерческие операции Государственного банка. Киев, 1876. С. 115.

В провинции операции развивались в крупных сложившихся центрах, некоторые из которых имели казенные банковские учреждения еще до основания Государственного банка. Первые места неизменно держали Одесса — крупный внешнеторговый порт, один из центров хлебной торговли и частного банковского дела, Рига — крупнейший после Петербурга порт империи на Балтике, Ростов-на-Дону — крупный речной порт, интенсивно развивавшийся город, расположенный вблизи сельскохозяйственных районов страны. В конце 1860-х гг. на конторы банка в этих городах приходилось порядка 20—25% всей учетной операции.

После открытия в 1868 г. пяти новых отделений Государственного банка темпы процесса насаждения этих учреждений в провинции заметно снизились, что было обусловлено крупными затратами банка. В последующие годы количество вновь открываемых отделений как правило колебалось от одного до трех.

Отметим, что практика открытия отделений «по указанию сверху» существовала лишь на начальном этапе деятельности Государственного банка. Уже к 1870-м гг. сложившийся порядок предусматривал предварительное направление в Министерство финансов ходатайства местных губернских властей или местного ку-

печества с просьбой открытия отделения. При этом нужно было обосновать просьбу «действительными потребностями»: ростом торговых оборотов и т.п. Далее вопрос об открытии отделения рассматривался на уровне министра финансов и управляющего Государственным банком. Как правило, следовало положительное решение, после чего начиналась практическая работа по обустройству отделения: набор штата, выбор помещения, утверждение эскизов печати и штампов, присылка опубликованных нормативных документов банка и т.п.

Отделения открывались в арендуемых небольших зданиях, которые не были специально приспособлены для ведения банковских операций. Нередко ими были дома казенных палат. Даже в Московской конторе в 1860-е гг. монета хранилась по старинке в сундуках. До конца XIX в. сейфы в провинции были в диковинку, так же как и электрическое освещение.

Унизительное для банка положение арендатора, теснота и неприспособленность помещений для ведения банковских операций заставляли в очень скором времени ставить вопрос о постройке собственных зданий. Однако интенсивно этот процесс пошел только с конца XIX в. В начале 1881 г. через Петербургское общество архитекторов был объявлен конкурс на проект здания для «отделения Государственного банка в уездном городе». В жюри по отбору проектов входили известные архитекторы Н.Д.Бенуа и А.И.Кракау. Первую премию получил академик архитектуры А.И.Томишко, предложивший неоренессансное решение фасада и угловое расположение зданий для четкого разделения служебной и публичной зон[25]. Жюри обратило внимание, что «для полного удовлетворения следовало бы увеличить некоторые комнаты на квартирах, для чего нужно бы было перенести помещения нижних чинов в подвальный этаж, а главное — устроить для публики ход из приемной в кабинет управляющего»[26].

Это полезное начинание стало реализовываться с опозданием — тому были различные причины. В числе главных было отсутствие достаточных материальных средств, так как банковская прибыль оставалась прежде всего государственным ресурсом. Только в начале XX в. в провинции появляются грандиозные особняки-дворцы учреждений Государственного банка — в том числе в Нижнем Новгороде (архитектор В.А.Покровский, 1911—1913 г.) и Ростове-на-Дону (архитектор М.М.Перетяткович, 1911—1915 гг.).

В 1881 г., в год отставки Е.И.Ламанского с поста управляющего Государственным банком, было открыто 4 отделения. В 1883 г. было открыто 6 отделений, в 1886 г. — 1 контора и 13 отделений, в 1893 г. — 6 отделений. Они открывались еще на основаниях указа от 20 декабря 1863 г., копируя устройство и порядок ведения операций в более ранних отделениях, — за исключением преобразованных учреждений Польского банка. Их передача в ведение Государственного банка в 1886 г., отразившаяся на заметном росте операций по всей системе главного банка империи, была осущест-

влена по политическим соображениям. Она проводилась в русле политики кабинета Александра III, направленной на русификацию окраин и введение единообразия в управлении Царства Польского и остальной империи. Эта акция скрывала превентивную меру на случай возможных волнений в Польше, как это было в 1863—1864 гг. Уже в 1869 г. Польский банк, основанный благодаря усилиям великого князя Константина Павловича в 1828 г., был передан из особого финансового управления Царства в ведение Министерства финансов. С окончательной ликвидацией банка на базе его учреждений были созданы Варшавская контора, Вроцлавское, Калишское, Келецкое, Лодзинское, Ломжинское, Люблинское, Петроковское, Плоцкое, Радомское и Ченстоховское отделения Госбанка.

Варшавская контора сразу выдвинулась в число наиболее крупных учреждений банка по объемам операций, развивая многолетние традиции Польского банка. Прежде всего это касалось мелиоративного кредита, организация которого здесь бралась за образец и при составлении в 1884 г. Положения о соло-векселях, и при обсуждении в 1892 г. вопроса о «промышленных ссудах» в Комиссии по пересмотру устава Государственного банка.

Меры Государственного банка по созданию филиальной сети привели к тому, что к концу XIX в. в провинции работало уже 96 его постоянных учреждений (1894 г.). Кроме того, существовали временные отделения в Верхнеудинске, Ирбите, Ростове, Пятигорске, Ялте, Крестах, Нижнем Новгороде, Ишиме, Мензелинске и Куяндинске. Большинство их работало как ярмарочные. Исключение составили лишь Ялтинское и Пятигорское отделения, открываемые «на время лечебного сезона»[27]. Они не только выполняли простейшие банковские операции, но и выдавали ссуды под залог государственных и «гарантированных» ценных бумаг.

По-прежнему лидирующее положение по денежному обороту занимали столицы, оставляя провинции лишь треть объемов по операциям системы Государственного банка. Определенное значение для развития кредитных операций в провинции имел циркуляр от 29 декабря 1883 г., разрешавший конторам и отделениям открывать кредиты в форме специальных текущих счетов под обеспечение ценными бумагами частным лицам «по усмотрению местных учетных комитетов без испрашивания в каждом отдельном случае утверждения Государственного банка, ограничиваясь только уведомлением сего последнего о последовавшем открытии или увеличении кредита»[28]. Однако на практике многие учреждения продолжали представлять решения учетных и ссудных комитетов на утверждение чиновников Центрального управления Государственного банка.

Введение учетной операции в отделениях происходило постепенно и почти всегда после вкладной. В ряде отделений — Батумском, Елисаветградском, Кокандском, Тобольском, Тюменском, Черниговском и Читинском — учет был разрешен только в начале 1895 г., когда об этом был издан соответствующий циркуляр (от

19 января 1895 г.)[29]. Чуть позже, в июне того же года, учетная операция была введена в Феодосийском отделении. В 1897 г. векселя стали учитывать в Омском, Челябинском, Юзовском и Хабаровском отделениях.

Осуществленная в конце XIX в. под руководством С.Ю.Витте реформа Государственного банка не могла не коснуться его филиальной сети.

Появление в уставе банка 1894 г. статей про «промышленные ссуды» застало врасплох конторы и отделения. Несмотря на то что наказы и правила по промышленным ссудам и ссудам учреждениям мелкого кредита вступали в действие с 1 сентября 1894 г., учреждения не спешили с открытием новых операций, которые многие чиновники, по-видимому, заранее считали убыточными. В циркуляре Государственного банка от 17 ноября 1894 г. сообщалось: «...до сведения Банка дошло, что некоторые из его учреждений и доселе не приступают к производству операций на основании нового устава, ожидая дополнительных разъяснений со стороны Банка. Ввиду этого Государственный банк, еще раз напоминая содержание вышеозначенных циркуляров, предписывает конторам и отделениям производить все разрешенные новым уставом операции на точном основании новых своевременно разосланных при упомянутых циркулярах правил и наказов»[30].

Однако во время проведения денежной реформы 1895—1897 гг. главный банк империи был вынужден свертывать кредитование по промышленным ссудам в силу их слабой ликвидности. Согласно циркуляру от 2 января 1895 г., эти кредиты могли быть открываемы только отдельным предприятиям, которые признаны будут «заслуживающими поддержки»[31].

В условиях начала виттевской индустриализации филиальная сеть Государственного банка признавалась маломощной. На очереди стояла задача ее значительного расширения до известных пределов, ограниченных формулой «один город — одно учреждение Государственного банка». С этой идеей активно выступал товарищ министра финансов А.Я.Антонович, считавший увеличение числа провинциальных учреждений главного банка империи важным фактором проведения в жизнь программы «национального кредита». Зримым ее воплощением стал новый устав Государственного банка 1894 г., где большое внимание было уделено «промышленным ссудам», призванным развивать среднюю промышленность[32].

Еще в 1892 г. члены комиссии по составлению нового устава считали, что сеть учреждений главного банка империи нужно децентрализовать, чтобы дать «полный простор» местным учреждениям. В рамках этой программы уже в 1894 г. была выделена Петербургская контора Государственного банка, сосредоточившая операции по Петербургскому столичному району[33]. Государственный банк остался лишь в виде Центрального управления, высшего звена вертикали всей системы государственного кредита.

Члены комиссии высказались и за значительное расширение сети учреждений банка; к этому мнению присоединился министр финансов С.Ю.Витте. До какого предела должна была быть увеличена эта сеть, комиссия конкретно не определила, сочтя необходимым поставить задачу о создании 800—900 отделений. А.Я.Антонович в этой связи предлагал превратить уездные казначейства в отделения Государственного банка[34].

Витте, поклонник немецкой протекционистской системы Ф.Листа, предложил идею окружной системы, сущность которой заключалась в создании банковских округов. Центром округа, состоявшего из нескольких банковских отделений, должна была стать крупная контора, из которой шло бы непосредственное управление его деятельностью. Такая структура отвечала потребностям проводившейся реформы Государственного банка. Она должна была способствовать эффективности его работы в российской провинции: «По новому уставу, наряду с торговым кредитом предположено... дать широкое развитие кредитам и ссудам под товары... и на оборотные средства как сельскохозяйственной, так и фабрично-заводской промышленности... Окружные учреждения в состоянии будут с достаточным успехом выполнять предстоящую им задачу...»[35]

Окружная система восходила к опыту Рейхсбанка: еще в пору его создания в кабинете канцлера О.Бисмарка понимали, что из центра нельзя руководить всеми деталями банковских операций на местах. Конторам (Hauptstellen), головным органам округов, подчинялось 2—3 отделения (Nebenstellen), которые вели операции на основании банковского устава. Они находились под полным надзором конторы[36]. Похожая система наблюдалась и в Австро-Венгрии, где отделения Австрийского банка (Zweiganstalten, Filialen) с приписанными к ним агентствами (Nebenstellen) образовывали банковские округа[37]. Подчиненность провинциальных учреждений более крупным существовала и в Банке Франции, где агентства (bureaux auxiliaires), имевшие право учитывать векселя, были приписаны к отделениям (succursales), однако не объединены с ними в округ[38].

Витте решил «пересадить» этот порядок на русскую почву. Его предложения были утверждены в новом Уставе Государственного банка 1894 г., где вводились понятия окружной системы. Статья 47 устава закрепляла ее принципы: «Конторы Государственного банка учреждаются в наиболее крупных торгово-промышленных центрах. Каждой конторе подчиняется в порядке управления и отчетности по особому распределению известное число отделений, которые составляют округ конторы...»[39]

Практически одновременно с изданием устава циркуляр от 24 июня 1894 г. закреплял дотоле не известную провинции «окружную систему». Формирование округов предусматривалось на основе «взаимного тяготения в торговом и экономическом отношениях»[40]. По площади они, конечно, намного превосходили германские округа, составляя чуть ли не пол-Германии каждый[41].

Всего в России предполагалось создать 15 округов — это ограничение объяснялось опасениями «чрезмерного их дробления»[42].

Составленное новое расписание должностей было разослано во все конторы и отделения с требованием представить в скором времени соображения о назначениях и отставках. По-видимому, С.Ю.Витте раздражало обилие в провинциальных учреждениях «засидевшихся» старых кадров. Некоторым управляющим отделениями его протеже Э.Д.Плеске за своей подписью разослал письма, в которых рекомендовал им «ввиду преклонных лет» уйти на пенсию и срочно телеграфировать об этом решении в Петербург. «При этом спешу уведомить, — писал управляющий Государственным банком, — что в случае, если бы Вы пожелали завершить ныне же Вашу почтенную служебную деятельность, я сочту приятным долгом ходатайствовать... о назначении Вам пенсии на возможно льготных основаниях»[43].

В Центральном управлении были хорошо осведомлены о положении дел на местах, чему способствовали, в частности, командировки инспекторов, «привозивших» в том числе нелицеприятную информацию. Так, командированный в конце 1904 г. в Челябинское отделение Н.И.Бояновский нашел, что местный управляющий «принадлежит к типу управляющих старой школы худшего разряда. Окончил только уездное училище... ограничен, ленив, не вызывает доверия, капиталы и ценности проверяет неумело и медленно; не пользуется симпатиями ни чиновников, ни клиентов»[44]. Инспектор посоветовал ему «сесть в операционном помещении за конторку и помогать чиновникам», а не заниматься составлением постановлений, которые те не в состоянии исполнить[45].

Одновременно с началом кадровой «чистки» на основании утвержденного Александром III 6 июня 1894 г. Расписания должностей Государственного банка произошла группировка отделений по разрядам в зависимости от объемов производимых ими операций. Отделения I (высшего), II и III (низшего) разрядов отличались, прежде всего, количеством служащих по штату и их окладами[46].

Баланс стал главным критерием, на основании которого отделения могли преобразовываться в конторы и наоборот. Так, в частности, при упразднении Екатеринбургской конторы в 1905 г. и создании на ее основе отделения II разряда учитывались именно объемы операций. Они заметно сократились в связи с возникновением и расширением деятельности отделений Государственного банка в Сибири, что объяснялось развитием транспортных коммуникаций (проведением Транссибирской магистрали)[47].

В недрах Центрального управления Государственного банка появился любопытный документ — «Руководство по взаимным отношениям окружных контор и входящих в состав округов отделений», своего рода расписание внутреннего распорядка насаждавшейся системы. Документ несет на себе яркий отпечаток устава 1894 г., провозглашая большую компетенцию управляющих окружных контор в рамках банковского округа[48]. Они курировали его работу и возглавляли ревизии входивших в него отделений.

Однако, согласно одной из статей, управляющему отделением предоставлялось, «в случае несогласия его по операционным или хозяйственным вопросам с указаниями и распоряжениями управляющего окружной конторой, представить особое мнение», которое управляющий окружной конторой вместе со своим отзывом должен был направлять в Центральное управление»[49]. Понятно, что на практике такой плюрализм мнений выглядел фикцией.

Конторы округов становились «посредниками» в общении отделений с Центральным управлением: через них проходили циркулярные распоряжения, утвержденные сметы, а также осуществлялось выделение денежных лимитов на производство операций. При этом «в случае затруднений» при исполнении сметы управляющему отделением было предписано обращаться не в Петербург, а в окружную контору[50].

Эти же конторы принимали решение о кредитовании того или иного лица, если даже ходатайство о кредитовании было написано на имя руководства отделения. Конечно, в соответствии с новым уставом банка (1894 г.) приоритеты в кредитовании отдавались «промышленным ссудам» и подтоварным кредитам, призванным оживить производство в российской провинции.

Помимо отделений, в округах предполагалось введение низших банковских учреждений — агентств, по предложению А.Я.Антоновича заимствованных из опыта шотландских банков. Они должны были располагаться в небольших городах и подчиняться либо окружной конторе, либо одному из отделений. Согласно 70 статье нового Устава Государственного банка, штат агентств состоял из трех человек. Ими были агент — банковский служащий — и, в случае необходимости, его помощник и «письмоводитель» (делопроизводитель). Агентствам поручали исполнение простейших банковских операций — наблюдение за употреблением ссуд и сохранностью залогов, а также исполнение различных поручений банковской администрации. В процессе развития агентств в мелких городах их предлагалось «постепенно преобразовать... в учреждения банка»[51].

Проекты округов, выработанные Центральным управлением Государственного банка, были отосланы в их предполагаемые центры, с тем чтобы они представили свои соображения. Об этом красноречиво рассказывают документы архива Московской конторы (ф. 450 ЦИАМ).

Из Петербурга в Москву было «спущено» предложение об образовании Московского округа из 13 отделений. По поручению управляющего Московской конторой Н.Я.Малевинского директор Учетного отделения А.Б.Пятницкий составил справки об экономике губерний, которые предполагалось включить в округ[52]. Из этих справок следует, что привязка к Москве ряда губерний носила искусственный характер. В округ в силу скорее географической близости, чем экономического тяготения, были включены губернии с преобладанием сельского хозяйства (Орловская и Смоленская губернии), кредитование которого в конторе было развито очень

слабо. Московская контора обслуживала в основном крупное промышленно производство, торговые, текстильные и машиностроительные фирмы. Кроме того, управляющему конторой Н.Я.Малевинскому поступило предложение открыть банковские агентства в шести наиболее крупных экономически развитых населенных пунктах Московской губернии[53].

Руководство Московской конторы восприняло проект без особого энтузиазма. В этом крупнейшем территориальном учреждении Государственного банка работа была давно отлажена, а о ее качестве говорила высокая годовая чистая прибыль по операциям, в конце XIX в. доходившая до 1,7 млн руб. Создание округа доставляло немало хлопот, тем более при включении в него ряда сельскохозяйственных регионов, кредитование которых нередко было сопряжено с убытками. Неудивительно, что в письме в Центральное управление банка управляющий конторой Н.Я.Малевинский высказал немало замечаний по проекту создания Московского округа. Он предложил исключить из его состава Калужскую, Орловскую, Смоленскую и Тверскую губернии, которые являлись преимущественно сельскохозяйственными и были искусственно «притянуты» к Москве. «Во всяком случае, — писал он, — если некоторые хлебные продукты и доставляются в Москву из Орловской губернии, то сбыт этих продуктов никоим образом не может быть признан крупным»[54]. А «в суммах, показанных переведенными на Орел и Елец, большая часть переводов была сделана железным дорогам и на Орловский коммерческий банк — следует признать, что и переводная операция также не подтверждает взаимного тяготения к Москве Орловской губернии с городом Ельцом»[55].

Создание округов тормозилось объективными причинами. Единственным реализовавшимся начинанием в направлении увеличения числа учреждений государственного кредита было введение с 1 января 1897 г. банковских операций в 704 казначействах, до этого занимавшихся преимущественно сбором налогов[56]. Приписанные к конторам и отделениям Государственного банка, они стали выполнять и функции агентств. Для контроля над казначействами в местных учреждениях банка были образованы особые казначейские отделы.

Идея казначейств-агентств, выдвинутая А.Я.Антоновичем, стала претворяться в жизнь с момента издания нового устава. Высочайше утвержденным 6 июня 1894 г. мнением Государственного совета министру финансов было предоставлено право возлагать на казначейства ведение простейших банковских операций с выделением на эти цели средств из прибылей Государственного банка. 29 апреля 1896 г. императором были утверждены временные (на три года) правила по банковским операциям казначейств, согласно которым произошло слияние казначейских касс с кассой Государственного банка.

Прошло менее месяца, и 24 мая того же года Николай II поставил положительную резолюцию на докладе С.Ю.Витте, в котором предлагалось с 1897 г. приступить в казначействах к проведе-

нию банковских операций. Ими были: размен денег, покупка и продажа государственных ценных бумаг (главным образом свидетельств ренты и билетов Государственного казначейства), оплата купонов государственных займов, выдача ссуд под залог процентных бумаг, перевод денег, открытие текущих счетов, срочных и бессрочных вкладов, прием вкладов на хранение (в процентных бумагах), прием и выдача денег, а также процентных бумаг за учреждения Государственного банка и так называемые «операции сберегательных касс» (прием мелких сбережений). В городах, где были кредитные учреждения, круг проводимых операций заметно сужался. Казначейства ограничивались только четырьмя банковскими операциями: разменом денег, обменом и продажей билетов Государственного казначейства, оплатой купонов государственных займов, приемом мелких вкладов[57]. С 1 июля 1898 г. в казначействах была введена новая операция — получение платежей по векселям.

По истечении Временных правил (от 29 апреля 1896 г.), в 1901 г. были введены новые правила, еще более усиливавшие связь казначейств с учреждениями банка. В частности, учреждения Государственного банка снабжали казначейства бланками, печатями, штемпелями, сундуками, заменявшими им банковские сейфы, а также несли расходы по их охране. Из прибылей банка стала ежегодно отчисляться сумма на содержание казначейств, в том числе на персонал, который в 1913 г. состоял из 400 чиновников. Им выплачивалось, судя по смете, хорошее жалование — в среднем 83 руб. в месяц. Вместе с суммами, выделяемыми на ведение банковских операций, общий расход банка на казначейства в 1913 г. составлял небольшую сумму — 2,7 млн руб.

Среди выдававшихся казначействами кредитов, как и в целом по банку, важное место в начале XX в. занимали подтоварные ссуды. Напротив, такие операции, как ссуды под процентные бумаги, открытие срочных и бессрочных вкладов, не получили развития. Лишь в период Первой мировой войны выдача ссуд под процентные бумаги была одобрена Советом Государственного банка.

Результат деятельности казначейств выглядел довольно скромно. По объемам проводимых операций они напоминали учреждения мелкого кредита. Не случайно за 20 лет ни одно из них не было преобразовано в отделение Государственного банка. Переложение на них банковских операций нередко происходило формально, без увеличения штата служащих. По этой причине, например, казначейство в Николаевске-на-Амуре не вело ссудные операции, не принимало вклады, не покупало и не продавало ценные бумаги. На вопрос о целесообразности открытия в городе отделения Государственного банка управляющий Амурской казенной палатой в 1900 г. отвечал, что было бы лучше наладить полноценную деятельность местного казначейства.

Тем временем на Дальнем Востоке развивалась промышленность, и дефицит государственного кредита ощущался остро. В

Николаевском казначействе предлагалось ввести выдачу ссуд под шлиховое золото и операцию учета векселей. В этом регионе их производил лишь Русско-Китайский банк, который, по-видимому, монополизировал выдачу этих кредитов еще в течение некоторого времени, так как введение этих операций в казначействе не было признано целесообразным.

Задуманная С.Ю.Витте идея окружной системы, находившаяся в тесной связи с программой всемерного приближения кредита к населению, не претворялась в жизнь. На преобразования нужны были значительные денежные средства, достаточное количество квалифицированных кадров и т.п. В период проведения денежной реформы 1895—1897 гг. о выделении требуемых значительных средств не могло быть и речи. По окончании реформы Россия была занята другими проблемами — выходом из экономического кризиса 1899—1902 гг., ведением русско-японской войны 1904—1905 гг., погашением революционной волны 1905—1907 гг.

16 августа 1903 г. С.Ю.Витте вынужден был оставить кресло министра финансов. Его преемники (Э.Д.Плеске, В.Н.Коковцов) не торопились с реализацией грандиозного плана, который продолжал существовать главным образом на бумаге — в виде нескольких статей Устава Государственного банка 1894 г., которые никто не отменял. В итоге банковская система осталась во многом на прежнем уровне, обслуживая преимущественно первоклассную клиентуру — банки и крупные российские фирмы. Поэтому неким анахронизмом было районное деление (12 районов) учреждений в отчетах Государственного банка начала XX в., так и не закрепленное в реальности.

В начале XX в. увеличение числа отделений оставалось одним из приоритетов политики Государственного банка. В связи с этим он проводил жесткую экономию денежных средств и даже вынужден был по этой причине отказать крупнейшей Московской конторе в постройке филиала у Хлебной биржи в Гавриковом переулке (в 1911 г.)[58].

Однако намеченная в конце XIX в. программа создания 800—900 учреждений оставалась нереальной. В 1913 г. существовало лишь 134 постоянно действующих контор и отделений Государственного банка. В это число с 1912 г. входили небольшие агентства, в том числе существовавшие при зернохранилищах, которые очень короткое время в отчетах банка писались как агентства I разряда. Только в 1912 г. было основано 4 таких агентства — в Николаевске-на-Амуре, при зернохранилищах у железнодорожных станций Толкай, Грязи и Валуйки.

Большинство из агентств создавались для выдачи ссуд под хлеб. Как правило, схема создания агентства была такова: один из чиновников конторы или отделения прикомандировывался к местному казначейству и выдавал (в ограниченных объемах) кредиты, но без участия учетно-ссудного комитета. Исключение составляло открытое 15 октября 1912 г. в Николаевске-на-Амуре агентство с расширенными полномочиями. На него было возложено ведение

учетно-ссудной операции при участии образованного для этих целей отдельного учетно-ссудного комитета. Состав этого комитета набирался из членов комитета Хабаровского отделения. Но это агентство было основано, скорее, как экспериментальное.

По отношению к существовавшим отделениям Государственный банк последовательно проводил политику расширения круга проводимых ими операций, прежде всего трастовых и расчетных. Так, в 1910 г. была введена операция управления вкладами на хранение в Киевской и Рижской конторах, Виленском, Воронежском, Иркутском, Саратовском, Тульском и Ярославском отделениях. В том же году были открыты расчетные отделы в Виленском, Екатеринославском и Феодосийском учреждениях банка[59].

Но увеличение объемов и «ассортимента» проводимых операций не меняло картины в пропорциях по объемам операций между провинцией и столицами. В начале XX в. до 50% от общего баланса Государственного банка приходилось на его крупнейшую Петербургскую контору. Доля Московской была около 10% (в 1908—1911 гг.) с тенденцией к росту (на 1 января 1914 г. — 30%). Ее отставание от конторы северной столицы объяснялось преобладанием торговых кредитов, в то время как в Петербурге значительное количество кредитов имело характер «неуставных ссуд» (поддержка оборонных заводов и железных дорог, вливания на Петербургскую биржу для стабилизации курсов российских корпоративных бумаг и т.д.).

За исключением некоторых набравших обороты учреждений в хлебных районах империи (Восточный черноземный район, Малороссийский район), дефицит государственного кредита в российской провинции ощущался повсеместно.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война остро ставила задачу расширения сети учреждений Государственного банка, которые стали жизненно необходимы для аккумулирования свободных средств населения в целях покрытия военных расходов.

Несмотря на выдвигаемые проекты преобразования казначейств в учреждения Государственного банка, их реализация была сопряжена со многими сложностями. Значительные трудности ожидались в решении кадровой и финансовой проблем. Ведь казначейства были отличны от отделений и агентств по их структуре и характеру выполняемых операций. Казначейство управлялось единолично казначеем, а его главной функцией оставался сбор налогов. Учет векселей здесь не вели, а бухгалтерские записи казначейств выглядели довольно архаично. Конечно же, в казначействе не было контролера и учетно-ссудного комитета.

В 1915 г. Совет Государственного банка твердо высказался за решение давно назревшей проблемы расширения сети учреждений банка. Считалось, что необходимые кадры для новых учреждений вполне можно будет набрать из персонала банка, состоявшего более чем из 6000 человек[60].

Одним из наиболее активных сторонников скорейшего решения проблемы стал член Совета Государственного банка от Ми-

нистерства финансов Николай Игнатьевич Бояновский. В министерство С.Ю.Витте тесно связанный с курированием золоторазработок в Сибири[61], он хорошо знал истинную картину положения государственного кредита в российской провинции. Бояновский считал возможным сформировать штат новообразованных отделений из эвакуированных с оккупированных германской армией областей чиновников учреждений банка. Кроме того, для этих структур предполагалось выделить чиновников из Центрального управления в Петрограде.

Бояновский предложил план создания новых отделений, которые, в отличие от казначейств, были бы построены на современных принципах учета и отчетности, принятых в Государственном банке. В разработанном им плане введения шести разрядов отделений I разряд соответствовал существовавшему типу отделений III разряда. Второй предполагал нормы отделений III разряда, но при уменьшенном составе банковских чиновников. «Типы» с III по VI группировались в разновидность временных отделений и различались количеством персонала, окладами сотрудников и разными суммами на обустройство и содержание[62].

План Н.И.Бояновского сводился к реанимации идеи о расширении сети учреждений Государственного банка, выдвинутой еще в 1892 г. Согласно плану, уже в 1916 г. предполагалось создать 32 отделения. Вновь созданные отделения должны были быть приписаны к существующим в этом районе учреждениям Государственного банка.

Было предложено при открытии отделений Государственного банка определять разряд каждого из них в зависимости от суммы собираемого с данной местности налога (чем выше сумма налога, тем выше класс отделения). Но вне зависимости от разряда новые отделения должны были производить весь объем банковских операций. Однако, по мнению Н.И.Бояновского, «главнейшим и важнейшим их делом должен быть мелкий кредит»[63]. Главный упор в операциях следовало делать на учет векселей, открытие «промышленных ссуд», ссуд под товары и ценные бумаги, куплю-продажу ценных бумаг. Составляемая отчетность должна была поступать в головное окружное учреждение Государственного банка, а оттуда направляться в Центральное управление.

Новые банковские учреждения, по мнению Н.И.Бояновского, должны были содержаться по значительно более скромной смете, чем существующие отделения. В ней не оставалось места на «праздные расходы»: содержание роскошных зданий[64], дорогих автомобилей руководства и т.п. «В отношении помещений, — писал он, — нужно совершенно забыть не только о наших собственных роскошных зданиях-дворцах, стоящих сотни тысяч, но и о дорогих арендных домах, часто являющихся лучшими в городах, в которых находятся банковские учреждения. Для новых отделений, которые будут открываться главным образом в уездных городах, нужно нанимать очень скромные помещения за недорогую плату, подобные тем, которые нанимают мелкие частные кредит-

ные учреждения... Обстановка должна быть самая скромная. Нет никакой надобности в сотенных шкафах, дорогой мебели, изящных барьерах и проч. Обстановку нужно приобретать на месте и удовольствоваться теми предметами, какие могут сделать местные немудреные мастеровые. Такая обстановка будет вполне соответствовать и главнейшим клиентам маленького отделения — крестьянам и мелким торговцам и промышленникам. Не может быть речи и о собственных выездах и автомобилях, пожирающих деньги. Вообще нужно памятовать, что в нашей бедной стране роскошь более чем неуместна. Неизмеримо полезнее покрыть империю широкой сетью скромно обставленных банковых учреждений, чем незначительным числом богато обставленных»[65].

Предельной экономии предлагалось придерживаться и при комплектовании личного состава новых отделений — «в самом ограниченном числе, в строгом соответствии с количеством работы»[66]. При этом на управляющего следовало возложить не просто «кабинетную работу», а «ближайшее участие» во всех мероприятиях учреждения[67].

Грандиозная реанимированная Н.И.Бояновским задача открытия 661 отделения в условиях военного времени не могла быть скоро решена. Это потребовало бы громадных денежных расходов и большого количества квалифицированного персонала. Поэтому он предлагал решить ее постепенно, в течение шести лет, начиная с 1 января 1916 г. В каждом году, по его плану, должно открываться по 110 отделений, что также было скорее утопичной фантазией, чем реальной программой.

В городах, где не было учреждений Государственного банка, отделения предполагалось открыть уже в 1916 г. Среди этих городов первые семь определялись в следующем порядке: Новочеркасск (Донская обл.), Елисаветполь (Елисаветпольская губ.), Скобелев (Ферганская обл.), Кутаис (Кутаисская губ.), Митава (Курляндская губ.), Кельцы (Келецкая губ.), Сувалки (Сувалкская губ.). Из этого числа отделений, главным образом из-за сложностей военного времени, в 1916 г. было открыто лишь два — в Елисаветполе и Новочеркасске. В 1917 г. количество предполагаемых к открытию отделений было поставлено в зависимость от доходности вновь образованных учреждений Государственного банка.

Вскоре после составления в кабинетах грандиозного плана создания этой «банковской паутины» началась его реализация. В сложном военном 1916 г. Государственный банк открыл 8 новых отделений. «При этом... признано было целесообразным перенести часть работы Центрального управления по администрированию на места, то есть перейти к предусмотренной Уставом банка (ст. 47 Устава 1894 г.) окружной системе управления», — отмечалось в отчете Государственного банка за 1916 г.[68]

В виде опыта в ближайшие годы планировалось сформировать два или три округа. В 1916 г. был образован первый опытный округ, в который вошли 4 отделения в городах Балакове, Бугуруслане, Бузулуке и Мелекесе Самарской губернии. Головным бан-

ковским учреждением округа стала Самарская контора, преобразованная из одноименного отделения в 1914 г. В 1916 г. Самарский округ реально включал в себя лишь Самарскую контору и Бугурусланское отделение. Только в начале 1917 г. были открыты Балаковское и Бузулукское отделения; готовилось к открытию и Мелекесское отделение. Для комплектования новых отделений был использован личный состав эвакуированных из оккупированных немецкими войсками областей отделений банка. Несмотря на то что комплектование шло спешно, даже к весне 1917 г. бóльшая часть отделений округа еще не была полностью укомплектована. В большинстве их не было учетных и ссудных комитетов, без которых было невозможно вести учетно-ссудную операцию. Личный состав новых отделений не считался сильным: управляющие двух названных учреждений окончили лишь духовную семинарию, а большинство служащих получили образование в реальных, городских и уездных училищах.

И вновь грандиозный проект окружной системы, считавшейся своего рода панацеей, в условиях военного времени и надвигавшихся революций не был реализован. В дефицитном военном бюджете не нашлось средств на столь дорогую затею; не было нужного количества специалистов, а потери и поражения на фронте заставили еще больше мобилизовать ресурсы страны исключительно на военные цели. Самарский округ остался лишь малоизвестным экспериментом воплощения идеи создания обширной сети государственного кредита в провинции.

Интересным направлением деятельности Государственного банка по увеличению филиальной сети стала организация его новых учреждений в оккупированных областях Австро-Венгрии. В основном эта деятельность протекала в 1915 г. и была связана с подготовительными мероприятиями по созданию Львовского временного отделения. В деле «Высочайшие повеления 1915 г.», которое велось в канцелярии министра финансов П.Л.Барка, имеются любопытные сведения о начале этих работ. 27 марта 1915 г. император Николай II утвердил командировку управляющего Государственным банком И.П.Шипова в Галицию для ознакомления с местными условиями и возможностью открытия во Львове учреждения главного банка империи. Потребность в этом диктовалась задачей включения оккупированных областей в кредитную систему Российской империи. Оживлению экономических связей Галиции с землями Российской империи способствовали внедрение российского рубля как наиболее употребимого платежного средства и введение прямого железнодорожного сообщения. Кроме того, в Галицию стали постоянно отправляться российские товары — не только для армии, но и для удовлетворения спроса местного населения.

С введением российского военного управления в Галиции царское правительство стало прилагать усилия к налаживанию там деятельности российских банков. Первым шагом в этом направлении стало учреждение в 1915 г. во Львове отделения Русско-Ази-

атского банка, занимавшегося в основном открытием текущих счетов, приемом вкладов, переводом сумм и комиссионными операциями. Также были открыты полевые казначейства во Львове, Тарнополе и Перемышле и 5 казначейств в действующих частях российской армии. Рассматривалось предложение и об открытии во Львове отделения Варшавского коммерческого банка. Настоятельная потребность в развитии государственного кредита побуждала к более активным действиям со стороны Государственного банка.

19 апреля 1915 г. И.П.Шипов прибыл во Львов и находился там до 27 апреля 1915 г. В результате переговоров с представителями российского военного управления в Галиции и деловой элиты Львова И.П.Шипов пришел к заключению о необходимости в самое ближайшее время основать здесь временное отделение Государственного банка с последующим его преобразованием в постоянное учреждение. Главнейшими текущими задачами отделения стали бы обслуживание армии и обеспечение потребности местного населения в деньгах. Кроме того, следовало аккумулировать обращающиеся в Галиции российские деньги с целью их эффективного использования. Пристальное внимание уделялось обслуживанию «тех русских купцов и промышленников, которые завяжут связи с Галичиной, а также мелких кредитных учреждений по ознакомлении с характером деятельности каждого их них»[69].

Открытие временного отделения во Львове находилось в общем русле имперской политики «русского дела», направленной на включение Галиции в состав империи. Эта задача считалась неотложной ввиду необходимости скорейшей стабилизации хозяйственной жизни Галиции и пресечения ростовщических операций на почве дороговизны кредита. Министр финансов П.Л.Барк считал, что «если Государственный банк не успеет занять более прочного положения, то на его место могут встать австрийские кредитные учреждения, имеющие уже многолетние связи с населением»[70].

По намеченному И.П.Шиповым плану деятельность временного отделения первоначально ограничилась «простейшими операциями», главным образом по приему вкладов, открытию текущих счетов и переводу сумм. Со временем отделение во Львове должно было проводить и активные операции.

22 мая 1915 г. П.Л.Барк доложил Николаю II об итогах пребывания управляющего Государственным банком в Галиции. Император проявил живой интерес к проблеме, и с его согласия Государственный банк приступил к открытию отделения во Львове. Для ознакомления с местными обычаями в области кредита П.Л.Барк поручил организовать работу по переводу тех частей австрийского законодательства, которые касались производства кредитных операций[71].

Однако дальнейшим развитием военных действий работа по созданию Львовского отделения была прекращена. Революционные события 1917 г. сковали деятельность Государственного банка и обратили его преимущественное внимание на выживание госу-

дарственной кредитно-финансовой системы в тяжелейших для страны условиях. 1917 г. стал завершающим годом деятельности Государственного банка Российской империи, который передал своему преемнику и богатый опыт работы, и развитую филиальную сеть: за менее чем 60 лет своего существования он создал около двухсот постоянно действующих контор и отделений (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Рост сети учреждений Государственного банка, 1861—1917 гг. (к началу года)

Год	Количество учреждений (постоянных)
1861	7
1870	45
1880	54
1890	91
1900	113
1910	122
1917	191

Источники: Таблица составлена по материалам отчетов Государственного банка.

Важно отметить, что программа «насаждения» учреждений Государственного банка Российской империи разрабатывалась «наверху» и нередко шла впереди уровня экономического развития регионов. Неслучайно отделения и конторы банка часто оказываются первыми банковскими учреждениями во многих городах. Причины их появления могли быть разными: от необходимости содействия торговым оборотам городов до чисто политических, вызванных военным временем. Как правило деятельность отделений оказывала благотворное влияние на экономическое развитие регионов. В этом смысле актуальной остается точка зрения профессора А.И.Буковецкого, высказанная еще в 1920-е гг., о «подтягивании» отделениями экономического уровня провинции[72].

Примечания

[1] См., например: Банк на все времена: Государственный банк в Татарстане: вчера, сегодня, завтра. Берлин, 1997; Бугров А.В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999; Ефимкин А.П., Ковалева Т.И., Харламов В.А. Главный банк Нижнего Новгорода. Т. 1. Нижний Новгород, 2000; Смирнова Н.И., Чеснокова А.Н. Санкт-Петербургская (Петроградская) контора Государственного банка (1894—1918). СПб., 2001.

[2] Отчет государственных кредитных установлений за 1860 г. СПб., 1863. С. 9.

[3] Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 450. Оп. 1. Д. 3. Л. 6об.—11.

[4] Шипов А.П. Реформа нашей кредитной системы с установлением наибольшей правильной свободы банков, или Устранение давлений плутократии. СПб., 1874. С. 88.; он же. Настоящее наше экономическое положение и его последствия. СПб., 1871. С. 16—17.

[5] См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее ПСЗ II). Т. 37. Отд. 1. СПб., 1865. С. 2—12.

[6] См.: там же. Т. 35. Отд. 1. СПб., 1862. С. 644—646.

[7] Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 587. Оп. 41. Д. 1901. Л. 1об.

[8] Там же. Л. 16—17об.

[9] Свод уставов Государственного банка и контор его, указов и инструкций об устройстве, делопроизводстве и отчетности контор и отделений Государственного банка. СПб., 1972. С. 42.

[10] РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 163. Л. 12—14об.

[11] Там же.

[12] См.: ПСЗ II. Т. 38. Отд. 2. СПб., 1866. С. 305—306.

[13] Отчет государственных кредитных установлений за 1864 г. СПб., 1867. С. 6.

[14] Отчет государственных кредитных установлений за 1863 г. СПб., 1865. С. 3—4.

[15] РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 329. Л. 102.

[16] Там же. Л. 102об.

[17] Там же. Л. 104об.

[18] Отчет государственных кредитных установлений за 1860 г. СПб., 1863. С. 4.

[19] Там же.

[20] Отчет государственных кредитных установлений за 1861 г. СПб., 1863. С. 5.

[21] Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960. С. 358.

[22] РГИА. Ф. 587. Оп. 11. Д. 86. Л. 110—111.

[23] Пихно Д.И. Коммерческие операции Государственного банка. Киев, 1876. С. 114; Головачев А.А. Десять лет реформ: 1861—1871 гг. СПб., 1872. С. 50.

[24] Пихно Д.И. Указ. соч. С. 114.

[25] Заварихин С.П., Фалтинский Р.А. Капитал и архитектура. СПб., 1999. С. 232—233.

[26] Проект здания для отделения Государственного банка в уездном городе // Зодчий. 1881. № 9. С. 72.

[27] Циркуляры Государственного банка конторам и отделениям, последовавшие с 1 января 1894 г. Б. м. и г. С. 60—61.

[28] Сборник циркулярных распоряжений Государственного банка по его конторам и отделениям, последовавших с 1 сентября 1894 г. по 1 января 1897 г. СПб., 1897. С. 59.

[29] Там же. С. 39.

[30] Там же. С. 24—25.

[31] Там же. С. 35.

[32] См.: ПСЗ III. Т. 14. СПб., 1865. С. 411—427.

[33] Петербургская контора открылась 1 сентября 1894 г.

[34] РГИА. Ф. 583. Оп. 19. Д. 61. Л. 30.

[35] Циркуляры Государственного банка конторам и отделениям, последовавшие с 1 января 1894 г. Б. м. и г. С. 72.

[36] Гамбаров П.С. Двадцать пять лет деятельности Германского имперского банка (1876—1900). Рига, 1902. С. 31—32.

[37] Обзор иностранных законодательств об эмиссионных банках. Б. м. и г. [СПб., 1908.] С. 59.

[38] Там же. С. 21.

[39] Сборник наказов и правил по операциям Государственного банка. С приложением Устава Государственного банка. СПб., 1913. С. 9.

[40] Циркуляры Государственного банка конторам и отделениям, последовавшие с 1 января 1894 г. С. 72.

[41] В Германии площади банковских округов колебались от 500 кв. км (Дюссельдорфский округ) до почти 30 тыс. кв. км (Мюнхенский округ). См.: Гамбаров П.С. Двадцать пять лет деятельности Германского имперского банка (1876—1900).

[42] Циркуляры Государственного банка конторам и отделениям, последовавшие с 1 января 1894 г. С. 72.

[43] РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 757. Л. 198.

[44] Там же. Оп. 56. Д. 1005. Л. 3.

[45] Там же. Л. 3об.

[46] См.: там же. Оп. 30. Д. 757. Л. 96—97об.

[47] Там же. Д. 1118. Л. 1—22.

[48] Руководство по взаимным отношениям окружных контор и входящих в состав округов отделений. Б. м. и г. С. 1—2.

[49] Там же. С. 1.

[50] Там же. С. 3.

[51] Бояновский Н.И. Доклад о расширении сети учреждений Государственного банка. Б. м. и г. С. 3.

[52] ЦИАМ. Ф. 450. Оп. 2. Д. 83. Л. 19—20.

[53] Там же. Л. 13—17об.

[54] РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 730. Л. 122.

[55] Там же. Л. 123.

[56] Казначейства (кассы Министерства финансов) занимались сбором государственных доходов, их хранением, производством платежей, пересылкой денежных сумм из одного казначейства в другое.

[57] Сборник циркулярных распоряжений Государственного банка по его конторам и отделениям, последовавших с 1 сентября 1894 г. по 1 января 1897 г. СПб., 1897. С. 342—343.

[58] РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 971. Л. 42.

[59] Отчет Государственного банка за 1910 г. СПб., 1911. С. XIII.

[60] Комиссия (делегация) Совета Государственного банка по поверке отчета банка за 1914 г. Пг., 1915. С. 7.

[61] Ефимкин А.П. Профессионалы Государственного банка: Николай Игнатьевич Бояновский // Проблемы совершенствования и развития банковской системы региона: Материалы II научно-практической конференции 23 декабря 1999 г. Нижний Новгород, 2000. С. 89—91.

[62] Бояновский Н.И. Указ. соч. С. 17.

[63] Там же. С. 26.

[64] Известно, что к 1915 г. из 134 учреждений главного банка империи 107 имели собственные здания и 24 арендовали здания в городских центрах (см.: Банк России. Справочно-информационный центр. Высочайшие повеления 1915 г. СПб., 1915. Л. 6.).

[65] Бояновский Н.И. Указ. соч. С. 16.

[66] Там же.

[67] Там же. С. 17.

[68] Отчет Государственного банка за 1916 г. Пг., 1917. С. XXI.

[69] Банк России. Справочно-информационный центр. Высочайшие повеления 1915 г. Л. 50об.

[70] Там же. Л. 51.

[71] Там же. Л. 54.

[72] Буковецкий А.И. Кредитная политика дореволюционного Государственного банка // Вестник финансов. 1925. № 5. С. 58—59.

*А.Л.Дмитриев**

Кредитные учреждения Петрограда—Ленинграда в 1920-е гг.

После Октября 1917 г. кредитное дело в России претерпело радикальные перемены. 14 декабря 1917 г. был издан декрет ВЦИК о национализации всех частных банков. Постепенно они стали вливаться в Государственный банк, который, в свою очередь, был превращен в Народный банк РСФСР.

Однако на первых порах еще продолжалась деятельность некоторых дореволюционных кредитных учреждений. Так, в Инструкции управляющего бывшими частными акционерными банками Г.Я.Сокольникова от 28 января 1918 г. отмечалось: «Городской, общественный, кооперативный банки, общества взаимного кредита национализации не подлежат, по контролю могут назначаться комиссары. Местные отделения частных банков преобразуются в отделения местного Государственного банка, сливаются вместе в случае излишнего числа отделений. Необходимо в торговых селах открывать отделения, используя освободившийся персонал. Выдачи на личные расходы ограничить 150 р. в неделю; выдавать производственным, продовольственным и общественным нуждам по удостоверении рабочих, крестьянских организаций и советов земельных комитетов, остановить полностью сделки с процентными бумагами, не выдавать таковых из банков; прекратить операции по онкольным счетам; не выплачивать дивидендов, ревизовать задержанные в банках грузы; составить баланс ко дню занятий банков. Немедленно приступить к составлению единого списка текущих счетов переносом в открытую новую книгу отделения...»[1].

Новая власть придавала большое значение развитию безналичных расчетов: к концу 1918 г. в стране насчитывалось более 200 контор и отделений Народного банка, которые пытались привлечь деньги ненационализированной промышленности путем заключения соглашений с фабрично-заводскими комитетами о хранении наличности не в кассах предприятий, а в банке.

После национализации земли и предприятий прекратили свое существование все поземельные банки и другие кредитные учреждения. К концу 1919 г. единственным банком на всей территории РСФСР оставался Народный банк. Он состоял из 15 отделов:

* Дмитриев Антон Леонидович — кандидат экономических наук (С.-Петербургский государственный университет экономики и финансов).

1) общих вопросов государственного кредита и банковой политики, 2) активных операций, 3) пассивных операций, 4) международных расчетов, 5) по финансированию национализированной промышленности и народно-хозяйственных операций госучреждений, 6) железнодорожного, 7) кооперативного, 8) отдела кредитных билетов, 9) центральной канцелярии, 10) центральной бухгалтерии, 11) судебного, 12) хозяйственно-технического, 13) по национализации и ликвидации банков коммерческого кредита, 14) по ликвидации учреждений ипотечного кредита, 15) по изготовлению денежных знаков. Специальным циркуляром от 28 января 1919 г. была установлена функция каждого из отделов. Очевидно, что, с одной стороны, Народный банк был оперативным, а с другой — регулирующим органом, осуществляющим реорганизацию всей системы кредита. Между тем функции этого единственного банка скоро стали изменяться. Частнохозяйственная жизнь в стране замирала, а государство перешло на бюджетно-сметный порядок финансирования национализированных предприятий. Денежное обращение сокращалось, а страна переходила к натуральному хозяйству. Все финансирование, получаемое промышленностью, производилось в порядке исполнения ее сметы по государственному бюджету. Естественно, что в таких условиях кредитные учреждения не были нужны стране. Некоторое время на старых основах сохранялись операции банка с предприятиями, не попавшими под действие закона о национализации.

Народный банк фактически превратился в сметно-плановый орган. Он производил наличные выдачи лишь по сметам и делал «оборотные» перечисления из сметы одного предприятия или учреждения в сметы другого за материальные ценности или за работу, полученные вторым от первого. Так, декретом Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 23 января 1919 г. «О расчетных операциях» было четко предписано вести все расчеты в государственном секторе без участия денежных знаков, так называемым «бухгалтерским способом».

Постановлением Народного комиссариата финансов от 4 мая 1919 г. Государственное казначейство слилось с Народным банком, а его бухгалтерская часть образовала бюджетный отдел банка. Народному банку было поручено составление государственной росписи доходов и расходов, разработка общих и специальных вопросов по бюджету. Фактически банк стал центральной сметной бухгалтерией казны и обобществленного хозяйства. Кредитная функция банка была утрачена, а за ним осталась лишь казначейская эмиссия.

В октябре 1919 г. было издано постановление о губернских и уездных финансовых отделах, по которому отделения Народного банка прекратили самостоятельное существование и превратились в подотделы местных финансовых органов; а затем было утверждено положение о Центральном бюджетно-расчетном управлении Народного комиссариата финансов РСФСР. Народный банк де-факто утратил свое значение кредитного учреждения страны, а

Декретом СНК от 19 января 1920 г. он и вовсе был упразднен. Часть отделов банка была закрыта, а другая — перешла в соответствующие отделы Бюджетно-расчетного управления. Фактически два последующих года страна существовала без Государственного банка. Нарком финансов Г.Я.Сокольников в декабре 1921 г. так характеризовал ситуацию: «Для этого детища Октябрьской революции (т. е. Народного банка. — *Авт.*) обстановка 1918—1921 гг. отнюдь не была теплицей, в которой он мог бы безмятежно созревать и развиваться. Осуществлять функции капиталистических кредитных учреждений по отношению к частным капиталистам и мелкой собственности, экономически поддерживая и укрепляя их, он не мог, так как это означало бы, что пролетарская диктатура стала бы через банк проводить задачу диаметрально противоположную той, которую она ставила себе всей остальной своей деятельностью, — задаче полного экономического раздробления частного капитала (и всего, что к нему тянется) как естественного союзника белых армий...»[2] И далее Сокольников замечал, что «крах денежных оценок» ставил вопрос о выработке новых форм учетных единиц: «"Натуральная" бухгалтерия при хозяйственных центрах записывала, сколько и кому назначено и роздано, она кое-как учитывала распределение тканей, сапог, калош (воровство "натурально" процветало, несмотря на эту натуральную запись!). Но она совершенно не могла бухгалтерски проследить за превращением, даже в весьма скромных размерах, сырья в полупродукт и последнего — в продукт. ...Финансирование промышленности через банк стало бессмыслицей, ибо оно свелось к выдаче денежных знаков из казначейства по сметам. Банк умирал. Его похоронили, и — сознание определяется бытием — соответствующая теория вбила в крышку его гроба потребный идеологический гвоздь. Теперь, в новых условиях, и этот Лазарь воскресает из мертвых»[3].

Это «воскресение» состоялось после введения новой экономической политики.

* * *

После Гражданской войны стал четко обрисовываться перелом в экономической политике советской власти. Новая экономическая политика состояла в том числе и в восстановлении товарно-денежных отношений, но не в стихийных формах, а на базе регулирования государством — «государственного капитализма». Нэп требовал перевода государственных предприятий на коммерческий расчет. Как отмечал один из творцов нэпа Л.Н.Юровский, «признание рынка изменило всю структуру государственного хозяйства. Продукты стали вновь товарами, независимо от того, кто их производил. Производство и распределение товаров стало вновь подчиняться законам обмена»[4]. Нэп не только создавал базу для восстановления денежной системы и кредитного аппарата, но и предопределял кредитную политику.

Летом 1921 г. Финансовый комитет при СНК пришел к заключению о необходимости отмены ограничений в праве накопления и хранения денежных средств и возобновления операции текущих счетов. Специальным постановлением СНК был разрешен прием денег на текущий счет во всех финансовых органах. Возник вопрос о выдаче ссуд государственным учреждениям, а также об организации особого банковского управления в составе Наркомфина.

Задачи, связанные с восстановлением банковско-кредитной системы, состояли в организации хозяйственного оборота и создании условий, которые были необходимы для его правильного течения. Сюда следует отнести воссоздание денежной системы и денежного обращения, перераспределение ресурсов для лучшего финансового обеспечения государственных хозяйственных органов, производство расчетов по взаимоотношениям отдельных частей государственного и хозяйственного аппарата, освобождение бюджета от большого бремени хозяйственных расходов.

Новая кредитно-банковская система рождалась в спорах о том, какой она должна стать. Основным вопросом был следующий: должен ли существовать один банк или несколько банков? По мнению одних, необходимо было ориентироваться на единый Государственный банк и не воспроизводить частнокапиталистической системы множественности банков. По мнению других, новому экономическому строю нужны были не столько банки, сколько «комитеты финансирования». Исходя из этого, считалось целесообразным наряду с центральным банком создать и другие кредитные учреждения, тесно связанные с органами управления основными отраслями народного хозяйства. Эта точка зрения позже взяла верх, что привело к возникновению в 20-х гг. сети специальных банков. Но в момент подготовки к восстановлению банковских учреждений (декабрь 1921 г.) было принято решение об учреждении единого Государственного банка и его монопольном положении в системе кредита[5].

Организация специальных банков

Одна из точек зрения в советском правительстве сводилась к тому, как уже отмечалось, что целесообразно учредить банки для отдельных отраслей народного хозяйства с тем, чтобы они, находясь под непосредственным влиянием соответствующих наркоматов, служили бы своеобразным «орудием» проведения финансовой политики в данных отраслях. Еще в докладе народного комиссара финансов IX съезду Советов указывалось на необходимость создания системы кредитных учреждений. Идея множественности кредитных учреждений стала быстро воплощаться в создании спецбанков. Отмечалось, что специальный банк той или иной отрасли, находясь с ней в тесной близости, сумеет лучше, нежели универсальный Государственный банк, подойти к обслуживанию кредитом предприятий отрасли и успешнее произвести аккумуляцию

средств. При этом каждая отрасль будет иметь свой финансовый центр, регулирующий ее финансовое хозяйство.

Идея создания специальных банков вызвала большие споры. Оппоненты ее сторонников указывали, что спецбанки будут сильно ограничены в своих ресурсах, так как внутренних средств отраслей недостаточно для восстановления их хозяйства и сфера перераспределения средств в системе спецбанков окажется меньшей, нежели при едином банке универсального типа. Приводился и еще один аргумент: ведомственный банк отойдет от нормальной кредитной деятельности и подчинит ее ведомственным интересам.

Тем не менее в стране создается целая сеть спецбанков. В конце 1922 г. открылся Торгово-промышленный банк СССР (Промбанк), ставший вторым по величине кредитным учреждениям после Государственного банка. Его первоначальный основной капитал был определен в 5 млн руб. (50000 акций по 100 руб. каждая).

К 1924 г. в СССР действовали четыре банка: Промбанк; Всероссийский кооперативный банк (Всекобанк), преобразованный из Банка потребительской кооперации (Покобанк), который открылся в феврале 1922 г.; Российский коммерческий банк (Росскомбанк), на базе которого в 1924 г. был организован Банк для внешней торговли (Внешторгбанк), и Московский городской банк (Мосгорбанк). Позже были открыты действия еще трех банков: Центрального сельскохозяйственного, Центрального коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) и Электробанка[6]. Следует отметить, что никакой системы в организации спецбанков не было. Только некоторым из них — Промбанк, Электробанк и Центральный сельскохозяйственный банк — составляли банковский аппарат хозяйственных органов.

Сфера деятельности спецбанков определялась разными факторами — иногда по субъекту кредита, т. е. по хозяйственному процессу, иногда — по строению клиентуры. Мосгорбанк состоял при Моссовете и задачей его являлось обслуживание местного хозяйства — коммунального и жилищного. Позже он перешел в группу коммерческих банков. Цекомбанк не состоял ни при каком хозяйственном органе. Всекобанк был отчасти при Центросоюзе, который, как торговый аппарат, находился в управлении Наркомата торговли. Банк опирался на всю кооперацию в целом — и в промышленности, и в торговле, и в сельском хозяйстве. Росскомбанк был частным банком, основанным на иностранном капитале, и тяготел к Госбанку. В компетенцию Промбанка входило кредитование промышленного процесса в обобществленном секторе экономики.

Между тем все спецбанки финансировали и чуждые им области. Так, в частности, Промбанк обслуживал торговлю, кооперацию, частную клиентуру. По существу, сфера деятельности банков была одинаковой лишь с преобладающим финансированием той или иной соответствующей отрасли. Промышленность кредитовалась и Госбанком, и Промбанком; кооперация — Госбанком, Все-

кобанком, Промбанком, Мосгорбанком; внешняя торговля — Госбанком и Внешторгбанком, и т. п. Параллельно перекрещивающееся кредитование одной и той же клиентуры являлось неизбежным организационным дефектом системы, и поэтому было необходимо производить изменения. Все спецбанки, за исключением Всекобанка, по существу, были государственными или правительственными банками, так как их основной капитал был дан государственными предприятиями и учреждениями: участники отвечали за банк лишь своими акциями. Всекобанк и аналогичный ему Украинбанк могут быть отнесены к типу паевых банков, на пайщиках которых лежала дополнительная ответственность в кратном отношении к их взносу. От обычного коммерческого банка советские акционерные банки отличались тем, что акции не могли быть объектом купли и продажи и были закреплены за определенными акционерами. То есть капитал был иммобилизован и оторван от денежного рынка. Акционерная форма банков давала многое. Во-первых, Государственное казначейство было освобождено от значительных затрат на основные капиталы спецбанков; во-вторых, капиталы в акционерной форме могли увеличиваться постепенно, притягивая часть накоплений из обслуживаемой сферы хозяйства. Наконец, в-третьих, создавалась связь банковской клиентуры, бывшей одновременно акционерами, с банковским аппаратом. Некоторые из спецбанков представляли собой общества взаимного кредита в специальной форме. Эта черта отразилась на структуре спецбанков и явилась одной из причин того, что позже развитие некоторых спецбанков приостановилось. В целом же можно отметить, что уставы спецбанков воспроизводили постановления советского акционерного законодательства, а их структура — структуру обыкновенных коммерческих банков.

В 1925 г. развернулась острая дискуссия об организации еще одного спецбанка — Транспортного банка. Один из ее активных участников — известный экономист В.М.Штейн — так характеризовал ситуацию: «...Государственному банку было никак не справиться с ролью универсального кредитора, одновременно снабжающего все отрасли народного хозяйства и долгосрочным, и краткосрочным кредитом. Начинают создаваться новые банки, но их учреждение не является результатом осуществления единого, заранее выработанного, продуманного плана, а подчиняется влиянию назревшей в тот или иной момент времени потребности»[7]. В.М.Штейн особо подчеркивал, что часто это было не стремление к стройности и равновесию банковской системы, а желание отрасли народного хозяйства, состоящей под особым покровительством (Электробанк, Цекомбанк). Однако по ряду причин Транспортный банк так и не был организован.

Для характеристики развития операций спецбанков в период с 1923 по 1926 г. рассмотрим следующие данные (Таблица 1).

Таблица 1

Развитие операций спецбанков (млн руб.)

	На 1.10. 1923 г.	На 1.10. 1925 г.	Прирост	На 1.10. 1926 г.	Прирост
Первая группа (Промбанк, Росскомбанк (Внешторгбанк), Мосгорбанк, Всекобанк)					
Основные капиталы	35,0	141,8	+106,8	174,5	+32,8
Вклады и текущие счета	63,5	4512,5	+349,0	385,2	−27,3
Спец. средства	11,6	44,1	+32,5	81,4	+37,3
Кредит в Госбанке	19,0	90,7	+71,7	107,1	+16,4
Учетно-ссудные операции	111,3	635,6	+524,3	737,6	+102,0
Баланс	183,6	1020,3	+836,7	1118,0	+97,7
Вторая группа (Центральный сельскохозяйственный банк, Цекомбанк, Электробанк)					
Основные капиталы	—	97,4	—	208,0	+110,6
Вклады и текущие счета	—	29,8	—	62,9	+33,1
Спец. средства	—	33,3	—	94,7	+61,4
Кредит в Госбанке	—	84,1	—	91,9	+7,8
Учетно-ссудные операции	—	227,1	—	432,6	+205,5
Баланс	—	277,3	—	524,2	+246,9

Источник: Блюм А.А. История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М., 1929. С. 158.

Очевидно, что до 1925 г. наблюдалось стремительное развитие специальных банков, а затем, в 1925—1926 гг., произошло резкое сокращение темпа роста. По первой группе банков прирост учетно-ссудных операций в 1925—1926 гг. составил 102 млн руб., но он лишь на 59,1 млн руб. покрывался приростом нормальных видимых источников средств, а в остальной части (43 млн руб.) происходил за счет увеличения второстепенных пассивов. Это означало, что развитие активных операций происходило форсированно, отрываясь от развития основных ресурсов. В результате возникала напряженность и необходимость поддержки Госбанка, на кредиты которого падало 15% активных операций.

К концу 1926 г. в системе спецбанков наблюдался регресс. Особенно он проявился в деятельности Промбанка. Этот регресс был связан с двумя основными причинами. Первая заключалась в том, что все свободные средства и накопления, особенно в промышленности, стали поступать на расширение и обновление технического оборудования в промышленности, т. е. на увеличение основного капитала, которое вначале имело стихийный характер. Однако, после того как была провозглашена политика индустриа-

лизации, положение изменилось. Затраты на переоборудование, не имея определенного источника, производились из общих оборотных средств промышленности. В результате не только отсрочивалось откладывание средств на текущих счетах, но наблюдался их отлив. Вторая причина лежала в структуре спецбанков. Поскольку спецбанки занимались распределением внутриотраслевых средств, каждый банк был тесно связан с состоянием обслуживаемой им отрасли и, естественно, зависел от ее финансового положения, он не являлся представителем общего денежного рынка и не имел посторонних для данной отрасли ссудных капиталов, с помощью которых можно было бы разрядить финансовую напряженность в отрасли.

Особенности финансовой природы спецбанков сказались в период 1924—1926 гг.: обнаружилась несовместимость множественности банков центрального значения с общими основами советской хозяйственной системы. Дело в том, что каждый банк стремился достигнуть максимума влияния на хозяйственный оборот в своей сфере. Таким образом создавалась основа для конкуренции между банками, и прежде всего между теми, которые одновременно и параллельно вели операции в той или иной отрасли. Эта конкуренция приняла острую форму борьбы за вклады и текущие счета после того, как замедлился рост вкладной операции в общем масштабе. Наблюдалось скрытое повышение пассивного процента, предоставление особых льгот вкладчикам и даже принуждение клиентуры. Кроме того, усиленно открывались филиалы банков в разных регионах страны, и их количество значительно превышало потребность в них. Создавалось подобие конкуренции капиталистических банков, что, разумеется, никак не сочиталось с плановым, социалистическим началом.

В условиях жесткой борьбы за клиентов спецбанки требовали четкого распределения первых и отведения каждому банку определенного круга организаций в качестве постоянных клиентов. Однако решение этой задачи откладывалось, поскольку возникало сомнение в возможности банков при данном объеме ресурсов обслуживать потребности той или иной отрасли.

Все эти обстоятельства в конечном итоге привели к коренному реформированию системы спецбанков в СССР.

* * *

В связи с переездом в 1918 г. правительства в Москву, Петроград утратил роль кредитного центра страны. Все крупнейшие банки, созданные в первой половине 20-х гг., находились в Москве, а в Петрограде—Ленинграде возникла целая сеть филиалов.

Так, 26 ноября 1922 г. была образована Северо-Западная областная контора (с тремя отделениями) Промышленного банка, который с 1923 г. стал называться Торгово-промышленным. Осенью 1927 г. Северо-Западная контора была реорганизована в Ленинградскую областную, на базе которой в 1929 г. был создан аппарат уполномоченного по Ленинградской области Банка долго-

срочного кредитования промышленности и электрохозяйства СССР (Промбанка СССР).

1 июля 1923 г. было образовано Северо-Западное областное общество сельскохозяйственного кредита «Сельхозбанк», имевшее несколько агентств в Северо-Западной области. В феврале 1929 г. на базе этого общества был создан Ленинградский областной сельскохозяйственный банк «Сельхозбанк» Сельскохозяйственного банка РСФСР, который в апреле 1930 г. был реорганизован в областную контору Всесоюзного сельскохозяйственного кооперативного банка (Союзколхозбанка) СССР.

В феврале 1922 г. было создано Петроградское отделение Банка потребительской кооперации (Покобанк), которое с 1924 г. стало называться Северо-Западной конторой Всекобанка, а с 1932 г. — Ленинградской областной конторой Всесоюзного банка финансирования капитального строительства кооперации (Всекобанк) (Невский пр., 22).

В декабре 1922 г. было образовано Петроградское отделение Российского коммерческого банка (Росскомбанка), переименованное в 1924 г. в Ленинградское отделение Банка для внешней торговли СССР и ликвидированное в 1928 г. (Невский пр., 62).

В ноябре 1924 г. было открыто отделение Акционерного банка по электрификации (Электробанк), которое в 1928 г. было слито с Ленинградской областной конторой Промышленного банка (Невский пр., 23).

Отметим, что все эти банки, находясь в городе, распространяли свои действия на всю Северо-Западную область. Отчеты банков составлялись в целом по области, и потому практически невозможно выделить данные о деятельности этих банков на территории города.

Ленинградский коммунальный банк

Как уже отмечалось, начало организации коммунальных банков было положено учреждением Московского городского банка. Его устав был утвержден Советом труда и обороны (СТО) 6 ноября 1922 г., а действия были открыты 2 января 1923 г. 18 января 1923 г. было издано Постановление ВЦИК и СНК РСФСР о коммунальных банках. Этим же постановлением предусматривалось создание Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанка), который открыл свои действия в марте 1925 г. В соответствии с постановлением, губисполкомам было предоставлено право учреждать коммунальные банки в форме смешанных акционерных обществ. Не менее 50% акций банка учредитель должен был оставить за собой. В постановлении отмечалось, что целью коммунальных банков должно являться содействие банковскими операциями восстановлению и развитию местной экономической жизни и, в частности, кредитование местного коммунального хозяйства. Были созданы особые условия по обеспечению выдаваемых коммунальными банками ссуд на ком-

мунальные нужды и строительство. Им было предоставлено право требовать обеспечения ссуды доходами от коммунальных и иных предприятий и строений (причем банки могли назначать своих представителей в управление этими предприятиями), а также местными налогами в порядке, предусмотренном Постановлением СНК о праве исполкомов и горсоветов кредитоваться в банках и иных учреждениях, залогом частновладельческих строений с правом продажи с публичного торга в случае несвоевременного погашения выданных ссуд[8]. Таким образом, будучи юридически акционерными, коммунальные банки фактически являлись банками местных исполкомов.

Следует отметить, что эти характерные черты коммунальных банков сильно отличали их от других кредитных организаций, и прежде всего от дореволюционных городских общественных банков. Общественные банки не были акционерными обществам, а являлись организациями городских управлений и принадлежали к числу городских общественных учреждений. Их капитал образовывался из городских сумм или составлялся из городских пожертвований; учреждались эти банки по постановлению городских дум, которыми и избирались правления банков. По обязательствам городские банки отвечали всеми капиталами. Кроме того, городские управления участвовали в установлении основных правил деятельности банков, производили ежемесячные проверки кассы, ежегодные ревизии банков.

Ленинградский коммунальный банк был открыт 14 мая 1923 г. (Невский пр., 30). Банк состоял из следующих подразделений: правления, инспекции, секретариата, фондового, комиссионного, товарно-ссудного, учетно-ссудного, страхового отделов, а также отдела текущих счетов, юридического, финансово-экономического бюро, бухгалтерии и кассы. Директором банка стал Ю.С.Гессен, работавший до революции клерком в Русском для внешней торговли банке и в страховом обществе «Россия», а в марте 1917 г. занимавший должность помощника коменданта Таврического дворца. Он возглавлял банк с 1923 г. по 1927 г., а затем был коммерческим директором Текстильно-ватного треста[9].

Если принять за единицу баланс банка на 1 октября 1923 г., то к 1 октября 1927 г. баланс увеличился в 18 раз, причем отдельные его статьи дают еще больший темп роста, чем весь баланс в целом: таковы в активе целевые кредиты (рост в 231 раз), в пассиве — вклады и текущие счета (в 38 раз). Рост учетно-ссудных операций банка происходил в целом одинаково с ростом баланса, тогда как рост собственных капиталов значительно отставал от роста всех статей баланса как в активе, так и в пассиве. Учитывая это обстоятельство и недостаточность оборотных средств, в 1927 г. общее собрание банка приняло решение об увеличении акционерного капитала банка с 7 до 10 млн руб., с привлечением в число акционеров банка всех основных отраслей местного хозяйства.

Для наглядности рассмотрим динамику баланса банка с 1923 г. по 1928 г. (Таблица 2). За пять лет работы банка внутреннее стро-

ение отдельных статей баланса в активе и пассиве изменялось весьма сильно: целевые кредиты возрастают с 2% до 26,3% баланса; величина собственных капиталов в пассиве банка сокращается (с 23,8 до 18,4%); снизилось и значение займов в кредитных учреждениях (с 23,8 до 13,7%).

Большую роль Ленинградский коммунальный банк играл в удовлетворении краткосрочных и долгосрочных кредитов жилищно-арендных кооперативных товариществ (жактов) города. Данные о динамике этих кредитов за 1923—1927 гг. сведены в Таблице 3.

Таблица 2

Рост баланса Ленинградского коммунального банка с 1.10.1923 г. по 1.01.1928 г. (тыс. руб.)

Наименование статей	На 1.10.1923 г.		На 1.10.1925 г.		На 1.10.1928 г.	
	тыс. руб.	темп роста (%)	тыс. руб.	темп роста (%)	тыс. руб.	темп роста (%)
Актив						
1. Касса и текущие счета	44	100	829	1884,0	484	1100,0
2. Учетно-ссудные операции	1834	100	18259	995,5	33577	1830,8
в т. ч. целевые кредиты	47	100	4857	10334,0	13410	28531,9
а) за счет банка	47	100	4857	9695,7	4853	10325,0
б) за счет спец. средств	—	—	300	100,0	8557	2852,3
3. Прочие активы	450	100	6920	1537,0	8859	1968,6
Баланс	2328	100	26008	1117,1	42920	1843,6
Пассив						
1. Собственный капитал	768	100	3508	156,7	7713	1014,2
2. Спец. средства	—	—	300	100,0	8862	2954,0
3. Вклады и текущие счета	379	100	11255	2969,6	9558	2521,8
4. Займы и кредит учреждения	556	100	2426	436,3	6399	1150,8
5. Прочие активы	625	100	8519	1363,0	10388	1662,0
Баланс	2328	100	26008	1117,1	42920	1843,6

Источник: Доклад о деятельности Ленинградского коммунального банка с 1923 по 1927 г. // ЦГА СПб. Ф. 1126. Оп. 8. Д. 3. Л. 3.

Таблица 3

Ссуды, выданные Ленинградским коммунальным банком жактам

1923 г.		1923/24 г.		1924/25 г.		1925/26 г.		1926/27 г.	
кол-во	сумма (тыс. руб.)	кол-во	сумма (тыс. руб.)	кол-во	сумма (тыс. руб.)	кол-во	сумма (тыс. руб.)	кол-во	сумма (тыс. руб.)
88	41,2	1733	1431,1	2676	2923,7	1986	3123,5	203	13748,5

Источник: Доклад о деятельности Ленинградского коммунального банка с 1923 по 1927 г. Л. 6.

О составе акционеров коммунального банка дает представление Таблица 4.

Таблица 4

Акционеры Ленинградского коммунального банка

Наименование группы	На 1.10.1924 г.		На 1.10.1925 г.		На 1.10.1926 г.		На 1 10.1927 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Исполкомы					2435,7	48,7	4051,3	61,2
Госпромышленность Госторговля	2069,9	82,8	2766,4	82,4	1155,1	21,1	1116,5	16,9
Прочие госорганы	—	—	—	—	271,8	5,4	224,2	3,4
Кооперация	337,1	13,5	400,6	12,0	558,8	11,2	573,7	8,6
Кредитные учреждения	—	—	—	—	3,4	0,1	1,2	0,2
Коммунальные предприятия	—	—	—	—	—	—	0,1	—
Частные лица и учреждения	93,3	3,7	189,5	5,6	148,2	3,0	182,9	2,8
Всего*	2500,3	100,0	3356,5	100,0	5000,0	100,0	6616,7	100,0

* Сумма по столбцу не дает итоговой цифры. Так в документе.
Источник: Доклад о деятельности Ленинградского коммунального банка с 1923 по 1927 г. Л. 2.

6 февраля 1927 г. Экономическое совещание РСФСР, заслушав доклад о деятельности местных коммунальных банков, вынесло ряд директивных постановлений. В них были определены дальнейшие направления деятельности банков. В частности, совещание постановило: «В целях разграничения сферы деятельности коммунальных банков от других кредитных учреждений, сосредоточить работу коммунальных банков на кредитовании следующих отраслей хозяйства: жилищного строительства, предприятий общественного благоустройства (коммунальных предприятий) и местной государственной промышленности и торговли, за исключением особо крупных объединений»[10].

В 1928 г. Ленинградский коммунальный банк был преобразован в Ленинградский областной коммунальный банк, а Постановлением ВЦИК и СНК от 30 ноября 1931 г. реорганизован в государственное учреждение и подчинен Цекомбанку.

Общества взаимного кредита

После введения нэпа и восстановления свободного товарооборота и денежного хозяйства встала задача организация кредитной

системы, которая смогла бы охватить различные стороны народного хозяйства. С восстановлением и развитием государственной промышленности и торговли, кооперации сельского хозяйства в условиях свободного товарооборота начали возникать предприятия и организации частного капитала, причем как торговые, так и промышленные. Частный капитал, раздробленный, находящийся в скрытом или полускрытом состоянии, быстро переходивший из одного вида торговой или промышленной деятельности в другой, нуждался в организации, которая позволила бы объединить находящиеся в свободном состоянии средства и дать им целевое употребление. Кроме того, эта организация должна была внести в финансовую деятельность частных предпринимателей бóльшую планомерность. Таким образом, возник вопрос об организации частнокапиталистических кредитных учреждений. Ввиду специфических условий, в которых находился частный капитал в Советской России, при решении вопроса о типе и структуре кредитных организаций, учреждаемых для финансирования частного и торгового оборота, приходилось учитывать ряд факторов. Прежде всего, чтобы иметь шансы на привлечение в обороты большей суммы частных средств, при боязни частных предпринимателей выявить свои капиталы, кредитные организации должны были стать близкими к ним и завоевать их доверие. Это могли бы осуществить учреждения, создаваемые и управляемые частными предпринимателями. Между тем государство должно было следить за тем, чтобы их деятельность находилась под пристальным контролем. Поэтому частные кредитные учреждения должны были стать организациями не крупного капитала, а преимущественно средней и мелкой торговли и промышленности. Отсюда возникала задача — придать структуре этих учреждений такой характер, чтобы они не смогли стать орудием финансового влияния «ограниченного круга частных предпринимателей»[11].

Существовало и еще одно соображение, связанное с организацией кредитных учреждений: ожидалось, что своей дисконтной политикой, нормируемой со стороны Наркомата финансов и Госбанка, они окажут воздействие на понижение частного рыночного процента, а это, в свою очередь, было весьма желательным в интересах размещения облигаций государственных займов в частных руках.

Из существовавших в дореволюционное время кредитных учреждений наиболее удовлетворяющими по своей структуре этим требованиям являлись общества взаимного кредита. Общества были местными организациями с узким районом деятельности: обычно действия такого кредитного учреждения распространялись только на территорию города, в котором оно находилось. Это способствовало сплочению вокруг общества его членов, знакомству их между собой и взаимной осведомленности об имущественном по-

ложении и коммерческой добросовестности каждого. Предусмотренные уставом пределы размеров кредитования отдельных членов, устанавливаемые властью, препятствовали слишком широкому финансированию частных предпринимателей.

Первые общества стали возникать, когда еще не было специальных законодательных актов, регулирующих порядок организации обществ и их деятельность. Уже после разрешения нескольких обществ по отдельным уставам Советом труда и обороны, 2 сентября 1922 г. был утвержден нормальный устав общества взаимного кредита и одновременно Народному комиссариату финансов было поручено в дальнейшем разрешать общества, если их уставы не будут иметь существенных отступлений от нормального устава. На этот устав были переведены и все ранее возникшие общества. Постановлением СТО от 10 ноября 1922 г. о порядке утверждения уставов и надзоре за деятельностью кредитных учреждений был установлен общий для всех кредитных учреждений порядок возникновения и правительственного надзора за их деятельностью. Целью любого общества по уставу являлось предоставление своим членам необходимых для их оборотов капиталов, но район деятельности общества уставом точно не определялся. В нем указывался лишь населенный пункт, где находилось общество. Фактический район их деятельности был небольшим, так как обществам было запрещено открывать филиалы. Только по специальному разрешению Наркомфина они могли открывать приемно-платежные кассы, которые должны были находиться в переделах того города, где работало общество.

Первое общество взаимного кредита в РСФСР открыло свои действия 1 июня 1922 г. в Петрограде под названием Петроградского общества взаимного кредита (позже переименовано в Первое общество взаимного кредита в г. Ленинграде). 9 августа того же года приступило к работе и Петроградское торгово-промышленное общество, а в Саратове — Саратовское общество взаимного кредита. 25 августа были открыты действия Киевского общества взаимного кредита, а 12 сентября — Московского торгово-промышленного общества. Вслед за этим начался оживленный процесс учредительства новых обществ по всей стране, как в крупных торгово-промышленных городах, так и в городах меньшего масштаба. К 1 октября 1923 г. в СССР действовало уже 50 обществ, к 1 октября 1924 г. — 92 общества, к 1 октября 1925 г. — 182, к 1 октября 1926 г. — 284, а к апрелю 1927 г. их насчитывалось 296. Из этих данных видно, что в первые годы темп прироста количества обществ составлял 100%, в 1925/1926 г. — 50%, а в течение первой половины 1926/1927 г. — 5%. Если же сопоставить численность обществ в 1927 г. с их количеством на территории России к 1 января 1915 г., то первая не достигала и 25% от второго (1177 обществ)[12].

К 1925 г. в Ленинграде действовало четыре общества взаимного кредита. Данные о них сведены в Таблице 5.

Таблица 5

Общества взаимного кредита в Ленинграде

Название	Дата открытия действий	Адрес	Число членов	Структура капитала (в %)			Учетно-ссудные операции в общей сумме вексельных кредитов (в %)		
				гос. учреждения и предприятия	кооперация	частные лица	с гос. учреждениями и предприятиями	с кооперацией	с частными лицами
Первое общество взаимного кредита в Ленинграде	14.06. 1922 г.	кан. Грибоедова, 13	752	—	11,0	89,0	—	5,55	94,45
Ленинградское общество взаимного кредита арендованной и частной промышленности	16.07. 1923 г.	Невский пр., 47	н/д	1,74	2,20	96,06	1,64	6,14	92,22
Ленинградское общество взаимного кредита средней и мелкой промышленности	15.04. 1924 г.	Невский пр., 65	391	1,5	6,0	92,5	5,0	18,0	77,0
Ленинградское торгово-промышленное общество взаимного кредита	9.08. 1922 г.	Садовая ул., 34	961	1,0	—	99,0	40,0		60,0

Составлено по: Банковский справочник: Все кредитные учреждения Союза ССР / Под ред. В.В.Варзара. Л., [1925]. С. 315—318, 320—322.

Для того чтобы рассмотреть положение ленинградских обществ взаимного кредита, обратимся к Таблице 6, в которой представлен сравнительный удельный вес московских, ленинградских и провинциальных обществ в сводном балансе в динамике с 1923 г. по 1927 г.

Таблица 6

Соотношение сводных балансов московских, ленинградских и провинциальных обществ взаимного кредита в 1923—1927 гг. (тыс. руб.)

Общества	На 1.10.1923 г.		На 1.10.1924 г.		На 1.10.1925 г.		На 1.10.1926 г.		На 1.04.1927 г.	
	сумма баланса	в % к сводному балансу	сумма баланса	в % к сводному балансу	сумма баланса	в % к сводному балансу	сумма баланса	в % к сводному балансу	сумма баланса	в % к сводному балансу
Московские	2804	41	7064	39	35610	58	31654	34	3956	6
Ленинградские	856	12	1774	10	7259	11	13036	14	16650	27
Провинциальные	3249	47	9913	51	24775	36	48502	52	42048	67

Источник: Деревицкий В.А. Общества взаимного кредита. М., 1928. С. 22.

Из таблицы видно, что на долю московских обществ в течение долгого времени приходилась львиная доля сводного баланса. В 1925 г. балансы московских обществ составляли больше половины балансов всех обществ СССР, и только в 1926 г. это соотношение меняется вследствие относительного снижения размеров балансов московских обществ. Удельный вес в сводке балансов ленинградских обществ все время составлял заметную величину и не опускался ниже 10%.

Если рассмотреть средние суммы капиталов, приходящихся на одно общество взаимного кредита, в сравнении московских, ленинградских и провинциальных обществ, то картина в динамике с 1924 г. по 1927 г. была следующей (Таблица 7).

Таблица 7

Средние суммы капиталов московских, ленинградских и провинциальных обществ взаимного кредита в 1924—1927 гг.

	На 1.10.1924 г.	На 1.10.1925 г.	На 1.10.1926 г.	На 1.10.1927 г.
Московские общества (тыс. руб.)	310	478	653	551
отношение к среднему балансу (в %)	22	10	16	28
Ленинградские общества (тыс. руб.)	67	153	237	295
отношение к среднему балансу (в %)	15	10	12	12
Провинциальные общества (тыс. руб.)	19	25	33	35
отношение к среднему балансу (в %)	25	15	19	22

Источник: Деревицкий В.А. Указ. соч. С. 35.

Как видно из таблицы, различие в величине сумм капиталов очень велико. Так, в конце 1926 г. средний капитал московских обществ втрое превышал соответствующий показатель ленинградских и почти в 20 раз — провинциальных. У московских обществ в течение 1924—1925 гг. при значительном росте баланса его увеличение шло в основном за счет привлечения чужих средств и немного — за счет увеличения своих. Следствием этого стало снижение удельного веса капиталов в балансе с 22 до 10%. В ленинградских обществах соотношение капиталов и привлеченных средств на 1 октября 1924 г. было более нормальным, и последующие изменения не были столь резкими. Причем рост капиталов происходил равномерно, с привлечением сторонних средств.

Преобладающим видом учетно-ссудных операций в обществах взаимного кредита были вексельные операции. За ними по размерам шли товарно-ссудные операции, а затем — операции под залог ценных бумаг и других ценностей. Каждый из этих видов операций осуществлялся различными способами: вексельное кредитование — путем учета векселей и открытия специальных текущих счетов под векселя, товарно-ссудное — путем выдачи под залог товаров или товарных документов или по специальным текущим счетам, обеспеченным товарами, кредиты под ценные бумаги и другие ценности выдавались в виде ссуд или по специальным текущим счетам. На 1 июня 1926 г. из общей суммы задолженности обществам страны на вексельные кредиты приходилось 71%, из которых 56% падало на учет векселей и 15% — на специальные текущие счета под векселя. К 1 апреля 1927 г. ситуация изменилась и вексельные операции составляли уже 90%[13].

Характеристика клиентуры обществ взаимного кредита наглядно представлена в Таблице 8.

Таблица 8

Распределение клиентуры обществ взаимного кредита по социальному составу на 1 июня 1926 г. (количество ссуд)

Клиенты	Московские общества	Ленинградские общества	Провинциальные* общества
Всего	3393	3944	19274
Госорганы	24	31	42
Кооперация	226	156	93
Частная промышленность	653	807	1451
Кустари и ремесленники	339	764	2416
Сельские хозяева	13	125	899
Служащие	85	233	354
Оптовая торговля	638	228	505
Розничная торговля	590	1244	11911
Другие	825	356	1103

* Сумма по столбцу не дает итоговой цифры. Так в источнике.
Источник: Деревицкий В.А. Указ. соч. С. 72—73.

Процентные ставки по вкладным и текущим счетам обществ взаимного кредита сильно различались. Наибольший процент общества платили по срочным вкладам, следующей по величине была ставка по условным текущим счетам, а самая низкая ставка устанавливалась по простым текущим счетам; причем эти ставки менялись в одном и том же обществе в зависимости от суммы вклада, его стабильности, условий возврата кредита и т.п. Так, в середине 1926 г. московские общества платили по срочным вкладам от 12 до 36%, а в отдельных случаях — до 42% в год, провинциальные — от 10 до 30%, а в отдельных случаях — до 36%; по условным текущим счетам московские общества платили от 12 до 36%, а провинциальные — от 9 до 24%; по простым счетам московские общества — от 9 до 24%, а провинциальные — от 6 до 18%[14].

Постановлением НКФ СССР от 4 февраля 1927 г. для всех обществ взаимного кредита были установлены наивысшие размеры процентных ставок, которые они могли платить по вкладным операциям: по простым текущим счетам — не более 12% годовых, по условным текущим счетам и бессрочным вкладам — не более 15% и по срочным вкладам — не более 18%.

Наивысшей точки развития общества достигли к 1927 г., и с этого времени начался процесс их свертывания. Формальной причиной этого стало превращение московских обществ в крупные единицы, приближавшиеся к типу частных коммерческих банков, и утрата ими своих первоначальных функций. Неформальной причиной явилось сокращение частной торговли, вытесняемой кооперацией и государственной торговлей. В феврале 1928 г. по докладу Народного комиссариата финансов СССР было утверждено новое положение об обществах, содержащее ряд принципиальных ограничений по составу членов: участниками обществ могли быть лишь те физические и юридические лица, которые занимались торгово-промышленной и иной промысловой деятельностью или являлись собственниками строений или застройщиками. На общества возлагалась обязанность направлять кредит на обслуживание главным образом розничных торговцев операции с кустарями и ремесленниками ограничивались. В результате этого общества стали терять клиентуру: у розничных торговцев для получения кредита не было покупательских векселей[15].

Трудовые сберегательные кассы

3 февраля 1918 г. ВЦИК РСФСР издал декрет «Об аннулировании государственных займов». Согласно декрету, «все государственные займы, заключенные правительством российских помещиков и российской буржуазии», аннулировались с 1 декабря 1917 г.[16]

В этом декрете специально отмечалось: «вклады в государственных сберегательных кассах и проценты по ним неприкосновенны», а облигации, принадлежащие сберегательным учреждениям,

должны быть заменены «книжным долгом» Правительства РСФСР. В декрете содержался пункт, согласно которому Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов имели право аннулировать все сбережения, приобретенные нетрудовым путем. Но никаких критериев «нетрудовых сбережений» не предлагалось.

Сберегательные кассы, в отличие от Государственного и коммерческих банков, формально не ликвидировались, но из-за экономической анархии практически не проводили операций. В конце 1917 г. на базе Управления Петроградскими столичными государственными кассами было образовано Управление Петроградскими народными сберегательными кассами. В вышедшей в 1918 г. брошюре «Народные сберегательные кассы после Октябрьской революции», подготовленной Управлением сберегательных касс, констатировалось, что «сберегательная касса поистине является народным учреждением без какого-либо классового капиталистического оттенка... поэтому приспособление ее к новому строю не потребует коренной ломки и преобразования»[17]. Отмечалось также, что, обладая широко развитой сетью отделений и агентств по всей стране, народная сберегательная касса явится «наиболее удобным кредитным учреждением для широких малоимущих народных кругов, имеющих преимущественное право на внимательное отношение к своим нуждам со стороны пролетарской власти»[18]. Высказывалось мнение, что сберегательные кассы в новых условиях могут использоваться как места приема от населения различных налогов и сборов.

После переезда советского правительства в Москву в марте 1918 г. народный комиссар финансов В.Р.Менжинский издал приказ о воссоздании упраздненного Управления сберегательных касс для общей координации работы. Управление потребовало «строгого соблюдения при производстве операций условий, обеспечивающих сохранение среди вкладчиков прежнего доверия к сберегательным кассам, а также восстановление переводной операции, наиболее пострадавшей от переживаемых страной событий»[19]. На сберегательные кассы возлагалась обязанность осуществления операций страхования. Кроме того, разрешены были операции по вкладам, внесенным только после 1 января 1918 г., а остальные вклады были заморожены, и выдачи по ним производились только по решению местных советов в весьма ограниченных размерах. При этом декларированная компенсация аннулированных госзаймов фактически не выполнялась.

В конце 1918 г. советское правительство объявило о 10-миллиардном налоге на имущие группы городского и сельского населения, и с лицевых счетов вкладчиков были списаны обложенные налогом суммы[20].

Согласно Декрету СНК РСФСР 1918 г., в связи с готовящейся национализацией промышленности, на сберегательные кассы возлагалась обязанность регистрации находившихся на руках у населения ценных бумаг частных компаний по заявлениям вкладчиков.

Между тем на фоне катастрофической эмиссии необеспеченных совзнаков и дикой инфляции с осени 1918 г. начался процесс свертывания операций сберегательных касс. В годы «военного коммунизма» деятельность сберегательных касс практически была приостановлена. В работе касс царила полная неразбериха. «Достаточно сказать, что в 1919 г. большинство касс еще не представило в управление годовых отчетов за 1917 г.!»[21]

Декретом СНК РСФСР от 10 апреля 1919 г. в целях создания единого расчетного кассового аппарата страны сберегательные кассы были слиты с Народным банком, а их операции перешли к создаваемым банковским отделам денежных вкладов и страхования жизни.

Стабилизация денежного обращения и переход к новой экономической политике привели к возникновению идеи восстановления деятельности сберегательных касс. 26 декабря 1922 г. Совнарком РСФСР принял декрет «Об учреждении государственных сберегательных касс» и утвердил Положение о государственных сберегательных кассах. В Постановлении X съезда Советов (от 27 декабря 1922 г.) государственные сберегательные кассы стали именоваться трудовыми[22]. Согласно Положению, сберегательные кассы создавались «в целях предоставления трудовому населению возможности безопасного и выгодного хранения денежных сбережений»[23]. Сберегательные кассы могли принимать следующие виды вкладов: 1) до востребования, 2) условные, 3) на текущие счета. Все образующиеся превышения поступлений по вкладам над выдачами подлежали зачислению на текущий счет в Государственном банке. Непосредственная организация сберкасс была возложена на Валютное управление Наркомата финансов, а распоряжением коллегии НКФ СССР от 16 июля 1923 г. в составе Наркомата было образовано Главное управление государственных трудовых сберегательных касс.

Фактически сберегательное дело в Советской России пришлось создавать заново. «Образно говоря, от прошлого остались сами слова "сберегательное дело", некоторые черты строения старого аппарата да внешние формы операций»[24]. В 1925 г. А.Т.Попов, ответственный редактор журнала «Сберегательное дело», писал, что необходимость организации института сберегательных касс в Советской России определялась в то время следующими основными моментами: а) страхованием заработка трудящихся от обесценения совзначных денег; б) необходимостью вовлечения в денежный оборот свободных средств населения и в) стремлением сократить денежную эмиссию. При этом А.Т.Попов подчеркивал: «...насколько институт сберкасс оправдал свое назначение, можно судить по тому факту, что к концу существования совзнака им было собрано вкладов до 40% всей совзначной денежной массы. Сберкассы могли бы собрать значительно больше вкладов. Но при самом спешном разворачивании ими своей сети и при всей на-

пряженности их работы они не в состоянии были удовлетворить всех желающих воспользоваться их услугами»[25].

В другой статье из «Сберегательного дела» тот же Попов, демонстрируя различия между «старыми» и «новыми» сберегательными кассами, писал: «...в последние годы царское правительство, получившее через займы средства от сберегательных касс, естественно, тратило их на ведение империалистической войны, затем из средств от сберегательных касс приобретались на большие суммы процентные бумаги займов дворянских и частных банков, иначе говоря, дореволюционные сберегательные кассы поддерживали то, с чем трудящийся должен был бороться по своему классовому призванию. Могут ли средства, собранные нашими трудовыми сберкассами, пойти на цели, преследовавшиеся царским правительством? — Конечно, нет, — поскольку власть находится в руках трудящихся; эти средства будут направлены по линии восстановления и улучшения советского народного хозяйства и осуществления идеи социализма!»[26] Таким образом, трудовые сберегательные кассы делали ставку на мелкого «трудового» вкладчика и на предоставление им большого количества услуг.

Выступая в 1926 г. на активе ленинградской партийной организации, И.В.Сталин четко сформулировал идею накопления и роль в этом сберкасс: «Необходимо, чтобы излишки накопления в стране не распылялись, а собирались в наших кредитных учреждениях, кооперативных и государственных, а также в порядке внутренних займов на предмет их использования для нужд, прежде всего, промышленности. Понятно, что вкладчики должны получать за это известный процент»[27].

Предполагалось, что сберегательные кассы сыграют важную роль в деле регулирования денежного обращения. Так, профессор Д.И.Лоевецкий в 1926 г. отмечал, что вопрос об использовании сберегательных касс стоит особенно остро. Поскольку денежное обращение пришло в равновесие с товарооборотом, то использование эмиссии для нужд промышленности возможно в крайне незначительных размерах. Поэтому, с одной стороны, необходимо использовать крупный государственный товарооборот, а с другой — максимально использовать сбережения населения. «Работа сберкасс, — писал Лоевецкий, — направленная на собирание этих средств, приобретает... первостепенное значение. Извлекая эти средства из карманов населения, сберегательные кассы, с одной стороны, сокращают потребительский спрос и тем самым облегчают возможность регулирования товарного рынка, и, с другой стороны, вовлекают эти распыленные сбережения в общую нашу кредитную систему, сокращая, таким образом, потребность в эмиссии для кредитования народного хозяйства»[28].

Первая трудовая сберкасса в Петрограде открыла свои действия в конце февраля 1923 г., и с этого момента наблюдался быстрый рост сети сберегательных касс (Таблица 9).

Таблица 9

Деятельность сберегательных касс на территории Ленинграда и СССР (на 1 октября каждого года)

	1924	1925	1926	1927	1928
Действующие сберкассы					
Ленинград	246	354	246	219	230
СССР	4544	7362	11982	14428	15620
Количество вкладчиков, тыс. счетов					
Ленинград	89	207	214	151	211
СССР	537	878	1315	2212	3826
Остаток вкладов, тыс. руб.					
Ленинград	1509	3054	5165	7920	13017
СССР	11248	33493	90468	186969	314833

Источник: Сберегательное дело. 1928. № 12. С. 11.

Как видно из Таблицы 9, на 1 октября 1924 г. в Ленинграде действовало уже 246 сберегательных касс, что составляло около 5% всех касс, действовавших в стране. Однако с 1926 г. число касс в городе стало снижаться, а затем снова расти.

Отдельные показатели о деятельности сберегательных касс в городе представлены в Таблице 10.

Таблица 10

Деятельность сберегательных касс в Ленинграде

Показатели	На 1.10.25	На 1.10.26
Средний вклад (руб.)		
на одну сберкассу	8044	15621
на одного вкладчика	13,60	24,4
на тысячу вкладчиков	2074	3868
К началу отчетного месяца из общего остатка вкладов приходится на сберкассы (в%):		
самостоятельные	47,5	36,5
центральные при финорганах	2,0	2,8
почтово-телеграфные	38,5	44,2
железнодорожные	0,9	6,3
посреднические	11,0	3,5
центральные при учреждениях Госбанка	—	6,7

Источник: Сберегательное дело. 1925. № 1. С. 34—35; 1926. № 10. С. 34.

О динамике состава клиентуры сберегательных касс в Ленинградской области говорят данные Таблицы 11[29].

Таблица 11

Состав вкладчиков сберегательных касс Ленинградской области (%)

Группа вкладчиков	1913 г. (Россия)	1928 г.	1932 г.
рабочие	5,3	37,8	44,25
служащие	27,4	28,9	30,02
крестьяне	28,0	0,2	8,53
прочие	39,3	29,6	14,43
юридические лица	—	3,5	2,77

27 ноября 1925 г. СНК СССР принял Положение о Госгрудсберкассах Союза ССР. К этому времени действовавшее Положение 1922 г., составленное наспех и представлявшее собой во многом выдержки из дореволюционного устава сберегательных касс, перестало удовлетворять изменившимся социально-экономическим условиям. Новое Положение предоставило центральным и местным учреждениям права юридического лица и установило порядок помещения сумм сберкасс в Государственный банк СССР и в другие кредитные учреждения. Согласно Положению, сберегательное дело получило особую законодательно оформленную охрану и монопольное положение. Вкладчикам предоставляли различного рода льготы — освобождение процентов по вкладам от подоходного налога, завещаемых по наследству вкладов — от пошлин. Были введены и ссудно-залоговые операции и предоставлено право производить фондовые и другие финансовые и банковские операции (покупка, продажа, хранение и выдача ссуд под залог ценных бумаг, оплата купонов, прием разного рода платежей и т.п.).

Постепенно круг обязанностей сберегательных касс расширялся; в 1926 г. на сберкассы была возложена выдача персональных пенсий, а в 1927 г. — прием налогов и сборов от населения.

Характеризуя операции сберегательных касс, необходимо отметить следующее: до введения устойчивой валюты они занимались преимущественно страхованием вкладов населения, по мере укрепления валюты и стабилизации народного хозяйства сберегательные кассы стали приспосабливаться к разным нуждам населения. Как первоначальные, так и дополнительные взносы принимались в любых размерах. Вклады были на предъявителя и именные. При внесении вклада можно было открыть простой или текущий счет, который позволял вкладчику распоряжаться своим вкладом, не обращаясь все время в сберкассу, а выписывая чек. Чек сильно сокращал оборот наличных денег при взаимных платежах.

Кроме обычных операций, сберегательные кассы принимали так называемые «условные» вклады. Выдача денег в случаях таких вкладов производилась в заранее оговоренных вкладчиком ситуациях. В целях заинтересовать малообеспеченные слои населения в откладывании сбережений, с ноября 1924 г. была предоставлена

возможность использовать для незначительных сумм почтовые марки, которые нужно было наклеивать на отдельные листы бумаги и при достижении определенной суммы (с 1926 г. — 1 руб.) предъявлять в сберкассу, получив взамен сберкнижку с внесенной суммой вклада. Появились и сберегательные копилки (в форме бочонков и чемоданчиков), которые продавались клиентам. Ключ при этом сберкасса оставляла у себя, а для вскрытия копилки нужно было явиться в сберкассу. Монеты извлекались из копилки и записывались во вклад. Все эти мероприятия способствовали популяризации сберегательного дела среди населения Советской России.

Видный специалист в области финансов профессор П.П.Гензель даже выступил в журнале «Сберегательного дело» с идеей об участии вкладчиков в прибылях сберкасс, поскольку эта система «чрезвычайно полезна, как противовес чрезмерной подвижности вкладов и как система стимулирования нового притока вкладов»[30]. Предложение сводилось к следующему: если остаток на счете не превышает некоторой суммы, то надо давать вкладчику дополнительно 3%. Однако эта идея сразу вызвала критику на страницах журнала.

Спецификой советских сберегательных касс было и то, что широко практиковались банковские операции, не выполняемые обычными сберегательными кассами, — открытие и ведение текущих счетов, продажа и покупка облигационных займов, выдача ссуд под них, оплата купонов, денежные переводы и т.п. Как отмечал профессор М.И.Боголепов, сберегательные кассы «превратились в маленький банк, из которого оплачивались все текущие расходы маленьких потребительских хозяйств»[31].

В Ленинграде и еще в четырех городах впервые была организована выдача аккредитивов, распространенная после 1925 г. на все кассы СССР. Аккредитивная операция сводилась к следующему: любое лицо могло подать заявки о выдаче аккредитива на сумму, которая должна была превышать в каждом случае 1000 руб., и эту сумму можно было получить полностью или частично в любой кассе страны в течение 3-х месяцев.

В конце 1924 г. были открыты операции с процентными бумагами. В центральных сберкассах по официальной биржевой расценке осуществлялась покупка облигаций 1-го государственного 6%-ного золотого выигрышного займа. Ценные бумаги принимались на хранение и от частных лиц, и от учреждений, коллективов рабочих и служащих непосредственно, через доверенных лиц или по почте.

20 февраля 1929 г. ЦИК и СНК СССР утвердили новое Положение о Государственных трудовых сберегательных кассах, заменившее Положение 1925 г. В основу нового Положения был положен принцип, что трудовые сберкассы являются единым кредитным учреждением и находятся в ведении Наркомата финансов СССР. Согласно Положению, сберегательные кассы осуществляли следующие операции: 1) вкладные, 2) переводные, 3) аккредитивные, 4) с ценными бумагами, 5) прем платежей, налогов и сборов, 6) по безналичным расчетам, 7) выдачу пенсий, 8) выпуск сертификатов.

Таким образом, круг операций сберкасс расширился, но в то же время они превратились в единый всесоюзный кассовый аппарат.

* * *

15 июня 1927 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы», в котором особое внимание обращалось на усиление централизованного руководства кредитными учреждениями со стороны Государственного банка СССР. Краткосрочное кредитование промышленности по этому постановлению должно было концентрироваться в Госбанке. Госбанку вменялось экономическое планирование производства на основании контокоррентных счетов[32].

Постепенно устранялось взаимное коммерческое кредитование государственных и кооперативных предприятий и организаций. Банковские операции стали все больше отождествляться с «проводкой» бюджетных инвестиций.

Нэп сворачивался. В 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) И.В.Сталин, определяя пути перестройки кредитной системы СССР, отмечал, что «рациональная организация кредитного дела и правильное маневрирование денежными резервами имеют серьезное значение для развития народного хозяйства. Мероприятия партии по разрешению этой проблемы идут по двум линиям: по линии сосредоточения всего дела краткосрочного кредита в Госбанке и по линии организации безналичного расчета в обобществленном секторе. Тем самым, во-первых, Госбанк превращается в общегосударственный аппарат учета производства и распределения продуктов, во-вторых, из обращения освобождаются большие массы денег...»[33]. Эти слова и были положены в основу постановления правительства от 30 января 1930 г. — кредитная реформа полностью уничтожила взаимный коммерческий кредит и заменила его прямым банковским кредитованием. Краткосрочное кредитование экономики и все расчеты между хозяйствующими организациями сосредоточивались в Госбанке. Там же концентрировались и все свободные денежные средства. Госбанк превратился в «единый банк краткосрочного кредитования, в единый расчетный и кассовый центр социалистического хозяйства»[34].

Примечания

[1] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1289. Оп. 28. Д. 192. Л. 206.

[2] Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. М., 1991. С. 57.

[3] Там же.

[4] Юровский Л.Н. Денежная политика Советской власти (1917—1927). М., 1996. С. 132.

[5] Кредитное дело в России // Финансы и промышленность. 1923. № 10—11. С. 329.

[6] Об Электробанке см.: Петров Ю.А. Коммерческий банк в эпоху нэпа: история «Электробанка» (1922—1928) // Россия на рубеже XIX—XX веков: Материалы научных чтений. М., 1999. С. 125—147.

[7] Штейн В.М. К вопросу о транспортном банке // Материалы по вопросу о транспортном банке. М., 1925. С. 274.

[8] Коммунальные банки и общества взаимного кредита / Сост. А.Н.Ляхов. М., 1923. С. 48.

[9] См.: Гессен В.Ю. Род Гессенов в России (XIX—XX вв.) // Из глубины времен. СПб., 1996. № 7. С. 105.

[10] Цит. по: Деревицкий В.А. Коммунальные банки. М., 1927. С. 82.

[11] Деревицкий В.А. Общества взаимного кредита. М., 1928. С. 4.

[12] Там же. С. 8.

[13] Там же. С. 65—66.

[14] Там же. С. 49.

[15] Блюм А.А. История кредитных учреждений и современное состояние кредитной системы в СССР. М., 1929. С. 205.

[16] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 386—387.

[17] Народные сберегательные кассы после Октябрьской революции. М., 1918. С. 11.

[18] Там же. С. 12.

[19] Цит. по: Петров Ю.А., Калмыков С.В. Сберегательное дело в России: Вехи истории. М., 1995. С. 86.

[20] Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 465.

[21] Петров Ю.А., Калмыков С.В. Указ. соч. С. 98.

[22] Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. М., 1959. Т. 1. С. 235.

[23] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1923. № 1. С. 9.

[24] Петров Ю.А., Калмыков С.В. Указ. соч. С. 96.

[25] Попов А.Т. К трехлетней годовщине гострудсберкасс // Сберегательное дело. 1925. № 3. С. 8—9.

[26] Он же. «Цель», идеи и политика государственных трудовых сберегательных касс // Там же. 1925. № 2. С. 8.

[27] Сталин И.В. Соч. М., 1948. Т. 8. С. 126.

[28] Лоевецкий Д. Денежное обращение и сберегательные кассы // Сберегательное дело. 1926. № 9. С. 11.

[29] XV лет диктатуры пролетариата: Экономико-статистический сборник по г. Ленинграду и Ленинградской области. Л., 1932. С. 139.

[30] Гензель П.П. К вопросу о выплате процента по вкладам в сберегательных кассах // Сберегательное дело. 1925. № 1. С. 25—26.

[31] Сберегательное дело. 1926. № 1. С. 6.

[32] Главный банк России: От Государственного банка Российской империи к Центральному банку Российской Федерации. 1860—2000. М., 2000. С. 128.

[33] Сталин И.В. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 331.

[34] Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 193.

Экономическая история современной России

*С.А.Афонцев**

Структура импорта и тарифная политика: опыт постсоциалистической России

1. Введение

Одна из весьма специфических проблем, с которой приходится сталкиваться любому исследователю экономических процессов в постсоциалистической России, связана с хорошо известным феноменом сжатия исторического времени в условиях интенсивных социально-политических и хозяйственных перемен. События, отделенные от сегодняшнего дня промежутком времени всего лишь в несколько лет, оказываются фактически относящимися к качественно иному временному пласту реальности и имеют мало общего с вопросами текущего момента. В связи с этим экономические исследования, ориентированные на изучение высокоактуальных, имеющих большое практическое значение проблем, к моменту своего окончания нередко переходят с сферу скорее экономической истории, чем собственно экономики и экономической политики. Пожалуй, наиболее показательные примеры последних лет — массовое возникновение товарных и фондовых бирж в начале 1990-х гг. (побудившее некоторых комментаторов говорить об «особом пути развития рыночных отношений»), финансовые пирамиды 1993—1994 гг., бурное развитие рынка ГКО в 1996—1997 гг. Это, разумеется, не означает, что исследования перечисленных (как и других сходных) феноменов не могут пролить свет на текущие экономические проблемы. Однако жанр этих исследований с неизбежностью оказывается скорее историко-экономическим, чем чисто экономическим.

Настоящее исследование посвящено вопросам, относящимся к кажущейся уже столь далекой эпохе «до дефолта 1998 г.». Оно ставит своей целью анализ экономико-политических механизмов, управлявших формированием тарифной политики в России на протяжении периода 1992—1997 гг., а также оценку влияния этой политики на структуру импортных потоков. Для этого мы планируем предпринять сравнение результатов тестирования моделей, независимо рассматривающих процесс эндогенного определения структуры тарифных ставок и влияние импортных тарифов на

* Афонцев Сергей Александрович — кандидат экономических наук (Институт международной экономики и международных отношений РАН).

структуру импортных потоков, с одной стороны, и моделей, где эти процессы рассматриваются в качестве протекающих параллельно, с другой стороны.

Актуальность подобного исследования с точки зрения как экономической, так и историко-экономической науки определяется широким комплексом взаимосвязанных факторов. Реформы внешнеторговой политики в странах с переходной экономикой на протяжении 1980—1990-х гг. привели к ряду результатов, вступающих в противоречие с первоначальными представлениями относительно хода либеральных преобразований в данной сфере. С одной стороны, многие страны оказались в состоянии на протяжении достаточно продолжительного времени проводить либеральную внешнеторговую политику, несмотря на ожидавшееся активное противодействие со стороны влиятельных групп давления. С другой стороны, в некоторых странах радикальное снижение внешнеторговых барьеров привело лишь к незначительному изменению в отраслевом распределении хозяйственных ресурсов и показателей общеэкономической эффективности. Эти парадоксы привлекают серьезное внимание исследователей внешнеторговой проблематики (см., в частности: Harrison and Hanson, 1999), которые активно применяют при этом аналитические инструменты, используемые в рамках экономико-политического подхода к изучению политики внешнеторгового регулирования (обзор данного подхода см. в работах: Mayer, 1984; Magee et al., 1989; Rodrik, 1995).

Материал работы организован следующим образом. В разделе 2 излагаются суть находящейся в центре внимания проблемы и цели исследования. В разделе 3 содержится описание теоретического фундамента, на базе которого в разделе 4 конструируются эмпирические модели. Затем в разделе 5 мы представляем результаты проделанного нами эмпирического анализа. Заключительный раздел 6 обобщает принципиальные выводы исследования.

2. Проблема исследования

Настоящее исследование ставит своей целью анализ экономико-политических механизмов, управляющих формированием тарифной политики в России, а также оценку влияния этой политики на структуру импортных потоков. Как уже говорилось выше, для этого будет предпринято сравнительное тестирование моделей, рассматривающих определение структуры тарифных ставок и влияние импортных тарифов на структуру импортных потоков как процессы, протекающие независимо либо оказывающие взаимное влияние друг на друга.

Подобное исследование ориентировано на освещение ряда важных проблем, стоящих перед российской экономикой во внешнеторговой сфере. Во-первых, оно может содействовать лучшему пониманию реальных экономико-политических механизмов, ответственных за формирование структуры тарифных ставок в России на протяжении периода 1992—1997 гг. Во-вторых, приняв во

внимание эндогенный характер определения тарифной политики, мы сможем получить более корректную оценку диспропорций, вносимых адвалорными импортными тарифами в структуру импортных потоков. В-третьих, рассчитанные на основании эконометрических моделей коэффициенты эластичности могут позволить нам оценить возможный эффект изменения тарифных ставок (например, в результате возможной коррекции тарифной структуры для приведения ее в соответствие с требованиями Всемирной торговой организации (ВТО)). Как следствие, результаты данного исследования могут иметь практическое значение с точки зрения аналитической поддержки процесса принятия решений, связанных с либерализацией режима внешнеторгового регулирования.

Анализ процессов эндогенного определения тарифной политики основывается в первую очередь на результатах нашего предшествующего исследования[1]. В этой работе мы исследовали на погодовой основе экономико-политические механизмы, управлявшие на протяжении периода 1993—1997 гг. формированием тарифной политики применительно к товарным категориям, классифицируемым в официальной статистике как «основные товары российского импорта». Было показано, что эти механизмы могут быть описаны гипотезой поддержки стагнирующих отраслей и максимизации тарифных поступлений, которая подчеркивает заинтересованность правительства в поддержке отраслей, страдающих от последствий негативной экономической конъюнктуры, а также в получении дополнительных доходов бюджета[2].

Важная роль экономико-политических факторов в определении внешнеторговой политики широко признается в современных теоретических исследованиях (см., к примеру: Rodrik, 1989; Hillman and Ursprung, 1996; Wunner, 1998). С точки зрения экономико-политического подхода можно идентифицировать два важных измерения проблемы внешнеторговой либерализации.

Во-первых, для прогнозирования хода либерализации необходимо знать характер экономико-политических механизмов, управляющих формированием внешнеторговой политики. Для этого следует получить ответы на следующие вопросы: (1) Каким образом правительство реагирует на давление со стороны экономических групп, заинтересованных в проведении протекционистской политики? (2) Какой вес в его глазах имеет благосостояние рядовых граждан и отдельных социальных групп? (3) Руководствуется ли правительство в своей деятельности некими «автономными» мотивами, не связанными с максимизацией политической поддержки?

Во-вторых, анализ влияния внешнеторговой либерализации на национальную экономику должен основываться на оценке уровня диспропорций, связанных с торговой политикой на протяжении «дореформенного» периода. Сокращение торговых барьеров может привести (а может и не привести) к радикальным изменениям в уровне проникновения импортных товаров на национальные

рынки в зависимости от того, какова была исходная структура торговых барьеров (Harrison and Hanson, 1999).

Хотя два указанных измерения проблемы либерализации внешней торговли тесно связаны друг с другом, в большинстве случаев их исследование осуществляется изолированно. Работы, посвященные оценке влияния либерализации на внешнеторговые потоки и экономическое благосостояние, получили значительное распространение в последние десятилетия; однако даже наиболее всеобъемлющие из них не принимают во внимание действие экономико-политических механизмов, лежащих в основе формирования внешнеторговой политики (см., в частности, работы последних лет, посвященные анализу результатов Уругвайского раунда переговоров в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ): Francois at al., 1995; Hertel et al., 1995; Harrison et al., 1997). В то же время учет эндогенного характера переменных внешнеторговой политики может привести к серьезному пересмотру оценок воздействия торговых барьеров на объем импортных потоков. Эмпирический анализ, в частности, показывает, что воздействие нетарифных импортных барьеров в моделях с эндогенным характером внешнеторговой политики оказывается примерно в 10 раз выше, чем в традиционных моделях, где уровень внешнеторговых барьеров рассматривается как экзогенная переменная (Trefler, 1993).

В свою очередь, большинство эмпирических исследований, следующих в русле теории эндогенного определения импортных барьеров, рассматривают уровень проникновения импорта на национальный рынок в качестве важной экономико-политической переменной, оказывающей влияние на уровень импортных барьеров. В то же время каузальная связь в обратном направлении, хотя ее наличие нередко признается, эксплицитно во внимание не принимается (в качестве примера можно упомянуть работу: Olarreaga and Soloaga, 1998). Данный подход вполне оправдан, когда исследуемый период времени достаточно краток, так что вновь установленный уровень тарифных ставок не успевает оказать влияния на уровень проникновения импорта на национальный рынок; для более длительных периодов времени результаты анализа могут оказаться существенно искаженными.

В предшествующем исследовании, результаты которого были опубликованы в ежегоднике «Экономическая история» за 2000 г., мы предполагали, что уровень проникновения импорта на национальный рынок в каждом конкретном году оказывает воздействие на процесс формирования тарифных ставок, но сам не зависит от воздействия тарифных ставок, установленных *в ходе* этого процесса. Хотя данное предположение вполне оправдано при анализе погодового процесса установления тарифных ставок на протяжении периода частых и глубоких их изменений, оно, разумеется, не является реалистичным с точки зрения периода в целом. Чтобы рассмотреть проблему эндогенного определения тарифной политики в более общем контексте, мы должны принять во внимание *дву-*

стороннюю направленность связи между тарифными ставками и уровнем проникновения импорта на национальные рынки.

При построении одновременных моделей, предназначенных для анализа подобной двусторонней связи, мы опираемся на теоретическую схему, предложенную в работе: Trefler, 1993. Отличие нашего подхода от подхода Д.Трефлера заключается в следующем: (1) в центре нашего анализа находятся тарифные ставки, а не нетарифные барьеры, поэтому основным инструментом анализа являются стандартные регрессионные модели, а не *Tobit*—модели; (2) мы заинтересованы не только в оценке влияния тарифных барьеров на структуру импортных потоков, но и в идентификации экономико-политических факторов, управляющих структурой этих барьеров; (3) в работе Д.Трефлера анализировалось влияние торговых барьеров на структуру импортных потоков в модели сравнительных преимуществ; мы же принимаем во внимание также фактор экономии на масштабах производства, роль которого подчеркивает Новая теория международной торговли (см., например: Fujita, Krugman and Venables, 1999).

В центре нашего эконометрического исследования находится тарифная структура 1997 г. При этом мы руководствуемся следующими соображениями: (1) процесс формирования тарифной структуры, начавшийся в 1992 г., в основных чертах закончился именно к 1997 г.; (2) структура сравнительных преимуществ, которая, по имеющимся оценкам, претерпевала в странах с переходной экономикой значительные изменения на протяжении первых лет хозяйственной трансформации (Neven, 1994), за прошедший с 1992 г. пятилетний период имела достаточное время для (по крайней мере относительной) стабилизации; (3) кризис 1998 г. вызвал к жизни краткосрочные процессы, которые делают данные о внешней торговле в период после 1997 г. менее пригодными для анализа более долгосрочных процессов формирования тарифной политики и ее влияния на структуру импортных потоков.

3. Теоретические основы эмпирического исследования

В данном разделе мы представляем общую структуру экономических моделей, которые основаны на базисе теории эндогенного определения тарифной политики и ориентированы на отражение логики процесса формирования структуры тарифных ставок. Вначале мы рассмотрим поведение фирм, лоббирующих в пользу установления тарифных ставок. Затем мы проанализируем характер целевой функции, максимизируемой правительством, и сформулируем некоторые выводы, важные с точки зрения проведения эмпирического анализа. Наконец, несколько слов будет сказано по поводу факторов, детерминирующих рыночную долю импорта на товарных рынках.

3.1. Лоббирование

Каждая фирма i, функционирующая в отрасли, производящей являющийся объектом международной торговли товар g, максимизирует функцию:

$$B_i = S_i(t) - c_i, \tag{1.1}$$

где $S_i(t)$ — излишек производителя для фирмы i, t — ставка тарифа, c_i — сумма денег, используемая на лоббирование. Мы предполагаем, что расходы на лоббирование принимают форму трансферта благосостояния (в форме взносов в предвыборные фонды, взяток и т.д.) от лоббирующих фирм правительству, которое формулирует тарифную политику. Пусть $S_i(t) = u_i S(t)$, где $S(t)$ — излишек производителей в отрасли в целом, а u_i — доля фирмы i в совокупных продажах отрасли. Совокупные расходы на лоббирование всех фирм отрасли (C) являются важным (хотя, как будет показано в следующем разделе, не единственным) фактором, оказывающим влияние на уровень тарифной ставки t, причем $\mathrm{d}t/\mathrm{d}C \geq 0$. Условие первого порядка максимизации целевой функции фирмы выглядит следующим образом:

$$\mathrm{d}B_i/\mathrm{d}c_i = u_i(\mathrm{d}S/\mathrm{d}t)(\mathrm{d}t/\mathrm{d}C)(\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i) - 1 = 0, \tag{1.2}$$

где $\mathrm{d}S/\mathrm{d}t \geq 0$, $\mathrm{d}t/\mathrm{d}C \geq 0$, $\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i \geq 0$.

Рассмотрим поведение $\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i$. Используя стандартное предположение о том, что импортный тариф представляет собой чистое коллективное благо для членов группы давления, мы имеем следующую форму представления совокупных расходов на лоббирование:

$$C = C + c_i, \text{ где } C = \mathrm{S}_{j,j\neq i} c_j. \tag{1.3}$$

Увеличение c_i ведет к непосредственному росту C, однако в то же время создает у остальных фирм в отрасли стимулы к следованию «стратегии безбилетника», т.е. к сокращению объема собственных расходов на лоббирование: $\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i \leq 0$. Вследствие этого $0 \leq \mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i \leq 1$, причем $\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i = 1$ в случае, если в отрасли функционирует только одна фирма, и $\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i \to 0$ в случае, если число фирм в отрасли (n) стремится к бесконечности[3]. Таким образом, мы можем записать:

$$\mathrm{d}C/\mathrm{d}c_i = \vartheta(n),\ 0 \leq \vartheta(n) \leq 1,\ \mathrm{d}\vartheta(n)/\mathrm{d}n < 0. \tag{1.4}$$

Обратимся теперь к поведению производной $\mathrm{d}S/\mathrm{d}t$. Абсолютный прирост излишка производителей при данном увеличении тарифной ставки t будет тем больше, чем выше объем продаж V и чем выше чувствительность функции предложения товара в наци-

ональной экономике к росту его цены (p) под влиянием повышения тарифных ставок, поскольку прирост национального производства Q позволяет фирмам-резидентам завоевать определенную долю внутреннего рынка, ранее обслуживавшуюся импортом. Поскольку $dQ/dp > 0$, $d^2Q/dp^2 < 0$ (с учетом снижающейся отдачи на отраслевом уровне) и $dD/dp < 0$ (где $D = Q + M$ — уровень национального спроса на товар g, а M — объем импорта), более высоким значениям dQ/dp при данных кривых спроса и предложения будет соответствовать более высокая рыночная доля импорта, заданная отношением $m = M/Q$. Таким образом, мы можем записать $dQ/dp = Y(m)$, $dY(m)/dm > 0$, так что формула прироста излишка производителей будет выглядеть как

$$dS/dt = \Theta(V,\ Y(m))^4. \tag{1.5}$$

С учетом стандартного предположения об убывающей отдаче от лоббирования ($d^2B_i/dc_i^2 < 0$), любой фактор, увеличивающий dB_i/dc_i при данном уровне c_i, повышает равновесный уровень расходов фирмы на лоббирование c_i^e. Пусть

$$\Psi_i(V,\ n,\ m,\ u_i) = c_i^e,\ c_i^e \geq 0. \tag{1.6}$$

Исходя из вышеизложенного, мы можем сформулировать следующие свойства функции Y_i:

$\rightarrow$ $\partial\Psi_i/\partial n < 0$ из 1.4; (1.7)

$\rightarrow$ $\partial\Psi_i/\partial V > 0$, $\partial\Psi_i/\partial m > 0$ из 1.5; (1.8)

$\rightarrow$ $\partial\Psi_i/\partial u_i > 0$ непосредственно из 1.2. (1.9)

Предположим также, что $\partial^2\Psi_i/\partial u_i^2 > 0$, т.е. что для низких значений рыночной доли фирмы u_i данный прирост этой доли ведет к незначительному увеличению dB_i/dc_i ввиду распыления выгод, связанных с приростом t, между другими фирмами в отрасли. Напротив, фирмы, контролирующие значительную долю рынка, могут присвоить бо́льшую часть выгод, связанных со своей лоббистской деятельностью.

Совокупный равновесный объем расходов на лоббирование в отрасли C^e задается функцией Ψ:

$$\Psi = \Sigma_i\Psi_i(V,\ n,\ m,\ u_i). \tag{1.10}$$

Тогда

$$\rightarrow \partial\Psi/\partial n < 0,\ \partial\Psi/\partial V > 0,\ \partial\Psi/\partial m > 0, \tag{1.11}$$

поскольку (1.7) и (1.8) справедливо для любого Ψ_i;

$\rightarrow$ для данных V, m, n и $u_k = u_{k+1}$, из $\partial^2\Psi_i/\partial u_i^2 > 0$ следует для любого $0 < d < u_{k+1} - u_k$

$$S_{i,i\neq k,k+1}\Psi_i(V,\ n,\ m,\ u_i) + \Psi_k(V,\ n,\ m,\ u_k) + \Psi_m(V,\ n,\ m,\ u_{k+1}) < \\ < S_{i,i\neq k,k+1}\Psi_i(V,\ n,\ m,\ u_i) + \Psi_k(V,\ n,\ m,\ u_k+d) + \Psi_m(V,\ n,\ m,\ u_{k+1}-d) \tag{1.12}$$

Из (1.12) следует: при прочих равных условиях мы можем ожидать, что из двух отраслей более высокий уровень расходов на лоббирование будет обеспечен той из них, для которой характерен более высокий уровень концентрации.

Аргументы, изложенные в данном разделе, составляют основу гипотезы групп давления, которая обычно рассматривается в качестве ключевого объяснения процесса формирования тарифных ставок. Теперь мы перейдем к анализу поведения правительства, которое реагирует на лоббистские усилия фирм, а также может принимать во внимание некоторые другие соображения.

3.2. Правительство

Чтобы более точно аппроксимировать российские реалии, мы концентрируем внимание на поведении правительства как единственного субъекта, ответственного за осуществление тарифной политики, и следуем общей логике аналитического подхода к анализу процесса определения внешнеторговой политики, акцентирующего внимание на роли политических трансфертов (political contributions approach to the trade policy formation)[5].

Национальное правительство устанавливает тарифные ставки по каждой товарной категории g таким образом, чтобы вектор внутренних цен $P = P(p_1, p_2, \ldots p_h)$ максимизировал функцию политической поддержки:

$$G = aS_gC_g(t_g) + W(P), \qquad (2.1)$$

где C_g — расходы на лоббирование со стороны отрасли g при установлении (анонсировании) ставки тарифа t_g (как уже говорилось, расходы на лоббирование понимаются нами как трансферт благосостояния в пользу правительства), $W(P)$ — совокупное благосостояние граждан страны (переменная, которая учитывает интересы избирателей), а a — относительный вес, который правительство придает трансфертам со стороны групп давления по сравнению с совокупным благосостоянием граждан[6]. Заметим, что C_g не зависит от вектора внутренних цен P, если отрасли производят товары конечного спроса, поскольку число субъектов, реально принимающих решения о величине расходов на лоббирование, слишком незначительно по сравнению с численностью населения страны, так что на них приходится лишь незначительная доля совокупного объема потребления каждого из благ g; таким образом, при принятии решений эти субъекты принимают во внимание исключительно уровень цен на товары, производимые в их отрасли.

Функция совокупного благосостояния оценивается путем агрегирования индивидуальных функций благосостояния $W_j(P)$, в которые входят денежные доходы индивидов — $I_j(P)$, правительственные трансферты — r_j и потребительский излишек — $w_j(P)$:

$$W(P) = \Sigma_j W_j(P) = \Sigma_j(I_j(P) + r_j + w_j(P)) \qquad (2.2)$$

В свою очередь, совокупный объем государственных трансфертов зависит от общего уровня тарифных доходов $R(P)$, которые мы будем рассматривать в качестве единственного источника средств, доступных для перераспределения (в то время как «текущие» расходы правительства финансируются за счет нетарифных доходов):

$$\Sigma_j r_j = R(P) = \Sigma_g \Delta p_g (D_g - Q_g) \qquad (2.3)$$

где Δp_g — прирост цены товара g благодаря введению тарифа t_g, а D_g и Q_g — уровни внутреннего спроса на товар и его внутреннего предложения. Мы предполагаем, что государственные трансферты r_j не зависят от расходов на лоббирование, о которых говорилось выше. Действительно, лоббирование различных групп в пользу получения более высоких трансфертов может быть рассмотрено в качестве деятельности на втором уровне изыскания политической ренты, связанном с борьбой за распределение полученных на первом уровне бюджетных доходов (Buchanan, 1980).

Представленные выше рассуждения позволяют нам рассмотреть различные типы поведения правительства.

Случай 1. Предположим вначале, что правительство находится под полным контролем со стороны групп давления, так что в своей деятельности оно не принимает во внимание благосостояние простых граждан страны (это описание соответствует как традиционному представлению о «слабом» правительстве, так и диктатуре, обслуживающей интересы определенных экономических групп). В этом случае решения об установлении повышенных тарифных ставок будут зависеть от (1) интенсивности лоббирования со стороны групп, способных преодолеть «проблему безбилетника», и (2) возможности получить тарифные доходы, которые могут быть распределены между этими группами.

Случай 2. В разделе 1.1. мы предполагали, что единственной переменной внешнеторговой политики, на которую пытаются оказать влияние фирмы в каждой отрасли, является тарифная ставка на товар g, производимый в данной отрасли. Если некоторые g представляют собой промежуточные товары, то можно предположить, что фирмы будут лоббировать не только *за* установление высокого тарифа на свою продукцию, но и *против* тарифов на товары, используемые ими в ходе производственного процесса. В этом случае, ввиду контрлоббирования, тарифы на промежуточные товары будут, как правило, ниже, чем на конечные товары. Это — хорошо известное экономико-политическое объяснение феномена эскалации тарифов.

Случай 3. Предположим, что правительство максимизирует «консервативную функцию общественного благосостояния» (см.: Corden, 1974). В этом случае правительство будет склонно компенсировать убытки производителей, функционирующих в отраслях с высокой и/или растущей рыночной долей импорта (или страдаю-

щих от спада выпуска, связанного с конкуренцией со стороны импорта), путем установления тарифов на импорт соответствующих товаров. В то же время правительство будет компенсировать потери потребителей, вынужденных платить более высокую цену за облагаемые тарифом товары, посредством перераспределения в пользу этих потребителей тарифных доходов казны, придавая при этом нулевой вес трансферту благосостояния со стороны групп давления (в формуле 2.1, $a = 0$)[7]. Чем больше работников занято в отрасли, тем более очевидна целесообразность ее тарифной защиты исходя из соображений «консервативной функции общественного благосостояния». Это также предполагает, что более высокие тарифные ставки могут быть установлены на продукцию как раз тех отраслей, которые в Случаях 1—2 не имели бы шансов преодолеть «проблему безбилетника» ввиду большого числа предприятий. Логика этого утверждения очевидна, коль скоро отрасли с большим числом предприятий обычно функционируют в разных регионах страны и предоставляют занятость большему числу избирателей[8].

Случай 4. Наконец, рассмотрим ограниченное в финансовых ресурсах правительство, нетарифные доходы которого недостаточны для финансирования текущих расходов. Такое правительство вынуждено будет максимизировать тарифные поступления: $\Sigma_g \Delta p_g (D_g - Q_g)$, одновременно пытаясь минимизировать диспропорции, вносимые тарифами в функцию совокупного благосостояния граждан страны, при том что размер трансфертов r_j равен нулю в связи с отсутствием «свободных средств».

Описанные выше случаи представляют собой аналитические «идеальные типы», которые в чистом виде вряд ли могут быть встречены в реальном мире. Однако, сформулировав в явном виде факторы, объясняющие структуру тарифных ставок применительно к этим «идеальным типам», мы можем оценить, какие новшества вносятся в наш анализ благодаря учету поведения правительства (Таблица 1). Как можно видеть, набор факторов, которые могут оказывать влияние на высоту тарифных ставок, достаточно широк. В разделе 4 мы используем информацию об этих факторах для формулировки эмпирически тестируемых гипотез о детерминантах структуры импортных тарифов в России.

Таблица 1

Ключевые факторы, объясняющие структуру импортных тарифов при эксплицитном моделировании поведения правительства

Случаи	Описание	Ключевые объясняющие факторы
Случай 1	Правительство, подконтрольное группам давления	Трансферты ресурсов с целью повышения тарифов; тарифные поступления
Случай 2	Лоббирование в модели с промежуточными товарами	Трансферты ресурсов с целью повышения/понижения тарифов (модель эскалации тарифов)

Случаи	Описание	Ключевые объясняющие факторы
Случай 3	Консервативная функция общественного благосостояния	Рыночная доля импорта, *наблюдаемая* правительством; число занятых в отрасли
Случай 4	Недостаток бюджетных доходов	Тарифные поступления

3.3. Рыночная доля импорта

Как мы видели, доля национального рынка, обслуживаемая импортом, представляет собой важный фактор, оказывающий влияние как на стремление фирм лоббировать в пользу установления более высокого уровня тарифных ставок, так и на принятие решений правительством (если поведение правительства продиктовано стремлением к максимизации консервативной функции общественного благосостояния). Однако каковы детерминанты рыночной доли импорта? Традиционный подход к анализу этого вопроса опирается на предположение о том, что при данном уровне внутреннего спроса на товар g функция спроса на импорт данного товара имеет вид:

$$M_g = M_g(p_g^H/p_g^F, \tau_g) \qquad (3.1)$$

где p_g^H/p_g^F — отношение цен производителей товара в национальной экономике и за рубежом, а τ_g — функция торговых издержек, благодаря которым внутренняя цена импортированного товара оказывается выше, чем цена зарубежного производителя (данная функция учитывает величину импортных барьеров, транспортные издержки, надежность прав собственности на импортируемые товары и т.д.). При исследовании внешней торговли России, где доминируют межотраслевые торговые потоки, представляется оправданным предположение о том, что отношение цен производителей определяется прежде всего факторами, которые описываются традиционной теорией Хекшера—Олина. При этом простейший способ объяснить различия цен производителей заключается в том, чтобы принять во внимание интенсивность использования факторов производства при выпуске товара g (α_g^K и α_g^L, с учетом предположения о том, что существуют лишь два фактора производства — капитал K и труд L) и сравнительную наделенность страны этими факторами по сравнению с «остальным миром» (K^H/K^F, L^H/L^F):

$$p_g^H/p_g^F = \Phi(\alpha_g^K, \alpha_g^L, K^H/K^F, L^H/L^F). \qquad (3.2)$$

Данная формулировка, однако, предполагает, что технология производства во всех странах одинакова. Если товары одного и того же типа, произведенные в национальной экономике и за рубежом, имеют различное качество, как это обычно бывает при внутриотраслевой торговле (Greenaway and Torstensson, 1998), это

определение окажется не вполне реалистичным. Поэтому выражение 3.2 должно быть переписано как

$$p_g^H/p_g^F = F(\alpha_g^{HK}, \alpha_g^{HL}, K^H/K^F, L^H/L^F, q), \qquad (3.2в)$$

где α_g^{HK} и α_g^{HL} — интенсивность использования факторов производства при выпуске товара g в национальной экономике, а q — индекс качества, измеряющий разрыв в качестве разновидностей данного товара, произведенных в национальной экономике и за рубежом. Индекс качества в данном случае используется как переменная, отражающая технологические различия между национальным и зарубежным производством. Мы предпочитаем не делать априорных предположений относительно связи между сравнительным уровнем качества различных разновидностей товара и уровнем трудо- и капиталоинтенсивности их производства (аргументы в пользу соответствующих предположений изложены, в частности, в работах: Favley, 1981 и Greenaway and Milner, 1986). Напротив, индекс качества может с высокой степенью реализма интерпретироваться как *proxy*-переменная, дающая представление о степени экономии на масштабах производства при выпуске соответствующих разновидностей товара. В пользу такой интерпретации можно выдвинуть два аргумента. Первый из них связан с фиксированными издержками разработки продукта (которые в большинстве случаев выше для «высококачественных» разновидностей), а второй — с несовершенной субституцией между высококачественными разновидностями продукта, которая оказывает влияние на отношение между средними и предельными издержками при монополистической конкуренции (Greenaway and Torstensson, 1998. P. 3). Мы, однако, не станем делать специальных предположений относительно природы конкуренции на рынках товаров, импортируемых в Россию. Поэтому единственной гипотезой, которая представляет для нас интерес, будет следующая: чем выше качество данной разновидности товара, тем выше фиксированные издержки ее разработки, а значит, объем операций (т.е. возможность «распределить» эти издержки на более значительное количество товара) становится важным фактором ценовой конкурентоспособности.

Используя различия качества товаров как показатель сравнительной экономии на масштабах производства и опираясь на принципиальный вывод Новой теории международной торговли о том, что более полное использование экономии на масштабах производства является важным фактором, определяющим внешнеторговую специализацию и выигрыш от торговли[9], мы можем предположить, что преимущество/отставание от зарубежных производителей по данному фактору (т.е. степень, в которой расширение выпуска может позволить российским производителям повысить свою конкурентоспособность относительно зарубежных производителей) может служить существенной детерминантой структуры

внешней торговли России, в дополнение к более традиционным переменным факторных пропорций.

Аргументы, изложенные в данном разделе, позволяют нам перейти к формулировке гипотез, тестирование которых будет осуществлено в эмпирической части работы.

4. Эмпирические модели

4.1. Модель эндогенного определения тарифной политики

Модель эндогенного определения тарифной политики предназначена для учета влияния экономико-политических переменных на отношение правительства к тарифной защите отраслей промышленности:

$$Rate = b_1 + b_2{*}ShImp_{ij} + b_3{*}\Delta Out + b_4{*}NEnt + b_5{*}Sh4 + \\ + b_6{*}AvSales + b_7{*}ShImpI_j + b_8{*}ShEmp + b_9{*}Loss + b_{10}DInt + e_1, \quad (4.1)$$

где *Rate* — номинальная ставка адвалорных импортных пошлин либо адвалорная составляющая комбинированных импортных пошлин, 1997 г.;

$ShImp_{ij}$ — доля рынка, обслуживаемая импортом, 1997 г. (см. ниже);

ΔOut — индекс изменения физического объема выпуска за период 1990—1997 гг. (уровень выпуска в 1997 г. в % к уровню выпуска в 1990 г.);

NEnt — число предприятий в соответствующей отрасли в 1997 г. (мы используем детальные данные более чем по 65 отраслям);

*Sh*4 — рыночная доля 4 крупнейших фирм (по 27 секторам промышленности);

AvSales — средний стоимостной объем выпуска в расчете на 1 предприятие в 1997 г. (рассчитывается по формуле $Scale = VQ/NEnt$, где *VQ* — стоимостной объем выпуска соответствующего товара);

$ShImpI_j$ — процентная доля импорта товара в совокупном объеме российского импорта в 1997 г. ($j = 1$ — по торговле со странами «дальнего зарубежья», $j = 2$ — по совокупной внешней торговле);

ShEmp — процентная доля занятости в соответствующем промышленном секторе в 1997 г. (по 27 секторам промышленности);

Loss — процентная доля убыточных предприятий в соответствующем промышленном секторе в 1997 г. (по 27 секторам промышленности);

DInt — фиктивная переменная, принимающая значение «1» для промежуточных товаров и «0» для потребительских товаров.

Выбор независимых переменных исследования непосредственно связан с аргументами, высказанными в предыдущем разделе. Переменные, характеризующие рыночную долю импорта и темп спада выпуска по отдельным товарным категориям ($ShImp_{ij}$ и

ΔOut), могут служить важными детерминантами тарифной структуры в соответствии с логикой гипотезы групп давления[10], а также с гипотезой, принимающей во внимание стремление правительства максимизировать «консервативную функцию общественного благосостояния». Переменные *NEnt*, *Sh*4, *AvSales* и *DInt* призваны отражать логику гипотезы групп давления[11]. Чем выше число предприятий в отрасли (*NEnt*), тем более острой является «проблема безбилетника» и тем ниже эффективность лоббирования; напротив, более высокому уровню отраслевой концентрации (измеряемому рыночной долей 4 крупнейших предприятий, *Sh*4) соответствует более высокий уровень расходов на лоббирование. В свою очередь, переменная *AvSales* аппроксимирует средний размер предприятия в отрасли, который может рассматриваться как показатель сравнительного политического «веса» индивидуальных членов группы давления[12]. Следует отметить, что российская статистика содержит данные по *предприятиям*, а не по *компаниям*, так что мы не в состоянии принять во внимание тот факт, что одна и та же компания может контролировать несколько предприятий; данное обстоятельство необходимо принимать во внимание при интерпретации результатов эконометрического анализа. Наконец, переменная для промежуточных товаров (*DInt*) позволит нам учесть возможный эффект эскалации тарифов, обусловленный спецификой процесса лоббирования (Случай 2 в разделе 3.2)[13].

Рассмотрим теперь мотивы деятельности правительства, не связанные с максимизацией трансфертов со стороны групп давления. Если правительство максимизирует консервативную функцию общественного благосостояния, оно может сделать выбор в пользу поддержки в первую очередь тех отраслей, которые предоставляют занятость наибольшему количеству рабочих (*ShEmp*) и испытывают серьезные финансовые трудности (*Loss*). Число предприятий в соответствующих отраслях (*NEnt*) может быть использовано для учета размера отраслей и географического «разброса» контролируемого ими «промышленного электората»[14]. С другой стороны, если правительство испытывает нехватку бюджетных средств, его основные усилия могут быть сконцентрированы на максимизации тарифных доходов; поэтому оно предпочтет установить высокие тарифные ставки по тем товарным категориям, на которые приходится наибольшая доля совокупного импорта ($ShImpI_j$). Благодаря этому правительство окажется в состоянии обеспечить за счет данного увеличения тарифных ставок максимальный прирост тарифных доходов, не прибегая при этом в повышению ставок по «менее важным» товарным категориям, чтобы не вносить дополнительные диспропорции в национальную экономику.

В нашем предыдущем исследовании мы обнаружили, что переменные, связанные с мотивом максимизации консервативной функции общественного благосостояния и повышения тарифных доходов, обеспечивают наиболее адекватное объяснение тарифной структуры в современной России. Для описания этого эффекта мы ввели гипотезу поддержки стагнирующих отраслей и максимиза-

ции тарифных поступлений. Используя более адекватные переменные для тестирования гипотезы групп давления, мы можем одновременно рассмотреть обе возможные гипотезы. В Таблице 2 указано ожидаемое направление влияния независимых переменных на уровень тарифных ставок в соответствии с каждой из гипотез, при этом знаки «+» и «—» обозначают соответственно позитивное и негативное направления влияния.

Таблица 2

Ожидаемое влияние независимых переменных на уровень тарифных ставок

Переменные	Гипотеза групп давления	Гипотеза поддержки стагнирующих отраслей и максимизации тарифных поступлений
Рыночная доля импорта ($ShImp_{ij}$)	+	+
Темп спада выпуска (ΔOut)	+	+
Число предприятий ($NEnt$)	—	
Отраслевая концентрация ($Sh4$)	+	
Средний уровень продаж ($AvSales$)	+	
Доля в совокупном импорте ($ShImpI_j$)		+
Доля в совокупной занятости ($ShEmp$)		+
Доля убыточных предприятий ($Loss$)		+
Фиктивная переменная для промежуточных товаров ($DInt$)	—	

Наше предшествующее исследование механизмов эндогенного определения тарифной политики ориентировалось на использование «физического» показателя проникновения импортных товаров на внутренние рынки (доля рынка, обслуживаемая импортом, рассчитывалась на основании физического объема продаж). Этот подход, однако, имеет ряд ограничений. Во-первых, он не принимает во внимание качественных различий между импортируемыми и производимыми в национальной экономике товарами. Для учета качественных различий следует использовать стоимостной показатель проникновения импорта на внутренний рынок, предполагая, что цены импортируемых и производимых в национальной экономике товаров отражают важные для потребителей качественные характеристики этих товаров (данное предположение широко используется в исследовательской практике; см., например: Torstensson, 1991; Greenaway et al., 1995). Во-вторых, некоторые товары (в частности, телевизоры, магнитофоны, фотоаппараты) активно *ре*экспортируются, в результате чего совокупный объем импорта иногда *превышает* объем внутреннего потребления. Поскольку показатели проникновения импорта на внутренний рынок, превышающие 100%, вызывают вопросы с точки зрения содержательной интерпретации, представляется целесообразным рассмотреть показатель доли совокупного рынка (национального и внешнего), об-

служиваемой импортом. С учетом сказанного мы предлагаем использовать альтернативные показатели рыночной доли импорта — $ShImp_{ij}$ (индекс i обозначает метод расчета, индекс j — тип торговых потоков: $j = 1$ для торговли со странами «дальнего зарубежья» и $j = 2$ для совокупной внешней торговли):

$ShImp_{1j}$ — «физический» показатель доли национального рынка, обслуживаемой импортом; рассчитывается по формуле $ShImp_{1j} = Mj^*100/(Q+Mj-Ej)$, где Mj — физический объем импорта, Q — физический объем национального производства, Ej — физический объем экспорта;

$ShImp_{2j}$ — стоимостной показатель доли национального рынка, обслуживаемой импортом; рассчитывается по формуле $ShImp_{2j} = VMj^*100/(VQ+VMj-VEj)$, где VMj — стоимостной объем импорта, VQ — стоимостной объем национального производства, VEj — стоимостной объем экспорта;

$ShImp_{3j}$ — «физический» показатель доли совокупного (национального и экспортного) рынка, обслуживаемой импортом; рассчитывается по формуле $ShImp_{3j} = Mj^*100/(Q+Mj)$;

$ShImp_{4j}$ — стоимостной показатель доли совокупного (национального и экспортного) рынка, обслуживаемой импортом; рассчитывается по формуле $ShImp_{4j} = VMj^*100/(VQ+VMj)$[15].

Данный набор переменных рыночной доли импорта не лишен недостатков. Они относятся исключительно к официально регистрируемому импорту и, таким образом, характеризуют те показатели рыночной доли импорта, которые наблюдаются правительством, а не те, с которыми реально сталкиваются производители. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении данные более адекватны для тестирования гипотезы поддержки стагнирующих отраслей и максимизации тарифных поступлений, а не гипотезы групп давления, поскольку в последнем случае правительство реагирует не на наблюдаемые показатели рыночной доли импорта, а на предоставляемые группами давления трансферты ресурсов, величина которых зависит от «реальных» показателей рыночной доли импорта. Можно указать по крайней мере 3 источника различий между показателями официально регистрируемого импорта и реальным уровнем импорта. Во-первых, значительная часть товаров иностранного производства поступает в Россию по каналам «челночной торговли» (т.е. ввозится физическими, а не юридическими лицами) и не регистрируется таможенными властями. Во-вторых, с 1995 г. было отменено таможенное оформление товаров в торговле с Республикой Беларусь (по данным Госкомстата, в 1997 г. из Беларуси было импортировано товаров на общую сумму 4,626 млрд долл., по сравнению с 53,039 млрд долл. официального импорта). Коррективы на два указанных фактора, внесенные Госкомстатом в данные по российскому импорту за 1997 г., составили 20,421 млрд долл., а совокупный объем импорта с учетом этих корректив — 73,460 млрд долл. В-третьих, российские импорте-

ры активно используют различные схемы «серого» импорта, от ввоза товаров под видом предназначенных для реэкспорта до неверной спецификации типа товаров[16]. С учетом трех указанных проблем, правомерно ли использовать официальные данные по объему импорта для тестирования гипотезы групп давления?

Наиболее очевидный аргумент в пользу предлагаемых нами моделей заключается в том, что какие-либо иные данные в принципе отсутствуют. Объемы теневого импорта, как следует из самого этого термина, не доступны наблюдению, и любые неофициальные данные представляют собой не более чем грубые оценки. Тем не менее можно предположить, что теневые импортные операции гораздо более интенсивны по одним товарным позициям, чем по другим. Данная линия рассуждений, однако, приводит нас ко второму аргументу: с учетом доминирующей структуры спроса весьма вероятно, что доля теневого импорта выше именно по тем товарным категориям, которые активно ввозятся по официальным каналам. Таким образом, показатели рыночной доли импорта, рассчитанные на основании официальных данных, могут служить эффективным субститутом (proxy) «реальных» показателей рыночной доли импорта (данный аргумент применим как к капитальным благам, так и к потребительским товарам, поскольку в первом случае, хотя «челночная торговля» очевидным образом отсутствует, возможности неадекватной спецификации товаров и их ввоза через Беларусь остаются открытыми). Наконец, мы можем предложить своего рода асимметричный критерий *ex post* верификации: если мы не найдем связи между показателями рыночной доли импорта и тарифными ставками, всегда можно предположить, что это обусловлено неадекватностью используемых показателей рыночной доли импорта; если же, напротив, мы *обнаружим* ожидаемую зависимость, это будет означать, что показатели рыночной доли импорта, несмотря на все их недостатки, позволяют нам проследить по крайней мере некоторые содержательные черты экономико-политического процесса установления тарифных ставок.

4.2. Модель рыночной доли импорта

Данная модель используется для анализа рыночной доли импорта в различных отраслях с учетом предположения о том, что уровень тарифных ставок определяется *экзогенно*. В соответствии с уравнением 3.2в, межотраслевые различия в рыночной доли импорта объясняются через переменные интенсивности использования факторов производства, а фактор масштаба производства аппроксимируется индексом качества товаров:

$$ShImp_{ij} = b'_1 + b'_2{*}Rate + b'_3{*}PhCap + b'_4{*}Mat + b'5{*}Lab_1 + \\ + b'_6{*}Lab_2 + b'_7{*}HCap + b'_8Qual + e_2; \qquad (4.2)$$

где *PhCap* — показатель интенсивности использования в отрасли физического капитала, рассчитываемый как процентная доля амортизационных отчислений в совокупных издержках;

Mat — показатель материалоемкости производства, рассчитываемый как процентная доля материальных затрат (т.е. затрат на сырье, полуфабрикаты и др.) в совокупных издержках;

Lab_1 — показатель трудоемкости производства, рассчитываемый как процентная доля заработной платы в совокупных издержках;

Lab_2 — альтернативный показатель трудоемкости производства, рассчитываемый как процентная доля полных затрат на рабочую силу (т.е. затрат на заработную плату, социальные отчисления и т.д.) в совокупных издержках;

HCap — показатель использования человеческого капитала в отраслевом производстве, рассчитываемый как доля служащих (инженеров, технологов, управляющих и т.д.) в отраслевой рабочей силе;

$Qual_j$ — показатель качественных различий товаров во внутриотраслевой торговле, рассчитываемый как соотношение цен на импортируемые и экспортируемые товары в торговле со странами «дальнего зарубежья» ($j = 1$) и в совокупной внешней торговле ($j = 2$).

Все независимые переменные рассчитываются по состоянию на 1997 г. Переменные *PhCap*, *Mat*, Lab_1, $Labr_2$ и *HCap* используются для 27 секторов промышленности[17]; переменные *Rate* и *Qual* — для индивидуальных товарных категорий.

В Модели рыночной доли импорта переменная *Rate* характеризует уровень торговых издержек, а переменные с *PhCap* по *HCap* — интенсивность использования факторов производства в отраслевой деятельности. В этом плане наша модель близка к модели Д.Трефлера (Trefler, 1993). Принципиальное внимание к переменным сравнительных преимуществ представляется вполне оправданным в российском случае ввиду той роли, которая отводится этому фактору в объяснении торговли между экономически развитыми и развивающимися странами (Helpman, 1999), при том что экономически развитые страны являются основными торговыми партнерами России. Более того, анализ структуры сравнительных преимуществ в принципе может быть продуктивным даже при изучении тех проблем, которые обычно рассматриваются в контексте Новой теории международной торговли (Davis, 1997).

В то же время мы включаем в наш анализ также переменную *Qual*, которая призвана характеризовать технологические различия в производстве в национальной экономике и за рубежом. Мы предполагаем, что экспортно-импортные потоки в торговле однотипными товарами имеют место в рамках вертикальной внутриотраслевой торговли, т.е. торговли товарами, обладающими качественными различиями, которые отражаются в ценовых различиях. Как объяснялось в разделе 3.3, эти качественные различия могут интерпретироваться как переменные, отражающие различия в роли фактора экономии на масштабах производства товара в национальной экономике и за рубежом. Таким образом, подразумевается, что переменная $Qual_j$ описывает условия возрастающей от-

дачи от масштаба производства, роль которых акцентируется Новой теорией международной торговли. Данная переменная рассчитывается в соответствии со следующими формулами:

$$Qual_1 = (VM_1/M_1)/(VE_1/E_1), \quad (4.3)$$

$$Qual_2 = (VM_2/M_2)/(VE_2/E_2). \quad (4.4)$$

Формула 4.3 используется в моделях торговли со странами «дальнего зарубежья», формула 4.4 — в моделях совокупной внешней торговли.

4.3. Модель одновременных уравнений

В рамках данной модели мы учитываем тот факт, что процесс эндогенного определения тарифной политики реагирует на изменение экономических условий (в нашем случае — на изменение рыночной доли импорта), в то время как эти изменения сами по себе испытывают влияние уровня тарифной защиты. Отметим, что в начале 1992 г. Россия отменила *все* ранее существовавшие импортные барьеры, так что абсолютный уровень тарифных ставок соответствует также абсолютному уровню *изменений* тарифных ставок на протяжении периода 1992—1997 гг. Модель предполагает одновременную оценку Модели эндогенного определения тарифной политики и Модели импорта. Рассмотрение данных моделей позволит нам решить следующие задачи:

- сравнить аналитический потенциал моделей 4.1 и 4.3 при их независимой *versus* одновременной оценке;
- проанализировать влияние независимых переменных на уровень тарифных ставок и рыночной доли импорта; особое внимание должно быть уделено коэффициентам при переменной тарифной ставки в Модели рыночной доли импорта, с одной стороны, и воздействию экономико-политических переменных на уровень тарифных ставок в Модели эндогенного определения тарифной политики, с другой стороны;
- оценить путем выбора оптимального набора инструментальных переменных «истинное» воздействие тарифных ставок на импортные потоки, и наоборот.

Отметим, что наши модели сформулированы таким образом, чтобы исключить «посторонние» эндогенные эффекты. Так, тарифные ставки в принципе могут оказать влияние на уровень занятости и убытков в соответствующих отраслях; однако переменная *Rate* относится к индивидуальным товарным категориям, в то время как переменные *ShEmp* и *Loss* — к более широким секторам промышленности. Аналогичным образом, тарифная защита может способствовать замедлению спада производства; однако в наших моделях переменная *DOut* описывает глубину спада производства начиная с 1990 г., а не с 1992 г., когда в России началось формирование структуры импортных барьеров. Таким образом, мы не ожидаем возникновения в моделях проблемы эндогенности используемых переменных.

5. Эмпирические результаты

5.1. Основные результаты эконометрического анализа

С целью проведения эконометрического анализа была построена база данных, включающая в себя 113 товарных категорий российской внешней торговли, для которых (1) статистика внешней торговли содержит данные *и о* стоимостном, *и о* физическом объеме импорта, и (2) единицы физического объема, используемые во внешнеторговой статистике *и* в статистике производства, совпадают. На данные товарные категории приходится 21,10% российского импорта из стран «дальнего зарубежья» и 21,89% совокупного объема импорта. В Таблице A1 Статистического приложения приведена базовая информация о независимых и зависимых переменных, рассчитанных на основе этой базы данных. В Таблицах A2a—A2c представлены корреляционные матрицы независимых переменных. Как можно убедиться, сделанный нами выбор независимых переменных обеспечил отсутствие существенной корреляции в наборе «ключевых» переменных (Таблица A2a). В то же время переменные рыночной доли импорта ($ShImp_{ij}$) оказались тесно коррелированы между собой (Таблица A2b). Другое обстоятельство заключается в том, что переменные доли факторных издержек *Mat* и Lab_2 сильно коррелированы с другими факторными переменными (Таблица A2c). С учетом этого при оценке Модели рыночной доли импорта мы будем вынуждены использовать только три факторных переменные, характеризующие соответственно долю амортизации (*PhCap*) и заработной платы (Lab_1) в отраслевых издержках производства, а также показатель интенсивности использования человеческого капитала (*HCap*).

В качестве первого шага эконометрического анализа мы оценили 8 вариантов Модели эндогенного определения тарифной политики (с различными спецификациями переменной рыночной доли импорта $ShImp_{ij}$) и 8 вариантов Модели рыночной доли импорта. Соответствующие результаты тестирования приведены в Таблицах A3 и A4a[18].

Что касается Модели рыночной доли импорта (Таблица A3), то переменная уровня тарифной ставки *ни в одном из рассматриваемых случаев* не оказывает статистически значимого воздействия на уровень рыночной доли импорта. Другим важным и достаточно неожиданным результатом оказалось то обстоятельство, что рыночная доля импорта имеет тенденцию быть *выше* для трудоемких товаров и *ниже* для капиталоемких. Это — весьма нетривиальный результат с учетом широко распространенного мнения о «дешевой рабочей силе» и «нулевой ценности основных фондов» в России[19].

Показатель интенсивности использования человеческого капитала не оказывает статистически значимого влияния на рыночную долю импорта. Что же касается переменной уровня качества товаров, то она оказывает статистически значимый *негативный* эффект на *физические* показатели рыночной доли импорта в торговле со

странами «дальнего зарубежья», однако применительно к *стоимостным* показателям рыночной доли импорта в совокупной внешней торговле этот эффект *позитивен*. С учетом нашей интерпретации качественных различий как показателя сравнительной экономии от масштаба производства, второй из упомянутых эффектов представляется вполне логичным: чем выше разрыв в уровне качества импортных и отечественных товаров (в нашей интерпретации: чем выше преимущество иностранных производителей по уровню экономии от масштаба), тем выше рыночная доля импорта. В свою очередь, если одна единица высококачественного товара является субститутом нескольких единиц низкокачественного товара, то, с учетом бюджетного ограничения потребителей, мы можем дать *ad hoc* объяснение более низкой рыночной доли высококачественного импорта (в физическом выражении) из стран «дальнего зарубежья»[20].

Обратимся теперь к модели эндогенного определения тарифной политики (Таблица А4а). Мы можем отметить, что *ни одна* из переменных рыночной доли импорта не оказывает статистически значимого влияния на уровень тарифных ставок. В остальном многие из полученных результатов соответствуют нашим ожиданиям, суммированным в Таблице 2. Темп спада выпуска, средний уровень продаж, доля убыточных предприятий и фиктивная переменная для промежуточных товаров оказывают на уровень тарифных ставок влияние, соответствующее логике рассмотренных нами гипотез. Коэффициенты при переменной, характеризующей долю товара в совокупном импорте, имеют ожидаемый знак и статистически значимы в моделях, где они относятся к торговле со странами «дальнего зарубежья» ($ShImpI_1$). В моделях для совокупной внешней торговли эти переменные ($ShImpI_2$) не оказывают статистически значимого влияния[21].

Воздействие переменной, характеризующей число предприятий в отрасли (*NEnt*), является в рассматриваемых моделях *позитивным*, что противоречит логике гипотезы групп давления, но соответствует гипотезе поддержки стагнирующих отраслей и максимизации тарифных поступлений. Поскольку мы не обнаружили статистически значимого влияния со стороны переменной *ShEmp*, относящейся к более агрегированным секторам промышленности, мы можем сделать заключение о том, что правительство в состоянии осуществлять дифференцированный подход к специализированным отраслям[22].

Эконометрические результаты, проанализированные выше, в основном подтверждают наше изначально скептическое отношение к аналитическим возможностям независимого рассмотрения Модели эндогенного определения тарифной политики и Модели рыночной доли импорта. В этих моделях тарифные ставки не оказывают влияния на рыночную долю импорта, а рыночная доля импорта, в свою очередь, не оказывает влияния на уровень тарифных ставок. Таким образом, мы имеем все основания перейти к рассмотрению возможности одновременной оценки этих моделей.

Для начала мы провели тест Хаусмана на эндогенность переменных. Для этого мы (1) ввели в каждый из вариантов Модели рыночной доли импорта, в дополнение к исходным переменным, переменную тарифной ставки EST($ShImp_{ij}$), оцененную («предсказанную») на основании Модели эндогенного определения тарифной политики, а также (2) ввели в каждый из вариантов Модели эндогенного определения тарифной политики, в дополнение к исходным переменным, переменную тарифной ставки EST(*Rate*), оцененную на основании Модели рыночной доли импорта.

Результаты тестирования оказались весьма примечательными. Оценки уровня тарифных ставок, полученные на основании Модели эндогенного определения тарифной политики — EST(Rate), демонстрируют статистически значимую *положительную* связь с рыночной долей импорта, что, разумеется, не может найти содержательного объяснения с точки зрения анализа влияния тарифных ставок на динамику импортных потоков[23].

Напротив, включение оценки рыночной доли импорта EST($ShImp_{ij}$) в Модель эндогенного определения тарифной политики ведет к заметному росту ее аналитического потенциала. В Таблице A4b представлены результаты тестирования моделей, в которых переменная $ShImp_{ij}$ заменена на переменную EST($ShImp_{ij}$). Коэффициенты при этих переменных во всех случаях статистически значимы и имеют ожидаемый знак. В то же время, в отличие от результатов «независимого» тестирования Модели эндогенного определения тарифной политики, коэффициент при переменной, характеризующей темп спада выпуска (ΔOut), оказывается статистически несущественным, в то время как коэффициент при переменной отраслевой концентрации *Sh*4 становится статистически значимым и имеет ожидаемый знак. Влияние переменных *Loss* и *DInt* существенно ослабляется и наблюдается главным образом в моделях, использующих переменные совокупной внешней торговли, в то время как в моделях внешней торговли со странами «дальнего зарубежья» их влияние менее выражено.

Как явствует из Таблицы A4b, «двухступенчатая» оценка Модели эндогенного определения тарифной политики со стоимостной переменной рыночной доли в торговле со странами «дальнего зарубежья» ($ShImp_{2j}$) обладает более высоким аналитическим потенциалом по сравнению со всеми альтернативными спецификациями. Тарифные ставки, предсказанные на ее основе, выглядят вполне разумно. В данном контексте представляют интерес имеющиеся случаи существенного отклонения предсказанных значений тарифных ставок от фактических. В частности, в двух случаях наша модель предсказывает *негативные* значения тарифных ставок; неудивительно, что «возмутителями спокойствия» являются сырая нефть и природный газ. В случае куриного мяса более высокие фактические тарифные ставки являются вполне логичным результатом активной протекционистской кампании, продолжавшейся на всем протяжении 1990-х гг. Напротив, фактические ставки оказались ниже предсказанных по таким товарным пози-

циям, как сельскохозяйственные машины (2 товарных категории в нашей базе данных), шахтное оборудование, железнодорожные вагоны, соль, хлеб, кукурузное масло, белый сахар и детское питание — т.е. главным образом тех товаров, которые рассматриваются правительством в качестве «социально значимых» либо критически важных для экономики ввиду отсутствия удовлетворительных субститутов отечественного производства. В случае продукции рыбной промышленности (5 позиций в базе данных) и угольной промышленности (2 позиции) низкие тарифные ставки могут являться результатом наличия природных ресурсов, необходимых для функционирования соответствующих отраслей. Таким образом, аргументы *ad hoc* позволяют дать достаточно логичные объяснения наиболее важным (хотя, разумеется, не всем) «исключениям» из моделируемой закономерности.

Какие выводы можно сделать на основании результатов, представленных в данном подразделе?

Во-первых, мы не обнаружили негативного влияния тарифных ставок на уровень рыночной доли импорта, что само по себе достаточно неожиданно. Наиболее вероятное объяснение этого связано с тем, что степень вариации тарифных ставок была радикально сокращена благодаря принятому с 1996 г. решению правительства, согласно которому максимальная ставка адвалорных импортных пошлин была снижена до 30% (данная мера была принята в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда (МВФ)). Что еще более парадоксально, рыночная доля импорта оказалась выше по трудоемким товарам и ниже — по капиталоемким. Отчасти этот парадокс может быть объяснен тем, что рыночная доля импорта может оказаться выше в случае потребительских товаров ввиду высокого спроса на более качественные импортные товары со стороны потребителей и более низкого спроса на промежуточные (инвестиционные) товары со стороны испытывающих недостаток ликвидности предприятий, у которых просто нет денег для приобретения более производительного, но и более дорогого импортного оборудования. Поскольку производство инвестиционных товаров в среднем характеризуется более высокой капиталоемкостью, чем производство потребительских товаров, парадоксальная структура рыночной доли импорта может быть связана не с гипотетической «эффективностью» капиталоемких производств в России, а со спецификой спроса. Однако это объяснение ни в коей мере не является универсальным. В частности, позитивная связь между трудоемкостью и рыночной долей импорта наблюдается даже в том случае, если мы рассмотрим только потребительские товары ($DInt = 0$), причем в этом случае она оказывается даже еще более выраженной[24].

Во-вторых, отсутствие негативного воздействия тарифных ставок, оцененных из Модели эндогенного определения тарифной политики, на рыночную долю импорта опровергает наше исходное представление о «двухсторонней» эндогенности в рассматриваемых моделях, при которой рыночная доля импорта оказывает влияние

на тарифные ставки и наоборот. Таким образом, мы можем рассматривать показатели рыночной доли импорта как независимые от экономико-политических процессов, определяющих установление тарифных ставок.

В-третьих, рыночная доля импорта, оцененная на основе соответствующей модели, будучи введена в Модель эндогенного определения тарифной политики, оказывает статистически значимое влияние на величину тарифных ставок и обеспечивает заметное повышение аналитического потенциала моделей, в то время как большинство других переменных ведет себя в соответствии с логикой гипотез, построенных на основе теории эндогенного определения тарифной политики. Более того, «исключения» из общих закономерностей также носят вполне предсказуемый характер.

Изложенные выше результаты могут рассматриваться как надежные лишь в том случае, если они не зависят от выбора конкретного набора товарных категорий, включенных в нашу базу данных. Поскольку основным принципом формирования базы данных и расчета независимых переменных было наличие необходимой статистики, мы должны проделать анализ чувствительности моделей (sensitivity analysis), чтобы убедиться, что наши результаты не зависят от возможного «уклона» в имеющихся данных.

5.2. Анализ чувствительности моделей

Прежде всего, необходимо протестировать представленные в предыдущем разделе результаты на чувствительность к изменению отраслевого набора товарных категорий. С этой целью мы рассмотрели вопрос о том, какие изменения в полученные результаты вносит исключение наблюдений, относящихся к каждому из 8 базовых секторов российской промышленности (см. Таблицы A5, A6a и A6b Статистического приложения)[25].

Как можно видеть на основании Таблицы A5, статистически значимая негативная связь между переменной капиталоемкости и рыночной долей импорта присутствует при всех спецификациях модели (хотя значения коэффициента при переменной капиталоемкости варьируют от 0,98 до 4,47). Влияние переменной трудоемкости всегда позитивно и статистически значимо (за одним исключением); в тех случаях, когда оно статистически значимо, значения коэффициента при данной переменной более стабильны: он колеблется в диапазоне от 1,29 до 2,10. Вместе с тем бета-коэффициенты при переменной капиталоемкости всегда оказываются выше.

Любопытное обстоятельство заключается в том, что наша переменная, призванная отражать интенсивность использования в отраслях человеческого капитала, является высоко значимой в спецификации, где исключены наблюдения для пищевой промышленности. В этой связи можно говорить о том, что эта отрасль является «наименее типичной» в нашей базе данных[26]. В то же время

ни переменная тарифных ставок, ни переменная уровня качества не оказывают ожидаемого влияния на рыночную долю импорта.

Для оценки чувствительности Модели эндогенного определения тарифной политики к исключению отраслевых наблюдений мы провели два теста:

1) «мягкий» тест, при котором использовались переменные рыночной доли импорта, предсказанные из базового варианта Модели рыночной доли импорта (представленного во втором столбце Таблицы А5);

2) «жесткий» тест, при котором переменные рыночной доли импорта рассчитывались на основе Моделей рыночной доли импорта, из которых были исключены наблюдения для соответствующих отраслей (т.е. на основе моделей, представленных в столбцах 3—10 Таблицы А5).

Первый из упомянутых тестов контролирует отраслевые источники вариации, характерные для механизма эндогенного определения тарифной политики. В свою очередь, «жесткий» тест контролирует источники вариации, присущие как механизму эндогенного определения тарифной политики, так и в целом структуре внешнеторговых связей страны. В этом смысле данный тест основан на достаточно строгих предположениях. Он дает ответ на следующий вопрос: каков был бы механизм определения тарифной политики в России, если бы ее внешняя торговля «лишилась» одного из своих секторов, в то время как торговые потоки в остальных секторах остались бы неизменными? Результаты соответствующих тестов представлены в Таблицах А6а и А6b.

Наиболее важное обстоятельство заключается в том, что при всех изменениях спецификации Модели эндогенного определения тарифной политики влияние переменной EST($ShImp_{21}$) остается высоко значимым (по критерию как t-статистики, так бета-статистики). Более того, значения коэффициентов при этой переменной достаточно разумны: в случае «мягкого» теста они колеблются в диапазоне от 0,41 до 0,56, а в случае «жесткого» теста, опирающегося на гораздо менее реалистичные предположения, в диапазоне от 0,30 до 0,58.

Среди других независимых переменных наименее стабильное влияние оказывают переменные доли занятости (*Emp*) и доли убыточных предприятий (*Loss*), а также фиктивная переменная для промежуточных товаров (*DInt*). Знаки коэффициентов при данных переменных в большинстве случаев соответствуют ожидаемым, однако их статистическая значимость сильно зависит от включения или невключения наблюдений для тех или иных отраслей.

С другой стороны, влияние группы переменных, характеризующих число предприятий в отрасли (*NEnt*), уровень отраслевой концентрации (*Sh*4), средний уровень продаж (*AvSales*) и долю в совокупном импорте ($ShImpI_1$), намного более стабильно. Отметим также, что бета-коэффициенты при переменных *NEnt*, *Sh*4 и $ShImpI_1$ в целом гораздо выше, чем при переменной *AvSales*, по-

казывая высокую содержательную (экономическую) значимость этих переменных при объяснении вариации тарифных ставок.

Как и в случае Модели рыночной доли импорта, отраслями, исключение которых вносит наибольшие изменения в результаты, являются машиностроение и пищевая промышленность. Однако примечательно, что *исключение наблюдений для этих отраслей никогда не приводит ни к «нейтрализации» воздействия расчетной переменной рыночной доли импорта, ни к появлению какого-либо статистически значимого эффекта, противоречащего нашим ожиданиям относительно поведения конкретных независимых переменных.*

Поскольку воздействие некоторых независимых переменных в Модели эндогенного определения тарифной политики оказалось чувствительным к исключению отраслевых наблюдений, мы можем также задать вопрос о чувствительности данной модели к исключению отдельных переменных. Этот вопрос рассматривается в Таблице А7. Расчетная переменная рыночной доли импорта вновь оказывается наиболее значимой, причем ее влияние малочувствительно к исключению остальных переменных (коэффициент при переменной колеблется в диапазоне от 0,43 до 0,48). Другие переменные имеют более низкие бета-коэффициенты, ввиду чего их исключение из модели ведет к менее резкому падению ее аналитического потенциала, чем исключение расчетной переменной рыночной доли импорта.

Данное наблюдение позволяет нам констатировать корректность использования официальных данных по объему импорта несмотря на идентифицированные в разделе 4.1 проблемы. Оценивая структуру импортных потоков через переменные факторных пропорций и качественных различий товаров, мы аппроксимируем «истинные» показатели рыночной доли импорта (в отличие от «наблюдаемых» показателей официальной статистики). Тот факт, что влияние этих «аппроксимированных» переменных при анализе чувствительности модели всегда оказывается крайне стабильным во всех спецификациях, подтверждает *ex post* адекватность нашего подхода к моделированию экономико-политических процессов тарифного регулирования.

Коэффициенты при переменных *NEnt* (число предприятий), *Sh*4 (отраслевая концентрация), *AvSales* (средний уровень продаж) и $ShImpI_1$ (доля в совокупном импорте) также достаточно стабильны и статистически значимы, в то время как коэффициенты при переменных *Loss* (доля убыточных предприятий) и *DInt* (переменная для промежуточных товаров) статистически значимы (с предсказанным знаком) только в случае исключения некоторых других переменных. В моделях, включающих в себя расчетную переменную рыночной доли импорта, влияние переменных ΔOut и *ShEmp* никогда не является статистически значимым, а их бета-коэффициенты крайне низки.

Таким образом, мы можем заключить, что описанные в предыдущем разделе результаты с весьма высокой степенью объективности могут быть признаны сравнительно стабильными к ис-

ключению как наблюдений для отдельных отраслей, так и независимых переменных. Более того, подобное исключение наблюдений и переменных порой позволяет получить новую информацию относительно поведения тех переменных, влияние которых оказывается статистически незначимым в базовой спецификации моделей. Это означает, что нам удалось выявить некоторые содержательные аспекты процесса определения тарифных барьеров и детерминанты структуры импортных потоков в России.

6. Выводы

Мы обнаружили, что на процесс формирования тарифной политики в контексте институциональной структуры принятия решений, сложившейся на протяжении 1992—1997 гг., оказывал влияние ряд экономико-политических факторов, описываемых теорией эндогенного определения экономической политики. Наиболее важные выводы при этом можно сформулировать следующим образом.

Показатели рыночной доли импорта оказались независимыми от уровня тарифных ставок. Мы не обнаружили признаков негативного влияния тарифных ставок (как фактических, так и предсказанных на основе Модели эндогенного определения тарифной политики) на уровень рыночной доли импорта. Главной причиной этого достаточно парадоксального результата, по всей видимости, было принятие российским правительством в 1996 г. решения ограничить максимальную тарифную ставку уровнем 30%. Данное решение было обусловлено рекомендациями МВФ, связанными с унификацией тарифных ставок, и рассматривалось в качестве важного условия предоставления кредитных ресурсов. Таким образом, взаимодействие с международным финансовым институтом существенно ограничило свободу политического выбора российского правительства; как результат, вариация тарифных ставок оказалась значительно ниже, чем вариация большинства других, неинституциональных переменных (как явствует из Таблицы А1). Эта «нейтральность» тарифных ставок, однако, не отменяет того факта, что они оказывают повышательное влияние на уровень внутренних цен и тем самым способствуют перераспределению дохода от потребителей к производителям.

Существуют убедительные признаки контринтуитивной связи между показателями интенсивности использования факторов производства и показателями рыночной доли импорта. Вывод о том, что Россия импортирует главным образом продукцию трудоемких, а не капиталоемких отраслей, противоречит традиционным представлениям о структуре сравнительных преимуществ страны. Проделанный нами тест влияния межотраслевых различий в производительности факторов производства не привел к выявлению каких-либо статистически значимых зависимостей. Таким образом, в центре дальнейших исследований детерминант структуры российского импорта неизбежно должен будет находиться вопрос

о факторах, объясняющих противоречие между фактическим положением дел и прогнозами теории Хекшера—Олина.

Рыночная доля импорта, обусловленная различиями в интенсивности использования факторов производства, оказывается наиболее важной детерминантой структуры тарифных ставок. В отличие от более традиционных моделей эндогенного определения тарифной политики, опирающихся на фактические значения рыночной доли импорта, наши модели с расчетными значениями рыночной доли импорта позволяют объяснить существенно более высокую долю вариации тарифных ставок. При этом воздействие расчетной переменной рыночной доли импорта на уровень тарифных ставок оказывается устойчивым по отношению к изменению набора как отраслевых наблюдений, так и независимых переменных в Модели эндогенного определения тарифной политики. Таким образом, мы можем заключить, что институциональная система определения тарифной политики в России благоприятствует тарифной защите отраслей, низкая конкурентоспособность которых в большей степени обусловлена факторами сравнительных преимуществ, чем какими-либо иными факторами.

Ни одна из «чистых» гипотез не дает однозначного объяснения процесса установления тарифных ставок. Статистически значимое влияние на уровень тарифных ставок оказывают в наших моделях переменные, относящиеся к обеим гипотезам, сформулированным в разделе 4.1. С одной стороны, воздействие переменных отраслевой концентрации (*Sh*4) и среднего уровня продаж (*AvSales*), а также фиктивной переменной для промежуточных товаров (в ряде спецификаций при осуществлении теста на чувствительность моделей) соответствует логике гипотезы групп давления. С другой стороны, влияние переменных, характеризующих число предприятий в отраслях (*NEnt*) и долю в совокупном объеме импорта ($ShImpI_1$), а также — в ряде спецификаций при осуществлении теста на чувствительность моделей — переменных отраслевой доли занятости (*ShEmp*) и доли убыточных предприятий (*Loss*), отвечает гипотезе поддержки стагнирующих отраслей и максимизации тарифных поступлений. Таким образом, мы можем заключить, что теоретическая структура, предложенная в разделах 3.1—3.2, достаточно реалистически описывает механизм определения тарифной политики в условиях переходной российской экономики.

Наши выводы подтверждают традиционное для теории эндогенного определения импортных барьеров представление о том, что экономико-политические факторы играют роль ключевых детерминант структуры тарифных ставок. Можно ли в этих условиях говорить о возможности совершенствования системы импортного регулирования в России, принимая во внимание (1) желание субъектов принятия политических решений предоставить по крайней мере умеренную поддержку стагнирующим отраслям промышленности, (2) роль тарифных поступлений в финансировании бюджетных расходов и (3) признаки влияния предпочтений групп давления на решения правительства?

Наиболее прямолинейный ответ на этот вопрос заключался бы в том, что необходимой предпосылкой эффективной реформы торговой политики, предполагающей отход от преимущественно протекционистского ее курса и принятие более либерального, является замена «политических технократов» и/или перестройка всего механизма принятия решений в сфере внешнеторговой политики таким образом, чтобы ввести в него процедурные ограничения, препятствующие возникновению «протекционистского уклона» в деятельности субъектов принятия политических решений. Однако радикальные предложения подобного рода, как правило, лишены твердой опоры. Как показывает опыт, институциональные структуры отличаются высокой инерционностью, а «благонамеренный политический технократ» — это скорее персонаж «фольклора» нормативной экономической теории, чем фигура реального мира. Как представляется, гораздо более реалистичный путь решения поставленной нами проблемы заключается в том, чтобы проанализировать возможности *удовлетворения предпочтений субъектов принятия решений при одновременном снижении диспропорций, вносимых внешнеторговой политикой в экономическую систему.*

Как мы указывали, фиксация максимальной тарифной ставки на уровне 30% существенно снизила возможности принятия дискреционных решений правительства в вопросах тарифной политики и тем самым значительно ограничила степень влияния импортных тарифов на структуру импортных потоков. Дальнейшее уменьшение максимальной тарифной ставки может привести к соответствующей перестройке всей тарифной структуры, при том что уровень рыночной доли импорта едва ли претерпит существенные изменения (с учетом обнаруженной нами «нейтральности» тарифных ставок). Таким образом, потери национальных производителей от сокращения цен на внутреннем рынке будут смягчены относительной стабильностью рыночной доли импорта; как следствие, оппозиция со стороны групп давления против снижения максимальной тарифной ставки, скорее всего, будет достаточно умеренной.

В то же время «нейтральность» тарифных ставок предполагает, что уменьшение тарифных доходов правительства, связанное со снижением максимальной тарифной ставки, не будет компенсировано за счет растущего объема импорта. Вследствие этого у правительства может возникнуть искушение восполнить указанную потерю бюджетных доходов за счет повышения тарифов на товары, по которым ранее были установлены низкие тарифные ставки. Это «бюджетное искушение» довольно опасно, поскольку совокупный эффект одновременного снижения максимальной тарифной ставки и сокращения перечня товаров, облагаемых по низким (или нулевым) тарифным ставкам, может быть весьма далек от либерального. Более адекватный метод повышения тарифных поступлений заключается в укреплении дисциплины таможенных платежей и перекрытии каналов «серого» импорта. Эти меры способны не только обеспечить дополнительные доходы бюджета, но и при-

влечь политическую поддержку национальных производителей, которые будут гораздо более склонны одобрить комплекс мер, предусматривающий снижение тарифов *и в то же время* повышение барьеров на пути нелегального импорта.

Наконец, существует потребность в переоценке роли импортных тарифов в защите стагнирующих отраслей. С учетом существенной вариации показателей экономического положения конкретных предприятий, тарифы представляют собой крайне грубый инструмент промышленной политики, поскольку они «защищают» предприятия вне зависимости от способности последних адаптироваться к превалирующему уровню конкуренции со стороны импорта. Микроэкономические меры стимулирования реструктуризации предприятий представляются более адекватными, нежели тарифы, инструментами обеспечения роста конкурентоспособности хозяйственных субъектов, сталкивающихся с трудностями вследствие интенсивной международной конкуренции. Подобные меры не только позволят предприятиям выжить в конкурентной среде, но и будут способствовать росту налоговых доходов бюджета (а в случае предприятий с государственным участием в собственности также и росту рыночной стоимости государственного пакета акций) благодаря повышению эффективности деятельности предприятий.

Примечания

[1] См.: Афонцев, 2001. Одна из версий данной работы была представлена на Первой ежегодной конференции программы «Global Development Network» в Бонне, 6—8 декабря 1999 г.

[2] Некоторые результаты — например, связанные с влиянием переменной доли внутреннего рынка, обслуживаемой импортом, а также отраслевой доли в совокупной занятости — находят подтверждение также в эмпирическом исследовании на данных 1993 г., описанном в работе: Neven et al., 1998.

[3] Утверждение о том, что при более высоком числе фирм в отрасли наблюдается более низкое значение dC/dc_i, соответствует классическому предположению М.Олсона о том, что степень остроты «проблемы безбилетника» положительно зависит от числа фирм в отрасли (Olson, 1965).

[4] Отметим, что для случая возрастающей отдачи от масштаба производства мы можем записать $dS/dt = Q(V)$, поскольку при данной форме кривых национального спроса и предложения более высокому объему продаж соответствует также более высокое значение dQ/dp.

[5] Типология аналитических подходов к моделированию процессов эндогенного определения внешнеторговой политики излагается в работе: Rodrik, 1995. В основе интересующего нас подхода лежит ставшая классической статья: Grossman and Helpman, 1994. В данной работе мы не предпринимаем попытки тестировать следствия модели Гроссмана—Хелпмана, прежде всего ввиду отсутствия оценок ценовой эластичности российского импорта (тестирование данной модели применительно к регулированию импорта в США см. в работах: Gawande and Bandyopadhyay, 2000; Goldberg and Maggi, 1999). Напротив, мы используем базовую структуру данного подхода для рассмотрения своего рода «идеальных типов» формирования тарифной политики, позволяющих подойти к выдвижению эмпирически тестируемых положений для нашего эконометрического исследования.

[6] Представляется вполне разумным предполагать, что параметр *a* идентичен для всех отраслей, т.е. правительство не проводит различия между трансфертами, полученными от различных групп давления.

[7] Это предполагает полную неэффективность лоббирования, а значит, отсутствие влияния на правительство со стороны групп давления. Отметим, что, поскольку в данном случае лоббирование отсутствует, правительство должно принимать во внимание *наблюдаемые* показатели рыночной доли импорта, в то время как в случаях, когда лоббирование имеет место, политика правительства реагирует на рыночную долю импорта, *выявленную* в запросах групп давления (такое выявление, в частности, может обеспечиваться благодаря «шкалам политических трансфертов», как в модели Гроссмана—Хелпмана). Этот факт представляет собой определенную проблему для эмпирического исследования, коль скоро показатели рыночной доли импорта, *известные* группам давления и правительству, не обязательно идентичны. Эта проблема будет более детально рассмотрена в разделе 4.1.

[8] Максимизация «консервативной функции общественного благосостояния» не обязательно предполагает «благонамеренное» поведение правительства. Пристальное внимание к благосостоянию избирателей может быть связано со стремлением правящей партии повысить свою поддержку избирателями в условиях низкой эластичности числа поданных на выборах голосов по уровню политических трансфертов, используемых в предвыборной кампании. В этом отношении изложенные в тексте аргументы оказываются эквивалентны гипотезе аккумуляции голосов избирателей («adding machine hypothesis», см.: Caves, 1976).

[9] С базовыми моделями, демонстрирующими роль экономии на масштабах производства, можно познакомиться в работах: Krugman, 1979, 1980. Детальный обзор моделей совершенной, монополистической и олигополитической конкуренции в условиях действия данного фактора см. в книге: Bhagwati et al., 1998, главы 11 и 30. Более широкую теоретическую дискуссию см. в работе: Krugman, 1995.

[10] Спад производства — даже если он не связан с динамикой импорта — сокращает альтернативные издержки лоббирования и тем самым повышает стимулы к деятельности групп давления. Этот аргумент, разумеется, применим лишь к «умеренному» падению выпуска, поскольку при значительном и продолжительном его снижении у предприятий может просто не остаться ресурсов, необходимых для успешного лоббирования.

[11] Хотя тариф представляет собой коллективное благо для предприятий, оперирующих в отрасли, могут, разумеется, существовать и другие инструменты отраслевого регулирования, являющиеся по своей природе «частными благами» (субсидии, налоговые льготы и др.). Как и в нашем предыдущем исследовании, мы опираемся на вполне реалистическое предположение о том, что возможности получения льгот *на уровне отдельных предприятий* при прочих равных условиях не подрывают стимулы производителей лоббировать в пользу получения тарифной защиты *на отраслевом уровне*.

[12] Дополнительная причина, по которой данная переменная может иметь значение для оценки деятельности групп давления, состоит в том, что более высокому объему операций соответствуют более высокие издержки проникновения на рынок, а значит, — и более низкая вероятность того, что ренты, связанные с установлением повышенной ставки тарифа, будут «распылены» между компаниями, вновь вступающими в отрасль.

[13] В отличие от Случая 1 в разделе 3.2, мы концентрируем здесь внимание исключительно на переменных, связанных с действием собственно

групп давления, и не принимаем во внимание возможную заинтересованность правительства в максимизации тарифных поступлений.

[14] Поскольку переменные *NEnt* и *ShEmp* рассчитаны для различного уровня агрегации, мы можем ответить на вопрос о предпочтениях правительства в отношении защиты широких отраслевых групп *versus* специализированных отраслей.

[15] Значения переменных M_j, E_j, VM_j, VE_j берутся непосредственно из данных внешнеторговой статистики («Таможенная статистика внешней торговли России»). Переменная Q основывается на данных справочника «Промышленность России». Для расчета значений переменной VQ мы умножаем значение переменной Q на взвешенный индекс экспортных цен P, рассчитанный по формуле

$$P = (VE_1/E_1)*(VE_1/VE_2) + [(VE_2-VE_1)/(E_2-E_1)]*[(VE_2-VE_1)/VE_2)],$$

где VE_1 — стоимостной объем экспорта в страны «дальнего зарубежья», VE_2 — стоимостной объем совокупного экспорта, (VE_2-VE_1) — стоимостной объем экспорта в страны СНГ; переменные E_1, (E_2-E_1) и E_2 относятся к физическому объему экспорта в страны «дальнего зарубежья», страны СНГ, а также совокупного импорта соответственно.

[16] Достаточно указать на наиболее одиозные примеры: ввоз куриного мяса (пошлина 25%) под видом индюшатины (пошлина 15%), телевизоров (комбинированная импортная пошлина с адвалорной составляющей 30%) под видом электрических машин потребительского назначения (адвалорная пошлина 25%), цветов (пошлина 25%) под видом зелени (пошлина 5%).

[17] Необходимо отметить, что в сумме данные переменные, представляющие собой доли издержек, составляют менее 100%. В российской статистике фигурирует также категория «иные издержки», в которую включаются налоговые издержки, оплата услуг других организаций, платежи по лизингу и т.д.

[18] Будучи оценены в своей исходной формулировке с использованием стандартного метода наименьших квадратов, данные модели демонстрируют эффект гетероскедастичности, присутствие которого связано с переменной *Lab_1*. Предполагая, что вариация зависимой переменной пропорциональна значению переменной *Lab_1* (т.е. $s_i^2 = s^2*Lab_1_i$), Ввиду этого оценка коэффициентов в Модели рыночной доли импорта производилась с использованием трансформированных моделей, масштабированных по квадратному корню переменной *Lab_1*.

[19] Можно предположить, что данный парадокс по крайней мере отчасти может быть объяснен различиями в производительности труда и капитала, задействованных в различных отраслях (таким же образом, как парадоксальный эффект, связанный с объемом услуг факторов производства, «овеществленным» в товарах, являющихся объектами торговли между экономически развитыми и развивающимися странами, может быть объяснен различиями производительности факторов в соответствующих странах; см.: Trefler, 1995). Чтобы проверить данное предположение, мы ввели в Модель рыночной доли импорта дополнительные независимые переменные по 8 крупнейшим промышленным секторам, характеризующие межотраслевые различия в средних ставках заработной платы (призванных отражать различия в производительности труда) и возрастную структуру капитала (мы использовали стандартное предположение о том, что наиболее «молодые» элементы основного капитала обладают наивысшей производительностью). Однако обе эти переменные не оказывали статистически значимого влияния в модели.

[20] Кроме того, можно предположить, что импорт товаров, для которых характерен наивысший разрыв в качестве между зарубежными и нацио-

нальными производителями, является наиболее прибыльным, а потому он с большей вероятностью будет осуществляться по «теневым» каналам, обусловливая максимальное отклонение данных официальной статистики от «фактических» значений.

[21] Аналогичный результат был получен в нашем предыдущем исследовании (Afontsev, 2000) для 1996 и 1997 гг. Одно из возможных объяснений связано с различиями в структуре торговли со странами «дальнего» и «ближнего зарубежья»: установление высоких тарифов на товары с высокой долей добавленной стоимости, поступающие из стран «дальнего зарубежья», может обеспечить более высокие бюджетных доходы, чем установление аналогичных тарифов на товары меньшей степени промышленной обработки, поступающие из стран СНГ. Свою роль может играть и проблема уклонения от тарифов: поскольку границы со странами СНГ, как это широко признается, на протяжении большей части 1990-х гг. были «полупрозрачными», преимущественное внимание к импорту из стран «дальнего зарубежья» представляло собой наиболее адекватную стратегию максимизации тарифных поступлений.

[22] Можно предложить и альтернативную интерпретацию, предполагающую двухступенчатую модель лоббирования, когда предприятия обращаются к региональным властям и парламентариям с запросом об использовании *их собственного* лоббистского потенциала для воздействия на правительство. Если эта модель верна, то отрасли с большим числом предприятий, представленные в различных регионах, могут рассчитывать на защиту своих интересов со стороны большего числа региональных чиновников и парламентариев. Более того, как указывалось в разделе 4.1, наша модель не принимает во внимание возможности перекрестного участия в собственности предприятий или их членства в финансово-промышленных группах (на практике соответствующие возможности могут иметь ключевое значение для формирования эффективных групп давления). Об этих обстоятельствах следует помнить, интерпретируя полученные результаты.

[23] Мы экспериментировали также с фиктивной переменной для товарных категорий, по которым установлены комбинированные ставки импортных пошлин. Включение этой переменной в Модель рыночной доли импорта не оказывает влияния на результаты анализа.

[24] Например, в модели со стоимостной переменной товарной доли импорта в торговле со странами «дальнего зарубежья» *ShImp*21 коэффициент при независимой переменной *Lab*_1 возрастает с 1,65 до 3,27, а бета-коэффициент — с 0,13 до 0,25 (это означает, что изменение значений переменной *Lab*_1 на величину одного стандартного отклонения приведет к изменению значений переменной рыночной доли импорта на 0,25 стандартного отклонения). Данный факт указывает на то, что обнаруженная нами закономерность едва ли связана с недостатками официальных данных об объемах импорта, поскольку в структуре «теневого» импорта доля потребительских товаров еще более выражена.

[25] Поскольку Модель эндогенного определения тарифной политики со стоимостной переменной рыночной доли в торговле со странами «дальнего зарубежья» (*ShImp*21) демонстрирует наиболее высокий объяснительный потенциал, результаты анализа чувствительности как Модели эндогенного определения тарифной политики, так и Модели рыночной доли импорта приведены для случая использования данной переменной. Мы также оценили Модель рыночной доли импорта и Модель эндогенного определения тарифной политики с изъятием наблюдений для 27 менее агрегированных отраслей. Результаты этого теста в основном подтверждают результаты, изложенные в Таблицах А5, А6а и А6b, однако они менее репрезентативны, поскольку число наблюдений для этих отраслей существенно колебалось (от 1 до 19).

[26] Товарные категории, относящиеся в нашей базе данных к пищевой промышленности, могут быть классифицированы по 4 суботраслям: пищевкусовая (13 наблюдений), мясо-молочная (9 наблюдений), рыбная (5 наблюдений) и мукомольно-крупяная (3 наблюдений). Статистически значимое влияние переменной, отражающей интенсивность использования человеческого капитала, появляется лишь в том случае, когда исключаются наблюдения для пищевкусовой промышленности.

Литература

Афонцев С.А. Тарифное регулирование импорта в России: опыт экономико-политического анализа // Экономическая история: Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001. С. 137—198.

Afontsev S. Political Economy Mechanisms of Tariff Protection in Russia // EERC Working Papers Series. No. 99/16. Moscow, 2000.

Bhagwati J.N., Panagariya A. and Srinivasan T.N. Lectures on International Trade. Cambridge: The MIT Press, 1998.

Buchanan J.M. Rent Seeking and Profit Seeking // J.M.Buchanan, R.D.Tollison and G.Tullock (eds.). Toward a Theory of Rent-Seeking Society. College Station: Texas A&M University Press. P. 3—15.

Davis D.R. Critical Evidence on the Comparative Advantage? North—North Trade in a Multilateral World // Journal of Political Economy, October 1997. V. 105. No. 5. P. 1051—1060.

Caves R.E. Economic Models of Political Choice: Canada's Tariff Structure // Canadian Journal of Economics. 1976. V. 9. P. 278—300.

Corden W.M. Tariffs, Subsidies, and Terms of Trade. New York; Oxford: Basil Blackwell, 1974.

Favley R. Commercial Policy and Intra-Industry Trade // Journal of International Economics. 1981. V. 11. P. 495—511.

Francois J.F., McDonald B. and Nordstrom H. Assessing the Uruguay Round // W.Martin and L.A.Winters (eds.). The Uruguay Round and the Developing Countries. World Bank Discussion Paper no. 307. 1995.

Fujita M., Krugman P. and Venables A. The Spatial Economy. Cambridge: The MIT Press, 1999.

Gawande K. and Bandyopadhyay U. Is Protection for Sale? Evidence on the Grossman-Helpman Theory of Endogenous Protection // The Review of Economics and Statistics. February 2000. V. 82. No. 1. P. 139—152.

Goldberg P.K. and Maggi G. Protection for Sale: An Empirical Investigation // American Economic Review, December 1999. V. 89. No. 5. P. 1135—1155.

Greenaway D., Hine R.C. and Milner C.R. Vertical and Horizontal Intra-Industry Trade: A Cross-Industry Analysis for the United Kingdom // Economic Journal. 1995. V. 105. No. 433. P. 1505—1518.

Greenaway D. and Milner C.R. The Economics of Intra-Industry Trade. Oxford: Basile Blackwell, 1986.

Greenaway D. and Torstensson J. Back to the Future: Taking Stock of Intra-Industry Trade // Weltwirtschaftliches Archiv. 1997. Bd. 133, H. 2. S. 249—269.

Greenaway D. and Torstensson J. Economic Geography, Comparative Advantage and Trade Within Industries: Evidence from the OECD // CEPR Discussion Paper no. 1857. April 1998.

Grossman G.M. and Helpman E. Protection for Sale // American Economic Review. September 1994. V. 84. No. 4. P. 833—850.

Harrison A. and Hanson G. Who Gains from Trade Reform? Some Remaining Puzzles // NBER Working Paper no. 6915. January 1999.

Harrison G.W., Rutherford T.F. and Tarr D.G. Quantifying the Uruguay Round // Economic Journal. September 1997. V. 107. No. 444. P. 1405—1430.

Helpman E. The Structure of Foreign Trade // Journal of Economic Perspectives. Spring 1999. V. 13. No. 2. P. 121—144.

Hertel T.W., Martin W., Yanagishima K. and Dimaranan B. Liberalizing Manufactures Trade in a Changing World Economy // W.Martin and L.A.Winters (eds.). The Uruguay Round and the Developing Countries. World Bank Discussion Paper no. 307. 1995.

Hillman A. and Ursprung H. The Political Economy of Trade Liberalization in the Transition // European Economic Review. V. 40. No. 3—5. P. 783—794.

Krugman P. Increasing Returns, monopolistic competition, and International Trade // Journal of International Economics. 1979. V. 9. P. 469—479.

Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // American Economic Review. 1980. V. 70. P. 950—959.

Krugman P. Increasing Returns, Imperfect Competition and the Positive Theory // G.Grossman and K.Rogoff (eds.). Handbook of International Economics. Amsterdam: North-Holland, 1995. V. 3. P. 1243—1277.

Magee S.P., Brock W.A. and Young L. Black Hole Tariffs and Endogenous Protection Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Mayer W. Endogenous Tariff Formation // American Economic Review. December 1984. V. 74. No. 5. P. 970—985.

Neven D.J., Bessonova Z. and Gorban M. Enterprise Restructuring in the Russian Manufacturing Sector, 1992—1996: An Overview. Paper presented at the RECEP Conference «Economic and Social Reform in Russia: A European-Russian Dialogue», Moscow, 11—12 September 1998.

Neven D.J. Trade Liberalization with Eastern Nations. How Sensitive? // CEPR Discussion Paper. July 1994. No. 1000.

Olarreaga M. and Soloaga I. Endogenous Tariff Formation: The Case of MERCOSUR // The World Bank Economic Review. May 1998. V. 12. No. 2. P. 297—320.

Rodrik D. Political Economy of Trade Policy // G.Grossman and K.Rogoff (eds.). Handbook of International Economics. Amsterdam: North-Holland, 1995. V. 3. P. 1457—1494.

Rodrik D. Promises, Promises: Credible Policy Reforms Via Signalling // Economic Journal. September 1989. V. 99. No. 397. P. 756—772.

Torstensson J. Country Size and Comparative Advantage: An Empirical Study // Weltwirtschaftliches Archiv. 1998. Bd. 134. H. 4. S. 590—611.

Torstensson J. Quality Differentiation and Factor Proportions in International Trade: An Empirical Test of the Swedish Case // Weltwirtschaftliches Archiv. 1991. Bd. 127. H. 1. S. 183—194.

Trefler D. Trade Liberalization and the Theory of Endogenous Protection: An Econometric Study of US Import Policy // Journal of Political Economy. February 1993. V. 101. No. 1. P. 138—160.

Trefler D. The Case of the Missing Trade and Other Mysteries // American Economic Review. December 1995. V. 85. No. 5. P. 1029—1046.

Wunner N. Trade Liberalization and Political Support in Transition Economies // Economics of Transition. 1998. V. 6. No. 2. P. 409—425.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица А1

Базовая информация о переменных исследования

Переменная	Число наблюдений	Среднее значение	Стандартное отклонение	Min значение	Max значение
Rate	113	12,96	7,72	0	30
$ShImp_{11}$	113	24,65	27,88	0	100,71
$ShImp_{21}$	113	22,53	25,76	0	122,07
$ShImp_{31}$	113	22,31	26,90	0	99,8
$ShImp_{41}$	113	20,09	23,64	0	99,88
$ShImp_{12}$	113	30,18	29,33	0,04	121,6
$ShImp_{22}$	113	27,29	28,99	0,05	172,94
$ShImp_{32}$	113	25,95	27,46	0,01	99,8
$ShImp_{42}$	113	23,11	24,68	0,03	99,88
DOut	113	61,14	35,00	-184,99	97,22
NEnt	113	230,95	432,87	3	1875
Sh4	113	19,60	17,79	3,22	75,37
AvSales	113	177018,4	1117475	1,36	9946989
$ShImpI_1$	113	0,19	0,37	0	2,28
$ShImpI_2$	113	0,19	0,35	0	1,87
ShEmp	113	3,40	1,98	0,05	7,18
Loss	113	45,15	10,03	23,3	82,4
DInt	113	0,58	0,50	0	10
PhCap	113	6,29	2,46	3,5	18,2
Mat	113	65,14	9,01	38,2	78,8
Lab_1	113	13,42	4,33	6,8	25,7
Lab_2	113	18,41	5,84	9,3	35,4
HCap	113	20,65	4,73	14,71	31,15
$Qual_1$	113	1,317	1,43	0,14	11,71
$Qual_2$	113	2,95	8,35	0,08	71,67

Таблица А2а

Корреляционная матрица для ключевых переменных исследования

	Rate	$ShImp_{11}$	DOut	NEnt	Sh4	AvSales	$ShImpl_1$	$ShImpl_2$	ShEmp	Loss	DInt	PhCap	Lab_1	HCap	Qual1	$Qual_2$
Rate	1															
$ShImp_{11}$	0,25	1														
DOut	0,15	0,38	1													
NEnt	0,43	0,20	0,10	1												
Sh4	-0,01	-0,28	-0,16	-0,29	1											
AvSales	-0,16	-0,13	0,09	-0,08	0,01	1										
$ShImpl_1$	0,32	0,18	-0,04	0,18	0,07	-0,02	1									
$ShImpl_2$	0,16	0,10	-0,06	0,12	0,14	-0,02	0,89	1								
ShEmp	0,08	0,25	0,02	0,18	-0,31	-0,11	0,05	0,04	1							
Loss	0,26	-0,02	-0,03	0,45	-0,30	-0,08	-0,05	-0,10	0,04	1						
DInt	-0,45	-0,41	-0,01	-0,40	0,13	0,13	-0,35	-0,24	-0,23	-0,04	1					
PhCap	-0,16	-0,21	-0,18	-0,14	0,11	0,12	-0,28	-0,14	-0,34	0,24	0,44	1				
Lab_1	0,31	0,20	0,22	0,15	-0,24	0,04	-0,20	-0,26	-0,12	0,50	0,02	0,26	1			
HCap	-0,07	-0,05	-0,01	-0,27	0,27	0,17	-0,07	-0,09	-0,64	-0,21	0,21	0,45	0,26	1		
$Qual_1$	-0,08	-0,14	0,004	-0,16	0,04	-0,06	-0,08	-0,10	-0,18	-0,01	0,26	0,04	0,15	0,21	1	
$Qual_2$	-0,13	-0,09	0,09	-0,10	-0,01	-0,03	-0,05	-0,05	-0,23	-0,09	0,19	0,04	0,19	0,29	0,58	1

Таблица A2b

Корреляционная матрица для переменных рыночной доли импорта

	$ShImp_{11}$	$ShImp_{21}$	$ShImp_{31}$	$ShImp_{41}$	$ShImp_{12}$	$ShImp_{22}$	$ShImp_{32}$	$ShImp_{42}$
$ShImp_{11}$	1							
$ShImp_{21}$	0,88	1						
$ShImp_{31}$	0,98	0,86	1					
$ShImp_{41}$	0,86	0,96	0,87	1				
$ShImp_{12}$	0,94	0,90	0,92	0,87	1			
$ShImp_{22}$	0,83	0,96	0,81	0,89	0,91	1		
$ShImp_{32}$	0,94	0,88	0,96	0,89	0,97	0,87	1	
$ShImp_{42}$	0,83	0,93	0,84	0,97	0,90	0,92	0,92	1

Таблица A2c

Корреляционная матрица для факторных переменных

	PhCap	Mat	Lab_1	Lab_2	HCap
PhCap	1				
Mat	-0,77	1			
Lab_1	0,26	-0,75	1		
Lab_2	0,27	-0,75	0,99	1	
HCap	0,45	-0,45	0,26	0,27	1

Таблица А3

Модель рыночной доли импорта

	Зависимые переменные							
	$ShImp_{11}$	$ShImp_{21}$	$ShImp_{31}$	$ShImp_{41}$	$ShImp_{12}$	$ShImp_{22}$	$ShImp_{32}$	$ShImp_{42}$
Свободный коэф-т	14,21 1,14	-1,01 -0,08	17,63 1,49	4,69 0,45	16,65 1,18	6,03 0,39	21,27 1,63	15,53 1,34
Rate	0,47 1,19	0,41 1,11	0,38 0,98	0,34 0,93	0,40 0,95	0,32 0,82	0,27 0,66	0,26 0,68
PhCap	-2,27 -2,67***	-2,19 -2,68***	-2,41 -2,85***	-2,25 -2,81***	-2,41 -2,51**	-2,35 -2,69***	-2,60 -2,70***	-2,37 -2,89***
Lab_1	1,65 2,56**	1,42 2,26**	1,40 2,22**	1,01 1,77*	1,68 2,36**	1,57 2,13**	1,31 1,93*	0,93 1,59
HCap	0,07 0,11	0,58 1,06	0,09 0,16	0,51 1,07	0,0015 0,002	0,43 0,66	-0,02 -0,03	0,23 0,45
Qual_1	-3,66 -1,73*	0,82 0,53	-4,36 -2,46**	0,99 0,69				
Qual_2					0,32 1,04	0,67 3,07***	0,12 0,33	0,70 3,79***
R^2 R_a^2	0,512 18,44	0,500 17,83	0,485 16,17	0,468 16,89	0,570 25,38	0,555 33,84	0,517 20,27	0,526 29,50

Примечание. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта в трансформированной модели, масштабированной по квадратному корню переменной Lab_1.

В ячейках таблицы: первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики; * — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица А4а

Модель эндогенного определения тарифной политики

	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{11}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{21}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{31}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{14}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{12}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{22}$	$ShImp_{ij}$= $ShImp_{32}$	$ShImp_{ij}$ = $ShImp_{42}$
Свободный коэф-т	2,80 0,78	2,43 0,68	3,14 0,78	3,16 0,87	3,86 1,03	3,53 0,96	4,57 1,21	4,42 1,18
$ShImp_{ij}$	0,072 0,30	0,016 0,62	-0,005 -0,20	-0,005 -0,19	0,006 0,27	0,013 0,58	-0,014 -0,59	-0,01 -0,39
ΔOut	0,037 2,91*	0,035 2,71***	0,041 3,19***	0,04 3,12***	0,036 2,72***	0,034 2,53**	0,042 3,29***	0,041 3,07***
NEnt	0,0035 2,07**	0,0035 2,13**	0,0034 1,97*	0,0034 1,96*	0,037 2,28**	0,0038 2,34**	0,0036 2,10**	0,0036 2,14**
Sh4	0,07 1,57	0,075 1,63	0,069 1,51	0,069 1,50	0,078 1,61	0,079 1,65	0,071 1,51	0,073 1,52
AvSales	-6,45 e-07 -3,96***	-6,12 e-07 -3,71***	-6,79 e-07 -4,14***	-6,82 e-07 -4,06***	-6,10 e-07 -3,44***	-5,81 e-07 -3,28***	-6,84 e-07 -3,83***	-6,73 e-07 -3,69***
$ShImpI_1$	3,88 2,00**	3,79 1,97*	3,98 2,04**	3,99 2,04**				
$ShImpI_2$					1,34 0,56	1,28 0,53	1,52 0,63	1,51 0,62
ShEmp	-0,036 -0,11	-0,024 -0,07	-0,021 -0,06	-0,026 -0,08	-0,043 -0,13	-0,036 -0,11	-0,026 -0,08	-0,036 -0,11
Loss	0,17 2,45**	0,17 2,57**	0,17 2,39**	0,17 2,41**	0,16 2,31**	0,17 2,40**	0,16 2,19**	0,159 2,22**
DInt	-4,63 -2,80***	-4,57 -2,82***	-4,85 -2,93***	-4,82 -2,97***	-5,41 -3,40***	-5,36 -3,44***	-5,77 -3,61***	-5,63 -3,60***
R^2 F	0,378 15,37	0,379 15,79	0,378 14,71	0,378 14,72	0,352 14,39	0,353 14,84	0,352 13,31	0,352 13,43

Примечание. Зависимая переменная — Rate. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта.

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики; * — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица A4b

Модель эндогенного определения тарифной политики с переменной рыночной доли импорта, рассчитанной на основе Модели рыночной доли импорта

	$ShImp_{ij} = ShImp_{11}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{21}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{31}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{14}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{12}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{22}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{32}$	$ShImp_{ij} = ShImp_{42}$
Свободный коэф-т	-1,26 -0,37	-3,56 -1,02	-0,96 -0,27	-5,03 -1,25	-2,98 -0,91	-1,41 -0,41	-3,55 -0,93	-1,10 -0,28
EST ($ShImp_{ij}$)	0,38 5,98***	0,44 5,75***	0,32 4,19***	0,49 4,37***	0,38 4,49***	0,22 2,52**	0,39 4,18***	0,20 1,93*
ΔOut	0,006 0,41	0,0038 0,248	0,015 1,00	0,0066 0,45	0,0054 0,35	0,017 1,15	0,0078 0,51	0,0229 1,58
NEnt	0,0029 2,04**	0,0036 2,58**	0,0030 1,95*	0,0035 2,40**	0,0035 2,49**	0,0037 2,55**	0,0035 2,28**	0,0036 2,344**
Sh4	0,075 2,03**	0,081 2,36**	0,074 1,83*	0,071 2,23**	0,091 2,36**	0,089 2,18**	0,089 2,16**	0,087 1,99**
AvSales	-7,06 e-07 -3,22***	-5,34 e-07 -1,927*	-7,31 e-07 -4,25***	-4,77 e-07 -1,79*	-4,22 e-07 -1,84*	-4,92 e-07 -3,31***	-4,42 e-07 -1,88*	-4,68 e-07 -3,48***
$ShImpI_1$	3,62 2,64***	3,47 2,54**	3,61 2,35**	3,13 2,21**				
$ShImpI_2$					2,34 1,19	2,08 0,98	2,19 1,05	1,69 0,77
ShEmp	-0,14 -0,51	0,31 1,16	-0,18 -0,59	0,22 0,79	0,05 0,16	0,22 0,73	-0,11 -0,36	0,10 0,31
Loss	-0,064 1,03	0,078 1,30	0,107 1,65	0,121 2,00**	0,084 1,32	0,13 1,92*	0,11 1,81*	0,17 2,50**
DInt	-1,15 -0,81	-2,13 -1,53	-1,73 -1,11	-2,19 -1,53	-3,19 -2,14**	-4,35 -2,75***	-2,92 -1,92*	-4,62 -2,88***
R^2 F	0,548 17,12	0,570 17,78	0,492 16,94	0,544 14,41	0,500 17,64	0,434 21,43	0,474 13,14	0,402 25,59

Примечание. Зависимая переменная — Rate. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта. Переменная EST($ShImp_{ij}$) рассчитана на основе Модели рыночной доли импорта.

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики; * — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица А5

Чувствительность Модели рыночной доли импорта к исключению наблюдений для различных отраслей

	Базовая спецификация	Исключенная отрасль							
		Топливная пром-ть (6 набл.)	Черная металлургия (11 набл.)	Химич. и нефтехимич. пром-ть (22 набл.)	Машиностроение (24 набл.)	Лесная, деревообр. и целл.-бум. пром-ть (8 набл.)	Пром-ть строит. материалов (4 набл.)	Легкая пром-ть (8 набл.)	Пищевая пром-ть (30 набл.)
Свободный коэф-т	-1,01 -0,08	3,52 0,28	7,06 0,47	-0,90 -0,07	12,04 0,90	1,87 0,15	0,03 0,00	-0,06 -0,01	-30,71 -2,62**
Rate	0,41 1,11 0,12	0,25 0,63 0,08	0,32 0,78 0,09	0,47 1,01 0,14	0,71 1,69* 0,21	0,52 1,41 0,16	0,37 0,98 0,11	0,32 0,82 0,10	0,28 1,04 0,10
PhCap	-2,19 -2,68*** -0,26	-4,47 -2,47** -0,30	-2,20 -2,68*** -0,27	-2,33 -2,58** -0,29	-2,04 -2,38** -0,26	-1,65 -2,08** -0,20	-2,12 -2,61** -0,25	-2,22 -2,75*** -0,27	-0,98 -1,89* -0,14
Lab_1	1,42 2,26** 0,12	2,10 2,41** 0,17	1,29 1,99** 0,11	1,33 1,90* 0,12	0,97 1,55 0,08	1,74 2,62*** 0,15	1,53 2,33** 0,13	1,39 2,00*** 0,11	1,59 2,72*** 0,16
HCap	0,58 1,06 0,11	0,68 1,22 0,11	0,33 0,56 0,07	0,57 1,04 0,12	0,17 0,25 0,03	0,04 0,07 0,01	0,48 0,85 0,09	0,59 1,02 0,11	1,43 2,75*** 0,35
Qual_1	0,82 0,53 0,04	1,13 0,77 0,06	1,56 1,00 0,08	1,62 1,05 0,09	-2,97 -1,12 -0,11	1,14 0,66 0,06	0,77 0,50 0,04	1,00 0,65 0,05	0,89 0,69 0,06
R^2 F	0,500 17,83	0,522 18,51	0,513 17,65	0,527 15,45	0,487 12,72	0,512 17,20	0,501 17,25	0,480 15,45	0,544 18,82

Примечание. Зависимая переменная — $ShImp_{21}$. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта. В скобках — число исключенных наблюдений;

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики, третья цифра — значение бета-коэффициента,

* — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица А6а

Чувствительность Модели эндогенного определения тарифной политики к исключению наблюдений для различных отраслей: «Мягкий» тест

	Базовая специфи-кация	Исключенная отрасль							
		Топливная пром-ть (6 набл.)	Черная металлургия (11 набл.)	Химич. и нефтехимич. пром-ть (22 набл.)	Машино-строение (24 набл.)	Лесная, деревообр. и целл.-бум. пром-ть (8 набл.)	Пром-ть строит. материалов (4 набл.)	Легкая пром-ть (8 набл.)	Пищевая пром-ть (30 набл.)
Свободный коэф-т	-3,56 -1,02	-8,65 -2,56**	-5,44 -1,67*	-6,68 -1,72*	0,56 0,15	-1,78 -0,44	-3,57 -1,01	-0,32 -0,08	8,61 1,73*
EST ($ShImp_{21}$)	0,44 5,75*** 0,51	0,56 6,35*** 0,56	0,41 5,98*** 0,48	0,47 4,93*** 0,55	0,49 3,48*** 0,55	0,43 5,63*** 0,50	0,44 5,87*** 0,52	0,41 5,24*** 0,50	0,37 3,99*** 0,45
ΔOut	0,0038 0,25 0,02	0,0013 0,08 0,01	0,0046 0,30 0,02	0,0086 0,60 0,04	0,01 0,93 0,06	0,008 0,59 0,04	0,005 0,36 0,02	-0,0003 -0,02 -0,002	-0,03 -1,61 -0,11
NEnt	0,0036 2,58** 0,20	0,0026 2,05** 0,15	0,0037 2,70*** 0,22	0,0045 3,24*** 0,27	0,0040 2,57** 0,26	0,0039 2,55** 0,22	0,0042 2,895*** 0,24	0,0016 0,97 0,07	0,0027 2,09** 0,13
Sh4	0,08 2,36** 0,18	0,066 2,01** 0,15	0,12 3,26*** 0,28	0,09 2,46** 0,22	0,007 0,13 0,01	0,09 2,57** 0,20	0,08 2,37** 0,19	0,07 2,02** 0,18	0,016 0,38 0,04
AvSales	-5,34 e-07 -0,93* -0,08	-6,31 e-07 -2,32** -0,09	-5,79 e-07 -2,84*** -0,09	-5,92 e-07 -2,15** -0,08	4,41 e-07 0,09 0,01	-5,12 e-07 -1,84* -0,08	-5,64 e-07 -2,05** -0,08	-5,67 e-07 -2,08** -0,09	-4,87 e-07 -2,08** -0,08
$ShImpI_1$	3,47 2,54** 0,16	3,79 2,90*** 0,19	3,63 2,59** 0,18	3,92 2,90*** 0,20	2,92 1,45 0,13	3,38 2,43*** 0,17	3,56 2,57** 0,17	4,09 2,90*** 0,22	1,51 1,04 0,05

	Базовая спецификация	Исключенная отрасль							
		Топливная пром-ть (6 набл.)	Черная металлургия (11 набл.)	Химич. и нефтехимич. пром-ть (22 набл.)	Машиностроение (24 набл.)	Лесная, деревообр. и целл.-бум. пром-ть (8 набл.)	Пром-ть строит. материалов (4 набл.)	Легкая пром-ть (8 набл.)	Пищевая пром-ть (30 набл.)
ShEmp	0,31 1,16 0,08	0,49 1,81* 0,13	0,66 2,57** 0,17	0,29 1,07 0,08	-0,41 -1,19 -0,10	0,30 1,10 0,08	0,29 1,08 0,07	0,13 0,43 0,03	0,08 0,19 0,02
Loss	0,08 1,30 0,10	0,12 1,94* 0,15	0,09 1,49 0,12	0,09 1,53 0,13	0,02 0,32 0,03	0,04 0,50 0,04	0,06 1,09 0,09	0,05 0,82 0,07	0,08 0,97 0,09
DInt	-2,12 -1,53 -0,14	-1,73 -1,23 -0,11	-1,14 -0,83 -0,07	-1,68 -1,17 -0,11	-0,24 -0,13 -0,02	-2,63 -1,83* -0,17	-1,47 -1,05 -0,09	-2,60 -1,82* -0,18	-8,38 -4,76*** -0,42
R^2 F	0,570 17,78	0,597 33,16	0,573 22,26	0,611 13,76	0,577 13,22	0,585 17,20	0,58 17,65	0,491 11,18	0,699 55,30

Примечание. Зависимая переменная — Rate. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта.

Переменная EST(*ShImp*$_{21}$) рассчитана на основе Модели рыночной доли импорта. В скобках — число исключенных наблюдений.

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики, третья цифра — значение бета-коэффициента;

* — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица А6b

Чувствительность Модели эндогенного определения тарифной политики к исключению наблюдений для различных отраслей: «Жесткий» тест

	Базовая специфи-кация	Исключенная отрасль							
		Топливная пром-ть (6 набл.)	Черная металлургия (11 набл.)	Химич. и нефтехимич. пром-ть (22 набл.)	Машино-строение (24 набл.)	Лесная, деревообр. и целл.-бум. пром-ть (8 набл.)	Пром-ть строит. материалов (4 набл.)	Легкая пром-ть (8 набл.)	Пищевая пром-ть (30 набл.)
Свободный коэф-т	-3,56 -1,02	-4,81 -1,30	-5,95 -1,79*	-6,20 -1,62	-2,33 -0,63	0,78 0,22	-2,96 -0,86	0,04 0,01	6,92 1,37
EST ($ShImp_{21}$)	0,44 5,75*** 0,51	0,30 5,13 0,38	0,38 4,97*** 0,43	0,44 4,61*** 0,54	0,58 5,31*** 0,75	0,44 7,28*** 0,56	0,43 5,95*** 0,51	0,37 4,72*** 0,44	0,29 4,04*** 0,39
ΔOut	0,0038 0,25 0,02	0,01 0,61 0,04	0,0089 0,64 0,04	0,0095 0,69 0,04	0,00037 0,03 0,00	0,0041 0,32 0,02	0,0057 0,40 0,03	0,0033 0,21 0,84	-0,024 -1,21 -0,08
NEnt	0,0036 2,58** 0,20	0,0029 1,89* 0,17	0,0038 2,64*** 0,22	0,0044 3,21*** 0,26	0,0022 1,56 0,14	0,0037 2,63*** 0,21	0,0042 2,89*** 0,24	0,0013 0,80 0,06	0,0025 2,22** 0,12
Sh4	0,081 2,36** 0,19	0,074 1,82* 0,17	0,13 3,32*** 0,30	0,091 2,44** 0,22	0,025 0,55 0,05	0,094 2,86*** 0,21	0,084 2,37** 0,20	0,07 1,90* 0,18	0,034 0,77 0,08
AvSales	-5,34 e-07 -1,927* -0,08	-6,67 e-07 -2,86*** -0,10	-5,27 e-07 -3,01*** -0,08	-4,96 e-07 -1,80* -0,07	7,47 e-07 0,15 0,01	-4,43 e-07 -1,54 0,07	-5,76 e-07 -2,12** -0,09	-5,96 e-07 -2,39** -0,10	-6,55 e-07 -3,84*** -0,10.
$ShImpI_1$	3,47 2,54** 0,17	3,96 2,55** 0,19	3,62 2,52** 0,18	3,63 2,72*** 0,18	1,56 1,01 0,07	3,54 2,69*** 0,17	3,72 2,64*** 0,18	4,33 2,96*** 0,23	2,24 1,53 0,08

	Базовая спецификация	Исключенная отрасль							
		Топливная пром-ть (6 набл.)	Черная металлургия (11 набл.)	Химич. и нефтехимич. пром-ть (22 набл.)	Машиностроение (24 набл.)	Лесная, деревообр. и целл.-бум. пром-ть (8 набл.)	Пром-ть строит. материалов (4 набл.)	Легкая пром-ть (8 набл.)	Пищевая пром-ть (30 набл.)
ShEmp	0,31 1,16 0,08	0,20 0,63 0,05	0,58 2,15** 0,15	0,26 0,98 0,07	-0,39 -1,34 -0,10	0,10 0,42 0,003	0,25 0,92 0,06	0,09 0,28 0,02	0,34 0,81 0,08
Loss	0,078 1,30 0,10	0,18 2,70*** 0,22	0,11 1,73* 0,15	0,11 1,76* 0,45	0,06 1,04 0,08	-0,02 -0,32 -0,02	0,057 0,93 0,07	0,07 1,00 0,09	0,16 1,84* 0,18
DInt	-2,13 -1,53 -0,14	-2,26 -1,38 -0,15	-1,52 -1,07 -0,10	-1,94 -1,35 -0,12	0,88 0,59 0,06	-2,60 -1,93* -0,17	-1,59 -1,13 -0,10	-3,03 -2,03** -0,21	-9,71 -5,37*** -0,49
R^2 F	0,570 17,78	0,47 16,93	0,534 21,26	0,61 13,70	0,668 16,60	0,624 23,14	0,566 17,59	0,452 10,57	0,668 105,70

Примечание. Зависимая переменная — Rate. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта.

Переменная EST(*ShImp*$_{21}$) рассчитана на основе соответствующих спецификаций Модели рыночной доли импорта. В скобках — число исключенных наблюдений.

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики, третья цифра — значение бета-коэффициента;

* — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Таблица А7

Чувствительность Модели эндогенного определения тарифной политики к исключению независимых переменных

	Базовая специфи-кация	Исключенная переменная								
		EST ($ShImp_{11}$)	ΔOut	NEnt	Sh4	AvSales	$ShImpI_1$	ShEmp	Loss	DInt
Свободный коэф-т	-3,56 -1,02	3,00 0,82	-3,34 -0,98	-5,36 -1,46	0,60 0,16	-3,90 -0,12	-2,22 -0,65	-1,75 -0,55	-0,33 -0,13	-4,94 -1,41
EST ($ShImp_{11}$)	0,44 5,75*** 0,51		0,45 6,15*** 0,52	0,44 5,23*** 0,51	0,43 5,15*** 0,51	0,45 5,83*** 0,52	0,45 5,83*** 0,52	0,43 5,88*** 0,50	0,46 6,17*** 0,54	0,48 6,30*** 0,55
Δ*Out*	0,0038 0,25 0,02	0,04 3,09*** 0,18		0,008 0,52 0,04	-0,0014 -0,09 -0,01	0,002 0,14 0,01	0,0016 0,09 0,01	0,004 0,26 0,02	0,0001 0,01 0,0004	0,0004 0,03 0,002
NEnt	0,0036 2,58** 0,20	0,0034 2,04** 0,19	0,0037 2,61** 0,20		0,0032 2,16** 0,18	0,0036 2,61*** 0,20	0,004 2,92*** 0,22	0,0037 2,58** 0,21	0,0044 3,61*** 0,25	0,0045 3,47*** 0,25
Sh4	0,081 2,36** 0,19	0,07 1,54 0,16	0,08 2,38** 0,18	0,07 2,14** 0,17		0,08 2,45** 0,19	0,09 2,60** 0,21	0,07 1,93* 0,16	0,07 2,15** 0,17	0,08 2,24** 0,18
AvSales	-5,34 e-07 -1,93* -0,08	-6,66 e-07 -4,21*** -0,10	-5,24 e-07 -1,92* -0,08	-5,37 e-07 -1,96* -0,08	-5,97 e-07 -2,02** -0,09		-4,99 e-07 -1,86* -0,07	-5,87 e-07 -1,98** -0,08	-5,72 e-07 -1,97** -0,08	-6,03 e-07 -2,16** -0,09
$ShImpI_1$	3,47 2,54** 0,17	3,93 2,04** 0,19	3,45 2,55** 0,17	3,86 2,81*** 0,18	3,91 2,84*** 0,19	3,42 2,49** 0,16		3,47 2,54* 0,17	3,32 2,43** 0,16	4,14 3,30*** 0,20
ShEmp	0,31 1,16 0,08	-0,03 -0,08 -0,01	0,31 1,17 0,08	0,35 1,21 0,089	0,10 0,34 0,03	0,34 1,28 0,09	0,31 1,14 0,08		0,29 1,10 0,07	0,40 1,47 0,10

	Базовая спецификация	Исключенная переменная								
		EST ($ShImp_{11}$)	ΔOut	NEnt	Sh4	AvSales	$ShImpI_1$	ShEmp	Loss	DInt
Loss	0,078 1,30 0,10	0,17 2,40** 0,22	0,08 1,25 0,10	0,14 2,63*** 0,19	0,05 0,78 0,06	0,08 1,37 0,11	0,07 1,08 0,09	0,07 1,20 0,10		0,06 1,02 0,07
DInt	-2,13 -1,53 -0,14	-4,76 -3,07*** -0,31	-2,09 -1,51 -0,13	-3,18 -2,48** -0,20	-1,99 -1,42 -0,13	-2,26 -1,64 -0,15	-2,92 -2,18** -1,19	-2,39 -1,72* -0,15	-1,79 -1,35 -0,11	
R^2 F	0,570 17,78	0,378 16,75	0,570 19,79	0,545 12,84	0,544 15,87	0,565 20,04	0,55 21,20	0,565 19,07	0,563 19,00	0,558 19,25

Примечание. Зависимая переменная — Rate. Оценки стандартных ошибок регрессии с использованием формулы Хубера—Уайта.

В ячейках таблицы первая цифра — значение коэффициента при переменной, вторая цифра — значение *t*-статистики, третья цифра — значение бета-коэффициента;

* — уровень значимости 10%; ** — уровень значимости 5%; *** — уровень значимости 1%.

Экономическая история зарубежных стран

*Я.Л. ван Занден**

Где начало «кривой Кузнеца»? Западная Европа в период раннего Нового времени**

Сравнительный анализ неравенства доходов и богатства в Западной Европе в период раннего Нового времени является в некотором отношении нетронутым полем для исследований. Существует большое количество работ, посвященных изучению оценок различных видов имущества (таких, как земля, торговый капитал и недвижимость) для налогообложения, которые дают представление о степени имущественного неравенства в этот период[1]. Но результат фактически всегда сводился к получению сводного показателя имущественного или социального неравенства в конкретном регионе или городе. Лишь в нескольких исследованиях была сделана попытка показать в долговременной перспективе рост имущественного расслоения на основе сравнения данных по разным городам и деревням. Тем не менее историки не продвинулись дальше наблюдения, что, по данным источников позднего средневековья, существовало значительное неравенство и что эта картина сохранялась в городах раннего Нового времени[2].

Исследование неравенства в Западной Европе в раннее Новое время нуждается в теоретическом фундаменте, который позволил бы осуществлять последовательную интерпретацию результатов изучения разнообразных частных случаев. Историография изменения неравенства доходов в XIX—XX вв. обрела такой фундамент с появлением в 1955 г. гипотезы, получившей название «кривой Кузнеца»[3]. На первой фазе «современного экономического роста», по С.Кузнецу, происходит увеличение неравенства доходов. После 1900 г. или 1920 г. эта фаза завершилась, и начался процесс постепенного выравнивания доходов, который продолжался до 1970-х гг., как это признано в настоящее время. На основании этих наблюдений Кузнец утверждал, что динамику неравенства доходов в период современного экономического роста можно представить в виде перевернутой U-образной кривой. В 1970-е гг. эта гипотеза получила второе рождение в работе П.Линдерта и Дж.Уильямсона о неравенстве в США и Великобритании[4]. Несмотря на проведенное ими исследование, вопрос о росте неравенства в Великобритании в первой половине XIX в. остается спорным. В уничтожающей рецензии Фейнстайн резко раскритиковал выводы Уильямсона[5]. В недавнем обзоре работ, посвященных неравенству

* Ян Л. ван Занден — профессор (Утрехтский университет, Нидерланды).

** Перевод с английского Н.В.Бутурлина.

доходов в XIX—XX вв., Х.Кэлбл и М.Томас установили, что снижение неравенства в XX в. (нисходящая ветвь перевернутой U-образной кривой) убедительно доказывалось с помощью эмпирических данных, однако рост неравенства до сих пор остается спорным моментом. В частности, для XIX в. он был адекватно показан лишь для отдельных областей Германии и Швеции. В свою очередь, в Скандинавских странах, таких как Дания и Норвегия, не было никаких симптомов увеличения неравенства[6].

Поразительно то, что историки, работающие с «кривой Кузнеца», проявили внимание к мельчайшим деталям анализа неравенства, а концепция «современного экономического роста», другая «переменная» в гипотезе Кузнеца, была отложена в сторону. В то же время исследование истоков и развития промышленной революции внесло важный вклад в переоценку этой концепции. Захватывающие работы Крафтса, Камерона и других авторов подчеркивают постепенный характер индустриализации[7]; была также сформулирована самостоятельная теория, согласно которой основы «современной промышленности» были заложены в раннее Новое время (теория «прото-промышленности»[8]). Все это заставило ученых отказаться от классического образа аграрной экономики, которая переживала стагнацию примерно до 1780-х или 1820-х гг. и после фазы «взлета» перешла к динамичному экономическому росту. Огромная роль расширения международной торговли, урбанизации и увеличения производительности сельского хозяйства в период до 1750 г. сейчас повсеместно признана.

Этот «новый» подход к изучению экономического развития до 1800 г. ставит вопрос о том, может ли исторический период действия «кривой Кузнеца» быть распространен на период раннего Нового времени. Иными словами, существовала ли связь между «до-современным экономическим ростом»[9] и изменением неравенства в доходах и богатстве? Этот вопрос лежит в основе нашей статьи. Мы рассмотрим гипотезу о том, что «до-современный экономический рост» связан с ростом неравенства. Вначале будет проанализирован характер неравенства в Европе в период раннего Нового времени. Затем мы остановимся на частном случае, касающемся неравенства доходов в Голландии в 1561—1808 гг. В заключительном разделе в фокусе нашего внимания окажется теоретический подход к историческим изменениям в неравенстве доходов и богатства. В этом контексте и будут обсуждаться различные интерпретации «кривой Кузнеца».

I

Многочисленные монографии, посвященные городам и регионам Западной Европы в период раннего Нового времени, опираются на данные по распределению богатства или отдельных его компонентов среди населения, например, чтобы дать представление о социальной стратификации. Если систематически сравнивать результаты этих исследований, можно обнаружить массу ас-

пектов, которые до сих пор не изучались. В этой части нашей работы мы дадим краткое описание этих аспектов на основе данных по нескольким странам.

Одним из наиболее известных источников для исследования неравенства в период позднего средневековья является флорентийский *catasto* 1427 г., который представляет собой очень детальную опись имущества жителей Тосканы. Благодаря работам Д.Херлихи, К.Клапиш-Цюбера, Д.Браун и других авторов стало возможным оценить степень неравенства в распределении богатства в городах (и отчасти сельской местности). Важным недостатком источника является отсутствие в нем сведений об имуществе бедняков. Используя *catasto* 1427 г., Де Роовер построил «пирамиду богатства», включавшую и не включавшую бедняков[10]. На основе его данных можно подсчитать, что коэффициент Джини с учетом бедняков был приблизительно на 8% выше, чем коэффициент без учета этой группы (0,847 и 0,787 соответственно). Таким образом, оценки, представленные в Таблице 1, несколько недооценивают степень неравенства.

Таблица 1

Неравенство в распределении богатства согласно флорентийскому *catasto* 1427 г.

	Численность населения	Коэффициент Джини	Богатейшие 1%	Богатейшие 5%	Беднейшие 50%
Флоренция	40000	0,788	27	67	3
6 более мелких городов	3000–7000	0,747	—	—	—
Пистойя	4412	0,713	—	59	4
Окрестности Пистойи					
Равнины	5700	0,634	—	47	7
Холмистая местность	3009	0,533	—	37	13
Гористая местность	2928	0,515	—	36	15
Пешия	1800	0,605	—	44	10

Примечание: все данные исключают «бедняков», кроме Пешии, где упоминалось несколько подобных домохозяйств. Шестью более мелкими городами являются: Пиза, Пистойя, Ареццо, Прато, Вольтерра и Кортона. **Источники:** Herlihy D. Medieval and Renaissance Pistoia. New Haven/London, 1967. P. 70, 188; Idem. Cities and society in medieval Italy (1980), XIII.8; Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Les Toscans et leurs families. Paris, 1978. P. 250; Brown J.C. In the shadow of Florence: provincial society in Renaissance Pescia. New York, 1982.

Указанный недостаток не умаляет значения модели, построенной на основе этих данных: в таком крупном городе, как Флоренция, неравенство было значительно выше, чем в более мелких городах, в то время как в маленькой Пешии богатство было распределено намного более равномерно. Наконец, из данных Херлихи для окрестностей Пистойи можно сделать вывод о том, что неравенство в распределении богатства там было даже меньшим, чем в мелких городах. В дополнение к этому, неравенство в более бед-

ных гористых местностях было ниже, чем на сравнительно благополучных равнинах.

Эти и другие сравнительные работы в целом показывают, что неравенство в распределении богатства в европейских городах в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени было высоким. Коэффициенты Джини (G) на уровне как минимум 0,75 были нормой для таких городов, как Лион (1545 г.)[11], Дрезден (1488 и 1502 гг.), Фрайбург (1445 г.), Констанц (1450 г.)[12], Норвич (1525 г.)[13], Лейден (1498 г.), Харлем (1483 г.) и Алкмар (1534 г.)[14]. Намного более низкие значения были получены в менее крупных городах, таких как Эдам (в Голландии) в 1462 г. (G = 0,50)[15], Зютфен в 1498 г. (G = 0,59)[16] или Хильдесхайм в 1450 г. (G = 0,52)[17].

Записи о поступлениях от налога на имущество в Аугсбурге в период с 1498 г. по 1702 г. — источник, сходный с *catasto,* — могут дать представление об изменении неравенства в распределении богатства в XVI—XVII вв. Данный источник уже был использован в этих целях историками в конце XIX в.[18] Поскольку в налоговые описи были занесены все домохозяйства, эти документы дают достаточно точную картину распределения богатства в городе, который был одним из центров (южно)* германской экономики в XVI в. Процветание городской экономики обусловило рост численности населения с приблизительно 20 тыс. чел. в 1500 г. до 48 тыс. жителей в 1600 г., что сделало Аугсбург крупнейшим немецким городом (наряду с Данцигом)[19]. После 1618 г. город серьезно пострадал в ходе Тридцатилетней войны, которая завершила период экономического процветания и повлекла за собой падение численности населения (до 21 тыс. чел. в 1650 г.)[20].

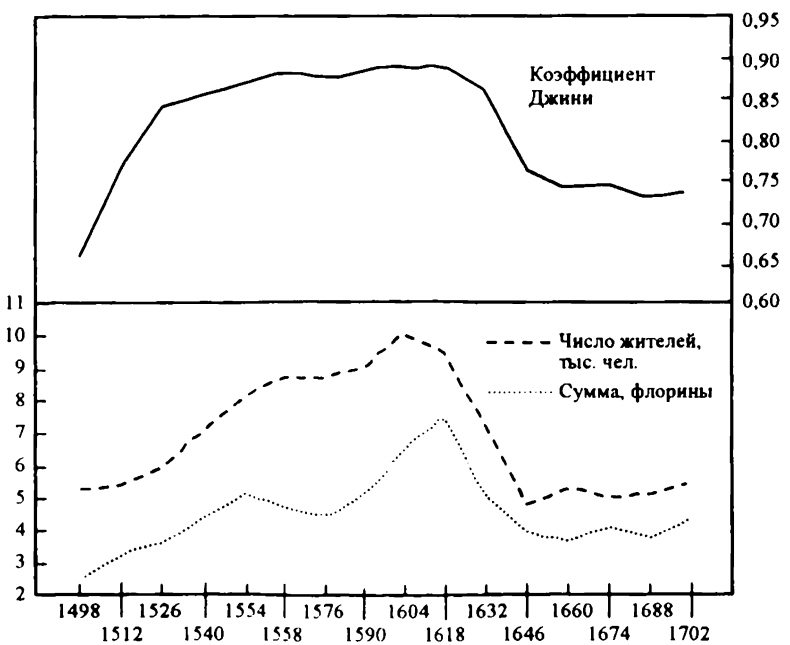
Данные о налоге на имущество позволяют исследовать взаимосвязь между экономическим процветанием и накоплением капитала, с одной стороны, и динамикой неравенства в распределении богатства — с другой. Рисунок 1 показывает: (1) оценочный коэффициент Джини для распределения богатства в Аугсбурге; (2) общее число налогоплательщиков, включая бедняков, которые платили лишь *stuira minor*; (3) среднестатистическую сумму, уплачиваемую налогоплательщиками, которая может служить показателем среднедушевого материального благосостояния (при условии неизменности налоговых ставок). Эта схема демонстрирует, что на протяжении XVI в. экономическое процветание города обусловило рост численности населения, размера имущества и неравенства. Общий коэффициент Джини вырос на 35% с 0,657 в 1498 г. до 0,890 в 1604 г. Однако Тридцатилетняя война привела к резкому снижению численности населения, размера имущества и неравенства. Можно сделать вывод, что в Аугсбурге, городе, во многих отношениях типичном для экономического подъема XVI в., накопление капитала сопровождалось увеличением неравенства, а упадок, последовавший после 1618 г., имел обратный эффект.

* Скобки автора (*прим. ред.*)

Основное возражение против этого примера заключается в том, что данные по распределению богатства рисуют чрезмерно пессимистический образ степени неравенства. Почти все эти источники показывают, что от 30 до 60% городских жителей (почти)* не имели собственности и что очень тонкая прослойка элиты (от 2 до 5% населения) концентрировала в своих руках почти все имущество[21]. Степень поляризации социальной структуры представляется огромной, но она, возможно, преувеличена данными. Исследование трудовых отношений, гильдий и помощи бедным в городах раннего Нового времени показывает, что бóльшая часть рабочего населения была самодеятельной (ремесленники) и могла рассчитывать на сравнительно стабильный доход, например, благодаря членству в гильдии. На самом деле, возможно, существовал своего рода «средний класс» между большой группой неимущих и малочисленной элитой, который не был адекватно представлен в описях по налогу на имущество[22].

Рисунок 1

Неравенство в распределении богатства в Аугсбурге согласно описям по налогу на имущество: число налогоплательщиков, средняя подушевая сумма налога и коэффициент Джини, 1498—1702 гг.



* Скобки автора (*прим. ред.*).

Намного более полное представление о социальной дифференциации, вероятно, можно получить при использовании данных, демонстрирующие неравенство в распределении доходов. Но эти данные еще менее доступны. Один из источников связан с экспериментами по введению налога на доходы в Голландии в конце XVII в. и в XVIII в. Солтоу изучил наиболее важные из сохранившихся описей, относящихся к 1742 г., и пришел к следующим оценкам коэффициента Джини: для Амстердама — 0,69, для всех городов Голландии к югу от залива Эйсселмер — 0,70, для сельской местности данного региона — 0,60[23]. В Голландии XVIII в. неравенство также было ниже в сельской местности, нежели в городах.

Недавние исследования неравенства доходов в Оверэйсселе в 1750 г. обнаружили сходную тенденцию, хотя эта провинция, намного менее «развитая», чем Голландия, и имевшая более низкий среднедушевой доход, характеризовалась также более низким уровнем неравенства (Таблица 2). Вырисовывается следующая картина: неравенство было более выраженным в трех крупнейших городах, в которых средний доход был также сравнительно высоким. Рассчитанные коэффициенты Джини сходны с полученными для городов Голландии. Различия между тремя городами довольно незначительны: экономически застойный Кампен слегка уступал более активному соседу, Зволле, по уровню неравенства.

Таблица 2

Неравенство доходов в Оверэйсселе в 1750 г.

	Число домов	Средний доход на дом	Коэффициент Джини
Девентер (город)	1636	385	0,62
Кампен (город)	1252	265	0,54
Зволле (город)	2438	285	0,67
Всего (три города)	5326	310	0,64
Твенте (регион)			
Города	2579	139	0,45
Сельская местность	6665	134	0,32
Всего	9244	135	0,36
Салланд (регион)			
Города	901	140	0,39
Сельская местность	4819	159	0,39
Всего	5720	156	0,39
Волленхове (регион)			
Города	943	176	0,44
Сельская местность	2860	144	0,32
Всего	3803	152	0,36
Всего для провинции	24093	180	0,49

Источники: Провинциальный архив Оверэйссела (Зволле), Collectie G.K. van den Santheuvel, no. 55; Oude Statenarchief, DO. 699; Collectie Placcaaten; численность населения и количество домохозяйств по: Slicher van Bath B.H. Een Samenleving onder spanning. Assen, 1957.

Большой разрыв существовал между тремя городами и сельской местностью. Сельские регионы мало отличались друг от друга по степени неравенства, при том что средний доход домохозяйства составлял в них менее половины от городского уровня. Средний коэффициент Джини 0,36 для сельской местности можно сравнить со степенью неравенства в Нидерландах в 1970-е и 1980-е гг. В общем, неравенство было несколько выше в городах, расположенных в Твенте и Волленхове, чем в окрестностях. Это не распространяется на Салланд, где «города» были беднее, чем поселения в сельской местности.

Эта тенденция подтверждается данными по арендной стоимости домов. Предполагается, что ее распределение было достаточно близким к распределению доходов. Дом в значительной степени отражает социальный статус его обитателя. Поэтому информация об арендной плате дает представление одновременно о постоянном доходе и благосостоянии[24].

Как правило, информация об арендной стоимости домов показывает намного более низкую степень неравенства, чем сведения о налогах на имущество. Для двух немецких городов, Веймара и Айзенаха, доступны оба вида данных для 1542 г. Они показывают следующее: неравенство в распределении богатства было не очень высоким, по сравнению с другими немецкими городами: G = 0,64 для Веймара (426 домохозяйств) и G = 0,65 для Айзенаха (632 домохозяйства). Коэффициент Джини по арендной стоимости домов одинаков для обоих городов: 0,46, что почти на 30% ниже, чем приведенные выше показатели неравенства в распределении богатства[25].

Данные, относящиеся к распределению богатства в (крупных)* городах, таким образом, указывают на очень высокую степень неравенства в Западной Европе в период раннего Нового времени. Коэффициенты Джини могли достигать уровня 0,8 или даже 0,9. В общем и целом мера неравенства в распределении дохода была намного ниже. Коэффициенты Джини порядка 0,5—0,65 были, возможно, «нормальными» для (крупных)* городов, хотя для Амстердама был зафиксирован явно более высокий уровень.

В главных центрах торгового капитализма — Флоренции, Аугсбурге, Амстердаме — степень неравенства была выше, чем в более мелких городах, в то время как для сельской местности была характерна довольно низкая степень неравенства. Неравенство систематически росло с уровнем дохода, а также с размерами деревни или города. Эта стратификация была связана с концентрацией капитала в городах, и особенно в центрах торгового капитализма, где были сосредоточены международная торговля и банковское дело. Семейства Медичи, Фуггеров и Триппенов владели огромными состояниями, которые оказывали решающее влияние на формирова-

* Скобки автора (*прим. ред.*).

ние пирамид доходов и богатства в этих городах. Именно таким было объяснение, которое Херлихи и Клапиш-Цюбер дали этой тенденции. В Тоскане богатство было в большой степени сосредоточено в ее столице — Флоренции. Среднедушевой размер имущества был намного меньшим в мелких городах и еще меньше в сельской местности по сравнению со столицей, где жили самые состоятельные граждане[26].

В деревне разница в доходе между фермерами, мелкими фермерами, работавшими также по найму (cottagers), и сельскохозяйственными рабочими была небольшой, даже если это могло отражать «перспективное занижение»: с точки зрения элиты (тех, кто составлял налоговые описи), различия между фермерами могли казаться незначительными. Доход узких групп торговцев и «мелкой буржуазии» (лавочников, учителей, священников, ремесленников) в небольших городах и церковных приходах был значительно выше, чем у большинства фермеров и владельцев мелких участков земли. Но, поскольку эти группы были сравнительно малочисленны, верхушка пирамиды доходов в сельской местности была достаточно небольшой и однородной. Кроме того, значительная доля крупных землевладельцев Тосканы и Оверэйсселе жила в городах. Это перемещение дохода из сельской местности в города способствовало повышению размера и концентрации доходов в городском секторе. В период раннего Нового времени доход от земельной собственности играл важную роль в формировании доходов городского населения, причем его доля увеличивалась в результате роста производительности в сельском хозяйстве и долговременной тенденции к росту цен на продукты сельского хозяйства[27]. Благодаря указанному механизму «аграрная революция» этого периода также способствовала росту неравенства в городах и в сельской местности.

Таким образом, есть основания предполагать, что экономическое развитие, урбанизация и накопление капитала в период раннего Нового времени шли рука об руку с ростом неравенства. Это могло означать, что восходящую ветвь «кривой Кузнеца» можно обнаружить уже в раннее Новое время. Как следствие, хронологически эту ветвь можно датировать периодом XVI—XIX вв., а нисходящую ветвь — XX в. В следующем разделе мы проверим эту гипотезу на примере провинции Голландия.

II

Проверка гипотезы об увеличении неравенства доходов в период «до-современного экономического роста» стала возможной благодаря доступности ряда уникальных источников по налогу на арендную стоимость жилых домов (и других зданий). Для 1561 и 1732 гг. данные о десятине и налоге на имущество (*verponding*) соответственно сохранились почти для каждого голландского города

или деревни. Эти записи содержат подробную информацию о размере средней годовой арендной платы за дома. Для 1808 г. доступны подробные данные о стратификации арендной стоимости домов, которые дают возможность точного анализа неравенства доходов.

Уникальным достоинством данных источников является то, что они описывают распределение доходов всего населения, включая бедняков. Для 1561 г. иногда приводятся сведения о занятиях глав домохозяйств или о том, находился ли дом в собственности его обитателя или же был арендован и т.д. На основе данного источника Де Вриес провел подробное исследование социальной структуры в сельской местности Голландии в XVI в.[28]

Источники 1561 и 1732 гг. имеют два основных недостатка[29]. В 1561 г. во многих отчетах по деревням не была рассчитана арендная стоимость каждого жилого дома в отдельности, но приводилась общая стоимость недвижимости всей деревни. Только небольшая часть записей содержит полные сведения. Материалы 1732 г. по большинству городов также имеют этот недостаток: сообщается лишь общая стоимость аренды здания, в то время как бóльшая часть зданий была занята несколькими домохозяйствами. Поэтому исследование было ограничено теми городами, для которых была доступна полная информация об арендной стоимости домов в расчете на одно домохозяйство[30].

Поскольку данное исследование должно быть привязано к тем городам и деревням, для которых имелись необходимые данные для обеих базовых дат, об использовании случайной выборки не могло быть и речи. Вместо этого мы опирались на сегментированную выборку. Голландия была «разделена» на 5 демографических единиц: Амстердам; крупные промышленные города (Лейден, Делфт, Харлем, Гауда); торговые города обычно более мелкие (Роттердам, Дордрехт, Алкмар, Хорн и т.д.); *vlekken* — сравнительно крупные деревни, которые в основном существовали за счет несельскохозяйственных занятий, таких как судоходство, рыбная ловля, торфяные разработки или текстильное производство; и, наконец, преимущественно аграрные деревни[31]. Была произведена оценка численности населения в каждом из этих сегментов и проведен анализ налоговых данных по нескольким городам и деревням каждой единицы за 1561 и 1732 гг. Мы использовали выборку по принципу «1 из 10» для городов, в то время как данные об арендной стоимости сельских домов были взяты во всей их полноте. Данные о численности населения затем были использованы как веса для расчета агрегированных результатов по городам и сельской местности. На этой основе стало возможным построить пирамиду арендной стоимости жилых домов для всей Голландии для 1561 и 1732 гг.

Таблица 3

Неравенство в арендной плате в городах и сельской местности Голландии, 1561 г.

	Количество домов	Коэффициент Джини	Средняя арендная плата за дом (флорины)
Амстердам	6130	0,57	31,99
Промышленные города			
Делфт	2950	0,46	14,98
Лейден	2860	0,45	10,54
Торговые города			
Дордрехт	2465	0,44	20,31
Роттердам	1670	0,33	9,43
Алкмар	1770	0,34	7,62
Хорн	1622	0,37	11,97
Все города		0,52	17,53
3 *vlekken*	556	0,30	3,82
12 деревень	1317	0,36	4,45
Сельская местность		0,35	4,29
Голландия в целом		0,56	9,38

Примечания: vlekken: Влаардинген, Хилверсюм и Вормер/Эйсп. Деревни: Оверши, Твиск, Катвэйк-ан-Зее, Каллантсог, Влейсвэйк, Энгелен, Звэйндрехт, Норд-Шарвуде, Бодегравен, Рансдорп, Хендрик Идо Амбрахт и Кетел.

Источники: Национальный архив в Гааге, Staten van Holland voor 1571, no. 1206 (Амстердам), 1231, 1234, 1240 (Делфт), 1243 (Дордрехт), 1251, 1288, 1308, 1312, 1330 (Лейден), 1333, 1371, 1398, 1406, 1429, 1490. Полная информация: Zanden J.L. van. Income and wealth inequality.

Ряд фактов выделяется на общем фоне анализа (Таблица 3). Уже в 1561 г. Амстердам не только являлся намного более крупным городом, чем все остальные, в нем существовало также наиболее ярко выраженное неравенство и самый высокий уровень среднего размера арендной платы. Очень дорогие дома с арендной стоимостью свыше 200 гульденов были только в Амстердаме. На другом конце пирамиды находились *vlekken*, для которых была характерна очень низкая степень неравенства, даже ниже, чем во многих аграрных деревнях. Между этими крайними точками находились остальные города: 3 крупных (Делфт, Дордрехт и Лейден), для которых коэффициент Джини был примерно на 20% ниже, чем для Амстердама, и более мелкие (Роттердам, Алкмар и Хорн), по коэффициентам неравенства близкие к сельской местности. В целом в Голландии в 1561 г. наблюдалась та же картина, что и в Тоскане в 1427 г. и в Оверэйсселе в 1750 г.

Наиболее важным результатом является то, что совокупный коэффициент Джини для Голландии намного выше, чем можно было бы ожидать, базируясь на коэффициентах для отдельных городов и деревень. Объясняется это тем, что различия в доходах между городскими и сельскими областями и между бедными и богатыми городами включались в общий коэффициент для Голландии. Важность этого фактора становится ясной, если разделить Голландию на две части: города с G = 0,52 и сельскую местность с G = 0,345. Расчет по обеим частям в целом дает G = 0,56. Влияние высокой стоимости аренды и дороговизны домов в Амстердаме особенно велико: если исключить Амстердам из расчетов, коэффициент Джини по Голландии снижается до 0,50, а если Амстердам заменить Дордрехтом — следующим по уровню богатства городом, коэффициент Джини все равно оказывается значительно ниже — 0,51 (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Неравенство доходов в Голландии на основе распределения величины арендной стоимости домов в 1561 г.

	1514 г.	1561 г.	1740 г.
Амстердам	—	30	200
Промышленные города	50	60	100
Прочие города	50	60	100
Vlekken	40	60	100
Деревни	135	180	300
Все категории	275	390	800
Коэффициент Джини	0,50	0,56	0,61

Примечания: для 1514 г. Амстердам включен в число «прочих городов». Эти данные не должны считаться точными оценками численности населения; они представляют собой очень приблизительные оценки, назначение которых — служить в качестве весов при расчете коэффициента Джини для Голландии в целом.
Источники: см. источники к Таблице 3; демографические данные: De Vries J. The Dutch Rural economy in the golden age. New Haven; London, 1974. P. 84—90; van der Woude A.M. Demografische ontwikkeling van de Noordelijke Nederlanden, 1500—1800 // Algemene Geschiedmis der Nederlanden, 5. Bussum, 1980. P. 102—68; Nusteling H.P.H. Periods and caesurae in the demographic history of the Netherlands, 1600—1900 // Economic and Social History in the Netherlands. 1989. Vol. I. P. 87—119.

В 1561 г. экономика Голландии стояла накануне периода своего расцвета. 1580—1670-е гг. характеризовались очень быстрым экономическим подъемом, ростом международной торговли и производства на экспорт, а также накоплением капитала купцами крупных городов[32]. Экономический рост сопровождался резким увеличением уровня урбанизации. Данные 1561 г. могут быть использованы для оценки влияния урбанизации на степень неравенства доходов. Если коэффициенты Джини 1561 г. взвесить по де-

мографическим показателям 1732 г., то степень неравенства возрастает примерно на 10% — с 0,56 до 0,61 (Таблица 4). Аналогичный подход может быть использован для оценки влияния возвышения Амстердама в период 1500—1560 гг. на неравенство доходов в целом по Голландии. Есть основания предполагать, что около 1500 г. уровень процветания и неравенства в Амстердаме был сравним с данным показателем для других торговых городов, таких, как Дордрехт. В 1514 г. Амстердам еще несколько уступал по численности населения другим городам Голландии. Он был единственным городом, численность населения которого удвоилась между 1514 и 1561 гг.[33] На учете этих обстоятельств основаны расчеты в первом столбце Таблицы 4.

Второй столбец Таблицы 5 опирается на анализ описей по налогу на имущество в 1732 г., которые также содержат подробную информацию об арендной стоимости домов в расчете на домохозяйство. По сравнению с 1561 г., неравенство выросло по крайней мере на 10% во всех городах и трех *vlekken*. Коэффициент Джини, возможно, оставался стабильным лишь в Амстердаме (но оценки для Амстердама по состоянию на 1732 г. основаны на неполных данных). В целом, согласно этим вычислениям, неравенство в провинции Голландия выросло в период 1561—1732 гг. примерно на 12,5%. Эта цифра, возможно, занижена, поскольку данные для Амстердама неполны. Тем не менее оценка для всей провинции для 1732 г. согласуется с аналогичной оценкой для 1808 г., согласно которой коэффициент Джини составлял примерно 0,63.

Таблица 5

Коэффициенты Джини для распределения доходов и арендной платы, 1561—1808 гг.

	1561 г.	1732 г.	1808 г.
Амстердам	0,57	0,57*	0,59—0,61
Лейден	0,45	0,49**	
Делфт	0,46	0,51	
Дордрехт	0,44	—	
Роттердам	0,33	—	
Алкмар	0,34	0,44	
3 *vlekken*	0,30	0,39	
12 деревень	0,36	0,37	
Города	0,52	0,59	
Сельская местность	0,35	0,38	
Голландия	0,56	0,63	0,63

Примечания: * оценка относится только к 43 из 60 районов.
** 1749 г.
Все данные относятся к арендной плате по отдельным жителям.
Источники: 1561 г.: см. источники к Таблице 3. 1732 г.: Национальный архив в Гааге, Financie van Holland, no. 488—521; Tjalsma H.D. Een karak-

terisering van Leiden in 1749 // H.A.Diederiks et al., eds. Armoede en sociale spanning. Hilversum, 1985. P. 25 (Leiden, 1749). 1808 г.: Soltow L., Inequality of wealth and income in the Netherlands at the beginning of the nineteenth century // Zanden J.L. van, Soltow L. Income and wealth inequality in the Netherlands; Leeuwen M.H.D. van. Bijstand in Amsterdam, ca 1800—1850. Utrecht, 1990. P. 338—340 (Амстердам, 1808 г.).

Необходимо отметить, что эти оценки неравенства по арендной стоимости домов в 1732 г. ниже оценок Л.Солтоу, сделанных для неравенства доходов в 1742 г., которые приведены в предыдущем разделе. Это может указывать на систематическую недооценку неравенства доходов на основании данных об арендной стоимости домов. Те, кто имел более высокие доходы, мог тратить на аренду все меньшую их долю (см. следующий раздел). Вполне возможно, однако, что расчеты Солтоу преувеличивают неравенство в распределении доходов. Он использовал данные о доходах, превышавших 600 гульденов, а доход остальных домохозяйств (75—86% от всей совокупности) оценивался приблизительно, с помощью логарифмической проекции[34], а этот метод, разумеется, в известной степени подвержен ошибкам.

Изменения в распределении доходов могут быть рассмотрены более детально путем анализа стратификации общества на группы с разным уровнем доходов (Таблица 6). Доля доходов 1% самых состоятельных лиц оставалась фактически неизменной между 1561 г. и 1808 г., хотя в первой половине XVI в. имело место некоторое ее увеличение. Кажущееся постоянство доли доходов богатейших жителей может также быть следствием проблем, связанных с использованием арендной стоимости в качестве показателя дохода. В течение XVII в. наиболее состоятельные люди не только переехали в более дорогие дома, они также стали проживать более чем в одном доме — в загородном доме летом, в доме на берегу канала зимой. В результате вершина пирамиды арендной стоимости домов оказывается более плоской, чем вершина пирамиды распределения доходов. При изучении выборки из 451 жителя Амстердама, упомянутого в налоговых описях 1742 г., Солтоу обнаружил, что неравенство в арендной стоимости их домов было намного меньше, чем неравенство их доходов (G = 0,34 и G = 0,48 соответственно)[35]. Ввиду бурного роста очень больших доходов в Голландии между 1561 и 1732 гг., данные по арендной стоимости, возможно, занижают рост неравенства.

Таблица 6

Распределение арендной стоимости домов и доходов между основными группами населения (%)

	1500 г.*	1561 г.	1732 г.	1808 г.
Верхние группы населения				
1%	10	41	15	14
5%	27	34	40	37
10%	40	46	54	52

	1500 г.*	1561 г.	1732 г.	1808 г.
Децили от 10% до 50%	41	38	34	36
Нижние 50%	19	16	12	11

Примечания: * предположительная оценка.
Источники: см. Таблицы 3 и 5.

Таблица 6 наглядно показывает, что доля в арендной стоимости домов тех жителей, кто не вошел в 1% богатейших, значительно выросла. 5% верхушки особенно сильно улучшили свое положение. Это произошло в основном за счет беднейших 50%, доля которых в совокупной арендной стоимости постепенно снижалась. Эти цифры также подтверждают относительную стабильность распределения доходов во второй половине XVII в. Данное обстоятельство заслуживает особого внимания. Некоторые авторы выявили увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми, который проявился на протяжении XVIII в., и связывали его с экономическим упадком Голландии в этот период (правда, без приведения доказательств такой зависимости)[36]. Наше исследование приводит к другому выводу: экономическое процветание «длинного XVII века» — с 1590 г. по 1740 г. — сопровождалось увеличением неравенства, в то время как экономическая стагнация, пришедшаяся на остаток XVIII в., была связана со стабилизацией в распределении доходов. Между 1732 г. и 1808 г. доля обеих крайних групп, беднейших 50% и богатейших 5%, несколько снизилась. Последующее сокращение доли бедняков в совокупной арендной стоимости может быть связано с обнищанием, которое отмечалось современниками во второй половине XVIII в.[37] Приведенные данные подтверждают гипотезу о том, что «до-современный» экономический рост — увеличение реальных доходов на душу населения до запуска механизма «современного» (в терминах Кузнеца) экономического роста в XIX в.[38] — шел рука об руку с заметным увеличением неравенства доходов.

Помимо Голландии, для периода раннего Нового времени лучшим примером динамично развивающейся экономики была, возможно Великобритания, в которой происходило увеличение дохода на душу населения. Было бы весьма заманчиво сравнить обе эти страны, разделенные Северным морем. Для Великобритании данные по неравенству доходов появляются с 1688 г. (оценки Грегори Кинга). Солтоу показывает, что, согласно этим данным, уровень неравенства доходов был почти неизменным с 1688 г. (G = 0,55) по 1801—1803 гг. (G = 0,56)[39]. Пересмотр этих данных Линдертом и Уильямсоном привел, отчасти, к более низким оценкам: по их расчетам, коэффициент Джини снизился с 0,54 в 1688 г. до 0,51 в 1759 г., но в период классической промышленной революции начал быстро расти (G = 0,58 в 1801—1803 гг.)[40]. Ввиду критики Фейнстайном метода получения данных оценок, споры по поводу развития неравенства в Великобритании все еще продолжаются. По сравнению с уровнем неравенства в Голландии

(G = 0,70 для распределения доходов по Солтоу и G = 0,63 для арендной стоимости домов по данным нашего исследования), степень неравенства в распределении доходов в Великобритании была значительно ниже. Разница в выводах может объясняться существованием больших различий в структуре землевладения этих двух стран. Крупные землевладельцы преобладали в сельской местности Великобритании, в то время как в Голландии их практически не было. Вероятно, за сравнительно высоким уровнем неравенства в Голландии стояла намного более высокая степень урбанизации и наличие очень состоятельной буржуазии.

III

Теперь пришло время учесть разные интерпретации «кривой Кузнеца» при анализе рассмотренных результатов. Литература предлагает три основных объяснения динамике неравенства в Европе раннего Нового времени.

Сам Кузнец дал следующее прямолинейное объяснение. «Современный экономический рост» связан с перемещением рабочей силы из сектора с низким доходом и низкой производительностью труда — сельского хозяйства — в высокодоходные секторы — промышленность (и сферу услуг). Если мы представим себе, что разрыв в доходах между традиционным и новыми секторами во время этого перехода оставался неизменным, тогда по чисто математическим причинам в период первой фазы роста неравенство доходов должно было увеличиться. Если 100% трудоспособного населения заняты в сельском хозяйстве, неравенство доходов будет минимальным. Но если эта процентная доля снизится и вырастет доля населения, получающего более высокий доход в промышленности, вырастет и неравенство. Это будет продолжаться до тех пор, пока в аграрном секторе занято свыше 50% рабочей силы. Затем неравенство будет снижаться, поскольку все бóльшая часть населения будет получать более высокий доход в промышленности. Короче говоря, перевернутая U-образная кривая является следствием перехода от традиционной аграрной экономики с низким уровнем доходов к «новому» индустриальному обществу с высоким уровнем доходов[41].

Если мы заменим понятия «промышленность» и «сельское хозяйство» на понятия «городской» и «сельский» — эта замена также была предложена самим Кузнецом, — тогда данная интерпретация хорошо согласовывается с вышеописанными эмпирическими результатами. В Европе раннего Нового времени доходы в городах были, без сомнения, выше, чем в сельской местности. Постепенная урбанизация, типичная для этого периода, возможно, способствовала росту неравенства доходов по схеме, описанной Кузнецом. Тем не менее эта «модель» не может дать убедительного объяснения повышательной ветви «кривой Кузнеца». Объяснение Кузнеца не принимает во внимание бросающихся в глаза различий в степени неравенства внутри городских и сельских поселений,

которые развиваются параллельно с различиями в уровне дохода. Возможно, повышательную ветвь U-образной кривой нужно объяснять не более высоким уровнем доходов в городах, но большей степенью неравенства в самих городах, особенно в крупных центрах торгового капитализма. Для того чтобы должным образом объяснить данный феномен, мы должны проследить различия в социальной и экономической структуре города и деревни, равно как и процессы пролетаризации и накопления капитала, которые лежали в основе данной структуры. Таким образом, мы переходим к следующему, «классическому» объяснению «кривой Кузнеца» и изменений в неравенстве доходов в целом.

IV

Этот подход берет свое начало в работах классиков политической экономии (А.Смита и Д.Рикардо) и К.Маркса[42]. Он объясняет изменения в неравенстве доходов изменениями в их функциональном распределении. С этой точки зрения, решающее значение имеют количественные соотношения между доходами труда, капитала и земли, а эти соотношения, в конечном счете, определяются относительным положением и влиянием (power) различных социальных групп — дворянства, предпринимателей и рабочего класса. По мнению Маркса, в период раннего Нового времени наблюдалось отчуждение работников от средств производства. Это была фаза первоначального накопления капитала. В результате капитал (и, возможно, доход) оказался в основном сосредоточен в руках узкой группы «капиталистов». Это повлекло за собой цепь взаимосвязанных и достаточно хорошо документированных процессов[43]. Во-первых, имела место пролетаризация труда, в ходе которой доля самодеятельной рабочей силы падала, а число наемных рабочих росло. Во-вторых, происходило долговременное снижение реальной зарплаты, в особенности в периоды инфляции (1500—1650 гг. и после 1750 г.). В-третьих, прогрессировало накопление капитала, особенно в городах, находившихся на пересечении торговых путей: Антверпене, городах Южной Германии, Северной Италии в XVI в. (и ранее), в Голландии в XVII в. и в Англии в XVIII в. В-четвертых, наблюдалась концентрация капитала в руках горожан, которую можно рассматривать как оборотную сторону пролетаризации труда в этот период[44].

Эти процессы были объектом интенсивного изучения, поэтому мы ограничимся кратким изложением наиболее важных результатов. Со времен работы Гамильтона о революции цен в XVI в. и ее последствиях для функционального распределения доходов появилось множество трудов, рассматривающих динамику реальной зарплаты в Западной Европе. Практически все они говорят о долговременном снижении реальной зарплаты[45]. В этом отношении работы Х.Ф.Брауна и (в особенности) С.В.Хопкинса по революции цен в XVI в. являются столь же пессимистичными, сколь и недавнее исследование Сёдерберга изменения реальной зарплаты во

многих европейских городах в период с 1730 по 1850 гг.[46] За несколькими исключениями (такими, например, как Копенгаген), последнее исследование выявило нисходящий тренд в динамике реальной заработной платы во второй половине XVIII в. Помимо нескольких случаев, когда темп изменения номинальной заработной платы был близок темпу изменения уровня цен, как, например, во Флоренции в XVII в.[47] или в Голландии после 1580 г.[48], можно констатировать, что реальная зарплата в Западной Европе с 1500 по 1800 гг. снижалась. Возможно, снижение заработной платы компенсировалось более продолжительным и интенсивным трудом, вовлечением все большего числа членов домохозяйств в процесс производства или использованием дешевых продуктов-заменителей — картофеля и кукурузы, которые смягчали последствия снижения покупательной способности населения[49]. Уровень жизни, возможно, снизился в меньшей степени, чем уровень реальной заработной платы, но в падении последнего сомнений быть не может.

Процесс пролетаризации труда документирован не столь подробно. Важную информацию о нем можно почерпнуть из многочисленных работ, посвященных долговременному развитию аграрных регионов, которые были опубликованы за последние 40 лет под влиянием примера школы «Анналов». Эти данные позволяют выявить две тенденции. Во многих частях Западной Европы — от окрестностей Оснабрюка до Тосканы — число (крупных)* ферм выросло мало, если вообще выросло. Благодаря увеличению численности населения появилась группа, получившая название «cottars», «Heuerlinge», или «lavoratore». Они, как правило, владели небольшой фермой, но, чтобы свести концы с концами, были вынуждены работать по найму либо у крупных фермеров, ориентированных на рынок, либо в прото-промышленности, либо в качестве сезонных рабочих в городском секторе[50]. В некоторых высокоурбанизированных регионах, таких как Южная Англия, Западные Нидерланды, Парижский регион, долина реки По, коммерциализация и интенсификация в сельском хозяйстве сопровождались складыванием крупных капиталоемких ферм и появлением обширной группы сельскохозяйственных рабочих, полностью зависимых от работы по найму[51]. В обоих случаях труд был умеренно или даже очень высоко пролетаризированным[52].

Подробный «классический» анализ взаимосвязей между экономическим ростом и распределением доходов в период раннего Нового времени дан Р.Алленом. В работе, посвященной аграрной революции на юге Центральной Англии (south midlands), он показывает, что от повышения производительности в сельском хозяйстве больше всего выиграли лендлорды, а потребители, фермеры и рабочие вряд ли что-то приобрели. В целом реальная величина арендной платы выросла в 7 раз, в то время как уровень жизни

* Скобки автора (*прим. ред.*).

сельскохозяйственных рабочих, по-видимому, снизился в результате падения реальной заработной платы и увеличения избыточного предложения рабочей силы в сельской местности[53]. Из работы Аллена следует, что даже в регионе, отличавшемся высокой степенью неравенства в землевладении на начальной стадии процесса «до-современного» экономического роста, аграрная революция периода раннего Нового времени должна была привести к увеличению неравенства.

V

В последние 30 лет «классический» подход был дискредитирован в глазах экономистов, изучавших причины неравенства доходов. Изменения в функциональном распределении доходов ушли из поля зрения исследователей, которые сосредоточились в основном на анализе различий в оплате труда[54]. Предполагается, что последние были связаны с различиями в производительности труда и нехваткой рабочей силы определенных квалификаций. Этот подход достаточно понятен в свете снижения доли доходов с капитала на протяжении XX столетия[55]. Это, по-видимому, способствовало росту влияния разницы ставок заработной платы на общее неравенство доходов. Новые теории в сфере изучения неравенства доходов в большей степени подчеркивают сравнительный дефицит разных групп квалифицированной и неквалифицированной рабочей, а не распределение влияния между социальными группами. Уильямсон использовал этот подход в своем исследовании неравенства в Великобритании в XIX в. Его объяснение повышательной ветви «кривой Кузнеца» гласит, что спрос на конкретные виды квалифицированного труда стремительно возрастал во время первой фазы процесса «современного экономического роста». В результате разница в оплате между неквалифицированным и квалифицированным трудом — премия за квалификацию (skill premium) — увеличивалась. Этот рост премии за квалификацию объясняет увеличение неравенства в первой половине XIX в. Распространение образования и изменения в процессе производства выразились в увеличении предложения квалифицированной рабочей силы и относительном снижении спроса на квалифицированный труд. В результате величина премии за квалификацию начала снижаться во второй половине XIX в., и степень неравенства доходов в конце концов уменьшилась[56].

Корректность этого, третьего, подхода нелегко проверить на данных раннего Нового времени. Изучение реальной заработной платы сосредотачивалось в основном на доходах строительных рабочих. Исследования в целом показывают достаточно стабильное соотношение между заработной платой квалифицированных рабочих (плотников, каменщиков) и неквалифицированных (помощников, подручных). Согласно Фелпсу Брауну и Хопкинсу, это соотношение оставалось неизменным на протяжении пяти столетий

и, даже если какие-то колебания и наблюдались, другие данные не обнаруживают явной долговременной тенденции[57].

Уильямсон, однако, в своем исследовании оплаты труда в Великобритании использовал также данные по доходам «интеллектуальных» профессий, в основном в сфере услуг (клерки, учителя, священники, стряпчие)[58]. До сих пор подобная информация для периода раннего Нового времени почти не собиралась. Доступные работы по заработной плате и ценам для этого периода содержат, самое большее, информацию о жаловании гражданских служащих, занятых в городских структурах или больницах, но количество и временной охват большей части этих данных недостаточны для получения надежных выводов. Одним из исключений является работа А.Ф.Прибрама по ценам, заработной плате и жалованию в Вене[59]. Она снабжена достаточно обширным блоком информации о жаловании служащих городского госпиталя по широкому спектру профессий, которые имеют одну общую черту: оплата их труда растет значительно быстрее, чем заработная плата строительных рабочих, нанятых тем же госпиталем (Таблица 7). Для того чтобы продемонстрировать это, мы вычислили индексы заработной платы работников различных специальностей, приняв за базу период 1590—1600 гг. Данные по всему периоду с 1520 по 1780 гг. имеются лишь для 7 профессий. Невзвешенные средние значения для этих 7 профессиональных групп показаны во втором столбце Таблицы 7. Для остальных 11 профессий имеются отрывочные данные. Эта информация была использована для построения первого столбца Таблицы 7 (в котором также указано число специальностей, по которым велся расчет).

Ставки жалования указанных групп служащих (выраженные в граммах серебра) увеличились примерно в 12 раз, в то время как дневная зарплата строительных рабочих (также в граммах серебра) выросла не более чем на 15%. После 1700 г. ставки жалования стали расти особенно быстро по сравнению с дневной заработной платой строительных рабочих, но эта тенденция прослеживается и в XVI, и в XVII в. Этот стойкий рост был присущ жалованию всех служащих городского госпиталя, хотя, конечно, между разными специальностями существовали различия. На основании этих данных можно сделать вывод, что, по всей видимости, в Вене наблюдался рост премии за квалификацию.

Таблица 7

Индексы заработной платы служащих и строительных рабочих городского госпиталя в Вене, 1520/30—1770/80 гг. (1590/1600 = 100)

Годы	От 10 до 18 профессий (число профессий — в скобках)	7 профессий	Строительные рабочие
1520/30	70,5 (16)	53,7	102,8
1590/1600	100 (18)	100	100

Годы	От 10 до 18 профессий (число профессий — в скобках)	7 профессий	Строительные рабочие
1640/50	194,4 (18)	178,8	143,5
1690/1700	219,9 (15)	180,3	114,1
1740/50	833,0 (12)	523,2	125,1
1770/1800	821,8 (10)	666,6	117,6

Примечания: индексы относятся к рядам ставок жалования и заработной платы, выраженных в граммах серебра.

7 профессий: Mannsknecht (слуга), Mutter auf der Frauenstuben (сиделка в женской палате), Pfarrer (священник), Caplan (капеллан), Wundarzt (хирург), Schaffer (управляющий), Kellner (официант).

От 10 до 18 профессий также включают: Schulmeister (учитель), Organist (органист), Koch (повар), Arzt (врач), Pfister (пекарь), Superintendent (управляющий), Grundschreiber (клерк), Zehentner (сборщик десятины), Remanenzer (профессия не идентифицирована), Schreiber (клерк), Zuschrotter (мясник).

Строительные рабочие: Maurergesell (буквально «помощник каменщика»).

Источник: Pribram A.F. Materialien zur Geschichte der Preise und Lohne in Osterreich. Vienna, 1938.

Сходный процесс был документирован Янссоном и Сёдербергом для Стокгольма в XVIII в. Они обнаружили, что «шкала заработной платы расширяется: квалифицированные служащие получали больше, чем низший административный персонал, который, в свою очередь, получал больше строительных рабочих». По мнению исследователей, это можно объяснить процессом профессионализации и переходом на полную рабочую неделю[60].

Некоторые дополнительные исследования были проведены в области изменения жалования служащих в Амстердаме. Одной из сложных особенностей этого вида исследований является то, что жалование, выплачиваемое властями или учреждениями, было лишь частью совокупного дохода гражданского служащего. Школьный учитель также получал плату за репетиторство и прочие услуги в сфере обучения, хирург — вознаграждение за каждую операцию, а клерк — определенную сумму за каждую переписанную страницу. Более того, совмещение нескольких рабочих мест одним человеком не было чем-то необычным. Привлекательные служебные места иногда передавались «заместителям», которые делали ту же работу за намного более низкую плату. Короче говоря, мы ступили на опасную почву, поскольку жалование, зафиксированное бухгалтерией города или учреждения, не обязательно совпадало с действительным доходом служащего.

Таблица 8

Годовое жалование служащих в Амстердаме по сравнению с дневным заработком плотника (в гульденах), 1580—1789 гг.

Год	Школьный учитель	Цирюльник/ хирург	Клерк	Пенсионарий*	Плотник (дневной заработок)
1580	125	25	215	400	0,75
1595	275	—	330	650—1200	1,10
1620	405	75	380	1600	1,20
1664	540—600	150—264	1000	2000—4000	1,50
1712	Ок. 700	150—264	1030	3000—4000	1,50
1789	750—1,050	150—264	1200	3000—4000	1,50

Примечание: * секретарь городского управления.
Источники: Муниципальный архив Амстердама, Thesaurieren Ordinaris, Weddcboeken (5039) no. 725—728, Ambten en Officiiin (5031), no. 37; Ravesteyn W. van. Onderzoekingen over de economische en sociale ontwikkeling van Amsterdam gedurende de l6de en het eerste kwart der I7de eeuw. Amsterdam, 1906. P. 254—257.

Тем не менее данные об оплате труда служащих могут дать представление об изменении относительного дохода этой группы. По крайней мере, они показывают, сколько были готовы заплатить власти, чтобы обеспечить службу чиновников, врачей и учителей. Таблица 8 содержит результаты этого исследования.

Общая картина, которая вырисовывается на основе этих данных, совершенно недвусмысленна. Жалование служащего увеличивалось намного быстрее, чем заработок строительных рабочих, что, возможно, является точным отражением общего изменения заработной платы. В то время как номинальная заработная плата в Амстердаме между 1580 и 1789 гг. примерно удвоилась, жалование учителя, клерка, пенсионария и цирюльника/хирурга увеличилось в 5—10 раз. Необходимо отметить, что в Амстердаме жалования продолжали расти и спустя долгое время после того, как в Голландии начался период стабильности заработной платы (после 1640 г.). В той степени, в которой позволяют данные, можно сделать вывод о том, что в первой половине XVIII в., когда упала стоимость жизни, поступательный рост жалований приостановился. После 1770 г. цены снова начали быстро расти, и это привело к пересмотру ставок жалования, в то время как строительные рабочие были снова обделены вниманием.

Есть основания полагать, что эти изменения не были присущи лишь Вене и Амстердаму. Отмеченный рост доходов школьных учителей, врачей и клерков почти наверняка был связан с увеличением вертикальной социальной мобильности, которое обеспечило повышение статуса данных профессиональных групп в период раннего Нового времени. В свою очередь, это можно соотнести с растущей потребностью в услугах, оказываемых представителями

названных профессий. Другими словами, относительная редкость соответствующих навыков увеличилась. Этот процесс, как представляется, наблюдался по всей Европе. Тем не менее в определенной степени рост доходов гражданских служащих и лиц, имеющих какую-либо профессию, был следствием широкого процесса поляризации. Чем больше росла социальная дифференциация и неравенство доходов, тем больше членов этого «среднего класса» пыталось добиться увеличения дохода, сравнимого с ростом доходов представителей верхушки социальной пирамиды. В результате возрос разрыв с заработной платой (строительных)* рабочих. Поэтому не будет слишком смелым предположить, что изменение соотношения оплаты труда различных профессий в Вене, Стокгольме и Амстердаме было типичным для Европы.

VI

В этой статье было проведено исследование связей между экономическим развитием и неравенством дохода и богатства в Западной Европе в период раннего Нового времени. Мы использовали в основном данные по Голландии, Италии, Великобритании и германским землям. Было показано, что существовали определенные тенденции в динамике неравенства доходов и имущества. В целом рост неравенства соответствовал росту экономического процветания и размера городов и деревень. Полученные результаты свидетельствуют о том, что существовало весьма неравное распределение выгод, которые несло с собой экономическое развитие. Частный случай Голландии также показал, что экономический рост в период «золотого века» привел к более неравномерному распределению доходов. Каждое из трех объяснений роста неравенства в период раннего Нового времени, рассмотренных нами, внесло свой вклад в понимание этого феномена. Можно даже сказать, что объяснение роста неравенства в Голландии между 1561 и 1732 гг. является «избыточным». Урбанизация, увеличение премии за квалификацию и изменения в функциональном распределении доходов — все это, как представляется, сыграло свою роль. Тем не менее влияние роста премии за квалификацию на общее неравенство было, возможно, достаточно слабым, поскольку размер группы «профессионалов» и гражданских служащих был сильно ограниченным[61]. Поэтому лучшее объяснение изменений неравенства в городах и сельской местности дает классический подход.

Таким образом, существуют явные указания на то, что до 1800 г. экономический рост (там, где он имел место) сопровождался значительным увеличением неравенства, как было показано на примерах Аугсбурга и Голландии. В какой-то момент в XIX в. (а в некоторых странах лишь после 1900 г.) эта тенденция должна была обратиться вспять. За прошедшие сто лет по всей Европе неравенство в распределении доходов и богатства заметно снизилось,

* Скобки автора (*прим. ред.*).

а после 1975 г. этот процесс приостановился. Между примерно 1870/1900 гг. и 1975 г. экономический рост обычно сопровождался снижением неравенства. Следовательно, можно утверждать, что существовала «расширенная» «кривая Кузнеца», охватывавшая несколько столетий. Для нее были характерны рост неравенства до какого-то момента в XIX в. и снижение этого неравенства в XX в. Помимо реконструирования этой «расширенной» кривой, возможно, более интересной является постановка вопроса о том, почему природа процесса экономического роста изменилась таким образом, что он перестал ассоциироваться с ростом неравенства в распределении доходов и, напротив, обусловил его выравнивание. По-видимому, это изменение было связано с переходом от «до-современного экономического роста» к «современному экономическому росту» и с исчезновением «экономики избытка рабочей силы», но эту проблему я надеюсь осветить в другой работе.

Примечания

[1] Обзор этих работ помещен в разделе II. Наброски данной статьи были представлены на симпозиуме по экономической истории в Свободном университете Брюсселя, а также на заседании Конгресса Американской ассоциации экономической истории. Я хотел бы поблагодарить участников этих заседаний, а также Эдвина Хорлингса, Мартена Прака, Яна де Вриеса и анонимных рецензентов за их комментарии.

[2] См., например: Van Uytven R., Blockmans W. De noodzaak van een geintegreerde sociale geschiedenis // Tijdschrift voor Geschiedenis. 1971. Vol. 84. P. 276—290; Fischer W., Szarda P. Die soziale Verteilung vom mobilen Vermogen in Deutschland seit dem Spatmittelalter // Troisieme Conference Internationale d'Histoire Economique. Paris: The Hague, 1968. P. 253—276; Fügedi E. Steuerliste, Vermogen und soziale Gruppen in mittelalterlichen Stadten // Stüdtische Gesellschaft und Reformation / Ed. by I.Batori. Stuttgart, 1980. P. 58—97; Slack P. Poverty and policy in Tudor and Stuart England. London, 1988. P. 40—43.

[3] Kuznets. S. Economic growth and income inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. P. 1—28

[4] Lindert P.H., Williamson J.G. Three centuries of American inequality // Res. Econ. Hist. I. 1976. P. 69—123.

[5] Feinstein C.H. The rise and fall of the Williamson curve // Journal Economic History. XLVIII (1988). P. 699—729.

[6] Kaelble H., Thomas M. Introduction // Income distribution in historical perspective / Ed. by Y.S.Brenner et al. Cambridge, 1991. P. 43—45.

[7] Crafts N.F.R. British economic growth furing the industrial revolution. Oxford, 1985; Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001.

[8] Mendels F. Proto-industrialization: the first phase of the industrialization process // Journal of Economic History. 1972. Vol. XXXII. P. 241—261.

[9] Мы предпочитаем выражение «до-современный экономический рост» («premodern economic growth») термину, предложенному Перссоном в названии его работы, — «доиндустриальный экономический рост», поскольку термин Перссона вновь стремится подчеркнуть роль промышлен-

ности в экономическом развитии в период до «промышленной революции» (см.: Persson K.G. Pre-industrial economic growth. Oxford, 1988).

[10] De Roover R. The rise and decline of the Medici bank, 1397—1494. Cambridge (Mass.), 1963.

[11] Вычислено по: Gascon R. Grand commerce et vie urbaine au XVIe siecle. Paris, 1971.

[12] Fügedi E. Op. cit. P. 67, 74.

[13] Вычислено по: Pound J.F. The social and trade structure of Norwich, 1525—1575 // The early modern town / Ed. by P.Clark. 1976. P. 131.

[14] Berg W.J. van den, van Zanden J.L. Vier eeuwen welstandsongelijkheid in Alkmaar, ca 1530—1930 // Tijdschrift voor Sociale Geschiedenis. 1988. Vol. 19. P. 203.

[15] Ibid.

[16] Вычислено по: Schaik R. van. Belasting, bevolking en bezit in Geire en Zutphen, 1350—1550. Hilversum, 1987. P. 219.

[17] Fügedi E. Op. cit. P. 74.

[18] Hartung J. Die direkten Steuern und die Vermogensentwicklung in Augsburg von der Mitte des 16. bis zum 18. Jahrhunderts // Schmollers Jahrbuch fur Gesetzgebung, Verwaltung und Volksmrtschaft. 1898. Vol. 22. P. 171—209; по этому источнику см. также: Streider J. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Munich, 1935; Roeck B. Eine Stadt in Krieg und Frieden. Göttingen, 1989. S. 46—62.

[19] Данные по городскому населению взяты из: De Vries J. European urbanization, 1500—1800. Cambridge, Mass.: Haward University Press, 1984. P. 272—273.

[20] См.: Roeck B. Op. cit.

[21] Slack P. Op. cit. P. 40.

[22] На это обратил внимание Раппапорт: Rappaport S. Worlds within worlds: structures of life in sixteenth century London. Cambridge,1989.

[23] Soltow L. Income and wealth inequality in Amsterdam, 1585—1805 // Economisch- en Sociaal-historish Jaarboek. 1989. Vol. 52. P. 77.

[24] Williamson J.G. Did British capitalism breed inequality? Boston, 1985. P. 59; den Berg W.J. van and Zanden J.L. van. Op. cit. P. 196.

[25] Вычислено по: Eberhardt H. Die Land- und Türkensteuerregister des 16. Jahrhunderts und die Moglichkeiten ihrer Auswertung // E.Schwarze, ed. Soziale Struktur und Besitzverhaltnisse des landtichen Bevolkerung Oostthiiringens im 16. Jahrhundert. Weimar, 1975. S. 17, 41; можно добавить, что, согласно этому исследованию, неравенство в распределении богатства в сельской местности было менее выраженным, чем в двух городах.

[26] Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Les Toscans et leurs families. Paris, 1978. P. 250.

[27] На долговременный рост арендной платы указывается в работах: Hoffman P.T. Land rents and agricultural productivity: the Paris Basin, 1450—1789 // Journal of Economic History. LI (1991). P. 771—805; Daelemans F. Pachten en welvaart op het platteland van Belgisch Brabant (15de—18de eeuw) // AAG Bijdragen, 28 (1986). P. 165—84; VandenBroeke C. Vlaamse koopkracht, gisteren, vandaag en morgen. Leuven, 1984.

[28] De Vries J. The Dutch rural economy in the golden age. New Haven; London, 1974. P. 35—67.

[29] Более детальная характеристика данных источников содержится в работах: Berg W.J. van den, Zanden J.L. van. Op. cit. P. 203—208; Zanden J.L. van. Income and wealth inequality in Holland, 1500—1800 // Zanden J.L. van,

Soltow L. Income and wealth inequality in the Netherlands, 16th—20th centuries. Amsterdam: Het Sponhius, 1998.

[30] По Амстердаму полная информация для 1732 г. была доступна только по 43 из 60 районов.

[31] Подробный анализ положения (аграрной) Голландии в XVI—XVIII вв. дан Де Вриесом (De Vries J. The Dutch rural economy in the golden age.).

[32] См.: Zanden J.L. van. Income and wealth inequality in Holland, 1500—1800. Эту статью см в: Zanden J.L. van, Soltow L. Income and wealth inequality in the Netherlands, 16th—20th centuries.

[33] Tracy J.D. Holland under Habsburg rule, 1506—1566. Berkeley, 1990. P. 24—31; De Vries J. The Dutch rural economy... P. 86—89.

[34] Soltow L. Income and wealth inequality... P. 74.

[35] Ibid. P. 76.

[36] См.: Riley J.C. The Dutch economy after 1650: decline or growth? // Journal European Economic History. 1984. Vol. 8. P. 552—560.

[37] См., например: Jansen P.C. Poverty in Amsterdam at the close of the eighteenth century // Acta Historiae Neerlandicae. 1978. Vol. X. P. 98—116.

[38] Оценки роста среднедушевого ВВП содержатся в: Zanden J.L. van. Economic growth during the golden age: the development of the economy of Holland, 1500—1650 // Economic and Social History in the Netherlands. 1992. Vol. 4. P. 5—26.

[39] Soltow L. Long-run changes in British income inequality // Economic History Review. 2-nd ser., XXI. 1968. P. 17—29.

[40] Lindert P.H., Williamson J.G. Reinterpreting Britain's social tables, 1688—1913 // Exploration in Economic Histtory. 1983. Vol. 20. P. 102.

[41] Kuznets S. Op. cit.; см. также: Kaelble H., Thomas M. Op. cit. P. 9—14.

[42] Обзор обсуждений этого вопроса членами Немецкой исторической школы дан Р.Дамке: Dumke R. Income inequality and industrialization in Germany, 1850—1913: the Kuznets hypothesis re-examined // Income distribution in historical perspective / Ed. by Y.S.Brenner et al. Cambridge, 1991. P. 118—25.

[43] Общий обзор этих процессов см. в: Lis C., Soly H. Poverty and capitalism in pre-industrial Europe. Hassocks, 1979.

[44] Свидетельство концентрации капитала в Голландии дается Клейном: Klein P.W. De heifing van de 100e en 200e penning van het vennogen te Gouda // Econimisch- en Sociaal-historisch Jaarboek. 1967. Vol. 31. S. 31, 41—63. Подробное обсуждение этих процессов см. в: Zanden J.L. van. Income and wealth inequality

[45] См., например: Abel W. Agrarkrisen und Agrarkonjunktur. Hamburg; Berlin, 1966. (Данные имеются для Германии, Франции, Австрии и Англии.)

[46] Brown H.P. and Hopkins S.V. A perspective of wages and prices (1981); Söderberg J. Real wage trends in urban Europe, 1730—1850: Stockholm in a European perspective // Socical History. 1987. Vol. 12. P. 155—76.

[47] Parenti G. Prime ricerche sulla rivoluzione del prezzi in Firenze. Florence, 1939.

[48] Noordegraaf L. Hollands welvaren? Bergen, 1985.

[49] De Vries J. Between purchasing power and the world of goods // Consumption and the world of goods / Ed. by J.Brewer and R.Porter. London; New Jork: Rauteedge, 1993. P. 85—133.

[50] Fischer W. Rural industrialization and population change // Comparative Studies in Society and History. 1973. Vol. 15. P. 158—170.; Lucassen J.

Beschouwingen over seizoengebonden trekarbeid // Tijdschrift voor Sociale Geschiedenis. 1982. Vol 8. P. 338—340; Slicher van Bath B. H. Een samenleving onder spanning. Assen, 1957; Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J. Industrialisierung vor der Industrialisierung. Göttingen, 1978. P. 171—5; Ladurie E. le R. The peasants of Languedoc. Urbana, 1974; Macardle F. Altopascio. Cambridge, 1978. P. 116—118.

[51] См.: De Vries J. The Dutch rural economy...; Zanden J.L. van. The transformation of European agriculture in the nineteenth century: the case of the Netherlands. Amsterdam, 1994. P. 7—10; Jacquart J. La crise rural en Ile-de-France, 1550—1670. Paris, 1967; новый, критический взгляд на связь между ростом производительности в сельском хозяйстве и возвышением крупных ферм содержится в работе: Allen R.C. The two English agricultural revolutions // B.M.S.Campbell, M.Overton, eds. Land, labour and livestock. Manchester, 1991. P. 236—254.

[52] Оценки динамики пролетаризации даны Тилли: Tilly C. The demographic origins of the European proletariat // Proletarianization and family history / Ed. by D.Levine. Orlando, 1984. P. 36.

[53] Allen R.C. Enclosure and the yeoman. Oxford, 1992. P. 283—302.

[54] См., например: Williamson J.G. The structure of pay in Britain, 1710—1911 // Res. Econ. Hist. 1982. Vol. 7. P. 1—2.

[55] Kaelble H., Thomas M. Op. cit. P. 8.

[56] Wlliamson J.G. Did British capitalism...

[57] Brown P.H., Hopkins S.V. Op. cit. P. 9—10; De Vries J. The labour market // Econimic Social History in the Netherlands. 1992. Vol. 4. P. 62, 73.

[58] Williamson J. G. The structure of pay...

[59] Pribram A.F. Materialien zur Geschichte der Preise und Lohne in Österreich. Vienna, 1938.

[60] Jansson A., Andersson Palm L,. Söderberg J. Dagligt bröd i onda tider. Götene, 1991. P. 194.

[61] Этот аспект описан более подробно в: Zanden J.L. van. Income and wealth inequality.

Дискуссии

*Б.Н.Миронов**

Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным

В отечественной историографии нет исследований, в которых бы использовался антропометрический подход к социально-экономической истории России. Между тем, как показывает опыт наших зарубежных коллег, такой подход открывает новые горизонты в понимании динамики благосостояния россиян, так же как и экономического развития страны. Как установлено современной наукой, средний рост людей до момента достижения полной физической зрелости зависит от биологического уровня их жизни, или *биологического статуса,* т. е. от питания, перенесенных болезней, интенсивности и условий работы, медицинского обслуживания, жилищных условий, психологического комфорта, климата, воды, воздуха и других факторов среды[1]. Генетический фактор имеет большое значение для роста отдельного человека, но генетические различия теряют свое значение, когда измеряются массы людей и сравниваются средние величины роста, а не его индивидуальные значения. То же и на уровне целых народов: различия в росте определяются не их этнической или расовой принадлежностью, а условиями существования[2]. «Рост представителей определенной группы людей можно считать историческим показателем, свидетельствующим как о количестве и качестве потребляемых в юности продуктов питания, так и о жизненных условиях, существовавших в данное время»[3].

С биолого-экономической точки зрения, человек до достижения полной физической зрелости превращает потребленные продукты в энергию, которая затем расходуется на различные нужды — на поддержание жизнедеятельности организма, работу, учебу, сексуальные отношения, спорт, борьбу с инфекциями, болезнями и т. п., а *чистый остаток* энергии от питания преобразует в рост и при избытке питания — в вес. После достижения полной физической зрелости, которая у мужчин обычно наступает к 25 годам, а у женщин — несколько раньше, длина тела уже не изменяется[4], при понижении биологического статуса происходит снижение веса, а при повышении — его увеличение. Потенции для роста, заложенные в генах человека, полностью реализуются лишь

* Миронов Борис Николаевич — доктор исторических наук (С.-Петербургский государственный университет).

при благоприятных условиях среды, и, наоборот, при продолжительной и суровой депривации происходит задержка роста, которая может, по крайней мере частично, компенсироваться более быстрым увеличением длины тела в другие, благоприятные периоды[5]. Для роста человека особенно важны 1-й, 6—8-й, 13—15-й годы жизни, называемые критическими возрастами, когда он особенно чувствителен к действиям угнетающих и благоприятствующих росту факторов[6].

Таким образом, рост 25-летнего мужчины определяется биологическими условиями существования в течение 25 лет и 9 месяцев, включая утробный период развития, и в определяющей степени зависит от *чистой* разницы между потребленной энергией от питания и израсходованной энергией на абсолютно все потребности в течение всей предшествующей жизни, другими словами, рост отражает *историю чистого потребления*[7]. Отсюда не следует, что длина тела определяется исключительно чистым потреблением, что чистое потребление реализуется только через длину тела. Имеются данные, которые позволяют предположить, что масса тела является важным показателем биологического статуса не только после, но и до достижения полной зрелости[8], что инфекционные заболевания воздействуют на длину тела независимо от питания, другими словами, не обязательно чаще поражают тех, кто меньше ростом и, значит, хуже питается[9]. Однако в ряду факторов, влияющих на длину тела, чистое потребление является решающим фактором. Из этой парадигмы следует, что высокие люди, взрослые и дети, *в массе* своей лучше питались, имели лучший уход, меньше болели и т. д., т. е. в *массе* обладали более высоким биологическим статусом, чем люди с низким ростом.

Данные о длине тела могут отражать также и динамику биологического статуса населения, или, как говорят статистики, вековые тенденции в его изменении, если мы располагаем большими сериями данных. Это требует некоторого пояснения. Если, по определению, рост 20-летних мужчин является результатом изменения их биологического статуса в течение 20 лет — всей предшествующей жизни, то о чем говорит, например, изменение среднего роста новобранцев, принятых на службу в 1877 г., сравнительно с теми, кто принят в 1876 г.? В 1877 г. средний рост 20-летних новобранцев равнялся 1663 мм, а в 1876 г. — 1662 мм. Рост 1877 г. являлся итоговым результатом условий жизни в 1857—1876 гг., а рост 1876 г. — в 1856—1875 гг. Но первый 20-летний период, 1857—1876 гг., и второй 20-летний период, 1856—1875 гг., различаются только двумя годами — 1856 г. и 1876 г. Какой же из этих двух лет более важен для роста людей, родившихся в 1856 г. и 1857 г., — 1856 или 1876? Без сомнения 1856 г., так как 1856-й календарный год является *первым годом жизни* для поколения, родившегося в 1856 г., а 1876 г. — *двадцатым годом жизни* для поколения, родившегося в 1857 г. Как указывалось выше, для роста человека первый год жизни является критическим и потому имеет во много раз большее значение, чем двадцатый год, так как именно на первом

году происходит наибольшее прибавление роста. Следовательно, разница в росте новобранцев 1877 и 1876 годов рождения, равная 1 мм, объясняется главным образом условиями жизни в 1856 г., и, сравнивая средний рост поколения 1876 и 1877 годов рождения, мы оцениваем значение именно 1856 г. для биологического статуса населения.

Таким образом, историк имеет возможность следить за *изменениями роста и условий жизни во времени*, а при наличии большого количества данных — даже за ежегодными изменениями. Наиболее удобно интерпретировать последовательные данные о длине тела, будь то годичные данные (1874 г., 1875 г., 1876 г. и т. д.), или средние 5-летние данные (1874—1878 гг., 1879—1883 гг., 1884—1888 гг. и т. д.), или средние 10-летние данные (1874—1883 гг., 1884—1893 гг., 1894—1903 гг. и т. д.), а также наиболее удобно сравнивать данные, не пересекающиеся, но отстающие друг от друга на интервал, равный возрасту новобранцев, в нашем случае 1874 г. с 1894 г., 1894 г. с 1904 г., поскольку тогда результаты получаются более точными. Разумеется, историки никогда не могут провести свой «эксперимент» столь же корректно, как физики или биологи, и поэтому определенная условность в результатах анализа присутствует. С этим приходится мириться как с неизбежным злом.

Следует иметь в виду, что биологический статус не является синонимом благосостояния и уровня жизни, так как для длины тела безразлично, в автомобиле какой марки ездит человек, во дворце или комфортабельной квартире он живет, питается изысканной или просто хорошей пищей. Но статус в существенной степени определяется уровнем жизни или доходом, что позволяет делать выводы о динамике благосостояния народа и национальном доходе страны по изменению средней длины тела ее граждан[10]. Расчеты показывают, что средняя длина людей в данной стране примерно на 67—77% определяется национальным доходом на душу населения[11]. Кроме того, для слабо- или среднеразвитых стран поддержание биологического статуса поглощает бóльшую часть доходов населения, что еще больше увеличивает связь между благосостоянием и биологическим статусом. Именно установление тесной связи между уровнем экономического развития государства, оцениваемого как национальный доход на душу населения, и размерами тела его граждан вывело антропометрические исследования из рамок традиционной антропологии в широкий мир экономической и социальной истории и сделало подобные исследования важным направлением в западной историографии, которое получило название антропометрической истории[12].

Согласно самым ранним и надежным бюджетным российским обследованиям 1877—1883 гг. (в это время образ жизни деревни заметно изменился по сравнению с первой половиной XIX в. в сторону увеличения и диверсификации потребностей), крестьяне, занятые преимущественно земледелием, расходовали на поддержание биологического статуса около 54% своих доходов (в том числе

на питание — 40%, на одежду и жилище — 14%), а занятые главным образом кустарными промыслами — 78% (на питание — 60%, на одежду и жилище — 18%)[13].

Разумеется, никто не станет возражать против использования антропометрических данных для периодов, плохо или вовсе не обеспеченных прямыми данными о благосостоянии населения — о реальной заработной плате, потреблении населения и др. Но зачем обращаться к антропометрическим данным сталинского времени, если начиная с 1922 г. Центральное статистическое управление (ЦСУ) регулярно проводило бюджетные обследования, которые содержали прямые данные об уровне благосостояния рабочих, служащих и крестьян? Для этого имеется несколько важных причин. Во-первых, антропометрические сведения универсальнее и элементарнее бюджетных, их легче сравнивать, если они относятся к разным годам, в то время как бюджетные данные нуждаются в поправках на изменение цен и структуры потребления. Во-вторых, никогда не вредно привлечь к анализу наряду со старыми новые источники и проверить надежность тех и других. В-третьих, бюджетные обследования дают данные о потреблении, а антропометрические — о результатах потребления — о росте и весе, т. е. бюджетные и антропометрические данные находятся в отношении причины и следствия — сравнение причины и следствия чрезвычайно плодотворный прием, повышающий надежность анализа. В-четвертых, антропометрические данные позволяют посмотреть на положение людей в новом ракурсе, так как данные отражают не только потребление продуктов питания, но и расход полученной из них энергии на работу, борьбу с болезнями и на другие потребности людей, т. е. данные оценивают биологический статус населения, показывают баланс между потреблением и расходом энергии — то, что ни бюджет, ни зарплата, ни доход не учитывают. Наконец, антропометрические данные намеренно не фальсифицировались, что нельзя с уверенностью сказать о бюджетных данных сталинской эпохи.

Материалы и методика их обработки

Мы располагаем сведениями о длине тела мужчин из среды городских жителей, измеренных в 1974 г. антропологами, и о росте и весе новорожденных мальчиков за 1916—1957 гг. Данные, характеризующие изменения роста городского населения России, получены в ходе обследования, проведенного исследователями из Московского университета в 1974 г. Базы данных содержали 11135 измерений лиц в возрасте от 18 до 60 лет, которые в момент обследования работали в промышленности. На основе этих сведений построен динамический ряд размеров тела для мужчин 1916—1957 годов рождения.

Использование антропометрических данных, полученных в ходе исследования за один год, для реконструкции динамики роста за много лет — это стандартная процедура в антропометрии, многократно проверенная учеными из разных стран для разных

эпох. В антропометрии принято также считать, что сокращение со временем численности какой-либо когорты населения, то есть родившихся в один год, вследствие вымирания не ведет к сколько-нибудь существенному искажению данных роста.

Необходимо сделать одну оговорку. В мирное время средний размер тела у лиц, принадлежавших одной когорте, в возрасте от 20 до 50 лет был стабильным, а после 50 лет медленно и слегка уменьшается. Другими словами, если измерить людей в возрасте 20 лет в 1950 г., затем тех же людей, точнее оставшихся в живых, измерить в 1960, 1970 и 1980 гг., то их средний рост будет одинаковым. Однако война изменяла положение, и тем серьезнее, чем больше были военные потери. Вследствие гибели огромного числа здоровых и, как правило, выше среднего роста мужчин, средняя длина тела оставшихся в живых оказывалась меньше длины тела погибших, и, следовательно, средний рост тех, кто пережил войну, был меньше среднего довоенного роста всех людей данного года рождения. Например, москвичи 1898—1909 годов рождения по результатам обследования 1927 г. имели средний рост 1655 мм, а по послевоенному обследованию 1957 г. — 1648 мм, т. е. на 7 мм меньше[14]. Ввиду этого использование данных, полученных после войны, для оценки роста мужчин, достигших физической зрелости до войны, дает хорошие результаты для мирного времени, не прерываемого большой войной; качество же реконструкции размеров тела в довоенное время по данным послевоенного обследования зависит от масштабов военных потерь и характера динамики роста в послевоенный период.

В нашем случае, однако, можно надеяться на хорошие результаты реконструкции, потому что вследствие войны рост воевавшей когорты уменьшился в существенно меньшей степени по сравнению с увеличением роста населения в послевоенные годы: если судить по москвичам, рост воевавшей когорты уменьшил на 8 мм, в то время как рост москвичей с 1916—1920 по 1951—1955 гг. увеличился на 45 мм.

В качестве дополнительных данных к анализу привлечены сведения о росте 4 тысяч новорожденных в Москве за 1916—1957 гг. Они охватывают мальчиков, рожденных русскими женщинами, поступивших в клинику в течение января—марта каждого года с нормальными срочными родами, закончившимися рождением одиночного нормального доношенного ребенка. В среднем на год приходилось от 50 до 100 наблюдений; ошибка выборочной средней при уровне значимости 0,01 по росту колебалась от 1,4 до 2,2 мм, по весу — от 41 до 59 г. По социальному составу пациенты были достаточно однородны — рабочие, прислуга, служащие[15]. Если данные о росте взрослых людей характеризуют преимущественно долгосрочные тенденции в динамике биологического статуса, то данные о росте новорожденных отражают краткосрочные изменения, поэтому они существенно дополняют друг друга.

Пока невозможно включить в исследование массовые данные о длине тела новобранцев. После 1917 г. сведения об их росте со-

бирались местными военкоматами, но не представлялись в Министерство обороны (до 1946 г. в Военный и Морской наркомат), возможно, потому, что сразу после Октябрьской революции ростовые цензы при наборе в армию были отменены. Законы о всеобщей воинской обязанности 1925, 1928, 1930, 1939 и 1967 гг. ростовой ценз также не установили[16]. Однако медицинские комиссии, проверявшие здоровье новобранцев, рост измеряли, и эти данные сохранились как в центральных военных архивах, так и на местах, в архивах военкоматов. В 1925—1935 гг. возрастной ценз равнялся 21 году к 1 января года призыва, с 1936 г. — 19 лет, с 1967 г. — 18 лет ко дню призыва.

Результаты и их обсуждение

Данные о длине тела представлены в Таблице 1 и на Рисунке 1. Прежде чем обратиться к их анализу, необходимо сделать одно важное для понимания дальнейшего текста пояснение. *Данные о росте привязываются к году рождения* по двум причинам: в случае привязки роста к году измерения данные трудно анализировать, ибо люди одного года рождения измерялись в разном возрасте; при последовательном, год за годом или пятилетие за пятилетием, сравнении ростовых данных решающим для роста оказывается первый год жизни, то есть год рождения. Поэтому когда мы, например, говорим, что с 1921—1925 по 1951—1955 гг. прибавка роста у рабочих составила 47 мм, это означает, что рабочие 1951—1955 годов рождения были на 47 мм выше рабочих 1951—1955 годов рождения. Или если мы говорим, что в 1920—1965 гг. средний рост рабочих повышался, это означает, что рост рабочих, родившихся в 1920—1924 гг., был ниже роста рабочих, родившихся в 1960—1964 гг.

Таблица 1

Средний рост российских мужчин-горожан 1916—1957 годов рождения по данным измерения в 1974 г.

Год рождения	Возраст при измерении	Величина выборки	Длина тела, см	s, см	m, см	(1)	(2)
1916	59	61	167,03	5,36	1,345	0,48	0,49
1917	58	71	166,68	5,23	1,217	0,34	0,84
1918	57	72	167,19	5,84	1,349	0,39	0,38
1919	56	80	167,01	5,35	1,172	0,18	0,18
1920	55	86	167,71	5,24	1,107	0,13	0,71
1921	54	91	168,04	5,45	1,120	0,01	0,02
1922	53	123	168,04	5,46	0,965	0,81	1,65
1923	52	134	166,62	5,83	0,987	0,28	0,74
1924	51	174	167,20	5,23	0,777	0,01	0,44
1925	50	192	167,01	5,96	0,843	0,23	0,29

Год рождения	Возраст при измерении	Величина выборки	Длина тела, см	s, см	m, см	(1)	(2)
1926	49	230	166,82	5,7	0,737	0,21	0,02
1927	48	296	167,56	5,95	0,678	0,08	0,26
1928	47	345	167,37	5,49	0,579	0,15	0,49
1929	46	346	167,37	5,52	0,582	0,07	0,46
1930	45	326	167,56	5,65	0,613	0,08	0,30
1931	44	336	166,89	6,31	0,675	0,40	1,08
1932	43	312	167,69	5,76	0,639	0,29	0,00
1933	42	230	167,08	5,64	0,729	0,04	0,07
1934	41	246	167,45	5,55	0,694	0,08	0,11
1935	40	292	168,02	5,73	0,657	0,05	0,02
1936	39	271	168,24	5,89	0,701	0,13	0,39
1937	38	394	169,18	5,57	0,550	0,01	0,44
1938	37	385	169,39	5,32	0,531	0,04	0,15
1939	36	365	168,73	5,83	0,598	0,01	0,48
1940	35	370	168,81	5,90	0,601	0,06	0,00
1941	34	365	168,47	5,92	0,607	0,05	0,43
1942	33	240	168,55	649	0,821	0,30	0,11
1943	32	163	170,46	6,36	0,976	0,09	0,03
1944	31	158	169,62	6,33	0,987	0,02	0,73
1945	30	195	170,39	5,61	0,787	0,08	0,34
1946	29	234	170,75	6,11	0,783	0,03	0,07
1947	28	274	170,55	5,69	0,674	0,20	0,19
1948	27	328	171,31	6,09	0,659	0,15	0,05
1949	26	368	171,14	6,13	0,626	0,03	0,04
1950	25	364	171,63	6,04	0,620	0,12	0,11
1951	24	461	171,35	6,00	0,548	0,10	0,14
1952	23	455	171,03	6,01	0,552	0,18	0,10
1953	22	473	171,33	5,97	0,538	0,23	0,43
1954	21	365	171,48	6,09	0,625	0,14	0,01
1955	20	177	172,61	6,06	0,893	0,62	0,16
1956	19	268	171,78	5,62	0,673	0,35	0,05
1957	18	419	172,42	5,97	0,572	0,11	0,06

Пояснение:

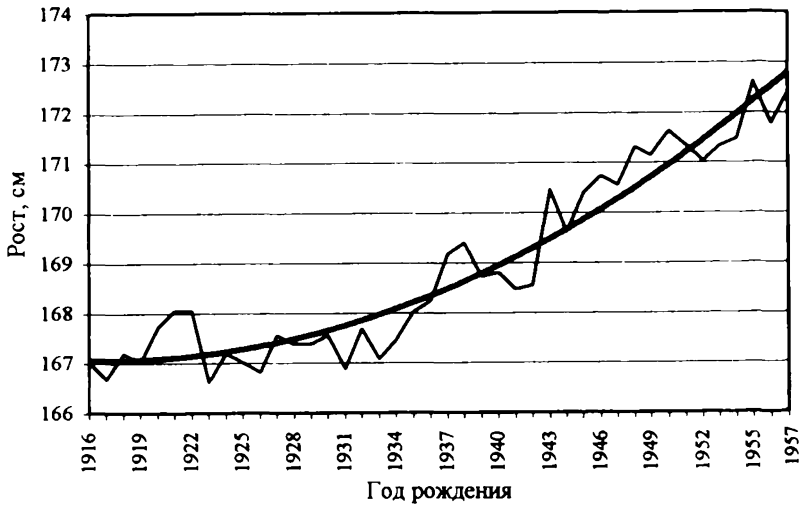
s — стандартное отклонение; m — ошибка выборочной средней при уровне значимости 0,05;

(1) — коэффициент асимметрии; (2) — коэффициент эксцесса.

Источники: Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Куршакова Ю.С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978. С. 71—99; Пурунджан А.Л. Географическая изменчивость антропометрических признаков на территории СССР // Там же. С. 108—116.

Рисунок 1

Рост рабочих, рожденных в 1916—1957 гг.



Основываясь на годовых данных и графике (см. Рисунок 1), можно сказать, что в течение всего исследуемого периода и определенно с 1923 г. изменение длины тела в основном подчинялось повышательной тенденции, хотя и часто прерываемой. Построение тренда с помощью уравнения прямой хорошо иллюстрирует эту повышательную тенденцию. О том же говорят и средние пятилетние данные о длине тела (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Средний рост российских мужчин-горожан в 1916—1955 гг. (в годы рождений)

Год рождения	Возраст при измерении	Величина выборки*	Длина тела, см	Средняя ошибка выборки, см
1916—1920	57	74 (61—86)	167,124	1,238
1921—1925	52	143 (91—192	167,382	0,938
1926—1930	47	309 (230—326)	167,336	0,638
1931—1935	42	283 (230—336)	167,426	0,679
1936—1940	37	357 (271—394)	168,870	0,596
1941—1945	32	224 (163—365)	169,498	0,836
1946—1950	27	314 (234—368)	171,076	0,672
1951—1955	22	386 (177—473)	171,560	0,631

Примечание: * первая цифра показывает среднюю величину 5 выборок; в скобках — число наблюдений в минимальной и в максимальной выборке.
Источники: подсчитано по данным Таблицы 1.

Едва заметное (0,5 мм) уменьшение роста у рабочих 1926—1930 годов рождения может объясняться ошибкой выборки. Тренд, построенный на основе 7-летней или 9-летней скользящей средней, позволяет выделить два периода: (1) до середины 1930-х гг. — период стагнации длины тела и (2) 1936—1955 гг. — период медленного увеличения роста мужчин. Таким образом, какой бы метод ни применять, понижательная тенденция не проявляется. Однако нет оснований говорить и об устойчивом, непрерывном улучшении биологического статуса городского населения 1916—1955 годов рождения, поскольку длина тела и при повышательной тенденции в отдельные годы понижалась.

У москвичей небольшое увеличение длины тела наблюдалось и у поколений, родившихся до середины 1930-х гг., но затем оно резко ускорилось. В отношении же всех городских жителей для периода между 1916 и 1935 гг., в лучшем случае, можно говорить о стагнации, но затем повышение началось и у них. Однако и тогда сохранялись заметные колебания от года к году, так что при общей повышательной тенденции в отдельные годы длина тела понижалась.

О неустойчивости биологического уровня жизни в 1920-е — 1930-е гг. красноречиво говорят сведения о росте и весе новорожденных и детей в Москве и Ленинграде (см. Таблицы 3 и 4, Рисунки 2 и 3).

Таблица 3

Длина тела и вес новорожденных мальчиков 1916—1957 годов рождения в Москве

Год рождения	Рост, мм	Вес, г	Год рождения	Рост, мм	Вес, г	Год рождения	Рост, мм	Вес, г
1916	524	3575	1930	**521**	**3520**	1944	**509**	**3410**
1917	529	3650	1931	**519**	**3490**	1945	511	**3330**
1918	**527**	**3540**	1932	**517**	**3480**	1946	512	3350
1919	**526**	**3400**	1933	518	**3400**	1947	513	3360
1920	534	3530	1934	**506**	**3390**	1948	514	3480
1921	**533**	3545	1935	515	3540	1949	515	**3400**
1922	**532**	3525	1936	**512**	**3450**	1950	**512**	**3390**
1923	**531**	3500	1937	**509**	**3270**	1951	**511**	3445
1924	534	3520	1938	509	3405	1952	514	3450
1925	**531**	3525	1939	509	3490	1953	518	3540
1926	538	3625	1940	520	3510	1954	520	**3455**
1927	**534**	**3595**	1941	**512**	3520	1955	**519**	**3450**
1928	**529**	**3575**	1942	**510**	**3460**	1956	**515**	3570
1929	**524**	**3540**	1943	**508**	**3425**	1957	519	**3450**

Примечание: полужирным шрифтом отмечено снижение роста и веса по сравнению с предыдущим годом.

Источники: Никитюк Б.А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет // Вопросы антропологии. Вып. 42 (1972). С. 78—94 (показатели роста и веса получены по графику, приведенному в тексте

статьи). Б.А.Никитюк дает доверительные интервалы не по годам, а в суммарном виде: благодаря увеличению численности выборки, с 1895—1910 гг. по 1960—1969 гг. доверительный интервал при уровне надежности 0,95 для средней выборочной роста уменьшился с 0,39 см до 0,24 см, для средней выборочной веса — с 67,05 г до 58,16 г (с. 81).

Рисунок 2

Рост новорожденных москвичей в 1916—1957 гг.

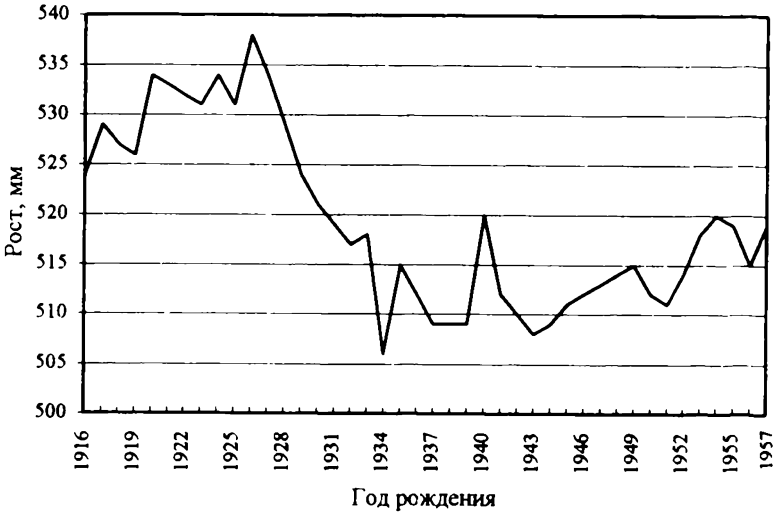
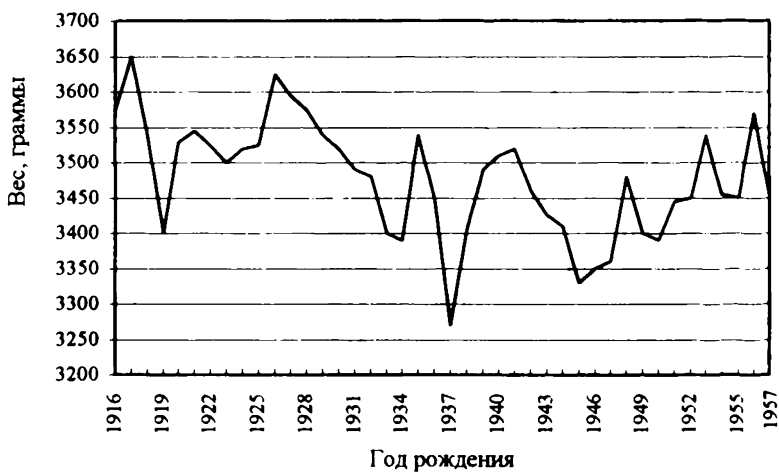


Рисунок 3

Вес новорожденных москвичей в 1916—1957 гг



Эти данные чрезвычайно показательны. Во-первых, размеры тела и вес отдельного новорожденного еще в большей степени, чем рост и вес ребенка или подростка, зависят от краткосрочных изменениях внешней среды (в данном случае — от состояния материнского организма), а не от генотипа[17]. Во-вторых, жители Москвы и Ленинграда в советское время находились в привилегированном, сравнительно с другими городами страны, положении в отношении зарплаты, медицинского обслуживания и снабжения продуктами питания. Тем не менее и в Москве даже к середине 1950-х гг. показатели роста и веса новорожденных были ниже, чем накануне «великого перелома», а в отношении веса новорожденных — ниже, чем до революции. Рост и вес новорожденных существенно колебались по годам, отражая колебания и физиологического статуса их матерей: за 42 года, с 1916 по 1957 гг., длина тела 23 раза понижалась по сравнению с предыдущим годом и 19 раз повышалась, а вес — соответственно 24 и 18 раз. Надо также иметь в виду, что в некоторые годы, в периоды самых резких кризисов (например, в 1933 г.), вообще рождалось меньше детей или, родившись, они умирали, не попав в регистрацию, причем это с большей вероятностью затрагивало матерей с наиболее низким физиологическим статусом. В результате происходило некоторое искусственное завышение средних показателей для рожденных и зарегистрированных детей.

При всех колебаниях показателей на графиках заметны периоды, когда рост и вес имели повышательную тенденцию, что, по-видимому, было связано с общим улучшением экономической ситуации в стране (в середине 1920-х и во второй половине 1930-х гг., а также после Второй мировой войны). Видны и периоды явного ухудшения (конец 1920-х — начало 1930-х гг., Вторая мировая война). Но некоторые повороты кривых объяснить сложнее. Таковы, в частности, увеличение длины тела новорожденных между 1916 и 1926 гг. или резкое падение их веса в 1937 г. Общая же тенденция — это снижение показателей примерно до середины 1940-х годов и медленный рост после этого. Но самые высокие показатели середины 1920-х гг. даже к середине 1950-х так и не были достигнуты.

Помимо антропометрических данных, относящихся к новорожденным, в нашем распоряжении имеются данные, правда менее полные, о росте и весе 4—7-летних детей в Москве и Петрограде/Ленинграде (Таблица 4 и Рисунки 4, 5).

Таблица 4

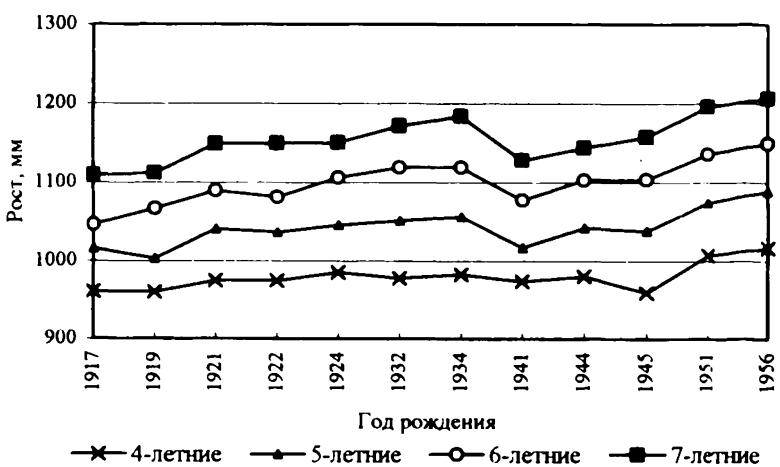
Длина тела и вес 4—7-летних мальчиков 1917—1956 годов рождения в Москве и Петрограде/Ленинграде

Год рождения	4-летние		5-летние		6-летние		7-летние	
	рост, мм	вес, кг	рост, мм	вес, кг	рост, мм	вес, кг	рост, мм	вес, кг
1917	961	15,2	1016	15,9	1046	18,3	1109	19,8
1919	960	15,7	1003	16,5	1066	18,9	1112	20,1
1921	975	15,5	1040	17,4	1089	18,5	1149	21,0
1922	975*	15,4*	1036*	17,1*	1081*	18,6*	1150*	20,9*
1924	985	15,9	1045	17,4	1106	18,9	1151	21,1
1932	978*	15,4*	1051*	17,4*	1119*	19,5*	1172*	21,4
1934	983	15,9	1056	17,9	1119	19,8	1184	22,1
1941	974	16,2	1017	16,9	1077	18,8	1128	20,4
1944	980	16,0	1042	17,4	1103	19,1	1144	20,9
1945	959*	15,4*	1038*	17,1*	1104*	19,4*	1158*	21,3*
1951	1007	16,5	1074	18,4	1136	20,5	1196	22,9
1956	1016*	16,7*	1088*	18,7*	1150*	20,9*	1207*	23,0*

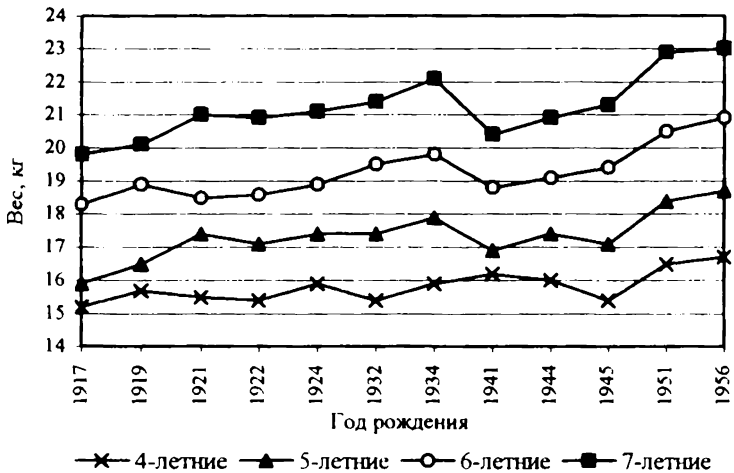
Примечание: *данные по Петрограду/Ленинграду; остальные — по Москве.
Источники: Властовский В.Г. Акцелерация роста и развитие детей. М., 1976. С. 39—40. Автор не приводит ни доверительных интервалов, ни данных, которые позволили бы их вычислить.

Рисунок 4

Рост мальчиков дошкольного возраста, родившихся в 1917—1956 гг. в Москве и Петрограде/Ленинграде



Вес мальчиков дошкольного возраста, родившихся в Москве и Петрограде/Ленинграде в 1917—1956 гг.



Данные Таблицы 4 и графики на Рисунках 4 и 5 не улавливают всех колебаний показателей рост и веса детей, так как сведения имеются не за все годы. Но общая тенденция все же ясна: чередование увеличения и снижения роста и веса детей дошкольного возраста между 1917 г. и серединой 1940-х гг. и довольно уверенный рост во второй половине 1940-х и в 1950-е гг.

Сравнивая показатели 1950-х и 1930-х гг., следует иметь в виду большие различия в детской смертности. В конце 1930-х гг. даже в Ленинграде до 7-летнего возраста не доживало более 23% родившихся[18], а это значит, что ослабленные дети, среди которых всегда много детей, родившихся с низким ростом и весом, «отбраковывались» высокой смертностью, а антропометрические показатели исчислялись для оставшихся, более жизнеспособных. К концу 1950-х гг. положение изменилось. До 7-летнего возраста не доживало менее 6% родившихся в городах СССР мальчиков[19], а в Москве и Ленинграде — и того меньше. Выживали и доживали до 4—7 лет, стало быть, и многие из тех, кто родился с пониженным ростом и весом, что не могло не замедлять рост антропометрических показателей у детей дошкольного возраста.

Таким образом, несмотря на колебания, динамика роста и веса новорожденных в 1916—1943 гг. подчинялась понижательной тенденции. В противоположность этому, динамика роста и веса 4—7-летних москвичей (за исключением 1934—1941 гг.), так же как и изменение финальной длины тела, демонстрирует стабильно-повышательную тенденцию. Как это могло сочетаться? Можно предложить две гипотезы для объяснения этого парадоксального

явления: (1) колебания физиологического статуса позволяли в хорошие годы компенсировать депривацию, имевшую место в плохие годы; (2) интенсивная повышательная фаза физиологического статуса с середины 1940-х гг. позволила лицам, рожденным в 1931—1945 гг., с избытком компенсировать лишения, испытанные ими в раннем возрасте, в ходе так называемого пубертатного скачка роста, происходящего между 12,5 и 15,5 годами жизни. Обе гипотезы связаны с компенсаторным, или наверстывающим, увеличением длины тела[20].

Еще более парадоксальным кажется наблюдение об увеличении длины тела и, следовательно, о повышении биологического статуса городских промышленных рабочих начиная с родившихся во второй половине 1930-х гг. Хотя этим поколениям не пришлось пройти через тяжелейшие испытания Гражданской войны, голода 1921 и 1933 гг., 1940-е гг. принесли им не менее суровые испытания. Естественным образом возникает вопрос: за счет чего происходило повышение биологического статуса поколений, родившихся в этот период?

Теперь мало осталось историков, которые верили бы официальной статистике того времени о непрерывно и быстро растущем благосостоянии народа. В России все больше скепсиса высказывается относительно достижений советской власти в области улучшения качества жизни, и только твердые сторонники социалистической идеи считают эти достижения неоспоримыми[21]. Однако ни одна сторона не приводит принципиально новых и достоверных данных, которые бы подтвердили ее точку зрения. Западные исследователи, как правило, держатся золотой середины, считая, что определенные успехи в повышении качества жизни при советской власти были сделаны, в особенности в послевоенный период, но эти достижения не обеспечили прорыва в этой области, вследствие чего сильное, в 2—3 раза, отставание от развитых европейских стран по уровню потребления не было преодолено и в 1980-е гг. и перспективы к этому отсутствовали[22]. Все, однако, вынужденно полагаются преимущественно на официальные данные за неимением других и частично на опросы эмигрантов[23]. Оба источника, к сожалению, недостаточно объективны.

Итак, увеличение роста взрослых мужчин, роста и веса новорожденных и детей дошкольного возраста начиная со второй половины 1930-х гг. налицо. Так, прибавка роста взрослых мужчин, родившихся в 1951—1955 гг., по сравнению с теми, кто родился на 20 лет раньше, в 1931—1935 гг., составила для всех горожан 38 мм, а для москвичей — даже 45 мм. Как это могло произойти в условиях непрерывного давления государства на жизненный уровень населения?

Вопрос чрезвычайно сложный; я позволю предложить следующее *предварительное* объяснение. В 1920-е — 1950-е гг. произошло увеличение если не общего, то, по крайней мере, душевого дохода семьи за счет внутренних резервов семьи, а также и за счет внешних источников:

во-первых, за счет сокращения расходов, связанных с рождением и воспитанием детей, вследствие уменьшения рождаемости;

во-вторых, за счет уменьшения затрат, связанных с заболеваемостью, общей и детской смертностью, вследствие резкого сокращения той, другой и третьей — здесь государство предприняло большие усилия и взяло инициативу за себя, но затраты легли, конечно, на плечи трудящихся;

в-третьих, за счет того, что значительное число ранее не работавших или не в полную меру работавших женщин пошли работать за зарплату или жалованье, поскольку спрос на рынке труда был огромный, а при уменьшении числа детей и сильно возросли возможности отдать их в ясли, детские сады и в школы;

наконец, за счет более равномерного распределения материальных благ как между разными стратами общества, так и внутри страт.

Перечисленные возможности открылись главным образом благодаря переходу от традиционного к современному типу воспроизводства населения, произошедшему в СССР в основных чертах в 1920—1961 гг., с большим опозданием от западно-европейских стран, где он в начале XX в. уже завершился. В процессе этого перехода сократилась рождаемость (главным образом за счет внутрисемейного регулирования), существенно уменьшилась смертность за счет коренного изменения в причинах смерти (резко снизилась смертность от инфекционных заболеваний) и в конечном итоге установился современный, т. е. более рациональный и экономичный, тип воспроизводства населения. Динамика коэффициентов рождаемости хорошо показывает, как происходил демографический переход (см. Таблице 5).

Таблица 5

Общий коэффициент рождаемости населения СССР за 1918—1969 гг. (на тысячу человек населения)

Год	Коэффициент рождаемости	Год	Коэффициент рождаемости	Год	Коэффициент рождаемости	Год	Коэффициент рождаемости
1867	51,2	1926	44,0	1938	37,5	1952	26,5
1887	49,9	1927	43,7	1939	36,5	1953	25,1
1897	50,0	1928	44,3	1940	31,2	1954	26,6
1913	45,5	1929	41,8	1946	23,8	1955	25,7
1921	35,3	1930	41,2	1947	25,7	1957	25,4
1922	36,8	1932	32,6	1948	24,1	1958	25,3
1923	42,8	1935	31,6	1949	28,5	1959	25,0
1924	41,0	1936	34,3	1950	26,7	1960	24,9
1925	45,0	1937	38,7	1951	27,0	1970	17,4

Источники: Население СССР. 1973. М., 1975. С. 69; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. С. 39—40; Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Вишневский А.Г. (ред.). М., 1977. С. 11—12.

Некоторое уменьшение рождаемости обнаружилось еще в пореформенное время. Затем произошло кратковременное и существенное снижение рождаемости, вызванное Первой мировой и Гражданской войнами, революцией и послевоенной разрухой. К середине 1920-х гг. довоенный уровень рождаемости восстановился. Но уже во второй половине 1920-х гг. наметилась тенденция к ее снижению, которая резко усилилась в 1930-е гг. К началу Отечественной войны рождаемость снизилась на четверть. Война снова искусственно вызвала ее резкое снижение, однако по ее окончании довоенный уровень рождаемости не восстановился. В первые послевоенные годы наблюдалось незначительное временное повышение рождаемости, достигшее максимума в 1949 г., а затем произошло новое, и на этот раз необратимое, понижение рождаемости, которая к 1960 г. впервые опустилась ниже 25 рождений на тысячу человек населения и продолжала падать впоследствии. Падение рождаемости, несмотря даже на существенное снижение детской смертности (с 206 в 1920-е гг. до 29 на тысячу новорожденных в 1960-е гг.), уменьшило детность семей (см. Таблицу 6).

Таблица 6

Среднее число рожденных или ожидаемых детей у состоявших в браке женщин в 1890—1978 гг.*

Годы рождения женщин	Городское население	Сельское население	Все население
1890—1894	4,71	5,54	5,39
1895—1899	4,14	5,43	5,25
1900—1904	3,38	4,86	4,61
1905—1909	2,88	4,43	3,96
1910—1914	2,76	3,85	3,50
1915—1919	2,46	3,66	3,14
1920—1923	2,08	2,96	2,46
1924—1928	2,07	3,01	2,44
1929—1933	2,05	3,19	2,49
1934—1938	2,07	3,42	2,56
1939—1943	2,07	3,45	2,55
1944—1948	2,05	3,29	2,43
1949—1953	2,00	3,06	2,33
1954—1958	2,01	2,91	2,31
1959—1960	2,06	2,70	2,28
1961—1964	1,97	3,20	2,41
1965—1969	1,96	3,15	2,35
1970—1974	1,93	2,86	2,22
1975—1978	1,92	2,72	2,15

Примечание: *за 1890—1928 гг. — фактическое число рожденных детей, за остальные годы — фактическое и ожидаемое (по результатам опроса женщин).

Источники: Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974. С. 44, 64; Воспроизводство населения СССР / Вишневский А.Г., Волков А.Г. (ред.). М., 1983. С. 159, 184, 191.

За 1890—1960 гг. число рожденных (ожидаемых) детей в городских семьях уменьшилось в 2,29 раза, в сельских семьях — в 2,05 раза. Снижение рождаемости было обусловлено главным образом намеренным предотвращением рождений (в основном через аборт, по числу которых Россия до сих пор занимает первое место в мире). Некоторое значение имело увеличение числа разводов и возраста вступления в первый брак у женщин — с 1897 г. по 1989 г. (за более раннее время нет точных данных) в среднем по стране с 21,4 до 22,4, а также рост числа женщин, никогда не состоявших в браке: среди женщин 1900—1909 годов рождения, следовательно вступивших в брачный возраст в 1915—1924 гг., доля таких женщин равнялась 3,1%, а среди женщин 1939—1948 годов рождения, вступивших в брачный возраст в 1955—1964 гг., — 3,7%[24].

Правда, снижение общей смертности (39,8 летального случая на тысячу человек населения в 1850-е гг., 30,2 — в 1900-е гг., 22,9 — в 1920-е гг. и 7,4 — в 1960-е гг.) привело к увеличению средней продолжительности жизни (25,8 года в 1838—1850 гг., 32,34 года в 1896—1897 гг., 44,35 года в 1926—1927 гг., 68,59 года в 1958—1959 гг.)[25] и, соответственно, к увеличению числа лиц пожилого нетрудоспособного возраста. Но, вследствие уменьшения количества детей, общее число нетрудоспособных членов в семье сократилось. В 1926 г. на 100 человек в трудоспособном возрасте приходилось 92 человека в нетрудоспособном возрасте, в том числе 76 детей и 16 лиц пенсионного возраста, а в 1959 г. — соответственно на 74 — 53 и 21[26]. Отсюда следует, что за 1926—1959 гг. общая нагрузка на трудоспособное население в целом уменьшилась на 20%. Кроме того, большинство людей нетрудоспособного возраста при советской власти стало получать пенсию, что освободило или, по крайней мере, уменьшило бремя их содержания для детей. Наконец, общество и отдельные семьи выиграли за счет снижения заболеваемости и увеличения времени, прожитого каждым человеком в трудоспособном возрасте.

Средняя семья выиграла от демографической революции с точки зрения дохода на душу населения и свободного времени. Вследствие уменьшения смертности произошла рационализация самого процесса воспроизводства населения. В демографии существует специальный показатель, который оценивает экономичность воспроизводства населения, называемый «цена простого воспроизводства населения». Он подсчитывается как отношение демографических «затрат» и «результатов». «Затраты» выражаются через общее число девочек, которых рожает одна женщина, прожившая до конца репродуктивного периода, а «результаты» — через число тех из родившихся девочек, которые доживают до репродуктивного возраста. При таком подходе «цена простого воспроизводства» — число девочек, которых необходимо родить каждой женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения, — в России изменялась следующим образом: 1838—1851 гг. — 2,40, 1874—1883 гг. — 2,14, 1904—1913 гг. — 1,84, 1926—1927 гг. —

1,55, 1938—1939 гг. — 1,49, 1958—1959 гг. — 1,08, 1969—1970 гг. — 1,05[27]. С 1913 г. по 1959 г. экономичность воспроизводства населения увеличилась в 1,7 раза, а в целом за весь изучаемый период — в 2,3 раза. Приведенные данные позволяют предположить, что повышение длины тела в пореформенное время, в 1866—1910 гг., также было, хотя бы отчасти, связано с уменьшением затрат на воспроизводство населения.

Становление современного типа воспроизводства населения особенно сказалось на рационализации жизненного цикла женщины. Преимущественно прокреативные функции женщины, прежде поглощавшие огромные силы с момента наступления половой зрелости до старости, сократились и сконцентрировались на определенном моменте жизненного цикла, высвободив время, силы, энергию, которыми она воспользовалась в значительной мере для работы ради пополнения семейного бюджета. Напомним некоторые известные данные, которые в этом контексте приобретают новое звучание. Процент женщин среди рабочих и служащих (без колхозов) за 1922—1960 гг. увеличился почти в 2 раза, с 25 до 47%, а в колхозах они всегда работали наравне с мужчинами. Процент не работающих по найму женщин трудоспособного возраста (16—54 лет) за 1939—1970 гг. снизился с 46,6 до 18,4% — более чем в 2,5 раза. Таким образом, начиная с 1940-х гг. женщины работали по найму почти наравне с мужчинами: их доля среди занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи составляла в 1939 г. 30%, в 1959 г. — 39%, в сельском хозяйстве — соответственно 52 и 54%, в торговле, общественном питании, снабжении и сбыте — 41 и 61%, в просвещении, здравоохранении и науке — 60 и 71%[28].

По уровню образования женщины постепенно приблизились к мужчинам. В 1897 г. среди последних в возрасте 9—49 лет процент грамотных составлял 40,3, а среди женщин — 16,6, в 1939 г. — соответственно 93,5 и 81,6%, в 1970 г. оба пола достигли всеобщей грамотности. Доля лиц со средним и высшим образованием среди мужчин составляла в 1897 г. 1,4%, среди женщин — 0,9%, в 1939 г. — соответственно 12,7 и 9%, в 1959 г. — 39 и 34%, в 1970 г. — 52 и 45%. Процент женщин в общей численности специалистов с высшим и средним специальным образованием постоянно повышался: в 1940 г. он составил 36, в 1960 г. — 59. Подобной женской трудовой и культурной активности не знала ни одна страна мира[29]. По закону выполняемая мужчиной и женщиной идентичная работа должна оплачиваться одинаково. Но фактически заработная плата женщин, как правило, составляла около 68% от зарплаты мужчин для занятых в промышленности и 75% — для занятых в сельском хозяйстве, как утверждает официальная статистика, вследствие различия в образовании, профессии, квалификации и тяжести работы[30].

Чтобы женщины могли развить столь интенсивную трудовую активность, должны были существовать важные предпосылки: юридические права, рабочие места, густая сеть дошкольных и

школьных учреждений, медицинское обслуживание, гарантированная пенсия, пособия многодетным семьям, одиноким и кормящим матерям, по беременности и др. Резкое улучшение обеспеченности детскими садами и яслями городского населения приходится на период Н.С.Хрущева. Однако первый существенный рост обеспеченности детскими садами и яслями городского населения падает именно на довоенный период: в дореволюционной России насчитывалось 0,2 тыс. постоянных дошкольных учреждений, в 1940 г. только городских — 23,6 тыс., в 1950 г. — 26,3, в 1960 г. — 43,3, в 1967 г. — 60,4 тыс.[31]

Следует признать, что государство, оказывавшее огромный нажим на жизненный уровень населения, вместе с тем создало такую систему социального обеспечения и гарантий, которая хотя и не была адекватна потребностям, но до конца советского периода существовала и со своими функциями более или менее справлялась. Даже в 1930-е гг., после коллективизации, государству удавалось поддерживать у крестьян менталитет, свойственный гражданам государства всеобщего благоденствия, благодаря компромиссу, на который оно пошло с крестьянством в вопросе о приусадебных участках[32].

Таким образом, общий выигрыш, ставший во многом следствием изменения характера воспроизводства населения, оказался настолько большим, что позволил улучшить биологический статус граждан СССР, несмотря на громадные размеры государственной эксплуатации, правда, ценой большого напряжения со стороны самих граждан, в особенности женщин. Перестав быть родильными машинами, они отчасти превратились в машины по производству товаров, услуг и домашней работы, которая по-прежнему оставалась в их исключительной компетенции.

На улучшении биологического статуса населения сказалась и такая черта советского общества, как выравнивание доходов на некотором среднем для всех прожиточном минимуме. В антропометрической истории установлено, что степень неравенства в распределении доходов между различными группами населения в обществе является вторым по значимости для среднего роста взрослого населения фактором после среднего дохода на душу населения. Уменьшение неравенства в доходах, оцененного с помощью коэффициента Джини, на 10% приводит к увеличению длины тела взрослых на 14 мм при той же величине дохода на душу населения. Причем, чем беднее общество, тем чувствительнее биологический статус его населения к степени неравенства в распределении доходов[33]. Суть зависимости между средним ростом людей и уровнем неравенства заключается в том, что при уменьшении неравенства в доходах увеличивается как доля средних слоев, так и доля населения, имеющего прожиточный минимум. Низшая страта расходует дополнительный доход в первую очередь на поддержание биологического статуса, что ведет к увеличению роста детей из бедных семей, очень чутких к улучшению питания. За счет

этого, а также благодаря увеличению доли средних слоев происходит увеличение среднего роста жителей страны, даже если рост детей из высшей и средней страт остается неизменным. Напротив, при увеличении экономического неравенства доходы верхних слоев общества возрастают, а доходы нижних слоев уменьшаются. В результате такого перераспределения доходов происходит снижение среднего роста жителей страны. У детей, происходящих из нижних социальных слоев, рост уменьшается, в то время как длина тела детей из верхних слоев общества, несмотря на значительное повышение доходов их родителей, не вырастет существенно, вследствие того что увеличение роста человека в ответ на каждое приращение объема потребляемых продуктов питания тем меньше, чем выше уже достигнутый уровень потребления[34].

По мнению исследователей, уровень неравенства в доходах при советской власти был намного ниже, чем в дореволюционное время, так как практически все горожане жили на зарплату, а большинство сельских жителей после коллективизации — на трудодни и скромные доходы от приусадебных участков. Как определили американские экономисты, в СССР так называемое отношение верхнего и нижнего дециля в распределении доходов (отношение дохода лиц, входящих в 10%-ную группу с наибольшими доходами, к доходу лиц, входящих в 10%-ную группу с наименьшими доходами) в 1956—1968 гг. снижалось. Согласно результатам исследования А.Мак-Алея, для советских государственных служащих, занятых в несельскохозяйственных секторах экономики, с 1958 по 1967 г. отношение верхнего и нижнего дециля в распределении годовой зарплаты уменьшилось с 4,1 до 3,1[35]. Сходный результат получили Дж.Флемминг и Дж.Майклрайт для распределения зарплат рабочих: отношение дохода рабочих, входящих в 10%-ную группу с наибольшими месячными зарплатами, к доходу людей, входящих в 10%-ную группу с наименьшими месячными зарплатами, с 1956 по 1968 гг. уменьшилось с 4,4 до 2,8. Затем, правда, отношение стало увеличиваться и к 1989 г. составило 3,4, не достигнув, однако уровня 1956 г.[36] Все авторы единодушны во мнении, что неравенство в распределении доходов в СССР было меньшим сравнительно с западными странами. Например, согласно расчетам Флемминга и Майклрайта, коэффициент неравенства Джини в распределении душевых доходов в СССР по сгруппированным данным за 1985 г. составил 0,24, а в странах общего рынка — 0,30[37]. К сожалению, квалифицированных оценок изменения уровня неравенства в СССР в более раннее время пока не существует. Однако начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и, вероятно, достигла в этом больших успехов.

Кроме нутритивной концепции, объясняющей рост человека биологическим статусом, существует также генетическая гипотеза, согласно которой миграция и урбанизация способствуют увеличению длины тела благодаря гетерозису (heterosis) — высокой по-

движности населения и смешанным бракам между людьми, принадлежащими к разным этническим и территориальным группам[38]. Если эта гипотеза верна, то из нее следует, что особенно быстрое увеличение длины тела, наблюдавшееся в России в 1921—1961 гг., происходило также благодаря феноменальным темпам урбанизации (доля городского населения в России с 1926 по 1959 г. увеличилась с 18 до 52%).

Подчеркнем, что сделанные наблюдения являются сугубо предварительными по нескольким причинам:

(1) имеющиеся данные относятся только к горожанам, а среди них — только к промышленным рабочим; и те и другие, с точки зрения материального благосостояния, имели преимущества перед сельским населением;

(2) в середине 1950-х гг., когда закончилась «сталинская эпоха», в городах проживало менее половины населения СССР[39], в силу этого результаты об изменении длины тела горожан не могут быть распространены на всю страну;

(3) данные являются выборочными, и величину выборок нельзя признать вполне достаточной, учитывая обширность территории, большую численность населения и сильную географическую изменчивость роста.

Дальнейшие исследования должны расширить базу данных о длине тела до возможности получения региональных показателей и ввести в научный оборот информацию о длине тела сельских жителей. В более детальном изучении нуждаются и источники повышения биологического статуса городского населения, которыми, в частности, могли служить недопотребление сельского населения и экстремальная эксплуатация труда заключенных.

Примечания

[1] Tanner J.M. Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1978. P. 157.

[2] Eveleth P.B., Tanner G.M. Worldwide Variation in Human Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 1—15, 222—240.

[3] Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста // Экономическая история: Ежегодник. 2001. М., 2002. С. 428.

[4] Как показали исследования, возраст наступления физической зрелости со временем изменяется. В конце XIX в. рост тела у мужчин продолжался до 25 лет. С середины XX в. и вплоть до настоящего времени в большинстве европейских стран стабилизация роста наступала раньше: у мужчин — в возрасте 18—20 лет, у женщин — в 16—17 лет, вследствие того что половое созревание происходило быстрее и наступало раньше, чем в XIX в. До 30 лет продолжается рост позвоночного столба, что дает увеличение длины тела в среднем на 3—5 мм. Между 30 и 45—50 годами рост остается постоянным, а потом начинает уменьшаться. См.: Властовский В.Г. Акцелерация роста и развития детей. М., 1976. С. 28; Харрисон Дж. и др. Биология человека. М., 1979. С. 366—368, 382—383, 385—386.

[5] Грим Г. Основы конституционной биологии и антропометрии. М., 1967. С. 113; Харисон Дж. и др. Указ. соч. С. 386; Tanner J.M. Op. cit. P. 151—159.

[6] Карасевич Т.В. Социальная и биологическая обусловленность изменений в физическом развитии человека. М., 1970. С. 116—124; Грим Г. Указ. соч. С. 71—93.

[7] Komlos J. Nutrition and Economic Development in Eighteenth-Century Habsburg Monarchy: An Anthropometric History. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 26—28; Steckel R.H. New Perspectives on the Standard of Living // Challenge. 1995. September—October. P. 14.

[8] Riley J.C. Height, Nutrition, and Mortality Risk Reconsidered // Journal of Interdisciplinary History. 1994. Vol. 24. No. 3. Winter. P. 465—492.

[9] Livi-Bacci M. Population and Nutrition: An Essay on European Demographic History. Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1987. P. 119—121.

[10] Guff T. Historical Anthropometrics — Theory, Methods, and State of the Field // The Biological Standard of Living on the Three Continents. Further Explorations in Anthropometric History / Komlos J. (ed.). Boulder et al.: Westview Press, 1995. P. 1—18; Komlos J. Nutrition and Economic Development... P. 23—50.

[11] Этот результат получен по данным о 16 странах мира на 1960—1980-е гг. с помощью корреляционного анализа между средним ростом в стране и логарифмом национального дохода на душу населения: Steckel R.H. Stature and the Standard of Living // Journal of Economic Literature. 1995. Vol. 33. December. P. 1913.

[12] См. краткий, но содержательный обзор состояния антропометрической истории в: Komlos J. Nutrition and Economic Development... P. 23—54; Steckel R.H. Op. cit. P. 1903—1940; Nicholas St. Anthropometric History and Economic History // The Biological Standard of Living on Three Continents. P. 191—202. Более полное представление можно получить из: Tanner J.M. History of the Study of Human Growth. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. Библиографию см. в книге: The Biological Standard of Living on Three Continents. P. 203—220. Об антропометрических исследованиях в России см.: Башкиров П.Н. Учение о физическом развитии человека. М., 1962. С. 48—113; Ивановский А.А. Об антропологическом составе населения России. М., 1904. С. 211—287.

[13] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. В 3-х ч. СПб., 1903. Ч. 3. С. 132—134.

[14] Зенкевич П.И., Алмазова Н.Я. Изменение размеров тела взрослого мужского населения Центральной части РСФСР за 100 лет // Куршакова Ю.С. и др. Проблемы размерной антропологической стандартизации для конструирования одежды. М., 1978.

[15] Никитюк Б А. Изменения размеров тела новорожденных за последние 100 лет // Вопросы антропологии. 1972. Вып. 42. С. 80.

[16] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1925. № 62. Ст. 463. С. 850—882; там же. 1928. № 51. Ст. 51. С. 970—1020; там же. 1930. № 40. Ст. 424. С. 721—770; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 г. — 1961 г. М., 1961. С. 351—365; там же. 1961—1967. Т. 1. М., 1968. С. 625—650.

[17] Харрисон Дж. и др. Указ. соч. С. 367.

[18] Новосельский С.А. Сдвиги в выживаемости и продолжительности жизни ленинградского детского населения в возрасте до 16 лет // Новосельский С.А. Вопросы демографической и социальной статистики. М., 1958. С. 111—112.

[19] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962. С. 270.

[20] Харрисон Дж. и др. Указ. соч. С. 390, 435.

[21] Октябрьский П.Я., Смирнова Н.А. Уровень жизни населения России в XX веке // Вестник С.-Петербургского университета. Серия 5: Экономика. 1997. Вып. 1. Март. С. 71—92.

[22] Этой точки зрения, например, придерживаются авторы, участвовавшие в сборнике: Quality of Life in the Soviet Union // Herlemann H. (ed.). Boulder and London: Westview Press, 1987. См. также: Bater J.H. The Soviet Scene, A Geographical Perspective. London etc.: Edward Arnold, 1989; Мерль Ст. Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: Ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. № 1. С. 97—117.

[23] Politics, Work, and Daily Life in the USSR. A Survey of Former Soviet Citizens / Millar J.R. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

[24] Подсчитано мной по данным из кн.: Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1990. С. 188—189, 236—237.

[25] Воспроизводство населения в СССР / Вишневский А.Г., Волков А.Г. (ред.). М., 1983. С. 61, 63, 88.

[26] Там же. С. 266.

[27] Там же. С. 273, 285.

[28] Там же. С. 273, 285.

[29] Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т. 1. С. 188—189; Народное образование, наука и культура в СССР: Статистический сборник. М., 1977. С. 114. Женщины, получившие среднее специальное и высшее образование работали, как правило, по специальности, в то время как мужчины нередко были рабочими, вследствие чего среди специалистов доля женщин выше.

[30] Труд в СССР: Справочник 1926—1929. С. 44—45, 83; Женщины в СССР. 1989: Статистические материалы. М., 1989. С. 15.

[31] Женщины и дети в СССР: Статистический сборник. М., 1969. С. 125; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 540.

[32] См.: Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York: Oxford University Press, 1994.

[33] Steckel R.H. Op. cit. P. 1914—1916.

[34] Комлос Дж. Биологический уровень жизни и современный тип экономического роста. С. 429—430.

[35] McAuley A. Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. George Allen and Unwin: The University of Wisconsin Press, 1979. P. 57.

[36] Flemming J., Miclewright J. Income Distribution, Economic System and Transition // Handbook of Income Distribution / Atkinson A.B., Bourguignon F. (eds.). Amsterdam et al.: Elsevier, 2000. Vol. 1. P. 870.

[37] Flemming J., Miclewright J. Op. cit. P. 870. См. также: McAuley A. Op. cit. P. 313.

[38] Бунак В.В. Об увеличении роста и ускорении полового созревания современной молодежи в свете советских соматологических исследова-

ний // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 28. С. 52—55; Грим Г. Указ. соч. С. 83—84; Харрисон Дж. и др. Указ. соч. С. 426—427; Tanner J.M. Op. cit. P. 153.

[39] Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 378.

Summaries

Herman Van Der Wee

Flexibility and Growth: the Discipline of Economic History in the Mirror of the Past

Economic history has never demonstrated such a dynamic development as in recent years, when it intensified its interaction with other social sciences. The paper explores the historical evolution of the discipline as well as prospects and directions of further progress in the field. As for its thematic dimension, researchers are likely to place more emphasis on macroeconomic phenomena, a change which is clearly related to shifting priorities in economic policy (at least in Europe). In the methodological sphere, no major breakthrough similar to the 'cliometric revolution' is to be expected. Both cliometricians and more traditional economic historians will develop their own research programs; however, both groups are likely to be more prone to use theoretical concepts drawn from other social sciences, especially those of economic sociology and anthropology.

Valery L. Stepanov

State Financial Controls over Russian Private Railways at the End of the Nineteenth and the Beginning of Twentieth Centuries

This article is devoted to the system of governmental supervision of private railways, developed in the end of the nineteenth century and maintained until 1917. It was a wide-ranging governmental intrusion in the private sector. State financial control put an end to abuses by private railway companies; these abuses had been prevalent under the previous concession system. The new arrangements facilitated state redemption of unprofitable railways. State controls over receipts and expenditures of private companies made for a «mixed» (state and private) railway sector, which was optimal for Russia.

Andrei K. Sokolov

NEP (The New Economic Policy) and Soviet War Industry

Competition and profit-seeking were never strong features of the Russian defense industry before the Revolution. World War I and the Russian Civil War profoundly influenced interwar perspectives on the Soviet defense industry and accentuated this characteristic in the process. The defense industry failed to adapt to market conditions under the New Economic Policy: it produced at a loss, depended heavily on budgetary subsidies, and still failed to meet the demands of the armed forces in virtually every field of armament. The blame, at first laid to those in charge of the defense industry, was directed more and more specifically against its «bourgeois specialists.» In the process the Red Army staff became enthusiastic advocates of forced industrialization under a command system, through which they hoped to gain direct influence over defense industry personnel and allocations.

Andrei M. Markevich

Production Ministries and Branch Chief Departments in the Soviet Economic System in the 1930s

The paper deals with the work of the middle level of the soviet economic system in the 1930s. It compares the official aims of soviet production ministries and branch chief departments with the real practice of their relations with central authorities and local enterprises. The paper shows that principal and subordinate Soviet economic agents had different aims and interests and that their work was accompanied with constant conflicts, which reduced the efficiency level of the soviet system as a whole. The most widespread behavioral patterns of economic agents in such conflicts are described. The hierarchical nature of the Soviet economic system caused ministries' and chief departments' strategies to depend totally on current situations, whether they acted as principals responsible for planning or as agents responsible for production.

Mikhail Y. Mukhin

Soviet War Industry Administration in 1936—1941

In the latter part of the 1930s, Soviet leaders were looking for ways to intensify war industry. In the context of impending war, it was a matter of life and death for the USSR.

The article is devoted to the economic and institutional development of the Soviet defense industry in the five years before the war. Special attention is placed on the priority branches of defense industry, producing warplanes, tanks, artillery, armor and ammunition. The research draws on a lot of new documents from federal and municipal archives.

Boris M. Shpotov

Was the Ford Motor Company Overpaid by the Soviet Union? (On the Issue of the Costs of Soviet Industrialization)

In the beginning of 1930s the USSR faced major currency problems because it continued to make large payments abroad to accomplish its enormous industrialization program (The First Five-year Plan). On August 25, 1931 Joseph Stalin demanded a stop to seeking new contracts in the USA, a break in negotiations under way, and the cancellation, if possible, of the orders already placed, because of «hard currency troubles» and «unacceptable credit terms in America». The Ford Motor Company probably lost about $578,000 because the Amtorg Trading Corporation — the Soviet outlet to the United States — bought only half of the agreed number of autos. In the fall of 1931 Amtorg claimed that the company overcharged the Soviets by $750,331 for tools and equipment made for the Nizhny Novgorod auto factory. Extensive correspondence with the Ford Motor Company, sent to Moscow by the Amtorg chairman, sheds light upon the complicated financial story, not yet studied in Russia or the USA. Archival documents reveal the business behavior of both parties, the nature of mutual claims, and major Soviet arguments for getting rid of expensive foreign assistance as soon as possible.

Avenir P. Korelin

The Russian Cooperative System in a Crucial Decade: 1895—1904

The author researches Russian pre-revolutionary cooperative system at a turning point in its history, from 1895 to 1904. In this period the cooperative system began to recover gradually after the recession in the 1870-1880s. The system had changed in a qualitative sense owing to the enlargement of the market economy and legislative improvements concerning cooperatives. As a result, the number

of cooperative societies tended to increase and the forms of society became noticeably more diverse. In this decade All-Russian and regional cooperative institutions appeared. These factors caused a sharp upturn of the cooperative system in the period before World War I, when Russia took a leading position in the rate of cooperative system growth.

Mikhail A. Davydov

Studies on the Conception of Russian Grain Export at the Expense of Domestic Consumption at the End of Nineteenth and the Beginning of Twentieth Centuries

This article disproves one of the most enduring postulates concerning prerevolutionary Russian history, the assertion that Russian grain exports were realized at the expense of Russian peasantry's nutrition in the latter part of the nineteenth century and in the beginning of the twentieth. The author argues that this idea first appeared in the writings of Russian populist (*narodnik*) publicists and then migrated into Soviet historiography, regardless of the fact that this assertion was absolutely not supported by scholarly research and facts.

This research brings out clearly that this thesis of «starveling export», i.e. export at the expense of domestic consumption, has no foundations in the statistics of production, transportation and export of grain in Russia. In the beginning of twentieth century the rate of Russian domestic market growth was higher than the foreign rate. Domestic market growth was a consequence of industrialization, urbanization and the development of capitalism as a whole.

Nikolai M. Arsentiev

Entrepreneurial Behavior and Problems of Economic Growth: Metallurgy in Russia's Central Region in the Eighteenth Century and the First Part of the Nineteenth

Russian metallurgy had taken a leading position in Europe due to reforms of Peter the Great. But by the end of the 18th century this potential was exhausted. In the era of industrial revolution Russian metallurgy failed to meet the competition of the industry of more developed capitalist countries. The stagnation was caused by backwardness in iron-smelting technology. In the beginning of the nineteenth century Russian metallurgy plants were like large centralized workhouses. But the cause of stagnation was not so much technological as institutional - the retention of feudal institutions and, first of all, serfdom. These feudal relations failed to provide Russian economy with a broad market, high labor productivity and appropriate production standards.

Victor N. Zakharov

Bills of Exchange in Credit Operations of West-European Merchants in Russia in the Eighteenth Century

Credit operations with bills of exchange appeared in Russia under the influence of foreign merchants during the reign of Peter the Great. The Bill Regulations of 1729 legitimatised the circulation of bills. But only private persons used the bills of exchange because there were no commercial banks in Russia in the 18th century. This article is the first study to consider the credit practices of the foreign merchants in this period. Main attention is paid to the credit market of St. Petersburg and Moscow, where foreign merchants were most active. The author scrutinizes some types of foreign merchants' credit operations: crediting of Russian merchants who were business partners of the foreign merchants; crediting of foreign merchants who specialized in retail trade or were innkeepers; crediting of nobles (aristocrats, courtiers, officers, etc.). This case can be con-

sidered as ordinary usury. Ultimately, foreigners operated as bankers, purchasing, selling and presenting for payment bills of exchange. They were forerunners of private banks in Russia.

Galina N. Ulyanova

Charitable Contributions to Moscow University in the Nineteenth Century and at the Beginning of the Twentieth

By the twentieth century, private charitable contributions covered 7% of the Russian educational system's expenses. Moscow University disposed of the largest number of private contributions among Russian educational institutions. By 1910 Moscow University had received 391 contributions, totalling six million rubles. This article includes quantitative data on donations received prior to 1861, as well as those dating from 1861 to 1914. The author makes a typology of donations for scholarships and stipends for students. This research makes clear that entrepreneurs were main donors to Moscow University. Their charitable activity let 10—15% of the students, mainly belonged to underprivileged social groups, become university graduates.

Riitta Hjerppe

Russian Entrepreneurial Activities in Finland from the 1800s to the 1930s

The article discusses the extent and significance of Russian entrepreneurs in the Finnish economy from the early nineteenth century to the 1930s. The Russian entrepreneurs were important in many branches of the Finnish economy during the nineteenth century, particularly in eastern Finland. The study discusses whether activities of the Russian businessmen fulfill the general characteristics of foreign direct investments and what the benefits of Russian direct investments were for Finland. It also deals with the question whether the Finnish Senate, the government, and the House of Estates (a representative body) were aware of the positive and negative effects of Russian businesses and how they confronted the difficult choices between the positive effects and nationalistic ideas. The results show some features which have not been discussed in Finnish research literature earlier. The most important seems to be the loss of interest by Russian businessmen as early as the second half of the nineteenth century. Around the turn of the twentieth centuries and in the interwar period there seems to have been less economic contact than one would except of neighboring areas.

Alexander V. Bugrov

The Russian State Bank and the Provinces: 1860—1917

The author analyses the branch network development of the Russian State bank from 1860 to 1917. The State bank took from its predecessor — the Commercial Bank — only eleven permanent and transient branches, but it had almost 200 branches by 1917. Unfortunately the State bank failed to organize the planned 800—900 branches projected by the formula «one town — one State bank branch». In accord with international tendencies, one of the main aspects of State bank policy was making bank districts with a view to shifting loads from the central offices. But this objective was not accomplished, either.

In the 1860s State Bank branches were mainly founded to attract deposits exploitable for government needs. But in the course of time the State Bank began to promote industrial and trade development by credit operations in the different parts of Russian Empire.

It is important to note that provincial banking has been very little investigated until this research, based on official statistics and archival documents of the Russian State bank.

Anton L. Dmitriev

The Credit Institutions of Petrograd—Leningrad in the 1920s

This paper analyses development of Soviet credit institutions in the NEP (New Economic Policy) period using the example of Petrograd—Leningrad. In the author's opinion, at the beginning of the 1920s on the agenda was a dilemma: should there be one bank or several banks in Soviet Russia? One group of Soviet financial experts considered that there should only be the State Bank in the country, without any elements of the multi-banking private capitalist system. Another group of experts insisted that Soviet Russia was in need not so much of banks as «financing committees», therefore the State Bank should coexist with the other credit institutions associated with the organs that controlled main sectors of Soviet economy. The former point of view began to prevail, and the system of special banks appeared in the 1920s.

Sergey A. Afontsev

Import Structure and Tariff Policy

The article addresses the political economy background of import regulation in Russia under the system of policy-making institutions developed during the period 1992-1997. Models explaining import penetration levels and import tariff rates are constructed and estimated independently as well as in a simultaneous setting. Import penetration measures, instrumented by factor-intensity variables and an economies-of-scale variable, appear to exercise highly significant positive impact on the level of tariff rates. At the same time, a statistically significant negative influence of tariff rates on the level of import penetration was not found. This means that producers' losses due to trade liberalization can in fact be less than is usually expected.

Jan L. Van Zanden

Tracing the Beginning of the Kuznets Curve: Western Europe during the Early Modern Period

The article explores the relationship between economic development and inequality in income and wealth in Western Europe. Such a relationship was used to be described by the so called Kuznets curve (inverse U-shaped dynamics of inequality through time), which was assumed to be peculiar to the pattern of modern economic growth. Data from the Netherlands, Italy, Great Britain, and German territories show, however, that economic growth generated substantial increase in inequality during some three centuries before 1800. In the nineteenth century (or only after 1900 in some countries) this trend was reversed. During the period from 1870/1900 to 1975 economic growth in Europe was generally associated with decreasing inequality. One can thus conclude that the dynamics of inequality followed the 'enlarged' Kuznets curve, which started not with the advent of modern economic growth but in early modern times.

Boris N. Mironov

Dynamics of Living Standards in Stalin's Time: Anthropometric Dimensions

The mean height of Soviet workers born between 1920 and 1955 increased from 1671 to 1716 millimeters. Judging by these rates of growth, the biological status of the citizens in Stalin's time improved except during the years of war. How could citizens achieve this? They increased, if not a family's aggregate in-

come, then at least income per head mainly by the use of internal reserves and partly from external sources by four methods: (1) cutting down expanses connected with birth and upbringing of children and for that they sharply reduced the birth-rate; (2) reducing expenditure connected with morbidity, general and infant mortality in consequence of a sharp decline in all three of these; (3) a considerable number of unemployed and partly employed women began to work for wages and salary, since demand for labor was great, the number of children decreased, and chances to send them to nurseries, kindergartens and schools rose sharply; (4) at the cost of a more even distribution of material values among all. Due to the mobilization of these domestic reserves, the modernization and the economic growth of Russia in Stalin's time occurred without a decline of living and working conditions, at any rate without a decline of the status of nutrition of the majority of the urban population. These observations are very preliminary for several reasons: (1) the available data refer only to town-dwellers and among them only to industrial workers; both of these sections of the population were privileged; (2) in the USSR before 1960 less than half of the population lived in towns and, in consequence of this, the results of the changes in the stature of townspeople cannot be extended to the whole country; (3) the data are samples, and the size of the samples cannot be considered quite sufficient, taking into account the vastness of Soviet territory, the size of the population, and great variability of stature.

Содержание

Предисловие 3

Общие проблемы экономической истории

Ван дер Вее Г. Способность к адаптации и рост: экономическая история в зеркале прошлого *(перевод с англ. А.Ю.Петрова)* 11

Государство и экономика

Степанов В.Л. Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в.) 25

Соколов А.К. Нэп и военная промышленность Советской России 95

Маркевич А.М. Отраслевые наркоматы и главки в системе управления советской экономикой в 1930-е гг. 118

Мухин М.Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936—1941 гг. 141

Шпотов Б.М. Переплатил ли Советский Союз компании Форда? (К вопросу о цене индустриализации) 160

Аграрная история

Корелин А.П. Российская кооперация на рубеже веков: переломное десятилетие (1895—1904 гг.) 183

Давыдов М.А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX — начале XX в. 243

История предпринимательства

Арсентьев Н.М. Модель предпринимательского поведения и проблемы экономического роста: Замосковный горный округ в XVIII — первой половине XIX в. 287

Захаров В.Н. Вексельные операции западно-европейских купцов в России в XVIII в. 310

Ульянова Г.Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX — начало XX в.) 371

Хьерппе Р. Деятельность русских предпринимателей в Финляндии (1800 — 1930-е гг.) *(перевод с англ. Н.В.Бутурлина)* 400

История финансов и банков

Бугров А.В. Государственный банк и российская провинция (1860—1917 гг.) 433

Дмитриев А.Л. Кредитные учреждения Петрограда—Ленинграда в 1920-е гг. 459

Экономическая история современной России

Афонцев С.А. Структура импорта и тарифная политика: опыт постсоциалистической России 487

Экономическая история зарубежных стран

Ван Занден Я.Л. Где начало «кривой Кузнеца»? Западная Европа в период раннего Нового времени *(перевод с англ. Н.В.Бутурлина)* 537

Дискуссии

Миронов Б.Н. Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным 565

Summaries 589

Contents

Editorial notes 3

Economic History: Common Aspects

H. Van Der Wee. Flexibility and Growth: the Discipline of Economic History in the Mirror of the Past *(translation from English: A.Y.Petrov)* 11

State and Economy

V.L.Stepanov. State Financial Controls over Russian Private Railways at the End of the Nineteenth and the Beginning of Twentieth Centuries 25

A.K.Sokolov. NEP (The New Economic Policy) and Soviet War Industry 95

A.M.Markevich. Production Ministries and Branch Chief Departments in the Soviet Economic System in the 1930s 118

M.Y.Mukhin. Soviet War Industry Administration in 1936—1941 . . . 141

B.M.Shpotov. Was the Ford Motor Company Overpaid by the Soviet Union? (On the Issue of the Costs of Soviet Industrialization) 160

Agrarian History

A.P.Korelin. The Russian Cooperative System in a Crucial Decade: 1895—1904 183

M.A.Davydov. Studies on the Conception of Russian Grain Exports at the Expense of Domestic Consumption at the End of Nineteenth and the Beginning of Twentieth Centuries 243

Business History

N.M.Arsentiev. Entrepreneurial Behavior and Problems of Economic Growth: Metallurgy in Russia's Central Region in the Eighteenth Century and the First Part of the Nineteenth . . . 287

V.N.Zakharov. Bills of Exchange in the Credit Operations of West-European Merchants in Russia in the Eighteenth Century 310

G.N.Ulyanova. The Role of Charitable Contributions in the Budget of Moscow University in the Nineteenth Century and at the Beginning of the Twentieth 371

R.Hjerppe. Russian Entrepreneurial Activities in Finland from the 1800s to the 1930s *(translation from English: N.V.Buturlin)* 400

Financial and Business History

A.V.Bugrov. The Russian State Bank and the Provinces: 1860—1917 433

A.L.Dmitriev. The Credit Institutions of Petrograd—Leningrad in the 1920s 459

Economic History of Modern Russia

S.A.Afontsev. Import Structure and Tariff Policy 487

Economic History of Foreign Countries

J.L. Van Zanden. Tracing the Beginning of the Kuznets Curve: Western Europe during the Early Modern Period *(translation from English: N.V.Buturlin)* 537

Controversy in Contemporary Economic History

B.N.Mironov. Dynamics of Living Standards in Stalin's Time: Anthropometric Dimensions. 565

Summaries 589

Экономическая история
Ежегодник. 2004

Художественное оформление *А. Сорокин*
Технический редактор *В. Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 25.06.2004
Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 37,5. Уч.-изд. л. 46,5. Тираж 500 экз.
Заказ № 3317

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82. Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел/факс 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14